А.И.Немировский

МИФЫ и ЛЕГЕНДЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

«Просвещение»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге в переложении профессионального писателя и историка даны мифы древних египтян, шумерийцев, вавилонян, хеттов, индийцев и китайцев. Значительное место отведено библейским сказаниям, которые лежат в основе христианства. Издание продолжает серию, в которой в 1991 г. вышли «Мифы древней Эллады».

Книга адресована учащимся средних и старших классов, а также всем интересующимся древней историей.

(От издательства)

- А. И. Немировский
  - К материку мифов
  - Боги и герои Древнего Египта
    -
    - Сотворение мира
    - Сотворение мира
    - Сотворение мира
    - Хнум — творец мира
    - Великая восьмерка
    - Бог Тот
    - Явление Амона
    - Гимн Атону
    - Миф о будущих бедствиях
    - Возвращение пламенного Ока
    - Истребление людей
    - Исида — чаровница и вымогательница
    - Осирис и Исида
    - Собирание частей тела Осириса
    - Рождение Гора
    - Бата и Ануп
  - Сказания народов древней Месопотамии
    - Боги Месопотамии
      -
      - Гора небес и земли
      - Сотворение людей
      - Энки и мироздание
      - Энки и Нинсикила
      - Инанна и Энки
      - Когда вверху

- С великих небес к великим недрам
- Иштар и Думузи
- Мифы о предках-героях
  - Нинурта — бог-герой Ниппура
  - Сказание о Лугальбанде
  - Ловец рыбы Адапа
  - Полет на орле
  - Поэма о Гильгамеше
- Тысяча богов хеттского царства
  -
  - Дети царицы Канеса
  - Падение Луны
  - Солнце и Океан
  - Гнев Телепинуса
  - Бык, сдвинувший горы
  - Сын полей
  - Песнь об Улликумме
  - Уничтожение людей
- Мифы и легенды Угарита
  -
  - Балу и Муту
    -
    - Дворец для Балу
    - Балу и Анату
    - Волшебный лук
    - В поход за невестой
- Библейские сказания
  - В начале начал
  - Сотворение мира
  - Сад Эдема и Сотворение Евы
  - Авель и Каин с его потомством
  - Ноев потоп
  - Сыновья Ноя
  - Вавилонское столпотворение
  - Патриархи
    -
    - Аврам и его договор с богом
    - Разделение Аврама и Лота
    - Обещание бога
    - Сара и Агарь
    - Гибель Содома и Гоморры
    - Рождение Исаака и изгнание Агари
    - Жертвоприношение Исаака
    - Женитьба Исаака

- Близнецы
- Иаков в Харане
- Бегство и примирение
- Странствия Иакова

- Об Иосифе
  -
  - Любимец Иакова
  - Иосиф в доме Потифара
  - Иосиф в темнице
  - Сны фараона
  - Иосиф — повелитель Египта и его спаситель
  - Братья Иосифа в Египте
  - Возвращение
  - Снова в Египте
  - Развязка
  - В Египет
  - Прием у фараона
  - Иосиф и земельная реформа в Египте
  - Смерть Иакова
- Исход
  -
  - Спасение Моисея
  - Бегство
  - Призвание Моисея
  - Египетские казни
  - Последняя из казней египетских и пасха
  - По морю, как посуху
  - Манна небесная
  - Иссечение воды Моисеем
  - Битва с амаликитянами
  - Десять заповедей
  - Законы Моисея
  - Золотой телец
- В страну обетованную
  -
  - Двенадцать лазутчиков
  - Мятеж
  - Смерть Мариам и Аарона
  - Медный змий
  - Валаамова ослица
  - Молитва Моисея
  - В Иерихоне
  - Переход через Иордан и пасха в Гилгале

- Обход Иерихона
- Судии
  -
  - Пророчица дебора
  - Меч Гедеона
  - Царь Авимелех
  - Иеффай и его дочь
  - Самсон
- Пророк и цари
  -
  - О юноше, искавшем ослиц и отыскавшем царскую власть
  - Первая победа
  - Бог отвергает Саула
  - Выбор Яхве
  - Давид и Голиаф
  - Аэндорская волшебница
  - Гибель Саула
- Давид и Соломон
  -
  - Вступление на царство
  - Давид в Иерусалиме
  - Перенос ковчега
  - Еще одна жена Давида
  - Старость Давида
  - Напутствие Давида
  - Убийство брата
  - Сон в Гибеоне
  - Суд Соломона
  - Плоды мудрости
  - Храм Соломона
  - Царица Савская
- Мифы поздней Иудеи
  -
  - Руфь
  - Книга Ионы
  - Эсфирь
  - Книга Даниила

○ Авестийская мифология
- Так сказал Ахурамазда
  -
  - Мифическая география
  - Йима — царь золотого века
  - Хвала труду земледельца

- Жалоба Души Быка
- Гимн Митре

- От «Вед» к «Панчатанатре»
  - Боги «Вед» и «Махабхараты»
    -
    - О том, что было в начале
    - Солнце — творец жизни
    - Хранители мира
    - Амрита — напиток бессмертия
    - День и ночь
    - Гибель и воссоздание жизни
    - Миф о будущих бедствиях
    - Бегство и возвращение огня
    - Подвиги Индры
    - Птица Гаруда
    - Небесный град
    - Рождение Будхи
    - Пуруравас и прекрасная лебедь
    - Корова желаний
    - Пании — похитители коров
    - Бог Шива
    - Праведник в преисподней
    - Пандавы и Кауравы
      -
      - Бхима Волчебрюхий
      - Путь гнева
      - Смоляной дом
      - В дремучем лесу
      - Сваямвара{333}
      - Царский совет
      - Посольство
      - Вызов
      - Игра
      - В Гималаях
      - Озеро смерти
      - Индра и Карна
      - У Кришны
      - Перед битвой
      - Бхишма
      - Дрона
      - Поединок
      - Смерть Дурьодханы
      - Последнее странствие
    - Рамаяна

- Равана и Рама
- Лук Шивы
- В Доме Гнева
- В изгнании
- Бхарата
- Золотой олень
- Погоня
- Поход
- Рассказ Ханумана
- Схватка

- Мифы о Будде
  -
  - Шакьямуни{349}
  - Дерево пробуждения
  - Будда и брахман
  - Будда и царь Махапинтала
  - Джатака об одиноком слоне

- Мифы Древнего Китая
  - Драконы, боги, древние цари
    -
    - Первый человек Пань-гу
    - Нюйва-прародительница
    - Фуси
    - Владычествующий над просом
    - Безупречный Шунь
    - Божественный земледелец
    - Хуан-ди
    - Хуан-ди и железнолобые
  - Герои Поднебесной империи
    - Подвиги стрелка И
    - Гунь и Юй — победители потопа
    - Мэн Цзян
- Слово о мифе и миф в слове
- Источники и литература

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97

- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141

- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185

- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229

- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273

- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317

- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361

- 362
- 363
- 364
- 365

- notes
  - 1

А. И. Немировский
Мифы и легенды Древнего Востока

К материку мифов

О самых древних в мире легендах и преданиях стало известно сравнительно недавно. Тысячелетиями лежали глиняные таблички, папирусы, бамбуковые дощечки, плиты с надписями под песчаными холмами, в развалинах городов, и никто не ведал, какие в них таятся сокровища человеческого ума и воображения. То немногое, что знали о мифах Древнего Востока до начала раскопок этих холмов и прочтения неведомых письмен, донесли священные книги древних евреев Библия, древних иранцев «Авеста», древних индийцев «Веды», «Махабхарата» и «Рамаяна». Однако и с этими памятниками, кроме Библии, европейцы познакомились лишь в XVIII–XIX вв.

Ныне же мы стоим перед восточными мифами в некоей растерянности. Какой там «свет с Востока»? Настоящая лавина, бушующий, неослабевающий поток, ибо едва ли не каждое десятилетие приносит новый материал, новую информацию, которую хочется назвать открытием века.

В этой ситуации каждая книга, особенно популярная, видится Ноевым ковчегом, который предстоит наполнить самым ярким и существенным. И перед автором встает проблема выбора, а выбор всегда субъективен. Читателю придется положиться на авторскую эрудицию и художественный вкус. Критикам же надо иметь в виду, что в нашем распоряжении был не «Титаник», а ковчег. Впрочем, мы старались не обидеть ни одной древневосточной культуры, ни одной мифологии огромного региона от Средиземного моря до Тихого океана в хронологических рамках древней цивилизации. И если некоторые из них представлены бóльшим количеством пар «чистых» и «нечистых», то для этого имелись веские причины, которые будут в свое время объяснены.

Создателю библейского ковчега пришлось соорудить перегородки, чтобы на долгом пути звери не сожрали друг друга. Нам эта опасность не угрожала. Но размещение огромной массы пассажиров-персонажей все же представляло известные трудности. Некоторые из них, более прославленные, били себя в грудь и требовали лучшие отсеки. Чтобы выдержать напор, пришлось воспользоваться их же принципом первородства. Вперед были пропущены наиболее древние и почтенные боги и герои. При этом древность определялась не на слово — каждый уверял, что он самый древний, — а по старшинству, удостоверенному историческим документом. Поэтому Моисею и Аарону пришлось пропустить вперед Осириса с Исидой, Гильгамеша с Энкиду, Телепинуса и Улликуме, Балу и Даниилу.

И есть еще одна сложность, кажется, самая главная. Вышедшие из ковчега оказываются не на пустынном Арарате, а в мире, оглушаемом какафонией звуков, чуждых обществу и природе, порождением которой они были. Постараться ли приблизить древних к нам, поскрести и почистить, приодеть в современные одеяния, чтобы сделать их более понятными, «своими»? Или, напротив, сохранить, поелику это возможно, древний облик и древнюю образную речь, дать им высказаться, чтобы затем все это пояснить и истолковать? Мы избрали последний путь, хотя для этого пришлось взять на борт целый штат невидимых переводчиков и комментаторов, выделив для них особый, нижний отсек ковчега.

Без этих людей, если признаться откровенно, не было бы этой книги, и если мы, как правило, не приводим имен и не отмечаем заслуг, то не из человеческой неблагодарности, а из естественного желания пощадить память наших читателей, не подготовленных к подобной информации. В возмещение за эту уступку мы убедительно просим не рассматривать все, что следует перед и после изложения мифов, как ненужный балласт, а использовать это, хотя бы выборочно, чтобы наше плавание было не просто увлекательным, но и полезным.

Плавание на Ноевом ковчеге, как известно, завершилось высадкой на прославленной горе Арарат. С горы все виднее. И нам в конце нашего странствия придется оглядеться, чтобы осмыслить все собранные факты, запечатлевшиеся в памяти образы, сопоставить их друг с другом и наметить перспективы дальнейшего путешествия по континентам мифов. Ведь впереди еще мифы Греции и Рима.

Такова программа нашего путешествия по миру восточных мифов, в которое я имею честь пригласить вас.

Ваш автор

Боги и герои Древнего Египта

Вспомним об египетском поэте.
В вечность он поверить нам помог.
Песни, что он выбросил на ветер,
Сохранило Солнце и песок.
И открылись в прошлое дороги,
Отступили темные века,
Ожили языческие боги
В отблеске чужого языка[1].

Древние греки рассказывали о каменной статуе египетского героя Мемнона, которая начинала петь, как только ее касалось лучами Солнце. Такими поющими камнями оказались каменные статуи и плиты, испещренные письменами. Когда их удалось прочесть, они запели гимны богам, сотворившим небесные светила и землю, поведали о судьбах умерших в подземном мире. Солнцем оказался человеческий Разум, воспетый А. С. Пушкиным как раз в те годы, когда Франсуа Шампольон совершил свое великое открытие:

Да здравствуют музы,
Да здравствует разум!..
Да здравствует Солнце,
Да скроется тьма!

К песням камня присоединили свои голоса пески, сохранившие папирусы с письменами. Так раскрылась перед человечеством картина фантастического мира, в чем-то сходная с той, которая была ему известна из Библии и из творений греческих поэтов, но во многом и отличная от нее.

К несчастью, песни камней и песка часто обрываются на полуслове. То, что нам известно, — это отрывки богатейшей религиозно-мифологической литературы Древнего Египта. Немалые трудности при воссоздании цельной картины вызваны противоречивостью египетских рассказов о богах, обусловленной обстоятельствами многовековой истории египетского народа. На протяжении тысячелетий египтяне жили в отдельных, мало связанных друг с другом областях — номах. В каждом номе почитали своих богов. Подчас это были воплощения одних и тех же сил природы с разными именами. Так, богом земли в одних номах был Акер, в других — Геб, богиня-мать в одном номе именовалась Мут, в другом — Исида. Представления о боге с одним именем в разных номах были также противоречивы. Если в мифах нома Гелиополя бог Сет — злейший противник солнечных богов, то в мифах нома Гераклеополя он — «очаровывающий Сет» — помощник бога Солнца Ра, спасающий солнечную барку и ее «команду» от смертельной опасности. С этой необычайной текучестью представлений о богах связывалась также возможность изменения их

родословной и отождествления одних богов с другими.

Египетские боги и богини часто выступали в облике животных, птиц, пресмыкающихся, и это очень удивляло греческих путешественников, которые привыкли мыслить своих богов в человеческом облике (антропоморфизм). Греческий историк Плутарх, объясняя почитание египтянами бегемота и крокодила, писал, что они испытывали страх перед этими самыми ужасными из диких животных. Но в Египте поклонялись и другим животным, не вызывавшим ужаса, например зайцу, газели, лягушке. Поэтому греки придумали и другое объяснение удивившего их облика египетских богов: чем-то напуганные, боги в страхе надели звериные маски и в них остались.

Современные исследователи доказали, что почитание животных у всех народов древне́е почитания богов в человеческом облике. Таким образом, стало ясно, что египетская мифология сохранила черты глубочайшей древности. Однако это отнюдь не свидетельствует о ее примитивности. Религиозно-мифологическая система Египта отличается такой изощренной доскональностью, какой не знает ни одна из развитых религий древности.

Египет был страной древней земледельческой культуры, и героями египетских мифов становились боги, покровительствующие земледелию: «кормилец Нил», солнечные божества Ра, Амон, Атон, — враждебные богам окружающих долину Нила пустынь, откуда дули губительные, иссушающие ветры и приходили племена, жадные до египетских богатств.

Как и другие народы Переднего Востока, египтяне почитали юного умирающего и воскресающего бога растительности, называя его Осирисом, Любовь Осириса и его супруги Исиды — тема одного из главных циклов египетских мифов, отражающих природный цикл (рождение, увядание, смерть, возрождение). С воскресением Осириса связывалась возможность возвращения к жизни умерших при условии сохранения тела как вместилища души. Отсюда не имеющее параллелей по разработанности и затрате средств стремление уберечь человеческие останки от гниения с помощью мумификации и сооружения гробниц из вечного камня. Культ вечности наложил отпечаток на все стороны египетской идеологии и культуры, в том числе и на мифологию.

В египетских мифах нашло отражение складывание сословного общества и деспотического государства. Некоторые боги становились покровителями царей при жизни и охранителями нетленной мумии. В египетских мифах в форме пророчеств выразился страх общественных верхов перед возмущением угнетенных низов. Совсем недавно под влиянием господствовавшей идеологии мифы-пророчества наивно истолковывались как реально происходившие восстания, якобы завершавшиеся победой угнетенных над угнетателями.

Огромную услугу в понимании египетских мифов оказывают находящиеся в распоряжении науки изображения богов на рельефах в гробницах и храмах, статуи и статуэтки. Сохранившиеся изображения египетских богов — это окаменевшие мифы. Застывший язык формы и жестов, несмотря на всю свою условность, настолько универсален и выразителен, что подчас не нуждается в словесном переводе. Боги представлены в своем животно-человеческом облике — с человеческими телами, но головами кошек, соколов, шакалов, — с атрибутами своей власти. Создатели этих произведений удивительным образом донесли своеобразие духовной жизни египтян.

Сотворение мира
Гелиопольское сказание

Текст представлен на папирусе Бремнер-Ринд времени Александра, сына Александра Македонского, и датируется 312–311 гг. до н. э. Однако его содержание восходит к эпохе фараонов, к так называемым «Текстам пирамид», которые также частично использованы в нашем переложении.

Говорит Владыка Вселенной после того, как он воссуществовал:

— Я тот, который воссуществовал как Хепри{1}. Я воссуществовал, и воссуществовали существования, и многие существа вышли из моих уст. Не было еще ни неба, ни земли. Не было еще ни суши, ни змей. Простирался неоглядный Нун{2}. Выйдя из него, я не отыскал места, куда ступить, и поэтому создал вечный холм Бен-Бен. Став на него, поразмыслил я перед лицом своим и создал всесущее. Будучи один, я вышвырнул Шу{3} изо рта, изрыгнул Тефнут{4}. И отец мой Нун произнес: «Да возрастут они!»

После того существовали как единый бог в трех лицах. Я, Шу и Тефнут. От Шу и Тефнут родились другие боги и богини.

Как-то Шу и Тефнут привели ко мне мое Око{5}. И я омыл их ручьями слез. Потекли слезы на землю, и там из них слепились люди. Око же разгневалось на меня за то, что на земле появились его подобия. Тогда я сотворил себе другое великолепное Око{6}. И я укрепил его на моем челе, ибо место его над землей. Стало мне Око вечной защитой, даже когда творения мои удалялись от меня.

Сотворение мира
Мемфисское сказание

Данный текст относят ко времени царя XXV эфиопской династии Шабаки (около 710 г. до н. э.). В это время древний политический и религиозный центр Мемфис вновь стал столицей, «весами обеих земель», главным религиозным центром, и это потребовало обоснования в виде прославления Пта.

Во вводной части «Стелы Шабаки» сказано, что фараон нашел в храме полуистлевший папирус и велел воспроизвести его текст на камне. Это явно выдумка, так же как и сообщение о находке в храме Яхве в Иерусалиме текста древних законов — Второзаконие. Такого восхваления Пта не могло быть в древние времена. Нововведением является то, что мир и боги созданы не с помощью физического акта, как это характерно для древних космогонии и теогонии, а мыслью и словом. Мемфисский текст делает понятным появившийся примерно в то же время в Палестине рассказ о сотворении мира Яхве.

Зародилась в сердце мысль в образе Атума, возникла она на языке в этом образе. Велик и огромен также Пта{7}, унаследовавший свою силу от всех богов и их духов через это сердце, через этот язык.

И стало так, что сердце и язык получили власть над всеми членами, ибо познали они, что Пта в каждом теле, во рту каждого из богов, всех людей, всех зверей, всех червей и всего живущего, ибо он мыслит и повелевает всеми вещами, какими хочет. Девятка богов Атума возникла из его семени и пальцев, но Девятка богов Пта — это зубы и губы в этих устах, которые произносят названия всех вещей и из которых вышли Шу и Тефнут. Девятка Пта создала видение глаз, слух ушей, обоняние носа, дабы они передавали все это сердцу, ибо всякое истинное знание происходит от него, язык же повторяет лишь то, что замыслено сердцем.

Именно так были рождены все боги, Атум и его Девятка. И каждое божественное слово возникло из того, что задумало сердце и выговорил язык. Так были созданы божественные духи Ка{8} и Хемсут{9}, давшие пищу и всякие приношения благодаря этому слову. Так дана была жизнь миролюбивому и смерть преступному. Так были сотворены всякие работы, всякие искусства, согласное движение рук, ног и всех членов по приказу, задуманному сердцем и выраженному языком.

И было сказано о Пта: «Он, сотворивший все сущее и воздавший богов». И так было установлено и признано, что его могущество превосходит могущество других богов.

Умиротворился Пта, создав все вещи и божественные слова. Он породил богов, создал города, основал номы, водрузил богов в их святилища, учредил их жертвоприношения, основал их храмы.

И вошли по его воле боги каждый в свое тело из всех древесных пород, камня и глины и приняли в них свой облик{10}.

Сотворение мира
Гераклеопольская космогония

Гераклеопольский рассказ о сотворении мира составляет часть сочинения XXII в. до н. э. «Поучение гераклеопольского царя своему сыну», хранящегося в Эрмитаже.

Город Хенсу, известный грекам под названием Гераклеополь, считался одним из мест, где творец впервые вступил на сушу из первозданного океана. О главном боге Гераклеополя Хершефе в одном из текстов говорилось: «Где он восходит, земля озаряется, его правое око — Солнце, левое — Луна, его душа — свет, из носа его выходит дуновение, чтобы все оживлять».

Создал владыка обеих земель для людей, своего стада, вышедшего из тела его, небо и землю, уничтожив хаос и сотворив воздух для их дыхания. Сотворил он растения, животных, птиц и рыб для их пропитания. Выполняя их желания, сотворил он свет и, восходя на небе, плывет по нему, чтобы могли они созерцать его. Создал он для них правителей, поручив им поддерживать слабого, сотворил чары, чтобы могли они защищаться от предстоящего, и воздвиг места для молитв, откуда мог слышать их плач и мольбы.

Но грозен он по отношению к тем, кто злоумышляет против него, даже если это его собственные дети, беспощадно истребляет он врагов своих.

Хнум — творец мира

Текст, на котором основывается изложение, обнаружен в греко-римском храме селения Эсне, но сам Хнум — один из древнейших египетских богов, центрами его почитания, кроме Эсне, были остров Элефантина, Антиное и многие места Нубии. Первоначально Хнум мыслился в облике барана с закрученными рогами, впоследствии — человека с бараньей головой. Хнум считался подателем воды, хранителем истоков Нила. Рисунки, изображающие его лепящим человека, появились в Египте в середине II тыс. до н. э.

Благотворен божественный Хнум, сын Нуна. Исходит из него сладостное дыхание севера. Вдохнули его рожденные им боги, вдохнули его вылепленные им на гончарном круге люди, пронизало оно все, что имеет форму, движется и живет. Хнум создал обе земли, построил города и разделил поля.

Великая восьмерка

Эта легенда о сотворении мира бытовала в городе Среднего Египта Хнуме («Восьмерке»), который греки называли Гермополем — городом Гермеса. Восьми стихиям в египетском оригинале соответствуют Нун и Наунет, Хух и Хаухет, Кук и Куакет, Амон и Амаунет. Изображались они с головами лягушек и змей, живущих в болоте.

В отличие от космогонии других египетских городов здесь два первых элемента мироздания — свет и твердь — порождение четырех мужских и женских начал-стихий. Не исключено, что первоначально четыре пары мыслились как четыре сменяющих друг друга мировых периода (золотой, серебряный, медный, железный века), а соединение их — позднейшая жреческая конструкция, призванная объяснить название города.

Вначале были Хаос и Бездна, Беспредельный и Беспредельная, Мрак и Тьма, Воздух и Буря — четыре супружеские пары, восемь божественных стихий. Они создали Свет и первозданную Твердь, на которой появился первый из городов — Хнум.

Бог Тот

Миф о Тоте, как и предшествующий о восьмерке богов, связан с городом Гермополем. Бог Тот, как считают египтологи, получил имя от названия одного из мест его культа. Тот почитался в облике болотной птицы ибиса, пожирательницы змей, или обезьяны павиана. Его считали богом Луны и, подобно другим лунным богам, волшебником и знатоком магии. В эпоху Древнего царства Тота считали «владыкой чужестранцев» и «господином кочевников», позднее от этой функции у Тота сохранилось представление о нем как о знатоке языков разных стран.

Призвал к себе однажды Ра своего сына Тота и сказал ему:

— Будь моим лунным глазом на небе, когда я освещаю страну блаженных. И станут говорить о тебе с почтением: «Это Тот, заместитель Ра».

Так стал Тот заместителем Ра, его визирем, и оказалось в его ведении время, а вместе со временем также и счет. Перешли к нему знания и письмо. Стал он на земле покровителем тех, кто пишет и ведет счет{11}, а в загробном мире сам выполнял работу писца на великом суде богов. И поскольку у него на глазах постоянно взвешивали сердца умерших прежде, чем решить их судьбу, Тот стал владыкой Истины{12} и помощником судей в вынесении справедливых приговоров.

Явление Амона

В космогонии Фив, ставших столицей Египта, на главную роль вышел один из второстепенных членов восьмерки богов — Амон-Амаунет. Его отождествили с древними богами Мемфиса и Гелиополя, провозгласив древнейшим из богов обеих земель. В соответствии с этим и город Амона Фивы стал считаться древнейшим из городов, а его воды и суша объявлены «первозданными».

По укоренившейся в Египте привычке мыслить богов в образах животных, Амона представили в облике барана той новой курдючной породы, которая в эпоху Нового царства вытеснила старые породы этого животного. Гуси, бывшие излюбленной пищей египтян, приносились в жертву богам как особое лакомство. Отсюда образ прекрасного нильского гуся, который приобрел в фиванском мифе Амон-Ра.

Центром почитания Амона в Фивах стал грандиозный Карнакский храм, позволивший считать Фивы новым Гелиополем. В этом храме к Амону обращались следующим образом: «О Ра, которому мы молимся в Карнаке, великий в доме обелисков, гелиополитанец, господин новолуния, царь и владыка всех богов, сокол, глава всех людей, прячущий от своих детей свое истинное имя в имени Амон».

Первым из богов появился Амон, великий владыка Фив, первой земли, выделившейся из начальных вод. Никем не сотворенный, Амон создал сам себя. Он явился в облике прекрасного нильского гуся. И раздался среди безмолвия его голос, голос великого гоготуна.

И стал он дыханием жизни всего сущего. Ведь имя его — жизнь. Из глаз его появились люди, из уст — боги, сотворил он растения и все, что есть на земле. А когда появился песок и обозначились границы пахотных земель и основной земли на холме, Амон указал людям путь, и благоустроили они города.

Гимн Атону

Правление фараона Аменхотепа IV (1400–1383 гг. до н. э.) — знаменательный эпизод в истории распространения культа бога Амона. При отце Аменхотепа IV, Аменхотепе III, произошло соединение в одном лице светской и религиозной власти. Царский визирь Птахмосес стал одновременно верховным жрецом Амона. Во дворце в Фивах возникает оппозиция, религиозным знаменем которой становится солнечный диск Атон, одна из древних гелиополитанских форм бога Ра. Во главе этой оппозиции становится наследник престола. Придя к власти, на шестом году своего правления, Аменхотеп IV переменил свое имя на Эхнатон (составной его частью стало имя Атон), провозгласил Атона главным богом Египта и перевел свою резиденцию во вновь построенный город Ахетатон («Горизонт Атона»).

В этом городе и был обнаружен «Гимн Атону», написанный царем-реформатором. Он интересен и как художественное произведение, которым может быть открыта книга шедевров мировой поэзии, и как религиозно-мифологический памятник, свидетельствующий о том, что Восток и его культура не были неподвижны и что им известны выдающиеся творческие личности.

Новым в этом гимне, по сравнению с гимнами другим богам, является универсализм. Атон рассматривается как божество, благодетельствующее не один Египет, а все человечество. Гимн написан в то время, когда египтяне владели захваченными ими частями Сирии и Нубии. Знакомство с этими народами и их религиями дало возможность убедиться, что чужеземцы почитают под другими именами того же Атона. Признание этого факта в гимне, рассчитанном на исполнение в храмах, было необычайной смелостью, подобной проповеди первыми христианами Библии среди чужеземцев.

Великолепен, Атон, твой восход на горизонте.
Живой солнечный диск, положивший жизни начало,
Ты восходишь на восточном горизонте,
Красотою наполняя всю землю.
Ты прекрасен, велик, светозарен и высок над землею,
Лучами ты обнимаешь пределы земель, тобою сотворенных.
Ты — Ра, ты достигаешь и до них,
Ты подчиняешь их для тобою возлюбленного сына{13}.
Ты заходишь на западном горизонте — земля во мраке, как мертвые
Спят люди, с головою укрывшись, не видя друг друга.
Их обирают грабители, они не слышат.
Из логовищ львы выходят. Змеи жалят во мраке.
Земля безмолвствует. Творец ее за горизонтом.
Земля расцветает, когда ты восходишь на горизонте,
Мрак разгоняя лучами.
Обе земли в ликовании.
Обе земли торжествуют.
Пробуждаются люди.
Тела освежив омовеньем, надев одежды,
К тебе они простирают руки

И за труд берутся.
Все на земле зеленеет. Травы стада вкушают.
Птицы из гнезд вылетают,
Взмахами крыльев душу твою прославляя{14}.
Скачут, резвятся все твари с каждым твоим восходом.
Плывут корабли на Юг и на Север.
Любые пути открыты в твоем сиянье.
Рыба в воде играет, на свет твой выходит,
Ибо ты проницаешь лучами глубины.
Животворишь младенцев в материнских утробах.
Даешь рожденным дыханье и им уста отворяешь.
Зародыш в яйце тебя, Атон, славословит,
Птенец в яйце жив тобою.
Сквозь скорлупу ты его насыщаешь, даруешь дыхание.
Ее пробивая клювом, к тебе он стремится
На шатких ножках.
Человеку твоих творений не счесть:
От глаз они скрыты.
Ты земли единый создатель, ее наполняешь жизнью,
Всем, кто на ногах своих ходит,
Кто парит над нею на крыльях,
Каждого, где бы он ни жил,
Ты судьбой наделяешь.
Пусть языки различны, разного цвета кожа,
Всех одаряешь пищей, жизни конец назначаешь.
Нил сотворен тобою в глубинах подземных.
Он выведен по твоему желанью
На благо Египту.
Ты сострадаешь людям дальних пределов.
Живут тобою чужеземные страны.
Создал ты Нил небесный, он им дарует влагу.
Лучи твои каждую пашню холят,
Поднимают всходы, их превращают в колос,
В меру тепла давая, в меру прохлады.
Ты сам сотворил небосвод,
Чтоб по нему подниматься, свои созерцая творенья.
Ты един во многих обличьях, солнечный диск животворный
Пылающий, сверкающий, далекий и близкий.
Нет числа твоим проявленьям.
В моем пребываешь ты сердце.
У тебя сыновей мириады,
Но я, Эхнатон, правдой живущий,
Единственный в твои посвященный тайны

Твое постигший величье.
Ведаю я, что землю ты создал
Своей могучей рукою,
Что люди — твое творенье:
Поднимаешься ты — они живы, спрячешься — умирают.
В тебе дыхание жизни. Ты украшаешь землю,
Людей от сна пробуждаешь для службы царской,
Делаешь слугами сыну, владыке обоих Египтов
И возлюбленной им Нефертити,
Царицы земель обеих.
Да будет она жива, молода и здрава
Вечные веки.

Миф о будущих бедствиях

Ниже дан пересказ египетского текста, известного как «Речение Ипувера». Его можно назвать мифом о будущих бедствиях. Такие мифы были распространены в соседней с Египтом Палестине, где они назывались пророчествами, и в ряде других стран Древнего Востока. У читателей этой книги имеется возможность сопоставить египетский и индийский мифы о будущих бедствиях и убедиться в том, сколь много в них общего как в структуре повествования, так и в отдельных описаниях, хотя не вызывает сомнения, что древние индийцы, описывая грядущие бедствия, были независимы от египтян. Близость однотипных по жанру текстов объясняется тем, что их создатели использовали один и тот же прием воссоздания ужасного будущего: переворачивали существующие, реальные условия жизни и социальные отношения. Этим же нехитрым приемом пользуются и современные авторы фантастических романов, также исходящие из современного состояния и делающие различного рода допущения.

Несмотря на существование параллельных текстов, не позволяющих трактовать «Речение Ипувера» как описание реальной социальной и политической катастрофы, у нас, в то время когда смысл истории видели в классовой борьбе, этот памятник истолковывали как рассказ о действительно имевшем место социальном перевороте, восстании рабов и бедняков 1750 г. до, н. э., т. е. времени, отделяющего Среднее царство от Нового царства. Эта дата неприемлема, ибо списки «Речения Ипувера» относятся к эпохе Древнего царства.

Судьба, предназначенная вам еще в давние времена, в век Девяти, свершится. Доблестный муж грядет, скорбя о том, что свершается в стране…

Грязь по всей стране. Нет человека, одеяние которого было бы белым в это время. Воистину: земля перевернулась, как гончарный круг. Грабитель стал владельцем богатств; богач превратился в грабителя. Воистину: чужеземной землей стал Египет. Номы разгромлены. Варвары извне пришли в Египет. Нет больше нигде египтян. Воистину: золото, ляпис-лазурь, серебро, малахит, сердолик украшают шеи рабынь. Благородные женщины скитаются по стране. Владычицы дома говорят: «О если бы имели, что поесть». Тела их страдают от лохмотьев, сердца их разрываются, когда они молят богов о здоровье того, кто раньше молил сам. Воистину: разломаны ящики из эбенового дерева. Воистину: строители гробниц стали земледельцами. Те, которые были уже в ладье бога, впрягаются в плуг. Воистину: смех забыт. Он нигде не слышен. То, что можно услышать в стране, — это стенания, смешанные с воплями. Воистину: волосы выпали у всех. Не различается сын мужа от такого, который не имеет отца. Маленькие дети говорят: «О если бы отец не дал бы мне жизнь!» Воистину: детей знатных разбивают о стены. Дети любимые кинуты на холмы. Хнум скорбит из-за бессилия своего. Воистину: те, которые лежали в месте бальзамирования, кинуты на холмы. Тайны бальзамировщиков раскрыты. Воистину: человек, ожесточившись сердцем, говорит: если бы я знал, где бог, то

принес бы ему жертву! Воистину: убивает человек братьев матери своей. Дороги обезлюдели, ибо на путях засады. Воистину: нет человека вчерашнего дня. Страна в бессилии своем, подобно сжатому льняному полю. Воистину: зерно гибнет на всех путях. Едят траву и запивают ее водой, отнимают пойло ото рта свиней. Воистину: закрома разрушены, стражи их повергнуты на землю, люди лишены платья, мази и масла. «Нет ничего», — говорят они. Воистину: расхищены акты великолепной судебной палаты, вскрыты архивы, податные списки, и списки по учету урожая уничтожены, свитки законов выброшены, и ходят по ним на перекрестках. Воистину: великолепная судебная палата стала местом, куда входят и откуда выходят беспрепятственно, бедняки входят в Великие дворцы, а дети вельмож выгнаны на улицу. И невежде кажется прекрасным все совершающееся на его глазах.

Смотрите: огонь поднялся высоко; его пламя исходит от врагов страны. Смотрите: свершились дела, которые никогда, казалось, не могли свершиться. Царь захвачен бедными людьми. Немногие люди, не знающие закона, лишили его власти. Смотрите: в один час разрушена столица и стали известны тайны царей Верхнего и Нижнего Египта. Столица встревожена недостатком. Все стремятся разжечь гражданскую войну. Тот, кто не мог сделать себе гроба, стал владельцем заупокойного имения, а погребенный соколом лежит на простых носилках, и пустым стоит то, что скрывала раньше пирамида. Смотрите: тот, кто не мог построить себе и хижины, теперь владеет домом, а придворные изгнаны из домов царя. Смотрите: вельможи ютятся в закромах. Тот, кто не спал даже рядом со стеной, стал собственником ложа. Смотрите: владелец роскошных одеяний теперь в лохмотьях. Тот, который никогда не ткал для себя, теперь владелец тонкого полотна. Смотрите: тот, который никогда не строил себе даже лодки, стал теперь владельцем кораблей. Истинный же собственник взирает на них, но они уже не принадлежат ему. Смотрите: тот, который не имел тени опахала, стал теперь собственником тени. Бывшие же собственники тени охлаждаются только дуновением ветра. Смотрите: простолюдины страны стали богатыми. Собственники богатств стали неимущими. Тот, который был сам посыльным, посылает другого. Смотрите: тот кто не имел своего хлеба, стал собственником закрома. Его кладовая наполнена чужой собственностью. Смотрите: та, которая глядела на свое изображение в воде, стала собственницей зеркала. Смотрите: начальники страны спасаются бегством, они не находят даже милостыни. Смотрите: скот разбегается. Нет никого, кто бы его собрал. Каждый приводит его к себе, клеймя своим именем.

Смотрите: благородные женщины голодны, мясники же сыты тем, что они закололи для других. Смотрите: убивают человека рядом с братом его. Тот оставляет его, чтобы спасти себя. Смотрите: тот, который не имел даже своей упряжки, стал владельцем стада. Смотрите: тот, который брал в долг зерно, теперь сам дает его. Смотрите: все приближается к гибели. Ремесленники не работают. Похитили враги страны ее ремесла. Смотрите: тот, который собрал жатву, не получает ее. Тот, который не пахал для себя, получает жатву. Жатва созревает, а о ней никто не заботится. Писец сидит в своей канцелярии, руки его бездействуют.

Возвращение пламенного Ока

Миф о возвращении Тефнут, как многие другие мифы, — это описание праздника возвращения плодородия, расцвета природы, совпадавшего с половодьем Нила. Такой календарный праздник существовал у всех народов Переднего Востока. Его связывали с возвращением Адониса, Таммуза, Аттиса и других умирающих и воскресающих богов. В отличие от них и сходного с ними египетского бога Осириса, Тефнут — женская богиня, которую мыслили Оком солнечного бога Ра. Частью праздника Тефнут был ее брак с братом Шу. Такие родственные браки не только не запрещались в Древнем Египте, но считались угодными богам.

Как видно из описания, составленного по разным египетским источникам, праздник Тефнут включал церемониальное шествие, сопровождаемое народным гулянием, поднесением статуе богини даров, пением гимнов. Очевидно, статуя Тефнут водружалась на свое пустовавшее место в храме Ра в городе солнца Гелиополе.

Давным-давно, когда бог Ра был еще царем Египта, дочь его Тефнут, любимое Око его, поссорилась с ним и ушла. Грозной львицей{15} бродила она по пустыням Нубии, опаляя пламенем песок и камни, повергая врагов дыханием своим. И погрузился Египет во мрак и траур{16}. Покинула радость дома и хижины. Никто не украшал их цветами. Никто не пил хмельного. Были забыты пляски и пение. Горевал и дряхлый Ра. Не мог он жить без Ока, своей защиты. И призвал он к себе сына своего Шу и вместе с ним бога Тота. И сказал он им:

— Не уберег я своего солнышка. Приведите его!

Приняли Шу и Тот личины обезьян и отправились в путь-дорогу. Увидев пламенную дочь Ра, Шу и Тот кривлялись перед нею, увеселяли ее прыжками, умиротворяли ее сердце. И оставила Тефнут в песках гнев свой. Решила она вернуться на чело отца своего. В радости сняли Шу и Тот обезьяньи шкуры и приняли приличествующие им образы. Пошли все вместе в Египет. Еще в Нубии, в городе Омбосе, произошла встреча дочери и отца. Там же соединились в браке Тефнут и Шу, дети Ра, брат и сестра.

В день созревания виноградной лозы и половодья Тефнут возвратилась в Египет, чтобы лицезреть египетский Нил вместе со всеми чудесами своей возлюбленной земли. И возликовала она. Жрецы несли в дар Оку Ра таких же быстрых, как Тефнут, газелей, гусей-гоготунов. Они встречали ее сосудами с вином и чашами с пенящимся пивом. Они украшали ее цветами, ветвями финиковой пальмы и сикомора, сверкающими диадемами, пестрыми тканями. Жрицы в праздничных одеяниях били в бубны, потрясали систрами{17}. Они пели:

— О, как прекрасен твой лик, Тефнут, когда ты возвращаешься в возлюбленную страну! Как ликует Ра при твоем появлении!

Многие, переодевшись в обезьяньи шкуры, потешали народ и,

прыгая, призывали богиню:

— Иди, Тефнут! Спустись к Египту, о газель пустыни, великая и могучая в Нубии!

Истребление людей

Миф об истреблении людей богами возник как объяснение праздника в честь Хатор-Сохмет, когда богине приносили окрашенное пиво, заменявшее кровь человеческих жертв. Это тот же праздник, который описывается в мифе о возвращении пламенного Ока, и сам миф является вариантом мифа, изложенного выше.

Состарился бог Ра, царствовавший в Египте над людьми и богами. И замыслили люди против него зло. Узнав об этом, сказал его величество тем, кто был в свите:

— Позовите, приведите мне Око мое, Шу, Тефнут, Геба, Нут вместе с их родившими, с теми, которые находились вместе со мною, когда я был еще частью Нуна. Пусть явится и Нун со свитой своей. И да не увидят их люди. Пусть соберутся боги в Великом зале, в том месте, где я создал сам себя, и скажут все, что они думают о людях, замысливших против меня зло.

Были приведены боги, и распростерлись они перед его величеством, и обратились они к Ра:

— Скажи свои слова старейшему из нас!

И обратился Ра к Нуну:

— Бог старейший! Боги-предки! Люди, созданные из моего глаза, замыслили против меня зло. Я бы мог их истребить, но я призвал вас, чтобы услышать ваше мнение.

Тогда сказал Его величество Нун:

— Сын мой Ра, бог более великий, чем создавший его и чем сотворившие его. Крепок твой трон и велик страх перед тобой. Да направится твое Око против оскорбивших тебя.

Оглянулся Ра и не увидел людей.

— Смотрите, — сказал он богам, — сердца их в страхе, они убежали в пустыню.

Тогда сказали боги Его величеству:

— Отправь Око свое, пусть оно догонит людей, пусть поразит их, ибо нет другого Ока, кроме того, что сходит в образе Хатор.

И отправилась свирепая львица Хатор-Сохмет в пустыню. И начала она истреблять людей день и ночь. Стояла она в крови и пила ее с ликующим сердцем.

Крикнул ей Ра:

— Ты совершила то, что тебе приказано. Возвратись!

Но она не повиновалась и продолжала убивать людей.

Тогда сказал Ра своим быстрым гонцам:

— Бегите в Элефантину. Принесите побольше красного камня.

И принесли они много красных камней. Призвал Ра богамельника из Гелиополя. Приказал он ему превратить камни в

пыль. Служанки тем временем размололи ячмень и приготовили 7000 сосудов пива. Бросили в сусло красную пыль, и оно уподобилось крови.

И явился Его величество царь Верхнего и Нижнего Египта Ра вместе с богами, чтобы взглянуть на это пиво, ибо близилось утро истребления людей богиней. Посмотрел Ра на пиво, подобное крови, и обрадовался:

— Оно прекрасно! Я спасу им людей. Снесите его туда, где свирепствует Хатор.

И вылили сосуды на поля, и заполнили со всех четырех сторон влагой. Утром явилась свирепая львица Хатор-Сохмет и стала лакать, и сладостно было ей. И побрела она, опьянев, не узнала людей, которых замыслила истребить всех до последнего человека.

И сказал ей Ра:

— Иди в мире. Пусть этот день каждый год тебе приносят сосуды с пивом по числу моих служанок, моловших ячмень.

Исида — чаровница и вымогательница

В тексте этой легенды, записанной на «Туринском папирусе» конца Нового царства, Исида выступает в роли покровительницы египетской магии. Ей удается обрести власть над Ра, выведав его сокровенное имя. Слова, сказанные для излечения Ра от укуса ядовитой змеи, воспринимались египтянами как действенное заклинание.

И состарился Ра, величайший из богов, создавший самого себя, сотворивший землю, небо, воду, воздух, богов, людей, зверей, скот, червей, птиц и рыб. Он стал содрогаться в кашле, дрожали его губы, выделяя слюну. Стали его белые кости серебром, загорелые руки и ноги — золотом, пышные волосы — лазуритом, память же притупилась.

И отвернулись лица богов и людей от пресветлого бога, и обратились к Исиде, ибо во всем подобная Ра, она была молода, сильна и обладала знанием всего, что есть на небе.

Сокрытого же имени Ра Исида не знала, и замыслила она открыть эту тайну, неведомую никому из богов и людей, ибо ведающий ее — властелин.

Подобрала Исида слюну Ра, капающую на землю, растерла ее с пылью в своей ладони и растянула образовавшийся комок в длинного змея с головою в виде наконечника стрелы, — да не убежит от него живой.

Со змеем в руке отправилась Исида на путь Ра, которым он обходит обе земли Египта. Только Ра приблизился, как змей его ужалил. И задрожали его челюсти, затряслись руки и ноги, почернело лицо. Яд заливал его тело, подобно тому, как Нил во время наводнения заливает берега.

Собрался великий бог с духом и, укрепив свое сердце, воззвал к богам за помощью:

— Вы, вышедшие из меня, выслушайте, что со мной произошло: пронзило меня болью нечто, чего я не смог увидеть и схватить. Сердце мое пылает, тело дрожит… Не огонь ли это? Не вода ли это?

Услышав эти слова, явились к Ра его дети и при виде отца залились бессильными слезами. Одна Исида не плакала, не рыдала. Выступила она вперед и произнесла с невинным видом:

— Что с тобою, отец? Не наступил ли ты на змея, которого сам же сотворил? Не подняло ли на тебя голову одно из творений твоих?

— Откуда это мне знать, дочь моя! — простонал Ра. — Не видел я причинившего мне боль. Но я то холоднее воды, то горячее огня. Я не вижу неба, влага выступила на моем теле, как у смертных под моими лучами пот.

Выслушав это, Исида сказала:

— Назови мне имя твое, божественный отец. Ибо живет тот, кто имеет имя, а у умершего нет имени.

— О каком имени ты говоришь, дочь моя? — проговорил Ра. — Всем известно, что я создатель неба и земли, отверзающий очи, творящий свет, смежающий очи и творящий мрак, отмечающий год, месяцы и дни, разливающий Нил. Утром я Хепра, в полдень — Ра, вечером — Атум.

— Не было твоего имени во всем, что ты перечислил, — отозвалась Исида. — Поэтому ты дрожишь и покрываешься потом. Назови свое имя, и тело твое выбросит яд. Ибо живет тот, чье имя изречено.

А яд жег, распространяясь по всему телу. Жар его был сильнее пламени. Не вынес Ра этой муки и, наклонившись к уху своей дочери, прошептал свое сокрытое имя. Не спрашивайте его у меня! Ибо сказанного Ра не услышал никто, кроме Исиды.

И возликовало ее сердце, радуясь тому, что его госпожа стала владычицей всего мира. И разверзла Исида свои уста:

— Вытекай яд, удаляйся из Ра, отца моего.

Ра перестал дрожать, лицо стало белеть, испарился пот.

— Вот мне стало легче! — выдохнул он. — Пойду-ка я своим путем.

И зашагал он. Боги же потянулись за ним. Осталась одна Исида-чаровница. Когда боги скрылись из глаз, богиня не стала скрывать своей радости.

— Я владычица мира, я владычица! — восклицала она. — Сам Ра во власти моей!

Осирис и Исида

Миф об Осирисе (егип. Усир) восстанавливается на основании обстоятельного пересказа, принадлежащего греческому писателю Плутарху, и по многочисленным египетским текстам. Полагают, что первоначально Осирис был божеством города Джеду, расположенного в восточной части дельты Нила. Очень рано Осирис был отождествлен с богом того же города Анджети и заимствовал его атрибуты (два пера на голове, посох и плеть). Заняв центральное место в царском культе, Осирис стал почитаться в месте погребения фараонов Абидосе, вытеснив бога мертвых Анубиса, ставшего его спутником и слугой. Установление родства с богом земли Гебом превратило Осириса в бога земных глубин, бога, держащего на своих плечах вселенную и рождающего из пота рук своих Нил. Впоследствии (с конца Нового царства) Осирис был связан с Ра и стал изображаться с солнечным диском на голове.

Родился у богини неба Нут и бога земли Геба первенец. Голос с неба возвестил всему живому: «Появился Осирис, могучий бог, творящий добро, владыка земли до ее пределов».

Взглянул Ра со своей солнечной высоты на прекрасное лицо младенца с сияющими глазами и доброй улыбкой. Великая любовь к Осирису вошла в его сердце.

Позднее у Нут и Геба родился второй сын, которому дали имя Сет{18}. Был он высок ростом, с телом человека и головою осла.

Еще позднее на свет появились две прекрасные сестры Осириса и Сета богини Исида и Нефтида{19}.

Став властителем земли, Осирис отучил людей от дикарского образа жизни и людоедства, показал, как возделывать землю, сеять и выращивать полезные злаки, сажать виноградники, изготавливать из ячменя пиво, а из гроздьев винограда вино. Он же обучил, как добывать и обрабатывать руды, строить города и прогонять болезни.

В жены себе он взял Исиду, которая полюбила его и помогала во всем. Она умела останавливать кровь, излечивать от укуса змей и скорпионов, прогонять злых духов. Женою Сета стала Нефтида.

Люди полюбили Осириса и восхваляли его силу и благость. В одном из гимнов они пели:

> О, Осирис, ты — луна, находящаяся на небе.
> Ты становишься юным по собственной воле.
> Ты и Нил великий на берегах в начале Нового года.
> Люди и боги дышат влагой, какую ты из себя изливаешь.

Только один Сет ненавидел Осириса за его силу и доброту, за любовь, которую он внушает к себе всему живущему на земле. И решил Сет погубить Осириса и захватить трон, который тот

занимал по праву первородства и с согласия всех богов. И замыслил он злодейский план, не посвятив в него никого, даже жену свою Нефтиду, ибо знал, что она ему не позволит причинить зло брату.

Как-то, когда Исида отлучилась из дому, а Осирис спал, растянувшись на ложе, в дом прокрались соглядатаи Сета и сняли с Осириса мерку. По ней был сколочен и затейливо украшен деревянный ящик.

День спустя пригласил к себе Сет гостей, поставив на видном месте тот ящик. Его красота вызвала оживление и похвалу мастерству столяра. Кое-кто потянулся к ящику, чтобы его ощупать. Тут хозяин дома сказал:

— Я подарю этот ящик тому, кому он придется по росту.

Один за другим ложились в ящик гости Сета, но был он всем велик. Когда же в него лег Осирис, он сразу же уперся подошвами в край. Тут Сет дал знак своим притаившимся сообщникам. Они выбежали из своих укрытий, захлопнули крышку ящика и заколотили ее гвоздями. Так ящик Сета стал для Осириса гробом. Подхватили его гости, и, выйдя потаенной протокой к Нилу, раскачали гроб, и бросили его в воду.

Вернулась Исида в дом свой и не нашла возлюбленного супруга. Сразу же возникло подозрение, что это козни Сета. От слуг злодея узнала Исида, как был погублен Осирис. Выйдя на берег Нила, зарыдала Исида. Ее услышала Нефтида. Стали они обе призывать Осириса:

О, прекрасный юноша, вернись в свой дом!
Давным-давно мы не видим тебя.
Да вернешься ты в прежнем образе твоем…

Пропев песню до конца, приняли сестры облик птиц: Исида — птицы Хат, Нефтида — соколицы. Взмахнув крыльями, они полетели на поиски Осириса, одна — налево, другая — направо. Но Сет, знавший, откуда был брошен ящик и какое его понесло течение, раньше его отыскал. Вытащив труп брата-врага, он разрезал его на двенадцать частей и разбросал по обеим землям Египта и по номам.

— Пусть теперь поищет Исида своего возлюбленного супруга! — произнес Сет злобно.

Собирание частей тела Осириса

Миф о собирании частей тела Осириса сохранился в позднем документе, на папирусе конца I в. до н. э. («Папирус Жермильяк»), содержащем описание праздника па́хоты, длившегося двенадцать дней. В каждый из этих дней боги отыскивают одну из частей тела Осириса, которое затем складывают как обломки разбитого вдребезги драгоценного сосуда.

Просчитался Сет в своих замыслах, ибо не одна Исида, а многие боги отправились искать части тела Осириса, разбросанные по всем городам и номам.

На 19-й день четвертого весеннего месяца нашли голову убиенного, спрятанную на горе Запада и охраняемую птицею Кебет и волком. Бог Тот приподнял голову и обнаружил под нею скарабея. Его отдали в некрополь Абидоса, где он хранится до сих пор.

На 20-й день того же месяца весны нашли глаза цвета растущего папируса, спрятанные в толще горы Запада. Из глаз этих вышла птица Ибекен.

На 21-й день нашли челюсти Бога.

На 22-й день нашли шею, спрятанную на холме горы Запада и находившуюся под охраной Нефтиды.

На 23-й день отыскали сердце, находившееся под охраной крокодила Хентихета и спрятанное им под собственным сердцем.

На 24-й день отыскали кишки, спрятанные в Питоме. Они приобрели облик живого змея, которого называли Атумом из Питома.

25-й день — это день отыскания легких, спрятанных в зарослях папируса на болотах дельты.

26-й день — это день отыскания ребер Осириса, спрятанных в растении Герет и охраняемых Анубисом.

27-й день — это день отыскания ноги Осириса, спрятанной в Восточной области. Нога успела породить серебряного змея, которого поместили в голову быка по имени Анти.

28-й день — это день отыскания детородного члена Аписа, спрятанного в Средней области. Его поместили в храме Белого барана.

29-й день — это день, когда выпахали из земли внутренности Осириса. Из них вышли четыре бога, которых назвали Владыками внутренностей.

Последний день месяца — это день отыскания руки Осириса. На ней сидел лев, чтобы ее нельзя было найти. Тогда с неба опустились два сокола, один схватил и приподнял львиную лапу, другой взял руку Осириса…

Вот эти дни, двенадцать дней пахоты, отмечающиеся по всей стране, когда были найдены и сложены члены Осириса.

Рождение Гора

Во время поисков брата и супруга ощутила Исида в себе биение семени Осириса и, возликовав, обратилась к богам:

— О, боги! Семя Осириса в моем чреве. Я создала образ бога в яйце, и он будет управлять этой землей. Он унаследует Гебу. Он будет сохранять память о своем отце. Он отомстит Сету, врагу своего отца.

И молвили боги:

— Пусть зреет семя Осириса. Создадим защиту соколу, находящемуся в чреве. Пусть родит Исида согласно нашей воле.

И родился младенец в болотах Хаммиса, и был назван матерью Гором. Был прекрасен сирота. Любовалась им Исида и прятала его, чтобы не убили. Однажды она отправилась в город, когда же вернулась, застала младенца недвижимым. И закричала она что было сил:

— Вот я! Вот я!

Услышали рыбаки вопль богини. Побросали сети, оставили дома и явились на помощь Исиде. Но какая была от них помощь, если они даже не могли понять, что с младенцем? Наконец, пришла богиня болот, владеющая искусством оживлять, со знаком жизни в руках. Она сказала:

— Не бойся! Не бойся, Гор! Не унывай! Не унывай, мать бога! Ребенок недоступен недругам. Заросли непроходимы. Смерть через них не пройдет. Ищи настоящую причину заболевания, и оживет Гор для своей матери. Думаю, что его ужалил скорпион или укусил змей.

Тогда вложила Исида свой нос в рот Гора, чтобы выведать запах его головы. И она нашла, что он ужален.

Обняв Гора, она заметалась, словно рыба, брошенная на жаровню:

— Ужален Гор, ужален Гор, — причитала она. — Ужален Гор, младенец прекрасный, золотой, дитя невинное, сирота.

На причитания явилась Нефтида, и ее вопль разнесся по всему болоту, переполошив его обитателей. Явилась богиня Серкет и посоветовала Исиде:

— Воззови к небу! Да поднимут весла гребцы Ра. Да не движется ладья Ра, пока сын твой недвижим.

И обратила Исида вопль к небу. И Солнце остановилось над нею, не двигаясь с места. Бог Тот явился со своими чарами и успокоил Исиду:

— Нет вреда для твоего сына Гора! Защита его — ладья Ра. Она пребудет на своем месте, пока для тебя не исцелится Гор. Я

же спустился с неба с дыханием жизни.

Обращаясь к Гору, Тот сказал:

— Пробудись, Гор! Защита твоя крепка. Ладья стоит над тобой. Будут закрыты истоки Нила, иссохнут растения, пока Гор не будет исцелен.

Бата и Ануп

Критика единодушно признает это произведение самой крупной жемчужиной в ожерелье древнеегипетской литературы. Его часто называют «Сказкой о двух братьях». И в самом деле, сказочный элемент в повествовании силен: мотив неверной жены, говорящие коровы, сердце на верхушке кедра, метаморфозы Баты. Однако превращения Баты носят явно сакральный характер — священный бык, священные деревья. Наряду с людьми здесь действуют и боги. Да и простые ли сельчане главные герои — Бата и Ануп? Бата — город 17-го египетского нома Каса (греческий Кинополь), где почитался Бык Бата, а вместе с ним и Анубис (отсюда имя старшего брата).

«Сказка о двух братьях», скорее всего, — изложение священного ритуала в храме Анубиса-Баты. Таково происхождение большинства мифов: сначала ритуал или священная церемония, затем — миф.

Жили два брата от одной матери, от одного отца. Старшего звали Ануп, младшего — Бата. Был у Анупа дом, поле и скот. Имел он жену. Бата находился на попечении Анупа, как сын. Ануп его кормил и одевал, Бата пас скот, обрабатывал поле, собирал урожай. Младший был прекрасным юношей. Второго такого не отыскать во всей стране: сила бога была в нем. Каждый день по своему обыкновению он уходил из дома со скотом, вечером же возвращался нагруженный сеном, молоком, сучьями и иной добычей полей. Все это он ставил перед старшим братом, восседавшим рядом с женой, наскоро ел, пил и отправлялся в хлев на ночлег. И так каждый день-деньской. Бата слушался брата и даже коров слушал. Говорили они ему: «Вон там хороша трава», и он вел их туда, куда им хотелось. Коровы тучнели и давали богатый приплод.

Было это перед пахотой. Ануп сказал Бате: «Поле уже очистилось от воды. Готовь упряжку и семена для посева. Утром начнем пахать». С утра они пахали вместе, чтобы не дать высохнуть земле. Работа спорилась. И радовались этому их сердца. Но вот не хватило семян, и сказал старший младшему:

— Сбегай-ка за семенами Амбар тебе откроет жена.

Бата застал жену перед бронзовым зеркалом. Она делала себе прическу. Запыхавшись, он сказал ей:

— Побыстрее дай мне семян. Брат мой ждет.

— Пойди возьми сам, — сказала женщина. — Видишь, я причесываюсь.

Юноша взял из хлева большой горшок, наполнил его в амбаре семенами и взвалил на плечо. Когда он поднялся, женщина ждала его у входа.

— Сколько ты взял семян? — спросила она.

— Три меры пшеницы, две ячменя. Всего пять мер, — ответил Бата.

— Ты очень сильный, — сказала жена брата. — Я любуюсь тобой каждый день.

Подойдя ближе, она обняла Бату и сказала:

— Давай полежим вместе. Тебе это будет на пользу. Сошью я тебе красивую одежду.

Бата же стоял с тяжелой ношей на плече. Лицо его покрылось красными пятнами, как у южной пантеры.

— Как же так, — сказал он, кипя от гнева. — Ты мне вместо матери, брат мне вместо отца. Не повторяй больше этих гнусностей, и я тоже буду молчать.

И отправился Бата в поле, где его ждал брат, и они работали до темноты. Старший отправился домой первым. Младшему надо было пойти за скотом и собрать сено.

Жена в тот вечер не ждала Анупа у порога. Никто не зажег света, не подал вода для рук. Ануп зажег свет сам и увидел жену на ложе. Лицо ее, как показалось, было в синяках, ибо лживая женщина в нескольких местах намазала его сажей.

— Кто тебя обидел? — спросил он.

— Твой младший брат, — ответила она со стоном. — Он явился за зерном и, увидев меня, сказал: «Пойдем полежим». Когда же я ему сказала: «Разве я не мать тебе? Разве твой брат тебе не вместо отца?», он меня избил, и так сильно, что я не могу встать.

Услышав это, стал Ануп похож на южную пантеру. Он наточил нож, открыл ворота хлева и, сжимая нож в руке, стал за ними, чтобы убить брата.

Он же возвращался, по своему обыкновению нагруженный полевым добром. Пока он его сгружал, животные сами стали входить в хлев. И вот слышит Бата голос первой коровы:

— Беги! Брат твой стоит с ножом, чтобы тебя убить.

Бата знал, что животные его любят и не станут обманывать. Но он не поверил сказанному. Тогда послышался голос второй коровы:

— Беги, Бата!

Юноша наклонился и, увидев ноги брата под воротами, бросился бежать. Ануп же за ним с ножом. Видя, что его догоняют, взмолился Бата Ра:

— О, Владыка благой, знающий правду и ложь, мне помоги!

И простер Ра между двумя братьями реку, кишевшую крокодилами, так что Бата оказался на одном берегу, Ануп — на другом. И крикнул младший старшему:

— Не уходи, пока не выйдет из мрака солнечный диск. Перед ликом его я буду судиться с тобой. Воздаст он по заслугам каждому из нас. Но с тобою я не останусь, уйду в Долину кедра.

И вот осветилась земля, и увидели братья друг друга, и сказал младший старшему:

— Вот ты хотел меня убить, даже не выслушав меня, хотя ты мне вместо отца. А было так. Я явился, чтобы взять зерна, а твоя жена мне говорит: «Пойдем полежим». Клянусь Ра, что так это было. Если же тебе мало моей клятвы, то смотри.

Он взял острый тростник и оскопил себя на глазах брата. Ануп же, видя это, метался по берегу и рыдал. Он хотел обнять Бату и просить у него прощения, но река кишела крокодилами.

— Теперь, — сказал Бата, — возвращайся домой и ходи сам за скотом, у которого больше совести, чем у твоей жены-блудницы! В Долине кедра я вырву из груди свое сердце и возложу его на самую вершину древа. Я буду жить вместе с ним. Если же кедр срубят, явись, чтобы найти мое сердце. Не сразу ты его найдешь! Не падай духом! Положи его в чашу с прохладной водой, и я оживу.

Так разошлись братья, один направился в Долину кедра, другой, сжимая нож, домой. Достигнув дома, Ануп убил жену и отдал ее тело на съедение псам и шакалам. После этого он осыпал себя пылью и сел оплакивать брата.

Бата же достиг Долины кедра. Все дни он проводил в охоте, ложился спать под кедром, на верхушке которого он укрепил свое сердце. Затем он решил построить себе дом и построил его, заполнив всем необходимым для жизни. Так он жил, пока однажды не встретил у дома Девятерых богов, обходивших землю, чтобы исполнить ей предначертанное.

Увидели боги Бату и обратились к нему:

— Эй! Телец Девятки богов. Неужели ты живешь один с тех пор, как покинул своего старшего брата из-за его жены? Знай же, ты отомщен, ибо убита та негодная женщина.

Бата молчал. Лицо его не выражало ни радости, ни горя.

Глядя на Бату, боги сокрушились сердцем. Ра же сказал Хнуму:

— Слушай! Сотвори для Баты жену, чтобы не жил он один.

И сотворил Хнум деву. Была она лицом и телом прекраснее всех женщин, ибо вложено в нее семя каждого из богов.

И явились боги посмотреть на работу Хнума. Хатор же, взглянув на красавицу, предрекла:

— Она умрет от ножа.

И хотя Бата уже не был мужчиной, взял он деву к себе. Она поселилась в его доме. И вновь проводил он дни в охоте за дичью и, принося добычу, складывал ее у ног девы. И сердце его трепетало. Перед тем, как погрузиться в сон, он говорил ей:

— Не выходи наружу, чтобы тебя не похитило море, потому

что ты — женщина и сама не сможешь спастись, мое же сердце покоится на верхушке кедра.

И открыл ей Бата все, что с ним случилось и как он перестал быть мужчиной.

Однажды ночью вышла дева погулять на берег моря, под кедром, на верхушке которого как цветок пламенело сердце Баты. Увидело море ее красоту, взволновалось и погнало за нею свои волны, кедру же сказало:

— Помоги мне ее поймать!

И протянул кедр свою колючую ветвь. Пробегая мимо, дева оставила на ветви прядь своих благоуханных волос. Море взметнулось и ее унесло. Всласть натешившись прядью, море выбросило ее на берег Египта, к тому месту, где стирали прачечники дворца. Пропитал божественный аромат одеяния фараона, — да будет он жив, невредим и здрав, — и он вызвал прачечников и бранил их, ибо запах не давал спать.

Прачечники же не знали, что делать. И начальник прачечников, — да будет и он жив, здрав и невредим, — тоже ничего не понимал, и на сердце его была печаль, ибо не было дня, чтобы его не бранил фараон.

Но вот однажды он вышел на холмик как раз против того места, где лежали в воде волосы. Он взял их с собой и отнес фараону, — да будет он жив, невредим и здрав.

Фараон, не зная, чьи это волосы и откуда они, призвал своих мудрых писцов, и они объяснили:

— Это волосы девицы Ра. Семя всех богов в ней. Это тебе дар из чужой страны. Разошли по всем странам людей, чтобы доставить эту деву сюда. Пусть с ними будут воины, ибо такая дева должна кем-то охраняться.

Прошло много дней, и все посланные в чужеземные страны вернулись в Египет. Из Долины кедра вернулся только один, его пощадил Бата, чтобы он известил его величество, — да будет он жив, невредим и здоров, — что остальные перебиты, ибо Бата не захотел расставаться с девой.

Тогда его величество повелел отправить в Долину кедра великое множество воинов и колесниц, а вместе с ними — женщину с такими прекрасными украшениями, перед которыми не может устоять ни одно девичье сердце.

И воинство фараона вернулось в Египет благополучно вместе с супругою Баты. Его же самого, погубившего множество воинов, не было, дева же, которую фараон весьма полюбил и нарек Великой любимицей, сказала:

— Если фараон, — да будет он жив, невредим и здрав, — хочет смерти Баты, пусть он пошлет воинов, чтобы они срубили

кедр между домом и морем, ибо на нем сердце Баты.

Фараон послал воинов. Они срубили кедр. Бата тотчас пал мертвым в доме своем.

На следующий день после этого Ануп, брат Бата, сел за стол. Ему подали сосуд с пивом, но оно выплеснулось через край. Подали ему сосуд с вином, но оно замутилось. Тогда надел он сандалии и одеяние дорожное, взял посох и направился в Долину. И вошел он в дом брата своего. Застав его на ложе недвижимым, он залился слезами, ибо не было для него человека дороже Баты.

Вытерев слезы, отправился Ануп искать сердце брата в сучьях кедра, на земле под ним и на берегу.

Три года прошло в поисках, когда же пошел четвертый год, пожелало сердце Анупа возвратиться в Египет. Он сказал себе: «Отправлюсь утром».

Но утром он стал снова искать и к вечеру нашел какое-то зернышко. Это и было ссохшееся сердце брата. Ануп заполнил чашу прохладной водой и бросил в нее зернышко. Ночью оно впитало в себя воду, и возник Бата, дрожащий всем телом, как в лихорадке. Было тогда его сердце еще в сосуде. Дал Ануп ему выпить, и встало сердце на свое место. Стал Бата таким, каким был прежде.

Они обняли друг друга и заговорили, впервые после долгой разлуки.

И сказал младший старшему брату:

— Смотри, превращусь я в большого Быка с шерстью различных оттенков. Ты сядешь мне на спину, и мы еще до рассвета перенесемся туда, где моя жена, ибо жаждет мое сердце мести. Его величество, — да будет он жив, невредим и здрав, — даст тебе золота и серебра столько, сколько в теле моем окажется веса. Ибо явлюсь я великим чудом и радостью для всего Египта. Затем ты вернешься в свое селение.

Так все и было. Фараон наградил Анупа. Бата один во дворце остался, как Бык священный. Прошло дней немало, и Бык вступил в кухню и стал рядом с Великой любимицей и заговорил с ней:

— Смотри, воистину я жив.

Она же, не узнав его голоса, спросила:

— Кто ты?

— Я — Бата, муж твой, которого ты предала. Ибо ты фараону нашу тайну открыла, чтобы я умер. Но видишь, я жив, я Бык.

Испугалась она, убежала. Бык же вышел из кухни. И начался день обычный, для фараона приятный. Вино ему жена Баты налила, и был фараон с нею ласков, и она сказала ему слова такие:

— Есть у меня заветное желанье. Поклянись его исполнить.

— Я исполню, — фараон ответил.

— Есть во дворце Бык, ни на что не годный. Печени его отведать желаю.

Фараон схватился за сердце. Сильно оно заболело. Но не изменил он слову, возвестил о великой жертве. Наутро народ собрался. Главный мясник явился, чтобы совершить закланье. Быка взвалили на плечи. Нож в его шею вонзился. Бык рванулся, отлетели две капли крови. Одна упала по одну сторону врат фараона, другая — по другую сторону. За ночь из обеих капель поднялись два древа, одно краше другого. Фараону о том возвестили. И сказали ему так:

— Это великое чудо для фараона, — да будет он жив, невредим и здрав.

И ликовал весь Египет. Вся страна приносила жертвы чудесным деревьям. Фараон вместе со всеми. Он открылся народу в окне из лазурита, сияющий ликом, с венком из цветов на шее. И выехал он на колеснице, — да будет он жив, невредим и здрав, — чтобы взглянуть на деревья. Великая любимица покинула дворец отдельно. Когда же они оба сели под одним из деревьев, услышала жена Баты голос:

— Эй, лживая. Мне известно твое коварство. Убить ты меня захотела. Но все же живу я.

Потеряла жена Баты от страха сознанье. Увезли ее, когда же пришла она в чувство, к фараону явилась. Был фараон с нею ласков. И сказала она фараону:

— Поклянись мне богом, о чем попрошу — исполнишь.

Когда же поклялся он богом, она проговорила:

— Вели срубить деревья, что у твоих врат появились. Нет от деревьев пользы. Прикажи из них сделать мебель.

Фараон схватился за сердце. Сильно оно заболело. Но остался верен он клятве. И мастерам приказал он срубить два священных дерева. Чтобы кощунства не видеть, фараон во дворец удалился. Она же села поближе, чтоб наблюдать убийство.

И топоры застучали. Одна отлетела щепка, любимице в рот попала. Она ее проглотила и зачала от щепки. Мастера же сделали мебель, много красивых стульев. На стульях она сидела, растущее холила чрево, не зная, что в нем ее гибель.

И вот минуло время, у любимицы фараона крепкий младенец родился. С вестью пришли к фараону, что появился наследник, и сына ему показали. Он взял его на колени и возлюбил с первого взгляда.

Наполнился ликованием Египет Верхний и Нижний. Фараон пребывал на троне, всем источая милость. Он назначил сына царевичем Куша, когда же немного он вырос, приказал ему быть

наследником всего Египта. Когда же минуло время и фараон вознесся на небо, наследник занял трон. И первым делом он при всем народе поведал о преступлениях той, которой рожден на свет.

Когда же совершился суд, суд справедливый и строгий, привели во дворец из селенья того, кого звали Анупом. Был он вельможам представлен. Тридцать лет Бата правил Египтом, а затем вознесся на небо, и Ануп его место занял.

Сказания народов древней Месопотамии

Боги Месопотамии

Древние наблюдатели видели в Месопотамии земной рай, не всегда сознавая, каким титаническим трудом здесь создавалось изобилие. Текущие с гор Армении Тигр и Евфрат с их многочисленными притоками переполнялись весною талыми водами и превращали низины в сплошное болото. Требовались постоянные усилия, чтобы отводить излишние воды в каналы, очищать русла каналов от ила. Зато урожай на поливных землях был фантастически велик. Кроме воды и почвы Месопотамия не имела природных богатств, какими обладали соседние страны. Ни камня, ни леса, ни металлов. Жилища приходилось строить из глины и тростника, используя обожженные на солнце кирпичи. Нефть, которой славится современная Месопотамия, была известна в самые отдаленные времена. Но применение ее в древности было ограниченным.

Древнейшим народом Месопотамии, о котором нам известно из оставленных им же письменных памятников, были шумеры. Эти памятники были извлечены еще в прошлом веке из песчаных холмов, возникших на месте древних городов. Но только в XX в. удалось прочесть и понять шумерские тексты, открывшие поразительный мир шумерской культуры. Теперь ни у кого не вызывает сомнений, что в этот мир уходят корнями выросшие на территории обитания шумеров (нижнее течение Тигра и Евфрата, впадающих в Персидский залив) аккадская, вавилонская, ассирийская цивилизации, а вслед за ними культуры всей Передней Азии.

Наряду с текстами хозяйственного назначения и государственными актами шумеры оставили записи своих мифов. Вслед за шумерами их мифы пересказывали аккадяне, вавилоняне, ассирийцы. Значение мифов один современный знаток шумерской культуры, много сделавший для их понимания, выразил заголовком своей книги «История начинается в Шумере». Вместе с мифами мы погружаемся на глубину пяти и более тысячелетий. Мифы раскрывают представления шумеров о месте человека в мире, о его зависимости от могущественных сил природы и от богов, сотворенных по образу людей. Мифы — это священная история шумеров, где наряду с богами выступают предки, прародители, давшие жизнь «черноголовым» (так себя называли шумеры) и лишившие их по оплошности главного блага, которым пользовались сами, — бессмертия. В мифах существуют в неразрывном единстве религия, философия, история, поэзия и искусство. Из этих легенд и мифов мы узнаем, что думали шумеры и аккадяне о происхождении вселенной и небесных светил, гор, морей, природных явлений, как они представляли себе возникновение человечества и начало его хозяйственной деятельности. Мифы, в отличие от близких к ним по форме, но более поздних по времени сказок, не только развивают наше воображение, но и обогащают знанием об отдаленном историческом прошлом. Наиболее очевидным проявлением историзма шумерских мифов является то, что мифологические повествования открываются введениями-запевками такого типа: «в давние дни», «в давние ночи», «в стародавние ночи», «в давние годы», «в стародавние годы».

Форма, в которой мифы донесли до нас историю, не во всем понятна современному человеку, живущему в совершенно иной среде и мыслящему иначе, чем создатели и слушатели древнейших мифов. Поэтому надо себе представить обстановку, в которой они создавались. В III тыс. до н. э. страна шумеров и аккадян в нижнем течении Тигра и Евфрата была разделена на десятки общинных поселений. Средоточием каждой общины, центром хозяйственной и административной деятельности был храм. До появления городов-государств и царской власти правителем каждой шумерской и аккадской общины был верховный жрец ее храма, который считался жилищем какого-то одного божества — покровителя и владыки общинников. От имени этого бога (или богини) правитель общины осуществлял свою административную и религиозную власть. В храме, а не где-либо в другом месте создавались мифы, которые должны были

рассказать о боге — покровителе данной общины и прославить его. Эти мифы, имеющие более легкую для запоминания стихотворную форму, торжественно исполнялись во время богослужений в храмах под аккомпанемент музыкальных инструментов.

Общин в Междуречье Тигра и Евфрата было больше, чем главных богов и богинь, в них почитавшихся. Поэтому складывавшиеся мифы, имея определенную единую основу, порой существенно отличались друг от друга. В разных общинах одни и те же боги имели различных собственных предков. Им приписывались подвиги, относившиеся к данной общине, а не ко всем шумерам и аккадянам, двум народностям, различным по языку, но близким по хозяйству и общественной организации. При этом одни и те же боги в соседних шумерских и аккадских общинах назывались по-разному. Так, у шумеров богиня любви и плодородия называлась Инанна, у аккадян — Иштар, солнечным божеством у шумеров был Уту, а у аккадян — Шамаш и т. д.

Имелась еще одна сложность, о которой надо иметь представление: мифы шумеров и аккадян, по большей части, дошли до нас в памяти и пересказах более поздних народов — вавилонян (II тыс. до н. э.) и ассирийцев (первая половина I тыс. до н. э.), которые жили в иных условиях и находились под властью могущественных царей. В вавилонских и ассирийских пересказах шумерских и аккадских мифов нашла отражение более развитая и сложная жизнь и политическая организация. Поэтому очень трудно выделить в мифах то, что относится к древнейшей эпохе, а что к более поздней.

Наличие множества вариантов мифов Шумера и Аккада выдвигает для каждого, кто хочет с ними ознакомить современного читателя, проблему выбора — какой вариант предпочтительнее. Осуществляя этот выбор в пользу одного из вариантов, мы неизбежно обедняем картину и ограничиваем кругозор своей невидимой аудитории. Особенно болезненным оказалось это вынужденное ограничение для главного произведения литературы Двуречья — «Поэмы о Гильгамеше». Этому монументальному эпосу, созданному в Вавилоне, предшествовали дошедшие до нас шумерские поэтические рассказы о подвигах того же героя, которые были использованы вавилонским поэтом как источник, как трамплин для мощного полета фантазии. Выиграв после этой переработки в художественном отношении, древние легенды о шумерском правителе многое потеряли в своей информативности.

Выбор нами для переложения вавилонского эпоса, а не шумерийских поэм обусловлен, таким образом, тем, что перед нами — выдающийся памятник мировой литературы. Уже в первых его строках мы сталкиваемся с литературным приемом, впоследствии использованным Гомером в поэмах «Илиада» и «Одиссея»: общая характеристика героя до рассказа о его подвигах, содержания поэмы и ее идеи. Так же как и в гомеровских поэмах, в «Поэме о Гильгамеше» действие развертывается в двух сферах: в земной, где живут, сражаются и гибнут герои, и в небесной, где боги наблюдают за ними и решают их судьбу. Автор вавилонской поэмы выдвинул на передний план и разработал тему, которой не избежал ни один из классиков современных национальных литератур: смысл человеческой жизни, имеющей один исход — смерть. Все герои мировой литературы, совершая свои подвиги, одерживают если не физическую, то моральную победу над смертью, обеспечивая бессмертие своему роду, городу, народу.

Гильгамеш — первый из этих героев не только по времени, но по гуманистической мотивировке поставленной им перед собой цели. Он совершает немыслимое путешествие в страну, откуда нет возврата, в подземный мир, ради своего побратима и друга Энкиду. В союзе Гильгамеша и Энкиду впервые выражена идея, которая впоследствии будет без конца разрабатываться поэтами и философами, — идея противоположности естественного состояния человечества и прогресса. Гильгамеш — человек городской цивилизации, уже в самые ранние эпохи враждебной миру природы. Гильгамеш испорчен преимуществами своего происхождения (на две трети бог и на одну треть человек), своей властью, дающей ему возможность осуществлять произвол над подданными. Энкиду — дитя природы, естественный человек, не знающий ни благ, ни зла цивилизации. В схватке между Гильгамешем и Энкиду нет победителя (герои равны физической

силой), но Энкиду одерживает моральную победу над Гильгамешем. Он уводит его из города в степь, выпрямляет характер, очищает душу.

Гора небес и земли
Миф шумеров

Это древнейший из известных нам шумерских мифов о появлении мира, богов, им управляющих, жизни и человечества. Миф, отвечающий на вопрос о возникновении вселенной, исходит из того, что первоначально все стихии, образующие мироздание, существовали в слитом виде, как огромная гора, плавающая в Мировом океане. Развитие происходит в виде разделения и последующего соединения мужских и женских начал, результатом чего становится появление и бесконечное умножение новых богов, управляющих стихиями или находящихся на службе у этих богов или небесных светил.

Когда-то небеса и земля были слиты и не было на них ни травы, ни тростника, ни деревьев, ни рыб, ни зверей, ни людей. Были они как одна гора в пространстве, заполненном вечными водами дочери океана Намму, праматери всего сущего. Произвела она из себя Ана (Небо) и Ки (Землю), сына и дочь, и поселила их раздельно. Ана — на вершине горы, а Ки — внизу, под ее подножьем. Когда дети выросли, они стали крутить головами и искать друг друга. И свела их Намму, соединила как мужа и жену. И родила Ки владыку Энлиля, наполнившего все вокруг своим могучим дыханием. Потом Ки от Ана произвела еще семь сыновей, семь могучих стихий, без которых не было бы света и тепла, влаги, роста и процветания. Затем по воле Ана у Ки родились младшие боги, помощники и слуги Ана, — Ануннаки. И стали они все соединяться друг с другом, как мужчины и женщины. И рождались у них сыновья и дочери, внуки и внучки.

И стала гора, на которой поселилось многочисленное потомство Ана и Ки, тесна для него. И решил отец богов Ан расширить место обитания своих подопечных. Для этого он призвал своего старшего отрока, своего первенца Энлиля и сказал ему:

— Стала тесна гора для тебя, братьев и сестер твоих. Давай оторвем ее верхушку и разделим гору на две части.

Сказано — сделано! Разорвали Ан и Энлиль гору. Поднял вершину Ан вверх, а Энлиль опустил плоское подножье вниз. Так появилось небо в виде свода и земля, как плоский диск с неровностями, горами и ущельями, ибо гора была разорвана, а не разрезана ножом. Ан избрал себе небо, а землю оставил сыну, и стал Энлиль носиться над ней, наполняя ее дыханием жизни. Без Энлиля не было бы ни летучих облаков, собирающих и отдающих влагу, ни растений, ни трав, ни зарослей тростника, ни деревьев, возносящих плоды. Братья и сестры Энлиля осветили и согрели

землю. И стала земля прекрасной. И захотели боги остаться на ней. И обратились они к старшему брату своему Энлилю:

— Выдели нам место, где бы мы могли жить на земле вместе.

И соорудил Энлиль в самом центре земного диска город, дав ему имя Ниппур, и поселил там братьев и сестер своих. И жили они там по справедливости, ибо не было там высокомерных и жадных нарушителей договоров, доносчиков. Дал Энлиль городу законы и смотрел сверху, чтобы злодеи и преступники их не нарушали.

Увидев, что Ниппур хорош и его обитатели справедливы, Энлиль решил в нем поселиться сам. Он соорудил себе в центре города высокий помост, белый помост, воздвиг на нем дом из лазурита — свое обиталище, поднимающееся вершиной до середины небес, простирающее свою тень на все стороны света.

Жила в Ниппуре сестра Ана, старица Нунбаршегуну вместе со своей прекрасной дочерью Нинлиль. Знала матушка, что молодые люди Ниппура бросают на Нинлиль жадные взоры, и опасалась за неразумную. Она не отпускала ее никуда одну, но девушка была упряма и настояла, чтобы ей разрешили омыться в прозрачных водах потока Нинбирду.

— Иди, дочь моя, — сказала Нунбаршегуну. — Только знай, что на раскинувшиеся за Ниппуром луга спускается из своего храма сам Энлиль. Если увидит тебя огнеокий бык, не соглашайся на то, что он тебе предложит. Скажи ему: «Я еще молода. Еще не созрели груди мои, и рот мой еще мал. Отступит от тебя Энлиль!»

Все было так, как опасалась матушка. Увидев прелести Нинлиль, Энлиль спустился к ней с быстротою ветра. Когда же божественная дева не уступила вспыхнувшей в нем страсти, он удалился, сделав вид, что примирился с отказом. Но, когда Нинлиль явилась омыться на следующий день, Энлиль, прятавшийся в камышах, налетел на нее, швырнул на дно челна и насытился ее невинной красотой.

Узнали об этом старшие боги и, собравшись на совет, решили изгнать насильника в подземный мир. Пришлось Энлилю подчиниться этому решению. За ним последовала Нинлиль, успевшая привязаться к своему грозному супругу. В толщах земли родила Нинлиль первенца Нанну, которому было суждено подняться на небо, чтобы освещать землю и показывать смертным смену времен. Кроме верхнего Нанну, родила Нинлиль еще трех нижних сыновей, которым не дано было увидеть дневного света, ибо, чтобы уйти в верхний мир, надо оставить голову за голову.

По прошествии положенного времени Энлиль и Нинлиль возвратились на небо и жили в самом отдаленном его месте, стараясь как можно меньше общаться со смертными. Энлиля

раздражало их многолюдство, и в своем гневе он обрушивал на людей различные бедствия. Редко удавалось кроткой Нинлиль усмирить гнев огнеокого быка. И страдало человечество по его вине от чумы, засухи, потопов.

Сотворение людей
Миф шумеров

Каждый из мифов, относящихся к циклу о сотворении мира, дает ответ на тот или иной вопрос о происхождении всего божественного порядка или отдельных его элементов. Однако этот шумерский миф отвечает не только на вопрос, как произошло человечество. С этим вопросом связан и другой, побочный: почему человечество несовершенно, почему наряду с полноценными особями, могущими трудиться, содержать себя и богов, существуют люди немощные и больные, которые являются обузой общества? Виновниками этого несовершенства рода человеческого выставлены сами боги, неумеренные в питье пива. Вековой человеческий порок — пьянство перенесен на богов.

В тексте дошедшего до нас мифа имеются лакуны, не позволяющие понять, каких еще уродов, кроме трех названных, создали боги. Не ясна причина гнева Нинмах на Энки, из-за которого последний был изгнан в земные глубины, где ему были переданы подземные воды. Видимо, отношения между Нинмах и Энки выходили за рамки порученного им дела сотворения человечества и они были мужем и женой, отцами человечества. Если это так, то удаление Энки в его собственный мир, кажется, связано с необходимостью соединения супругов в нижнем мире.

Во дни былые, когда небеса от земли отделились, в былые ночи, когда земля от небес отделилась, умножилось небожителей племя и от нехватки пищи страдало. Взмолились бессмертные праматери Намму, умоляя ее утолить их голод. Намму же Энки разбудила:

— Проснись, сын мой! Сон прогони! Избавь богов от терзаний!

— Я сделал все, что было в силах моих, — ответил Энки, не поднимая головы. — Я от трудов утомился. — У братьев моих и сестер на уме лишь пиры да веселья.

— Нет! Всего ты не сделал, — возразила мудрая Намму. — Помощников ты не сделал, которые взяли бы на плечи твои заботы, все ваши заботы.

— Каких еще помощников! — удивился Энки.

— Людей! — ответила Намму. — Пусть они будут по виду на братьев твоих похожи, но бессмертья не знают.

— Из чего же я их сделаю? — спросил Энки, спуская ноги с ложа.

— Из плоти моей, — ответила Намму. — Эту плоть называют глиной. От себя я ее отделю, насыплю на землю рядом с водою. Лепить тебе Нинмах поможет. Она руки в воде омочит, кусок моей плоти отщипнет и вылепит эти творенья. Ты же им найдешь примененье.

Разговор этот слышали боги, и собрались они отовсюду, и сказали владычице Намму:

— Наконец-то бессмертные боги будут жить, забот не зная, как лежебоки. Пригласи же, Нанну, на пир нас. Не скупись на ячменное пиво, какое имеешь в запасе.

Так все боги на пир собрались. В сосудах из плоти Намму светлое пенилось пиво. Боги, честь ему отдавая, хвалу возглашали хозяйке и тем, кто своею работой небожителям даст пропитанье. Энки и Нинмах рядом сидели, словно жених и невеста, вместе пили и вместе хмелели.

— Я сделаю то, что ты просишь, — Нинмах Энки сказала. — Но как бы узнать, хорошо или плохо творенье, и судьбу ему как назначить?

— Ты лепи, что душе угодно. Лишь бы люди были на нас, бессмертных, похожи. А судьба их — моя забота.

Нинмах руки в воде смочила, глины кусок отщипнула. И задвигались быстрые пальцы, создавая богов подобья. Голова же богини кружилась, и земля под нею шаталась, словно хмельная. И фигурки, что появлялись, совершенством не обладали. Вот урод с морщинистым ликом и с кривыми ногами. Безбородое вот творенье, что задумано быть женою. Но где же его груди?

— Что ты делаешь! — Энки воскликнул. — У этой пары не будет потомства.

Хотела Нинмах расплющить свою работу, но Энки дал сотворенным вкусить хлеба.

— Пусть остаются! — сказал он Нинмах. — Первый будет дворцовым слугою, второй же евнухом станет для службы в гареме.

Затем вылепила Нинмах вторую пару людей, и третью пару она вылепила. Вновь это были уроды. Дал и им Энки вкусить хлеба, определил им судьбу. Потом он молвил:

— Давай поменяемся местами. Я буду лепить, а ты подыщешь применение.

И принялся Энки за работу. Со второй попытки ему удалось слепить человека с двумя руками и двумя ногами. Но были его ноги тонки, как тростинки, живот вздут, спина сгорблена. Был это старец, о которых говорят: «Его день далеко».

Обрадовавшись, что получился человек, Энки обратился к Нинмах:

— Назначь этому человеку судьбу, чтобы он мог пропитаться.

Нинмах рассмеялась:

— Какая может быть судьба у такого калеки! Видишь, у него дрожат руки и он трясет головой.

С этими словами она подошла к человеку и поднесла ему

хлеб. Он же не мог его взять.

— Не живой это человек, — сказала Нинмах. — Нет ему на земле назначения.

— Но я нашел назначение для твоих ублюдков, — вскипел Энки. — Отыщи ты и для моего мужа.

Так между Нинмах и Энки разгорелась ссора. Много они наговорили друг другу обидных слов. Но женщина, даже если она богиня, всегда старается сказать последнее слово, и Нинмах его сказала:

— Отныне не будет тебе, Энки, места, на небе. Не будет тебе места и на земле. Уйдешь ты в земные глубины и не увидишь света.

Энки и мироздание
Миф шумеров

Создание культуры шумерский миф приписал владыке подземного пресноводного океана Энки. Это естественно для народа, обитавшего в окруженном пустынями Двуречье, где пресная вода — основа хозяйственной деятельности, и прежде всего земледелия и скотоводства.

Отец богов Ан создал жизнь на земле. Энки, сын богини Намму, ее упорядочил. До него земля была покрыта непроходимыми чащами и болотами — не пройти через нее, не проскакать. Не было никакого спасения от змей и скорпионов. Стаи свирепых зверей рыскали повсюду, загоняя смертных в мрачные пещеры. Став за плуг, Энки выкорчевал кустарник, провел по земле первые борозды и засеял их зернами. Для хранения урожая он соорудил закрома. Он наполнил Тигр и Евфрат животворной водой и сделал все, чтобы они служили плодородию. Берега их он засадил тростником, воды заполнил рыбой. Затем он занялся морем и заботу о нем поручил божественному надзирателю.

Горные пастбища Энки отдал во власть царя гор Сумукана, скот пасти поручил богу-пастуху Думузи, показав ему, как надаивать молоко и отстаивать сливки, как строить овчарни и хлевы.

Энки обучил женщин выводить из шерсти овец нить и сплетать ее в ткань, после чего поручил наблюдать за их трудом богине качества Утту.

Заметив, что люди лучше ухаживают за тем, что принадлежит им, Энки провел между участками земледельцев межи, наметил границы между городами.

В стране между двумя реками не было металлов, из которых изготовлялись орудия труда и оружие, а также любимые

смертными мужами и женами украшения. Но Энки было известно, что золото, серебро и медь имеются в изобилии в стране Мелухха, куда можно добраться морем. Он показал путь в эту страну, где можно было обменять зерно и плоды садов на металлы.

Энки создал город Эреду, подняв в него пресные воды из подвластного ему подземного пресного океана.

Чтобы люди не были похожи на зверей, Энки создал установления и записал их на скрижалях{20}. Люди должны были их чтить, но он удержал скрижали у себя, чтобы люди не возвысились и не были как боги.

Энки и Нинсикила
Миф шумеров

Представление о стране вечной жизни и вечного счастья присуще многим народам. У древних евреев это Эдем, у древних греков — Острова блаженных. Но Тильмун, встающий из шумерских мифов, — древнейшая из этих стран, когда-либо созданных человеческой фантазией. Творцы этого мифа, датируемого концом III тыс. до н. э., описывая сказочную страну Тильмун, лишили ее всего, что делало горькой и трудной земную жизнь. Тильмун — это «страна наоборот», где нет болезней и смерти, жестокости и насилия, где вдоволь влаги и зелени. Если здесь может произойти трагедия, как это случилось с богом Энки, то она имеет счастливый конец. Современные ученые отождествляют страну Тильмун с Бахрейнскими островами в Персидском заливе.

Еще до того, как боги делили между собой первозданную землю, была страна Тильмун, окруженная свинцовыми водами бездны. Не было на этом острове ручьев и рек, пока Энки не открыл уста земли и не выбил через них пресную воду. И превратились безжизненные пески в изумрудные поля, перемежающиеся цветущими лугами. Выросли кусты и деревья. На них появились и запели сладкоголосые птицы. Стала страна Тильмун садом, светлым, чистым и непорочным. Там не было слышно ни карканья воронов, ни пронзительного крика птицы Иттиду, вестников бед. Там не крался на мягких лапах свирепый лев. Дикий пес не знал, как схватить козленка, как едят зерно, не догадывался дикий осел. Счастливы были живущие в этой стране, ибо там не жили женщины, которые говорили бы: «Я старуха». Не было там мужчины, который говорил бы: «Я старик».

Жила на острове красавица Нинсикила, госпожа чистоты. Прельстился ее красотою Энки и возлег с богиней на просторном месте, на чистом месте, в уединении. Через девять дней она родила первую из дочерей — богиню растений Нинсар, родила словно по маслу, без мук. Тем временем ушел Энки от Нинсикилы на берег своей реки. Там он познал Нинсар, не зная,

что это его дочь. Потом Нинсикила родила дочь растения, красящего одежду. Та же в свою очередь родила богиню ткачества Утту. Она также приглянулась Энки. Тогда уже Нинсикила знала, что супруг ей неверен. Бабка предостерегла внучку, чтобы она не верила Энки и потребовала от него брачных даров Энки принес в дар Утту огурцы, яблоки и виноград, после чего познал и ее.

Тем временем Нинсикила родила еще восемь растений, родила словно по маслу, без мук. Стала она думать, какие дать новорожденным имена, ибо без имени нет жизни. Придумала она эти имена и, придя, чтобы их объявить, обнаружила, что Энки съел все восемь растений.

Не могла простить Нинсикила уничтожения своих чад, не могла она простить и измен. Она прокляла имя Энки, прокричав: «Глаза мои его больше не увидят», и покинула остров.

Страшно мучился Энки, и вместе с ним, ему соболезнуя, страдал весь мир, страдало все в нем живущее. Никто не мог помочь Энки, кроме самой Нинсикилы. Послал за нею Энки всех зверей, но никто не мог ее отыскать. Страдания Энки увеличивались. Мир неотвратимо шел к гибели. Но лис, самый ловкий из зверей, за обещанное вознаграждение напал на след Нинсикилы. Великая богиня сама уже жалела о том, что обрекла супруга на муки. Поспешив за лисой на Тильмун, она бросилась к страдальцу и, обняв его, спросила:

— Что у тебя болит, мой возлюбленный супруг?

У несчастного так сильно болели зубы, что он не мог и слова вымолвить, а только схватился за челюсть. И тут же родила мать всех богов совсем юную богиню, владычицу челюсти. Притронулась Челюсть к подбородку Энки, и зубная боль прошла.

— Что у тебя еще болит? — спросила Нинсикила.

— Ой! — воскликнул Энки, схватившись за бок.

И родила Нинсикила юную богиню Нинту, владычицу ребра[{21}].

Притронулась Нинту к больному месту, и боль прошла.

Так изгнала Нинсикила с помощью восьми дочерей-целительниц восемь хворей из тела Энки. И встал он на ноги, как после долгого тяжкого сна. После этого супруги покинули остров и больше не ссорились. Когда же по воле богов произошел потоп, на Тильмуне был поселен благочестивый старец Зиусудра, которому была дарована вечная жизнь.

Инанна и Энки
Миф шумеров

Инанна (соответствующая аккадской Иштар) — шумерийская богиня неба, любви,

но также военное и звездное божество, символом которого является звезда Венера. Она считалась дочерью бога неба Ану (по другой версии — бога Луны), сестрой богини подземного мира Эрешкигаль и солнечного бога Уту.

Миф об Инанне, явившейся к людям с добытыми хитростью законами, напоминает греческие мифы о похищении Прометеем огня и о Пандоре, передавшей людям болезни.

В давние времена богиня Инанна обратила свои мысли к тому, чтобы прославить и облагодетельствовать город черноголовых Урук. Узнав, что владыка вселенной Энки хранит у себя «ме» (законы жизни), она решила их добыть и доставить в Урук.

Тщательно нарядившись, Инанна отправилась в путь, озаряя все вокруг сиянием своей красоты. Увидев ее издали, Энки призвал к себе служителя Исимуда и обратился к нему:

— Приблизься, Исимуда! Склони ухо к моим словам! Юная девушка совсем одна направила стопы к бездне Эреду. Накрой стол чашами с холодной, освежающей сердце водой, фигурными сосудами с пивом и ячменными лепешками, залитыми маслом, а потом ее впусти.

Выполнил служитель это приказание, и Энки сел со своей гостьей Инанной за стол. Гостья съела лепешку и запила ее водой. Энки же выпивал один сосуд пива за другим. Дождавшись, когда господин захмелеет, попросила у него Инанна «ме».

— Ничего мне для тебя не жаль! — сказал Энки и передал Инанне все сто законов «ме».

Дождавшись, когда Энки заснул, Инанна погрузила свою добычу на небесную ладью и отплыла в милый ее сердцу Урук.

Между тем Энки пробудился и, подняв голову, не нашел на своем обычном месте «ме». Не помня о пире, он призвал Исимуду и, к ужасу своему, узнал от него, что собственноручно отдал «ме» Инанне.

— О, Исимуда! — сказал он ему. — Склони свой слух к моим словам! Отправляйся вместе с семью морскими чудовищами в погоню и отними у Инанны небесную ладью и то, что в ней лежит. Пусть обманщица добирается в Урук пешком.

Догнали Инанну Исимуда и семь морских чудовищ. Исимуда приказал богине оставить небесную ладью. Стала сетовать Инанна на то, что Энки нарушил свое слово, стала призывать в свидетели богов. Но Исимуда не захотел ее слушать. Он приказал чудовищам сбросить богиню с ладьи.

Тогда в великой обиде призвала Инанна своего служителя Ниншу, чья рука не знает дрожи, чьи ноги не ведают усталости. Явившись на призыв госпожи, Ниншу отогнал чудовищ, семь раз пытавшихся отнять у богини небесную ладью. После этого Инанна продолжала свой путь победный и, наконец, пристала к Уруку{22}.

Весь город вышел навстречу.

Когда вверху
Миф аккадян и вавилонян

Поэма аккадян и вавилонян «Когда вверху», названная так по ее первым словам, повествует о создании мира, о нескольких поколениях богов, о борьбе младших богов со старшими, в, ходе которой из побежденных старших создаются мир и человечество. Перед нами искусный памятник литературы, в котором тонко обрисованы характеры мифологических персонажей.

Когда вверху небеса еще не имели названья, когда твердь имени не имела, когда были лишь первородный их сотворитель Апсу{23} и Мумму{24}, мудрый его советник, и Тиамат{25}, всего живого праматерь. Жили они в Океане, воедино смешивая свои воды. Когда ни болот, ни строений не было видно, вообще ничто имени не имело, тогда среди них появились боги.

Первыми имена получили Лахму и Лахаму{26}. От этих глубинных чудовищ бог Аншар и богиня Кишар родились. Много времени они пребывали, к годам прибавляя годы. Потом создал Аншар первенца Ану по своему подобию. От Ану родился Эйа{27}, также отцу своему подобный. Не имел он среди богов, своих братьев, себе равных.

Были боги молоды и задорны. Тиамат они тормошили, ее возмущали чрево. Шумом этим был недоволен Апсу. К Тиамат, супруге своей, обратился, чтобы она ему буйных юнцов унять разрешила. Не дала на то Тиамат повеленье. Апсу сам их убить решился с помощью слуги своего Лумму. Об этом Эйа поведал, бог мудрейший. Он для Апсу питье приготовил. Напившись, Апсу в сон погрузился. Эйа тут же его прикончил, на части разрезал, в океане рассеял. Потом он могучего Мумму заковал в оковы, лишил его силы волшебной. Затем на краю океана Эйа себе построил жилище, воздвиг дом свой великий. В этом доме от богини великой Дамкины{28} у Эйи родился сын первородный. Превосходен он был — с сияющим взором, с походкой мужа-владыки. Дано ему было имя Мардук. Охранять свой дом, колыбель Мардука, Эйа поставил праотца Аншара, у которого было четыре глаза, а также четыре уха и пасть, что огонь изрыгала.

Между тем Тиамат супруга хватилась и, узнав, что он уничтожен богами, решила разрушить порядок, который они учреждали, вновь смешать воедино стихии, что начали отдаляться. Одиннадцать она создала чудовищ. Во главе их поставила Кингу, который был вместе с этим воинством создан и стал ее мужем. Тиамат ему вручила судьбы скрижали, их на грудь

ему возложила.

Мудрый Эйа об этом проведал и послал всем богам приглашенье, и они не медля в чертог явились. За трапезу сев, они пищу вкушали, пили и пели беспечно. Узнав о том, что Тиамат-праматерь погубить их решила, что войско она создала, во главе его поставила Кингу, задрожали боги от страха. Трепетали Аншар и сын его Ану, не зная, как обрести спасенье. Анунаки губы поджали, сидели в смятеньи. И вышел вперед Мардук безупречный.

— Я готов один с Тиамат сразиться, — молвил юный храбрец. — Я вашим защитником стану. Я один рассею двенадцать чудовищ. Только знайте: если добуду победу, всем вам придется мне подчиниться. Господином я буду над вами.

Поначалу боги рассвирепели, окружили толпою Мардука, наперебой закричали:

— Молод ты, чтоб быть над нами владыкой. Мы постарше тебя и родом знатнее.

— Что ж, — ответил Мардук. — Я вас не неволю. Удалиться готов я. Сражайтесь сами.

— Не готовы мы с Тиамат сражаться! — ответили боги, слабые духом. — Победи нашу праматерь и будешь главным в совете, твое слово будет первым.

Как только Мардук получил от небесных богов скипетр, трон и они признали его своим повелителем, он взял могучий лук с тугой тетивою и на боку повесил, булаву обхватил Десницей, впереди же себя он выставил молнии. Потом с помощью Ану он сплел сеть и поставил буйные ветры, чтобы они эту сеть натянули. При виде Мардука страх овладел Кингу. Разбежалось воинство из драконов, созданных Тиамат. Но сама она выдержала взгляд Мардука и устояла. Тогда накинул Мардук на Тиамат свою сеть, которую растянули ветры. Раскрыла Тиамат пасть, чтобы проглотить смельчака, но Мардук, ловко отпрянув, буйные ветры пустил прямо в пасть Тиамат. Заполнили они ее утробу и раздули так, что она не могла пошевелиться. И тогда наложил Мардук стрелу на дугу своего огромного лука, натянул тетиву, и стрела, вырвавшись со свистом, пронзила сердце праматери.

Когда Тиамат дух испустила, Мардук ногой наступил на ее недвижное необъятное тело. После чего он вырезал мечом ее сердце, а туловище рассек пополам. Половину, что выше была, он поднял наверх и прикрыл ею верхние воды, словно стеной. В этой стене, которой он имя дал «небеса», пробил он ворота и стражей поставил, чтобы они по его повеленью выпускали дожди, град и снег. Из нижней половины Тиамат могучего тела Мардук создал землю и закрыл ею нижние воды, которые заполняли царство

Эйи. Потом он одолел прочих богов и всю нечисть, что против него создала Тиамат, а затем поднялся на небо, где построил дворцы для Ану, Эллиля и Эйа, соорудил дома для звезд и планет. Потом он создал Луну, ночь ей доверив. Короной он Луну одарил, чтобы ее рогами-зубцами мерить время. День же отдал Мардук Шамашу, повелев ему разгонять своими мечами-лучами всех злодеев и нечестивцев, которым мрак по душе. Благодарные боги воздвигли Мардуку город и храм. И зажил он в своем небесном дворце, не зная забот. Но как-то к нему боги пришли. Мардук услыхал от богов, что терпят голод и холод они. И задумался он, в сердце своем решая, что предпринять, чтобы жалоб и стонов больше не слышать. И явился к Эйа Мардук, и поведал ему, что хочет кости иметь и кровь, чтобы слуг создать для богов, чтобы они кормили их, поили и согревали. Посоветовал Эйа собрать всех богов. Когда же боги собрались, им объявил Мардук, что старшие боги должны ответить за былые обиды, что одного из них надо убить. И тут громко закричали боги, что должен быть Кингу убит, ибо он виноват во всем. И тотчас Кингу связали, повлекли его к Эйа, вину ему объявили, ему разрезали жилы. Когда же вытекла кровь, взял Мардук глины, на крови Кингу ее замешал, и вылепил он человека, передав ему бремя богов, богам же без бремени жить он позволил.

С великих небес к великим недрам
Миф шумеров

Миф о нисхождении богини Инанны сохранился во многих вариантах. Больше всего расхождений существует в рассказе о судьбе Думузи. Кроме изложенного здесь — выдачи Думузи демонам, имеются варианты, согласно которым Инанна упрашивает Думузи спуститься вместо нее в подземное царство, и варианты чудесного спасения Думузи, которому удается ускользнуть от демонов смерти. (Уту по просьбе Инанны превращает Думузи в газель, или змею, или ящерицу). Но классическим является вариант гибели и возрождения Думузи, возвращение которого в верхний мир знаменовало возрождение природы после зимней спячки.

С великих небес к глубинам великим госпожа Инанна уходит, покинув небо, землю оставив, спускается в недра богиня. Семь храмов своих в семи городах она покидает. Семь сил своих, семь тайн своих от смертных она уносит. В венце она, которому имя «Корона Эдена», лоб лентой повязан, ей имя «Чела украшенье». Бусы из лазурита ее украшают шею. Змейки браслетов вьются вокруг запястий, холмики грудей в сетке, ей имя «Ко мне, мужчина». Лоно скрыто повязкой, как у всех небесных владычиц. В веки ее втерта краска «Явись скорее».

С богиней шагает рядом желаний ее глашатай. Слова ее и наказы ухом он ловит:

— Слушай меня, Ниншубур, внимательно слушай. Как только я скроюсь, из глаз исчезну, жалобным плачем залейся на могильных курганах, в честь мою щеки и тело в кровь исцарапай, уста изорви ногтями. Бей в барабан, нещадно бей в барабан пред народом. В клочья порви одежду и обойди, как нищий, богов великих жилища. К Энлилю сперва зайди и молви, упав на колена, сквозь вопли:

— О, владыка, не дай погибнуть Инанне, дщери твоей, в страшном мире подземном. Не разреши серебру твоему, что взор ослепляет, пылью покрыться. Резчик подземный пусть сохранит твой лазурит, твой Самшит пусть сохранит, гордость твою пусть не расколет. Если ж владыка ветров ухо к тебе не повернет и не откроет, времени не теряй, поспешай к мудрому Нанне, владыке всех знаний. Не поленись ему повторить, что молвил Энлилю. Если и он промолчит, то иди к Энки, великого низа владыке, и повтори ту же мольбу, слово в слово. Энки знакомы и воды рожденья, и бессмертия травы. Теперь же простимся: путь мой налево, твой же — направо.

Идет Инанна, к горе подходит из лазурита,
Но нет пути ей. На семь засовов врата закрыты.
Кричит богиня, вопит богиня: «Открой ворота!»
И вопрошает привратник Нети: «Крикунья, кто ты?»
— Открой скорее. Ведь пред тобою Звезда Восхода.
— Звезда Восхода, зачем явилась в страну Заката,
В страну, где вопли, в страну, где стоны?
— Свою сестрицу, привратник Нети, мне видеть надо.
— Тогда, Инанна, снимай скорее, снимай корону.
— Зачем корону?
— В подземном мире — свои законы.
Сняла корону, и стало меньше одним засовом.
Суров привратник. Ждет от богини он жертвы новой:
«Теперь сорви, Звезда Восхода, со лба повязку!»
Сняла повязку. Привратник снова засовом лязгнул.
Сняла Инанна все облаченья и все наряды.
«Теперь иди!» — сказал привратник, окинув взглядом
Нагое тело той, что недавно еще сияло
Женскою красотой, что возбуждало и звало
Смертных мужей к любви и к продолжению рода,
Той, в которой живет и умирает природа.
Вошла Инанна, вступила в пещеру, склонилась пред троном
Своей сестры Эрешкигаль, владычицы непреклонной.
Сидят рядом с нею на креслах судейских семь

Ануннаков,
Семеро судей, покорных слову ее и знаку.
Дух Инанны ушел от сестры ледяного взгляда.
Был труп ее брошен на крюк с трупами смертных рядом.

А на небе Ниншубур, глашатай желаний Инанны, плачем залился на могильных курганах, в честь владычицы щеки и тело в кровь исцарапал, бил в барабан, бил перед всем народом, одежду в клочья порвав, обходил храмы. Только владыка Энки на мольбу его отозвался. Из ногтей, не покрытых краской, грязь он выскреб, из этой грязи он сделал кургура. Из других ногтей, покрытых краской, грязь он выскреб. Из этой грязи сотворил галатура. Водрузил этих уродцев он на ладони, дал наставленья, как вести себя в мире нижнем, и отпустил он их со словами:

— Летите, кургур с галатуром, и без Инанны, дщери любимой, не возвращайтесь!

И понеслись кургур с галатуром на крыльях мушиных, славя того, кто из грязи их вынул. В щели ворот подземных они залетели, так что и Нети, недремлющий страж, их не заметил. Нашли Эрешкигаль, нет не на троне, рожающей в муках. Стоны услышав, кургур с галатуром на них полетели. И говорила владычица мрака, нет, не с супругом, со своею утробой:

— Долго ли будешь, чрево мое, терзать меня болью?
И обратились кургур с галатуром к великой богине:
— Можем помочь тебе, о Эрешкигаль. Все в твоей воле.
— О, если можете, то изгоните боль из утробы.
— Можем, владычица! — радостно крикнули оба. —
Многого мы не возьмем за эту работу. Труп на крюке.
— Берите, навозные мухи, только скорее меня избавьте от муки!

Кургур с галатуром, понатужившись, сорвали тело Инанны. Живою водою омыли его, травою живою к нему прикоснулись, что дал им Энки, их родитель. И задышала богиня, поднялась, зашагала к воротам, слова не молвив. Ее Ануннаки догнали, ее Ануннаки схватили.

— Не торопись, Инанна, — они сказали богине. — Коль выбраться хочешь в мир, где ждут тебя боги, в мир, где смертные даров твоих ожидают, — выкуп должно тебе оставить — душа за душу. Демоны смерти станут твоею свитой. Им назовешь замену.

Вот Инанна выходит, а за нею демоны вьются. Они не ведают жажды. Голод им неизвестен. Им незнакома жалость. Вырывают

они из объятий мужа его супругу, дитя, что жизни не знало, у матери отнимают. Первым Инанну встретил глашатай ее желаний, посол благородный Ниншубур. Еще на щеках его шрамы видны и порезы, в рубище тело. Увидев Инанну живою, он ей повалился в ноги. И демоны тут набежали. «Его мы возьмем, Инанна, — сказали они богине. — А ты возвращайся в город. Тебя мы оставим в покое».

— Нет, — сказала Инанна. — Этого не возьмете. Он из подземного плена мне к жизни открыл дорогу.

Демоны отступили:

— Что ж! Назови нам другого.

В славном городе Уре встретил Инанну Шара, там почитавшийся богом. Пред нею упал на колени.

Демоны тут набежали, оглушая Инанну криком:

— Этого дай нам, богиня, а ты возвратишься в город. Тебя мы оставим в покое.

— Нет! — сказала Инанна. — Этого не возьмете. Песен он много знает. Стриг он мне как-то ногти и расчесывал кудри, песенки напевая.

Демоны отступили:

— Что ж, назовешь нам другого.

В город Кулаб вступила богиня. Здесь жил ее супруг Думузи. Был до спуска Инанны в толщу земную ее любовником скромным. Когда же она удалилась, на лоб напялил корону.

Увидев Думузи на троне, в гневе вскричала богиня:

— Хватайте его! Тащите! Такой он мне не нужен!

Иштар и Думузи
Миф аккадян

Возлюбила прекрасная богиня Иштар юного красавца Думузи. Не могла она жить без него ни дня, ни мгновенья, а если он отлучался, она находилась в великом волнении.

Однажды отправился Думузи в степь на охоту и не вернулся. От слуг, сопровождавших охотников, богиня узнала, что внезапно налетел вихрь и Думузи упал, как надломленный тростник, и дух испустил.

Великая скорбь овладела богиней. Не могла она примириться со смертью того, кто был ей дороже жизни, и мысли она обратила к стране без возврата, к обиталищу мрака, к Эрешкигаль, к хозяйке подземного мира.

Надела Иштар наряд, украсила кольцами запястья и лодыжки, перстнями украсила пальцы, уши — серьгами, подвесками — шею, обвила голову золотою тиарой и отправилась

скорбной дорогой, которой спускаются тени мертвых. Дошла Иштар до ворот, до медных, которые мертвым одним открыты, а живым недоступны.

— Откройте! Откройте! — кричала богиня, могучей рукой ударяя по меди, так что она как бубен гремела. — Откройте, а то обрушу я ваши ворота, сломаю запоры и выпущу мертвых наружу.

Привратники шум услыхали и удивились. Бесшумны ведь тени мертвых. Беспокойства они не приносят.

Шум услыхала сама Эрешкигаль, и яростью ее наполнилось сердце.

— Кто там ко мне стучится, словно пьяный в двери таверны? Надо же выпить столько сикеры!

— Это не пьяный! — почтительно страж промолвил. — Это богиня Иштар, твоя сестрица, пришла за Думузи. Сейчас опрокинет ворота. А кто их поднимет?

— Впусти! — приказала хозяйка подземного мира.

Со скрипом великим открылись ворота. Предстала богиня Иштар перед стражем во всей своей красоте и скорби. Но наглый привратник не содрогнулся. Он жадно взглянул на тиару. Богиня, сняв ее с головы, ему протянула.

И снова пред нею ворота из меди, ворота вторые. Богиня вручила второму стражу кольца и серьги. Когда же седьмые ворота прошла — нагой оказалась средь душ, снующих туда и сюда во мраке кромешном, как летучие мыши. На ощупь она среди них пробиралась и натыкалась на стены, скользкие от воды и слез, натыкалась на камни, падала и поднималась.

Нет, не смогли сломить Иштар униженья. С головою, поднятой гордо, она перед троном предстала и хозяйке подземного мира сказала:

— Думузи верни мне, сестрица. Нет без него мне жизни.

— Закона нет, чтобы мертвым жизнь возвращать ради чьих-то капризов, — оборвала Эрешкигаль богиню. — Мало ли осталось юнцов? Пусть они Думузи заменят.

— Думузи один, — Иштар возразила. — Прекрасному нет замены.

И тут Эрешкигаль обернулась, слуге своему Намтару, болезней владыке, рукою махнула. Наслал на Иштар он язв шестьдесят, шесть тысяч болячек.

И затихла земля без Иштар. Травы расти перестали. Опустели птичьи гнезда. Овцы ягнят не рожали. Семьи людские распались. Овладело землей равнодушье, предвещавшее жизни распад и победу могильного мрака.

Боги, глядя на землю с небес, ее не узнали. И, всполошившись, послали гонца из верхнего мира в мир нижний с

приказом:

— Иштар возвратить и с нею вместе. Думузи.

Как ни кипела яростью Эрешкигаль, как по бедрам себя ни колотила, как ни вопила, что нет возврата из царства ее, пришлось ей смириться.

В тот день, когда Иштар вместе с Думузи вернулись на землю, весна наступила. Все на земле зацвело буйным цветеньем. Птицы запели в ветвях, любовь прославляя. Жены вернулись к мужьям на брачные ложа. В храмах Иштар настежь все двери открылись. Ликующий хор голосов провозгласил:

— Думузи воскрес! К любви вернулся Думузи!

Мифы о предках-героях

Нинурта — бог-герой Ниппура
Миф шумеров

Нинурта, сын Энлиля, одновременно и бог и культурный герой, покровитель плодородия, скотоводства и рыболовства, главных отраслей хозяйства Шумера. Сохранилось «Поучение Нинурте» — древнейший из агрономических трактатов в поэтической форме.

В образе Нинурты явственны черты бога-грозовика, и как таковой он — противник дракона, порождения хтонических сил природы, Но этот дракон также воплощение враждебных Месопотамии гор, откуда исходила постоянная угроза земледельческому населению (исторически завоеватели приходили с этих гор — гуттии, касситы, эламитяне, мидяне, персы). Миф о Нинурте явно древнее мифов о других шумерских героях. Это явствует из его связи с Ниппуром, из абстрактного представления о горах как враждебной стихии. Позднее эта стихия воплощается в городе Аратте.

Жил в Ниппуре священном хитроумный Нинурта, сын Энлиля. Владел Нинурта Шаруром, оружьем, чей блеск ужасен. Однажды Шарур обратился к Нинурте:

— Господин, ты меня послушай. В горах обитает злой демон, дракон — порождение Куру, страны, что не знает возврата. Асаг ему имя. Полетим! Сразимся с Асагом и его одолеем!

И полетел Нинурта в горы, чтобы сразиться с Асагом, но, узрев его силу, улетел словно птица, хотя и не робок был сердцем. Шарур не покинул Нинурту и, находясь с ним рядом, взывал к его храброму сердцу, и обещал победу.

И вновь полетел Нинурта в горы против Асага. Он двигался в шуме ветра, в грохоте и блеске молний. Дрожала земля, кружился Нинурта над полем боя, все время меняя оружье. Изловчившись, нанес Нинурта удар дракону и сокрушил Асага.

Мстя за свое порожденье, на Ниппур ополчилась Куру, страна, что не знает возврата. На славный город Нинурты обрушились воды смерти, залили землю, воде жизни путь преградили. Тогда всполошились боги, что на плечах носили корзины и рыхлили мотыгами землю. На страну обрушился голод, ибо текли по каналам ядовитые воды смерти. Вслед за ними спустились горцы, все на пути разрушая, людей обращая в рабство.

И пришел хитроумный Нинурта черноголовым на помощь. Он принес отовсюду камни. Из камней он построил стену, преградившую путь водам смерти. Он впустил животворные воды, и полилась вода по каналам, и на поля пролилась, где росли одни сорные травы. И взрыхлили мотыги землю, семена из корзин упали и накрылись влажной землею, чтобы выросли чудо-побеги

и дали поля изобилье. Громоздилось зерно горами, холмами плоды возвышались.

И печаль из страны удалилась. Получая дары земные, ликовали небесные боги. Нинмах, что людей породила, восхищаясь Нинуртой, его посетила. И Нинурта к ней обратился с такими словами:

— Слава тебе, госпожа, за то, что проникнуть решилась ради меня в мои земли, не испугавшись битвы, что кипеньем меня окружила. Холм{29}, на котором стою я, холм, что мною насыпан, станет твоею горою. Ты будешь его царицей.

Сказание о Лугальбанде
Миф шумеров

Сюжетной основой героического эпоса о Энмеркаре и его сыне Лугальбанде является соперничество и борьба между двумя городами-государствами — Уруком и лежащим за семью горами городом Араттой, который играет в шумерских мифах ту же роль, что в гомеровской «Илиаде» Троя. Возможно, Аратта была реальным городом где-то в горах Элама, богатых строительным материалом и металлами. Но эта реальность настолько мифологизирована, что возможность отождествления Аратты с каким-либо историческим центром сводится к нулю. Примерно такая же картина характерна для Трои, реального города, расположенного у входа в Геллеспонт, в месте, которое нельзя спутать с каким-либо другим, что не помешало греческим героям первоначально принять за Трою город, расположенный далеко от проливов, в Ликии.

Миф излагает один из эпизодов многолетнего соперничества Урука и Аратты — поход Энмеркара, в котором участвует сын этого урукского царя Лугальбанда. Попавший в безвыходное положение, он не только спасается, но и с помощью чудесной птицы Анзуд становится скороходом и оказывает неоценимую помощь войску, бросившему его на произвол судьбы.

Фантастические птицы присутствуют почти во всех мифологиях древности. Очень часто это не птицы в чистом виде, а соединения птиц с существами иной породы — конем, львом, змеем, человеком. Местом гнездовья этих птиц является гигантское дерево — прообраз мира («мировое древо»). Шумерскому герою удалось не только найти такое дерево в глухих горах Хуррума, не только взобраться на него, но и накормить прожорливого птенца, оставленного птицей-матерью, и этим заслужить ее благоволение.

Обещание Анзуд богатства и власти, отклоненное Лугальбандой, характеризует шумерскую фантастическую птицу теми же чертами, что и героических грифонов, стерегущих золото в стране сказочных обитателей севера аримаспов. Власть Анзуд над судьбой — черта, роднящая ее с мифологическими представлениями других народов о вещих птицах — воронах, совах — и богинях мудрости с головами птиц. Одновременно Анзуд — покровительница царской власти и ее символ. Это явствует из рассказа о пророческом сне правителя Лагаша Гудеа, когда царю явился некий человек.

Велик он, как небо, как земля, велик,
Корона бога на его голове,
Орел Анзуд на его руке.

Изображение этого орла переходит от одного древневосточного народа к другому, из Месопотамии к хеттам и персам.

В мифах об Энмеркаре и Лугальбанде нашли отражение общественные и политические отношения времени I раннединастического периода (первая половина

III тыс. до н. э.) и более поздней эпохи формирования героического эпоса (XX–XVIII вв. до н. э.). Городами-государствами управляли светские правители-цари, но продолжал существовать общинный совет старейшин как пережиточный орган родоплеменного строя. Царь обладал правом принятия самостоятельных решений, контролировал должностных лиц, из которых формировался бюрократический аппарат, ведал внешнеполитическими сношениями, руководил народным ополчением.

Страшны горы Хуррум даже для тех, кто родился в ущельях на берегах грохочущих рек, кто провел годы в хижинах, лепящихся на краю бездны, подобно ласточкиным гнездам. Для того же, чья родина — город между двумя равнинными потоками Тигром и Евфратом, они страшнее и ужаснее в семижды семь раз, особенно если у него отнялись ноги и он не в состоянии сделать и шага.

Не иначе враждебные духи этих гор, защищающие Аратту, наслали на могучего Лугальбанду болезнь, будучи уверены, что это остановит поход. Но боги не знали, с кем имеют дело. Поняв, что не может идти, Лугальбанда не стал задерживать войска. Призвав отца, он попросил его разрешить ему остаться одному, уверяя, что догонит воинов еще до того, как они достигнут Аратты. Энмеркар знал, что сын не бросает слов на ветер, и поэтому приказал воинству продолжать путь.

Воины пошли, не оглядываясь, Лугальбанда смотрел им вслед, пока последний не скрылся за скалой. После этого юноша с невероятным усилием перевернулся на спину, чтобы встретиться взглядом со следующим по небу верхним предком Уту{30}. «Должен же Уту увидеть меня, взятого в полон злыми богами этих гор?! — думал Лугальбанда. — Должен же он своими лучами-стрелами рассеять их невидимое воинство!»

Но на спине Уту, кажется, не было глаз. И Уту продолжал свой путь в царство ночи, чтобы принести мертвым свет, тепло и пищу.

Внезапно послышался шум крыльев. Подняв взгляд, Лугальбанда увидел прямо над собою огромную львиноголовую птицу, затмевающую сияние Уту. Еще у себя в Уруке слышал Лугальбанда об этой птице и знал, что ее имя Анзуд. Рассказывали о ее необычайной дерзости. Анзуд осмелилась похитить знаки власти и таблицы наставлений у самого Энлиля, чтобы стать могущественнее всех богов. Когда Энлиль заснул, положив голову на таблицы, Анзуд ловко вытащила эти таблицы, вместе с ними скипетр Энлиля и улетела с ними в горы. Пробудившись, Энлиль обнаружил пропажу и сразу понял, кто похититель. Только сын Энлиля крылатый Нинурта мог справиться с Анзуд. По просьбе Энлиля Нинурта настиг птицу в горах и пустил в нее стрелу, не дающую промаха. Стрела настигла воровку, но, обладая таблицами наставлений, Анзуд

отыскала место, где давались советы пораженным стрелою, и излечилась. Лишь с третьего раза Нинурта поймал Анзуд и отобрал у нее принадлежащее Энлилю.

Не замечая Лугальбанду, птица летела к издалека видному дереву. С трудом протянувшись к оставленной ему пище, Лугальбанда поел и забылся сном. В сновидении к нему явился Уту и объяснил, что он видел и слышал, но не мог отклониться от своего пути, а теперь он пришел, чтобы принести исцеление. Уту чем-то помазал губы Лугальбанды, и тот проснулся совершенно здоровым.

За ночь воинство должно было уйти далеко. Лугальбанда понимал, что ему не догнать отца и не выполнить данное ему обещание. Поэтому он решил обратиться за помощью к Анзуд. По дороге к высокому дереву Лугальбанде попалась можжевеловая роща. Зная, что можжевельник угоден богам, юноша сорвал несколько веток и сунул их себе в заплечный мешок.

Достигнув гигантского дерева, Лугальбанда дождался, когда Анзуд покинула свое гнездо и улетела. Впервые в жизни юноша испытывал страх. Ведь ни один из смертных не бывал во владениях Анзуд, не видел ее гнезда, в котором она вскармливает божественного птенца. Кто знает, как отнесется Анзуд к непрошеному гостю? Поэтому Лугальбанда и решил побывать в гнезде в отсутствие Анзуд.

По мере того как Лугальбанда поднимался вверх, цепляясь за ветви, писк детеныша Анзуд становился громче и громче. Лугальбанда достал из мешка несколько кусков жира и заглянул через край гнезда. Птенец еще слепой разевал клюв и пищал что было сил.

Лугальбанда смекалист, поступает разумно{31}.
В сладкую пищу — «божье яство»{32}.
Раденье к раденью добавляя,
Мед вливает, мед добавляет,
В гнезде орлином перед орленком
Угощенье он расставляет.
Птенец пожирает жир овечий,
А тот ему яство в клюв толкает.
Сидит орленок в гнезде орлином,
Он ему глаза сурьмою{33} подкрасил,
Голову душистым можжевельником украсил,
Венец Шугур{34} из веток сделал.

В это время послышался шум крыльев, и Лугальбанда поспешил покинуть гнездо и спрятался в ветвях.

Приблизилась Анзуд к дереву, но писка птенца не услышала. Позвала его, а он не отозвался. Смертельно напуганная птица-мать опустилась в гнездо, увидела птенца, сытого и довольного. Поняв по краске под глазами детеныша и по можжевеловым ветвям, что в гнезде кто-то побывал, птица крикнула:

— Явись, кто бы ты ни был, бог или человек, я тебя награжу.

Лугальбанда вышел из своего укрытия и низко поклонился Анзуд.

Птица предложила юноше богатство.

— Не надо мне богатства, — отвечал Лугальбанда. — Много серебра в Аратте, и я его добуду.

— Возьми тогда славу! — сказала птица.

— Славу я сам добуду, — сказал Лугальбанда.

— Сильны твои враги, — сказала Анзуд. — Я дам тебе против них волшебное оружие.

— Я добуду победу своим мечом, — ответил Лугальбанда.

И тогда сказала птица:

Что же ты, мой Лугальбанда,
Одарить меня желаньем не хочешь?
Загадай любое! Не нарушу я слова,
Судьба твоя — в твоем желанье.

— Благодарю тебя, Анзуд, — сказал Лугальбанда. — Но я не достоин этих великих даров. Я прошу тебя об одном. Сделай так, чтобы я был неутомим в беге.

— Пусть так будет! — согласилась птица. — Ты будешь скороходом. Только не открывай тайны моего жилища и не похваляйся даром, что от меня получен.

В поднебесье Анзуд несется. Бежит по земле Лугальбанда, не уступая в скорости птице. Анзуд озирает землю и, обнаружив войско по облаку пыли, к нему указует дорогу. Догнав свое войско, Лугальбанда переходит на шаг неспешный. Увидел Энмеркар сына, заключил его в объятья. При виде героя ликуют храбрецы Урука. Все вместе идут к Аратте. Вот уже виден город враждебный, его могучие стены. Но духи гор путь преграждают. Никто из урукцев не может сделать и шага.

Тогда отец Энмеркар обращается к воинству с такими словами:

— Кто может богине Инанне мое отнести посланье, выйди из строя.

Замолкли воины, объятые страхом. Кто решится пройти через горы Хуррума? Кто предстать решится перед великой богиней?

Лугальбанда вперед выходит и родителю молвит с поклоном:

— Отец мой! Я готов доставить твое посланье к Инанне и к утру возвратиться.

— Скажи, мой сын, великой богине, какую мы чтим в Уруке, что путь к Аратте, что за семью горами, закрыли враждебные духи. Спроси ее, что нам делать, чтобы снять этих духов заклятье.

Едва слова отзвучали, как Лугальбанда из виду скрылся, словно бы в воздухе растворился.

В поднебесье Анзуд несется. Бежит по земле Лугальбанда, не уступая в скорости птице. Анзуд озирает небо и дом великой Инанны указует герою.

И вот Лугальбанда перед Инанной лежит, простершись у трона.

— Закрыли враждебные духи путь к враждебной Аратте, — говорит Лугальбанда богине. — Скажи, как нам снять их заклятье.

— Живут в моих водах рыбы{35}, — вещала богиня Инанна. — Одна среди них всех огромней. И правит она рыбьим народом, как боги народом двуногих. Резвится она в тростниках, хвостом своим плещет, блестя чешуею. На берегу на том же растут тамариски. Ты же отыщи тамариск, отдельно стоящий, выдолби из него чан, потом из тростников сплети сеть и поймай ту рыбу, мне принеси ее в жертву.

Только слова отзвучали, Лугальбанда скрылся из виду. В поднебесье Анзуд несется. Бежит по земле Лугальбанда, не уступая в скорости птице. Анзуд озирает землю, указуя дорогу к великому морю.

На берегу стоит Лугальбанда и видит, как волны бушуют, к Луне поднимая пену. Найдя тамариск священный в семьдесят рук охватом, срубает его Лугальбанда. Долбит он чан колоссальный для варки рыбьего бога, огонь разжигает великий и к берегу моря подходит, чтоб сеть сплести и бросить ее в волну{36}.

Ловец рыбы Адапа
Миф аккадян

Копия аккадского мифа об одном из семи мудрецов и прародителей смертных Адане сохранилась на одной из глиняных табличек из египетского архива Амарны, а также в библиотеке ассирийского царя Ашшурбанипала (668–627 гг. до н. э.). Рассказ имеет пропуски. Занятие рыболовством считалось делом, особо угодным богам, поскольку в шумеро-аккадской мифологии первый человек — Оаннес мыслился в облике получеловека-полурыбы.

Цель мифа — объяснить, почему люди смертны. Виновником утраты человечеством бессмертия выставлен не Адапа, а его советчик Эйа, неясно, по незнанию или по злому умыслу. Мифу об Адапе соответствует ветхозаветный миф о первом человеке Адаме, который вкусил от древа познания добра и зла.

В городе Эреду, да прославится его имя среди черноголовых,

жил искусный руками и чистый духом Адапа[37]. Каждый день в любую погоду рыбу он ловить отправлялся. Были ею сыты служители храма Эйа, кормились ею все жители города, мужи и жены, старики и дети.

В то утро море еле плескало волнами и рыба клевала как никогда. Вытаскивая крупную рыбину, Адапа почтительно называл ее по имени и уговаривал смириться со своей судьбой.

— Прости меня, Сухур, что я оторвал тебя от сладкой донной травы, — обращался он к рыбине с длинными шевелящимися усами. — Тебе придется лечь рядом с толстогубым Гудом. Он уже почти затих. А тебя, Мур, бич рыбаков, я отпущу. Игла твоя наносит незаживающую рану.

К полудню дно лодки было полно живым серебром. Адапа начал сворачивать удочку. И вдруг откуда ни возьмись появился Южный ветер[38]. Одним дуновением он перевернул лодку со всей добычей.

Адапа был человеком тихим и незлобивым, но обидчикам спуску не давал. Недолго думая, он ухватился за крыло ветра. От тяжести его тела крыло обломилось и безжизненно повисло. Застонал Южный ветер, как раненная стрелою птица, и неуклюже полетел в свое обиталище на самом краю земли.

И стихло море. Тяжело дыша, Адапа поплыл к берегу. В тот день в Эреду никто не ел рыбы. И это сразу стало известно богу Эйа, которого Адапа почитал как отца.

— Что случилось? — спросил Эйа, выходя навстречу рыбаку. — Где твой улов, сын мой? Почему ты без лодки?

— Лодку потопил Южный ветер! Я за это сломал ему крыло! — ответил рыболов простодушно.

Эйа схватился за голову:

— Что ты наделал! Ану тебе этого не простит!

Как раз в это время Ану с высоты небесного трона озирал свои владения. Увидев, что море на огромном пространстве неподвижно, он позвал своего слугу Илобрата и приказал:

— Спустись вниз и узнай, почему стало неподвижным море. Не занемог ли мой Южный ветер? Иль ему дуть надоело?

Прошло совсем немного времени, и Ану услышал голос верного слуги:

— О, премудрый отец богов! Южный ветер в постели, лежит он и стонет. Ловец рыб Адапа обломал ему крыло.

— Дерзкий смертный! — в ярости завопил Ану. — Пусть он явится ко мне на суд.

Услышав это, Эйа обратился к сыну:

— Иди, Адапа! Ану во гневе, я могу тебе помочь только советом: растрепи волосы и посыпь их пылью. Облачись в черные

одежды. Может быть, явившись с повинной, смягчишь грозное сердце владыки богов. Когда будешь входить в небесные врата, будь повежливей с их стражами Думузи и Гишзидой. Слуги они, но могут за тебя замолвить словечко. Но помни. Если тебе предложат угощенье — не ешь и не пей! Отвергай и другие дары.

Поблагодарил Адапа божественного советчика и отправился в дальний путь. Стражи небесных ворот спросили его:

— Почему ты явился на небо в одеждах, приличествующих смерти и подземному миру?

— У нас на земле исчезли два бога великих Думузи и Гишзида, — отвечал Адапа, потупив глаза. — Я ношу по ним траур.

Переглянулись между собой небесные стражи, и понял Адапа, что обман удался. Вперед побежали слуги, чтобы возвестить господина о приходе Адапы.

— У врат человек появился! — сказали боги Ану. — Его имя Адапа. Он — само благочестие.

— Пропустите его! — приказал Ану, смягчившись.

Так оказался Ану перед небесным троном.

— Выходит, что Южный ветер первым затеял ссору, — проговорил Ану, выслушав рассказ рыболова. — Это меняет дело. Что же ты стоишь? Ложись, поспи с дороги!

Вспомнил Адапа наставления Эйа: «Сон подобен смерти» — и, поклонившись, ответил:

— Мне не до сна!

— Тогда садись.

— Мне ли сидеть в твоем присутствии?

Адапа все больше и больше нравился владыке небес, и тот предложил ему еду и воду жизни.

И на этот раз отказался Адапа, опасаясь, что ему дают яд.

Удивился Ану и спросил:

— Кто твой советчик?

— Меня наставлял отец мой Эйа, — ответил Адапа.

— Не на благо пошла тебе его великая мудрость, — проговорил Ану с презрением. — Был ты ловцом, им и останешься. Не удержал ты на крючке вечную жизнь. Выпустил ее в море. Будут смертны и твои потомки. Стражи! Возьмите его за руки и верните на землю.

Полет на орле
Миф аккадян

В мифе об Этане соединены две темы: бездетный отец, молящий бога о мужском потомстве, и борьба орла со змеями. Обе эти темы достаточно широко распространены в мифах народов Древнего Востока. Мы встретимся с ними в угаритской, хетто-

хурритской, ветхозаветной и индийской мифологиях.

Мотив летящего человека присутствует в месопотамской глиптике III тыс. до н. э. Он же характерен для эгейского искусства II тыс. до н. э. и греческого мифа о Дедале и Икаре.

Конец текста мифа об Этане не сохранился. Он восстанавливается на основании сообщения о Балихе, сыне Этаны.

В славном городе Кише, что на Евфрате, правил справедливый и мудрый Этана{39}, прозванный черноголовыми пастырем города. Имел он все, о чем только может пожелать смертный, кроме сыновей. И это не давало Этане покоя. Не раз ему являлся во сне светоч мира Шамаш, но, как только он пытался к нему обратиться с мольбой о сыне, тотчас просыпался.

И решил Этана принести Шамашу великую жертву. В честь его он заколол шестьдесят откормленных быков. И возрадовалось сердце Шамаша. В ночь после жертвоприношения Шамаш явился Этане и открыл ему великую тайну: «Далеко на небе имеется трава рождения, кто к ней прикоснется, тот не уйдет в мир без возврата бездетным».

— Но боги не дали мне крыльев, — сказал Этана. — Как мне подняться на небо, чтобы добыть траву рождения?

— Спустись в глубокое ущелье, — отвечал Шамаш. — Отыщи там орла-калеку. Он тебе поможет.

Проснувшись, Этана отправился в горы, где гнездятся орлы, и отыскал там мрачное ущелье, куда едва достигал взгляд Шамаша. На самом дне ущелья по стонам он нашел орла, ощипанного, со сломанными крыльями и с вырванными когтями.

— О, несчастный! — воскликнул Этана. — Кто с тобою так жестоко обошелся?

— Я сам виновник своих несчастий! — ответил орел с тяжким вздохом. — Много лет я занимал гнездо на высоком дереве, в корнях которого обитала змея. Мы жили как добрые соседи, предупреждая друг друга об опасностях. Если мне удавалось догнать и убить онагра, часть добычи получала нижняя соседка. Так мы блюли клятву верности, произнесенную перед ликом Шамаша. Но однажды у змеи появились детеныши, мое неразумное сердце задумало злое. Дождавшись, когда змея отправится на добычу, я распростер крылья, чтобы слететь вниз. Один из моих орлят, умная пташка, догадавшись о моем намерении, пропищал:

— Не делай этого, отец! Шамашу видно все.

Но я не послушал малютку и, упав вниз, растерзал и съел змеиных детенышей.

Вскоре приползла мать-змея и, увидев, что змеенышей нет, взмолилась справедливому Шамашу, чтобы он наказал убийцу беззащитных. И повелел Шамаш змее, чтобы она отыскала тушу

буйвола и проникла в нее.

Вскоре почувствовал я милый мне запах гниющего мяса и обратился к детям своим:

— Давайте слетаем, отведаем буйвола.

— Не надо, отец, — закричал мой орленок, умная пташка. — Может, в туше гниющей змея притаилась?

Не послушался я малютки, полетел и сел на тушу, клюнул, кругом огляделся, снова клюнул, а как очистил все мясо снаружи, в чрево забрался. Тут меня змея и схватила, обломала мои крылья, всего общипала, истерзала и бросила в яму, чтобы кончил я жалкой, голодной смертью.

Сжалился Этана над орлом, напоил его свежей водой, перевязал раны, и быстро они затянулись. Орел взмыл в небо, пробуя крылья, и опустился рядом с Этаной. И тогда сказал Этана орлу:

— Крылья твои сильны. Отнеси меня на небо, к престолу великого Ану.

— Садись! — ответил орел. — Поудобней устройся. Прижмись грудью к моей спине. Ухватись за крылья руками.

Только успел Этана за орла схватиться, как тот взмыл в небо. Когда они высоко поднялись, орел спросил:

— Взгляни на землю, что ты там видишь?

Взглянул Этана вниз и ответил орлу:

— Вся земля стала похожа на холм, а море не шире Евфрата.

Поднялись они еще выше, и земля стала малой рощицей. Орел поднимался все выше и выше, пока земля стала не шире арыка, который копает садовник.

— Вот теперь мы добрались до верхнего неба, где боги одни обитают, — сказал орел, и тотчас же Этана увидел небесные врата, а за ними дворец великого Ану.

Спустившись у самого трона, Этана обратился к творцу с такими словами:

— О, великий владыка, ты дал мне все, о чем может мечтать смертный. Но нет у меня потомства. Умру я, и забудется мое имя, словно бы и не жил я. Одна у меня к тебе просьба. Дай мне хоть раз прикоснуться к траве рожденья.

— Прикоснись, Этана, — сказал Ану. — Ибо Шамаш хвалит твое благочестье.

Тут на глазах Этаны на голом месте выросла сочная трава, и он к ней прикоснулся. После этого он поблагодарил Ану, сел на орла и дал ему знак опуститься.

Уже на пороге дома услышал Этана детский плач и понял, что стал отцом. Взял он младенца на колени и назвал его Балихом.

Прожил Этана на земле шестьсот лет, а когда пришло его время уходить к предкам, трон Киша занял его сын Балих. От него слава об Этане и его смелом полете обошла всех черноголовых.

Поэма о Гильгамеше

Эпос о Гильгамеше — сокровищница поэзии Двуречья — создавался на протяжении тысячелетий двумя народами — шумерами и аккадянами. Сохранились отдельные шумерские песни о Гильгамеше и Энкиду. У них один и тот же противник Хумбаба (Хувава), охраняющий священные кедры. За их подвигами следят боги, в шумерских песнях носящие шумерские имена, в эпосе о Гильгамеше — аккадские. Но в шумерских песнях отсутствует связующий стержень, найденный аккадским поэтом. Сила характера аккадского Гильгамеша, величие его души не во внешних проявлениях, а в отношениях с естественным человеком Энкиду. Эпос о Гильгамеше — это величайший в мировой литературе гимн дружбе, которая не просто способствует преодолению внешних препятствий, но преображает, облагораживает.

Дитя природы Энкиду, знакомясь с благами городской цивилизации, силой судеб сталкивается с царем Урука Гильгамешем, человеком эгоистичным, избалованным властью. Равный ему по физической, силе, но цельный по характеру, неиспорченный естественный человек одерживает над Гильгамешем моральную победу. Он уводит его в степь и в горы, освобождает от всего наносного, превращает его в человека в высшем смысле этого слова.

Главным испытанием для Гильгамеша указывается не столкновение с хранителем дикого, не тронутого топором кедрового леса Хумбабой, а преодоление искушений богини любви и цивилизации Иштар. Могущественная богиня предлагает герою все, о чем он мог только мечтать до встречи с Энкиду, — власть не в одном городе, а во всем мире, богатство, бессмертие. Но Гильгамеш, облагороженный дружбой с человеком природы, отвергает дары Иштар и мотивирует свой отказ доводами, которые мог бы выдвинуть Энкиду: порабощение ею свободных животных — обуздание свободолюбивого коня, изобретение ловушек для царя зверей льва, превращение слуги-садовника в паука, уделом которого становится беспросветный труд.

Таким образом, впервые уже на заре цивилизации была выдвинута идея, которую затем на протяжении веков и тысячелетий будут открывать заново поэты и Мыслители, — идея враждебности цивилизации и природы, несправедливости освященных богами отношений собственности и власти, превращающих человека в раба страстей, самыми опасными из которых были нажива и честолюбие.

Развенчивая заслуги Иштар в освоении природы в интересах цивилизации, автор поэмы превращает честолюбца Гильгамеша в бунтаря-богоборца. Прекрасно понимая, откуда исходит опасность, боги принимают решение уничтожить Энкиду. Умирая, дитя природы проклинает тех, кто способствовал его очеловечению, которое не принесло ему ничего, кроме страданий.

Казалось бы, смерть Энкиду — конец всему. И на этом естественно бы кончить повествование о Гильгамеше, возвратив его в родной Урук. Но автор поэмы заставляет своего героя совершить новый, самый выдающийся подвиг. Если ранее Гильгамеш обличал одну богиню Иштар, то теперь он восстает против решения всех богов умертвить Энкиду и отправляется в подземный мир, чтобы вернуть другу жизнь. Этим самым он восстает и против вековой несправедливости — боги удержали бессмертие только для самих себя.

Проблема жизни и смерти, как это ясно из погребальных обрядов самых отдаленных времен, всегда волновала человечество. Но впервые в мировой истории ее постановка и решение даются на уровне трагического понимания мыслящим человеком несправедливости разлуки с миром и близкими людьми, непринятия им непреложного закона уничтожения всего живого.

Молодой Маркс, живший в эпоху, когда еще не были открыты тексты Шумера и Аккада, высоко ценил образ героя греческой мифологии Прометея, говоря, что это «самый благородный святой и мученик в философском календаре». Теперь нам

известно, что у богоборца Прометея был великий предшественник Гильгамеш. Подвиг Гильгамеша, превосходящий все, о чем мог помыслить смертный, не приводит к желаемому результату. Но, и потерпев поражение, Гильгамеш остается непокоренным и продолжает вызывать у каждого чувство гордости своей человечностью, верностью дружбе, отвагой.

Таблица I

Там, где светлый Евфрат к морю воды стремит, высится город Урук. Стен мощнее его нет в целом мире нигде, словно бы не один их правитель воздвиг, а сразу семь мудрецов вложили в них дух свой и труд. На эти стены взойдя, между зубцов пройдись, кирпичи ощупай рукой. Вспомни о Гильгамеше, повидавшем все до края вселенной, сообщившем о временах до потопа, обошедшем все горы, в дальний путь ходившем и в свой вернувшемся город, где он храм Эанну построил.

Был Гильгамеш Урука царем, на две трети богом, на одну треть человеком. Среди смертных не имел он равных и не знал, куда приложить свою силу. Буйствовал днем и ночью с верной дружиной, сына родителю не оставляя, а матери — дщери. И взмолился народ великой богине Аруру:

— Ты, породившая Гильгамеша, в дар ему давшая непомерную силу, сотвори мужа, чтобы был ему равен. Пусть Гильгамеш с ним отвагой сравнится. Пусть соревнуется в силе, чтоб мы покой вкусили.

И вняла этой просьбе Аруру. Создала она в сердце своем подобие Ану. Потом руки в воде омыла, глины ком отщипнула, кинула в степь и руками своими слепила Энкиду. Было тело его шерстью покрыто густою. На голове волосы, как у Нисабы{40}. Вместе с газелями пасся в степях он, со зверьем теснился у водопоя, радуя влагой сердце, как все твари земные.

Однажды у водопоя узрел его юный ловчий. Увидел и застыл без движения. Сердце его заколотилось, побледнели ланиты. Домой возвратившись, ловчий отцу поведал о том, что его напугало.

Родитель, мудростью не обделенный, сыну совет преподал:

— Послушай, о сын мой! С мужем, которого встретил, тебе совладать не удастся. Но обитает в Уруке, стеной огражденном, величайший воитель, богам бессмертным подобный. Как камень небес сильны его руки. Ступай же, мой сын, к Гильгамешу, под очи его явившись, и обо всем без утайки поведай.

Явился ловчий в Урук и о том, что в степи увидел, Гильгамешу поведал.

Призадумался царь, и лицо его стало ночи темнее, перерезали лоб морщины. Но вот лицо просветлело от мысли и от

решения, что ниспослали боги. Герой направился к храму, к дому владычицы Иштар, воле которой и люди и звери степные покорны. При виде царя блудницы, что в храме встречаются с теми, кто ищет милости Иштар, высыпали навстречу и каждая взглядом и жестом пыталась привлечь вниманье. Но он подозвал одну лишь Шахмат, что средь прочих красотою своей выделялась.

— Нет, не за тем я явился, — сказал Гильгамеш ей строго, — за чем чужеземцы приходят в храм ваш знаменитый. Ты должна будешь храм покинуть и отправиться в степь, где недавно у меня появился соперник. Искусством, которым владеешь, привлеки его дикое сердце, пусть он побредет за тобою, как ягненок на шатких ножках за маткой своею плетется или как жеребенок в поле бежит за своей кобылицей.

Проходят шесть дней, и каждый из них показался герою долгим, как месяц. Забросив дела и забавы, которыми тешил сердце, царь ждал у ворот, надеясь, что женщину львы не тронут, что, встретившись с исполином, не знающим женской ласки, она одержит победу и в Урук укажет дорогу.

Таблица II

И вот он вдали увидел шагающего исполина. Все тело его шерстью покрыто. На голове волосы, как у Нисабы. Широки его плечи, руки и ноги мощны, словно кедры, которые доставляют в город с гор далеких Ливана. А где же блудница? Плетется за исполином она, как ягненок на шатких ножках, как жеребенок в поле за маткою-кобылицей.

Вот клич раздался, всем в Уруке знакомый. Услышав его обычно, мужья запирали двери, чтоб на глаза Гильгамешу жены не попадались, отцы дочерей уводили и прятали где попало. Теперь же открыты двери. Забыты былые страхи. Бегут горожане к стенам, чтоб с высоты увидеть схватку великих героев. И очень многие в сердце победу желают пришельцу. Быть может, ему удастся освободить их от страха и новый правитель Урука спокойнее прежнего будет?

Меж тем герои схватились, пытаясь свалить друг друга. Ноги их в землю вошли по колена. Застонала земля от боли, какой от рожденья не знала. Вздулись героев жилы. Тяжелым стало дыханье. Капли соленые пота покрыли их лоб и щеки.

— Что мы, словно бараны, уперлись? — выдохнул первым царь и мышцы ослабил.

И вот они друг против друга стоят, обсыхая на солнце. Не только люди Урука, но даже Шамаш, что обходит весь мир от

времен начала, схватки такой не видел.

— Ты вразумил меня силой, — сказал Гильгамеш Энкиду. — Прежде я думал, что одолею любого. Но равными мы оказались. Зачем же нам ссора?

Увидев героев, идущих в обнимку, народ Урука побежал им навстречу, вынес корзины с хлебами, поднес кувшины с сикерой с поклоном.

— Что это? — спросил Энкиду, лицо обратив к блуднице. — Что это, подобное камню, который водою сглажен?

— Хлеб это, пища людская! — Шахмат Энкиду сказала. — Вкуси, рожденный в пустыне, и будешь подобен людям.

— А это? — спросил Энкиду, прикоснувшись к кувшину.

— Испей! — отвечала блудница. — И сразу пустыню забудешь, в которой с газелями пасся. Это питье, веселящее душу. Пьющий его бессмертным богам подобен.

Досыта хлеба Энкиду искушал. Сикеры испил семь кувшинов. Веселилась душа. Лицо сияло. Он ощупал свое волосатое тело. Умастился елеем, подобно людям. Одеждой оделся. Стал человеком. Шли дни. Гильгамеш водил друга по Уруку. Показывал дома и храмы. Энкиду ничему не удивлялся. Лицо выражало скуку. И вдруг слезы хлынули из глаз потоком.

— Что с тобой, брат мой? — спросил Гильгамеш.

— Слезы душат мне горло, — отвечал Энкиду. — Без дела сижу. Иссякает сила.

Задумался Гильгамеш:

— Есть дело.

— Что за дело? — спросил Энкиду. Слезы его высохли мгновенно, как роса от взора Шамаша.

— Я слышал, что где-то у моря в лесу кедровом живет свирепый Хумбаба, леса хранитель. Если его уничтожить, все зло мы из мира изгоним.

— Я знаю тот лес, — Энкиду ответил. — Был я там по соседству, когда бродил со зверями. Ров там прорыт вокруг всего леса. Кто проникнет в его середину? Голос Хумбабы сильнее бури. Уста его — пламя. Неравен бой в жилище Хумбабы.

— Хочу я подняться на гору кедра, — вещал Гильгамеш. — С тобою вместе мы Хумбабу осилим.

И призвал царь мастеров, которыми славен Урук, огражденный стенами, и к ним обратился:

— О, мастера! Раздуйте горнила мехами! Пусть пылают жарким огнем! Бросьте в них зеленые камни, что с островов доставляют. И когда выльется медь, изготовьте секиры, что нам по руке, кинжалы отлейте большие.

Поклонились царю мастера. И взметнулся над Уруком огонь,

и издали город казался огненной печью.

Узнав, что замыслил владыка, люд Урука дома покинул. Впереди шагали старцы степенно. И шум голосов на собраньи был подобен говору вод при разливе Евфрата.

И вышел царь из дворца вместе с Энкиду. Руку подняв, к народу он обратился:

— Слушайте, старцы Урука! Народ Урука, слушай! Хочу я увидеть того, чье имя, словно огнем, весь мир опаляет. В кедровом лесу Хумбабу хочу победить я. Кедра я нарублю и имя свое прославлю.

Отвечали старцы все вместе:

— Ты молод еще, Гильгамеш, и зову следуешь сердца. Хумбаба могуч. Рвы его лес окружают. Хумбабу кто одолеет? Бой с ним неравен.

Услышав эти слова, Гильгамеш оглянулся, взглянул на Энкиду:

— Мне ли теперь бояться Хумбабы, о старцы? По круче один не пройдет — двое взберутся. Скрученный вдвое канат порвется не скоро. Два львенка льва одолеют. Сильного друга обрел я. Готов я с ним вместе пойти на врага на любого.

Таблица III

Побратимов старейшины благословили, на дорогу им слово сказали:

— На силу свою ты, Гильгамеш, не надейся. Будь хладнокровен и точен в движеньях. Впереди же пусть шагает Энкиду, ибо степей он ведает тропы и к кедрам дорогу отыщет. Друга ты береги, Энкиду, на дороге неровной подставь ему спину, будь в сражениях первым. Ты лучше законы их знаешь. Тебе мы царя поручаем, вернуть ты Гильгамеша обязан.

Когда друзья покинули город, из уст Гильгамеша такое вырвалось слово:

— Друг, давай посетим Эгальмах, чтобы предстать пред очами богини великой Нинсун{41}. Нет ничего ей сокрытого в мире.

Явившись в Эгальмах, в дом Нинсун вступили. Гильгамеш ей молвил с поклонам:

— О, мать! Я вступил на дорогу, исход которой в тумане. С Хумбабой хочу я сразиться, с грозным хранителем кедров. Не возвращусь я, покуда в мире зло остается. Так вознеси же, богиня, к Шамашу свой взор и голос! Слово за нас перед ним замолви!

Героев одних оставив, в покои ушла богиня. Тело свое омыла

Нинсун мылящим корнем, переменила одежды и ожерелье надела, что груди ее достойно, лентой опоясалась, голову увенчала тиарой и взошла по ступеням на кровлю. Там она совершила возлияние в честь Шамаша и руки к нему воздела:

— Шамаш, справедливый и светлый, освещающий небо и землю. Зачем ты мне дал Гильгамеша? Зачем неуемное сердце ты в грудь ему вставил? Зачем подвиг на дорогу, что жизни его угрожает? Зачем Гильгамешу схватка со злом, что в мире гнездится? Но если ты это сделал, возьми же о нем попеченье! Помни о нашем сыне, свой путь дневной совершая! Когда же во мрак уходишь, поручи его стражам ночи!

Произнеся молитву, богиня к побратимам вернулась. Энкиду на шею талисман надела, а сыну вручила каравай волшебный, ею самой испеченный, сказав, что его на дорогу хватит обоим.

Таблица IV

И двинулись побратимы дорогою торной Шамаша, его хранимые взглядом. День завершив, на привал остановились, отломили ломоть, за ним другой отломили и съели. К утру каравай стал круглым, словно бы вышел из печи.

И еще один день прошли, и снова ломоть отломили, за ним другой отломили и съели. К утру каравай стал круглым, словно бы вышел из печи.

Путь шести недель к третьему дню проделав, они увидели гору. Гильгамеш на гору поднялся, чтобы воздать ей молитву о сновиденье:

— Гора! Гора! Пришли мне сон вещий и благоприятный, чтобы дойти нам до цели, страха не зная, чтобы узнать, чьей победой кончится схватка.

К подножью горы опустившись, Гильгамеш увидел Энкиду. Время не тратя даром, Энкиду шалаш поставил, на птичье гнездо похожий, из листьев устроил ложе. Гильгамеш присел на листья, подбородком уперся в колено, сон одолел героя — удел человека. Энкиду, сидя снаружи, охранял его неусыпно, пока не услышал в полночь взволнованный голос друга.

— Ты звал меня, мой охранитель? — Гильгамеш спросил у Энкиду. — Если не звал, почему я внезапно проснулся? Во сне я увидел гору, под которой шалаш ты поставил. Мы стоим с тобой у обрыва, и гора на нас обвалилась. Объясни этот сон, Энкиду!

Энкиду, на миг отвернувшись, чтобы скрыть от друга тревогу, начал сна толкованье:

— Друг мой, твой сон прекрасен, он для нас драгоценен. Все,

что во сне ты увидел, мне не внушает страха. Мы схватим злого Хумбабу, повалим, словно с горы обрушим. Бросим его останки хищникам на поруганье. Теперь же ляжем, чтоб утром встретиться взглядом с Шамашем и слово его услышать.

И снова двинулись в путь побратимы. День завершив, на привал остановились, перед ликом Шамаша вырыли колодец, воды из него достали, от хлеба один ломоть отломили, другой ломоть отломили, утолили голод и жажду. Гильгамеш снова в сон погрузился и, проснувшись, о сновиденье поведал:

— Во сне я увидел землю, всю в морщинах глубоких, словно лоб у старца. Были чем-то напуганы звери. От кого-то они спасались. Я за быком погнался, за рог его ухватился. Он привел меня к водопою. Наклонился я, чтоб напиться, и, поднявшись, быка не увидел.

— Друг мой! Твой сон прекрасен, — вещал побратиму Энкиду. — Тебе ведь не бык явился, а сам Шамаш пресветлый, что на исходе дня исчезает, бог, что спас Лугальбанду, когда он в горах остался. Шамаш утолил твою жажду, чтоб мы совершили деянье, которого мир не ведал. — И снова идут побратимы торной дорогой Шамаша, его хранимые взглядом.

Таблица V

И вот они ров переходят, что лес окружает кедровый, вступают под сень деревьев. Все тихо вокруг. Хумбаба неслышно к героям крадется. Могучее тело одето в волшебные одеянья. Смерть они излучают. Но что это? С чистого неба внезапно ударила буря. Шамаш, заметив опасность, восемь выпустил ветров. Загромыхали громы. Молнии пересекались, словно мечи великанов. И завертелся Хумбаба, как щепка в водовороте. Из пасти его разверзнутой вырвался вопль ужасный. И с ним вместе мольба о пощаде.

— Не слушай его, о друг мой, — проговорил Энкиду. — Чудовище это злое достойно уничтоженья. Но надобно обезвредить сначала его одеянья. Смерть они излучают. Без них Хумбаба не страшен.

— О нет! — Гильгамеш ответил. — Если поймаешь птицу, не разбегутся цыплята. Они соберутся у трупа, и мы их легко одолеем.

Топор Гильгамеш свой поднял, весящий три таланта, из-за пояса выхватил меч свой, топором Хумбабу ударил прямо в затылок. Энкиду топор свой поднял, Хумбабу он в грудь ударил. На третьем мощном ударе упал Хумбаба на землю. Чудовища

буйные члены больше не шевелились. И кедры вдруг закачались и застонали, как люди, ибо погиб их блюститель.

— Теперь за цыплят возьмемся! — сказал Гильгамеш, и сразу одно одеянье сорвал он с тела Хумбабы и в яму с водою бросил. И в яме вода закипела, пар испуская горячий. Энкиду же сеть набросил на шесть остальных одеяний, которые, словно змеи, ползли по траве, и в ту же швырнул их яму.

— Теперь возьмемся за кедры! — сказал Гильгамеш, и секирой он по стволу ударил.

Кедровый лес задрожал от удара. Лицо закрывая руками, Энкиду упал на землю.

— Что ты делаешь, друг мой?! Тело живое ты губишь. Я чувствую запах крови. Сходна она с людскою, только иного цвета.

Таблица VI

Энкиду, в сон погруженный, бродил по степи с газелями вместе, Гильгамеш, пробудившись, умылся, Кудри со лба на спину закинул, со всем грязным расстался, в чистое облачился. Своей красотой блистая, он сел возле спящего друга. С неба Иштар спустилась. В сердце свирепой львицы зашевелилось нечто, что ей показалось новым, хотя оно посещало много раз ее прежде. С такими словами она обратилась к герою:

— Хочу, Гильгамеш, чтоб супругом ты стал моим. В дар получишь ты от меня колесницу — золотые колеса, янтарные дышла. И впрягут в нее ураганы мулов могучих. Подвезут они тебя к нашему дому. И только на порог его вступишь, опьянят тебя кедры смолы ароматом. Ты увидишь то, что другим недоступно. На престоле сядешь из злата. Пред тобою колени преклонят земные цари и владыки. Понесут тебе дань все холмы и равнины. Одарят тебя козы и овцы двойней и тройней. Твой осел даже с ношей онагра догонит. И будут твои колесницы первыми в беге, и волам под ярмом в мире равных не будет.

— Замолчи! Не возьму тебя в жены! — прервал Гильгамеш богиню. — Ты подобна жаровне, что гаснет в холод. Дверь ты худая, что ветер снаружи впускает. Дом, что обрушился на владельца, слон, свою растоптавший попону, смола, которой обварен ее носильщик, мех дырявый, сандалия, жмущая ногу. Лучше вспомни, кого ты любила и кто сохранил о любви твоей благодарность. Думузи, кого ты любила первым, год за годом несет страданья. Птичку-пастушка ты любила — лупила его, обломала крылья. Он обитает средь леса, его наполняя воплем: «Крылья! Где мои крылья?» Могучего льва ты любила. Что от

любви получил он: в степи семью семь ловушек. Конь тебе полюбился, отважный в битвах. Загнала ты его в конюшню, уздой наградила и плетью, лишила ручьев прозрачных, мутной водой напоила, до упада скакать приказала. Еще пастуху-козопасу любовь свою подарила. Пек тебе он в золе лепешки, сосунков приносил ежедневно. Ты ж его превратила в волка. Подпаски его гоняют, собаки, овец охраняя, его хватают за ляжки. Был любим тобой Ишуллану, хранитель отцовского сада. Приносил он фиников грозди тебе по утрам к постели. Твои он отверг притязанья, в паука ты его превратила, осудила ткать паутину меж деревьев, земли бояться{42}. А теперь твоя похоть ко мне обратилась. Ты поступишь со мною, как с теми.

Услыхав эти речи, разъярилась богиня, прямо в небо взвилась осою и предстала перед троном небесным родителя Ана.

— О, отец мой! — она завопила, рыдая. — Оскорбил Гильгамеш меня. Все прегрешенья мои перечислил. Посрамил он меня, и пусть будет наказан.

— Но ты первая оскорбила царя Гильгамеша своим предложеньем.

— Пусть он будет наказан! — богиня взревела. — Сотвори быка, чтобы он растоптал нечестивца в его покоях.

Если смертные будут нас оскорблять, бессмертных, оскудеют дары, что приносят они ежедневно, зашатается трон твой, отче! Потому ты помочь в моей мести должен. Если не пожелаешь, опущусь я в нижнее царство и оттуда выпущу мертвых, чтоб они всех живых пожрали.

— Я согласен! — промолвил Ану в испуге. — Будет бык для тебя, только мертвых оставь в нижнем мире, чтоб с живыми они не смешались.

И в то же мгновенье мановеньем руки владыки небес бык был создан могучий, и погнала богиня его прямо на землю в ей ненавистный город. Евфрата достигнув, выпил бык его воду в семь глотков и посуху вступил он в Урук. От дыханья его яма возникла. Сто мужей в эту яму упали. От второго дыханья его еще одна яма разверзлась. В ней погибли двести урукцев. Шум услышав, вышли быку навстречу друзья-побратимы. Энкиду, бросившись сзади, быка за хвост ухватил, и бык повернулся. Гильгамеш ударил его кинжалом между рогами. Бык свалился на землю уже бездыханный. И тем же кинжалом Гильгамеш бок быка распорол и огромное вытащил сердце. В дар Шамашу его он принес.

Забравшись на стену Урука, голосила владычица Иштар:

— Горе тебе, Гильгамеш! Ты меня опозорил, убивши быка!

Услыхал эти речи Энкиду, вырвал хвост у быка и швырнул

богине прямо в лицо со словами:

— Будь ты поближе, с тобой бы расправился я по-свойски, обмотал бы кишками быка, которого ты на Урук напустила.

Зарыдала богиня и призвала блудниц городских, что ей верно служили, быка оплакать. Гильгамеш же созвал мастеров, чтоб оправить бычьи рога. В них входило масла шесть мер. Это масло герой подарил отцу своему Лугальбанде, рога же прибил над ложем.

Руки омыв, прошли побратимы по улицам людным Урука. Затем Гильгамеш во дворце пир великий устроил. Утомившись, рядом герои уснули.

Таблица VII

Среди ночи проснувшись, Гильгамеш свой сон рассказал побратиму:

— Мне небесный дворец приснился. В нем — бессмертных богов собранье. Беседу вели три бога — Ану, Эллиль и Шамаш, наш покровитель. Ану Эллилю молвил:

— И зачем они быка умертвили, что мною был создан? Но не в этом одном их прегрешенье. Они похитили кедры Ливана, которые охранял Хумбаба. Пусть за это жизнью заплатят.

— Нет! — возразил Эллиль. — Пусть один Энкиду умрет. Гильгамеш достоин прощенья.

— За что же должен быть он наказан? — Шамаш в беседу вмешался. — Не твоим ли, Эллиль, решеньем уничтожены были и бык, и Хумбаба?

— Помолчал бы ты лучше, убийц защитник! — Эллиль взъярился. — Знаю, что ты их советчик.

Этот рассказ услышав, побледнел Энкиду и отвернулся. Его губы трепетали, как мушиные крылья. По лицу Гильгамеша слезы катились.

— Не пойму я, — молвил Энкиду, — почему умереть я должен. Не рубил я кедров и тебя убеждал их не трогать. Почему на меня обрушится кара?

— Не волнуйся! — Гильгамеш сказал побратиму. — Умолю я богов, чтобы жизнь тебе сохранили. Я на их алтари свои принесу богатства. Золотом и серебром их украшу кумиры.

И послышался с неба печальный голос Шамаша:

— Золота и серебра не трать, Гильгамеш, по-пустому! Слово вымолвленное в уста не возвратится. Решенья своего бог никогда не отменит. Такова судьба человечья! Люди уходят из мира бесследно.

— Что ж! Готов я уйти! — согласился Энкиду. — Но прошу я тебя, о Шамаш, отомстить всем тем, кто меня человеком сделал. Пусть ловчий, что о встрече со мною поведал, будет наказан! Пусть у него рука ослабеет и тетивы натянуть не сможет! Пусть стрела из лука его летит мимо цели! Пусть зверье капканы его обходит! Пусть голодным весь век свой пребудет! Пусть проклята будет блудница, что привела меня в город! Пусть пьяный бродяга зальет ее лоно сикерой! Пусть с шеи ее сорвет и себе заберет ее красные бусы! Пусть кинет горшечник ей в спину глины комок! И пусть серебро в ее не удержится доме! Пусть пустырь на задворках будет ей ложем! Пусть она иной не знает защиты, кроме тени стены! И пусть ее по щекам лупцует калека! Пусть хулят ее жены, что сохранили верность супругам! Ибо, чистому, мне принесла она грязь и надо мной, безупречным, обман совершила.

— Ты, Энкиду, не прав, — Шамаш отозвался. — Твое проклятье блуднице снимаю. Ведь она кормила хлебом тебя, которого боги достойны. И поила питьем, что достойно царей. И дала она в побратимы тебе Гильгамеша. А теперь ты умрешь! И на ложе печали уложит тебя Гильгамеш. На нем окружит тебя царским почетом. И велит он оплакать тебя народу Урука. И с весельем, как это угодно богам, совершен будет скорбный обряд.

Таблица VIII

Едва занялось утра сиянье, Гильгамеш, стоя у ложа, пропел свой плач погребальный:

— Энкиду! Мой побратим! Твоя мать — антилопа, отец твой — онагр тебя породили! Молоком своим звери вспоили тебя на пастбищах дальних. В кедровом лесу тропинки, Энкиду, тебя вспоминают день и ночь неустанно. Крошатся уступы лесистые гор, по которым мы вместе взбирались! Истекают смолой кипарисы и кедры, средь которых мы вместе с тобой пробирались! Медведи ревут, стонут гиены и тигры, козероги и рыси, олени, газели и всякая тварь степная! И вместе с ними Евлей горюет священный, шаги твои помня, Энкиду, и светлый Евфрат, где мы черпали воду и наши меха наполняли. И плачут старцы в огражденном Уруке, что на битву нас с тобой провожали! Слез женщины унять не могут, на глазах которых мы быка убили. Рыдает тот, кто накормил тебя хлебом. Рабыня плачет, которая тебя умастила. И плачет раб, что с вином подавал тебе чашу. Как же мне о тебе не плакать, если мы с тобой побратимы! Ты, Энкиду, топор мой мощный, мой кинжал безупречный, мой щит

надежный, праздничный плащ мой, мои доспехи. Что за сон беспробудный владеет тобою? Темен ты стал, меня ты не слышишь. Тронул сердце твое, оно не бьется. Друг мой, кумир тебе я воздвигну, какого еще не было в мире.

Таблица IX

Не насытивши сердце плачем, бежал Гильгамеш в пустыню. Достигнув холмов песчаных, упал он на землю. Сном он сразу забылся, но сон не вернул Энкиду. Проснувшись от львиного рыка, он видит, что львы резвятся, играют, словно щенята.

— Почему вам неведомо горе? — Гильгамеш ко львам обратился. — Где друг ваш, с которым вместе теснились у водопоя? Энкиду, который всех вас спасал, разрушая ловушки?

От львов не дождавшись ответа, схватил Гильгамеш секиру, упал как стрела между львами, беспамятных сокрушая{43}.

И снова он шел пустыней, покуда не показались горы{44} — граница мира. Пробита в скале пещера и заперта медной дверью. Ту дверь охраняли стражи, ужасней которых людям едва ли представить можно. На тонких ногах паучьих скорпиона мохнатое тело, а голова — человечья.

Сделалось страшно герою. Но, мужеством страх пересиля, он так говорит скорпиону:

— Открой мне двери, коль можешь. Нет на земле мне жизни. Друга хочу я увидеть, друга, что сделался прахом.

— Сюда нет смертным дороги и мертвым дороги тоже. Отсюда Шамаш выходит и, обойдя всю землю, с другой стороны заходит. И как ты пойдешь, подумай, путем самого Шамаша?

— Пойду, — Гильгамеш ответил, — как в печень печаль проходит. Пойду со вздохом и плачем, с мыслью одной об Энкиду…

Отворились бесшумно двери, уступив непреклонной воле. Вступил Гильгамеш в пещеру, и мрак охватил его душу. И шел он, шаги считая, чтобы измерить дорогу, какой проходило Солнце во мраке с заката к восходу. И то, что для Солнца было одною короткой ночью, для Гильгамеша стало дюжиной лет без света.

И все же рассвет забрезжил, и все же дыханье ветра щек Гильгамеша коснулось. Так, ветру идя навстречу, он вышел из мрачной пещеры. Его взору роща открылась. С деревьев плоды свисали, похожие на земные, которые дивной красою смертным радуют сердце. Рукою к ним потянувшись, Гильгамеш свои пальцы поранил, оставив капельки крови на мертвом плода подобьи. И стало ему понятно, что деревья окаменели, стволы

стали черным камнем, а лазуритом листья, плоды топазом и яшмой, рубином и сердоликом, что сад этот сделан мертвым, чтоб душам о сладкой, о верхней жизни напомнить{45}.

Таблица X

Покинув обманную рощу, Гильгамеш Океан увидел, великую нижнюю бездну. Над бездной утес узрел он, на утесе дом невысокий, без окон, с плоскою кровлей. К нему подошел он и видит, что двери дома закрыты, но не укрылось от слуха чье-то дыханье за дверью.

— Кто здесь? — вопросил он громко.

— Прочь уходи, пришелец! — послышался голос женский. — Сюда нет входа бродягам. Здесь я, хозяйка Сидури, самих богов принимаю, их угощаю сикерой.

— Я не бродяга безвестный, — герой хозяйке ответил, — хоть и все на свете увидел. Зовут меня Гильгамешем. Из города я Урука, который мною прославлен. С другом своим Энкиду убил я злого Хумбабу, что лес охранял кедровый. Мы также быка сразили, что послан на нас был с неба. Я львов могучих рассеял, что памяти не имеют и не скорбят, как люди. На две трети бог, на треть — человек я.

И тотчас дверь отворилась. Из дома вышла хозяйка, такое молвила слово:

— Ты, убивший Хумбабу и быка поразивший, который был послан с неба, почему лицо твое мрачно? Почему твои щеки впали? Почему голова поникла?

— Как голове не поникнуть и лицу не увянуть, — Гильгамеш ответил хозяйке, — если мой друг Энкиду, с которым труды мы делили, стал землею, если младший брат мой, великий ловчий пустыни, гонитель онагров горных и пантер пятнистых, сделался прахом? Вот почему, как разбойник, я брожу по пустыне. Мысль о друге умершем не дает мне покоя.

— Не знаю, чего ты ищешь?! — хозяйка герою вещает. — Не знаю, к чему стремишься! Боги, создав человека, его сотворили смертным. Бессмертье себе удержали. Оставь пустые заботы! Развей печальные думы! Свой насыщай желудок. С друзьями сиди за чашей! Дай-ка наполню чашу тебе, Гильгамеш, на две трети.

— Не надо твоей мне сикеры! Советов твоих не ищу я. Скажи мне лучше, хозяйка, как перейти это море.

Хозяйка герою вещает:

— От века здесь нет переправы. Свинцовые воды смерти Шамаш облетает, как птица, и проплывает на лодке лодочник

Уршанаби, что перевозит мертвых. Знает он путь к Ут-напишти, который один из смертных жизнь сохранил навеки.

Простился герой с хозяйкой, стопы свои к лесу направив. Из лесу вышел к реке он и там челнок увидел и в челноке — Уршанаби{46}.

— Что бродишь, отставший от мертвых, — сказал Уршанаби герою. — Садись, я тебя доставлю туда, где царство умерших.

— Я не отстал от мертвых, — ответил герой Уршанаби. — Да, мои щеки увяли и голова поникла. Но бьется живое сердце в груди у меня. Послушай!

— Вот чудо! — сказал Уршанаби. — Действительно бьется сердце. Зачем же сюда явился?

— Пришел я, печалью гонимый, — Гильгамеш Уршанаби ответил. — Хочу отыскать я друга и сделать его бессмертным. Теперь посади меня в лодку и отвези к Ут-напишти.

— Садись! — сказал Уршанаби. — Доставлю тебя к Ут-напишти. Вот шест. Помогай, но воды не касайся, коль к месту хочешь добраться.

Расстегнул Гильгамеш свой пояс и, раздевшись, свою одежду привязал он к шесту, как к мачте. И погнало челн Уршанаби так, что гибельной влаги смерти Гильгамеш и шестом не коснулся.

Ут-напишти по острову ходит, окруженному водами смерти. Сотни лет путем неизменным он обходит свои владенья. Неподвижно свинцовое море. Не летят над островом птицы. Из волны не выпрыгнут рыбы. И к нему не приходят вести из страны, где он жил человеком. Только челн Уршанаби проходит, и в челне том души умерших. Это челн провожая взглядом, узнает Ут-напишти, что в мире все неизменно.

— Эй, жена! — крикнул вдруг Ут-напишти. — Что с глазами моими случилось? Посмотри, это челн Уршанаби. Но над ним поднимается парус. Испокон веков не бывало, чтобы парус здесь поднимали.

— Не волнуйся, глаза твои зорки, — Ут-напишти жена вещает. — Так же зорки они, как в те годы, когда ты гору увидел. И мои глаза видят парус. И мертвец этот парус держит. Посмотри, как бледны его щеки! Утонул мореход, наверно, что без паруса жить не может. И везет его Уршанаби в ту страну, где души умерших.

— Говоришь, что сама не знаешь! — отвечает жене Ут-напишти. — Много сотен лет наблюдаю, как провозят души умерших. Кто тут не был! И царь, и пахарь, и флейтист, и кузнец, и плотник. А провозят их без короны, без мотыги, без флейты. Посуди, кто у мертвого спросит, что он любит, чего не любит.

Гильгамеш на берег выходит, оставляя ладью Уршанаби. Он

идет, и видно сразу, что с живой он душой, а не мертвый.

— Что ты ищешь? — спросил Ут-напишти. — Почему ты сюда явился, как живой, на челне для мертвых? Почему твои щеки впали? Почему голова поникла? Как дошел ты ко мне, ответствуй!

— Гильгамешем меня называют. Я из дальнего града Урука. На две трети бог, на одну — человек я. Вместе с другом моим Энкиду мы убили злого Хумбабу, что кедровый лес охраняет. Но, меня спасая от смерти, друг Энкиду стал ее жертвой. И ищу я его по миру, обойдя все моря и страны.

Покачал головой Ут-напишти и молвил печальное слово:

— Почему ты не хочешь смириться с человеческой жалкою долей? Для тебя на собранье бессмертных не оставлено было кресло. Ты пойми, что бессмертные боги — полновесные зерна пшеницы, ну а люди — только мякина. Людям смерть не дает пощады. Дом людской простоит недолго. Не навеки мы ставим печати. Даже ненависть наша мгновенна…

Таблица XI

— Ну а ты? — Гильгамеш Ут-напишти молвил. — Ничем ты меня не лучше. Утомившись, на спину ложишься. Сразиться с тобой мне не страшно. Расскажи, как ты на совете богов оказался, как жизни бессмертной добился.

— Что ж, — проговорил Ут-напишти. — Тебе свою тайну открою. Когда-то я жил на Евфрате. Я земляк твой и дальний предок. Я из города Шуруппака, что тебе хорошо известен. Решили как-то боги истребить на земле живущих. На собранье они явились, меж собою совет держали. После долгого спора их сердца склонились к потопу. Сделав выбор, они поклялись хранить его в тайне. Не нарушил той клятвы Эа, был я сердцу его любезен. И, на землю опустившись, он не мне эту тайну поведал, моему безгласному дому:

Стены камыш, меня услышь,
Стена смекай, даю я знак.
Покинуть должен Шуруппак
Твой господин, мой верный раб.
И пусть построит он корабль,
Поскольку от разлива вод
Испустит дух все, что живет.
Пусть погрузит свое добро,
Людей своих и серебро.

И я понял, что это Эа, светлоокий, стене повеленье передал, чтобы дать мне спасенье. Много жертв приносил я Эа, вот меня он избрал из тысяч.

И я начал корабль строить, очертаньем похожий на ящик, четырьмя выделяясь углами. В его стенах заделал я щели и залил густою смолою. Разделил я на девять отсеков все пространство внутри. И много сосудов сладкой заполнил водою, запасся различной нищей, готовясь к долгой осаде. И потом, всех зверей приведя по паре, заполнил ими отсеки, чтоб друг друга они не съели. Захватил мастеров и жен их с детьми. Сам с семьею взошел последним и закрыл за собою двери.

Встало утро. Выплыла туча. Так черна, что и сами боги черноты ее испугались. Цепенепье объяло землю. А потом обрушился ливень, колотя по кровле нещадно. Вскоре треск я услышал, как будто земля раскололась, как чаша. Мой корабль подняло волнами и погнало ветром свистящим.

Шесть дней, семь ночей носило и гнало корабль по морю. А потом успокоился ветер и затихло бурливое море. Я окошко открыл. Осветило лицо мне светило дневное. Расстилалось повсюду море. Я упал на колени. Я понял: человечество в глину вернулось.

А потом я в море открытом гору Ницир увидел и к ней корабль направил. Гора его удержала, не давая качаться. При наступлении дня седьмого вынес голубя и отпустил я. Вскоре голубь назад возвратился. Вынес ласточку и отпустил я. Не найдя, где сесть, она возвратилась. Вынес ворона и отпустил я. Ворон первым сушу увидел. Не вернулся он на корабль.

Вот тогда я корабль покинул. Оглядел все стороны света и молитву вознес бессмертным. Семью семь поставил курильниц. Наломал в них ветвей пахучих, тростника, мирта и кедра. И зажег. И почуяли боги запах, который едва не забыли. И слетелись они, как мухи на мед, и курильницы окружили.

Был Эллиль один недоволен, что остались живые души. Мой покровитель Эа к нему обратился с укором:

— Ты напрасно потоп устроил. Коль людей появился излишек, напустил бы львов на них хищных. Мог призвать болезни и голод. А теперь покажи Ут-напишти и жене его место, где им жить, не ведая смерти.

Подошел Эллиль к кораблю, где я скрылся от страха перед богами, и, взяв за руку, вывел на землю и молвил:

— Человеком ты был, Ут-напишти, а теперь со своею женою ты богам бессмертным Подобен. В отдаленье у устья потоков отныне твое жилище. Там и смерть тебя не отыщет.

Вдруг заснул Гильгамеш, и конца он рассказа не слышал. Сон

дохнул в него мглою пустыни. И сказала жена Ут-напишти:

— Разбуди его! Пусть возвратится на землю!

Покачал головой Ут-напишти:

— Пусть он спит, а ты зарубки на стене помечай дневные.

Миновало семь дней. И легло семь зарубок над головою Гильгамеша. Он проснулся, а проснувшись, сказал Ут-напишти:

— Овладела смерть моей плотью, ибо сон был смерти подобен.

— От усталости сон этот долгий, Гильгамеш. Семь дней проспал ты. Жизнь возвратится к тебе. Умойся у ручья. Шкуры рваные выброс в море. Наготу прикрой белым льном и садись в челнок Уршанаби.

А когда Гильгамеш удалился, говорит жена Ут-напишти:

— Он ходил, уставал, трудился. Ты ж не дал ему ничего на дорогу. Разреши испеку ему хлеба.

— Того, у кого беспокойная печень, хлебом ввек не насытишь. Человек тот живет не хлебом, а дерзаньем своим безумным. Вместо хлеба я дам Гильгамешу одно потаенное слово.

Ключевою водою умылся Гильгамеш и сменил одежды. Стало тело его прекрасно. Но печать печали с лица его не сходила. В челнок Гильгамеш опустился, но отплыть не успел, как услышал он голос зычный:

— Есть цветок на дне океана с огненными лепестками на высоком колючем стебле. Если ты, Гильгамеш беспокойный, тот цветок знаменитый добудешь, не грозит тебе злая старость, тебя смерть обойдет стороною. Вот оно, потаенное слово, что дарю я тебе на прощанье.

Гильгамеш, это слово услышав, как стрела метнулся к колодцу, привязал к ногам своим камни и нырнул на дно океана.

Он увидел цветок прекрасный на высоком колючем стебле. И к цветку тому потянулся. Укололи шипы его руку, и окрасилось море кровью. Но он, боли не ощущая, вырвал с силой цветок тот и вскинул над головою, как факел. Отрезав тяжелые камни, из воды Гильгамеш поднялся. На сушу выйдя, к Уршанаби он обратился:

— Вот он, цветок знаменитый, что делает жизнь вечной, что старцу юность приносит. В Урук он будет доставлен. Я на людях его испытаю. Коль старец помолодеет, вкушу его, стану юным.

Побрели они по пустыне. У водоема присели. Чтоб остудить свое тело, Гильгамеш в водоем опустился. Когда же наверх поднялся, змею он увидел. Змея уползла, цветок унося, на ходу свою кожу меняя.

Гильгамеш залился слезами и сквозь слезы сказал. Уршанаби:

— Для кого я страдал, трудился? Не принес для себя я блага. Не отыскать теперь Энкиду. Ни с чем я в Урук возвращаюсь.

* * *

Там, где светлый Евфрат к морю воды стремит, высится холм из песка. Город под ним погребен. Стала пылью стена. Дерево стало трухой. Ржавчина съела металл.

Путник, взойди на холм, в синюю даль вглядись. Видишь, стадо бредет к месту, где водопой. Песню поет пастух. Нет, не о грозном царе и не о славе его. Поет о дружбе людской.

Тысяча богов хеттского царства

Дети царицы Канеса

Перед нами типичный календарный и близнечный миф. Число «тридцать» связано с числом дней и ночей, шире — с троичностью строения космоса и мирового древа. Вступление в кровосмесительный брак братьев и сестер разрабатывается также в греческом мифе о Данаидах, где сестры, не желая вступать в кровосмесительный брак, убивают супругов в первую брачную ночь, кроме одной, нарушившей закон. Рождение близнецов у многих народов считалось сверхъестественным явлением. От них старались избавиться тем или иным путем. Мотив предания новорожденных реке является общим для греческих и этрусских мифов (миф о близнецах Ромуле и Реме, воспринятый римлянами).

Родила царица Канеса{47} за один лишь год тридцать сыновей. Удивившись этому, она сказала: «Что это могло бы означать? Что это за невидаль такая?» И она наполнила кувшины нечистотами, вложила в них новорожденных и отдала реке. И понесла их река к морю страны Цальпы{48}. Здесь боги взяли детей из моря и вырастили их.

Прошли годы, и у царицы родились тридцать дочерей. Она вырастила их сама. Сыновья тем временем отправились обратно в город Несу, где они родились. Достигнув Тамармары{49}, они сказали горожанам: «Мы видим, что вы согрели дворцовые покои. Не для нашего ли осла?»{50} «Нет, — сказали горожане, — мы ждали гостей из другой страны. Оттуда тоже должен прийти осел. Там царица Канеса родила в один год тридцать дочерей. Было у нее и тридцать сыновей, но они исчезли».

— Так вот кого мы ищем! — радостно воскликнули юноши. — Это же наша мать! Пойдем в город Несу.

Так они и сделали. Но боги, их воспитавшие, сделали так, что мать не узнала своих чад. И дала она пришельцам своих дочерей. Не узнали они своих сестер. Только у одного из братьев что-то шевельнулось в сердце. «Не наши ли это сестры? — сказал он. — Не совершайте такого проступка. Это не по нашему закону»{51}.

Но братья провели со своими сестрами ночь.

Падение Луны

Бог Луны издревле почитался народами Малой Азии и примыкающего к ней Кавказа. Культ его засвидетельствован в Лидии, Фригии и Каппадокии. О нем говорят также имена от индоевропейской основы «мен», «масн» (сравните с русским словом «месяц»), распространенные по всей Малой Азии, головные уборы и одеяния населения полуострова и выходцев оттуда (этрусков). Падение Луны на землю — мотив, известный многим мифологиям, — в хеттском мифе служит объяснением лунного затмения.

Из приложенного к рассказу о падении Луны описания ритуала явствует, что миф рассказывался, когда «гремел бог Грозы» и ему вместе с его помощниками (облаками, громами, дождями) приносились жертвы.

Однажды бог Луны упал с неба на землю и оказался на рыночной площади. Не было на небе Луны, и ночью стало совсем темно. Увидел исчезновение Луны бог Грозы. Охватил его ужас, и он пустил на землю дождь, сильный ливень он пустил.

Шла тогда богиня Хабантали{52}, которая любила бога Луны. Она подошла к богу Грозы и пыталась его заворожить. Но не смогла.

Но другая богиня — имя ей Камрусепа{53} — увидела падение бога Луны и место, где он оказался. И она сказала богу Грозы: «Бог Луны упал на рыночную площадь».

Только тогда увидел бог Грозы бога Луны на земле и пустил еще более сильный дождь с ветром, ливень пустил он.

И вновь пыталась богиня Хабантали заворожить бога Грозы. Богиня Камрусепа сказала богу Грозы: «Что ты это делаешь?» Он ответил: «Я пускаю молнии со скал, дожди я пускаю. Вот что я делаю».

— Так это ты так ревешь? — отозвалась Камрусепа. — Мне страшно. Пусть уйдет Страх и Ужас{54}, пусть они будут внутри.

Богу Грозы было страшно и самому. Но все же он вернул бога Луны на небо. Мир словно родился заново, ибо на земле стало снова светло.

Табарна-царь{55} пусть живет.

Пусть живет царь-Табарна.

Солнце и Океан

Миф объясняет наблюдаемое явление исчезновения Солнца в море — заката. Море мыслилось одновременно и как царство мертвых. Тридцать сыновей и дочерей Океана — это боги царства мертвых. Сватовство Солнца напоминает сватовство греческого мифологического героя Египта к брату Данаю, имевшему пятьдесят дочерей.

Бог Солнца к брату своему Океану в гости пожаловал. Раскаленная колесница багрецом окрасила волны. В подводном дворце воцарилась суматоха. Все тридцать сыновей Океана, молодец к молодцу, на совет явились. Всполошились они: «Где гостя посадим? Чем угощать будем?» По залам, с ног сбиваясь, носились слуги. Престол{56} для владыки небесного готовили. Стол, что из кости слоновой, яствами накрывали.

Как только волны зашипели, высыпали за ворота сыновья Океана дядю встречать. Все пути благовониями окропили, коврами устлали. Ввели гостя дорогого в дом, на престол усадили с почетом. Слуги поднесли яства: пусть насыщается гость после долгой дороги. А затем, когда его Сиятельство пустые блюда отставил, Океан с ним начал беседу:

— Получил я твое послание, брат мой, и слугу к тебе отправил с дарами ответными. Но слуга мой возвратился, не найдя твоего жилища ни на земле, ни на небе. За ним я жреца отправил, что гаданьям обучен. Он обратно ко мне не вернулся.

— У меня нет нужды в твоих слугах, — ответил его Сиятельство. — Не гадателя ожидал я. Хочу с тобой породниться. Дочерей у тебя тридцать. Разглядело их око мое с высоты небесной. Дай мне одну в жены.

Омрачилось лицо Океана. Поник головой он долу. Из глаз его хлынули слезы. Потекли по щекам его белым, как воды текут по каналам.

Как мне жаль тебя, брат мой Солнце! Ты живешь как бобыль одинокий. Но помочь я тебе не в силах. Дочерей у меня есть тридцать. Я их выдал за братьев. Они сидят пред тобою, а супруги их в водах резвятся. Не могу я разрушить согласье, что веками царит в моем доме. Если я склонюсь к твоей просьбе, мои дети меня покинут. С кем я останусь?

Гнев Телепинуса

Разгневался Телепинус на весь мир, да так сильно, что, покидая жилище богов, перепутал крылатые башмаки: правый надел на левую ногу, левый — на правую. Хлопнул дверью, и больше его не видели.

С исчезновением Телепинуса густой туман окутал окна, дом наполнился удушливым дымом. В очаге придавило поленья, застыли боги каждый на своем возвышении. В овчарне стали недвижны овцы, в коровнике — коровы. Овца не подпустила к себе ягненка, корова — теленка. На полях перестали расти злаки, в лесах — деревья. Оскудели горы. Высохли источники. Люди и боги стали умирать от голода и жажды.

Чтобы узнать о Телепинусе, бог Солнца созвал к себе тысячу богов и богинь страны хеттов. Он накрыл им столы яствами и питьем, дождавшись, пока боги насытятся и напьются, к ним обратился отец Телепинуса, бог Бури.

— Разгневался мой сын Телепинус, покинул наш дом, и все, что растет, остановилось. Всему живому пришла погибель.

И отправились все боги, великие и малые, на поиски Телепинуса, но не могли его найти. Тогда бог Солнца призвал к себе Орла, который быстрее и зорче всех птиц, и приказал ему:

— Обыщи высокие горы, глубокие долины и черные волны. Приведи Телепинуса!

Полетел Орел, но не нашел он Телепинуса. Возвратившись, он сказал:

— Обыскал я высокие горы, обошел глубокие долины. Нет там Телепинуса.

На поиски отправился бог Грозы. Он нашел город Телепинуса. Ворота в городской стене были закрыты. Стал он колотить в них своим молотком, но не разбил их, а только обломил рукоятку своего грозного оружия.

И отправился бог Солнца к деду Телепинуса, и спросил его: «Кто виноват, что нет Телепинуса и в мире все высохло?»

— Никто другой не виноват, кроме тебя самого, — ответил дед. — Если его не найдешь, я тебя убью.

И поспешил бог Солнца к богине-Матери. «Что мне делать? — сказал он ей. — Исчез Телепинус, и, если я его не найду, его дед меня убьет».

— Не бойся! — успокоила богиня-Мать. — Если это твоя вина, я ее поправлю. Если не твоя — также поправлю. Иди принеси мне Пчелу.

— Что может сделать Пчела? — усомнился бог Солнца. —

Большие и малые боги искали Телепинуса и не нашли.

— Иди принеси Пчелу! — повторила богиня-Мать.

Взяв Пчелу из рук бога Солнца, богиня-Мать к ней обратилась:

— Лети! Ищи бога Телепинуса! Когда ты его найдешь, ужаль его в руки, ужаль его в ноги, намажь воском ему глаза и руки, очисти его, и освяти его, и приведи ко мне.

Отыскала Пчела Телепинуса в лесном болоте. Там опутали его водяные лилии.

Сделала Пчела так, как ей сказали. Телепинус пробудился еще более разгневанным и навлек разрушение на людей и богов. С трудом боги смирили его гнев.

И вернулся Телепинус в свой дом, и вместе с ним вернулась возбуждающая краса цветов и жен. Луга наполнились гудением пчел. Туман и дым покинули дом. В очаге воспряли поленья, в овчарне овцы воспряли, в загоне коровы воспряли. И мать кормила своего ребенка. Овца вела своего ягненка. Корова вела своего теленка.

Бык, сдвинувший горы

Мифы о превращении животных в людей и людей в животных распространены у многих народов. В греческих мифах рассказывается о принятии Зевсом облика быка, чтобы похитить и увезти за море красавицу Европу. Почитание быка как бога засвидетельствовано в Малой Азии в древнейшие времена. Изображение священного быка в окружении крошечных фигурок людей и животных встречается в хаттской и хеттской культурах уже в VII тыс. до н. э. (поселение Чатал Гуйюк). Рельефы из Чатал Гуйюка показывают существование религиозного праздника, участниками которого были люди в бычьих масках. Такова религиозно-мифическая основа мифа о превращении человека в быка.

Хеттский миф дошел до нас в виде отрывка, без начала и конца. В начале рассказа речь могла идти о тектонической катастрофе, виновником которой считался бог-бык. Горы, им передвинутые, в древности назывались Тавром, т. е. «Бычьими горами». Ярмо, корзина и стрелы на голове человека в бычьей маске — детали неизвестного нам ритуала, с помощью которого в храме совершалось умилостивление и обуздание быка.

Однажды перед служителем храма города Аринны предстал человек в пестрой одежде. На шее у него было деревянное ярмо, на голове — корзина и стрелы.

— Что со мною случилось? — взревел странный посетитель. — Почему мне надели ярмо и поставили на голову корзину? Ведь я ничего не похитил из дома! Не брал ни коровы, ни быка, ни овцы! Как бы вам от этого не было беды! Я опустошу страны! Пошлю стрелы в сердца недругов.

— Не грози нам! — ответило божество. — Разве ты не знаешь, кто держит все в своих руках, и реки, и горы, и океаны? Это я пригвоздил горы, чтобы они не сдвигались с места. И море я пригвоздил, чтобы оно не отступило, обнажив дно.

Пока бог это говорил, у незнакомца возникли на голове рога, тело его покрылось пестрой шерстью, на руках и ногах выросли копыта. В ужасе наблюдал за этим превращением служитель храма. И только когда огромный бык выбежал из храма, служи тель закричал:

— Смотрите, смотрите, это страшный бык. Но почему у него согнут рог?

Обернувшись, бык сказал:

— Потому, что я ходил в поход. Путь загораживала мне большая гора. Я ее сдвинул с места. Это я стронул море. Потому и погнулся мой рог.

Обо всем этом узнала богиня Солнца, восседавшая на троне. Она приказала своим военачальникам:

— Идите в Хальпу. Скажите воинам, чтобы они были готовы к сражению.

Сын полей

Миф о сыне божьем, вскормленном животными и воспитанном пастухом, сохранился среди надписей о военных походах хеттов к городам побережья Черного и Средиземного морей. Видимо, этот отрывок является началом рассказа о знаменитом полководце. Подобного рода мифы широко распространены как на всем Древнем Востоке (Месопотамия, Палестина, Иран, Китай), так и в Европе (Греция и Италия).

С женщиной-рабыней бог провел ночь, и родился у нее сын. Его отнесли в место, угодное богам, и там оставили.

Мальчик лежал на том месте, куда его принесли. Туда пришли животные из селения и напоили ребенка молоком. После того животные приходили вновь и возвращались в селение. Ребенок, еще несмышленыш, напился молока и не плакал.

Пастух проследил, куда удаляются животные, и увидел ребенка, такого прекрасного, какого свет не видывал. Пастух спрятался в мешок, наблюдая за ребенком. Его приходили кормить не только коровы, но и овцы. Выйдя из мешка, пастух взял ребенка и отнес его к своей жене. Он назвал его сыном полей.

Песнь об Улликумме

«Песнь об Улликумме» — самый интересный мифологический текст малоазийского региона, ибо он открывает путь к пониманию цикла греческих мифов о смене поколений богов, о борьбе богов и титанов. Куммии хурритского мифа соответствует греческий Олимп, на котором также сменяются поколения богов, оскопляя и изгоняя своих отцов. «Девять лет», срок смены богов в хурритском мифе, имеет точную параллель в гомеровском рассказе о царе Миносе, в девятилетие раз поднимающемся на гору для встречи с Зевсом, богом Грозы. Изображение битвы двух поколений хурритских богов имеет сходные черты с рассказами греческих мифов о битве богов и титанов. В то же время в греческих мифах отсутствует мотив роста каменного чудовища, угрожающего горе богов.

Пою я Кумарби, отца всех богов…

Таблица I

В городе Куммии, что на небесах, царствовал бог Аллалу. Был у него сам Ану слугой. Через девять лет он Аллалу изгнал и в Куммии воцарился. Ему же прислуживал Кумарби, отец бога Грозы, бога Солнца, бога Луны и прекрасной Иштар. Через девять лет Кумарби оскопил Ану, чтобы он не мог иметь сыновей, и, изгнав его, стал владыкой Куммии. Но и его изгнал через девять лет бог Грозы и братья его.

И стал думать Кумарби. Стал он замышлять против бога Грозы зло. Когда же вся душа его, как драгоценный камень, была обрамлена мудростью, он покинул свой трон, взял в руку жезл, обул ноги в буйные ветры, как в сапоги, и отправился из города Уркиса{57}, в котором жил, к Холодному озеру. Кружась над ним, он увидел большую скалу, и сердце его возликовало. Спустился он на эту скалу и оставил на ней свое семя.

Прошло время, и разродилась скала Холодного озера крепеньким малышом. Богини Судьбы и богини Защитницы взяли его и отнесли к Кумарби, положив на колени. Возрадовался Кумарби, начал убаюкивать младенца и выбирать ему имя поласковее. Не было у него лучшей советчицы, чем душа, и вступил он с нею в беседу: «Как мне сына назвать, которого мне принесли? Назову я его Улликумме{58}. Пусть он тянется к небу и станет там царем! Славный город Куммию пусть он растопчет! Пусть бога Грозы поразит, развеет его, как мякину, раздавит, как муравья! Пусть позвоночник Тасмису{59} надломит, как тростник! Пусть всех богов, что на небе, распугает, как птиц, пусть расколотит их, как пустые горшки! Но кому мне сына моего

отдать? Кто примет его от меня как дар? Кто на темную землю доставит так, чтобы не увидел его ни бог Солнца, ни бог Луны, чтобы не узрел его бог Грозы, Куммии царь могучий, чтобы Иштар не увидела его, Ниневии владычица?»

И призвал к себе Кумарби слугу Импалури и молвил ему:

— Слушай, Импалури, что я тебе скажу! В слух превратись! Жезл в свою руку возьми. А ноги обуй в буйные ветры, как в сапоги! К богам Ирсиррам, вестникам моим, шагай! Скажи им: «Приходите! Вас Кумарби к себе призывает!»

Услышав призыв, заспешили, заторопились Ирсирры, поднялись они с тронов своих, путь мгновенный они совершили, и сказал им Кумарби:

— Сына возьмите! Примите его как дар, отнесите на темную землю! Торопитесь! Летите быстрей! Пусть на правом плече Упеллури{60}, на ком боги построили небо и землю, стоит он, как меч! Каждый день пусть растет он на сажень, а за месяц растет на четверть версты.

Взяли Ирсирры сына с колен Кумарби, подняли они его, как дар драгоценный прижали к груди, понесли, на колени к Энлилю положили.

Поднял очи Энлиль, на малыша посмотрел. Тело его из камня кункунуцци{61}. И начал Энлиль со своей душой говорить: «Кто этот малыш? Не суждено ли ему вступить в тяжкие битвы с великими богами? Лишь Кумарби мог замыслить такое зло! Он, породивший бога Грозы, породил ему и врага».

Только это промолвил Энлиль, как Ирсирры взяли малыша и поставили его на плечо Упеллури, как меч. И начал ребенок расти. Каждый день он вырастал на сажень, каждый месяц — на четверть версты.

Уже за пятнадцать дней стал Улликумме высоко. Словно меч, он в море стоял, и было оно по пояс ему. Как молот, вздымался тот камень, храмов уже достигая небесных.

Бог Солнца взглянул с небес, и увидел он Улликумме, с ним он встретился взглядом. И начал тогда бог Солнца беседу с душою своею: «Кто там в море растет не по дням — по часам, на богов непохожий?»

И направился бог Солнца к морю, когда же до моря дошел, руку свою опустил на лицо того, кто к небу вздымался. Камень нащупав, он задрожал от гнева и направился к богу Грозы.

Увидев его приближенье, прислужник бога Грозы Тасмису стал так рассуждать перед владыкой своим:

— Почему является к нам бог Солнца, властитель великой страны? Наверное, забота его не проста. Нам этим нельзя пренебречь. Ведь если на небе сраженье или мятеж, в нашей

стране голод и смерть.

— Поставь трон, Тасмису, чтобы гость наш мог сесть. Стол прикажи накрыть, чтобы насытиться мог.

Бог Солнца, явившись, не сел на престол, не притронулся к пище. Дали чашу ему с питьем, не пригубил он ее. Тогда спросил его бог Грозы:

Уж не тот ли прислужник плох,
Что поставил трон.
Раз ты не хочешь сесть?
Уж не тот ли стольник плох,
Что поставил стол,
Раз ты не хочешь есть?
Уж не тот ли кравчий плох,
Что чашу с вином поднес,
Раз ты не хочешь пить?

Бог Солнца и бог Грозы

Таблица II

И услышал бог Грозы бога Солнца речь, узнал он, что в море камень растет. И от гнева его исказился лик. И снова он богу Солнца сказал:

На столе да будет сладок твой хлеб.
Вкуси ты его!
В чаше твоей да будет сладким вино,
Выпей его!
Пей, угощайся теперь.
Утробу свою насыть,
Делом займешься потом.

Услышав эти слова, бог Солнца стал светел душой. Стал хлеб на столе сладок ему, стало сладким вино. Насытив утробу свою, в небо он поднялся. Бог Грозы стал в свою душу мудрость вбирать. Он и Тасмису за руки взялись и вместе покинули храм. Сестра их Иштар спустилась с небес. И стала она с душой своей рассуждать: «Куда мои братья летят? Надо мне посмотреть».

Полетела быстро Иштар, братьев своих догнала, их за руки взяла. Полетели все вместе к горе, которую Хаззи зовут. Царь

Куммии к морю лицо обратил. Он камень страшный увидел. И в гневе его исказился лик. Он на землю сел. Слезы его потекли как ручьи. Весь в слезах он такие слова произнес:

— Кто выстоять может в сражении с чудищем этим? Кого же оно не повергнет в страх?

И сказала тогда Иштар богу Грозы такие слова:

— Дано тебе, брат, мужества на десятерых, но надобно здесь другое средство иметь. Я отправлюсь к нему.

Бубен взяла Иштар и лютню и песню запела пред Улликумме. И пела долго она на острых камнях, плясала она перед ним, а камень был глух и нем. Тогда из моря вышла большая волна, и, коснувшись богини ног, она ей сказала:

— Перед кем ты поешь, Иштар? Зачем уста свои наполняешь медом? Глух этот истукан! Ничего он не слышит, ничего он не зрит! Милосердье ему недоступно! Уходи, о Иштар! Брата своего отыщи поскорей, пока камень не сделался могучим бойцом. Пока не разросся череп его.

Эти услышав слова, богиня Иштар сразу петь перестала. Отбросила бубен и лютню, украшения с себя сорвала и, в голос ревя, удалилась.

Между тем готовился к битве владыка Грозы, Тасмису отдавая приказы:

— Пусть приготовят корм для быков! Благовонное масло пусть принесут! Пусть натрут благовоньями Серри рога! Да будет золотом хвост у Теллы покрыт! Дышла в упряжи бычьей пусть повернут! Пусть сверху на упряжь камни положат! Пусть с неба грозы сведут, какие могут скалы за верст девяносто разбить, обломками поле покроют верст на восемьсот! Пусть вызовут буйные ветры и ливни, вместе с ними и молнии, чье сверканье ужасно!

Услышав эти слова, Тасмису, бога Грозы слуга, поспешил, заторопился. Он с пастбища Серри привел. Он Теллу спустил с Имгарру-горы, он ввел их во внутренний двор, благовонное масло принес, натер он Серри рога, хвост у Теллы золотом стал покрывать, дышло в упряжи бычьей он повернул, на упряжь камней наложил, с неба грозы он свел, взял боевое оружье, колесницы взял боевые.

И только тогда бог Грозы к Улликумме лицо свое вновь обратил и увидел, что тот стал выше в две сотни раз.

Первое сражение богов с Улликумме

Таблица III

Донесся призыв бога Грозы до других богов. Колесницы они запрягли и вступили на них. Грянул громом тогда Аштаби, могучий воитель. Громыхая, понесся он к морю. Воинство он повел из семи десятков богов. Но Улликумме потряс небеса, отряхнул их как одеянье. Он продолжал расти, возвышаясь над морем на две тысячи верст. Он был поднят, как меч, достигая покоев и храмов богов. Высотою он был в девять тысяч верст и настолько же был широк. Он у Куммии врат стоял, он стоял над Хебат{62} и храмом ее.

Весть о боге Грозы не доходила к Хебат, и она, волнуясь о муже своем, служанке Табити такие сказала слова:

— Где мой супруг? Я слов не слышу его, и от других богов я не слышу вестей. Может быть, Улликумме, о коем вещали они, их одолел? Жезл в руку возьми, ноги обуй в буйные ветры, как в сапоги, на поле сраженья лети. От бога Грозы мне весть принеси.

Услышав эти слова, заспешила, заторопилась Табити, но, вылетев, увидала, что нет к полю боя путей и дорог. Закрыл их своим гигантским телом Улликумме. Заметалась Табити, не зная, что делать, как быть.

К госпоже она вернулась назад.

Тасмису же взял в руки жезл, ноги в ветры буйные обул, как в сапоги, на высокую башню взлетел, место занял напротив Хебат и слово такое ей молвил:

— Бог Грозы покинул Куммию, и я вместе с ним. Мы на месте, что поскромнее. Мы ждем, пока придет наш срок.

Увидала тогда Тасмису Хебат и навстречу ему сделала шаг. И упала бы с крыши она, если бы жены дворца не подхватили ее.

После того вернулся Тасмису к богу Грозы и господину сказал:

— Где же нам быть? Какую вершину избрать? Улликумме силен. Не останется вскоре на небе царя. Послушай меня! Давай в Апсу пойдем и там предстанем пред Эа, чтоб попросить у него таблички древних слов. Когда мы к воротам дворца подойдем, пять поклонимся раз, перед дверями его столько же поклонов отдадим, когда же появится он, пятнадцать поклонимся раз. И, видя, как мы покорны ему, Эа к мольбам снизойдет, вернет могущество наше былое.

Принял бог Грозы к сердцу этот совет, заспешил, заторопился он, с трона слетел своего. Взявшись за руки, боги совершили свой путь и Эа отдали поклоны.

Эа мудрость в душу свою вобрал и вышел во внутренний двор.

Объяснил Эа богам, что истукана из камня Кумарби сотворил, чтобы соперничал он с богом Грозы{63}.

Окончив речь, Эа отправился к Упеллури, исполину, на коем боги поставили небо и землю. Увидев Эа, Упеллури поднял глаза. После чего Эа начал речь:

— Упеллури, не знаешь ты разве, кто на тебе растет? Что камень на тебе стоит, сотворенный Кумарби против бога Грозы. Поднят он, как молот, небеса он и храмы богов и Хебат собою затмил. Огромен ты, потому и не знаешь того, кто быстро растет.

Ответил Упеллури Эа так:

— Когда боги воздвигли на мне небо с землей, неведомо было мне. И когда отсекли от меня небо с землей, я тоже не знал, Теперь же что-то мешает мне на плече, но я не ведаю что.

Тогда Эа схватил Упеллури и правым плечом его повернул. И увидел Упеллури бога, что на плече его стоял.

После чего обратился Эа к богам:

— Услышьте, о боги, слово мое. Неведомы вам дела далеких времен, отцов и дедов ваших дела, ибо записаны они на складнях, а складни те за семью печатями. Неведомо вам, что в давние времена небо с землей были к Упеллури прикреплены и что их от подножья отпилили пилой. Так и теперь мы отпилим того, кто на плече Упеллури стоит, кого сотворил Кумарби как соперника всем богам.

Услышав эти слова, укрепили боги свой дух и, заревев как быки, ринулись в бой, в последний бой с Кумарби и порожденьем его. Был впереди бог Грозы, а в руках его пламенела пила…

Уничтожение людей

Мотив уничтожения человечества богами, известный едва ли не всем древним мифологиям (Месопотамия, Египет, Ханаан, Индия, Китай), заимствован хурритами (что видно по имени Эа) из Месопотамии. Но, несмотря на отрывочность дошедшего до нас мифологического текста, идея его раскрыта наиболее ярко.

Как-то собрал Кумарби всех богов на Куммию и объявил свое решение уничтожить людей.

Тогда взял слово Эа, могучий владыка, к богам и к Кумарби он обратился так:

— Зачем истребить вы хотите людей? Кто тогда будет жертвы нам, богам, приносить, на алтари кедр возлагать? Не будет тогда священных пиров. Забудем мы хлеба вкус, не будем и сладости знать! Придется богу Грозы, который в Куммии царь, взяться за плуг самому и лемехом землю взрыхлять. Придется и вам тогда, Иштар и Хебат, свои забавы забыть, взяться за жернова, чтобы зерно молоть.

Речь эту молвив богам, Эа к Кумарби свой лик обратил и так ему стал вещать:

— О, Кумарби, зла людям не замышляй! Коль человечий сын не снимет с полей зерна, будешь от голода ты щелкать зубами, как волк. Приношений не будет в твой храм, и радость покинет его. И на земле, где люди ныне живут, забудутся имена небожителей всех. Ни бога Грозы, ни меня не почтят уже как царей. Мудрость, какая в тебе, Кумарби, живет, вся от меня. Мозгами же пораскинь. Крови людской не желай! Не желай и слез ты людских!

Мифы и легенды Угарита

Угарит, находившийся близ современного сирийского города Латакия (древняя Лаодикея), один из древнейших культурных центров Средиземноморского побережья Ближнего Востока, столица маленького Угаритского царства. Это царство не имело большого политического значения, находясь в зависимости то от одной, то от другой великой державы. Население жило трудовой жизнью, испытывая нужду в средствах пропитания и страх перед завоевателями. По сравнению с расположенными южнее городами Библом, Тиром и Сидоном, Угарит был небогатым городом. Но мы обязаны ему подлинными сокровищами культуры.

Во время раскопок Угарита начиная с 1928 г. были подняты на свет таблички, испещренные клинописными знаками, каждый из которых обозначал звук, но, в отличие от нашего алфавита, только согласный. Наличие алфавита сделало возможным быстрое прочтение табличек. Оказалось, что они написаны на аморейском языке, родственном древнееврейскому и арабскому. Отсутствие в письме гласных звуков создавало определенные трудности в правильном написании и понимании отдельных собственных имен и географических понятий, но со временем они были преодолены.

Из найденных текстов наибольшее внимание привлекли записи угаритских мифов, осуществленные в середине XIV в. до н. э. по приказу царя Угарита Никмадду II. До этого времени мифы имели форму былин или саг, передававшихся из поколения в поколение по памяти. Набор названных в табличках богов, встречающиеся географические названия указывают на то, что сами мифы сформировались примерно за пятьсот лет до их записи. Об этой же дате — 2000–1900 гг. до н. э. — говорят и особенности языка табличек, более древнего, чем язык, которым угаритяне пользовались в документах и частной переписке XIV в. до н. э.

О том, что найденные религиозно-мифологические поэмы Угарита возникли как памятники устного народного творчества, свидетельствуют также их художественные приемы, типичные для фольклора едва ли не всех времен и народов, Один из этих приемов — стойкие речевые выражения, переходящие из поэмы в поэму, наподобие тех, которые мы встречаем и в русских сказках. Безымянные создатели угаритских былин при повторении ситуаций использовали одни и те же выражения, не утруждая себя поисками новых, что считается обязательным для письменных литератур. Так, независимо от того, кто достигает резиденции верховного божества Угарита, он оказывается «у устья Реки, у истоков Океанов обоих». Хотя каждый человек переживает горе по-своему, в мифах ощущение скорби и утраты передается одной и той же речевой формулой.

Другой прием народного творчества, используемый создателями угаритских былин, — это повторение одной и той же мысли, высказанной в первом стихе, с некоторыми дополнениями во втором и третьем стихах, создающими своеобразный ритмический рисунок. Так, бог Грома и Молнии, обращаясь к богу — властителю Моря, говорит ему:

Я, Балу, твой раб, о Море,
Твой раб навсегда,
Сын Дагану — твой пленник.

Современный литератор выразил бы эту мысль иначе: «Я, Балу, сын Дагану, о Море, навсегда твой раб и пленник». Но это уже была бы не поэзия, как в древнем тексте, а проза. Ее нельзя было бы декламировать, раскачиваясь под сопровождение музыкальных инструментов.

Образы угаритской поэзии отличаются богатством и разнообразием,

присущими эпической поэзии других древних и современных народов. Используются сравнения из мира живой и мертвой природы. Боги и полубоги сравниваются с дикими и домашними животными, с растениями. Это создает эффект приближения воображаемого действия в недоступных людям верхней и нижней сферах, вызывая соответствующий поклонению богам эмоциональный настрой. Так, для обрисовки изменений, наступающих в мире с воскрешением бога растительности, используется следующее выражение:

Небеса изливают елей,
Ручьи наполняются медом.

Боги Угариты мыслятся в образах людей, но неизмеримо более могущественных и бессмертных. Они пируют, любят, ненавидят, видят сны, постоянно воюют друг с другом, проявляют коварство и жестокость. Им доступны все человеческие чувства. Верхние боги обитают на высоких горах, что естественно для народа, обитавшего в горной местности. Картина жизни угаритских богов — зеркальное отражение жизни народа, населявшего морское побережье, жившего в стране, богатой камнем и лесом.

Во главе Угарита находился бог Илу, известный народам, родственным угаритянам по языку, как Эл, Элим, Элохим, Илум, Аллах. От имени этого бога происходят многие распространенные ныне имена, о чем обычно не догадываются те, кто их носит: Миха-ил, Гаври-ил, Дани-ил, Саму-ил. Имена эти, как правило, могут быть точно переведены. Так, имя Самуил состоит, из двух слов: саму — «имя» и ил(у) — «бог» — и означает: «Мое имя Илу». Родители, давшие ребенку это имя, рассчитывали на то, что бог Илу не откажет ему в своем покровительстве.

Древние боги, подобно людям, имели отчества и прозвища, отражающие господствующие представления об их происхождении и обязанностях друг перед другом и людьми. А у самого Илу отчества не было, так как он не имел ни отца, ни матери. Он считался родителем других богов и богинь, древнейшим из них. Отсюда его прозвища: Создатель богов, Творец всех творений, Вечный отец, Владыка лет. Пережитком того времени, когда боги почитались в виде животных, является прозвище Илу — Бык.

Место пребывания Илу, его постоянная резиденция — гора «у устья Реки, у истоков Океанов обоих». На этом угаритском Олимпе у Илу имеется дом, где собираются боги, обитающие в других местах, на совет богов, а также и гонцы, знакомящие Илу с тем, что происходит в верхнем и нижнем мирах. В угаритских поэмах Илу — благообразный старец с седой бородой, обычно восседающий на троне, но могущий спуститься с него в случае опасности, чтобы скрыться в других помещениях дворца, или упасть на землю, чтобы выразить чувство скорби.

Образ Илу, созданный мифами, сформировавшимися в начале II тыс. до н. э., не всегда соответствует представлениям о нем верующих, живших во время записи мифов. Так, в одном из гимнов в честь Илу он предстает в образе могучего воина:

Восстань, Илу,
Отомсти, Илу,
С копьем, Илу,
С дротиком, Илу,
С упряжкою, Илу,
С погибелью, Илу,
С пожаром, Илу,
С горением, Илу,
Ради Цапану,

Ради Угарита —
Живее на помощь.

В годы написания этого гимна Угарит особенно нуждался в помощи Илу. На горизонте сгущались черные тучи грандиозного вторжения «народов моря», которое сметет Угарит в числе многих других городов сиро-финикийского побережья и изменит политическую карту всего этого региона. Илу не отблагодарил угаритян за оказываемые ему почести, не отозвался на вопль о помощи. Не потому ли один из «народов моря», обосновавшийся к югу от Угарита, стал почитать Илу и других угаритских богов?

Имя другого главного бога угаритян, Балу, может быть переведено как «господин», «князь». Его прозвища Силач или Могучий указывают на то, что его считали сильнее других богов. Иные прибавления к имени Балу указывают на местность, которой он владел. Так имя Балу Хаману (или позднее Баал Хаммон) свидетельствует, что он считался владыкой горного хребта Амана. Полагают, что это другое название упомянутой в гимне горы Цапану. Еще один эпитет Балу — Хаддад означает: «Громовик».

Отцом Балу считался бог Дагану, брат Илу, податель пищи, кажется рыбной, поскольку «даг» на языке семитских народов — «рыба». Таким образом, Балу — племянник Илу, но его почтительно называли «сыном Илу». На Востоке понятия «отец» и «сын» не обязательно характеризовали родственные отношения и могли указывать на принадлежность к старшему и младшему поколениям.

У каждого из богов должен быть подвиг, главное дело его вечной жизни. Очевидно, главный подвиг Балу — победа, одержанная им над семиголовым драконом Латану, которого также называли властителем и гибким змеем. Глиняная табличка с повествованием о грандиозной схватке Балу с этим чудовищем пока не найдена, поэтому образ Латану и его место в представлениях угаритян о сотворении мира недостаточно ясны. К счастью, Библии, священной книге древних евреев, живших к югу от Угарита, известен дракон с тем же именем (в огласовке — Левиатан или Левиафан) и библейские упоминания Левиафана могут дополнить образ угаритского Латану. В одном библейском псалме (гимне) единому богу Яхве последний воспевается как «восседающий на драконе потопа». В другом псалме Яхве воздвигает свой трон «на корнях моря» (вспомним «истоки Океанов обоих» угаритских мифов). Из этого становится ясно, что Латану — это первозданный дракон, наподобие уже известной нам Тиамат, из которой вавилонский бог Мардук создал небо и землю. Таким образом, есть основание полагать, что победа Балу над Латану имела такое же значение, как победа Мардука над Тиамат, что гора, где находится резиденция Илу и шатер Балу, воздвигнута, по представлениям угаритян, на побежденном Балу морском чудовище, «на корнях моря».

Боги Угарита мыслились семейными людьми, имеющими жен и детей. Но могучий воитель Балу в мифах изображается холостяком, не имеющим поначалу «ни дома, ни двора». Однако упоминаются его дочери — Пидрай (видимо, «Жироносная»; вспомним проливающийся с небес елей), Талай («Росная»), Арцай («Земная»). Возможно, однако, что это не дочери, а жены Балу. Как бы то ни было, их имена отражают связанные с Балу представления как о Подателе дождя, Посылателе росы (без росы в климатических условиях Угарита не могло быть урожая) и Владыке земли.

Главным противником Балу в мифах Угарита выступает бог смерти и засухи Муту, столь же могучий, как он («Балу силен, но и Муту силен»). Вражда между Балу и Муту имеет космический характер. Рингом схватки служит вся земля, а от результата единоборства зависит жизнь или смерть не только людей, но и небожителей. Не случайно, узнав о поражении Балу, Илу предвещает, что и ему вслед за Балу придется опуститься в подземный мир, в царство Муту. Описания владений Муту не столь пространны, как рассказ о нижнем мире в эпосе о Гильгамеше, в греческих мифах о владениях Аида. Названы лишь части подземного мира и «грунтовые воды», от которых ведется отсчет слоев,

населенных душами мертвых и подземными богами.

Среди богинь в угаритской мифологии наиболее деятельна дева Анату. В своем первоначальном облике она богиня — покровительница охоты. Охота, судя по рельефам на стенах древневосточных царских дворцов и статуям царей с орудиями охоты, — любимое развлечение царя и царской свиты. Как богиня охоты, Анату является покровительницей царской власти. Но она сама охотница подземного мира, обшаривающая его горы и холмы и имеющая свой дом под землей. Балу, приглашающий ее в горное гнездо, для Анату далеко живущий бог. Но для любви Анату к Балу расстояния не препятствие. Для ее любви не помеха и смерть возлюбленного. Она вступает в поединок со смертью и, выиграв его, возвращает Балу к жизни. В образе Анату, так же как и в аккадском образе Иштар, любовь торжествует победу над смертью. Это первые из образов женщин-героинь в мировой литературе.

Как богиня-охотница, Анату отличается жестокостью и кровожадностью. Убийство доставляет ей удовлетворение и наслаждение. Можно думать, что Анату была судьей наблюдаемого у всех народов земли жестокого обряда перехода из юношеского возраста в возрастную группу взрослых, известного современной науке под названием инициации.

Как богиня-дева, Анату выступает в мифах соперницей богини-матери Асирату. Это соперничество завершается победой Анату, поскольку Асирату не играет в мифах значительной роли, а Анату — главная их героиня. Однако в религиозном культе Угарита XIV–XIII вв. до н. э. первенство принадлежит не Анату, а Асирату и другой угаритской богине Астарте. Это противоречие можно объяснить тем, что образ Анату отражает древнейшие представления о богах, предшествующие сильному месопотамскому влиянию на религию и мифологию угаритян.

Наиболее выпукло образ Анату раскрывается в эпической поэме об Акхите, где она проявляет свой характер богини охоты и соперницы юного охотника, одержимой желанием овладеть принадлежащим ему волшебным луком. Союзниками Анату и врагами Акхита в этом произведении выступают хищные птицы, исконные недруги земледельцев.

Постоянным участником угаритского повествования о богах является бог с двойным именем, переводимым как Пригожий-и-Мудрый. Личное имя этого бога, обитающего в подземном мире и стоящего навытяжку перед богом смерти и бесплодия Муту, вызывало ужас, как и он сам, и поэтому держалось в тайне. В угаритских мифах Пригожий-и-Мудрый — мастер на все руки: строитель, кузнец, плавильщик, литейщик, сапожник. Он обладает кузницей, использующей подземный огонь, где создает оружие и орудия труда, мечи и орала. Примечательно, что кузницу Пригожего-и-Мудрого помещали на острове Крите. В этом отражалась религиозная близость Эгеиды и Ближнего Востока. В разделе, посвященном мифам Месопотамии, мы познакомились с богом солнца Уту-Шамашем. В угаритской мифологии ему соответствует богиня Шапаш, названная «лампадой Илу». Как и Уту-Шамаш, Шапаш наделена способностью все видеть, и ей поручает Илу узнать, где пребывает возродившийся Балу. Для этого она спускается вместе с Анату в подземный мир. Представление о том, что Солнце может спуститься в царство ночи, характерно для мифов многих древних народов и является попыткой объяснить куда исчезает Солнце с наступлением темноты.

В фантастическом мире угаритских мифов явственны черты реальной жизни. Власть Илу над другими богами характеризуют полномочия царя-жреца, обладавшего как светской, так и религиозной властью. Перечислены все признаки этой власти в виде царских регалий (высокого трона с подножием, судейского скипетра), церемоний поклонения царю. На основании описания в мифах совета богов воссоздается то же учреждение при царе Угарита. В слабости престарелого Илу проявилась ограниченность власти угаритских царей древнейшего времени, когда царь еще был не самодержцем, а первым среди равных.

В этой значительной роли, которую играют в угаритских мифах сельскохозяйственные мотивы, проявилась решающая роль сельского хозяйства в жизни обитателей страны Ханаан. Мифы дополняют данные археологии об этом регионе как месте зарождения древнейшей земледельческой культуры. На

основании угаритских мифов восстанавливаются обряды, с помощью которых люди пытались добиться благоволения богов, совершая омовения и очищения.

С давних пор идут споры о том, что появилось раньше — религиозный обряд или миф. Угаритские мифы дали возможность понять, что эти споры беспочвенны, так же как дискуссия о том, что было раньше — яйцо или курица. Угаритские мифы — составная часть обрядов и церемоний. Это устный рассказ, сопровождающий религиозное действо, часть разыгрывавшейся в храме постановки о судьбах богов и созданного ими мира. Такое же религиозное происхождение имели и греческие трагедии.

Культура Угарита — это культура древнейших обитателей средиземноморского побережья Азиатского континента, известных кочевникам-евреям, захватившим южную часть этого побережья в XIII в. до н. э., как хананеи. Евреи восприняли культуру хананеев во всем ее богатстве и разнообразии. Об этом свидетельствуют их священные книги — Библия. Открытие угаритских поэм дало для понимания обстоятельств создания Библии и возникновения образа единственного бога Яхве больше, чем все другие памятники древневосточной литературы вместе взятые.

Значение религиозно-мифологических текстов Угарита не ограничивается влиянием, оказанным на древнееврейскую религию и мифологию. Они проливают свет также и на формирование греческой мифологии. Если ранее, когда еще не были известны угаритские тексты, мифы о выходцах с Востока, переселившихся в Грецию, истолковывались как воспоминание о плаваниях финикийцев на Запад и их обитании в землях, населенных предками греков, то ныне становится ясным, что контакты греков с Ближним Востоком появляются задолго до расцвета финикийских городов Сидона и Тира. Материалы раскопок Угарита показали, что выходцы из Эгеиды жили на территории Угарита с XVIII в. до н. э. и могли там ознакомиться с теми легендами, с которыми мы познакомимся в этой главе.

Следы угаритского, шире — ханаанского, влияния на греческую мифологию обнаруживаются в представлениях о богах, занимающих многовершинный Олимп. Греческой священной горе Олимп соответствует гора Цапану угаритских мифов. Примечательно, что эта гора в верховьях реки Оронта, известная грекам под именем Касий, в греческих мифах фигурировала как место схватки между предводителем греческих богов Зевсом и змееногим, изрыгающим огонь чудовищем Тифоном, после поражения упрятанным под землю. Таким образом, угаритский змей Латану соответствует не только древнееврейскому Левиафану, но и греческому Тифону.

В греческих мифах Олимп был местом обитания богов старшего поколения, затем изгнанных и низведенных в подземный мир. В более древних греческих мифах также известно о соперничестве младших и старших богов, но дело не доходит до изгнания последних. В некоторых образах греческих божеств мы обнаруживаем черты угаритских богов и богинь. В Зевсе и Посейдоне много общего с Илу и угаритским богом морей Йамму. Греческий бог-кузнец Гефест вырос из угаритского Пригожего-и-Мудрого. Можно думать, что в первоначальном своем облике владыки подземного огня, имевшего кузницу на одном из островов (Лемносе или Сицилии), облик Гефеста отражал представления об угаритско-финикийском ремесленнике, мастере на все руки, изготовителе оружия и драгоценностей, которые находят в погребениях микенской, раннегреческой эпохи. Греческие богини-девы Артемида и Афина (в древнем написании — Атана) вышли из образа угаритской богини-девы Анату. Первая восприняла ее жестокость и необузданный нрав, вторая — мудрость и рассудительность. Еще более очевидна связь между греческой богиней любви и плодородия Афродитой и угаритскими Асирату и Астартой. Однако влияния угаритской мифологии на греческую не следует преувеличивать. Греческие сказители знали об угаритских мифах и персонажах угаритско-финикийской мифологии. Но они были самостоятельны в трактовке ее наследия.

Балу и Муту

Действие этого поэтического рассказа развертывается в двух мирах: верхнем, во владениях творца всех тварей Илу, и в нижнем, в царстве мертвых, которым правит сын Илу, бог смерти и засухи Муту. Связь между этими мирами осуществляется с помощью богов-гонцов, выполняющих поручение Илу или Муту.

К Балу на гору Цапану пожаловали гонцы Муту Могучего, Илу любимца, Гипар и Угар{64} и передали слова, что произнес господин:

— Тебе повеленье от Муту, Илу любимца. Балу, умом пораскинь. От львицы барашек бежит, мести ее страшась. Верно и то, что дельфин не может жить без воды. Верно и то, что буйвол является на водопой. Стремится к источнику лань. Предел всех желаний осла — трава, очень много травы. Но я все живое держу в кулаке. Каждого, прежде чем съесть, раздираю на семь частей{65}. Слуги готовят питье и в кубке его подают. В ущелье мое приглашаю я, Балу, тебя и братьев твоих. Будешь сидеть на пиру рядом с моею родней. Но, что бы ни скушал ты, что бы ни выпил ты, придется тебе изрыгнуть. Ибо проткну я тебя, так же как ты поступил, когда Латану поверг, гибкого змея убил, повелителя о семи головах.

Выслушав эти слова, вестникам Муту Балу ответил:

— За вами пойду я. Надо взглянуть на того, что гибелью мне грозит, хотя нас обоих мать одна на свет родила.

Балу и двое гонцов вместе отправились в путь. Когда немного прошли, Муту очам их предстал. Огромен и страшен он был: одна губа на земле, другая — на небесах. Язык же касался звезд. Вот Балу страх одолел, убоялся скачущий на облаках. Подумал он про себя: «Муту проглотит меня. Я в чрево его опущусь. Будет это тогда, когда созреют плоды, сады дадут урожай»{66}.

Обратился Балу к послам:

— Передайте слово мое, Балу Могучего, Муту, сыну Илу: «Прими меня, Муту, как друга. Слугою хочу быть твоим, пойду я к тебе в кабалу».

И снова они в пути. Когда же достигли Муту подземных полей, в ущелье его вступили, узрели высокий трон и Муту, сына Илу, на нем. Балу вновь повторил: «Прими меня, Муту, как друга. Слугою хочу быть твоим, пойду я к тебе в кабалу».

Муту доволен был, что недруг его устрашен, что он покорился ему.

— Ах, вот ты какой! — громко он произнес. — Явился готовый служить. Спускайся же дальше вниз вместе со свитой своей. Семь захвати ветров, семь возьми облаков, семь тебе

верных юнцов, восьмерых кабанов и дочь, что с неба роняет елей. Возложи на руки шкуру, жиром наполни ладони{67}, понеси в обеих руках. Опустись в дом одиночества, в землю. Ты будешь причислен к тем, кто опустился в нее. И как только испустишь дух, познаешь подземных богов — и сразу оплачут тебя.

Балу покорен был. Он сошел на поля, какими владеет Лев, богини Мамету{68} супруг. Там с Коровой он был обручен, на ложе любви с ней лежал семь и семьдесят раз. Когда же сошел с нее, тотчас дух испустил. Корова тельца родила.

Муту предстали гонцы перед Илу самим и сказали ему:

— Из бездны к тебе мы пришли, край пастбищ подземных пройдя, поле Мамету Льва. Балу увидели мы там в глубинах земных. Пришли мы, чтобы сказать: скончался князь, владыка земли.

Известием этим был благостный бог потрясен. С трона сойдя, он на скамеечку сел, с нее же спустившись, на землю лег. Он стал кататься в пыли, на макушку насыпал прах, одеянье свое накрыл смертным покровом, камнем кожу свою изодрал, срезал пряди на обоих висках, щеки и подбородок тростинкою избороздил, место груди, что над сердцем, он обработал, как сад, спину вспахал, словно долину. Затем, голос возвысив, промолвил:

Балу мертв!
Горе тебе, народ!
Сына Дагану нет!
Горе твари любой!
Вместе с Балу спущусь
И я в утробу земли.

Анату бродила по миру. Все обшарила горы, вплоть до земной утробы, вплоть до пастбищ до нижних, опустилась к полям, какими владеет Лев, богини Мамету супруг. Балу нашла и накрыла его одеянья смертным покровом, расцарапала подбородок и щеки, избороздила плечи, место груди, что над сердцем, она вспахала, как сад, спину вспахала, словно долину. Затем возвысила голос:

Балу мертв!
Горе тебе, народ!
Сына Дагану нет!
Горе твари любой!
Вслед за Балу и мы
Сойдем в утробу земли.

Спустилась вместе с Анату Илу лампада — Шапаш. Насытилась плачем она. Утолила жажду слезами. Дева Анату со словом к ней обратилась:

— Тело могучего Балу мне одной не поднять. Взвали мне его на плечо!

С тяжестью на плече Анату на высоты Цапану вступила. Оплакала Балу она, и погребла, и села прямо на землю. Шестьдесят заколола быков, чтобы дать душе Балу усладу, шестьдесят заколола козлов, чтобы дать душе Балу усладу, шестьдесят заколола косуль, чтобы дать душе Балу усладу.

Затем Анату обратила очи к Илу владеньям и направилась к устью Реки, к истокам Океанов обоих. И достигла она владений творца всех творений в Цапану. К ногам она Илу склонилась, плашмя повалилась на землю, почести отдавая. Затем обратилась к Илу, горечи не скрывая:

— Ты бы, родитель и царь, к Асирату слова обратил, чтоб она с сыновьями явилась на погребенье, на тризну могучего Балу. А то ведь могут подумать, что скорбь их не посетила и рады они, что Балу Могучий умер.

Насмешки не понимая, Илу сказал Асирату:

— Владычица! Вместо Балу, что удалился из жизни, своего ты выбери сына, какого сама пожелаешь, на трон я его поставлю, который ныне пустует.

Асирату назначила сына. Астар Ужасный ему было имя. Поднялся на вершину Цапану, на трон взгромоздился, но пятки его болтались, скамеечки не доставая, голова его в трон уперлась, подголовья не достигая.

День за днем проходили. Дева Анату страдала. И сердцем тянулась к Балу, как корова к теленку, как овца к своему ягненку. И, явившись во владения Муту, край его ухватила одежды, потянула за бахрому одеянья и свой возвысила голос:

— Муту, явись, мне брата верни!

И ответил ей Муту, сын Илу:

— Что тебе надобно, дева Анату? Что хочешь ты от меня? Ведь я все обхожу вокруг, обшариваю горы до самых земных глубин, все холмы до нижних полей. Алчет глотка моя жизней сыновей человека. Любо подняться мне в города, где радость и красота, пастбищ страну посетить, где Лев Мамету владыка. К Балу Могучему я подошел, как агнца, отправил в рот, в пасти моей он исчез, как козленок. Вот почему так нещадно палит Солнце, Илу лампада. Горестно небесам склоняться в лапы мои.

День протек, за ним протек и другой. По прошествии многих дней дева Анату Муту вновь посетила. К Балу сердце ее обратилось, как у коровы к тельцу, как у матери-овцы к ягненку.

Муту схватила она, сына любимого Илу. Мечом его рассекла, пропустила сквозь сито, прожгла на огне, меж жерновами размолола и, чтобы птицы не съели, пернатые не расклевали, рассеяла в море.

Тогда же Илу уснул и голос во сне услыхал:

— Вот посмотри! Балу живет! Всмотрись, о милосердный бог, вновь существует он, князь, правитель земли. Небеса вновь изливают елей, русла ручьев, что были, как камень, сухи, вновь наполнились медом. Князь, правитель земли к жизни вернулся.

Очи открыв, Бык милосердный возликовал, ноги с постели спустил, угрюмость прогнал и улыбнулся, голос возвысил и произнес:

— Сяду-ка я и отдохну, сердце свое успокою. Ведь Балу Могучий живет, правитель земли вновь появился.

Затем он призвал к себе деву Анату и слово такое ей молвил:

— Дева Анату, внимай! Шапаш, лампаде моей, волю мою вознеси: журчат ручьи на полях, журчат полевые ручьи. Балу Могучий литься им приказал и пашни поить. Но я не вижу его. Я не ведаю, где он, князь и правитель земли.

Возвысился голос Анату:

— Слушай, Шапаш, повеление Илу Быка, отца твоего. Хочет он знать, где пребывает Балу Могучий, князь и правитель земли.

— Буду я Балу искать! — Шапаш обещала.

— Я тебе помогу, — сказала Анату.

Вот проходит день, за ним проходит другой, по прошествии многих дней Шапаш вместе с девой Анату Балу нашли под землей, путь на гору Цапану ему указали. Балу, вернувшись, Астара схватил, с трона на землю швырнул и разметал всех мужей, что Астару служили. Снова на царстве бог Хаддад.

Месяц сменяет другой, год за годом идет. На годе седьмом вновь появился Муту, Илу любимец. Возвысил голос он свой:

— Из-за тебя я, Балу, принял позор, из-за тебя пропущен сквозь сито, меж жерновами раздроблен, обожжен над огнем, в муку превращен, в море рассеян.

Не захотел Балу Муту внимать, спиной к нему повернулся, удалился на гору Цапану, на высоты свои.

И собрал Муту свою свиту, семь верных ему юнцов, кабанов восемь. Им сказал:

— От Балу, от брата, обиду я претерпел, хотя нас мать одна родила. Идемте со мной. С Балу хочу я сразиться.

Каптару{69} покинув, Цапану достигнув, набросился Муту на Балу. Друг с другом схватились они. Ударились друг о друга, как кремень о кремень. Муту силен, но и Балу силен. Бодались, как буйволы. Муту силен, но и Балу силен. Кусали друг друга, как

змеи. Муту силен, но и Балу силен. Лягались, как жеребцы. Муту силен, но и Балу силен. Муту упал, но и Балу упал.

Шапаш, Илу лампада, молвила Муту:

— Внимай мне, о Муту, сын Илу. Зачем вражда тебе с братом? Об этом может слышать Илу, отец твой. Он может обрушить шатра твоего опоры, опрокинуть может трон твоего царства, разломать он может скипетр твоего судейства.

И устрашился Муту, сын Илу, Муту Могучий. Илу любимец, голосом он хрипучим попросил у Балу пощады. На трон посадил он Балу в шатре его царском.

Все это Илу увидел с высокого трона. Со словом он обратился к Муту, своему любимцу:

— Можешь вкушать свой хлеб! Он силу тебе дает. Губами цедить вино. Оно утеху дает. Шапаш и князья земные, боги, что под землей, будут во власти твоей. Пригожий-и-Мудрый будет в свите твоей, спутником будет твоим. В честь он твою вознесет дыма столбы. Навытяжку перед тобой он будет стоять.

Подписал Ил-милк из Шабону,

Рассмотрел Аттин Парланц, верховный жрец, высший пастырь,

Сверил Никмаду, царь Угарита, повелитель Йаргабу, господин Теремину.{70}

Дворец для Балу

Рассказ раскрывает противоречия между богом младшего поколения Балу Могучим и богом старшего поколения Илу. В страхе перед могуществом юного бога Илу долго отказывает ему в собственном доме, в его небесной резиденции, которой в городе соответствует храм. Видимо, Балу, как и еврейскому богу Яхве, пришлось обитать в шатре. Это умаляло его достоинство как «князя земли». Миф должен был объяснить обряд перемещения Балу из шатра во вновь построенный храм. Обряд этот известен по описанию в Библии переноса ковчега Давидом на гору Сион.

Семь девиц умащали Анату, благовония в кожу ее втирая, и от тела ее исходил аромат. Соединились в нем запахи дичи и меда{71}. Ворота закрыв дворца, вышла Анату на поле, где ее ожидали юнцы, войско горной богини, а вместе с ними сыны городов. Сокрушала Анату в долине врагов, истребляла народ. Поражала она горожан и людей, что с моря явились, истребляла пришедших с Востока{72}. Пробивалась она сквозь недругов строй. С обеих сторон были головы, как живые, руки над нею взлетали, как саранча, кисти храбрых падали в кучи. Головы павших она бросала себе за спину, кисти рук отправляла в чрево свое, по колено стояла в крови, в крови храбрецов она омывала ножные цепочки. Старцев жезлом гнала, как овец, лук свой приставив к бедру, стрелы она метала.

Затем возвратилась она во дворец, но сердце ее смертями не было сыто, не было сыто резней, что она учинила врагам. Кресла швыряла она в храбрецов, в воинов кидала столы, скамейки — в могучих героев. Многих сразив, она оглянулась. При виде трупов блаженство ее охватило, вспухла печень ее, ибо она погружала колена в кровь храбрецов, ножные цепочки в ней омывала.

Потом она в чаше омыла руки свои, очистила их в небесной росе, а также дождем Скачущего на облаках. И, завершив очищенье, призвала девиц семерых. Кожу они умастили Анату. И от тела исходил аромат. Соединились в нем запахи дичи и меда. Аромат благовоний уходил на тысячу поприщ в течение дня.

К ней в это время явились Балу посланцы. Издали их увидав, задрожала Анату от макушки до пят, чресла ее затряслись, капли пота на лбу показались. Голос возвысив, послов вопросила она:

— Что вас ко мне привело? Может быть, недруг какой, мной не добитый, вновь ополчился на Балу? Или какая иная беда угрожает Ездящему на облаках? Разве мало врагов я его сокрушила? Был среди них сам Ямму, Илу любимец. Не поразила ли я дракона о семи головах, гибкого змея{73}? Разве не я Муту повергла? Может быть, изгнан опять Балу с Цапану высот, с трона могучего царства?

Анату поклонились юнцы, к ее припали стопам, пали пред нею ниц, почести ей оказали. Затем ей отвечали они:

— Посланье к тебе, Анату, от могучего Балу, слово сильнейшего среди всех. Явись в обитель мою, Анату. Помести в землю хлебную жертву, котел в глубины земли зарой, возьми посох, захвати суму. Поторопятся пусть ко мне ноги твои, стопы пусть поспешат. Есть у меня, что поведать тебе. Слово тебе я сберег. Лепет деревьев и шептанье камней в слове том, жалобы небес, текущих на землю, от звезд к океану. Шатер я построить хочу, какого даже небо не знает, какого и в мыслях нет у людей, у толп, на земле кишащих. Возведу я шатер для тебя на горе моей, на вершине власти своей, ибо того я хочу, владыка Цапану, мыслящий о тебе.

— Да, я приду! — отозвалась Анату. — Хлебную жертву в землю я положу, котел в землю зарою. Вы ж, после пути отдохнув, собирайтесь в дорогу, к Балу Могучему скорее идите, гонцы! Я же пойду впереди к далеко живущему богу, встану на путь к божеству, живущему вдалеке, через толщу земную пройду я от вод грунтовых, вверх поднимусь сквозь земные слои.

Так они вышли на путь, что ведет к вершинам Цапану, в тысячу мер, в десять тысяч длиной. Балу, издалека сестру свою заприметив, свиту отправил из своих дочерей. Они деву ублажили, Анату свежей водой напоили, росою обмыли, росою,

что сочится с небес, смешав ее с жиром земли.

— Среди богов я один еще не имею дома. Есть обиталище Илу, есть жилище у госпожи Асирату, помещенья у других ее сыновей. Горницами наделил Илу Бык моих дочерей, невест непорочных. Только мне одному он дома дать не желает.

— Он даст тебе дом! — Анату ему возразила. — Уступит он ради меня и себя. Ибо швырну я его, словно овцу, на землю. Кровью омою середину его бороды, если ты дом не получишь, как боги другие, как сыновья Асирату.

Грозно топнув ногой, Анату обратилась к устью Реки, к истокам Океанов обоих, Илу достигла горы, вступив во владенья царя и отца, и возвысила голос:

— Радуйся, Илу, что еще жив на свете! Радуйся, что я тебя еще не схватила, что на земле ты еще не лежишь, как овца. О сыне подумай своем, что не имеет жилища, как другие твои сыновья.

Услышав дочери крик, Илу бежал через своих комнат семь, и из восьмой такое ей слово сказал:

— Знаю я, дочь, что твое не обуздано сердце, словно бы мужем, не девою ты родилась. Просишь ты дом для Балу, и уступить готов я.

— Мне, — вещала Анату, — давно твоя ведома мудрость. Ибо она тебе вместе с бессмертьем дана. Каждое слово твое — счастливая участь. К Балу Могучему ты милостив, как никогда. Мы же, богини, к этому дару готовы, Балу Могучему все мы готовы помочь.

— Да, — подхватила Аситару, — мой сын не имеет дома, как у меня и у других моих сыновей. Все мы просим тебя о постройке дома для Балу, мы все твоего повеления ждем.

— Что ж, — Илу промолвил, к супруге своей обращаясь. — Выбери двух сыновей, гонцами отправь на Каптару, где Пригожий-и-Мудрый живет. Пусть он построит дом для Балу Могучего такой же, какой он тебе построил.

Балу и Анату

Илу не выполнил свое обещание построить дом для Балу. Этому помешал бог моря Ямму, которому было оказано предпочтение. Анату и сочувствующая ей Шапаш этим возмущены. Илу собирает совет богов, с которым, видимо, хочет согласовать свое решение построить дом для Ямму. Чувствуя поддержку Илу, Ямму отправляет послов с требованием выдать Балу как раба и пленника. Это предполагает заключение между Илу и Ямму специального соглашения, наподобие известных по договору между Египтом и царем хеттов о выдаче перебежчиков.

И вновь на помощь Балу приходит Анату. С помощью волшебного оружия, изготовленного Пригожим-и-Мудрым по просьбе Анату, Балу расправляется со своими недругами и соединяется в священном браке со своею спасительницей.

Пригожий-и-Мудрый, строитель и мастер, как никогда торопился. Свернув с пути своего, направился он к истокам двух потоков, верховьям Океанов обоих, взобрался на гору Илу, достиг владений отцовских, вступил на вершину отца времен, перед ним склонился и, как слуга, распростерся.

И сказал ему Илу:

— Сооруди немедля дом для мне любезного Ямму, дворец для владыки всех вод и потоков.

Не скрылось это от взора и не укрылось от слуха богини Шапаш Пресветлой, что небо дневное обходит. Возвысив свой голос, что было сил закричала:

— Слушай, могучий Балу, слух напряги свой чуткий. Илу, отец наш и Бык, лицо обратил свое к Ямму, владыке всех вод и потоков, дворец ему хочет построить, твое ниспровергнуть царство и разломать твой скипетр.

К Илу направился Балу и молвил ему с обидой:

— О, Илу, Бык и родитель! Разве тебе неизвестно, что я не имею дома, каким обладают боги, что я не имею двора, который бы львы охраняли. Ты же, к Ямму склонившись, ему приказал построить дворец…

— Да, выбор мой пал на Ямму, — сыну Илу ответил. — Царем я решил его сделать. Ведь ты жены не имеешь и не имеешь потомства.

Тем временем боги собрались на гору родителя Илу. В доме его разместившись, вкушали бессмертные пищу, которая их достойна. И тотчас послы показались, которых Ямму отправил. Илу не поклонившись, они к богам обратились:

— Послал нас великий Ямму, потоков и вод владыка. Средь вас находится Балу, рожденный богом Дагану. Он Ямму давний невольник, строптивый раб и неверный. За ним мы явились и просим его немедленно выдать.

Боги склонили шеи к коленям и побледнели от страха. Никто из них не решился промолвить хотя бы слово, словечко в защиту брата.

Балу вперед выходит и с Илу становится рядом.

— Почему вы, боги, молчите, к коленям склонивши шеи? — промолвил Балу Могучий. — Почему б нам не выступить вместе против дерзости Ямму?

И подняли головы боги, и повернулись к Илу, решенья его ожидая.

— Да, Балу — подданный Ямму, — к богам обратился Илу. — Был взят он им в плен и должен ему, как раб, подчиняться.

Тут выхватил Балу секиру и меч свой из ножен вырвал. Но тут же Анату схватила его за правую руку, за левую руку

схватила.

— Убийство послов, о Балу, — произнесла богиня, — чести твоей недостойно. Послы не явились сами Они выполняют волю того, кто стоит над ними, слова его повторяют.

Бросил Балу секиру, меч свой в ножны отправил, и сразу послы удалились, гнева его опасаясь. За ними Балу Могучий Илу шатер покинул, и Анату с ним вместе.

— Послов я изгнал, сестрица, молвил Балу Могучий. — Теперь я возьмусь за Ямму. Я сокрушу его царство, а самого повергну и растопчу ногами.

— Ты прав, — согласилась Анату. — Тебе я не раз говорила, что Ямму — твой злейший недруг. Отнять твое царство он хочет. Пригожий-и-Мудрый оружье тебе изготовит, новые две дубины. Имя первой — Гонитель, ты ею Ямму прогонишь и обратишь его в бегство. Имя второй дубине — Да ослабеет Ямму. Опустишь ее на череп владыки всех вод и потоков. Он упадет на землю, и дух из ноздрей его выйдет.

Сказав это, улетела Анату, к себе удалилась.

Лет протекло немало. Анату, дом свой покинув, пожелала подняться на землю. У дворца, который построил Пригожий-и-Мудрый, владычица опустилась. К рабам, охранявшим ворота, она обратилась с вопросом:

— Скажите, дома ли Балу? В каких он живет покоях?

— Нет господина дома, — Анату ответили слуги. — Балу свой дом покинул и на луг Шамку отправился охотиться на быков{74}.

На луг, чье имя Шамку, дева Анату полетела. И вот, поднимая очи, Балу ее увидел и крикнул нетерпеливо:

— Скорей опускайся, сестрица. Врагов я теперь не имею. Пеплом и пылью стали те, кто со мной враждовали. Ничто нам теперь не мешает дружить и любить друг друга.

Спустилась Анату на землю и не увидела Балу. К ней бык приближался могучий, глаза его страстью пылали. Метнувшись быку навстречу, Анату обняла его шею{75}…

Через год у Анату родился теленок.

Волшебный лук

В поэме об Акхите, в отличие от других угаритских религиозно-мифологических текстов, наряду с богами действуют герои — мудрый царь Даниилу, его сын Акхит, рождение которого было наградой царю за его благочестие, и союзница Акхита, сестра его Пагату, любящая своего брата, так же как Анату Балу, не сестринской любовью. Пагату — соперница Анату, ибо богиня предлагает Акхиту в обмен за лук также и любовь. Пагату противостоит ей и как покровительница земледелия богине охоты.

Таким образом, поэма об Акхите — эпическое произведение, обладающее всеми признаками любовного романа с характерными для него ситуациями любви, ревности,

отчаяния и мести, сочувствием к любящей и страдающей личности, интересом к семье и частным отношениям. Угаритский миф-роман на целое тысячелетие древнее произведений этого жанра у древних греков. Нельзя считать случайностью, что греческие романы появляются в годы близкого соприкосновения античного и древневосточного общества, после завоеваний Александра Македонского, в эпоху эллинизма.

Был царем в стране Ханаан, во граде, чье имя Харнам, Даниилу, муж рапаитский{76}. Все Даниилу имел, что может душа пожелать, но счастья не ведал. Ибо он был одинок, долгие годы о сыне напрасно мечтая. И наконец, он обратился к Илу Быку с мольбою. Дал он обет владыке годов только чистое есть, чистое пить, если творений творец даст ему сына.

Ночь протекала. Начался день, первый, второй. Чистое ел Даниилу, чистое пил. Третий день начался и прошел, четвертый за ним, пятый, шестой, на седьмой вышел навстречу мольбе Даниилу Балу и молвил такие слова:

— О, Даниилу, муж рапаитский! Сына нет у тебя, побега в роде твоем, как у братьев твоих. Радуйся, Илу Бык, всех творений творец, мой родитель, твою услышал мольбу и приказал передать: «Будет сын у тебя, юный побег во дворце. Могильные плиты предкам твоим он воздвигнет, от клеветы и наветов оборонит, будет жажда — вина поднесет, пить захочешь — тебя напоит, погребальные жертвы сожжет в доме моем. В грязь попадешь, очистит одежду. Будет тебе он слугой, правой рукою твоей. Оседлай, Даниилу, ложе свое, свою жену возымей в поцелуях. Отяжелеет чрево ее в объятьях твоих. Произведет она сына тебе. Побег молодой будет произрастать во дворце.

Голову низко склонив перед посланцем Илу Быка, в покои свои царь поспешил. Супругу свою он, как птицу, кормил из руки и подавал ей питье. Первый день и второй, третий, четвертый день давал он ей есть и пить, день пятый и день шестой кормил ее и поил. На седьмой же день, отяжелев, в широких одеждах она на другое ложе легла. Даниилу рядом с ложем сидел и луны считал. На луне на девятой сын закричал. Ему дали имя Акхит. И еще через год дочь родилась, Пагату имя ее.

Четырнадцать минуло лет. Дважды по семь. Из мальчика вырос муж. Отец Акхита решил силы проверить его. И на гору, где жил Пригожий-и-Мудрый, отправил гонца с просьбой выковать лук, какого свет не видал. Кузнец обещал гонцу прийти, когда минет семь дней.

И вот на день на седьмой Даниилу, муж рапаитский, поднялся и сел у входа в ворота, сел на гумне{77}, под древом могучим{78}, решая по праву дело вдовы и тяжбы сирот по закону{79}, иных мудрецов мудрости обучая. И, глаза поднимая, узрел он Пригожего-и-Мудрого с луком в правой руке, с колчаном

и стрелами в левой.

— Это — волшебный лук! — молвил Пригожий-и-Мудрый. — Глазами цель отыщи, стрела ее поразит.

И призвал к себе Даниилу слуг, призвал жену, им повелел приготовить для искусника угощенье, вином его напоить. Пищу приняв и питье, передал Пригожий-и-Мудрый лук Даниилу, стрелы же положил ему на колени.

Отправился Пригожий-и-Мудрый к своему горну, к молоту и наковальне. Даниилу поспешил во дворец. Передавая лук и стрелы Акхиту, благословил он его на охоту, что угодна богам.

— Помни, о сын мой, от каждой дичи, что луком добудешь, лучшую часть Анату должен ты оставлять.

Лук к сердцу прижав, ушел Акхит на охоту, чтобы свой лук испытать. На дугу наложил он стрелу и взглянул на оленя, тотчас стрела сорвалась и убила его наповал. Добычу на плечи взвалив, выйдя на ровное место, Акхит отрезал ножом самый жирный кусок. И возложил на алтарь, который сложил из камней. Только поднялся дымок, Анату жертву узрела, вместе с тем увидав за спиною охотника лук. Сразу поняв, что это лук необычный, дева пустилась в полет. Перед Аккитом представ, чашу свою на землю швырнув, голос возвысив, она рекла:

— Слушай, юный Акхит! Речи моей внимай! Пожелай серебра, и ты его обретешь! Золота попроси, будет оно у тебя! Ты же отдай мне свой лук, ветвь, что согнута в дугу.

— Зачем тебе, дева, мой лук? — Анату ответил Акхит. — Деревья тебе посвящу, что украшают Ливан, сухожилия диких ослов, рога диких козлов, камыши тебе посвящу. Пригожему-и-Мудрому это отдай, и он изготовит лук, ветвь в дугу согнет.

Выслушав эти слова, Анату вещала так:

— Вечности пожелай, и ты получишь ее! Бессмертия пожелай, и я его ниспошлю. Вместе с Балу будешь ты числить года, месяцы вместе считать. Будет, как у него, пиром твой каждый день.

— Зачем ты плетешь обман? — молвил юный Акхит. — Твоя мне отвратна ложь. Ведь ни один человек бессмертья не обретет. Как умирают все, так скончаюсь и я. И лук мой не для тебя, он не для женской руки.

— Как ты смеешь дерзить! — промолвила Илу дочь. Грозно топнув ногой, в воздух она взвилась. Землю пересекая, она проникла к устью Реки, к истокам Океанов обоих. У Илу простершись ног, она раскрыла уста, со слезами мешая брань, Акхита она прокляла.

— Сердце свое смири! — Илу Анату вещал. — Акхит не имеет вины. Пусть убивает дичь и жертвы приносит нам. Они ведь так радостны мне!

— О, нет! — закричала она. — О радости позабудь! Дланью длинной своей Акхиту башку сокрушу. Рекою кровь потечет по его волосам.

— Великодушной будь, дочь! — Илу Анату сказал. — Бесчестье тебе не к лицу. Хотя, порочная дочь, желанья исполнить твои никто не мешает.

И удалилась дева Анату. И вот она на пути к Йатпану, воину храброму во хмелю, жившему в Абулуму, городе бога Йариху{80}. Приблизившись к нему, она сказала:

— Убей юного Акхита, который меня оскорбил, отними у него волшебный лук, который мне приглянулся, лук со стрелами.

— Слушай, дева Анату, — ответил Йатпану. — Ты хочешь убить юнца из-за лука, хочешь убить его из-за стрел, но кто сумеет догнать его, сына ласточки?

— Пусть это тебя не волнует! — сказала Анату. — У тебя отрастут крылья, и ты будешь вожаком в моей орлиной стае, быстрой птицей в моих руках. Когда Акхит сядет за стол, и когда принесут ему пищу, и когда он станет ее вкушать, ты поднимешься вместе со стаей птиц в небо, с быстрой стаей прилетишь с побережья, я укажу тебе Акхита, ты упадешь на него, как хищник, когтящий добычу. Поразишь его дважды в макушку, трижды ударишь в ухо, лишишь его дыхания, что подобно ветру, его дух, подобно пару, подобно дыму из его ноздрей, выпустишь вместе с кровью сок его жизни.

Узнала об этом сестра Акхита Пагату, постигающая волю богов в падении капель, в движении звезд, возвратилась она в дом Даниилу, крик души усмиряя. Разрывая одеяния отца своего, терзая его облачения, она поведала ему, что смерть грозит богу Балу по окончании семилетия, в месяц, когда на деревьях уже созрели плоды.

— Какое горе! — отозвался Даниилу. — Не будет росы! Дождя не будет! Не будут бить ключом источники бездны! Сладостный голос Балу слышен не будет! Но Балу вернется как зеленый оазис, прорастет юным стеблем на грядке. Будет он ее обнимать и покрывать поцелуями.

— О, если бы и я была стеблем на грядке! — произнесла Пагату. — Тогда бы его объятия достались мне, я приняла бы его поцелуи на ложе из зеленых растений.

Возвратился с охоты юный Акхит. Острым отрезав ножом от дичи лучший кусок, возложил его на алтарь, и к небу вознесся жир в дыма столбе. Жертву богине воздав, он пошел за водою, полный кувшин набрав, его поставил на стол, сам же сел на скамью под дубом могучим. Только он пищу взял, как с неба Йатпану упал. Анату его принесла, словно сокола в сетке. Акхит

ощутил удар прежде, чем услыхал, падая, крыльев шум. Очи к небу воздев, увидел Анату Акхит и понял, что идет за луком его охота. И, прежде чем новый удар Йатпану клювом нанес, лук свой Акхит схватил, разломал на восемь частей, их в источник швырнул.

Пока терзали орлы Акхита юного тело, Анату в пыли сидела, слезы роняя ручьем.

— Что же ты натворил, Йатпану! — Анату вопила. — Ты погубил юнца, а лук его не сберег. Нет у меня волшебного лука!

Трапезу завершив, в небо поднялись орлы, скрылись из глаз. Гневом пылала Шапаш, Илу лампада, и от ее лучей вся почернела земля, высохли реки. Тогда пришла к Даниилу Пагату и вновь к нему обратилась:

— Слушай, о Даниилу, служитель владыки богов. Виденье привиделось мне. Умер Акхит, юный твой сын. Анату погублен он. Она приказала дыханью из тела его уйти, душу его, словно рой пчелиный, из уст изгнала.

Услышав эти слова, Даниилу Пагату спросил:

— Кто же убийца его? Кого я должен проклясть вместе с девой Анату? Кто рядом стоял и не помог? Где Акхита пролита кровь? Где мне тело найти, чтобы земле предать?

— Стаю орлов послала дева Анату, — отцу ответила дочь. — Вместе с птицами был Йатпану, воин, что храбр во хмелю. Облик принял он орла и клювом удары нанес. Сын твой Акхит пищу вкушал у ключа, что выбился из скалы. Сидел он там за столом в тени дуба. Место же то близ города Абулуму.

— Слушай, Пагату, меня! — дочери он сказал. — Слушай меня, моя дочь, несущая на плече кувшин с холодной водой, дающая пить ячменю, постигшая тайны звезд. Упряжь из серебра скорее, Пагату, возьми, возьми золотое седло, ослицу скорей запряги.

И сделала Пагату все то, что велел ей отец Даниилу. Поднял ее отец, усадил на седло, на спину ослицы, и отправилась она в путь далекий, чтобы своими глазами увидеть место гибели брата.

После того Даниилу покинул дворец и вышел к воротам, где он судил народ, не обижая вдовы, сирот не обижая, где он иных мудрецов мудрости обучал. Здесь он, став у гумна, молитву вознес облакам:

О, облака! Глядите с небес!
Разрядите ливнем жару!
Разрешите выпасть дождю!
Семь лет скрывался от глаз наших Балу,
На восьмой год он не явился тучей,

Ни росою, ни ливнем, ни бурей на двух пучинах.
Звучный голос Балу нам слышен не был.

Гимн облакам пропев, Даниилу пошел на луг свой, каждый стебелек зеленеющий он осмотрел, приласкал, поцеловал и молвил:

— От опалы я травинки спасаю. На поле несчастном моем может трава расти даже в жару, чтобы кормом стать для скота. Скосит ее мой сын.

Затем он на поле пошел, что долго не знало дождя. Ссохлись колосья. Каждый колос он приласкал, поцеловал и молвил:

— Освобождаю колосья я от опалы. Могут колосья расти даже в жару. Скосит их мой сын Акхит и зерном наполнит амбар.

Только эти слова он произнес, как показались гонцы. Бросился к ним Даниилу:

— Правда ли сын мой погиб? — царь спросил у гонцов. — Правда ли его погубила Анату и растерзали орлы? Верно ли виденье, какое явилось Пагату, что Акхита погубила Анату и растерзали орлы? Верно ли, что ему никто не помог?

— Верно, — сказали гонцы.

Ударил могучей рукой себя Даниилу в грудь, так ударил, что загудела она. Взор в небеса устремил и увидел орла, кружился он над дворцом.

— Нет, мне тебя не догнать! — Даниилу убийце сказал. — Только Балу один может тебя схватить, крылья тебе обломать, перья твои ощипать, бросить к ногам моим. Взрежу тебе я живот, если же кости найду сына, предам их земле.

Только эти слова он произнес, как Балу возник. Быстро орла он схватил, крылья ему обломал, перья его ощипал, к ногам Даниилу швырнул.

Взрезал убийце-орлу Даниилу живот. Сына костей не нашел.

Орленка увидев в беде, всполошилась орлица-мать, прилетела на помощь ему. Балу схватил ее, крылья ее обломал, перья ее ощипал, к ногам Даниилу швырнул.

Взрезал он орлицы живот и останки сына, рыдая, предал земле в склепе богов. И сразу же вспомнил о тех, кто был смерти виной, кто рядом был, но не помог. К небу он руки воздел и произнес:

— Горе тебе, ключ, бьющий из скал! Близ тебя был убит могучий Акхит. Не защитил ты его! Но прежде всего пусть сгинут Анату и преданный ей Йатпану! Горе тебе, и дуб! Близ тебя был убит сын мой Акхит. Ты его не прикрыл! Корни твои пусть исторгнет земля! Пусть засохнет крона твоя! Но прежде всего

пусть сгинут Анату и преданный ей Йатпану! Горе тебе, Абулуму! Близ тебя был убит сын мой, могучий Акхит. Пусть же Балу тебя ослепит, свет твой затмит! Но прежде всего пусть сгинет Анату и преданный ей Йатпану!

После того Даниилу, муж исполинский, Илу служитель, плакальщиц призвал, что слезы по мертвым льют, вместе с ними мужей, что щеки ногтями рвут. День продолжался плач, за ним — целый месяц и год, год первый и год второй, за ними два года еще и столько же лет потом. И только на годе седьмом Даниилу служителям скорби сказал:

— Все покиньте дворец, кто плакал о сыне моем, кто слезы о нем проливал!

Затем Даниилу принес вечернюю жертву богам. Запах сгорающих туш, ноздри дразня, восходил к небесам. Когда же запах исчез и рассеялся дым, флейтистки вошли во дворец, флейты к губам поднесли. Радости гимн вытеснил скорбь. Юноши, ставши в круг, начали пляску свою.

И явилась на зов флейт Акхита сестра. И при виде ее музыка оборвалась. Застыли танцоры в позах, в каких застиг их Пагату приход. И в тишине прозвучали слова:

— Благослови же меня, Даниилу, муж рапаитский! Успеха мне пожелай. Готова исполнить я все, что прикажешь{81}. К тебе придут на гумно боги и рапаиты. Внука ты будешь нянчить, царь вечный. И да пребудет сила твоя, музыка твоя во дни Шапаш и Йариху, в годы, любезные Илу.

В поход за невестой

Начало «Поэмы о Карату» таково: главный герой, царь города Дитану, оставшись без дома, жены и детей, потерял уважение подданных и не находит себе места. Явившийся во сне Илу дает царю детальные наставления, как добыть в жены прекрасную царевну Хураю (деву-хурритянку).

Дом царя Карату, одного из восьми братьев от одной матери, пришел в расстройство. Пресекся род его, и люди от него отвернулись. Не нашел он жены законной, к которой бы душа лежала. Взял он женщину, и она удалилась в край без возврата. Была у него кровная родня: треть в расцвете сил скончалась, четвертую часть хворь доконала, пятую часть унесла чума, шестую часть погубила буря, седьмая часть от меча пала{82}.

Увидав, что дом его пришел в расстройство, что гнездо его опустело, Карату от слуг удалился, слезами залился, завопил. Омыл он слезами ложе, к стене привалился и стал засыпать, он сну отдался.

И спустился к нему во сне Илу, предстал в виденье Творец

человека и, подойдя, к нему обратился:

— Почему голосишь ты, Карату, слуга мой любезный? Довольно плакать, любезный, довольно лить слезы! Пойди-ка умойся и подрумянься! До локтей омой свои руки, от плеча до кончиков пальцев. Пусть тень шатра тебя примет. В руки возьми ягненка. Заколи его правой рукою. Также схвати козленка. Мясо его всех вкуснее. Также и голубя, что создан для жертвы. Вина налей в серебряный кубок, а мед — в золотую чашу. Поднимися со всем на башню, на верхнюю стену, принеси это в жертву Быку, отцу Илу. Балу же, сына Дагана, одари особо. Затем спустись, Карату, с кровли, зерно собери из житниц, из амбаров — пшеницу, чтобы печь хлеб пять месяцев, кашу же варить шесть месяцев. Собери народ и его поведи. Пусть велико будет воинство: триста мириад, рабов же без числа, землевладельцев без счета. И пусть все идут в поход, два перехода, три перехода. Холостяк пусть закроет дом, вдова пусть запрется сама, больного пусть на носилках понесут, слепой пусть нащупает дорогу, новобрачный да передаст жену другому, чужому возлюбленную свою. Подобно саранче, заполни степь, подобно кузнечикам, — край пустыни.

Иди день и другой, третий, четвертый день, день пятый, шестой. И вдруг, когда день наступит седьмой, ты достигнешь Удума Великого, как раз Удума Великого. Наступай на деревни. Тревожь города, нападай на женщин, черпающих воду, на собирающих со сжатого поля солому, на рубящих хворост. А потом подожди день и другой, третий, четвертый день, день пятый, шестой. Свои стрелы к городу не посылай, не мечи камни из пращей.

И вот, когда взойдет Солнце седьмого дня, царь Пабелли, потерявший сон из-за мычанья волов, из-за рева ослов, из-за собак, пошлет к тебе послов с золотом и серебром, бессрочными рабами, и передадут послы его слова:

— Возьми это все, Карату, и отпусти, не осаждай Удум Великий.

Ты же отошлешь послов со словами:

— Не надо мне этих даров. Все у меня есть. Дай мне твою девицу Хураю, твой отпрыск прекрасный, перворожденный, чья красота подобна красоте Анату, чья красота подобна красоте Асирату, чьи очи из блестящего сердолика, чьи зеницы-чаши из электрона, опоясанные сердоликом. Дай же мне насладиться яркостью ее очей. Ибо послал меня Илу, Творец человека, представший мне, его слуге, во сне{83}.

Библейские сказания

В начале начал

Ты, ставшая скрижалями веков,
Соперниц и соперников не зная,
Как будто состоишь ты не из слов,
А из песчинок слеплена Синая.

И если ты творенье божества,
То имя божеству тому Природа, —
Основа человечьего родства
И сгусток человеческого рода.

Включение Библии{84} в число мифологических текстов могло бы показаться читателям этой книги, знающим Ветхий завет в качестве Священной истории, неожиданным и встретить внутреннее сопротивление, если бы мы начали свое изложение с него. Но, поскольку мы следуем хронологии истории древних народов Переднего Востока, у читателя появляется возможность самому сравнить сюжеты и образы Библии с сюжетами и образами, в мифологическом характере которых у него не может возникнуть сомнений, и убедиться в том, что избранные нами для изложения книги и главы действительно являются мифами и легендами.

Рассмотрение Библии в контексте других религиозно-мифологических памятников окажет нам еще одну немаловажную услугу: нам не потребуется вступать в полемику с теми недавними критиками Библии, которые видели в ней собрание россказней, созданных жрецами для обмана народа. Напротив, станет несомненным, что именно народ был создателем и хранителем мифов и легенд, вошедших в Библию. И поэтому придется относиться к ним с таким же уважением, как к мифам и легендам других народов, древних и современных. Что касается жрецов, то они, действительно, приложили руку к библейским, как и к небиблейским, мифам Древнего Востока. И к этому приходится относиться с пониманием, поскольку не кто другой, как жрецы, их записали и тем самым сохранили для нас.

Местом формирования первой части Библии — Пятикнижия{85} была страна Ханаан, расположенная на стыке двух континентов и на пересечении сухопутных и морских путей. Купцы курсировали по этим дорогам, переправляя на верблюдах, ослах, парусных судах зерно, шерсть, сухофрукты, благовония, лес, слитки металлов. Одновременно с торговой они осуществляли важнейшую культурную миссию, способствуя контактам между народами и формированию общей переднеазиатской культуры. Страна Ханаан, которую впоследствии стали называть Израилем и еще позднее Палестиной, стала центром этой культуры, как это явствует из письменных документов и археологических данных.

Об этом же свидетельствует и Библия, вобравшая в себя многочисленные месопотамские, египетские, хеттские и местные хананейские мотивы и влияния.

Однако было бы ошибочным видеть в Библии некий «коктейль», не замечая, что все многообразные и разнородные элементы слились воедино, переплавились в единый сплав в горниле одного народа, для которого Библия стала жизнью, историей и судьбой.

Таким образом, Библия — это и своеобразный итог религиозно-мифологического развития всего Переднего Востока, и памятник творческой активности еврейского народа на ранней стадии его истории.

Применительно к героям мифов часто употребляется слово «подвиг». Но в случае с Библией можно говорить и о подвиге науки в критике Библии, особенно если речь идет о первых ее исследователях, действовавших в условиях, когда всякое сомнение в истинности самой книги и связанных с нею догм каралось смертью. Но и тогда, когда стало возможным критиковать Библию, потребовался труд многих поколений исследователей, чтобы понять происхождение каждого из вошедших в Библию произведений, определить, если это возможно, их социальную и историческую основу и, наконец, установить обстоятельства и время их соединения в свод, каким является Священная книга древних евреев.

Нельзя рассматривать критику Библии как цепь сплошных достижений и удач. Глядя на ее историю с пика XX в., можно понять, что некоторые из концепций, считавшихся наивысшим взлетом науки, на самом деле вели в тупик. Это касается и попыток выделения источников каждой главы Библии, и поздних дат библейских книг, и самих методов анализа текста.

Если подытожить в самой общей форме результаты работы над первой частью Библии, то надо будет сказать, что это собрание мифологических, исторических, законодательных текстов сложилось в своем первоначальном виде из пяти книг в XII–X вв. до н. э. Речь, однако, идет о событиях (воображаемых или исторических), имевших место в XVII–XIII вв. до н. э., когда у евреев не было письменности. В распоряжении авторов Пятикнижия были фольклорные памятники. Опираясь на них, жрецы и писцы царских канцелярий изложили события, исходя из интересов складывающегося яхвизма (веры в Яхве — племенного бога одного из двенадцати племен Израиля Иуды (Иехуды), из которого происходили цари Давид и Соломон).

Между тем, как это явствует из включенных в Библию фольклорных материалов, первоначально племя Иуды было на второстепенных ролях, а Яхве был не единственным богом израильских племен, а одним из многих племенных богов. Иудейское единобожие, связываемое в Пятикнижии с исходом из Египта и деятельностью Моисея, было у древних евреев следствием длительного общественно-политического и религиозного развития, стимулированного исторической ситуацией — завоеванием евреями страны Ханаан.

Таковы некоторые пояснения, предваряющие наше вступление в мир библейских мифов. Да, это мифы, что бы о них ни думали верующие: от трубных звуков рассыпаются стены неприступных городов, расступаются моря, животные говорят человеческим языком, по мановению руки праведника останавливаются небесные светила. Да, это мифы, отражающие подчас примитивное сознание древних кочевников и земледельцев. Но мы не можем от них избавиться, ибо они пронизывают нашу культуру, наше искусство, наше сознание. Не можем и не хотим!

В книгах Ветхого завета много такого, что рассчитано на ученого, знатока религии, истории и чуждого нам быта. Но сдержанность и сухость вдруг разрежается потоками поэзии, словно бы хлынувшей из небесной тверди через окна, внезапно распахнутые творцом. Эти бурные потоки носят имена Экклезиаст, с его чеканной, ритмической прозой, или Песня песней, с ее лирической проникновенностью. Но сколько живительных ручьев встречаешь в других местах, где их не ждешь! Неожиданность поэтических всплесков соответствует природе, в которой вырос народ — творец Ветхого завета. Поэзия библейских мифов — это оазисы в пустыне с их яркой зеленью и свежестью, которые так контрастируют с окружающими песками.

Необычайным богатством и разнообразием отличается образная система Ветхого завета. Бог Яхве сравнивается со скалой, щитом, высотой, служащей убежищем, со светильником, озаряющим мрак, с орлом, учащим птенцов летать.

Двенадцать колен (племен) Израиля отождествляются с драгоценными камнями. Для миссионерской проповеди используется образ сеяния, внедрения семян в души верующих. Сам Яхве предстает как мудрый садовник, а патриархи — как «насадители веры». Синонимом блаженного, счастливого состояния служит сидение под виноградными лозами и смоковницей.

Богатство речи связывается со сладостью плодов смоковницы, расцвет страны — с цветением лилии. Миндаль, цветущий ранее всех деревьев и созревающий позднее всех, является символом осторожности.

Небо и атмосферные явления давали воображению библейских авторов не меньшую пищу, чем земля с ее флорой и фауной. Первые лучи Солнца названы «ресницами зари». Гром — это голос Бога, молнии — его стрелы, звезды — светильники, укрепленные Богом на небесной тверди, чтобы освещать землю. Ветер — это дыхание Бога. Море при рождении было, подобно младенцу, закутано в пелены из тумана. Заря, вставая над землей, погруженной во мрак, берет ее за края, чтобы смахнуть с нее злодеев, действовавших под покровом ночи, подобно заботливой хозяйке, стряхивающей крошки с пасхальной скатерти.

Размышляя о причинах живучести религии, часто говорят о красоте храмов и привлекательности обрядов, забывая о том, что Библия — один из самых совершенных храмов, какие когда-либо создавало человечество. Чем пристальнее в него вглядываешься, тем он становится прекраснее. Речь идет не столько о религиозном содержании, сколько о художественной форме. Она не в последнюю очередь обеспечила торжество Библии над умозрительными доктринами, свидетелями которого стали мы.

Книги Ветхого завета, содержащие мифы, стадиально относятся к тому времени, когда на основе легенд и мифов складывались эпические поэмы типа вавилонской поэмы о Гильгамеше и поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея», которые легли в основу развивающейся греческой историографии. От Ветхого завета в той его части, которая содержит изложение мифов, нельзя ожидать большего историзма, чем от гомеровских поэм, но поскольку других чисто исторических трудов на еврейском языке применительно к ранней эпохе не существует, приходится извлекать историческую информацию и из нее.

Речевые обороты библейских мифов настолько прочно вошли в русский, равно как и в другие европейские языки, что не воспринимаются как нечто чужеродное, но кажутся их исконным достоянием. Таковы, например, «запретный плод», «страна обетованная», «соляной столп», «тьма египетская», «сучок в глазу» и сотни других. Знакомство с сюжетами библейских мифов может наполнить эти поговорки смыслом и позволит постигнуть их глубину. Возвращаясь к Библии, мы возвращаемся к отечественной литературе в ее лучших образцах.

В связи с тем что наше изложение библейского текста дается в рамках древневосточной мифологии, за основу взят древнееврейский оригинал, с которого уже в древности был сделан древнегреческий перевод, впоследствии вошедший в христианский канон. Именно различиями в этих переводах объясняются некоторые наши расхождения с общеизвестными русскими переводами Библии. Как правило, имена собственные и названия местностей даются в написании оригинала. Исключения сделаны лишь для тех имен, которые прочно вошли в фонд мировой культуры. Тогда написание оригинала дается нами в скобках, например Ева (Хавва), Самсон (Шимшон).

Сотворение мира

В оный час, когда над миром новым
Бог склонил лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

Н. Гумилев

Цель этой открывающей Библию главы — показать, что весь мир и все его обитатели созданы единым Богом, торжествующим над темною бездною вод. Изречение слова мыслится как превращение задуманного в реальность — говорить означает действовать и творить. Свет тогда становится светом, когда получает имя. Равным образом, сотворение человека — это не материальный акт созидания, а дарование сотворенному духа божьего и присвоение ему имени Человек. Бог творит один, не зная ни противников, ни помощников. И красота, которую он открывает, открывается для него самого, а не для посторонних зрителей.

Эти идеи вступают в противоречие с тем, что думали о происхождении мира другие народы Древнего Востока, уверенные, что мир создан из тел побежденных богами чудовищ Автор этой библейской главы знал о существовании иных представлений о сотворении мира. Более того, как покажет дальнейший анализ, он использовал их как основу для своего рассказа, не считая, однако, нужным ни ссылаться на них, ни их оспаривать. И только благодаря открытию месопотамских, египетских, протофиникийских (ханаанских) текстов появилась возможность понять, чем пользовался библейский автор и от чего он отталкивается в создании собственной оригинальной концепции сотворения мира.

В рассматриваемой главе не только раскрываются представления ветхозаветного автора о Боге-созидателе, но и создается образ сотворенного Богом мироздания, или космоса, как его называли греки. Небо замыкалось твердью в форме купола, выкованного, как это явствует из описаний в других частях Библии, из тонкой меди или железа. На его стороне, обращенной к земле, прикреплены Солнце, Луна и звезды. Над куполом (твердью) находятся воды, которые Бог может выпустить в виде дождя, снега, росы. Земля в форме плоского диска с приподнятыми краями поддерживала небесную твердь с находящимися за нею небесными водами. Края земли мыслились приподнятыми, как горы или столпы. Небесные воды, находящиеся за твердью, омывали и нижнюю часть земли, где находилось царство мертвых.

Когда в начале сотворил Элохим{86} небеса и землю{87}, не имела земля ни формы, ни вида, и была тьма над лицом бездны{88}, и дуновение божье витало над водой{89}. И сказал Элохим: «Да будет свет!» И стал свет. И увидел Элохим, что свет хорош, и отделил свет от тьмы. И назвал он свет днем, а тьму назвал ночью. И был вечер, и было утро: день первый{90}.

И сказал Элохим: «Да будет твердь{91} внутри вод и да отделит она воды от вод». И сотворил Элохим твердь и отделил воды, что под твердью, от вод, что над твердью. И назвал Элохим

твердь небесами. И был вечер, и было утро: день второй.

И сказал Элохим: «Да соберутся воды, что под небесами, в одно место. И да явится суша!» И это свершилось. И назвал Элохим сушу землей, а стечение вод — морями. И увидел Элохим, что это хорошо. И сказал Элохим: «Да произведет земля зелень — траву, имеющую семена, и деревья, приносящие плоды по роду своему»{92}. И свершилось это. Выпустила из себя земля зелень — траву, имеющую семена, и деревья, приносящие плоды. И увидел Элохим, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день третий.

И сказал Элохим: «Да будут светильники на тверди небес, чтобы отделять день от ночи, давать знамения и указывать времена, дни и годы»{93}. И воздвиг Элохим два больших светильника: светило великое, чтобы управлять днем, и малое светило, чтобы управлять ночью, и к ним звезды. И водрузил Элохим их на тверди небесной, чтобы освещать землю и управлять днем и ночью, чтобы отделять свет от тьмы. И увидел Элохим, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый.

И сказал Элохим: «Да воскишит вода живыми тварями и да полетят птицы над землею перед ликом тверди небесной». И сотворил Элохим рыб больших и пресмыкающихся, которыми воскишела вода, и пернатых всякого рода. И увидел Элохим, что это хорошо. И благословил их Элохим, сказав: «Плодитесь, размножайтесь и наполняйте воды морей, а пернатые да размножаются на земле». И был вечер, и было утро: день пятый.

И сказал Элохим: «Да произведет теперь земля существа живые по роду их — скот, ползающих тварей и зверье». И появились они. И увидел Элохим, что это хорошо. И тогда сказал Элохим: «Создадим человека{94} по образу нашему и подобию и дадим ему власть над тварями, что в море, и над пернатыми, что в небе, и над всем живым, что наполняет землю». Так создал Элохим человека по образу своему. По образу своему он сотворил его, мужчиной и женщиной сотворил он их.

И благословил их Элохим, и обратился к ним: «Плодитесь и размножайтесь, наполняйте землю, и овладейте ею, и властвуйте над тварями в море, и над пернатыми в воздухе, и над всеми животными, двигающимися по земле». И сказал Элохим: «Смотрите, я дал вам в пищу все травы, имеющие семена, по всей земле, и все деревья, приносящие плоды, чтобы они кормили вас. А всем животным, что на земле, всем пернатым, что в воздухе, и пресмыкающимся на земле, имеющим душу живую, отдал я всю траву зеленую для пропитания». И стало так. И взглянул Элохим на все, что создал. И увидел он, что это очень хорошо. И был

вечер, и было утро: день шестой.

Так были сотворены небеса и земля со всем их воинством. Завершил Элохим свой труд на седьмой день{95}, и почил он в этот день от трудов своих. И благословил Элохим день седьмой, и освятил его, ибо тогда отдыхал он от трудов своих, трудов сотворения.

Сад Эдема и Сотворение Евы

От рассказа о сотворении небес естествен переход к трагической истории отношений человека с Богом-Творцом. За это взялся другой автор, который условно назван Яхвистом. Главной трудностью, с которой он столкнулся, была состыковка богатой поэтической традиции о начале человечества, которая бытовала в Израиле и за его пределами, с рассказом о сотворении мира, имеющим строгую религиозно-философскую форму. Справиться с этой задачей он не смог. И вторая глава книги Бытие представляет собой рассказ, мало связанный с предшествующим повествованием и во многом противоречащий ему. Вместо ригоризма и магии чисел жреческого кодекса здесь — вольный поток образов, хотя и направленный в русло религиозной идеи.

Таково происхождение небес и земли при сотворении их Яхве-Элохимом.

Когда не росло еще на земле даже дикого кустика, не произрастало на ней даже дикой травинки, ибо не посылал Яхве-Элохим дождя на землю и не было на ней человека для ее возделывания и лишь пар поднимался от земли и орошал ее лицо, вылепил Яхве-Элохим человека из праха земного и вдохнул в его ноздри дыхание жизни, и стал человек душою живою{96}.

И насадил также Яхве-Элохим на земле сад, сад Эдем{97} на восточной стороне, и поместил туда человека, которого создал.

И взрастил Яхве-Элохим на земле деревья, прекрасные на вид и приятные для еды. А посреди Эдема росло древо познания добра и зла{98}. И вытекала река из Эдема для орошения сада, разделяясь и образуя четыре главные реки.

Поместил Яхве-Элохим человека в саду Эдема, чтобы выращивать его и охранять. И наказал Яхве-Элохим человеку: «От каждого дерева в саду можешь ты есть. Но не ешь от древа познания добра и зла, ибо день, в который ты вкусишь от него, станет Для тебя последним».

И сказал Яхве-Элохим: «Нехорошо быть человеку одному. Сотворю помощника, соответственно ему». И сотворил Яхве-Элохим из земли всех зверей полевых и птиц небесных, и провел перед человеком, чтобы услышать, как назовет он их. И какие имена им даст человек, под такими они и будут.

И дал Адам имена домашним животным, и птицам небесным, и всем тварям полевым, но Бог отыскал среди них помощника, соответствующего человеку.

И навел тогда Яхве-Элохим на Адама крепкий сон, и вынул у него одно из ребер, и закрыл то место плотью. И преобразовал Яхве-Элохим ребро, взятое у Адама, в женщину, и привел к Адаму.

Посмотрел Адам на нее и проговорил нараспев{99}:

На сей раз это кость от костей моих
И плоть от плоти моей.
Она будет называться женой,
Потому что взята от мужа{100}.

И прилепились они друг к другу, и стали единой плотью. Оттого человек и поныне покидает отца своего и мать свою и прилепляется к жене, и становятся они одной плотью{101}.

Были же Адам и жена его нагими, какими произвел их Яхве-Элохим, но не стыдились своей наготы, потому что не замечали ее.

Змей же был хитрее всех диких зверей, созданных Яхве-Элохимом{102}. И спросил он жену: «Верно ли, что наказал Яхве вам не есть ни от какого дерева в саду?»

— И ответила жена змею: «От деревьев в саду можем мы есть. Но о плодах дерева, что посреди сада, нам сказал Яхве: «Не ешьте и не прикасайтесь к ним, чтобы не умереть».

— Нет, не умрете! — прошипел змей. — Известно Яхве, что если вкусите от плодов, то откроются глаза ваши и вы будете как боги{103}, знающие добро и зло.

И увидела жена, что дерево хорошо для еды и что оно приятно для глаз, вожделенно для созерцания, и взяла от его плодов, и ела их, и дала супругу, который был с ней, чтобы и он ел.

И открылись у обоих глаза, и поняли они, что наги, и сшили они листья смоковницы, и сделали себе опоясания.

Вдруг донес до них ветерок дня голос Яхве-Элохима, прогуливавшегося в саду в прохладе дня, и скрылись Адам с женой за деревьями. И позвал Яхве-Элохим Адама и спросил его: «Где ты?»

— Услышав твой голос в саду, — ответил Адам, — я убоялся из-за наготы и поэтому скрылся.

— Но кто же, — спросил Яхве, — кто открыл тебе наготу? Не ел ли ты от древа, запретного для тебя?

— Ел, — сознался Адам. — Жена, которую ты мне привел, дала мне от того древа, и я ел.

И обратился Яхве-Элохим к жене:

— Зачем ты сделала это?

— Меня обольстил змей, — ответила жена, — и я ела.

И тогда произнес Яхве-Элохим, обратившись к змею:

— За то, что ты это сделал,
Отныне проклят среди всех животных домашних
И среди всех зверей полевых.

Будешь ты передвигаться на чреве своем,
Пыль ты будешь глотать во все дни жизни своей.
Положу я вражду между тобой и женой.
И между потомством ее и потомством твоим,
Чтобы голову вечно дробило твою,
Ты же жалил его постоянно в пяту{104}.

— А тебе, — повернулся он к жене, — умножая род, я умножу муку твою в беременности. И будешь рождать детей в муках{105}, и будет вожделение твое к мужу твоему, и получит он власть над тобою.

— Из-за тебя же, Адам, за то, что открыл уши для слов жены своей и ел от древа, от которого я есть запретил, будет проклята земля, и в муках станет кормить тебя во все дни жизни твоей. И произрастит тебе земля тернии и волчцы, и едой твоей будут дикие травы. Будешь ты есть хлеб, пропитанный потом лица твоего, пока не вернешься в землю, из которой взят, ибо ты прах и в прах обратишься{106}.

И назвал Адам жену свою Евой (Хаввой), потому что стала она матерью всех живущих{107}.

И сделал Яхве-Элохим Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их.

И подумал он, глядя на них: «Вот Адам, как один из нас{108} в познании добра и зла, и теперь как бы он не протянул руку, и не взял от древа жизни, и не вкусил, и не жил вечно».

И изгнал его Яхве-Элохим из сада Эдема, чтобы возделывал землю, из которой был взят. И поставил на востоке у сада Эдема керубов{109} и вращающееся острие меча, чтобы охранять дорогу к древу жизни.

Авель и Каин с его потомством

Пустынею я вновь один бреду,
Хрустят под сапогами кости веток.
Как страшно быть у Бога на виду:
Ведь взгляд его так мстителен и меток.
И тени нет, какая при Луне
По-обезьяньи жалко подражала.
И вновь паук вонзает в сердце мне
Свое как луч отточенное жало.

В главах, посвященных детям человеческим, делается следующий шаг в конкретизации истории человечества и его отношений с Богом. Адам был обречен на труд «в поте лица своего». Но на что была направлена эта деятельность? Первые сыновья Адама и Евы, Каин и Авель, были один земледельцем, другой — пастухом, представителями двух древнейших хозяйственных занятий. Симпатии Бога — на стороне скотовода Авеля, поскольку Яхве первоначально был Богом пустыни, по которой кочевал со своими стадами создавший его народ. К тому же Яхве, как и другие боги Древнего Востока и Эгеиды, предпочитал кровавые жертвы животных бескровным.

Это предпочтение и становится причиной конфликта между братьями, закончившегося пролитием человеческой крови. В отличие от других богов Древнего Востока, ставивших человеческие жертвы выше всех прочих жертвоприношений, Яхве был противником пролития крови человека, если оно не было актом возмездия за преступления. Фактически рассказ о Каине — это иллюстрация к одной из заповедей: «Не убий!», перенесение этого императива в далекое прошлое человечества. Таким образом, третья глава, наряду с уточнением видов труда, дополняет образ Бога первой и второй глав весьма существенной чертой, выделяющей его среди прочих современных ему богов Востока.

Разумеется, первый земледелец не мог понять мотивов, заставивших Бога предпочесть кровавую жертву Авеля его первинам урожая. И скрытая мысль текста в том, что человек не должен задумываться над тем, почему Бог одному больше благоволит, чем другому.

Родился у Евы от Адама первенец Каин{110}, и она возрадовалась ему как дару божьему. Потом родила она второго сына, дав ему имя Авель{111}.

Каин стал земледельцем, и земля, от которой он получал плоды, давала ему силы. Был он крепок руками и дерзок умом. Авель, брат Каина, пастырь овец, был робок и благочестив.

С нетерпением ждал Каин созревания плодов и колосьев и,

едва дождавшись урожая, принес лучшую его долю Яхве. Но даже не взглянул Всевышний на принесенные дары, и дым отвергнутой жертвы узкой струйкой стелился по земле.

Авель принес Яхве в жертву ягнят и склонил перед ним главу. Благосклонно принял дары Яхве, и дым от жертвенного костра взвился прямо к престолу божьему.

— Чем я провинился перед тобой, Боже?! — с обидой вскликнул Каин. — Разве тружусь я меньше брата моего Авеля?! И разве его дары лучше моих?!

И услышал Каин голос из-за туч:

— Отчего досадуешь ты? Почему поникло лицо твое? Ведь если станешь лучше, будешь прощен, а если не станешь лучше, грех у дверей твоих. Он стремится к тебе, но ты властен над ним.

Сколько ни вдумывался Каин в смысл этих странных слов, не смог он их понять. «О каком грехе говорит Яхве? И кто его совершил? Если не я, а кто-то другой, пусть он и несет за это наказание! И почему грех лежит только у моих дверей? Ведь у меня и брата моего Авеля один отец и одна мать!»

И поднялась со дна души Каина ревность к брату. Разумом он понимал, что чувство это недостойное и что Авель невиновен в том, что его возлюбил Яхве. Но ничего он не мог с собой поделать. Как только он вспоминал нанесенную ему обиду, сами собой сжимались у него кулаки. Невыносимо было видеть брата среди поля, колосившегося его, Каина, трудами, и он с плачем убегал куда глаза глядят.

Однажды во время одного из таких приступов обиды и ярости он встретил Авеля, шагающего ему навстречу с улыбкой на лице. Авель радовался тому, что видит брата. Но Каину, ослепленному гневом, показалось, что любимец Бога насмехается над ним. Он поднял с земли камень и вложил в удар всю силу ярости.

Упал Авель, как сноп, и кровь его вылилась на землю. Бросился Каин на холодеющий труп Авеля, пытаясь поднять и вернуть ему жизнь. Но, поняв, что брат мертв, обратился в бегство, и бежал до тех пор, пока оставались силы.

Пробудившись после мертвого сна, убийца поднял голову и увидел Яхве, внимательно всматривавшегося в него.

— Скажи, где брат твой Авель? — спросил Яхве, не повышая голоса.

Понимал Каин, что Яхве всевидящ и уже знает о случившемся. Но вновь закипела ярость в душе его, и не захотел он сознаться в своем преступлении.

— Откуда я знаю! — выкрикнул он. — Не сторож я брату своему!

— Что ты натворил! — проговорил Яхве. — Голос твоего

брата вопиет ко мне из земли. И отныне ты будешь проклят самой землей, отверзшей свои уста, чтобы принять кровь брата твоего{112}. Не станет она больше давать тебе силы, когда будешь возделывать ее. Изгнанником и скитальцем ты будешь на земле.

— Велика моя вина и непростительна! — признался Каин. — Но такого наказания мне долго не нести. Ведь любой, кто встретит меня, убьет.

— Не надейся! — сурово произнес Яхве. — Всякому, кто убьет Каина, отомстится всемеро. А чтобы могли узнать Каина среди тысяч, вот тебе моя печать!

И наложил Яхве на лоб Каина печать несмываемую{113}.

И ушел Каин от лица Яхве. Поселился он в земле Нод{114}, к востоку от Эдема. Там родила ему жена сына Ханоха. И построил Ханох город, которому дал свое имя. Правнуком Ханоха был Лэмех. Было у Лэмеха две жены — Ада и Цилла. Ада родила Иавала, родоначальника всех живущих в шатрах и пасущих стада, а имя брата его, создавшего кифару и свирель, чтобы веселить сердца, — Иувал{115}. Цилла же родила Тувал-Каина, искусного в изготовлении орудий из меди и железа{116}. А сестра Тувал-Каина — Наама.

И взял Лэмех в руки кифару, творение своего сына, положил у ног меч, выкованный другим сыном, и запел, обращаясь к женам:

Ада и Цилла, песне моей внемлите!
Жены Лэмеха, вслушайтесь в каждое слово!
Мужа я убиваю за каждую рану,
Отрока — за царапину любую.
Всемеро отомстится за Каина,
За Лэмеха — в семьдесят семь раз{117}.

У Адама же после Каина и Авеля был от Евы еще один сын. Дал его Еве Бог, чтобы не тосковала она об Авеле, которого убил Каин, и назвала она его Сиф (Шэйт), что означает «замена».

Ноев потоп

Над останками судна Ноева,
Над чалмою горы Арарат
В ослепительном небе лазоревом
Мощнокрылые птицы парят.

Сколько царств родилось и сгинуло,
Сколько тысяч минуло лет,
Но все ищет стая орлиная
Допотопного голубя след.

Библейский рассказ о потопе имеет близкие параллели с шумерскими, аккадскими и вавилонскими мифами, относящимися к такой же катастрофе. В древнейшем шумерском мифе (конец III тыс. до н. э.) любимцем богов, спасенным от потопа, был Зиусудра, в эпосе о Гильгамеше — Утнапишти из древнего города Шуруппака, в пересказе шумерского мифа вавилонским жрецом Беросом (III в. до н. э.) — Ксизуфор, очевидно, искаженное имя Зиусудры. Библейское имя Ной (Ноах) — фактический перевод аккадского Нухху («Успокоенный»). Имя Утнапишти означает «нашедший жизнь». Согласно шумерскому мифу, Зиусудра правил 36 000 лет, ровно в шестьдесят раз больше, чем жил Ной до потопа.

Переосмысление мифов древнего Двуречья осуществлено в Библии в духе победившего единобожия: устранены боги, принимающие решение о потопе, и инициатором его становится один Яхве. Вместо немотивированного решения устроить потоп («богов великих потоп устроить склонило их сердце…») выставлены этические соображения — желание очистить землю от злодеяний. Не имеет параллелей в Месопотамии и установление через Ноя завета с человечеством, хотя раскаяние шумеро-вавилонских богов в содеянном явно показывает, что нового потопа они устраивать не собирались.

И все же авторам библейского рассказа не удалось полностью устранить элементы многобожия, характерные для прототипов этого сюжета. Остатком такого многобожия является упоминание «о сынах божьих» (в еврейском тексте — «бне элохим», т. е. сыны богов, а не Бога), которые опускались с неба к смертным девам. Эти «сыны божьи» в дальнейшем упоминаются в Библии уже как «вестники» (в греческом тексте — ангелы). Ветхозаветный рассказ о потопе состоит из двух версий, «шитых белыми нитками». Об этом свидетельствуют употребление для обозначения Бога двух терминов — Яхве и Элохим (в переводе унифицированных), различная длительность потопа (сорок дней и сорок ночей — по одной версии, более года — по другой), а также стилистические отличия (так, в одной версии Бог рекомендует ввести в ковчег «самца и самку» разных животных, в другой — «самца с его самкой»; в одной версии — по паре всех животных, в другой — по паре нечистых и по семь пар чистых).

Было это тогда, когда люди стали умножаться и дочери рождались у них. И не раз сыны богов, посылаемые с неба на землю, прельщались красотою дочерей человеческих, стали заглядывать в шатры и задерживаться в них. И рождали дочери

человеческие исполинов, приближавшихся силою к богам. И сказал Яхве: «Да не пребывает мой дух в человеке вечно, пусть пределом ему будет 120 лет!»

И узрел Яхве, что велико зло от человека на земле и стала земля неправедна, испорчена до мозга костей, что кривыми стали земные пути, и раскаялся, что создал человека, восскорбел в сердце своем.

Но один человек по имени Ной, самый праведный в своем поколении, был любезен Яхве, ибо ходил его путями. И сказал ему Яхве:

— Замыслил я конец всему живому, ибо земля переполнилась злодеяниями. И вот очищу я от них землю. Ты же сооруди себе из дерева гофэр{118} ковчег{119}, сделай в нем помещения и покрой смолой изнутри и снаружи. И пусть будет длина ковчега в триста локтей, ширина — в пятьдесят, а высота — в тридцать. И пробей в нем вверху окно, и дверь помести сбоку, и пусть будут настилы — нижний, средний и верхний. Ты войдешь в ковчег с женой твоей, с сыновьями твоими и женами их, ибо я хочу установить с тобой мой союз. И возьмешь ты с собою в ковчег ото всех тварей каждого вида самца и самку от пернатых, от пресмыкающихся по земле, от скота и зверья, чтобы остались они вместе с тобою в живых. Возьми с собою всего, чем они питаются. Будет это тебе и им пищей.

И сделал Ной все, как повелел ему Яхве.

И вновь обратился к нему Бог со словами:

— Войди же в ковчег со всем твоим семейством и возьми из скота чистого по семи пар самцов с их самками, а из нечистого по паре возьми и птиц небесных по семи от каждого вида, чтобы сохранить их потомство по всей земле{120}. Ибо еще через семь дней начну я изливать на землю дождь, и не прекратится он сорок дней и сорок ночей, пока не очищу я землю от всего, что сотворил.

И выполнил Ной все, что повелел ему Яхве.

И вот на втором месяце семнадцатого дня шестисотого года жизни Ноя разверзлись все отверстия великой бездны и все окна небесные отворились. И хлынул дождь на землю, и шел он не переставая сорок дней и сорок ночей.

Воды прибывали и разливались по земле. Ковчег же плыл и плыл по поверхности. Поднимались воды с такой силой, что скоро покрыли всю землю до самых высоких гор. На пятнадцать локтей поднялась вода, и покрылись вершины гор, и погибла всякая плоть, что двигалась по земле, — и пернатые, и скот, и звери, и все твари, ползающие по земле, и все люди, ее населяющие. Остался один Ной и всё, что было с ним в ковчеге.

Прибывали воды на земле сто дней и еще пятьдесят, пока вспомнил Яхве о Ное. И навел он ветер на землю, и воды остановились, и закрылись источники бездны и окна небесные. И перестал изливаться дождь с неба. И начали воды постепенно отступать от земли, и убывали они сто пятьдесят дней.

На седьмом месяце, на семнадцатом его дне, остановился ковчег у гор Араратских{121}. Продолжали убывать постепенно воды, и на первом дне десятого месяца показались вершины гор.

Подошел к концу сороковой день, когда Ной открыл окно{122} в ковчеге и выпустил ворона, и он, полетав там и сям, пока земля высыхала от вод, вернулся. Затем Ной отправил голубя — узнать, убыла ли вода с земли. Голубь не отыскал места, где бы он мог кормиться, и вернулся. Ной протянул ему руку, взял его и внес в ковчег.

Подождав семь дней, Ной вновь выпустил голубя из ковчега. И возвратился голубь к вечеру с сорванным листом оливы в клюве{123}. Так узнал Ной, что воды понизились. Когда же пришел еще один, седьмой день, Ной снова выпустил голубя, и он больше не вернулся. Ибо на шестьсот первый год жизни Ноя, в первый день первого месяца земля обсохла, хотя и не полностью. Высохла она во втором месяце, на его двадцать седьмой день. И снял Ной кровлю с ковчега.

Тогда Яхве сказал Ною: «Выйди из ковчега и выведи твою жену, твоих сыновей и их жен, выпусти всех тварей, что были с тобою, и пусть они плодятся и умножаются на земле».

Тогда все покинули ковчег, и Ной воздвиг Яхве алтарь и принес на всесожжение от каждого вида чистых животных и птиц. Почуя приятный аромат, подумал Яхве: «Не буду больше поражать живых тварей, как я это делал. Не буду больше губить землю из-за человека, потому что зло в нем от бурления сердца, от юности его. Пусть пребывает земля до скончания веков, и да не прекратятся сев и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь».

Подумав так, Яхве благословил Ноя и сыновей его, сказал им:

— Плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю. Да трепещут перед вами звери земные, птицы небесные и рыбы морские — все, что движется по земле. Ибо отдано оно вам в пищу. Только плоти с душою ее, с кровью ее не поедайте. Кто же прольет кровь человеческую, у того самого кровь прольется, ибо по образу божьему сотворен человек. Я устанавливаю союз{124} с вами, и с потомством вашим, и со всяким существом, что с вами, и не будет более истреблена всякая плоть потопом, и не будет более потопа на земле. И будет радуга{125} в облаке знаком союза между мной и вами. Знайте же и помните: как только появится она на небе в облаке, я вспомню о союзе, который поставил

между мною и вами и между всем, что живет на земле.

Сыновья Ноя

Были у Ноя сыновья — Сим (Шейм)[126], Хам[127] и Иафет[128]. От этих трех населилась земля[129]. Начал Ной возделывать землю и насадил виноградник[130]. Прекрасен был первый урожай земли, напоенной разлившимися водами. Отжав янтарные грозди, приготовил Ной благоуханное вино. И выпил он вина, радуясь жизни, опьянев же, уснул в своем шатре, обнаженный.

Зайдя в шатер, увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего и, выбежав наружу, стал при братьях насмехаться над родителем. Сурово взглянули Сим и Иафет на Хама, и, взяв отцовские одежды, накинули себе на плечи, и, пятясь, вступили в шатер. Там они сбросили одежды на отца и, не узрев его наготы, удалились.

Проснулся Ной и, протрезвев, увидел себя покрытым. Так он узнал о проступке среднего, нечестивого сына и пропел:

> Да будет проклят за Хама сын его Ханаан,
> И да будет он рабом у братьев своих.
> Да даст Яхве простор Иафету,
> И да обитает он в шатрах Сима.

И прожил Ной после потопа еще 350 лет. Всего же его жизни было 950 лет.

Вавилонское столпотворение

Краткий рассказ о том, как люди сообща строили город и уходящую в небо башню и что из этого проистекло, может показаться в развернувшемся повествовании книги Бытие чужеродным телом, тем более из предшествующей главы вытекает, что дети человеческие уже расселились по лицу земли, разделенные не столько пустынями и морями, сколько проступком одного из братьев, запятнавшего себя и своих потомков именем «хам».

Строительство вавилонской башни можно рассматривать как первое коллективное неповиновение человечества Богу, продолжившее индивидуальное непослушание (Адам и Ева). Причина мятежа та же, что и в греческих мифах, — самомнение. «Прах земной» замыслил увековечить свое имя, используя для этого подручный материал — глину, и, более того, он пожелал подняться своим рукотворным творением до самых небес. Преступлению соответствует наказание, сравнительно мягкое, поскольку уже обещано, что люди больше не будут истребляться. Человечество, некогда единое, ибо оно имеет общую родословную, разделено по языкам и разбросано по земле. Этим самым предотвращена также возможность нового совместного посягательства на небесную сферу, одним словом, «разделяй и властвуй».

Обычно возникновение этого сюжета связывают с впечатлением, которое произвел Вавилон на попавших в плен иудеев. Но против VI в. до н. э. как времени включения рассказа о столпотворении в Пятикнижие говорит не только история формирования его текста, но и сообщаемые в книге Бытие сведения о том, что Вавилон претендовал на господство в стране Ханаан уже в то время, когда Авраам кочевал в степях близ еще не разрушенных Содома и Гоморры. Поэтому можно думать, что и задолго до того, как плененное население Иерусалима использовалось на строительных работах, на обитателей Ханаана должна была производить впечатление уходящая в небо громада вавилонской башни.

В то время вся земля имела один язык и слова одни. Когда же люди переместились на Восток, они отыскали долину в земле Шинар и там поселились. И решили они: «Давайте налепим кирпичей и обожжем их огнем». И стали у них кирпичи вместо камней, смола вместо извести. И сказали они друг другу: «Давайте построим город и башню с главою до небес. Этим мы создадим себе имя и не рассеемся по поверхности земли».

Взглянул Яхве на город и башню, которую строили сыны человеческие, и сказал:

— Вот как! Они один народ, и все говорят на одном языке. Если они начнут что-либо делать или что-либо задумают, не будет для них препятствий ни в чем. Сойдем же и смешаем там их язык, чтобы один не понимал речи другого.

И рассеял их Яхве оттуда по всей земле, и прекратили они строить город. Поэтому и дано было ему имя Вавилон (Бавэл), что Бог смешал там язык всей земли и оттуда рассеял всех по ее поверхности.

Патриархи

Пусть фикция они и их родство.
Поэзия фантазией могучей
В их образах справляет торжество
Над памятью истории сыпучей.

Они бессмертны, эти старики,
Бредущие пустынею восточной.
Не занесут бездушные пески
Их вечный и божественный источник.

В двадцати трех главах книги Бытие содержатся рассказы о жизни потомков Ноя — Авраама, Исаака и Иакова, прародителей древних евреев и родственных им арабских и иных племен, кочевавших во II тыс. до н. э. в степях и пустынях между Месопотамией и страной Ханаан (Палестиной), а также южнее — на Аравийском полуострове.

В конце XIX — начале XX в. возобладало мнение, что рассказы об Аврааме, Исааке и Иакове — их принято называть патриархами — сложились где-то в VII–VI вв. до н. э. в канцеляриях царей — преемников Давида и Соломона. Против этого взгляда выступили ученые второй половины XX в., в распоряжении которых оказались тексты II тыс. до н. э. из ряда древневосточных центров — Ура, Нузи, Мари, Алаллаха, Угарита, Хаттушаша. Сопоставление с этими текстами рассказов о патриархах если и не дало возможности рассматривать Авраама, Исаака и Иакова как исторических лиц, то показало историчность воссоздаваемой Библией религиозной, правовой, бытовой ситуаций. В рассказах о патриархах перестали видеть досужие домыслы поздней эпохи, определив их как ценные исторические источники, характеризующие верования, обычаи и быт кочевых народов Ближнего Востока II тыс. до н. э.

Аврам и его договор с богом

Этим рассказом библейская картина сотворения мира, человечества и его расселения по земле сменяется древнейшей историей того региона, который достался Симу и его потомкам. Понимание авторами Ветхого завета этнической и культурной общности населения центральных территорий Переднего Востока нашло отражение в биографии выходца из Ура (древнейшего культурного центра Двуречья) Аврама-Авраама, ставшего по воле Бога кочевником и прародителем оседлых и кочевых народов Палестины и простирающихся к востоку от нее степей и пустынь. Переселение Авраама обычно связывают с древнейшим арамейским переселением семитских народностей, которое предшествовало переселению Израиля.

В основе рассказов об Авраме-Авраме и других патриархах лежат племенные

легенды, записанные, скорее всего, в середине X в. до н. э., при царе Соломоне. Наряду с этим использовались и предания первоначального населения страны Ханаан, объясняющие природные катастрофы и происхождение названий отдельных культовых мест.

В славном городе Уре жил потомок Ноя и Евера Тэрах с сыновьями Аврамом, Нахором и Хараном{131}. Но не дал Бог Харану долголетия. Умер он раньше отца, оставив сына Лота и двух дочерей, одну из которых, Милку, взял в жены Нахор.

Не остался Тэрах в Уре, но покинул его вместе с сыном своим Аврамом, женой его Сарой (Сарай) и внуком своим Лотом. Направились они в страну Ханаан (Канаан), но, не дойдя до этой земли, поселились в городе Харане. Там и умер Тэрах в возрасте двухсот пяти лет.

Авраму же, тогда ему было семьдесят пять лет, явился Бог и сказал: «Уходи с земли твоей и из дома отца твоего в землю, которую я тебе укажу. И произведу я от тебя великий народ, и возвеличу имя твое, и будешь ты благословен. И я благословлю всех, кто благословляет тебя, а того, кто проклинает тебя, прокляну. И будут благословенны в тебе все народы земли».

Выполнил Аврам то, что наказал ему Бог. Взял он с собой Сару, жену свою, и племянника своего Лота, и все имущество, которое они нажили, а также рабов и рабынь, которых приобрели в Харане.

Тронулись они в путь и достигли страны Ханаан. И прошел Аврам страну эту до места Шихэма, к дереву теребинт, носившему название теребинт Морэ{132}. Жили тогда в этой стране хананеи. И вновь явился к Авраму Бог и сказал: «Вот эту страну я и отдам твоему потомству». И воздвиг Аврам жертвенник Богу в том месте, где он явился ему.

А оттуда направился Аврам к горе, что к востоку от Бетэл{133}, и разбил свой шатер так, что Бетэл был от него к западу, а Ай — к востоку. Здесь он соорудил еще один жертвенник Богу, который явился к нему, и затем двинулся на юг. Ведь голод был тогда в стране, и решил Аврам спуститься к Египту, чтобы жить там.

Когда подошли они к Египту, Аврам сказал Саре, жене своей:

— Вот, я знаю, что ты — женщина приятной наружности и, когда египтяне увидят тебя, они скажут: «Это его жена» — и убьют меня, а тебя оставят в живых. Скажи же, что ты — моя сестра, чтобы не было мне от тебя беды и чтобы я остался жив.

И действительно, когда Аврам вступил в Египет, увидали придворные фараона, что женщина очень хороша собой, и рассказали об этом фараону. И взята была Сара в дом фараона. И была от этого Авраму оказана милость. Приобрел он мелкий и

крупный скот, и рабов и рабынь, и ослов и верблюдов{134}. И поразил Бог фараона и дом его тяжкими карами из-за Сары, жены Аврама. И призвал фараон Аврама и сказал ему:

— Что же ты натворил! Зачем ты не сказал мне, что она твоя жена? И я едва было не взял ее в жены. Забирай ее себе и уходи.

И фараон послал людей, чтобы они вывели Аврама и всех, кто был с ним, на дорогу.

Разделение Аврама и Лота

Разделение Аврама и Лота — типичный пример отпочкования от первоначального рода нового младшего рода, во главе которого становится новый родоначальник, обладающий той же властью, что и патриарх старого рода. Род у евреев, как и у других семитских народов, тесно связан с кочевой (или полукочевой) жизнью, поскольку малая семья была не в состоянии перегонять скот, переносить шатры, рыть колодцы и защищать имущество от чужаков. После перехода к оседлой жизни, когда роды превращались в объединения по территориальному принципу, а патриархи становились сельскими и городскими старейшинами, должны были сохраняться предания, делавшие одни рода старше других. Именно такие предания легли в основу рассказа об Авраме и Лоте.

Так пришлось Авраму со своей женой Сарой и племянником Лотом двинуться из Египта со всем своим имуществом. Был же Аврам богат скотом, серебром и золотом. И шел он переходами с юга до того места, где прежде стоял его шатер между Бетэлом и Аем. Там он остановился и принес жертвы Богу на алтаре, что был им возведен еще до ухода в Египет.

И у Лота, который всюду ходил с Аврамом, были также стада, отары и шатры. И так велико было имущество обоих, что страна не могла их прокормить, когда они были вместе. После одной из ссор между пастухами Аврама и Лота Аврам сказал племяннику:

— Чтобы не было раздоров между мною и тобою, между пастухами моими и твоими, отделись от меня. Если ты пойдешь влево, то я двинусь направо, а если ты — направо, я — налево.

И поднял Лот взгляд свой и увидел долину Иордана, обильно напоенную его водами. Тогда, до разрушения Содома и Гоморры, она была словно Божий сад или земля Египетская. Избрав себе долину Иордана, Лот двинулся к востоку и раскинул шатры свои до самого Содома. Аврам же остался жить в земле Ханаанской.

И явился Бог к Авраму и сказал ему:

— Подними глаза твои, посмотри с того места, где стоишь, на север, юг, восток и на запад. Всю эту землю, которую видишь, я отдаю тебе и потомству твоему навеки. И умножу я потомство твое подобно песку: как не счесть песчинок, так и не исчислить его. Встань, пройди по этой земле вдоль и поперек, потому что тебе отдаю ее.

И перенес Аврам свой шатер к дубраве Мамрай{135}, что в

Хевроне, и построил там Богу алтарь.

Обещание бога

Было видение Авраму. Услышал он голос Бога своего:

— Не бойся, Аврам. Я твой щит. Великая награда ждет тебя.

— Что можешь дать ты мне, Яхве-Элохим? — спросил Аврам. — Ведь нет у меня потомства, и дом свой оставлю я чужому человеку, домоправителю Элиэзеру из Дамаска.

— Нет! — вновь услышал Аврам голос Бога. — Не чужому человеку оставишь ты дом твой. Но тот, кто произойдет от тебя, будет твоим наследником.

И вывел Бог Аврама наружу и сказал:

— Взгляни на небо и сосчитай звезды, если тебе это удастся. Сколько звезд видишь ты над своей головой, столько потомков дам я тебе.

И поверил Аврам Богу. И увидел Бог, что не подвергает Аврам сомнению слов его, и напомнил ему:

— Я Господь, который вывел тебя из Ура Халдейского и привел в эту землю, чтобы дать ее тебе во владение.

Радостно было Авраму слышать эти слова, поверил он им, но все же не смог удержаться от просьбы дать ему знамение.

— Как же я узнаю, — спросил он Бога, — что буду владеть этой землей?

И Бог ответил ему:

— Возьми трехлетнюю телку, трехлетнюю козу и трехлетнего барана, возьми также горлицу и молодого голубя.

Понял Аврам, что ему нужно делать. Взял животных и птиц, на которых указал ему Бог, рассек пополам и телку, и козу, и барана и положил рассеченные части друг против друга. Птиц же оставил нерассеченными.

До темноты отгонял он хищных птиц, пытавшихся спуститься на трупы, но с заходом Солнца крепкий сон овладел им, и вновь он услышал голос Бога:

— Знай: потомки твои придут сначала в землю чужую и порабощены будут и угнетаемы на протяжении четырехсот лет, но произведу я суд над народом, что поработит их, и уйдут они с имуществом великим, и вернутся в эту землю, отданную мной потомству твоему.

При этих словах в полной темноте вспыхнуло пламя огненное и дым заклубился вокруг огня и прошли пламя и дым между рассеченными животными{136}.

Так заключил в этот день Бог завет с Аврамом, передав еще не родившемуся его потомству все земли от реки Египетской до

великой реки Евфрата со всеми народами, их населявшими.

Сара и Агарь

Шли годы. Аврам и его жена старились, а детей у них все не было. И сказала Сара Авраму:

— Не избавил меня Бог от бесплодия. Войди же к служанке моей Агари, и, быть может, я буду иметь детей от нее{137}.

И дала Сара Авраму рабыню, египтянку Агарь, и вошел он к ней. Поняв, что у нее будет ребенок, Агарь стала пренебрегать госпожой. И явилась тогда Сара к мужу и сказала ему:

— Ты обидел меня. Рабыня, которую я дала тебе, пренебрегает мною. Пусть же рассудит нас Господь!

— Твоя служанка в руках твоих, — ответил Аврам. — Делай с ней, что тебе угодно.

И стала притеснять Сара Агарь, и та убежала от нее в пустыню. Там у водного источника по дороге в Сур отыскал ее вестник Бога.

— Возвратись к госпоже своей и покорись ей, — сказал он. — И будет умножено твое потомство и не будет ему числа. Сыну же, которого ты родишь, дашь имя Измаил{138}, ибо услышал Бог о страданиях твоих. Силен он будет, как дикий осел{139}, и пойдет от него многочисленный народ.

Покорилась Агарь и вернулась к шатрам Аврама. И действительно, вскоре родился у нее сын. Назвала она его Измаилом, как повелел ей через вестника своего Бог, чьего имени она не знала и которого звала Богом видения.

Было тогда Авраму восемьдесят шесть лет, и радовался он своему первенцу.

Тринадцать лет спустя, когда Авраму было уже девяносто девять лет, а сыну его Измаилу — тринадцать, услышал Аврам голос Бога:

— Я Бог Всемогущий{140}, и вот мой завет с тобою. Будешь ты отцом множества народов и отныне станешь называться не Аврамом, а Авраамом, ибо по воле моей народы и цари произойдут от тебя. И поставлю я между мною и тобою и всеми потомками твоими завет вечный в том, что один я буду Богом твоим и потомков твоих. А в знак завета между мною и тобою и потомством твоим пусть будет обрезан всякий младенец, родившийся в доме твоем или купленный за серебро.

— А жену свою, — добавил Бог, — не называй больше Сарою. Имя ее теперь будет Сарра. Благословлю я ее и дам тебе от нее сына, от которого и произойдут народы многочисленные и цари народов этих.

Упал Авраам ниц на землю, чтобы отблагодарить Бога за добрые вести, хотя с трудом удержался от смеха, подумав про себя: «Неужели от столетнего будут дети и девяностолетняя родит!» Но вслух не решился высказать Богу сомнений и лишь сказал:

— О, хотя бы Измаил был жив.

— Нет! Именно Сарра родит тебе сына, — проговорил Бог. — Ты назовешь его Исааком{141}, и именно через него заключу я вечный завет с потомством твоим. И Измаила не оставлю я: благословил я его и произведу от него великий народ и двенадцать царей родятся от него. Но завет свой заключу я с Исааком, которого родит тебе Сарра в это время на следующий год.

Гибель Содома и Гоморры

И праведник шел за посланником Бога,
Огромный и светлый, по черной горе,
Но громко жене говорила тревога:
— Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,
На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.
Взглянула — и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли,
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.

А. Ахматова

Выраженная в этом сюжете идея типична для фольклора ряда народов: боги (или

посланцы богов) посещают местность, где им оказывают гостеприимство благородные люди, избегающие благодаря этому всеобщей гибели или награждаемые долголетием. Легенда объясняла также название Мертвого моря, которое арабы и поныне именуют «морем Лота», и происхождение находящихся на его берегах соляных столпов, отдаленно напоминающих человеческие фигуры. Поиски Содома и Гоморры археологами пока не дали результатов, но в реальности геологической катастрофы, в результате которой появилось Мертвое море, наука не сомневается.

Сидел как-то Авраам во время дневного зноя в тени своего шатра и дремал. Когда же пробудился и поднял глаза, увидел вблизи себя трех юношей. По их внешности и одеянию он сразу понял, откуда они, и бросился навстречу с резвостью, удивительной для преклонного возраста. Поклонившись им до земли, он обратился мысленно к Богу:

— Владыка! Если я обрел благословение в глазах твоих, не проходи мимо раба твоего!

Поскольку юноши стояли, не исчезая, понял Авраам, что Бог внял его мольбе. Поэтому он крикнул, чтобы рабы принесли воды.

— Омойте ноги, гости небесные! — сказал он пришельцам. — А я принесу чего-нибудь, что подкрепит вас на пути от моего шатра.

— Пусть будет так! — сказал один из юношей с достоинством.

И скрылся Авраам в шатре. Оттуда раздался его взволнованный голос:

— Сарра! Поскорее замеси три меры лучшей муки и сделай лепешки!

Пока гости смывали со ступней дорожную пыль, Авраам успел сбегать к стаду, выбрать нежного теленка и дать его рабу, чтобы он поджарил лучшие части. Другой же раб позаботился о молоке и сливках.

И вот уже гости сидят в тени деревьев за полотном, уставленным яствами, и молча насыщаются. Авраам же, стоя, наблюдает за ними.

И спросили вестники Авраама, где жена его Сарра.

— В шатре, — ответил Авраам.

И тогда один из вестников обратился к нему со словами:

— Я опять буду у тебя в то же время следующего года, и будет сын у Сарры, жены твоей.

Услышала эти слова Сарра, стоявшая у входа в шатер, и рассмеялась, подумав, что стара для того, чтобы иметь сына.

И заметил это Бог, хотя вход в шатер был позади него, и обратился к Аврааму с упреком:

— Чему это рассмеялась жена твоя Сарра, подумав, что стара для того, чтобы родить? Разве есть что-либо трудное для Бога?

Услышала Сарра слова, обращенные к мужу, и, испугавшись,

не созналась в своем неверии.

— Я не смеялась! — проговорила она.

— Нет, ты смеялась! — произнес Бог, вставая. Вслед за ним поднялись и остальные мужи и пошли по дороге, ведущей в Содом. Авраам же их провожал, не смея спросить, какое они выполняют поручение.

Тогда Бог, решивший, что Авраам достоин узнать тайну, скрываемую от остальных, сказал:

— Тяжел, велик грех Содома и Гоморры, громогласен будет и их вопль.

И понял Авраам, что посланники идут вершить над Содомом и Гоморрой кару Господню. И хотя он презирал нечестивых жителей этих городов и уже успел высказать им свое презрение, он вспомнил о трех содомцах, людях храбрых и честных, которые помогали ему отбить из рук врагов племянника его Лота, попавшего в беду. И из уст его вырвались слова:

— Господи! Неужели ты погубишь праведного вместе с нечестивым? Должно же быть в этом городе хотя бы пятьдесят праведников?! Разве нельзя пощадить город ради них? Неужели Судья всей земли поступит вопреки правосудию?

— Если я найду в Содоме пятьдесят праведников, не трону город.

Промолчать бы Аврааму и отойти, но его обуяла отвага, граничащая с дерзостью.

— Владыка! Я прах, я пепел под твоими стопами, но разреши мне спросить: «А если в Содоме будет сорок пять праведников? Неужели все погибнут из-за недостающих пяти?»

— Нет, не погибнут! — ответил Бог.

— А если их будет сорок? — не унимался Авраам.

— Я оставлю жизнь остальным ради сорока, — сказал Бог.

— А если двадцать? Если десять? — продолжал спрашивать Авраам.

— Не истреблю ради десяти, — оозвался Бог.

— А если…

Авраам хотел сказать три, имея в виду тех содомцев, которых он знал. Но Бог уже не слышал его. И, поняв это, Авраам вернулся к своему шатру и молча сел, обратив взор на восток.

Посланцы между тем достигли шатров Лота, которые были разбиты за городской стеной Содома. Уже стемнело, и Лот не различил в прохожих вестников Бога, приняв их за обычных людей, но встал им навстречу, поклонился незнакомцам и сказал:

— Зайдите в мой шатер, рабыни дадут вам воды для омовения ног и постелят постель, а утром отправитесь в свой путь.

— Нет, — ответили вестники. — Мы привыкли ночевать под открытым небом.

Но так как Лот настаивал, они зашли в его шатер, омыли ноги и приняли угощение, поставленное на стол.

Жители Содома, узрев с городской стены незнакомцев, вошедших в шатер Лота, высыпали из ворот и, окружив шатер, стали требовать, чтобы Лот выдал им своих гостей для наслаждения их плотью.

Вышел Лот наружу и сказал, обращаясь к неистовствующей толпе:

— Братья мои! Не делайте мерзости. Выдать гостя, взятого в дом, великий грех. Хотите, я дам вам двух своих дочерей, не знавших мужа, вместо этих юношей?

Но они не слушали его и приблизились, чтобы ворваться в шатер.

И тут почувствовал Лот руки на своих плечах. Это гости силой втянули его в шатер. И сразу после этого снаружи послышались вопли и стенания:

— Что со мной? Я ничего не вижу! Дай мне руку!

Это слепотой были поражены все нечестивцы, окружавшие шатер. И они долго еще кричали и плакали, пока не разбрелись кто куда.

И объявили вестники Лоту, что посланы уничтожить это место за грехи жителей его. И спросили они Лота:

— Кто из близких есть у тебя? Сыновья ли, дочери ли, или зятья, или еще кто-то, кто дорог тебе в этом городе? Выведи их отсюда.

Вышел Лот из шатра и передал зятьям своим слова вестников. Но они не поверили, полагая, что он шутит.

Между тем занималась заря, и вестники стали торопить Лота:

— Встань! Возьми жену свою и обеих дочерей своих, которых мы видим здесь, чтобы не погибнуть вам за беззакония города.

И так как медлил он, вестники вывели за руки Лота, жену его и двух дочерей и повлекли подальше от Содома.

Один из вестников сказал:

— Идите вперед, не останавливайтесь и не оглядывайтесь, чтобы не погибнуть.

Лот и две дочери его сделали так, как им было велено. И не видели они, как Бог пролил дождем на Содом и Гоморру серу и огнь с небес, уничтожив всех жителей до единого. Жена же Лота, будучи по-женски любопытной, оглянулась и превратилась в соляной столп.

Авраам встал утром и пошел на место, где стоял перед лицом Бога, и, взглянув на восток, увидел, что дым поднимается с

земли, как от печи.

Рождение Исаака и изгнание Агари

Снял Авраам шатры свои и двинулся к югу, подальше от места, уничтоженного гневом Господним. Поселился он между Кадешем и Суром в землях Герары.

В этой земле и произошло то, что обещал Бог Аврааму. В назначенное Богом время у Сарры родился сын, и дано ему было имя Исаак.

Вражда между Саррой и Агарью разгорелась с новой силой. Ведь Измаил был первенцем Авраама. Когда же на свет появился Исаак, Сарра потребовала, чтобы права первородства принадлежали ему. К тому же, ей показалось, что Измаил издевается над ее новорожденным сыном. И она приказала Агари убираться вон.

Всю ночь не спал Авраам, не зная, как поступить. Не желал он зла своему первенцу, но, помня, что Бог обещал произвести от него великий народ, не опасался за его судьбу и не стал спорить с Саррой из-за Агари и Измаила: чтобы не было в шатре раздоров, он решил отпустить Агарь с первенцем.

Поднялся на заре Авраам, взял мех с водою и повесил его на плечо Агари, дал ей хлеба в руки, нежно простился с сыном. И двинулись они в пустыню Вирсавию. В тот день был сильный ветер, и занесло песком все тропы. Женщина заблудилась. Вскоре кончился хлеб и иссякла вода. Уложила Агарь сына, ослабевшего от голода и жажды, под кустом и побрела, чтобы не видеть его страданий. Отойдя на расстояние полета стрелы, распростерлась она на земле и подняла вопль, как при погребении. Залился плачем и Измаил. Не имея сил подняться, призывал он криками мать. Не услышала Агарь. Но услышал Бог и отправил с неба вестника. Приблизившись к женщине, вестник сказал:

— Что с тобою, Агарь? Что пугает тебя? Услышал Бог голос сына твоего. Иди к нему и сохрани его, ибо произведет от него Бог великий народ.

И открылись глаза Агари. Увидела она, что сидит у колодца, доверху наполненного водой. Набрала она воду в мех и пошла к кусту, где оставила Измаила, чтобы напоить его.

С той поры Бог все время был с Измаилом, и он вырос в пустыне и сделался метким стрелком из лука. Мать взяла ему жену из Египта, и родила египтянка Измаилу двенадцать сыновей. И дали они свои имена племенам, кочевавшим от Хавилы до Сура, что по пути к Ассирии, ибо были вождями этих племен{142}.

Жертвоприношение Исаака

Патетический эпизод принесения в жертву Исаака может быть понят как свидетельство существования у древних израильтян обычая принесения в жертву детей, который засвидетельствован у первоначальных обитателей Ханаана и финикийских колонистов как литературными источниками, так и археологическими памятниками. Жертвоприношение, отмененное в данном эпизоде Богом таким же образом, как в греческом мифе, было остановлено жертвоприношение дочери Агамемнона Ифигении, явилось своего рода прецедентом отмены человеческих жертвоприношений, хотя последние, как это явствует из рассказа о принесении Иефаем в жертву дочери, продолжали совершаться.

Немало лет прожил Авраам в земле Ханаанской, когда решил Бог испытать его и сказал ему:

— Вот я! Возьми своего сына Исаака, и пойди в землю Мориа, и принеси его там во всесожжение на горе{143}, которую я покажу.

Дрогнуло сердце родителя, ибо он любил Исаака больше жизни своей. Но не посмел Авраам ослушаться Бога. Оседлал он своего осла, взял с собою двух слуг и отрока Исаака, нарубил дров для всесожжения и отправился туда, куда ему было приказано.

На третий день пути Авраам поднял голову, и глазам его предстал холм, где он должен был принести в жертву сына. Обратившись к слугам, он приказал им остаться с ослом, передал сыну вязанку дров, взял огонь и нож, и пошли они вместе. Они еще не поднялись на холм, как отрок сказал отцу:

— Вот огонь, нож и дрова. Где же овен для всесожжения?

— Бог сам усмотрит себе овна, — ответил Авраам, не останавливаясь.

На вершине холма Авраам разложил дрова так, чтобы они лучше горели, связал отрока и положил его поверх дров. Затем он поднял нож, чтобы заколоть сына. И в это мгновение, когда он собирался нанести удар, послышался голос Бога:

— Авраам! Авраам! Не простирай руки на сына твоего, ибо я убедился в том, что ты боишься меня.

И сразу же послышался шум за спиною Авраама. Оглянувшись, он увидел барана, запутавшегося рогами в кустах. Взял он его и принес в жертву Богу вместо сына своего. И нарек он это место именем «Бог усмотрит».

И вновь услышал Авраам голос, раздавшийся с небес:

— Не пожалел ты для меня сына своего единственного, и за это благословлю я тебя потомством бесчисленным, как морской песок. И овладеет оно вратами врагов своих. И благословятся в твоем потомстве все народы земли за то, что ты послушал меня.

Шли годы. Кочевал Авраам со своими стадами и отарами по земле Ханаанской. И умерла на земле этой, в Хевроне, его жена

Сарра в возрасте ста двадцати лет. И, оплакав ее, пошел Авраам к хеттам, обитателям этой земли, и сказал им:

— Пришелец я, осевший у вас. Дайте мне участок для погребения моей покойницы.

И согласились хетты из уважения к Богу Авраамову продать лучшее из погребальных мест для его жены — пещеру и поле Эфроново при ней, напротив Мамрая, что в земле Ханаанской. И стали это поле и пещера погребальным уделом Авраама в земле хеттов.

Женитьба Исаака

Будучи в преклонных годах, Авраам призвал раба, старшего в доме и управляющего всем имуществом, и приказал ему отыскать для сына своего Исаака жену, но не из хананеянок и хеттеянок, не в той земле, где он жил, а в той стране, из которой он вышел, где оставил могилу отца своего и свой род.

— А если, — спросил раб, — женщина той страны не пожелает идти со мною, не возвратить ли сына твоего в страну, из которой ты вышел?

— Поостерегись, — воскликнул Авраам, — возвращать сына моего земле, из которой я вышел! Если женщина той страны не захочет идти с тобою, возвращайся, и не будет на тебя гнева моего.

Поклялся раб, что поступит так, как ему было велено, взял у господина десять верблюдов, нагрузил их сокровищами и отправился в Месопотамию (Арам-Нааараим), в город Нахора.

Прибыв под стены города, раб связал верблюдам ноги и стал дожидаться вечерней прохлады, когда женщины выходят черпать воду. А чтобы узнать ту женщину, которая подходит сыну господина его, решил он попросить у Бога знамения и обратился к нему:

— Господин господина моего, сотвори милость! Сделай так, чтобы дева, которую назначишь ему в невестки, согласилась зачерпнуть воды для меня и моих верблюдов. Иначе как мне ее узнать?

И едва он произнес эти слова, как из ворот вышла дева с кувшином на плече, по внешнему виду не похожая на хананеянок и хеттеянок. Наполнив кувшин, она стала подниматься к воротам. Опомнившись, посланец Авраама побежал ей навстречу и, поклонившись, сказал:

— Разреши мне, красавица, испить из твоего кувшина.

Ласково улыбнувшись, дева опустила кувшин, и раб припал к нему губами. Вода была холодной и сладкой, словно из горного

источника.

— Мы пришли издалека, — молвил раб, вытирая рот тыльной частью ладони. — Верблюды господина моего изнемогают от жажды.

— Я их напою! — с готовностью подхватила девушка и бросилась к источнику, чтобы наполнить лохань.

Пока верблюды со свойственной им величавой неторопливостью тянули воду сквозь редкие желтые зубы, раб любовался девой.

— Скажи, как тебя зовут? — спросил он. — Из какого ты рода?

— Я Ревекка (Ривка), — ответила дева, легко вскидывая кувшин на плечо. — Отец мой Бетуэйл, рожденный Милкой для Нахора.

— О Боже! — ликующе воскликнул раб. — Да ведь Нахор брат моего господина Авраама, пославшего меня за невестой для своего сына! Он дал мне украшения не для продажи, а чтобы я одарил ими ту, которая достойна их носить.

С этими словами он достал из заплечной сумки носовое кольцо и вдел в ноздри девушки.

Растерявшись, Ревекка побежала к воротам, расплескивая воду.

Дома Ревекку встретил ее брат Лаван. Увидев сверкавшее на Солнце кольцо и узнав, откуда оно, Лаван поспешил к источнику, где увидел незнакомца, сидевшего на колоде.

— Зачем ты здесь? — обратился он к нему. — В доме моего отца найдется место для тебя, твоих верблюдов и их погонщиков.

Пока одни рабы омывали посланцу Авраама ноги, другие накрывали на стол. Но, сев за него, гость не стал есть, а попросил себя выслушать. И рассказал он о рабах и рабынях своего господина, о его верблюдах и верблюдицах, об ослах и ослицах. Перечислил он золото и серебро. И только после того, как Лаван успел утомиться от перечня всего, чем наградил Бог Авраама, сказал, что супруга его господина Сарра родила в возрасте девяноста лет сына, которого назвали Исааком, и что он достиг возраста, когда женятся, и что господин не хочет иметь невесткой хананеянку или хеттеянку.

Услышав все это, Лаван сказал:

— От Господа пришло это дело. Я согласен отпустить сестру свою Ревекку через десять месяцев. Пусть она еще побудет со мной и с матерью.

— Сжалься! — взмолился раб. — Авраам уже не молод, и каждый день Бог может послать за ним.

— Будет так, как пожелает сама Ревекка, — ответил Лаван и

послал за сестрой.

— Пойдешь ли ты сразу с этим человеком? — спросил он.

— Пойду! — ответила Ревекка без колебаний.

Как-то вечером, до наступления прохлады, Исаак прогуливался по полю и увидел лениво бредущих верблюдов, а рядом с ними раба и деву с золотым кольцом, сверкавшим в ноздрях.

Ревекка, увидев Исаака, спросила у своего провожатого:

— Что это за муж, идущий нам навстречу?

— Это Исаак, сын господина моего, — ответил раб.

И взяла дева покрывало и накрыла им голову.

Ввел Исаак Ревекку в шатер матери своей Сарры и сделал ее женой, возлюбил ее и не стал более горевать о своей матери. И было тогда Исааку сорок лет.

Женился и Авраам, и шесть сыновей было у него от нового брака, и не только десятерым внукам успел он порадоваться, но и двум правнукам. Законным же сыном своим, однако, считал Авраам одного только Исаака и ему одному отдал все, что было, у него, а остальных сыновей с их потомством отослал в земли восточные.

Скончался Авраам в старости доброй, насыщенный жизнью, в возрасте ста семидесяти пяти лет. И похоронили его Исаак и Измаил в Хевроне, в земле Ханаанской, в пещере, что против Мамрая.

Близнецы

Минуло двадцать лет после того, как Исаак ввел Ревекку в шатер, а детей у них не было. Возносила Ревекка Богу мольбы о потомстве, а он словно бы не слышал. Лишь на двадцать первый год брака ощутила она в чреве своем сильные толчки и пошла вопросить Бога. И сказал ей Бог: «Два народа в чреве твоем, выйдут они из утробы и разойдутся. И народ народа сильнее будет. И старший будет служить младшему».

Так оно и оказалось. Сначала появился первый младенец — мохнатый, как плащ, и красный, как перец. Ему дали имя Исав{144}. Второй вышел, держась за пятку первого. Его назвали Иаковом{145}.

Выросли мальчики непохожими друг на друга. Все тело Исава было покрыто волосами. Был он человеком степи, искусным в звероловстве. Иаков же был кротким и изнеженным человеком шатров. Исав был любимцем Исаака: приносимая им дичь была по его вкусу. Ревекка же больше любила Иакова, и он всегда находился при ней.

Однажды Исав явился с охоты усталый и голодный, и в ноздри ему ударил соблазнительный запах чечевицы. Иаков, сидя у костра на корточках, помешивал варево палочкой, делая вид, что не слышит шагов.

Тогда Исав сказал:

— Я долго гонялся за дичью, голоден и устал. Не дашь ли ты мне поесть?

— Хорошо, — ответил Иаков. — Только не даром. Отдай мне за миску похлебки первородство.

— Бери! — с готовностью отозвался Исав. — К чему мне мое первородство, если я умираю от голода?

Протягивая брату миску дымящейся похлебки, Иаков сказал:

— Поклянись же, что первородство теперь мое!

— Клянусь, — отмахнулся Исав, хватая миску.

И он ел и пил, и пренебрег первородством.

Поев, Исав встал и пошел в степь, радуясь прожитому дню.

Прошло много лет. Исаак стал совсем стар и потерял зрение. Он по-прежнему любил Исава больше, чем Иакова, хотя первенец и огорчил его, приведя в шатер двух жен-хеттеянок. Чувствуя приближение смертного часа, старец попросил Исава взять свой лук и колчан и отправиться в степь, чтобы добыть дичи и приготовить из нее кушанье, которое ему нравилось более всего, ибо хотелось ему набраться сил, чтобы благословить первенца.

Разговор происходил при Ревекке, и, как только Исав удалился, она немедленно отыскала Иакова.

— Сын мой! — проговорила она торопливо. — Немедленно отправляйся в стадо и заколи двух козлят. Я приготовлю блюдо, которое любит твой отец, а ты поднесешь его ему, чтобы он благословил тебя перед кончиной.

— Что ты такое говоришь, мать?! — удивился Иаков. — Отец слеп, но он может меня ощупать. Я же человек гладкий, а брат мой — косматый. Не благословит меня отец, а проклянет, как обманщика.

— Пусть на меня падет проклятие, если отец не благословит тебя, — воскликнула Ревекка.

Сварив козлят и обильно приправив их горькими травами, Ревекка взяла одежды Исава и одела в них Иакова. Затем она обложила руки и шею младшего сына кожей козлят. Вошел переодетый Иаков к отцу и сказал:

— Поешь дичи моей и благослови меня.

— Как скоро ты возвратился, Исав, — удивился Исаак.

— Бог быстро послал мне дичь, — объяснил хитрец.

— Подойди, я тебя ощупаю, — приказал отец. — Ты ли сын мой Исав?

Потрогав сына руками, Исаак пробормотал:

— Голос — голос Иакова, а руки — руки Исава.

Поев и выпив вина, старец попросил сына поцеловать его. Ощутив любимые Господом запахи пота и поля, Исаак благословил мнимого Исава:

— Даст тебе Бог от небесной росы и от тука земли вдоволь хлеба и вина! Да послужат тебе народы и да поклонятся тебе племена, да будешь ты господином над братьями! И да поклонятся они тебе!

Едва Исаак благословил Иакова, как с охоты вернулся Исав. Подготовил он любимое отцом кушанье и, войдя к старцу, сказал:

— Поешь, отец, дичи и укрепи силы свои.

— Кто ты? — спросил отец.

— Я твой первенец Исав.

— Кто же тогда принес мне дичи и накормил до тебя? — заволновался Исаак. — Кого же я благословил?

— Думаю, что это брат мой Иаков, — отозвался Исав. — Однажды он уже купил мое первородство, а теперь хитростью выманил отцовское благословение. Неужели для меня ничего не осталось?

Услышав эти слова, Исаак возопил воплем великим:

— Не дается дважды благословение. Тебе придется самому добывать хлеб мечом и служить брату. Но, когда вознегодуешь, свергнешь его иго со своей шеи.

И проговорил Исав в сердцах:

— Убью я Иакова, брата моего, ибо он обманом похитил отцовское благословение. Убью, как только придет день оплакивания отца нашего.

Услышав эту угрозу, Ревекка отыскала Иакова и сказала ему:

— Беги к брату моему Лавану в Харан. Ибо Исав грозит убить тебя. Вернешься, когда утолится ярость его и он позабудет о своем обещании.

Исааку же Ревекка сказала:

— У Лавана, брата моего, найдет себе Иаков невесту из племени нашего, ибо я страдаю от хеттеянок, приведенных Исавом. Если и Иаков женится на хеттеянке, к чему мне тогда и жизнь?

Иаков в Харане

И отправился Иаков в Харан. По пути, когда зашло Солнце, взял он один из камней, подложил себе под голову и забылся сном.

И увидел он во сне лестницу, отвесно стоящую на земле и

касающуюся небесной тверди. Сновали по этой лестнице вестники Бога туда и сюда. Бог же обратился к спящему:

— Я Господь! Бог Авраама и отца твоего Исаака. Землю, служащую ложем, тебе отдам я и потомству твоему. И будет оно неисчислимо, как песок морской. И распространишься ты на все четыре стороны света. И я буду всюду с тобою, куда бы ты ни пошел. И верну я тебя в эту землю, тебе обещанную.

И пробудился Иаков от сна своего. Небо было прозрачным. Парили птицы. Но в памяти Иакова стояла лестница до самого неба, и слышал он слова Бога. Стало страшно ему, ибо он ощутил присутствие Божье. Взял он камень из-под головы, и поставил его памятником, и облил елеем. Решив, что место это должно быть навеки священным, он назвал его Бэт-Элом — домом Божьим, потому что здесь ему открылись врата небесные. Господу же он дал обет, сказав ему:

— Если ты будешь со мною и сохранишь меня в пути, которым я иду, если дашь мне пищу и одежду и вернусь я невредимым в дом отца моего, если будешь Богом моим, то камень, что поставил я памятником, будет домом твоим, а из всего, что даруешь мне, отдам тебе десятую часть.

Двинувшись на восток, увидел Иаков в степи колодец, а вокруг стада овец и пастухов.

— Братья мои! — обратился он к ним. — Откуда вы?

— Мы из Харана, — ответили пастухи.

— А не знаете ли вы Лавана?

— Как не знать! — оживились пастухи. — А вот идет сюда Рахиль, дочь его.

Увидев Рахиль, Иаков помог напоить ей овец, а затем стал целовать девушку, мешая поцелуи со слезами. Рахиль, вспыхнув, оттолкнула незнакомца, но Иаков стал ей объяснять, что целует по-родственному, ибо он — сын Ревекки, родной сестры ее отца.

Быстрыми стопами помчалась Рахиль к Лавану, чтобы обрадовать отца появлением родственника. Лаван, оглядев Иакова, приветствовал его и предложил зайти в шатер. Наутро он поручил племяннику пасти своих овец, ибо у него было мало пастухов.

Целый месяц пас Иаков овец Лавана за хлеб и воду. Рассчитываясь с пастухами, Лаван обратился к нему:

— Чем же мне расплатиться с тобою? Не даром же ты служил!

— Мне не надо серебра, — ответил Лавану Иаков. — Мы — родственники. А вот если отдашь мне в жены Рахиль, младшую дочь твою, я готов тебе служить семь лет за нее.

Красива станом и прекрасна лицом была Рахиль, и полюбил ее Иаков с первого взгляда. И служил он за нее семь лет, и они

показались ему как несколько дней, потому что любил он Рахиль.

Через семь лет, день в день, напомнил Иаков Лавану, что исполнился срок, и устроил Лаван свадебный пир. И не заметил Иаков после пира, что привел к нему Лаван не Рахиль, а свою старшую дочь Лию, которая была некрасива лицом и слаба глазами. Лишь утром, обнаружив подмену, взял он Лию за руку и отвел к тестю со словами:

— Что же это ты сделал со мной? Не за Рахиль ли я служил тебе семь лет?

— Не знаю, как у вас, — ответил Лаван, — но у нас в Харане никто не выдает младшую дочь раньше старшей. Дождемся новой недели, и я дам тебе и Рахиль, за которую будешь служить еще семь лет.

Так у Иакова появилось две жены. И служил он за Рахиль тестю семь лет. Любил он Рахиль, но она была бесплодна. Лии же Бог, увидев, что она нелюбима, дал одного за другим четырех сыновей.

Рахиль же позавидовала сестре и сказала Иакову:

— Дай мне детей, а если не дашь, незачем мне жить.

И разгневался Иаков на Рахиль и сказал:

— Разве я Бог, который посылает чреву плоды?

— Тогда, — сказала Рахиль, — возьми служанку мою Баллу, войди к ней, пусть она родит на колени мои.

И родила Валла Иакову сына. Возликовала Рахиль, что услышал ее мольбу Бог. А когда еще одного сына родила Валла, Лия дала мужу свою служанку Зельфу. И рождали попеременно Лия и Зельфа сыновей Иакову. Видя это, вспомнил Бог о Рахили и отверз чрево ее. И родила она сына, которому дали имя Иосиф{146}.

Вскоре после рождения Иосифа сказал Иаков Лавану:

— Отпусти меня, чтобы я пошел в свою землю. Отдай жен и детей моих — ведь отслужил я за них тебе.

— Я знаю, что Бог благословил меня за тебя, — ответил Лаван. — И я готов наградить тебя. Назначь себе награду, и я дам ее.

— Ничего не отдавай мне за прошлое, — проговорил Иаков, — а давай я послужу тебе еще и опять буду пасти и стеречь твой скот, а ты за это отдашь мне всех черных овец и тех, что с крапинами, пятнами или полосами, каких найду в стаде сейчас и какие родятся во время службы моей.

Обрадовался Лаван, знавший, что животных с такой окраской очень мало, и сразу же отделил зятю нескольких коз и овец. И стал Иаков пасти остальной скот Лавана, и становилось в стаде полосатых и пятнистых животных все больше и больше. Ибо

Иаков, нарезав свежих сучьев, срезал с них кору, обнажив белые полосы и крапины, и втыкал их в землю у водопоя. Вот и давали овцы и козы, наглядевшись на сучья, ягнят и козлят с крапинами и полосами.

Видя, как стадо Иакова растет, а его уменьшается, мрачнел Лаван.

Бегство и примирение

Рассказом о бегстве Иакова из Харана и его примирении сначала с тестем, затем с братом завершаются приключения Иакова на чужбине. В ходе странствий Иаков вступает в борьбу с Богом, дающим ему новое имя — Израиль. И хотя на основании предшествующих и последующих глав можно заключить, что библейский автор заставляет героя бороться с самим Элохимом, против этого вывода говорит то, что Элохим не мог вступить в борьбу с простым смертным и тем более оказаться слабее его. Разгадку дает место схватки — берег реки. Очевидно, бог, не пожелавший назвать своего имени, — это божество реки, вступающее в схватку с каждым, кто собирается ее перейти. О таких речных богах, сражающихся с героями, известно из греческих мифов.

Видя недовольство Лавана и его сыновей и опасаясь за свое имущество, Иаков решил бежать. Вызвал он в поле Рахиль и Лию, будто к скоту, а на самом деле чтобы переговорить с ними.

— Вы сами знаете, — обратился он к женам, — что я служил отцу вашему всеми силами, а он лишал меня заработанного. Но Бог вступился за меня. Отнял Бог скот у отца вашего и отдал мне. Этот же Бог внушил мне, что пора возвращаться на родину. Что вы думаете об этом?

— Как сказал тебе твой Бог, так и делай! — ответили Лия и Рахиль. — Богатство, которое отнял Бог у отца нашего, — наше и детей наших.

И посадил Иаков жен и детей своих на верблюдов, взял с собой скот и все богатство свое, что приобрел, и отправился в землю Ханаан к отцу своему Исааку.

Рахиль же, когда Лаван пошел стричь овец, взяла отцовских богов{147}.

И ушли они, и перешли через реку, направляясь к горе Галаад. Только на третий день Лаван хватился беглецов и, собрав свою родню, отправился в погоню. Через семь дней нагнал Лаван Иакова.

И вошел он в шатер Иакова, и обратился к нему:

— Зачем ты ушел тайком? Зачем укрылся от меня? Я бы проводил тебя с весельем и музыкой, с тимпанами и гуслями. Ты не дал мне даже поцеловать внуков моих и дочерей моих. Но пусть ты ушел! Зачем ты еще похитил богов моих?

— Я боялся, что ты не отпустишь дочерей своих, — ответил Иаков. — Богов же твоих я не брал. Обыщи шатры и убедись в

этом сам.

Обыскал Лаван шатры и не нашел своих божков. Не нашел он их и в поклаже. Божки были спрятаны Рахилью под верблюжьим седлом. С верблюда же она не сошла, сказавшись больной.

Когда пришел Лаван к Иакову с пустыми руками, тот дал волю гневу.

— Мало того, — кричал он, — что я работал на тебя двадцать лет и не ел баранов твоего стада, и даже от животных, растерзанных зверем, убыток брал на себя! Мало того, что днем страдал от жары, а ночью от стужи, что сон бежал от моих глаз! Ты еще обвиняешь меня в воровстве!

— Все, что есть у тебя, это мое, — ответил Лаван. — Но пусть это будет и твоим. На этом заключим союз и разойдемся.

И взял Иаков камень, и поставил его, как рубеж. И родственники, пришедшие с Лаваном, набрали камней и стали бросать на тот камень. Вырос холм.

И сказал Лаван Иакову:

— Холм этот — свидетель, что ни я не перейду к тебе за него, ни ты ко мне.

И заколол Иаков жертву на холме, и позвал родичей своих есть хлеб. Поев хлеб, они переночевали на холме.

Вскоре после этого послал Иаков гонцов к Исаву сказать, что возвращается с женами, детьми и имуществом, чтобы приобрести благоволение брата своего.

Вскоре гонцы вернулись, сообщив, что Исав идет навстречу с четырьмя сотнями вооруженных людей. Испугавшись, обратился Иаков к Богу с мольбой защитить его от гнева брата и напомнил, что обещал он ему возвращение на родину и потомство неисчислимое, как песок морской.

Под вечер отвел Иаков обеих жен, и обеих наложниц своих, и одиннадцать сыновей своих через полувысохший поток и остался один. Во мраке к нему приблизился некто и схватил его за плечо. Иаков не уступал ему, и тот, видя, что не может одолеть, коснулся рукой бедра его. Почувствовал Иаков нестерпимую боль, но все равно не отпустил незнакомца. Тот же попросил:

— Отпусти меня, ибо восходит заря.

— Не отпущу, — ответил Иаков, — пока не благословишь.

— Как твое имя? — спросил некто.

Иаков назвал себя, полагая, что без этого невозможно благословение.

— Отныне имя твое будет Израиль[148], — отозвался соперник, — потому что ты боролся с Богом и с людьми и одолел.

— Как зовут тебя? — спросил Иаков.

— Незачем тебе знать мое имя, — ответил Бог. — Я

благословлю так.

Выслушав благословение, Иаков отпустил того, кто заявил себя Богом, но имени назвать не пожелал.

Когда Иаков пошел с места, где боролся, то почувствовал, что хромает.

Вдали показалась толпа. Поняв, что это Исав со своими людьми, Иаков поставил впереди рабынь с детьми от них, за ними — Лию с детьми, а потом — Рахиль с Иосифом. Сам же пошел впереди всех и, приблизившись к Исаву, отдал ему земной поклон семь раз.

Заключил Исав брата в объятия и стал покрывать его лицо поцелуями.

Подняв глаза, Исав увидел женщин и детей и спросил:

— Кто это у тебя?

— Дети, которых Бог даровал рабу твоему, — ответил Иаков и еще раз поклонился.

Вслед за ним поклонились рабыни со своими детьми, за ними — Лия со своими детьми, последними же — Рахиль с Иосифом.

Странствия Иакова

Помирившись, братья разошлись. Исав возвратился к себе в Сеир, а Иаков направился сначала к Сихему, затем к Бетэлу, где соорудил еще один жертвенник Богу, явившемуся ему там двадцать лет назад, когда бежал он от брата своего Исава.

И вновь явился ему в Бетэле Бог, чтобы благословить его и напомнить, что имя его теперь не Иаков, а Израиль, и что множество племен произойдет от него, и что землю, отданную Аврааму и Исааку, вручает он отныне ему и потомству его.

И снова они пустились в путь. В дороге Рахиль разрешилась еще одним младенцем, но занемогла и умерла. Она дала новорожденному имя Бен-Они, но Иаков стал называть его Вениамином{149}.

Похоронив жену у дороги и поставив над ее могилой памятник, отправился Иаков в Хеврон, к отцу своему, где застал брата своего Исава. Умер Исаак на руках сыновей, будучи стар и насыщен жизнью, в возрасте ста восьмидесяти лет.

Об Иосифе

На скошенном поле не
будешь стоять словно сноп,
И в пояс тебе не поклонятся
братья-колосья.
За дерзкую ложь, за
гордыню пустых твоих снов,
На рабство в Египет ты
будешь отправлен, Иосиф.
Но милостью Яхве
становится явью твой сон.
Родню потеряв, чужеземцам
ты станешь находкой.
Египет тобою от голода
будет спасен,
И даст фараон тебе
пажити Нила на откуп.
Но, вспомнив однажды
пустыни неистовый зной.
Дым горький кострища и
запах овчарен забытый.
Во имя отца и на благо
отчизны родной
На братьев преступных не
будешь держать ты обиды.

Вместе с Иосифом читатель Ветхого завета покидает степи к востоку от земли Ханаан и оказывается в одной из великих держав древнего мира — в фараоновском Египте. История Иосифа, чудом избежавшего жестокости братьев, а затем коварства женщины и ставшего благодаря умению истолковывать сны вторым, после фараона, человеком в царстве, собственно говоря, не миф, а повесть или новелла, использующая выработанные израильтянами и их предшественниками приемы повествовательного искусства. Она призвана объяснить, каким образом часть евреев оказалась на территории Египта и жила там на протяжении нескольких сотен лет.

Перед нами законченный сюжет с цепью последовательно сменяющих друг друга эпизодов, с определенным местом действия каждого (степь, отцовский дом, дворец египетского сановника, тюрьма, дворец фараона и т. д.), с главными и второстепенными персонажами, каждый из которых выполняет возложенную на него задачу. Основной мотив повествования — спасение юноши, попавшего в тяжелые обстоятельства и при этом сохранившего честность и любовь к своим ничтожным, ограниченным братьям.

Выявляя особенности жанра на материале новелл об Иосифе, Ионе, Руфи, Эсфири, можно подметить следующую его особенность: речь идет о приключениях за пределами Израиля, а если в Израиле, то с обязательным участием

чужестранки. Обычно все эти истории имеют благоприятный исход. Параллелью библейским новеллам являются египетские рассказы — о Синухете, о мореходе, потерпевшем кораблекрушение, о взятии Яффы. Там также действие переносится на чужбину, но женщины в них, за редким исключением, не участвуют.

Этот жанр, независимо от того, возник ли он под чьим-либо влиянием или нет, был в библейской литературе новшеством, знаменующим интерес к человеческой личности, к ее переживаниям и страданиям. В круг жрецов и летописцев — регистраторов священных и светских событий — вступает повествователь, для которого события и факты, почерпнутые из устных преданий, народных песен и старых записей, — материал для создания образов.

Разумеется, эти новеллы не лишены религиозной идеи, их герои и героини выступают как спасители и спасительницы: Иосиф, попавший в рабство к египтянам, спасает свой род от голодной смерти; Эсфирь и Юдифь спасают народ от геноцида. Как правило, все они действуют на свой страх и риск, независимо от Яхве, который отступает здесь как действующее лицо на задний план. Впервые проявляются такие человеческие качества, как самопожертвование, героизм.

Повесть об Иосифе, как это становится особенно ясно из рассказов о благословении Иаковом сыновей, написана в то время, когда потомки этих сыновей, составившие двенадцать колен Израиля, уже владели страной Ханаан, играя в ней каждый свою роль. Из слов благословения, относящихся к Иуде, ясно, что потомки его — иудеи — уже успели занять господствующее положение среди племен Израиля, а это было при царе Давиде. Таким образом, перед нами — произведение, цель которого не только заинтересовать слушателя и читателя, но также и обосновать политическую идею.

Появление в Египте Иосифа по времени близко к вторжению в Египет из пустыни гиксосов и их поселению как раз в той части Египта, которая была отведена Иосифу и его братьям. Поэтому уже в древности и в новое время мало кто избежал соблазна отождествить евреев с гиксосами или представить их как народ, вторгшийся вместе с гиксосами. Но картина процветания единого египетского государства под властью могущественного фараона, рисуемая в повести об Иосифе, имеет мало общего с Египтом времени гиксосского владычества. И это вполне естественно, поскольку источником описаний быта и обычаев египтян для автора повести был Египет его времени. И хотя он однажды употребляет выражение «нагота земли египетской», оно относится к бедствиям от недорода, а не от вражеского вторжения.

Таким образом, не следует преувеличивать историзма повести об Иосифе. Если бы даже сохранился египетский документ с рассказом о человеке с этим именем, мы бы не узнали в нем библейского Иосифа, ибо последний является именно тем персонажем, который был нужен, чтобы удовлетворить самолюбие народа, создающего собственную государственность, но никогда не забывавшего о рабстве у египтян. Если народ находился в рабстве, то по крайней мере один его представитель, хотя бы инкогнито, был вторым лицом в государстве и во время его жизни народ благоденствовал. Таким образом, все, что касается возвышения Иосифа и его влияния в Египте, — это патриотическая легенда, и для ее понимания более важно время создания повести, а не эпоха гиксосов.

Любимец Иакова

Было у Иакова двенадцать сыновей. Более других он любил Иосифа{150}, сына своей старости. Видимым знаком этой любви был подаренный ему куттонот{151} из тонкой раскрашенной шерсти. Другие братья, ходившие в грубой домотканой одежде, возненавидели Иосифа и не могли говорить с ним спокойно. Непримиримая вражда к Иосифу, однако, началась в то утро, когда он рассказал им свой сон:

— Вот мы вяжем снопы посреди поля, и мой сноп поднялся прямо, ваши снопы обступили его и склонились перед ним{152}.

Зажглись глаза братьев мрачным блеском. «Неужели, — подумали они, — Иосиф будет властвовать над нами?»

Немного времени спустя Иосиф поведал братьям еще один сон:

— Мне поклонились Солнце, Луна и одиннадцать звезд.

Братья вовсе обозлились и стали обзывать Иосифа самыми обидными именами.

Услышал это Иаков-Израиль и, когда пришло время посылать сыновей пасти скот, отправил всех, кроме Иосифа.

Пасли сыновья Иакова скот близ Сихема, и долго не было от них вестей. Тогда отец сказал Иосифу:

— Пойди-ка взгляни, здоровы ли братья твои и цел ли скот.

И отправился Иосиф в Сихем, но не нашел там братьев своих. От человека, бродившего по полю, он узнал, что братья откочевали в Дотан{153}, и отправился туда.

Братья увидели Иосифа издалека и, прежде чем он приблизился, стали злоумышлять против него. Они сказали друг другу: «Вот идет этот сновидец. Пойдем убьем его, бросим в какой-нибудь колодец и скажем, что его растерзал хищный зверь. Посмотрим тогда, сбудутся ли его сны?!»

Один Рувим с этим не согласился:

— Не надо проливать крови, — сказал он. — Бросим его в какой-нибудь засохший колодец.

Рувим понимал, что ненависть братьев к Иосифу требует выхода, и надеялся, что ему в дальнейшем удастся освободить Иосифа и вернуть отцу. Сказав это, он удалился, чтобы не слышать криков и плача юноши.

Когда Иосиф подошел к братьям, они сорвали с него куттонот, а самого бросили в высохший колодец. Затем, сев в кружок, стали разрывать крепкими зубами припасенную пищу. В это время раздался звон колокольцев. Подняв глаза, братья увидели караван измаильтян, двигавшийся по дороге из Галаада. По распространявшемуся аромату они поняли, что измаильтяне везут благовония в Египет.

Тут Иуда сказал братьям своим:

— Что пользы, если мы убьем Иосифа, брата нашего. Давайте продадим его измаильтянам, чтобы не было на нас вины в его смерти.

Когда караван приблизился, братья вытянули Иосифа из колодца и продали его за двадцать сребреников.

Тогда возвратился Рувим. Увидев, что колодец пуст, он разорвал на себе одежды и стал кричать:

— Мальчика нет! Что мне делать? Куда идти?

Тем временем братья закалывали козла, чтобы вымазать его кровью куттонот Иосифа. Сделав это, они понесли куттонот отцу и сказали ему:

— Мы это нашли. Не одежда ли это Иосифа, брата нашего?

Узнал Иаков куттонот Иосифа. Разодрал одежды, посыпал пепел на голову свою и оплакивал сына много дней. Утешали Иакова все сыновья и дочери его, но он продолжал плакать, повторяя:

— В горе сойду я к сыну моему в преисподнюю.

Иосиф в доме Потифара

Эпизод с соблазнением Иосифа имеет, скорее всего, древнеегипетское происхождение. Клевета жены, не добившейся удовлетворения преступной страсти, присутствует в египетском мифе «О двух братьях».

Измаильтяне, прибыв в Египет, продали Иосифа Потифару — начальнику телохранителей фараона. По тонкому, одухотворенному лицу азиата Потифар понял, что перед ним не грубый пастух, а юноша, наделенный природным умом и сообразительностью. Оценка эта оправдалась в первые же месяцы службы Иосифа. Господин отдал на попечение молодому рабу свой дом со всеми слугами. Все было бы хорошо, если бы достоинства Иосифа одновременно не оценила и госпожа, решившая, что не эфиоп-носильщик, не голубоглазый ливиец-пастух, а красавец-бедуин должен заменить ей на супружеском ложе супруга, занятого важными государственными делами.

Иосиф делал вид, что не замечает бросаемых на него жадных взоров, не понимает подаваемых ему знаков. Тогда госпожа сказала ему без обиняков:

— Ложись со мною.

С достоинством поклонившись. Иосиф ответил:

— Господин передал в мои руки скот и рабов, но не тебя, досточтимая госпожа. Ибо ты ему жена. Как же я сделаю то, о чем ты говоришь!

Однако жена Потифара не унималась, и не было дня, чтобы она не склоняла его ко греху.

В один из дней, когда в покоях никого не было, развратница бросилась к Иосифу и схватила его за одежду, увлекая юношу к ложу. Оставив одежду в ее руках, Иосиф бежал.

Тогда госпожа подняла вопль и, когда появились слуги, показывая одежду Иосифа, объяснила им, что домоправитель напал на нее, чтобы надругаться.

Дождавшись мужа, она со слезами рассказала ему то же

самое, что слугам. Рассвирепев, Потифар приказал бросить Иосифа в темницу, где были заключены узники фараона.

Иосиф в темнице

Было во внешности Иосифа нечто такое, что выставляло его с лучшей стороны. Поэтому и начальник темницы, наблюдательный, как все люди его профессии, выделил молодого иври среди других узников, дал ему свободу в пределах своих владений. Обладая связкой ключей, Иосиф беспрепятственно входил в любую из камер и общался с их обитателями. Так он познакомился с двумя египтянами, ранее пользовавшимися благоволением фараона, но затем попавшими в немилость. Один из них начальствовал над виночерпиями дворца, другой — над пекарями его величества.

Однажды Иосиф застал их со скорбными лицами. На вопрос: «Как спалось?» — они ответили, что не сомкнули глаз большую часть ночи, ибо были напуганы непонятными снами.

— Поведайте мне ваши сны! — любезно предложил Иосиф. — На родине меня называли сновидцем.

— Мне снилось, — начал главный виночерпий, — что передо мной виноградная лоза с тремя голыми ветвями. Внезапно ветви выкинули листки, а затем и почки, превратившиеся в янтарные ягоды. В руках моих оказалась драгоценная чаша, из которой любит пить мой повелитель, да продлятся его годы. Я сорвал гроздь, сжал ее в кулаке над чашею и подал чашу повелителю.

— Возрадуйся! — сказал Иосиф виночерпию. — Тебя ждет царская милость. Три голых ветви — это три дня, по прошествии которых ты вернешься во дворец к прежней службе своей, ибо не нашел в тебе фараон вины. Когда прибудешь во дворец, скажи фараону, что я был украден из земли Иврим и здесь не совершил ничего дурного.

— Истолкуй и мой сон, — проговорил главный пекарь. — Вот я несу на голове три плетеные корзины со свежевыпеченным хлебом для моего повелителя. И вдруг на меня набросились птицы и стали клевать хлеб прямо с головы моей. И я не смог их отогнать.

По мере того как пекарь рассказывал свой сон, лицо Иосифа мрачнело, а когда тот закончил, прервалось дыхание его и из глаз хлынули слезы.

— Что же ты молчишь, приятель? — обратился пекарь к Иосифу. — В чем смысл моего сна?

— Приятно сообщать добрые вести, — молвил Иосиф, вытирая слезы. — Невыносимо быть вестником бед. Лучше бы ты

не рассказывал мне своего сна. Но если ты это сделал, знай правду. Через три дня фараон снимет с тебя голову и повесит ее на дереве. Птицы будут клевать твою плоть.

И случилось так, как предсказал Иосиф. На третий день фараон простил виночерпия, и вернул его ко двору, и принял чашу из его рук, а к пекарю послал палача.

Прошло еще два года, ничем не примечательных для Иосифа. Он по-прежнему находился в темнице. Не вспомнил начальник виночерпиев об Иосифе, забыл его.

Сны фараона

Через два года фараону привиделось во сне: стоит он у Нила и видит, как выходят одна за другой семь прекрасных на вид и тучных коров и пасутся в тростниках. И вот вслед за ними на берег поднимаются семь безобразных, тощих коров и становятся рядом с коровами-красавицами. Затем семь безобразных и тощих съели семерых прекрасных на вид, тучных животных. После чего фараон от страха проснулся. Когда он вновь заснул, то увидел, как на одном стебле внезапно поднялось семь колосьев, полных и красивых. Затем выросло семь тощих, обожженных восточным ветром колосьев, и последние колосья поглотили первых. Пробудившись, фараон подумал, что такой сон должен иметь смысл, и смутился его дух. Приказал он собрать предсказателей и мудрецов со всего Египта. Рассказал он им свои сны, но ни один из них не мог объяснить их смысл.

Тогда сказал начальник виночерпиев фараону:

— Ныне вспоминаю я о своих прегрешениях. Когда фараон прогневался на своих слуг, он отправил меня и старшего пекаря под стражу в дом начальника телохранителей. И приснились нам обоим в одну ночь разные сны. Там был молодой слуга начальника телохранителей. Мы рассказали ему свои сны, и он истолковал их. И точно исполнилось нам предсказанное. Я был возвращен на свое место, а старший пекарь — повешен.

И послал фараон за Иосифом, и его поспешно вывели из ямы. Узник подстригся, переменил одежду и пришел во дворец. И сказал фараон:

— У меня был сон. Никто не мог его истолковать. Я слышал о тебе, что ты умеешь толковать сны.

— Нет, не я, мой Бог даст ответ тебе на благо, — сказал Иосиф.

После того фараон рассказал Иосифу свои сны.

Выслушав, Иосиф сказал:

— Два твоих сна — один сон. И я возвещу тебе только то, что

желает свершить Бог. Семь прекрасных коров — это семь лет, и семь полных колосьев — это те же семь лет. Семь тощих, ужасных коров, которые вышли вслед за первыми, — это семь других лет, и семь пустых, высушенных восточным ветром колосьев, — те же семь других лет. Бог показал фараону, что наступят на всей земле Египетской семь лет великого изобилия. Но за ними придут семь голодных лет. И забудется благоденствие Египта, ибо голод, который последует, будет очень тяжек. То же, что сон повторился дважды, означает, что Бог тверд в своем решении и оно вскоре исполнится. Пусть фараон поставит над Египтом мужа разумного и мудрого. И пусть выбранные им сборщики собирают в семь лет изобилия пятую часть урожая земли Египетской и это великое зерно отдадут в города под наблюдение фараона. Это будет запасом на семь голодных лет. И не сгинет земля Египетская!

Иосиф — повелитель Египта и его спаситель

Пришлась речь Иосифа по душе фараону. Понравилась она всем его слугам. И изрек фараон: «Найдем ли мы другого человека, в котором был бы Дух Бога, как в этом?»

И сказал фараон Иосифу:

— Так как Бог открыл тебе все это, то нет никого, кто был бы так разумен и мудр, как ты. Поэтому ты будешь стоять над моим домом. И весь народ будет управляться по слову твоему. Я буду выше тебя лишь троном.

Фараон снял с пальца перстень с печатью и, передавая его Иосифу, сказал:

— Этим я ставлю тебя над всею землею Египетской.

После того фараон приказал облачить Иосифа в одеяние из тонкого льна и возложил ему на шею золотую цепь. И повелел он везти его на второй из своих колесниц через всю страну. И возглашали перед ним: «Аврейх!» («На колени!»)

Затем он возвратил Иосифа во дворец и сказал ему:

— Я — фараон, но без твоей воли никто во всем Египте не пошевелит ни ногой, ни рукой.

После этого Иосифу было пожаловано имя Цафенат-Панэйах{154}. Ему была дана в жены Асенат{155}, дочь Потифера, жреца города Она{156}. Так обрел Иосиф полную власть над всей страной. А было ему тогда, когда он предстал перед фараоном, тридцать лет.

И наступили семь лет изобилия, о которых предвещали сны фараона, истолкованные Иосифом. От каждого зернышка произвела неистощимая Египетская земля горсть полновесных зерен. Иосиф с помощью выделенных ему людей собрал весь

урожай и пятую его часть заложил в царские амбары во всех египетских городах от порогов Нила до его устья. Амбары ломились от хлеба.

Тогда же, еще до наступления голодных лет, Асенат, дочь Потифера, жреца Она, подарила Иосифу двух сыновей. Первенцу Иосиф дал имя Манаше{157}, сказав: «Бог дал мне забыть все муки мои и весь дом отца моего». А другому — Эфраим{158}, сказав: «Бог сделал меня плодовитым в земле страдания моего».

За семью плодородными годами пришли семь пустых лет. Нил едва вышел из берегов. Брошенные в землю семена, хотя и взросли, не вышли в колос. Тысячи египтян покинули села и ринулись в столицу, моля фараона о хлебе. Фараон же сказал:

— Идите к Цафенат-Панэйаху!

Тогда-то Иосиф открыл амбары, чтобы продать хлеб и накормить голодных.

Братья Иосифа в Египте

Встреча Иосифа с братьями после его продажи в Египет — пик семейной трагедии, но еще не развязка. Исполнилось предсказание, данное Иосифу во сне. Да, он сноп, перед которым склонились другие снопы. Да, он звезда, перед которой преклонились другие звезды. Но пока это известно ему одному. Братья еще не осознали свою вину, между ними нет Вениамина, не причастного к преступлению. Еще Иаков не знает, что Иосиф жив. Действие продолжается на этот раз по сценарию Иосифа.

От недорода страдали не только египтяне, но и люди страны Ханаан, а также те, кто рядом с нею. Когда у Иакова иссякли запасы хлеба, он призвал к себе сыновей и сказал им:

— Возьмите серебро и поспешите в Египет, чтобы не умереть. Вениамин же, мой младший, пусть останется со мной, чтобы с ним не случилось несчастья.

И заполнили сыновья Иакова мешки серебром, навьючили ими ослов и двинулись дорогой, проторенной годами, протоптанной тысячелетиями, в Египет, в самую богатую и могущественную страну тогдашнего мира. Дождавшись приема у знатного вельможи, ведавшего продовольствием, братья бросились ему в ноги, умоляя, чтобы им продали хлеба.

Не признали они брата, восседавшего на высоком сиденье в пышном одеянии царедворца, а он узнал их с первого взгляда, и сердце, вспомнив причиненное зло, вскипело от гнева.

— Вы — соглядатаи! — сурово обратился он к ним. — Вы пришли, чтобы высмотреть наготу этой земли.

— Нет, господин! — ответили братья. — Мы не соглядатаи, а честные люди. Отец послал нас в Египет, чтобы купить зерна. Было всего нас двенадцать. Один младший остался с отцом. Был еще один, но он пропал.

Эти слова почему-то вызвали у вельможи еще большую ярость. Он крикнул стражей, и братьев повели в темницу. Там у них было предостаточно времени, чтобы поразмыслить о своей судьбе.

— За что нас карает Бог Авраама? — вопрошал один из братьев, ломая руки. — За что он преследует нас?

— Будто не знаешь! — отозвался Рувим. — Вспомни, как вы бросили Иосифа в яму, как он плакал и умолял о пощаде. Смягчились ли ваши сердца? Вот за это с нас взыскивается.

Через три дня Иосиф вызвал к себе братьев и объявил им свое решение:

— Вот как я узнаю, честные ли вы люди. Оставьте одного из вас у меня, а сами идите и отнесите хлеб семьям вашим. А младшего брата, о котором говорили, приведете, чтобы оправдаться.

Так сказал Иосиф. На самом деле он просто хотел видеть Вениамина, единоутробного брата. Сердце его истосковалось по нему.

И снова братья затараторили, размахивая руками и перебивая друг друга. И вновь вмешался Рувим, напомнив о судьбе Иосифа. И не знали они, что вельможа понимает их язык. И не догадались, почему после слов Рувима он поспешно удалился и оставил их одних. И никто в доме не видел, что Иосиф обливается слезами.

Вернувшись, вельможа приказал продать пришельцам хлеб за серебро, и сам, видимо продолжая не доверять пришельцам, проследил, как им заполняли мешки.

Возвращение

Оставив в Египте Семиона (Шимона), братья взвалили мешки на ослов и поторопились в Ханаан, к отцу и семьям своим.

Перед ночлегом в пути один из братьев открыл мешок свой, чтобы дать корма ослу, и при лунном свете блеснуло серебро. И сказал он братьям своим:

— Серебро мое возвращено. Вот оно в мешке у меня.

И смутились их сердца. Переглянувшись, они заголосили:

— Что это Бог сделал с нами! Мы честные люди! Мы отдали серебро и не знали, что оно возвратилось к нам.

И вернулись они к шатрам Иакова в страну Ханаан, и рассказали отцу обо всем, что случилось в Египте, и о начальнике той земли, и о его требовании оставить одного из братьев, и о странном желании увидеть Вениамина, а также о том, что в мешке каждого оказалось серебро, отданное ими за хлеб. Показали они это серебро отцу, и он удивился не меньше, чем

они.

— О, бог Авраама и Исаака! — простонал Иаков. — Взгляни, что они со мною делают. Нет Иосифа, нет Семиона, и Вениамина взять хотят!

И сказал Рувим Иакову:

— Убей двух моих сыновей, если я не верну тебе Вениамина.

— Нет! — сказал Иаков. — Не пойдет мой сын с вами. Если с ним что случится, сведете вы меня в могилу.

Голод давил землю. Хлеб, привезенный из Египта, был съеден. Тогда Иуда обратился к Иакову:

— Тот человек высказался настойчиво: «Если с вами не будет младшего брата, можете вовсе не являться». Если ты пошлешь с нами брата, мы готовы отправиться в Египет, мы вновь привезем еды.

— Зачем вы вообще сказали, что у вас есть брат? — спросил Иаков.

— Но тот человек расспрашивал нас о нашей родне, — сказали братья. — Жив ли у нас отец? Есть ли у нас еще братья? Так что мы должны были ответить. Мы же не знали, что он скажет: «Приведите своего брата».

— Отпусти своего сына с нами! — сказал Иуда. — Ведь мы идем, чтобы не умереть ни нам, ни нашим детям. Я ручаюсь за него. Ты получишь его из моих рук. Если бы мы не медлили, то давно могли бы вернуться с хлебом дважды.

— Если так, то идите! — сказал Иаков. — Захватите с собою плодов этой земли. Отнесите тому человеку немного бальзама и меда, благовонной смолы, орехов и миндаля, серебра же захватите вдвое более прежнего. Возможно, к вам вернулось серебро по оплошности. И пусть с вами идет брат ваш. Пусть даст вам Бог всемогущий милость у этого человека, и будут отпущены и Семион и Вениамин. Если же мне суждено быть бездетным, пусть так и будет.

Снова в Египте

Центральное место в этом эпизоде занимает пир, который свел братьев за одним столом, но еще оставил их чуждыми друг другу. По вине братьев Иосиф перестал быть евреем, приняв обычаи чуждой им страны. И даже вино, которое наливалось из одного кувшина, только разгорячило их, но не разрушило разделявшую их преграду.

Взяли братья Иосифа из рук отца своего дары и вместе с Вениамином отправились в Египет.

Иосиф, увидев Вениамина с братьями, сказал дворецкому:

— Введи этих людей в дом, заколи скот и приготовь пищу, потому что эти люди в полдень будут обедать у меня.

И сделал дворецкий то, что ему было сказано, и ввел пришельцев в дом Иосифа.

Когда за братьями закрылись ворота, испугались они и кто-то из них сказал:

— Нас впустили из-за того серебра, которое мы заплатили за хлеб, и оно оказалось в наших мешках. Сейчас на нас нападут, возьмут в рабство и захватят наших ослов.

И обратились они к дворецкому:

— Послушай, господин наш. Мы уже здесь были, чтобы купить провизию. По дороге домой мы открыли наши мешки и обнаружили в них серебро, заплаченное за хлеб. Мы не знаем, как оно там оказалось. Прими его из наших рук.

Дворецкий их успокоил:

— Все хорошо! Не бойтесь! Ваш Бог и Бог отца вашего вернул вам ваше серебро.

После этого он вывел к ним Семиона, дал им воды для омовения, задал корм их ослам. Они же приготовили свои дары и ожидали полудня, ибо слышали, что царедворец возвращается обычно в это время.

Когда вернулся Иосиф, они внесли в дом дары, бывшие у них, и поклонились ему до земли.

Он же, поприветствовав их, справился о здоровье их отца.

— Здоров слуга твой, наш отец. Он еще жив.

При этом они вновь поклонились, пав ниц.

Иосиф же поднял глаза, обратив их на Вениамина, сына своей матери, и сказал:

— Так это тот младший брат, о котором вы мне говорили?

И добавил:

— Да будет с тобой милость Божья, сын мой.

Потом он быстро покинул зал, ибо сердце его было взволновано при виде брата. Он удалился во внутреннее помещение и там плакал. После того он омыл лицо, взял себя в руки, вернулся и приказал:

— Накройте на стол!

Ему принесли его еду, а братьям другую и отдельно приносили египтянам, ибо египтяне не могут есть вместе с евреями. Их пища для египтян мерзостна.

И так они оказались перед ним: первородный по своему первородству, младший по своему возрасту.

Иосиф же посылал им кушанья, также из числа тех, что подавали ему. Вениамину же досталось впятеро больше, чем другим. И пили они, и разгорячились от доброго вина.

Развязка

Наутро братья и их ослы были отпущены.

Когда же братья вышли из города, Иосиф послал им вдогонку воинов, чтобы учинить обыск.

Удивились братья, увидав воинов, объявивших, что у их господина пропала дорогая серебряная чаша, и никто, кроме них, не мог ее взять.

— Мы — честные люди! — возмущенно проговорил Рувим. — Никогда наша рука не поднималась на чужое. Можете нас обыскать. Если пропажа найдется, мы все станем рабами господина, а похитителя выдадим на казнь.

И совсем растерялись братья, когда чаша была извлечена из вещей Вениамина и воины схватили его, чтобы вернуть в Египет. Не решаясь оставить брата, они все пришли к Иосифу и, упав ниц, стали умолять даровать Вениамину жизнь. Но царедворец настаивал на том, чтобы виновный понес наказание. Тогда Иуда предложил себя в залог с тем, чтобы вернули Вениамина, ибо его смерти не вынесет престарелый отец.

Иосиф, с трудом сдерживая рыдания, приказал слугам и воинам удалиться и, оставшись с братьями наедине, открылся им:

— Я — Иосиф, брат ваш.

Услышав это, братья настолько испугались, что онемели и не могли слова вымолвить. Иосиф пожалел их.

— Не терзайтесь, что продали меня сюда, — успокаивал он их. — Бог Авраама и Исаака не допустил бы моей погибели, зная, что вам будет угрожать голод. Остается еще пять лет из числа тех семи, когда земля не будет родить. Идите к нашему отцу и передайте ему, чтобы он немедленно пришел и поселился в земле Гесем, близ меня со всем, что имеет.

Фараон же распорядился, чтобы выделил Иосиф братьям колесницы для жен и детей их и дал пищу в путь. И дал им Иосиф колесницы, и путевой запас, и по перемене одежды каждому. Вениамину же — пять перемен одежд и в придачу триста сребреников. А отцу он послал десять ослов, навьюченных лучшим из того, что производилось в Египте, и еще десять ослиц, навьюченных зерном, хлебом и другими припасами.

В Египет

И отправился Иаков со всем, что ему принадлежало, в Египет. Пришел он в Вирсавию и принес там жертву Богу отца своего Исаака. И явился Бог Иакову в ночном видении, и сказал:

— Иаков! Иаков!

— Вот я! — отозвался Иаков.

После этого он услышал:

— Я — Бог, Бог твоего отца. Не бойся идти в Египет. Я хочу сделать тебя там великим народом. Я поведу тебя в Египет и выведу тебя оттуда. Когда настанет время, Иосиф закроет твои глаза.

После этого Иаков покинул Вирсавию. Подняли сыновья Иакова отца своего, детей и жен на колесницы, посланные фараоном.

И взяли они скот свой и имущество свое, которое приобрели в стране Ханаан, и пришли в Египет. Всех душ, пришедших в Египет вместе с Иаковом, было шестьдесят шесть.

Иосиф запряг свою колесницу, и выехал навстречу отцу своему в Гесем (Гошэн), и увидел его, и обнял его, и долго плакал, не отпуская.

Мешая слова со слезами, сказал он:

— Наконец мы вместе.

Иаков же ответил:

— Увидев тебя, сын мой, я могу умереть.

— Теперь я пойду к фараону, — сказал Иосиф. — Объясню я ему, что братья мои и дом отца моего пришли ко мне вместе со своим скотом и всем, что у них есть.

Прием у фараона

Поселение семьи Иосифа в Египте должно было получить санкцию фараона, и тот согласился принять родню царедворца. Чтобы не ставить отца, не повинного в его бедствиях, наравне с братьями, продавшими его в рабство, Иосиф устроил отцу отдельную аудиенцию фараона. Иаков может не кланяться фараону и как человек почтенного возраста благословляет его. Интересен ответ Иакова на вопрос фараона о возрасте. Старец не просто называет число прожитых им лет, но говорит о жизни более суровой и краткой, чем у патриархов первого и второго поколений. В этом ответе сказывается вполне определенная концепция постепенного ухудшения жизни, которая в греческой мифологии отразилась в мифе о четырех возрастах человечества. Авраам — это золотой век, Исаак — серебряный, Иаков — бронзовый. Читатель и слушатель подготавливаются к тому, что худшее впереди.

И принял фараон пятерых сыновей Иакова, которых выбрал для этого Иосиф, позволив им лицезреть себя во всем своем величии и великолепии. Иосиф стоял рядом со сверкающим золотом и драгоценными камнями троном, так что, склоняясь перед фараоном, братья склонялись и перед ним.

Когда посетители, ошеломленные царской роскошью, обрели слух и зрение, фараон милостиво вступил с ними в беседу, поинтересовавшись, чем они занимались у себя на родине.

— Мы — скотоводы{159}, — ответили братья в один голос. — Мы и наши предки. Мы явились, чтобы поселиться в стране твоей, ибо нам, рабам твоим, негде пасти скот. В земле Ханаанской голод и бескормица.

Выслушав это, фараон повернулся к Иосифу:

— Вот видишь, явились отец твой и братья твои к тебе. Расстилается перед тобою вся земля Египетская. Посели же отца и братьев на лучшем месте. Пусть они обитают в земле Гошэн. И, если ты найдешь, что между ними имеются способные люди, поставь их смотрителями над моими стадами.

После этих слов братья, низко кланяясь фараону, удалились, и Иосиф впустил своего отца и подвел его к трону.

— Сколько лет жизни твоей? — спросил фараон у старца.

— Лет моих странствия сто тридцать! — ответил Иаков. — Коротки они и суровы. Не достигли они лет жизни моего отца в днях его странствия.

После этого Иаков благословил фараона и покинул его. Иосиф же дал отцу своему, и братьям своим, и домочадцам собственное владение в Египетской земле, в лучшей части страны, как повелел фараон. Находились они на его содержании, получая хлеб по потребности.

Иосиф и земельная реформа в Египте

С этим отрывком в повествование об истории израильтян входит экскурс в историкоправовую сферу Египта. Повествователь обратил внимание на то, что отличало отношения собственности в Египте и в стране Ханаан. В Египте вся земля считалась собственностью фараона, и за пользование ею все, кроме жрецов, находившихся на особом положении, должны были отдавать пятую часть урожая. В соответствии с мышлением своего времени, наблюдатель не допускал, что сложившийся порядок — результат многовековой эволюции. Единовременная земельная реформа, превратившая египтян в рабов фараона (из других источников известно, что им приписывались сверху и сроки сева, и выбор сельскохозяйственных культур), была приписана одному человеку, чужестранцу на египетской службе.

Между тем у египтян кончился хлеб. Голод усиливался. Разорена была земля Египетская, но и оскудела также и земля Ханаанская, кормившаяся египетским хлебом. Иосиф же собрал в уплату за хлеб из царских амбаров все серебро, какое имелось у подданных фараона, и внес его во дворец. И хотя в царских амбарах хлеб еще не иссяк, народу было не на что его покупать.

Египтяне явились к Иосифу, чтобы сказать:

— Дай нам хлеб! Не умирать же нам от того, что у нас вышло серебро?!

— Вы будете жить, — сказал Иосиф, — если приведете ваш скот.

И привели египтяне своих лошадей{160}, стада мелкого и крупного скота, а также ослов. За это открыл им Иосиф закрома на целый год.

По наступлении нового года явились египтяне к Иосифу и вновь попросили у него хлеба, объяснив, что у них не осталось ни

серебра, ни скота, чтобы за него расплатиться.

— Не погибать же нам перед твоими глазами! — закончили они свой рассказ. — Возьми нас и земли наши за хлеб. Дай нам семян, чтобы вовсе не захирела земля Египетская.

И выкупил Иосиф всю землю, находившуюся во владении отдельных лиц, для фараона. С этого времени фараон стал обладателем всей земли в Египте. Но ему не принадлежали земли храмов, потому что жрецам за молитвы богам выдавались участки на кормление, которые запрещалось продавать.

После этого сказал Иосиф народу египетскому:

— Вот вам семена. Засевайте землю. От хлеба, который вырастите и соберете, будете отдавать фараону пятую часть, оставляя четыре части на пропитание себе, и детям вашим, и домочадцам, и на засев поля.

И сказали египтяне Иосифу:

— Ты спас нашу жизнь. Да обретем мы милость перед лицом твоего господина, будем его рабами.

И установил Иосиф земельный закон, который действует до сих пор{161}. Земля в Египте, кроме той, что у жрецов, принадлежит фараону, и за пользование ею вносится пятая часть урожая.

Смерть Иакова

По прошествии семнадцати лет жизни в земле Гошен Иаков почувствовал, что истекает срок его земного странствия. Призвал он первым к себе Иосифа и попросил его поклясться, что не предаст он тела его чужой земле, но перенесет туда, где погребены отец и дед. И принес клятву Иосиф, что выполнит эту просьбу.

И благословил Иаков детей Иосифа, рожденных в Египте, и предрек им потомство многочисленное. А затем попросил подойти остальных сыновей своих, и каждому возвестил их будущее, и каждому из двенадцати колен дал свое благословение.

Окончив говорить, он поднял ноги свои на постель и скончался, присоединившись к предкам.

И упал Иосиф на лицо отца своего, и плакал над ним, и целовал его. После этого он приказал набальзамировать тело Иакова. На это ушло сорок дней. Все оплакивание длилось семьдесят дней. Когда прошли эти дни, явился Иосиф к фараону и поведал ему о предсмертной просьбе отца. И разрешил фараон отвезти прах отца Иосифа в страну Ханаан. И дал Иосифу колесниц, всадников и множество слуг своих. Иосиф шел за саркофагом отца, и прошлое возвращалось к нему то сладковатым

запахом кизяка, то заунывным воем шакалов. Песок набивался в сандалии. Наклоняясь, чтобы его высыпать, Иосиф невольно кланялся пустыне, давшей жизнь отцам и праотцам и взявшей их в свои сыпучие холмы. Иногда ветер взметал песчаный вихрь, и тогда слышались голоса их душ. Египет, воздвигая гробницы из вечного камня, сохраняя бренную плоть с помощью соды и благовонных масел, создал культ вечности. Но это самообман. Вечен ветер, превращающий и твердый камень в песок и пыль. Вечна пустыня, наступающая на обработанные поля и приобщающая их к своему одиночеству. Вечен Бог, имени которого никто не знает. Бог пустыни, которому поклонялся отец, брезгливо отворачивавшийся от кумиров с песьими и крокодильими мордами. Пока сохранится вера в Бога Авраама, Исаака и Иакова, их потомки останутся жить в памяти пустыни и порыв горячего ветра будет доносить их имена.

Дойдя до Горэн Аатад, что по ту сторону Иордана, плакали там сопровождающие тело великим и горестным плачем. И длился он семь дней. Хананеи, люди той страны, наблюдая это, сказали: «Велика у египтян скорбь». Поэтому называется это место «Плач египтян за Иорданом».

После того отнесли тело Иакова в землю Ханаанскую и погребли в пещере, которую Авраам приобрел вместе с полем у хеттеянина Эфрона.

После похорон Иосиф, его братья и все их сопровождавшие возвратились в Египет. Братья продолжали трепетать перед Иосифом, полагая, что он ненавидит их и откладывал месть из-за отца. Поэтому они отправили к Иосифу человека со словами: «Отец перед смертью просил передать, чтобы ты простил нашу вину, наш грех. Так выполни же его волю».

Услышав это, Иосиф заплакал:

— Не Бог я, чтобы карать и миловать, — объяснил он братьям. — Но можете не бояться меня, ибо ведомо мне, что Бог обратил ваше зло в добро. Спасая от смерти меня, он сохранил жизнь народу моему.

И жил Иосиф в Египте еще много лет. И увидел он внуков и правнуков. Умирая, он призвал все семейство свое и сказал:

— Вот я умираю, но Бог посетит вас и выведет из этой земли в землю, о которой клялся Аврааму, Исааку и Иакову.

И взял он с них клятву вынести его кости из этой страны.

И умер Иосиф ста десяти лет. И набальзамировали египтяне его тело, и положили в саркофаг, по египетскому обычаю.

Исход

Этой ночью в пустыне безбрежной
Заметала буря следы.
И впервые пробилась надежда,
Словно в камне струйка воды.
К ней иссохшим ртом припадая,
Клятву верности дал пророк.
Так впервые явился Бог
В раскаленных песках Синая.

Книга Исход является ключевой для понимания тех изменений, которые переживали израильские племена на пути от почитания родоплеменных богов Авраама, Исаака, Иакова к яхвизму как вере в единого бога — покровителя избранного народа. Именно в этой книге Яхве впервые заявляет о себе израильтянам: «Я Яхве, ваш Бог, который вывел вас из Египта» (Исх. 6:7) — и с чрезмерностью новичка демонстрирует свое могущество перед фараоном. Здесь он дает свои заповеди и законы и выматывает избранный народ испытаниями в пустыне. Главный персонаж книги Исход — пророк Моисей — стоит на рубеже двух исторических эпох и, подобно Янусу, обладает двумя лицами. Одно из них обращено в кочевое, патриархальное прошлое еврейских племен, другое — в его государственное будущее. Сын осевшего на границах Египта кочевника, он, благодаря стечению обстоятельств, занимает, если верить легенде, выдающееся положение в фараоновском Египте и пользуется преимуществами многовековой культуры, но, жертвуя ими, возвращает народ из египетского рабства в исходную кочевую среду.

Моисей — не народный вождь, увлекающий своим красноречием угнетенных, как поступали полулегендарные римские народные трибуны. Ветхий завет наделяет Моисея косноязычием и делает его рупором брата Аарона. Он не военный предводитель. В минуты военной опасности Моисей оказывается способным лишь на молитву. Даже идея разделения народа на отряды принадлежит не Моисею, а его тестю Иофору. Моисей — вероучитель, идущий за Богом. Его пробуждает от сорокалетней спячки Бог, призывающий спасти свой народ и обещающий ему землю обетованную. Моисей колеблется, сомневаясь в том, что народ пойдет за ним. И только после того, как Бог в Египте показывает свое могущество, Моисей превращается в народного вождя.

Эллинизированные еврейские писатели, пытаясь определить место Моисея во всемирной истории, сравнивали его с Ликургом и Солоном. Это сопоставление учитывало лишь одну, хотя и важную, сторону деятельности Моисея — законодательную. Но Моисей принадлежит к иной эпохе, чем законодатели Греции. В нем больше общего с другим законодателем — критским царем Миносом, также удалявшимся на священную гору, чтобы «в девятилетие раз общаться с великим Зевесом». Примечательно, что Яхве, призывающий Моисея на гору Синай, выступает, подобно Зевсу, как повелитель молний. Моисей и Минос — законодатели одной исторической эпохи, к которой принадлежал и вавилонский

царь Хаммурапи — автор кодекса законов.

Моисей — эпический герой с трагической судьбой. Он жертвует всем, чтобы вывести свой народ из рабства и привести его, преодолевая невероятные препятствия, в страну обетованную. Но ему не дано самому переступить желанный рубеж. Пустыня для его народа равнозначна тому, чем для греков было море. Моисей, подобно Одиссею, — герой-скиталец, сталкивающийся не только с внешними препятствиями, но и с предательством своих спутников. Они, выведенные им из Египта, делают все, чтобы скитания были более долгими и мучительными. Для обуздания команды своего пустынного корабля Моисей проявляет ту же железную волю, что и Одиссей, не останавливаясь перед самыми суровыми мерами. Моисей, так же как и Одиссей, стремится к той земле, которую населяли его предки. Но эта земля не связана для него ни с какими личными воспоминаниями. Она рисуется ему чертами гомеровского элизиума и ветхозаветного эдема.

Выросший во дворце фараона, Моисей мог быть обучен египетским иероглифам, но за долгие годы жизни в шатрах с бедуинами ветер пустыни должен был очистить его память от чуждой еврейскому народу письменной премудрости. Поэтому, даже не принимая в расчет доводов критиков против приписываемого Библией Моисею авторства первых пяти книг Ветхого завета, мы должны будем отвергнуть его с порога. Но все же почему еврейские книжники видели в Моисее, вопреки его биографии, создателя ядра Ветхого завета? Потому ли, что это была первая значительная личность в еврейской истории? Или, может быть, в Пятикнижии имелось нечто, что говорило об ее авторе как о человеке, знакомом с египетскими премудростями? На последнее предположение наталкивает необычайная близость рассказа о сотворении мира к гермиопольской космологии. Таким образом, повесть о Моисее, подобно рассказу об Иосифе, должна была принадлежать людям, хорошо знакомым с египетской литературой. Это должны были быть разные люди, может быть, современники, но обладавшие различным темпераментом, способностями и видением мира. Автор рассказа об Иосифе был человеком, склонным к сентиментальности, автор книги Исход — суровым человеком, отягощенным ненавистью к египтянам, но не лишенным поэтичности.

Значительная часть книги Исход — это рассказ о пустыне, пролегающей между рабством и свободой, между нищетой и благосостоянием, между Египтом и страной обетованной. Яхве — проводник через пустыню, самый странный из проводников. Он заставляет обходить дороги, углубляться в глушь, описывать круги. Но это неудивительно. Ведь Яхве той поры — это знойный ветер пустыни, дующий, куда ему заблагорассудится, превращая пески в свиток и выписывая на нем загадочные узоры.

Спасение Моисея

Минуло более четырехсот лет после кончины Иосифа, сына Иакова. Египтом правили новые фараоны, не помнившие о чужеземце, спасшем их страну от голода. Пребывание сыновей Израиля по соседству с Нилом стало внушать египтянам опасения. Один из фараонов призвал приближенных и обратился к ним со следующими словами:

— Народ Израиля расплодился и размножился. Наполнилась им земля Гошэн, как сыпучим песком, занесенным с пустыни. Надо ослабить этот размножившийся народ. Оторвите же пришельцев от стад. Поставьте над ними надсмотрщиков, чтобы жизнь их стала горькой, трудом тяжелым над глиною, над кирпичами, на поле, на рудниках.

И изнуряли народ работами. И построил он два города для царских припасов — Питом и Раамсес.

Несмотря на эти меры Израиль не уменьшался в числе. Поэтому фараон призвал повивальных бабок, наказав им умерщвлять при родах всех младенцев мужского пола. Из страха перед Богом не выполнили бабки этого приказа, и Израиль продолжал увеличиваться в числе. Тогда фараон призвал к себе повивальных бабок, чтобы спросить с них.

Оправдываясь перед фараоном, бабки сказали:

— Женщины Израиля, в отличие от египетских, настолько здоровы, что рожают сами, до того, как мы к ним приходим.

И отпустил фараон бабок, замыслив по-иному ослабить чужеземцев. Повелел он воинам обходить шатры, отнимать у матерей новорожденных мальчиков и бросать их в реку. И пошел стон по земле Гошэн.

Одна из жен племени Левия, уже имевшая сына Аарона{162} и дочь Мариам{163}, родила мальчика. Поскольку он был прекрасен на вид, мать прятала его в шатре три месяца. Когда же воины фараона стали обходить шатры, она взяла корзинку из тростника, осмолила ее и, положив туда младенца, поставила в камыши на берегу реки. А дочь ее Мариам спряталась, чтобы наблюдать{164}.

На следующее утро вышла дочь фараона к Нилу омыться, а рабыни ее ходили по берегу, чтобы никто не увидел наготы царской дочери. Вдруг они услышали плач и по нему отыскали корзину. Царевна открыла ее и сказала рабыням:

— Этот младенец из детей иврим, которых уничтожают по приказу отца моего.

И тут подошла Мариам и спросила:

— Не привести ли мне кормилицу-ивриотку, чтобы она дала младенцу грудь?

— Приведи! — молвила царевна.

И когда явилась мать Мариам, дочь фараона сказала:

— Возьми этого младенца и вскорми его для меня.

Через несколько лет, когда мальчик вырос, кормилица принесла его к дочери фараона. И был он у нее вместо сына. Дано было ему имя Моисей (Моше), потому, как говорила царевна, что он вынут из воды{165}.

Бегство

Прошло еще несколько лет. Однажды, гуляя там, где лепили кирпичи, Моисей увидел тяжкие работы братьев своих. В другой раз Моисей увидел, как египтянин бьет его соплеменника. Вскипело сердце Моисея. Он убил египтянина и зарыл его тело в

песке. Слух об этом вскоре распространился среди египтян и израильтян. Опасаясь за жизнь, Моисей бежал в пустыню, где кочевало племя мидианитян.

Сел он у колодца, наблюдая, как семь девушек, наполнив лохани водой, поят овец. Были эти девушки дочерями жреца Иофора — священника мидианитян. Вдруг откуда ни возьмись — ватага пастухов. Оттолкнув овец Иофора, они стали поить своих. Разметал Моисей грубиянов, и девушки побежали домой, чтобы рассказать о египтянине, их защитившем.

— Почему же вы оставили этого человека?! — сказал Иофор. — Позовите его. Пусть он поест у нас хлеба.

Так оказался Моисей в шатре жреца и вскоре породнился с ним. Отдал жрец Моисею дочь свою Циппору. Был у нее от Моисея сын Гиршом, названный так потому, что Моисей пришельцем явился в ту страну.

Призвание Моисея

Шло время, и каждый год напоминал другой, ибо в жизни Моисея ничего не менялось. Он помогал тестю по хозяйству и пас его овец. И не знал Моисей, что умер фараон, в доме которого он вырос, не ведал, что новый фараон по отношению к Израилю был еще хуже прежнего, что стон израильтян поднялся до самого неба, так что, услышав его, вспомнил Бог свой завет с Авраамом, Исааком и Иаковом.

Как-то Моисей пас овец у подножья горы Хорив, которую мидианитяне назвали Божьей горой. И видит он — из тернового куста поднялось пламя. Подошел он ближе, чтобы понять, почему куст горит огнем, не сгорая.

Из куста послышалось:

— Моисей, Моисей, это ты?

— Да, я, — выдавил из себя Моисей, приближаясь к кусту.

— Не подходи! — продолжал голос. — Место, на котором ты стоишь, священно. Сними обувь с ног своих!

Сделал Моисей, как было ему приказано.

— Я — Бог отца твоего, — послышалось из тернового куста. — Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова.

При этих словах Моисей закрыл лицо руками, потому что боялся увидеть Бога.

— Я узрел, — вещал Бог, — бедствия народа моего в Египте и услышал его вопль, заполнивший небо. Я иду избавить его от египтян и вывести из этой земли в землю хорошую и просторную, текущую молоком и медом. Повелеваю я тебе: иди к фараону и выведи народ мой из Египта.

— Как же я это сделаю? — усомнился Моисей. — Кто я такой, чтобы идти к фараону? Послушает ли он меня?

— Иди! Я буду с тобою! — сказал Бог. — И вот тебе знамение: при выходе из Египта вы совершите мне служение на этой горе.

— Но вот я приду к сынам Израиля, — не унимался Моисей, — и скажу им: «Бог отцов ваших послал меня к вам», а они спросят: «Как имя Бога, который тебя послал?»

— Скажешь так: «Говорит Бог отцов ваших. Бог Авраама, Исаака и Иакова. Я есть тот, кто я есть»{166}. А затем соберешь старейшин и передашь им, что вечносущий Бог отцов их, Бог Авраама, Исаака и Иакова, повелел повиноваться тебе, его посланцу. После того ты явишься к царю Египта и попросишь разрешения удалиться со всем народом на три дня в пустыню, чтобы принести жертвы Господу. Не позволит этого фараон, тогда я поражу его всеми чудесами моими, и он отпустит вас. И не с пустыми руками уйдете вы.

— И все же, — настаивал Моисей, — мне могут не поверить, не послушать голоса моего…

— Что у тебя в руке? — перебил Бог.

— Посох, — ответил Моисей.

— Кинь его на землю.

Бросил Моисей посох, и он стал змеем, и в страхе обратился Моисей в бегство.

— Остановись! — приказал Бог. — Приблизься к змею и возьми его за хвост.

Сделал Моисей так, как ему было приказано, и змей превратился в его руках в посох.

— Теперь иди, — сказал Господь. — Это для того, чтобы поверили, что явился к тебе Господь.

— Но тяжелоречив я и косноязычен! — возразил Моисей. — Ведь не с овцами говорить и не с женой, а с людьми, нуждающимися в Божьем слове.

И напомнил тогда Бог Моисею:

— Разве ты забыл, кто дает человеку уста, кто делает его немым или речистым, зрячим или слепым? Иди смело, как повелел я тебе, и буду я при устах твоих, и вложу в них слова, которые будешь ты произносить.

— Может быть, ты все же пошлешь кого-нибудь другого? — робко проговорил Моисей.

И возгорелся гнев Бога на Моисея, задрожал его голос от возмущения:

— Если косноязычен ты, будет говорить вместо тебя брат твой Аарон. Ты будешь влагать в уста его слова, которые я передам тебе, он же — произносить их перед народом. Иди же! И

не забудь взять жезл в руку твою, чтобы творить им знамения.

Египетские казни

Описание трудностей, с которыми столкнулись Моисей и Аарон в своей миссии, представлено как состязание двух воль, двух умений — воли Бога и воли фараона, умений Моисея и египетских магов. Египтяне считались великими магами. Магия играла большую роль в каждодневной жизни египтян. На стеле египетского бога Гора он изображен стоящим на крокодиле со змеей, скорпионом и газелью в руках. Этим животным приписывалась особая вредоносная сила.

И простился Моисей с Богом, и пошел с легким сердцем в дом своего тестя. Посадил он жену и сыновей своих на осла и отправился в Египет, крепко сжимая в руке свой посох, на котором зарубками были обозначены годы, прошедшие от бегства из Египта. И был зарубками этими покрыт почти весь посох.

Тем временем Бог явился к Аарону, жившему по-прежнему в земле Гошэн, и повелел ему идти навстречу брату, чтобы встретить его в пустыне. Повиновался Аарон, и пошел навстречу брату, и встретились они у той самой Божьей горы, где впервые явился Моисею Бог в несгорающем кусте терновника. И пересказал Моисей Аарону все слова, какие ему говорил Бог.

Было тогда Моисею восемьдесят лет, Аарону — восемьдесят три.

Пошли братья к народу и собрали старейшин, и передал Аарон слова Бога, а Моисей продемонстрировал знамения в знак истинности этих слов.

Обрадовался народ тому, что вспомнил Бог о нем, увидев бедствия его, и поверил в свое избавление.

И тогда направились Моисей с Аароном во дворец. Фараон приказал их впустить, но, не дав сказать ни слова, спросил:

— Кто вы такие, от чьего имени пришли?

— Мы братья Моисей и Аарон, — ответил Аарон. — И явились мы от Бога иврим, повелевшего тебе отпустить народ наш в пустыню на три дня пути, чтобы принести жертву Богу нашему.

Но не внял фараон словам братьев.

— Кто такой ваш Бог, чтобы голоса его я послушался?! — возмутился он. — Никакого Бога вашего не знаю я! Вы же попусту отвлекаете народ от работы его. Прочь ступайте с глаз моих.

И в тот же день повелел фараон надзирателям, поставленным над народом, не давать больше соломы для изготовления кирпичей, а количества кирпичей требовать прежнего.

— Ленивы они, — пояснил он, — ленивы, потому и кричат: пойдем принесем жертву Богу нашему. Да отяготится работа их, чтобы не внимали пустым речам.

И рассеялся народ по всей земле Египетской искать жнивье вместо соломы. А притеснители их торопили, говоря:

— Выполняйте работу, назначенную на каждый день.

Так еще больше утяжелилось положение народа, и упрекали люди Моисея и Аарона за это.

— Владыка! — взмолился Моисей Богу. — Для чего ты послал меня? За что обрек народ свой на еще более тяжкие страдания? А избавить — не избавил его!

И напомнил тогда Бог Моисею, что заключил он с Авраамом, Исааком и Иаковом завет, обещав отдать их потомству землю Ханаанскую, и что услышал он стон народа своего на земле Египетской и вспомнил о завете своем. И еще сказал он Моисею:

— Знай, я являлся к Аврааму, Исааку и Иакову, назвавшись Богом всемогущим, и лишь тебе я открываюсь с именем Яхве. И узнаете вы, что я ваш Бог, выведший вас из-под ига египетского.

И повелел Яхве Моисею вновь пойти к фараону и потребовать, чтобы отпустил он народ Израиля, а если скажет фараон «подтверди чудом слова свои», бросить жезл{167} перед ним.

Сделали Моисей и Аарон, как повелел им Яхве, и бросил Моисей жезл свой, и пополз он у ног фараона.

— Не удивил меня твой Бог, — отозвался фараон. — Это чудо доступно и нашим богам.

И призвал фараон мудрецов и чародеев египетских. Бросили они на землю свои посохи, и из них тоже выросли змеи. И хотя змей Яхве в одно мгновение проглотил змеев нечестивых египетских богов, фараон воскликнул:

— Идите прочь с глаз моих!

И вновь ушли Моисей и Аарон ни с чем. Когда же они остались одни, Моисей услышал голос Яхве, обращенный к нему:

— Упорно сердце фараона. А ты явись к нему утром, когда он выходит на берег Нила. Стань у него на пути с посохом в руке и скажи: «Бог евреев послал меня к тебе сказать: «Отпусти мой народ, чтобы совершил он служение ему в пустыне». О том, что это воля Господня, ты узнаешь, когда ударю я жезлом по воде и она превратится в кровь».

Сделали Моисей и Аарон так, как им велели. Аарон произнес то, что ему передал Моисей, а Моисей ударил жезлом по воде. И потек Нил кровью, и подохла вся рыба. Воссмердела река, и невозможно было пить из нее. И кровь была во всех озерах и всех вместилищах вод по всей земле Египетской. И стали египтяне копать ямы возле реки, чтобы напиться.

Но не тронуло это чудо фараона, ибо и его волхвы смогли повторить то же самое. И пошел он к себе во дворец.

Через семь дней вновь услышал Моисей голос Яхве:

— Явись к фараону и передай ему повеление отпустить народ, если же не пожелает он сделать этого, ударь жезлом по реке, потокам и озерам, и воскишат они жабами, которые расползутся по всему Египту и заполнят поля, дворы и дома, забьются в постели фараона, и слуг его, и народа его и проникнут в печи их и квашни.

Сделали братья, как повелел Бог, но не подействовала угроза на фараона, непреклонным оставалось сердце его. И простер Моисей руку с жезлом на реки, потоки и озера, и заполнили жабы всю землю Египетскую.

И хотя то же самое смогли сделать волхвы египетские, на этот раз испугался фараон и, призвав Моисея и Аарона, сказал:

— Помолитесь Богу вашему, чтобы он удалил эту мерзость. И я отпущу народ принести жертву в пустыне.

Взмолился Моисей Господу. И тотчас жабы вымерли на полях, в домах и во дворцах и остались лишь в Ниле. Но не отпустил фараон евреев, как обещал.

И еще семь раз обрушивал Бог на Египет казни, насылая мошек и мух, посылая мор на скот, на урожай — саранчу и град, на людей — нарывы и воспаления, повергая всю страну во мрак, так что три дня стояла тьма густая по всей земле Египетской, и не видели египтяне друг друга{168}.

Стонал народ египетский, моля фараона уступить просьбе чужеземных магов, но он продолжал упорствовать.

Пояснил Моисею Яхве, что это он вливает упорство и непреклонность в сердце фараона, чтобы умножить свои чудеса в земле Египетской. И обещал ему, что еще одну казнь, самую страшную, наведет на Египет, после чего фараон не только разрешит народу совершить служение своему Богу в пустыне, но навсегда выпустит его из своей страны.

Последняя из казней египетских и пасха

Это описание ежегодного праздника пасхи (пейсаха) в том виде, как он отмечался еще пастухами мелкого скота в шатрах, с кровавым жертвоприношением молодого животного, с поеданием пресного хлеба кочевников (маццот) и диких трав. Обрядом руководил не священник (их еще не было), а глава рода или отец семейства.

С возникновением религии Яхве древний пастушеский обряд был историзирован. Он связывался с исходом из Египта как праздник воспоминания об избавлении от египетского рабства. Во время реформы культа в 621 г. до н. э. родовой и семейный праздник был превращен в храмовый обряд. Наряду с мелким скотом стали приносить в жертву и крупных животных. Мясо не только жарили, но и варили, употребляли вино. Пасха утратила связь с жатвой и рождением молодняка кочевников.

Обратился тогда Бог к Моисею и Аарону:

— Да будет этот месяц у вас первым среди месяцев года,

будет он их главой. Объявите всем — пусть каждый род и каждое семейство моего народа возьмет себе по агнцу мужского пола без какого-либо порока. А если семейство так малочисленно, что не съесть ему агнца, пусть возьмет с соседом, ближайшим по дому. И пусть он хранится до четырнадцатого дня этого месяца, а к вечеру того дня пусть заколют его и обмажут кровью его оба косяка и перекладину дверей домов своих. И пусть съедят в ту самую ночь испеченного на огне, с опресноками и горькими травами пусть съедят его. И пусть за столом сидят подпоясанные, в дорожных одеждах, в обуви дорожной, с посохами в руках и едят с поспешностью. Это будет пасха.

А я пройду по земле Египетской в эту самую ночь и поражу каждого первенца в Египте, у людей, и у скотины, и над всеми богами египетскими произведу суд. И будет кровь на дверях ваших знаком того, что вы там находитесь. И, увидев кровь, я пройду мимо вас, и не будет у вас язвы губительной, когда буду поражать я Египет. И да будет этот день памятен, и празднуйте его, как установление вечное. Семь дней ешьте опресноки, и на первый и седьмой день созывайте священное собрание, и никаких работ не совершайте в эти дни. И если спросят когда-нибудь дети ваши, что это за праздник, ответьте: «Это пасхальная жертва Господу, который прошел мимо домов сыновей Израиля в Египте, поражая египтян».

И сделали сыны Израиля так, как им было велено. И в полночь Бог поразил всех первенцев Египта: от первенца фараона, восседающего на троне, до первенца узника, что в темнице, и все первородное от скота.

И не сомкнул той ночью глаз ни сам фараон, ни слуги его. Весь Египет не спал. Стоял над Египтом великий стон, потому что не было дома, где бы не оплакивали мертвого. И не дожидаясь утра, ночью же призвал фараон Моисея и Аарона и сказал им:

— Встаньте и убирайтесь из Египта, из среды народа моего — и вы, и сыны ваши, и идите, как просили, совершать служение Богу, и берите с собой, как хотели, и мелкий скот, и крупный скот ваш.

И обрадовались египтяне, узнав о решении фараона. Ведь давно стонал народ египетский, моля фараона уступить просьбе чужеземных магов. И торопили они сынов Израилевых, потому что боялись смерти. Сыны же Израилевы, по совету Моисея, переданному Богом, выпрашивали у египтян вещи серебряные и вещи золотые, и одежды у египтян они выпрашивали, каждый у соседа или соседки своей. И внушил Бог египтянам, чтобы дали они, и обобрал египтян народ Израиля.

И покинули евреи Египет, взяв с собой и то, что, дали им

египтяне, и стада своего скота, крупного и мелкого. И захватили они с собой также тесто лепешками пресными, ибо оно еще не вскисло — ведь торопили их египтяне, и не могли медлить они, и даже припасов себе не приготовили.

Моисей же захватил с собою кости Иосифа, потому что заклинал, умирая, Иосиф сынов Израилевых, чтобы не оставляли его костей в чужой земле, когда Бог вернет свой народ в землю Ханаанскую.

По морю, как посуху

Так после четырехсот тридцати лет пребывания в Египте сыны Израиля покинули землю Египетскую. И отправились они из Раамсеса в Суккот, и расположились станом на краю пустыни. Было их шестьсот тысяч, не считая детей и многочисленной толпы иноплеменников.

И сказал Моисей народу, передавая ему слова Яхве:

— Запомните этот день, когда вышли вы из Египта, из дома рабства вашего. Сегодня вышли вы, в месяце авиве. Поведет вас Яхве в землю Ханаанскую, в землю, молоком и медом текущую, которую навеки отдал отцам вашим. Помните и совершайте каждый год в этом месяце ему служение. Семь дней ешьте только опресноки, пусть не будет у вас хлеба квасного все дни эти в напоминание о том, что Яхве рукою крепкою вывел вас из Египта, из дома рабства вашего. На седьмой же день справляйте праздник Богу.

Не повел Моисей народ дорогой, что вела в землю Пилиштим, ибо была она близка и, сразу встретив сопротивление, люди могли захотеть вернуться в Египет. Они двигались пустынной дорогою к Тростниковому морю (Ям Суфу). Яхве же шел впереди: днем — в облачном столпе, ночью же — в огненном.

Тем временем фараон, пожалев, что отпустил чужеземцев, отправился за ними в погоню — с пехотою, с конным войском, с боевыми колесницами.

Увидев поднятую копытами и колесами пыль, обрушили беглецы на Моисея упреки:

— Зачем ты повел нас из Египта? Лучше служить египтянам, чем погибнуть под копытами их коней в пустыне.

Но не потерял Моисей веры в Яхве, и тот утешил его словами:

— Египтян, которых вы видите, не увидите вы больше вовеки. Так скажи сынам Израиля, чтобы смело шли к морю, ты же протяни свой посох, и расступится оно. И пройдут сыны Израилевы среди моря, как посуху. И покажу я фараону силу свою.

При этих словах облачный столп, находившийся впереди беглецов, оказался сзади них. Для сыновей Израиля он был облаком и светочем, для египтян — мраком, и не сблизились одни с другими всю ночь.

И когда подошли сыны Израилевы к морю, Моисей простер руку с посохом и гнал Яхве сильным восточным ветром волны всю ночь, и расступились воды, и пошли сыны Израилевы сквозь море посуху. Воды же стояли стенами справа и слева от них.

И погнались за ними египтяне, и вошли кони, колесницы и всадники в море, и шли до рассвета. В утреннюю стражу взглянул Яхве на воинство египетское из столпа облачного и огненного и привел его в замешательство. Застопорились колеса, отяжелел их ход.

Увидев это, египтяне стали говорить: «Давайте побежим, ибо Бог на стороне Израиля».

И сказал Яхве Моисею:

— Протяни длань свою к морю, и пусть обратятся воды на египтян — на колесницы их и на всадников их.

И простер Моисей руку свою к морю. И покрыли воды колесницы и всадников фараона. Не осталось ни одного из них, словно никогда их и не было.

И восславили спасенные от гибели Бога, Мариам же, пророчица, сестра Аарона и Моисея, взяла в руки свой тимпан, и вышли за нею женщины с тимпанами, и стали в круг, и запела Мариам хвалу Богу:

Пою Яхве,
Ибо вознесся он высоко,
Коня и всадника вверг он в море.
Моя сила и ликование Яхве!
Он был спасением моим.
Твоя десница, Яхве,
Недругов побеждает,
Против тебя восставших.
Ты сокрушаешь со славой
Мощью своей великой.
Ты, возжигая гнев свой,
Их, как жнивье, опаляешь.
Воздух ноздрей твоих, Яхве,
Воды вздымает.
Громоздит волны, как горы,
Вспенивает морские пучины
Кто же ты, Яхве,
Между богами?

Кто ты, внушающий ужас,
Достойный хвалы чудес созидатель?{169}

Манна небесная

За оазисом открылась огромная пустыня Син, заставившая беглецов позабыть обо всем, что они пережили в Египте. Кончился хлеб. Ропот перешел в открытое возмущение. Люди упрекали Моисея.

— Лучше бы умереть нам от руки Господней в Египте, где сидели мы у котлов мясных, где хлеб ели досыта, чем погибнуть в пустыне этой от голода.

И снова Яхве пришел на помощь Моисею. Возвестил он ему:

— Я услышал ропот сынов Израилевых. Ниспошлю я с небес хлеб народу своему. Пусть выходят и собирают ежедневно, сколько нужно каждому на день, лишь субботу мою должны соблюдать, собирая накануне вдвое больше обычного.

И было так, как сказал Яхве. Вечером налетели перепела и заполнили стан израилев, а поутру слой росы осел вокруг стана, и вместе с блестящими капельками росы стали видны на поверхности пустыни белые мелкие крупинки, словно иней на песке.

Удивились скитальцы и стали спрашивать друг друга: «Что это?» И никто не мог ответить. Тогда Моисей объяснил людям:

— Это — хлеб пустыни, который Яхве дал вам в пищу. Собирайте его, сколько можете съесть.

И сделали беглецы так, как им было сказано. И у того, кто собрал много, не было лишнего, и у того, кто мало, не было недостатка.

И дал дом Израиля этому хлебу название «манна». Была она, как семя кориандра, белая, вкусом же — как лепешка с медом.

Ели сыны Израиля манну сорок лет до прихода в землю обетованную.

Иссечение воды Моисеем

Рассказы о чудесном появлении в пустыне воды задолго до возникновения Библии были распространены в Египте. Так, во время экспедиции за камнем для гробницы фараона Ментухотепа (около 2000 г. до н. э.), когда жажда стала невыносимой, будто бы появилась газель и привела воинов к скалам, откуда забила вода.

Вскоре после этого новое лишение вызвало ропот. Вышли сыны Израилевы из пустыни Син, но не нашли воды нигде поблизости от стана своего.

— Есть ли Господь среди нас? — вопрошали одни. Другие же упрекали Моисея:

— Зачем ты вывел нас из Египта, где вдоволь воды имели мы? Зачем хочешь уморить жаждою и нас, и детей наших, и скот наш?

И возопил Моисей, призывая Яхве:

— Что делать мне с этим народом? Сейчас кричат они, а еще немного — и побьют камнями меня.

И тогда повелел Яхве Моисею выбрать нескольких из старейшин народа израильского и, подойдя вместе с ними к скале, ударить по скале жезлом своим. Сделал Моисей так, как научил его Бог, и пошла вода из скалы, и напились люди и скот, и успокоилось волнение.

Битва с амаликитянами

Вскоре после этого навстречу израильтянам вышли кочевники амаликитяне{170}. Поставил Моисей во главе войска Иисуса Навина, а сам вместе с двумя спутниками поднялся на холм, чтобы там вымаливать у Яхве победу над недругом. Пока Моисей держал руки воздетыми к небу, сыны Израиля побеждали, когда же, устав, опускал руки, побеждали амаликитяне. И тогда те двое, что были на холме, усадили Моисея на камень и поддерживали его руки до заката Солнца, пока враги не были рассеяны мечом или не скрылись во мраке.

Десять заповедей

Десять устных заповедей, впоследствии записанных на каменных досках — скрижалях, имеют форму непреложных законов, не предусматривающих каких-либо исключений. Четыре первые заповеди регламентируют отношение верующих к Богу, остальные шесть заповедей — отношение друг к другу. Из заповедей встает общество, вышедшее из первобытнообщинного строя, обладающее индивидуальной семьей и частной собственностью. Это говорит о том, что заповеди составлены не во время блужданий в пустыне, а после обоснования в стране Ханаан. Именно тогда, когда пришельцы жили среди других народов, была наиболее велика опасность поклонения чуждым богам. Верность Яхве поэтому поставлена на первое место.

Из описаний встает образ Яхве как бога-грозовика, а не восточного ветра, как в предшествующих главах. Это еще одно указание на время составления заповедей. В годы проживания израильтян в стране Ханаан Яхве приобрел черты ханаанского бога грозы и молнии Балу.

На третий месяц после исхода из Египта, в день перед новолунием, пришли скитальцы в Синайскую пустыню и расположились станом под горою Синай. Моисей обратил взор свой к Яхве, и сказал ему Яхве с горы:

— Вы видели, что стало с египтянами, вы помните, что я

носил вас на своих орлиных крыльях и доставил к себе. Если будете мне повиноваться и соблюдать договор со мною, то будете единственным народом земли, принадлежащим мне. Вы будете у меня царством священнослужителей и народом святым.

Моисей собрал старейшин народа и передал слова, произнесенные Господом. Старейшины доложили сказанное народу, и народ обещал исполнить слова Бога.

Потом Бог снова сказал Моисею:

— Я явлюсь тебе в сгущенном облаке и буду с тобою говорить, чтобы народ слышал и обрел в тебя веру навсегда. Ты же пойди к народу и освяти его в течение двух дней, потому что на третий день я сойду перед глазами всего народа на гору Синай. Проведи также вокруг подошвы горы полосу заранее, чтобы народ за нее не заходил и не прикасался к горе, а зашедший и прикоснувшийся да будет предан смерти, но без прикосновения рук, камнями или стрелами. И пусть люди вымоют одежды свои и не осквернятся прикосновением к женам.

Моисей сделал все, что ему повелел Бог, и на третий день вывел народ к подножью горы. Над горою Синай зависла туча. Гремел гром. Сверкали молнии. Гора вся дымилась, и от нее поднимался дым, как от печи. И шаталась гора от поступи Бога. Все попадали на землю в страхе, Моисей же поднялся на гору.

После этого Бог передал Моисею на словах своих заветы:

— Да не будет у тебя других богов перед лицом моим.

— Не сотвори себе кумира.

— Не поклоняйся им и не служи им, потому что я — твой Бог-ревнитель, наказывающий за ненависть ко мне отцов детей до третьего и четвертого поколения. Любящим же меня и соблюдающим заповеди мои будет оказана милость и через тысячу поколений.

— Не произноси имени Бога твоего всуе. Помни день субботний, чтобы он был свят. Шесть дней работай и свершай дела свои. А седьмой день — субботу — отдай Господу: не делай никакой работы ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни гость в жилищах твоих. Потому что Бог создал небо и землю, море и все, что в них, за шесть дней, а на седьмой день почил.

— Почитай отца своего и мать свою, чтобы продлились дни твои на земле.

— Не убивай.

— Не прелюбодействуй.

— Не кради.

— Не произноси ложной клятвы на ближнего твоего.

— Не пожелай дома ближнего твоего, не пожелай его раба,

его рабыни, его вола, его осла, ничего из того, чем он обладает.

Пока Бог это вещал, гремели громы, блистали молнии, гора дымилась. Народ, отступив в ужасе, стоял в отдалении, ожидая, пока Моисей кончит говорить с Богом и передаст его слова.

Законы Моисея

И вновь вступил Моисей во мрак к Богу, чтобы услышать законы, которым должны следовать сыны Израиля.

Сорок дней и ночей провел Моисей на вершине горы. И наставлял его Бог, как жить по законам справедливости:

— Пришельца не угнетай и не притесняй — ведь и вы были пришельцами в земле Египетской.

— Не притесняй вдовы и сироты.

— Не злословь против судьи, начальника народа твоего не проклинай.

— Ложного слуха не распространяй, не соединяй руки своей со злодеем.

— Не следуй на злое дело за большинством.

— От неправды беги.

— Даров не принимай, ибо дары делают зрячего слепым, а правого виноватым.

— Не употребляй имен других богов, да не вылетят они из уст твоих.

— Не поклоняйся чужим богам, не служи им и союза с ними не заключай, сокруши их жертвенники, разрушь столпы их, вырубите священные рощи их.

— Око за око, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, ожог за ожог, ушиб за ушиб.

Эти и многие другие законы дал Яхве своему пророку на горе Синай. И поведал он ему также, какие праздники должен справлять народ, и каких приношений ждет он себе от народа своего, и какое он хочет иметь святилище, и из скольких покрывал, какого цвета и размера следует делать скинию, и как положить их, и какими кожами сверху накрыть, и каких размеров двор столбами обнести, и какими сделать эти столбы. Не забыл он уточнить, что все колья скинии и двери при ней лишь из меди быть должны сделаны. Не забыл сказать, чтобы светильник в скинии горел во всякое время, и что ковчег, в котором будут лежать скрижали завета, следует отделить занавесью, ибо помещение для ковчега — это святая святых. И подробно описал Яхве Моисею, как должен выглядеть ковчег, и сколько какого материала на него должно пойти, и что должно быть изображено на крышке его.

А для возжигания светильника избрал Яхве Аарона и его сыновей. Именно их он определил себе в священники, Моисею же он не поручил этой почетной обязанности, а повелел позаботиться об одеждах торжественных для брата и его потомства. И подробно описал, и из каких частей будут состоять эти священные одежды, и какой материал для них использовать, и какими камнями драгоценными их украсить, и из скольких рядов следует выкладывать украшения. Научил Яхве Моисея и тому, какие обряды должен он совершить для посвящения Аарона и его сыновей в сан священников, какие жертвы принести, сколько дней и на каком жертвеннике, а также и на тех обрядах подробно остановился Яхве, каким должен был Моисей обучить брата своего Аарона, чтобы вечным стал этот устав для Аарона и потомков его.

И, завершив свой разговор с Моисеем на горе Синай, Яхве передал ему две скрижали откровений, скрижали каменные, перстом божьим написанные.

Золотой телец

На горе, над пустыней выжженной,
Где однажды явился Бог,
Землякам, фараонам обиженным
Сочинял законы пророк.

Он трудился три дня над скрижалями
Для врагов своих и для друзей.
Солнце жгло и оводы жалили,
Сочинял закон Моисей.

А народ тельцу золоченому
Приносил на песок дары.
Говорят, человеку ученому
Нет согласья с толпой с той поры.

Пробыв с Богом сорок дней, Моисей сбегал с горы. Ликование переполняло его душу. Он мог бы впервые запеть, как это делают

те, кому Бог дарует плавную речь и умение извлекать звуки из струн. Но он сдержался, ибо знал, что должен донести радость общения с Яхве до тех, которые, как он был уверен, его ждут и ищут с ним встречи.

Вскоре стали видны остроконечные шатры, напоминающие сверху сосцы какого-то фантастического зверя. Между шатрами темнели сотни голов. «Да, меня ждут!» — решил Моисей, и уверенность в этом придала ему еще больше сил. Он почувствовал за своими плечами крылья.

Но почему люди у шатров его не замечают? Почему они обращены к нему спинами? Что заставило их образовать круг, совершать странные телодвижения? Одни колотили кулаками по бычьей коже, обтянутой медным ободом, другие плясали, высоко вскидывая ноги. Подойдя еще ближе, Моисей увидел в центре круга бычка, сияющего как тысяча солнц. В его задранной вверх мордочке было что-то трогательное и уморительное, но Моисею привиделось, что гнусная тварь издевается над ним и его Богом, заповедавшим не поклоняться идолам. Не помня себя от ярости, Моисей кинулся к бычку, оттолкнув стоявшего возле жертвенника Аарона, и ударом ноги поверг идола на землю.

Не ощущая в пальцах ноги боли, он рванулся к воину, стоявшему среди зрителей, выхватил из его ножен меч и полоснул им идолопоклонника, продолжавшего бить кулаком по тимпану. Тот упал с окровавленной головой. Другие, поняв грозящую им опасность, бросились наутек. Но Моисей догонял их и разил, не разбирая, кто это — старец или ребенок.

Весь в крови, Моисей вернулся к месту, где он оставил скрижали с законами, и, подняв их над головой, опустил на камень. Плиты разлетелись на мелкие осколки. И схватил Моисей тельца, которого сделали отступники во главе с братом его Ааароном, и сжег идола в огне, и стер его в прах, и рассыпал прах по воде, и пить эту воду заставил забывших завет с Богом. И только тогда, обессилев, упал Моисей на землю и зарылся лицом в песок. На следующее утро, хромая, он поплелся на гору и, найдя то место, где разговаривал с Богом, вновь обратился к нему:

— Народ мой совершил великий грех, сотворил себе золотой кумир. Прости ты ему это прегрешение, а если не можешь, изгладь меня из свитка своей памяти.

— Нет, — ответил Бог. — Я изглажу того, кто согрешил. Ты же веди народ, как вел, в ту землю, которая течет молоком и медом.

И спустился Моисей с горы, взял свой шатер и поставил его вне стана. И назвал его шатром собраний. Каждый ищущий Бога приходил к этому шатру и молился. Когда же Моисей входил в

свой шатер, над ним поднимался столп облачный и все ему поклонялись. Вход в шатер собраний охранял юноша Иисус, сын Навина (Нина).

Однажды, беседуя в шатре с Богом, Моисей попросил его открыть свое лицо.

Ответил Бог:

— Нельзя видеть моего лица и остаться живым. Но вот смотри — моя спина.

И увидел Моисей спину Бога, чтобы идти за ним вслед.

После этого, сокрывшись, Бог приказал Моисею вытесать из камня скрижали, подобные тем, которые разбил, и взойти с ними на Синай. И вновь произнес Бог свои повеления, и приказал их записать.

Когда Моисей опустился к народу с новыми скрижалями, его лицо испускало такой блеск, что к нему боялись приближаться, и пришлось Моисею закрывать лицо покрывалом.

В страну обетованную

Включенные в эту главу сюжеты взяты из трех книг: двух книг Пятикнижия — Числа и Второзаконие — и примыкающей к последней книги Иисус Навин. Сюжетно эти книги продолжают Исход, но принадлежат иной, поздней историко-мифологической традиции. В книгах Числа и Второзакония много расхождений с Исходом в названиях местностей, народов и лиц, в описании культа и законов. О принадлежности к другой традиции говорит также повторение встречающихся в Исходе эпизодов с манной небесной и добыванием воды из камня.

Книга Иисус Навин посвящена завоеванию страны Ханаан, которого также касается последующая книга Судии. Противоречия между этими двумя книгами очень существенны. Книга Иисус Навин описывает полное истребление завоевателями местного населения, в то время как, согласно книге Судии, это население продолжало жить рядом со своими соседями-израильтянами.

Двенадцать лазутчиков

История странствий народа, начиная с этой главы, изображается как передвижение войска. Посылка лазутчиков в страну, которую предстоит завоевать, — деталь этой изменившейся ситуации. Конфликт между двумя из них — Калевом, сыном Иефона, и Иисусом, сыном Навина, — и другими лазутчиками, вскоре истребленными Яхве за лживость, видимо, отражает более поздние противоречия между южным племенем Иуды и северными израильскими племенами.

Когда сыны Израиля оказались в пустыне Паран, поблизости от земли Ханаанской, Яхве сказал Моисею:

— Отправь людей осмотреть землю, которую я вам обещал. Возьми от каждого колена по человеку.

И сделал Моисей так, как ему повелел Яхве. Когда лазутчики собрались в числе двенадцати, Моисей дал им наказ:

— Вы́смотрите, какова земля и народ, ее населяющий, много или мало людей, сильны они или слабы, живут ли они в станах, как мы, или в укрепленных городах. Выведайте, тучна почва или скудна. Растут ли на ней деревья? А если растут, возьмите по плоду от каждого дерева по роду его.

Выслушав это, лазутчики поднялись на гору и обозрели с нее всю страну Ханаан. Затем, спустившись, они прошли этой страной до Хеврона, где тогда обитали сыны Энака{171}. Придя к долине Эшкол, они увидели виноградник. Было время созревания винограда. Лазутчики срезали ветвь с налившейся на ней гроздью. Была она так тяжела, что ее пришлось нести на шесте двоим. Остальные набрали смокв и гранатовых яблок.

Через сорок дней лазутчики возвратились в лагерь и показали Моисею, Аарону и всему народу, собравшемуся у скинии, плоды земли, которую обошли.

— Вот, — сказали они, — богатства этой земли! Подлинно, истекает она молоком и медом! Но народ этой страны силен и

живет в больших укрепленных городах. Амаликитяне обитают на юге, хеттеи, иебусеи и аморе — в горной местности, хананеи же — у моря и по берегу реки Иордан.

Двое из лазутчиков — Калев, сын Иефона, и Иисус, сын Навина, — уверяли, что страну можно захватить. Другие же десять доказывали, что это невозможно, так как земля сама поедает живущих на ней, а весь народ — исполины, по сравнению с которыми сыны Израиля все равно что саранча{172}.

После этих слов поднялся в стане вопль, какого еще никогда не слышали Моисей и Аарон. Теперь вопил весь народ в один голос:

— Лучше бы нам умереть в земле Египетской или погибнуть в пустыне от жажды и голода, чем входить в эту страну, чтобы пасть от меча, зная, что наши жены и дети станут рабами живущих в этой стране исполинов. Давайте лучше вернемся в Египет.

Тогда Иисус Навин и Калев разорвали на себе одежды и стали призывать в свидетели Яхве, доказывая, что земля, которую они обошли, прекрасна, а жители ее вовсе не страшны и что лучшая защита народа Израилева — помощь Бога его.

Но, так как это говорили двое против десяти, народ рассвирепел и едва не побил Калева и Иисуса камнями.

Не прошло все это мимо ушей и очей Яхве. И сказал он Моисею:

— Доколе этот народ будет раздражать меня неверием своим? Поражу-ка я его язвой, истреблю его и произведу от тебя другой народ, более многочисленный и сильный.

— Не делай этого, Господи! — взмолился Моисей. — Ведь не скрыть твоей кары от египтян. Ведь ты сам находишься посреди этого народа, двигаешься перед ним днем в столпе облачном, ночью — в столпе огненном. Не скажут ли они о тебе: «Не потому ли погубил он в пустыне народ, который вел в землю обетованную, что не смог выполнить клятвы своей»? Поэтому, о Господи, лучше прости народу его вину.

— Пусть будет так! — согласился Яхве с Моисеем. — Не буду я истреблять народ этот и производить новый. Но никто из лицезревших знамения мои в Египте и в пустыне не увидит страны обетованной, все, кто старше двадцати лет, лягут костьми в песках. Все, кроме Калева и Иисуса, в которых иной дух. Будет по слову тех, кто возроптал на меня, говоря: «Лучше бы в пустыне погибли мы». По числу тех сорока дней, которые посланцы ваши обходили страну обетованную, вы будете странствовать по пустыне сорок лет.

Мятеж

Рассказ отражает раннюю борьбу за власть между племенами Израиля. Против Моисея и Аарона объединяются племена Леви и Рувим, чьими сыновьями были Корах, Дафан и Авирам. Судьба мятежников и их сторонников должна была служить предупреждением всем, не признающим верховенства ставленников Яхве. Одновременно авторитетом Яхве подтверждается выбор Аарона верховным жрецом и определяются обязанности левитов.

Вскоре после того воинство постигла новая беда. Часть его решила подняться на гору, чтобы еще раз узреть землю Ханаанскую. Напрасно Моисей убеждал не делать этого. Упрямцы двинулись на гору, а Моисей и верные ему люди оставались с ковчегом в стане. На отделившихся напали амаликитяне и хананеи, разбили и гнали до Хормы. Но и это новое свидетельство прозорливости и святости Моисея не удержало дерзких от мятежа. Во главе их встали Корах из племени Леви и Дафан с Авирамом из племени Рувим. Вместе со своими приверженцами предстали они перед Моисеем и Аароном и начали их обвинять и позорить.

— Почему, — вопил Корах, — вы ставите себя выше всего нашего сообщества? Ведь Яхве приблизил к себе не вас одних.

Моисей попытался образумить Кораха:

— Разве мало вам, сынам Леви, что Бог выделил вас из народа Израилева, чтобы службу исполняли вы при скинии{173} его? Так зачем домогаетесь вы еще священства, вам не принадлежащего?

Корах и слышать не хотел увещевания. И тогда предложил Моисей:

— Пусть Яхве сам покажет, кто ближе ему, кого он избрал себе в первосвященники. Возьмите кадильницы, положите в них благовония, зажгите их огнем от жертвенника и явитесь завтра к входу в скинию.

И послал Моисей за Дафаном и Авирамом, чтобы и их призвать к участию в испытании. Но не захотели слушать Моисея ни Дафан, ни Авирам.

— Не пойдем! — сказали они. — Разве мало тебе, Моисей, того, что ты увел нас из Египта, страны, текущей медом и молоком, чтобы погубить нас в пустыне. Ты еще хочешь властвовать над нами, словно мы твои рабы. Привел ли ты нас, как сулил, в землю обетованную? Дал ли ты нам поля и виноградники?

Не стал вступать Моисей в спор с мятежниками, предоставив Яхве рассудить его с ними.

А наутро собрал Корах против Моисея и Аарона весь народ у входа в скинию. Двести пятьдесят мятежников явились с

зажженными кадильницами.

И тогда спустился Яхве во всем блеске славы своей, и сказал Моисею с Аароном:

— Отделитесь! Я их всех истреблю в одно мгновение.

— Зачем всех! — возопили Моисей и Аарон. — Накажи одних мятежников! Не обрушивай гнева на весь народ.

— Да будет так! — согласился Яхве.

И приказал Моисей людям отойти от шатров Кораха, Дофана и Авирама и не прикасаться ни к чему из принадлежащего им, чтобы не погибнуть за грехи нечестивцев.

И последовал народ совету Моисея. А Дафан и Авирам вышли и встали у шатров своих с женами и детьми.

— Вот! — обратился Моисей к народу. — Сейчас вы поймете, от своего ли имени я действую или Яхве посылает меня.

И едва он произнес эти слова, как разверзла земля уста свои и поглотила Кораха, Дафана и Авирама вместе с их женами и детьми, со всем их имуществом. И покрыла их земля, сомкнув свои уста.

Побежали сыны Израилевы в страхе, чтобы и их не поглотила земля. И напрасно! Гнев Яхве настиг лишь тех, в чьих руках были кадильницы — огонь вышел из них и уничтожил мятежников, всех до единого.

Взглянул Яхве на поле с останками мятежников, испепеленных его огнем, и узрел обуглившиеся кадильницы. Подумав, что они безвинно пострадали из-за чужого греха, он сказал Моисею:

— Пусть соберут обгоревшие кадильницы и да изготовят из них медные листы для покрытия жертвенника. Пусть они будут вечным устрашением для дерзких и непослушных.

Увидели люди, как собирают кадильницы среди мертвых тел, и возроптали против Моисея и Аарона:

— Вот дело рук ваших! Вы погубили многих из народа нашего.

К смутьянам присоединились тысячи и тысячи, так что пришлось братьям спасаться в скинии. Яхве покрыл ее своим облаком и сказал Моисею и Аарону:

— Отделитесь от этих людей. Я их погублю в одно мгновение!

Видя, что возгорелся гнев Яхве, закричал Моисей Аарону:

— Брат мой! Возьми скорее кадильницу, всыпь в нее курения, зажги и беги к народу, чтобы очистить его от греха. Иначе Бог истребит всех в гневе своем.

Пока Аарон заполнял кадильницу и разжигал ее, Яхве начал уже истреблять народ. С зажженной кадильницей Аарон бросился

между мертвыми и живыми, защитив большую часть народа. И погибло в тот день четырнадцать тысяч семьсот человек, не считая тех, кто шел за Корахом, Дафаном и Авирамом.

После того как отступило пламя Яхве от народа, направился Аарон к Моисею, внимавшему обращенным к нему словам Бога:

— Возьми от каждого начальника двенадцати колен Израилевых по жезлу и имя каждого напиши на жезле его. Имя же Аарона напиши на жезле колена Леви, ибо они должны дать от колена один жезл. Положи жезлы их в скинии перед ковчегом и объяви народу, чей жезл зацветет, тому и быть священнослужителем, избранником моим.

Сделал Моисей так, как было ему сказано, и народу объявил, что из того колена из рода в род будут священнослужители, чей жезл зацветет.

На следующее утро вошел Моисей в скинию и увидел, что жезл Аарона из колена Леви пустил почки, расцвел и принес зрелый миндаль. Вынес Моисей все жезлы, и показал народу Израилеву, и приказал каждому военачальнику взять свой жезл. Жезл же, на котором было написано имя Аарона, он положил в скинии перед ковчегом — как знамение для непокорных, чтобы прекратился ропот их и не гибли они от гнева Яхве.

Аарону же Бог объявил волю свою:

— Ты и сыны твои в ответе за святилище. А братьев твоих, колена Леви, возьми себе в помощники. Пусть состоят при тебе и служат тебе и сыновьям твоим из рода в род. Пусть службу они несут в скинии, но ни к вещам, относящимся к святилищу, ни к жертвеннику не прикасаются и через завесу священную не переходят, иначе умрут.

Смерть Мариам и Аарона

После долгих скитаний сынов Израилевых пришли они в пустыню Син и остановились в Кадесе. Здесь скончалась Мариам и была погребена. И снова не было воды, и вновь народ выступил против Моисея и Аарона, упрекая их, что они завели в безводную пустыню, где нет ни смоковниц, ни винограда, ни деревца гранатового, где нет воды для питья.

И пошли братья в скинию, и упали ниц перед лицом Бога. Ни о чем они не просили его, ибо усомнились они в могуществе Яхве.

И сказал Яхве Моисею:

— Возьми жезл твой, созови ропщущих и иди с Аароном к скале, иссеки воду из скалы, чтобы напоить народ и скотину его.

Сделал Моисей, как было ему велено. Он отвел народ к скале, поднял руку и ударил дважды жезлом по скале. И дала скала воду

на глазах изумленных людей. Напились они и напоили скотину. Но не укрылось от глаз Яхве колебание, проникшее в душу пророков его, и обратился он к Моисею и Аарону с такими словами:

— За то, что вы пренебрегли мною, не поверили мне, не введете вы народа этого в землю Ханаанскую.

Место у Кадеса, где сыны Израилевы вступили в распрю с Богом, было поэтому названо Мерива (Распря).

Отправились сыны Израиля к горе Хор, что у пределов Эдома. И сказал там Яхве Моисею:

— Пусть простится здесь Аарон с народом своим. Не войти ему в землю обетованную за то, что у вод Меривы заколебались вы. Подведи же Аарона и сына его Елеазара к жертвеннику на горе Хор. Сними с Аарона одежды священные и облеки в них Елеазара, сына его.

И взошли все трое на гору Хор. Там одел Моисей Елеазара в одеяние Аарона. Умер Аарон и был погребен на вершине горы. Моисей же и Елеазар опустились к народу. И понял народ, что Аарон умер, и оплакивал его тридцать дней.

Медный змий

Услышал царь города Арада{174}, что сыны Израиля идут дорогой от Эфраима. Двинулся он навстречу им и в сражении одержал верх. И тогда обратились сыны Израиля к Яхве с мольбой, чтобы передал он народ Арада в руки их. Услышал Яхве голос Израиля и передал хананеян Арада в руки его. Но неблагодарным оказался народ Израиля. Смалодушничал он, когда обходил землю Эдома со стороны Тростникового моря. Вновь возроптал он против Яхве и против Моисея, обвиняя их в том, что, выведя народ из Египта, обрекли его на страдание.

— Нет здесь ни хлеба, ни воды, — говорили сыны Израилевы, — опротивела душе нашей пища негодная.

И послал Яхве ядовитых змей, так что многие погибли от укусов их. Оставшиеся в живых бросились к Моисею с покаянием и мольбою спасти народ от змей.

Вознес Моисей молитву Яхве. И сказал Яхве Моисею:

— Сделай змия себе. Из меди сделай его. Закрепи его на шесте. И ужаленный, взглянув на него, останется жив{175}.

И сделал Моисей так, как повелел Яхве, и вновь спас народ свой от гибели.

Валаамова ослица

Вскоре после того оказались израильтяне в степях Моава{176} на реке Иордан, против Иерихона. Царь моавитян Балак, сын Циппора, сказал старейшинам мидианитян: «Теперь объедят пришельцы все вокруг нас, как поедает бык полевую траву». И отправил он послов в Месопотамию за известным повсюду колдуном Валаамом (Биламом). Гонцы передали Валааму слова Балака:

— Вот пришел народ из Египта, и уже покрыл он лик земли, и живет близ меня. Явись проклясть этот народ, потому что он сильнее меня, ибо знаю, что, кого ты благословишь, тот будет благословен, а кого проклянешь, тот будет проклят.

Долго не соглашался помочь Валаам моавитянам. Но все слал и слал своих гонцов Балак, и, наконец, прельщенный щедрыми дарами, сел Валаам на свою верную ослицу и отправился в путь.

Однако Бог вознегодовал на Валаама за то, что он согласился помочь врагам Израиля, и послал вестника с приказанием остановить колдуна. Ослица увидела вестника, преградившего дорогу, и свернула в поле. Напрасно Валаам бил животное, чтобы оно вернулось на дорогу. Ослица пошла узкой тропой, образованной виноградником и забором, но вестник и здесь не пустил ее. Ослица прижалась к стене, придавив ногу Валаама, и снова он начал бить ее. Пройдя немного, легла ослица на землю под Валаамом. Воспылал гнев Валаама, и стал он колотить ее палкой.

И тогда отверз Яхве уста ее, и заговорила она:

— Что я сделала тебе? Почему безжалостно бьешь ты меня?

В ярости даже не удивился Валаам, что бессловесная тварь заговорила, и вступил со своей ослицей в перебранку:

— Негодная ты скотина! Будь у меня меч, зарубил бы я тебя!

— Не я ли твоя ослица? — возразило животное. — Не на мне ли ты ездил много лет? Разве я противилась когда-либо воле твоей?

— Нет! — признался Валаам.

И открыл Бог ему глаза, и увидел он вестника Господня с обнаженным мечом, и низко ему поклонился.

— Глупый ты человек! — сказал вестник Валааму. — За что трижды избил ты ослицу твою, жизнь тебе сохранившую? Ведь пойди ослица вперед, увидев меня, я убил бы тебя, а ее оставил в живых.

— Согрешил я, — проговорил Валаам. — Ибо не знал, что это ты преграждаешь путь. Теперь я вернусь назад.

— Нет, не возвращайся! — возразил вестник. — Иди с теми, кто пришел за тобой.

В Моаве Балак уже ожидал Валаама. Выйдя навстречу ему,

упрекнул он его:

— Почему ты не шел на призывы мои? Неужели мало сокровищ в царстве моем, чтобы почтить тебя?

И ответил Валаам Балаку:

— Вот теперь я здесь. Но смогу ли я что-то сказать от себя? Ведь скажу я лишь то, что вложит Господь в уста мои.

Наутро Балак возвел Валаама на высоты Вааловы, чтобы показать ему тех, на кого просил обратить проклятие. И построил, как распорядился Валаам, семь жертвенников, и приготовил семерых тельцов и столько же овнов для заклания. Принесли они вместе по тельцу и по овну в жертву на каждом из алтарей, и, оставив Балака возле всесожжения, отошел Валаам в сторону, на возвышенное место, чтобы узнать, какие слова говорить ему.

И встретился Бог с Валаамом, и вложил в его уста нужные слова.

Вернулся Валаам к тому месту, где возле алтарей ждал его Балак. Обратился он лицом к пустыне, и увидел Израиль, стоящий по коленам своим, и снизошел на него Дух Божий, и полились вдохновенные слова из уст его:

— Как прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Израиль! Как ручьи, растекаются они. Расстилаются они, как сады при реке, как алойные дерева, Богом насаженные, как кедры. Переполняются ведра его водою, и семя его при обильных водах. Превзойдет царь его и Агага, и возвысится царство его. Мощь дикого быка у него, пожрет он народы, раздробит кости врагов своих и стрелами своими пронзит. Преклонится, ляжет, как лев и как львица. Кто посмеет поднять его? Всякий благословляющий тебя благословлен, и проклят проклинающий тебя.

— Иди вон отсюда! — в ярости прокричал Балак. — Я призвал тебя проклясть врагов моих. Ты же благословляешь их!

Встал Валаам, и пошел, и спустился в низину, где послушно ждала его ослица, сел на нее и продолжал глаголить:

— Вижу его, но оно не ныне, смотрю на него, но издали. Взойдет звезда от Иакова, и восстанет скипетр от Израиля{177} и сокрушит пределы Моава. И Эдом и Сеир будут под властью врагов своих…{178}

Вскоре после этого моавитян постигла заслуженная кара. Двенадцать тысяч израильских воинов опустошили всю страну, увели тридцать две тысячи невольниц, захватили семьдесят две тысячи голов рогатого скота и шестьдесят одну тысячу вьючных ослов.

Молитва Моисея

Пришло время Моисею приводить в порядок земные дела. Занес он по повелению Яхве на свиток из телячьей кожи историю сорокалетнего странствия народа после выхода из земли Египетской. И не пропустил он в своем описании ни одной стоянки на всем долгом пути, ни одного события — ни великого, ни малого.

И поскольку приближалось время вступления в землю Ханаанскую, напомнил Бог Моисею слова свои, сказанные на равнинах моавитянских у Иордана, напротив Иерихона:

— Когда перейдете Иордан и войдете в землю Ханаанскую, гоните прочь от себя жителей земли этой, истребляйте все изображения их, всех литых идолов уничтожайте, все высоты их разоряйте. Если же вы жителей земли этой от себя не прогоните, будут они терниями для глаз ваших, шипами для боков, ваших и теснить вас будут на земле, которую даю я вам.

И очертил Яхве Моисею точные границы земли, которую отдает во владение вечное народу своему.

И пошел Моисей к народу, чтобы передать ему слова Бога Израилева. И вручил Моисей левитам, носящим ковчег завета, и всем старейшинам сынов Израилевых закон, его рукой написанный, и завещал им вслух читать его каждые семь лет, чтобы слушали и запоминали его, чтобы стремились исполнять слова закона этого и не забывали о Боге своем. Ведь боялся Моисей, что после смерти его народ, столько раз им удерживаемый от нечестия, развратится и уклонится от пути истинного, будет делать зло перед очами Яхве, раздражать его делами рук своих и обрушатся на него бедствия великие.

Опасался того же и Яхве. И, явившись в столпе облачном к скинии, высказал Моисею беспокойство свое:

— Вот время пришло тебе почить с отцами твоими, и станет народ ходить путями неверными, склоняться к богам той земли, в которую скоро войдет. Как бы он не нарушил завет, заключенный со мною. Ведь тогда я отвернусь от него в гневе своем, и погибнет он, приняв на плечи свои беды и скорби великие. Чтобы не случилось так, вложи в песню главное из того, что должно врезаться в память сынов Израилевых, и научи их словам ее.

И сложил в тот же день Моисей вдохновенную песнь во славу Бога, и пропел ее перед народом. Вот эта песнь:

— Внимай, небо, я буду вещать, и да внемлет земля откровению уст моих. Ученье мое выльется, как дождь, опустится, как роса, речь моя омоет народ мой, как ливень траву.

Имя Господа прославляю я! Совершенны дела его, все пути его праведны! Вспомните дни древние, поразмыслите о прежних годах, расспросите отцов своих, и возвестят они вам, обратитесь к

старцам своим, и скажут они вам. Всевышний отыскал этот народ в пустыне, и в степи печальной и дикой ограждал он его, оберегал его, хранил как зеницу ока своего. Как орел стережет гнездо свое, носясь над птенцами, и поднимает их на крыльях своих, так и Бог водил свой народ, не подпуская к нему чужих богов. Вознес он его на высоту и кормил плодами полей, добывая для него мед из камня и елей из кремнистой скалы, маслом коровьим и молоком овечьим, жиром агнцев и овнов Васана, самой спелой пшеницей, поил кровью виноградных лоз. Но отучнел и разжирел народ, и оставил Бога, создавшего его, и покинул твердыню спасения своего, раздражать стал Бога своего, принося жертвы другим богам, от соседей явившимся. Но скажет вам Бог: «Смотрите ныне, что Я это Я, и нет Бога кроме меня. Я умертвляю, и Я оживляю, Я поражаю… и Я исцеляю, и никто от руки моей не избавлен. Вот Я подъемлю руку мою и говорю: «Жив Я вовек!»

Кончил Моисей и воззвал к народу:

— Положите же на сердце ваше эти слова, которыми я ныне предупреждаю вас, и заповедайте детям вашим, чтобы они их исполняли.

Затем Моисей попрощался со своим народом и с равнин Моава взошел на гору Нево{179}, на вершину Писгу, что против Иерихона. Оттуда открывается вид на всю страну обетованную, от Крайнего моря до Дана, от Дана до края полуденного Негев. Он увидел темные линии виноградных лоз, натянутые на выгоревшие холмы, как струны кифары, маслянистую гладь Соленого моря, Иордан, который ему не дано перейти, тысячи речек и ручьев, сбегавших с гор голубыми извилинами, бесчисленные стада овец, пасущихся на склонах гор, стены городов, раскинутых здесь и там, и даже кровли домов, под которыми жили те, кто еще не догадывался о неминуемом поражении и рабстве. Потом он обернулся и обратил свой взгляд на стан Израиля, на тысячи шатров, и жаркие слезы хлынули из его глаз и потекли по изрытым морщинами щекам к бороде. Это он, Моисей, вывел народ из Египта, дал ему законы, поставил перед Иорданом, чтобы он совершил, как лев, свой могучий прыжок в эту страну, которая течет молоком и медом.

Нашли тело Моисея, обращенное к земле Ханаанской, и оплакали, и похоронили, сохранив тайну его гробницы до сего дня. А произошло это на одиннадцатом месяце сорокового года скитаний народа Израиля. Было Моисею тогда 120 лет, но не притупилось его зрение, не истощилась свежесть его. И не было второго такого пророка во Израиле, ибо Бог лишь его одного знал лицом к лицу.

В Иерихоне

Рассказ о лазутчиках, видимо, являлся легендой древнего происхождения. Его параллелью является повествование о лазутчиках, отправленных в страну обетованную Моисеем. Подобного рода истории отражали широко распространенную военную практику израильтян и других народов Древнего Востока.

После кончины Моисея во главе народа стал Иисус, сын Навина. И обратился к нему Яхве со словами ободрения:

— Умер раб мой Моисей. Теперь ты поведешь народ за Иордан, в землю, обещанную отцам вашим. И как был я с Моисеем, так и с тобой буду я, не отступлю от тебя, не оставлю тебя. Ты же храни и исполняй закон, завешанный Моисеем. Не уклоняйся от книги закона ни направо, ни налево, день и ночь в ней черпая поучения, дабы в точности исполнять все, что там написано.

Начать решил Иисус с захвата Иерихона{180}, неприступной крепости хананеев, защищавшей их страну с востока. Вызвал он двух храбрых воинов и повелел им:

— Переплывите Иордан, осмотрите землю, проникните в Иерихон, чтобы знать мне силы врага.

Лазутчики одолели вплавь быструю реку и, обсохнув, вышли к переправе, где смешались с пастухами, гнавшими с гор стадо овец на кормление царю. Все было бы хорошо, если бы один из пастухов не услышал, как лазутчики перебросились парой слов на чуждом языке. Проследив, что незнакомцы вошли в дом блудницы Рахав, расположенный в городской стене{181}, пастух отправился во дворец, чтобы донести о вражеских соглядатаях и получить от царя награду.

И послал царь к дому Рахав воинов. Было уже темно, и воины шли с факелами. Догадавшись, что идут к ней, женщина отвела посетителей на кровлю своего дома и скрыла их среди разложенного на просушку льна. Воинам же она сказала:

— Да, ко мне приходили двое. И я их впустила, как всех, кто входит ко мне с серебром. Они торопились и ушли еще до закрытия городских ворот.

После того как стих топот подбитых гвоздями сандалий и скрежет поспешно открываемых ворот, Рахав поднялась на кровлю и обратилась к тем, кого она спасла:

— Слышала я, что Бог иссушил перед вами море, когда вы шли из Египта. Знаю я, какой ужас вы навели на страну Ханаан, поклянитесь же отблагодарить меня, войдя в город, сохранить в живых отца моего, и мать мою, и братьев моих, сестер моих и всех, кто у них.

И ответили ей лазутчики:

— Клянемся. А знаком пусть будет веревка из червленых нитей, которую ты привяжешь к окну.

И спустила Рахав лазутчиков из окна своего прямо на городскую стену. И сказала она им:

— Идите в горы, чтобы вас не встретили стражи, скрывайтесь там три дня, а потом двигайтесь своим путем.

Ночью четвертого дня переплыли лазутчики Иордан и, не обсохнув, явились в шатер Иисуса Навина. Так он узнал, что стена Иерихона столь высока, что ее не перейти, и столь крепка, что ее не разбить, что ворота днем и ночью охраняются стражами.

Понял Иисус Навин, что с имеющимися у него силами Иерихона не взять, и положился на Бога.

Переход через Иордан и пасха в Гилгале

Наутро собрал Иисус народ и объявил, что Яхве предстал ему во сне и приказал идти в страну обетованную через три дня. К этому он добавил, что Бог повелел беспрекословно повиноваться ему, Иисусу, а тех, кто нарушит приказ, разрешил лишать жизни.

Три дня готовились люди к походу, собирая провизию и совершая молитвы. На четвертый день Иисус построил вооруженных воинов в колонну и во главе их поставил священников с ковчегом{182}. Едва священники вступили в Иордан, вода, текущая с севера в Мертвое море, остановилась. Священники, несшие ковчег, шли посуху.

Тогда сказал Яхве Иисусу:

— Возьми от каждого колена по человеку. Пусть они поднимут со дна Иордана по плоскому камню и будут лежать на них всю следующую ночь. Если же кто спросит: «Зачем эти камни?», ответь: «В память о том, что река остановилась, когда ковчег переносили через Иордан»{183}.

Сделали так, как повелел Яхве, и войско перешло реку. Народ расположился станом к востоку от Иерихона. В это время приказал Яхве Иисусу:

— Сделай себе каменные ножи и обрежь сынов Израиля.

Было это сказано потому, что мужи, выведенные из Египта, умерли в пустыне, а те, кто там родился, не были обрезаны. И выполнил Иисус то, что ему повелел Яхве. Яхве, увидев это, сказал:

— Вот я и снял с вас срам египетский.

С этих пор место, где был стан Израиля, называется Гилгал{184}. И стояли сыны Израиля в Гилгале на равнинах Иерихонских до четырнадцатого дня того же месяца, и отпраздновали там пасху. А на следующий день после праздника

они ели лепешки из зерен страны Ханаан. И не было больше у сынов Израиля манны небесной.

В то же время предстал Иисусу муж с обнаженным мечом.

— Кто ты? — спросил его Иисус. — Не из недругов ли ты наших?

— Нет! — ответил тот. — Я вождь воинства Яхве и пришел к тебе по его воле.

Упал перед посланцем Божьим Иисус лицом на землю и промолвил:

— Что господин хочет приказать рабу своему?

— Сними обувь с ног твоих! — сказал воин Яхве. — Потому что место, на котором ты стоишь, свято.

И сделал Иисус то, что было ему велено.

Обход Иерихона

Рассказ о падении Иерихона — новелла, свидетельствующая о литературном мастерстве рассказчика.

Иерихон был разрушен за 200–250 лет до вступления Израиля в страну Ханаан, скорее всего, в результате мощного землетрясения. Оно породило легенду о внезапном сокрушении городских стен. В окрестностях Иерихона археологи раскопали захоронения 1850–1550 гг. до н. э. удивительной сохранности, соответствующие времени наивысшего расцвета города. Проникшие в склепы незадолго до катастрофы подземные газы уничтожили бактерии и сохранили в неприкосновенности деревянные столы для приношений с остатками пищи, гребни, шкатулки, украшенные вырезанными из кости фигурками птичек, и даже косметику, которой пользовались также и представительницы древнейшей в мире женской профессии, подобные Рахав.

Тем временем все, кто были за стенами Иерихона, пастухи и пахари, вошли в город, и царь повелел закрыть ворота, а лучникам и копейщикам стать на стены.

Иисус же сказал своим воинам:

— Шесть дней по одному разу обходите стены Иерихона{185}. И пусть впереди будут семь священников с семью трубами из бараньих рогов. На седьмой же день обойдите вокруг города семь раз. И пусть священники дуют в бараньи рога. Вы же храните молчание, чтобы никто не слышал голоса вашего, пока не начнете седьмого круга и я не дам вам знак, чтобы воскликнули громовым голосом. И рассыпятся стены Иерихона, и войдете вы в город. Убивайте тогда всех от мала до велика, но не входите в дом, из окна которого будет свешиваться червленая веревка.

Удивились воины этому приказу, но, помня, чем им грозит ослушание, покорно выбрали место, куда не могли достигнуть стрелы и пращные камни иерихонцев, а затем начали обход города. Осажденные были удивлены не менее, чем осаждающие. Шествие людей, обросших волосами, в запыленных одеяниях, вызывало ужас, тем более что пришельцы двигались в полном

молчании и лишь бараньи рога время от времени издавали трубные звуки, предвещая городу гибель. На следующий день странное шествие повторилось.

— Эти люди сошли с ума! — предположил царь Иерихона.

— И как не сойти! — подхватил один из придворных. — Я слышал, что они провели в пустыне сорок лет, сжигаемые зноем, страдая от жажды и голода.

Когда шествие повторилось и на третий день, уже никто из иерихонцев не сомневался, что перед ними сумасшедшие. Воины на стене покатывались от хохота и показывали знаками, что у врагов неладно с головой. Но безумцы продолжали идти, ни на что не обращая внимания.

Они явились и на четвертый день и шли по протоптанному пути, наклонив голову, как бараны, из рогов которых были трубы в руках жрецов.

— Им осталось развлекать нас еще три дня, — уверенно сказал один из жрецов Иерихона, знавший священные обычаи приверженцев Яхве. — Седьмой день недели у них день отдыха.

Но бешеные, вопреки своим обычаям, не дали себе отдыха даже в субботу. Более того, они сделали вокруг Иерихона шесть кругов. Но на седьмом круге по знаку Иисуса под губами жрецов взревели бараньи рога, и воины издали такой громкий клич, что от содрогания воздуха рухнули могучие стены, а те, кто был на них, упали и разбились.

И ворвались воины Иисуса в беззащитный город, и истребили мужчин и женщин, детей и стариков, волов, овец и ослов. По окну, из которого спускалась червленая веревка, узнали спасенные Рахав юноши дом своей спасительницы и вывели всех его обитателей в безопасное место.

Медь, серебро и золото Иисус приказал собрать и отдать священникам Яхве. Нашелся только один воин, который нарушил этот приказ, закопав часть добычи в землю.

После этого великий город был предан огню. И произнес Иисус клятву, что каждый, кто восстановит и отстроит Иерихон, будет проклят во веки веков{186}.

Судии

Конец XIII — первая треть XII в. до н. э. едва ли не самое удивительное и загадочное пятидесятилетие древней истории Восточного Средиземноморья и Эгеиды. В этот промежуток времени в разных частях восточного и западного миров, разделенных морями и цепочками островов, гибнут, словно бы от какой-то внезапно вспыхнувшей эпидемии, десятки хорошо укрепленных городов — Микены, Пилос, Тиринф, Троя, Хаттушаш, Угарит, Газа, Ашкалон и др. Археология, установившая факт почти одновременной гибели, определила и ее общие симптомы. Города были оставлены их населением и погибли в результате мощного удара, нанесенного извне. Часть городов (Угарит, Троя, Микены, Пилос) навсегда осталась в развалинах. Другие города под старыми или новыми именами через некоторое время начали новую жизнь.

Благодаря открытиям, сделанным в дельте Нила, в храме Мединет-Хабу, удалось определить микробы «моровой язвы». Это были народы, которые обозначены египтянами в соответствии с особенностями их письма одними согласными знаками ПЛШТ, ДН, ТРШ, СКЛ, ШРДН. Греческая историко-мифологическая традиция называла их соответственно пеласгами, данайцами (библейские данаты), тирсенами (этрусками), сикулами, сардами. Библейские авторы именовали первые три народа филистимлянами, остальные два соответственно данитами, таршишом.

После того как эти народы смели многовековую культуру микенцев, хеттов, хананеев, они начали создавать собственные цивилизации — филистимскую, архаическую греческую, нурагическую сардскую, сикульскую, этрусскую. Филистимская культура возникла на территории страны Ханаан и дала ей новое имя Палестина.

Израильские племена, пришедшие в страну Ханаан в то же пятидесятилетие, что филистимляне и данайцы, не могли быть разрушителями городов хананеев, хотя книга Иисус приписывает разрушения именно им. Они поселились на опустошенных вторжением «народов моря» землях и начали новую, оседлую жизнь вместе с остатками местного населения, которое передало недавним кочевникам навыки древнейшей в мире земледельческой культуры и вместе с ними и верования в богов, покровителей плодородия. Именно тогда бог пустыни Яхве, в облике которого явственны черты восточного ветра, сжигающего, приносящего саранчу, стал постепенно преобразовываться в земледельческого бога.

Полтора-два столетия от вторжения кочевников на почву наполовину сметенной «народами моря» хананейской цивилизации до образования бывшими кочевниками монархии во главе с царями Давидом и Соломоном можно по аналогии с соответствующим периодом истории Балканского полуострова называть «темными веками». На эти века падает не только становление новой религии Яхве, но и создание песен и преданий, включенных в книги Бытие, Исход, Числа и Судии.

Книга Судии дает для понимания процесса, который можно условно обозначить термином «израилизация», неизмеримо больше, чем предшествующая ей книга Иисус. В ней сохранились наиболее древние отрывки израильского фольклора. Ее героические персонажи — судии Эхуд, Гидеон, Дебора, Барак, Самсон — менее затронуты догматической актуализацией. Эта книга сохранила ситуации, более или менее соответствующие исторической реальности, а не тому, как амбициозное иудейское жречество и официозная царская историография хотели видеть прошлое народа — избранника Яхве.

Книга Судии, вопреки тому, что рассказывалось ранее, изображает израильтян не победителями, уничтожившими огнем и мечом местное население, не признавшее Яхве, а поселенцами, вынужденными платить правителям древних городов дань и поклоняться их богам. Содержание книги Судии и ее пафос в том, как с помощью Яхве удалось освободиться от власти поработителей. И хотя автора

книги Судии в первую очередь интересует роль Яхве, герои, с помощью которых он осуществляет свою историческую миссию, — люди, хотя и с гиперболизированными героическими чертами. Подобно тому как бессмысленно на основании рассказов о гомеровских героях восстанавливать реальные походы и сражения, так же и легенды о Гидеоне или Самсоне не могут ничего дать для восстановления истории борьбы между Израилем и его противниками. Они — свидетельство того, как эта борьба отразилась в народных песнях и устных преданиях, использованных автором (или авторами) книги Судии.

Книга Судии фиксирует израильские племена в горных и частично прибрежных частях страны Ханаан, удобных для выпаса скота. Города же Мегидо, Танаах, Газа, Аскалон и др. принадлежат хананеям, филистимлянам, моавитянам. Из описания войн Деборы и Барака с хананеями явствует, что последние представляли городское население, а израильтяне концентрировались на горах Ефраима и на Таборе. Города хананеев Мегидо и Танаах выставили войско из колесниц и пехоты, в то время как в распоряжении Деборы и Барака не было даже щитов и копий. Тем более у них не могло быть стенобитных орудий для взятия городов.

На время написания книги Судии указывает стих 6-й в 17-й главе: «В те дни в Израиле еще не было царей и каждый правил так, как это ему казалось справедливым». Такая фраза могла быть написана только во времена царей, очевидно, после царей-объединителей Давида и Соломона, когда важно было показать, какие бедствия испытывал Израиль уже в те далекие времена, когда не было единого правителя.

Такая же фраза, но в сокращенной форме встречается ниже в стихе 1-м из 18-й главы: «В то время в Израиле еще не было царей». Это повторение, наряду с расхождением в написании одних и тех же имен и названий местностей, позволило ученым выделить два самостоятельных источника, объединенных при составлении книги Судии. Оба этих источника, из которых, как из ручьев, слилась книга Судии, использовали устные народные предания и песни, равно как и сборник военных песен, связанных со «священной войной» Израиля против иноверцев.

Пророчица дебора

Рассказ о пророчице Деборе и ее союзнике Бараке, одержавших победу над хананеями, основан на стихотворном отрывке, включенном в повествование так же, как «Песня Мариам» — в рассказ о спасении Израиля на Красном море. «Песня Деборы» — гимн Яхве, связанный с эпизодом священной войны. Яхве сражается за Израиль, воины Израиля — воины Яхве. В «Песне Деборы» много общего с гимнами Угарита XIV в. до н. э.

По прошествии восьмидесяти лет, когда сыны Израилевы вновь стали изменять своему богу, отдал Яхве племена Израиля в руки царя Ханаана Иабина, правившего в Хацоре. И притеснял он Израиль двадцать лет, и никто не помышлял о сопротивлении, ибо служил Иабину начальник войска Сисера{187}, у которого было девятьсот железных колесниц.

В ту пору судила Израиль пророчица Дебора, сидевшая под пальмой{188} на горе Ефраим. К ней поднимались сыны Израиля на суд. И призвала она к себе Барака{189}, сына Авиноама, из племени Нафтали.

— Внимай мне, Барак! — обратилась она к нему. — Слушай, как я пою и бряцаю на струнах ради Яхве, бога Израиля. Когда он

выходил из Сеира, когда шествовал с полей Эдома, тряслась земля и таяли горы. Потом же, после Эхуда, когда царствовал Шамхар, сын Аната, обезлюдели дороги, и стали сыны Израиля избегать больших дорог и ходить извилистыми тропами. Исчезли предводители, ибо избрал себе Израиль новых богов. И вот война у ворот. Внимай, Барак, плени поработителей, сын Абиноама, повергни Сисеру!

Барак отшатнулся:

— У Сисеры девятьсот колесниц, запряженных быстрыми, как ветер, конями. На каждой из них трое закованных в латы воинов. У нас же нет ни щитов, ни копий.

Вновь ударила Дебора по струнам и запела под их звуки:

— Шагай, Барак! Повелевает тебе Яхве, бог Израиля. С высот надвигается гром. В страхе перед ним останавливаются кони, уходят по ось окованные железом колеса. Слабеет тетива вражьих луков. Гром! Гром! Гром!

— Если пойдешь со мною, пойду, если не пойдешь, останусь, — ответил Барак.

— Я пойду с тобою, Барак! — отозвалась Дебора. — Но тогда не будет славы на твоем пути. Ибо Яхве предаст Сисеру не в твои, а в слабые женские руки.

Барак решил, что пророчица имеет в виду себя. А если Дебора будет идти вместе с ним, слава достанется и ему.

И пошел Барак вместе с Деборой в Кедеш, а оттуда на гору Табор{190}. Были с ними десять тысяч воинов из племен Ефраима, Нафтали, Вениамина, Иссахара, Рувима и Гада. Остальные племена не захотели рисковать своим покоем и богатствами.

Донесли Сисере о том, что Израиль собрался на горе Табор. И вывел он колесницы свои, девятьсот железных колесниц, повел всех людей, ему подчиненных. Достигли они Танааха, у вод Мегиддо{191}.

И сказала Дебора:

— Воспрянь, Барак! Ибо настал день, в который Яхве предаст Сисеру в наши руки!

И сошел Барак с горы Табор, спустились вместе с ним десять тысяч воинов и пророчица Дебора. Видя это, Яхве привел Сисеру в замешательство, обрушил на него с небес водные потоки. Переполнилась ими речка Кишон{192}. Поле превратилось в болото. И бежал Сисера, бросив свои колесницы. Стан же его пал от острых мечей.

Направился беглец к шатру Иаэль, жены Хевера из племени кенитов. Вышла Иаэль навстречу Сисере и сказала ему:

— Заходи, господин мой, не бойся.

И зашел он к ней в шатер, и накрыла его Иаэль ковром.

Сисера же сказал спасительнице:

— Дай мне немного воды. Я хочу пить.

Развязала Иаэль мех с молоком и поднесла Сисере.

Напившись, он сказал:

— Стань у входа в шатер. Если кто меня спросит, скажи: «Его нет».

Вышла Иаэль из шатра, вынула из земли колышек, крепивший шатер, взяла молот, и, вернувшись, приложила колышек к виску Сисеры, и ударила по нему молотом. Распростерся Сисера у ее ног. И прославилась Иаэль более всех жен в шатрах Ханаана.

Возвращаясь на гору Ефраим под свою пальму, пела пророчица Дебора:

— Ходит мать Сисеры по половицам из ливанского кедра, от стены к окну бредет, к окну подойдя, бросит взгляд сквозь решетку. Рыдает мать Сисеры: «Где же ты, сын мой? Почему не торопятся твои быстрые кони? Почему медлят колеса твоих колесниц?» «Не волнуйся, госпожа наша! — успокаивают ее жены Сисеры. — Не проливай слез! Велика добыча, и трудно ее разделить. По одной девке, по две девки на каждого воина! Господину же достались разноцветные одежды, с обеих сторон расшитые, сорванные с плеч пленника».

Меч Гедеона

Рассказ о Гедеоне более, чем другие сюжеты книги Судии, дает представление об общественно-политической организации Израиля. Основной ячейкой общества был род. Гедеон младший сын Иоаша, принадлежал к роду Авиезера. Готовясь к борьбе с мидианитянами, он прежде всего обращается к родичам. И они выделяют под его начало воинов. Безусловную поддержку Гедеону оказывает и племя Манассия, куда входит род Авиезер. Помимо этого в атимидианитскую коалицию входят еще три племени: Ассер, Забулун и Нафтали. Остальные племена, не менее названных заинтересованные в разгроме вторгшихся в страну Ханаан кочевников, к военным операциям не привлекаются, что вызывает обиду одного из племен Ефраима.

На основании воссоздаваемой из рассказа о Гедеоне картины отношений между племенами, равно как из рассказа о Деборе и Бараке, создается впечатление, что союз двенадцати племен Израиля не был военной организацией с какими-то общими органами управления и администрацией. Как ясно из примера с ланитами, соответствующими эгейским данайцам, не приходится говорить и об общности этнического происхождения племен. Легенда о двенадцати племенах Израиля как потомках двенадцати сыновей Иакова в этническом плане — фикция. Недаром их мифических родоначальников возводили к разным матерям — свободным и рабыням.

Победа над хананеями подняла дух Израиля. Но не все еще поняли, кому они ей обязаны, и продолжали поклоняться идолам. За это наслал на них Яхве двуногую саранчу — кочевников пустыни мидианитян и их союзников. Налетели они в месяц посева ячменя великим множеством. Им и их верблюдам не было

числа. Целые семь лет они владели страной, не оставляя Израилю ни колоска, ни овечки, ни осла, ни вола. Обнищал Израиль, и возопили его сыны к Яхве. И он ответил им так:

— Я Яхве, ваш Бог. Я вызволил вас из Египта, дома рабства. Отдал вам страну Ханаан. Вы же взираете на ее богов.

Вскоре после того пришел посланец Яхве и сел под теребинтом на земле Иоаша из рода Авиезера, в Офре. Сын же Иоаша Гедеон неподалеку молотил пшеницу, стараясь, чтобы его не увидели мидианитяне. Обратился к нему посланец Бога и сказал:

— Бог с тобою, сильный человек!

Прервав работу, Гедеон сказал:

— Если со мною, то и со всеми, а если со всеми, то почему нас постигли беды? Где чудеса Яхве, о которых рассказывали отцы?

И сказал Яхве устами своего посланца:

— Иди, Гедеон, и спаси Израиль.

— Как я это сделаю? — усомнился Гедеон. — У меня немного людей, к тому же я самый младший в доме моего отца.

— Я буду с тобою! — сказал Яхве устами посланца. — И ты побьешь тьму людей, словно это был бы один человек.

Понял Гедеон, что перед ним необычный гость. Он отправился к стаду, чтобы зарезать козленка и принести гостю опресноков и похлебку. Когда же он явился с жертвенными дарами, посланец Яхве сказал:

— Вылей похлебку, а мясо с опресноками положи на камень.

Гедеон сделал, как ему сказали. Коснулся гость посохом камня, и оттуда извергся огонь, пожравший жертвенные дары.

Испугался Гедеон, зная, чем грозит смертному близость к божеству, и взмолился он к Яхве:

— Скажи, что мне делать, о Боже!

— Мир тебе! — ответил Яхве. — Не бойся! Не умрешь!

И соорудил Гедеон перед теребинтом алтарь Яхве, назвав его «Яхве мир». Он до сих пор находится в землях рода Авиезера.

Воодушевленный встречей с посланцем Яхве, схватил Гедеон топор, и сокрушил жертвенник Баала, и изрубил в щепки священное дерево над ним. Совершив это, он воздвиг жертвенник Яхве и на дровах от священного дерева Баала сжег тельца во славу Бога Израиля. Было это ночью, ибо Гедеон боялся людей своего отца и горожан. Когда утром все увидели, что жертвенник Баала разрушен, а священное дерево его сожжено, окружили горожане дом Иоаша и потребовали:

— Выведи своего сына Гедеона, и мы убьем его, ибо это он разрушил жертвенник и сжег священное дерево.

Иоаш же ответил этим людям:

— Вам ли вступаться за Баала? Вам ли защищать его? Если он бог, то пусть сам защищает себя и судится с тем, кто разрушил его алтарь.

Между тем мидианитяне, амаликитяне и другие жители Востока перешли Иордан и расположились станом в долине Иезреела, неподалеку от того места, где Дебора и Барак победили Сисеру. И обуял Гедеона дух Яхве. И вострубил он трубой. Собрался Авиезер, весь его род. Затем Гедеон послал гонцов к племени Манассия. Собралось и оно. Были отправлены послы к племенам Ассер, Забулун и Нафтали. И они также прислали вооруженных людей.

Собрав четыре племени Израиля, Гедеон обратился к Яхве:

— Я хочу узнать, спасешь ли ты моей рукой Народ Израиля, как обещал? Поэтому я расстелю на гумне остриженную овечью шерсть, если роса будет только на ней, то я пойму, что ты подтверждаешь свое обещание.

Встав на заре, Гедеон взял шерсть в кулак и выжал из нее чашу воды. Кругом же было сухо. Так Гедеон понял, что может рассчитывать на помощь Яхве.

Затем Гедеон и те, кто с ним, расположились станом у источника Харода. Стан же мидианитян был к северу в долине Иезреела. У Гедеона было очень много воинов. И не разрешил Яхве вступать в бой с таким количеством, сказав Гедеону:

— Не могу я предать мидианитян в руки их, потому что возгордится Израиль и подумает, что своею собственной рукой спас себя. А потому предложи воинам: «Пусть удалится каждый, кто робок и боязлив».

И когда выполнил это Гедеон, ушло двадцать две тысячи, ибо робость вдохнул в их сердца Яхве. Но и тех десяти тысяч, что остались, показалось Яхве слишком много, и повелел он повести их к воде и посмотреть, как они будут пить.

Одни черпали воду ладонями или захваченными из шатров плошками, другие лакали языком, как собаки. Последних оказалось триста душ. Их и распорядился Яхве оставить, сказав:

— С тремястами лакающими я вас спасу и передам мидианитян в ваши руки.

Ночью Гедеон вновь услышал голос Яхве:

— Вставай и вступи во вражеский стан. Если боишься один, возьми с собой слугу твоего. Выслушай, что они говорят. Тогда у тебя появится отвага, чтобы ворваться в стан.

И сошел Гедеон вместе со слугой с горы, и смешался с воинами вражеского сторожевого отряда. Мидианитяне же, амаликитяне и все, кто, придя с востока, расположились станом в

долине, были многочисленны, как саранча. Верблюдов их нельзя было сосчитать, так же как песок на морском берегу. Беседовали двое вражеских воинов. Один рассказывал другому сон:

— Послушай! Вот что мне приснилось. Катится по нашему стану ячменный каравай. Докатившись до шатра военачальника, он ударяет в него с такой силой, что шатер рассыпается.

— Я думаю, — отозвался другой воин, — что это меч израильтянина Гедеона, сына Иоаша. Это Бог передал наш лагерь в его руки.

Услышав это, Гедеон возвратился в лагерь и разбудил своих храбрецов.

— Вставайте! — сказал он им. — Ибо Господь передал в наши руки стан мидианитян.

И разделил Гедеон воинов на три отряда, дал каждому по трубе и по кувшину с горящими в них головнями.

— Делайте то, что буду делать я, — объяснил он им. — Когда я и те, кто со мной, затрубим в трубы, трубите и вы, стоя на месте, и кричите:

— Меч Яхве и Гедеона!

В начале средней стражи отправился Гедеон со своей сотней воинов к краю вражеского стана. Задули они в свои трубы и разбили кувшины, которые были в левой руке, трубили и кричали:

— Меч Яхве и Гедеона!

То же самое сделали две другие сотни. В лагере поднялся переполох. Все куда-то бежали, сбивая друг друга с ног. Вскоре весь стан обратился в бегство. И бежало воинство до Бет-Ситты, что напротив Цереры, до берега Абед-Мехолы и Таббафа. Тогда были призваны мужи: из колен Израилевых Нафтали, Ассера и изо всего колена Манассия. И гнали они мидианитян.

Гедеон же послал гонцов в горную страну Ефраим, чтобы передать: «Выйдите навстречу мидианитянам и перекройте у них воду до Бет-Бары на Иордане». Они взяли в плен обоих мидианитянских князей Орева и Зеева, и убили их, и принесли головы их Гедеону.

После победы над мидианитянами и их союзниками обратились израильтяне к Гедеону с такими словами: «Ты должен править нами, ты, и твой сын, и твой внук, потому что тобою мы спасены от рук недругов».

— Нет! — отозвался Гедеон. — Ни я, ни мой сын не будут властвовать над вами. Пусть Бог владеет вами один. Я же вас прошу об одном. Дайте мне каждый по золотому кольцу из вашей добычи.

Они сказали: «Дадим» — и, расстелив плащ, бросили туда

каждый по золотому кольцу. Общий вес золота в кольцах был тысяча семьсот сиклей. Кроме того, Гедеону достались пурпуровые одежды и цепочки, что звенели на шеях у верблюдов.

Изо всего этого Гедеон сделал изображение Бога и поместил его в своем городе Офре. И стало это ловушкой для Гедеона и дома его, потому что начали приходить туда израильтяне на поклонение.

Царь Авимелех

Смирились мидианитяне, и на сорок лет, до скончания дней Гедеона, мир и покой установились на земле Ханаанской.

Много жен было у Гедеона, и имел он от них семьдесят сыновей. В Сихеме же жила его наложница, от которой он имел одного сына. Было ему имя Авимелех.

Однажды пришел Авимелех в Сихем к братьям матери своей и стал им говорить:

— Подумайте, что лучше для вас — чтобы семьдесят сынов Гедеона правили вами или иметь одного над собой? И вспомните, что из всех сыновей Гедеона не чужой вам лишь я, плоть ваша, ваша кость.

И братья наложницы Гедеоновой склонили сердца жителей Сихема к родственнику своему. И дал храм Ваала Авимелеху 70 сребреников, и нанял он на эти деньги людей пустых и легкомысленных{193}, согласившихся пойти с ним в Офру, где жил, умер и был похоронен Гедеон.

Придя в Офру, в дом отца своего, перебил Авимелех своих братьев на одном камне. И лишь младшему из них, Иофаму, единственному из семидесяти, удалось скрыться.

После того собрались все жители Сихема у теребинта, посаженного возле города{194}, и поставили царем над собою Авимелеха. Узнав об этом, Иофам отправился в Сихем, поднялся на вершину горы Гаризим{195} и возвысил голос свой так, чтобы был он слышен и жителям Сихема внизу, и Богу наверху.

— Выслушайте притчу, жители Сихема, — призывал он, — поразмыслите о том, что ожидает вас!

Пошли некогда дерева помазать над собой царя и обратились к маслине:

— Царствуй над нами.

И ответила им маслина:

— Неужели я потеряла тук свой, которым воздают почесть и Богу, и людям, чтобы идти скитаться по деревам?

И сказали тогда дерева смоковнице:

— Иди ты, царствуй над нами!

Но ответила им смоковница:

— Неужели я потеряла сладость своих прекрасных плодов, чтобы идти скитаться по деревам?

И сказали дерева виноградной лозе:

— Иди ты, царствуй над нами.

Не согласилась виноградная лоза, ответив им:

— Неужели я потеряла сок свой, веселящий Бога и людей, чтобы идти скитаться по деревам?

И обратились все дерева к терновнику:

— Иди ты, царствуй над нами.

Не стал отказываться терновник и сказал деревам:

— Если вы действительно ставите меня царем над собой, то идите под покров тени моей. Если же покинете вы ее, выйдет огонь из терновника и сожжет кедры Ливанские{196}.

И для тех, кто не уловил смысла рассказанной притчи, добавил еще Иофам:

— Справедливо ли, по правде ли поступили вы, поставив Авимелеха царем над собой? Хорошо ли обошлись вы с домом Гедеона, спасшего вас? Не за вас ли мой отец рисковал жизнью в битве с мидианитянами? Вы же поставили царем сына рабыни его, перебив законных сыновей его. Если сделали вы это все по правде и справедливости, то возрадуйтесь тому, что имеете Авимелеха царем, пусть и он возрадуется власти своей над вами. Если же нет в этом правды и справедливости, да изыдет от Авимелеха огонь и сожжет жителей Сихемы, да изыдет огонь и от вас, сихемцы, и сожжет Авимелеха.

Выкрикнул эти слова, сбежал Иофам с вершины горы и скрылся от лица брата своего Авимелеха, чтобы не погибнуть от руки его.

Жители Сихема не вняли Иофаму, и три года царствовал над Израилем Авимелех.

Но не могло не свершиться мщение за семьдесят сынов Гедеоновых, не могла не обратиться кровь их на Авимелеха. И посеял Бог вражду между Авимелехом и жителями Сихема, укрепившими руки его, когда поднял он их на братьев своих. И поднялись сихемцы против Авимелеха. И вступил Авимелех в сражение с городом. Перебили его воины горожан, оказавшихся за городскими воротами в поле. Целый день сражались они у городских стен и захватили город, и приказал Авимелех перебить его жителей, а сам город разрушить и засеять солью место, где он стоял. Тех же горожан, которые скрылись в башне Эл-Берифа{197}, около тысячи мужчин и женщин, Авимелех сжег, приказав воинам нарубить побольше сучьев и обложить башню со всех сторон{198}.

Так обратил Бог все злодеяния жителей Сихема на голову их.

Так настигло их проклятие Иофама, сына Гедеона, так и рукою Авимелеха совершилось возмездие.

Но и Авимелеху Бог воздал за злодеяние его, обратив на него ярость сихемцев. Уничтожив Сихем, двинулся Авимелех на соседний Тебец и взял его после недолгой осады, но, когда приблизился к городской башне, чтобы ее поджечь, одна из спасавшихся в башне женщин бросила сверху в Авимелеха жернов и проломила ему череп. Почувствовал Авимелех приближение смерти, и невыносима стала ему мысль, что о нем скажут: «Женщина убила его». Призвал он своего оруженосца и приказал убить себя мечом.

Иеффай и его дочь

Вслед за рассказом о кратком царствовании Авимелеха вновь сообщается о правлении судий. С одним из них, Иеффаем, связывается человеческое жертвоприношение, противоречащее букве и духу Священного закона. Ошибка Иеффая в том, что, обещав принести Богу завета жертву, он не уточнил, что имеется в виду жертва животного. Из ошибки выросло преступление. Не желая нарушить свое слово, Иеффай принес в жертву свою дочь, и этому дурному примеру последовали другие израильтяне, и человеческие жертвоприношения стали в Израиле практикой, противоречащей Закону.

Таким образом, перед нами типичный этиологический (причинный) миф, цель которого — объяснить появление обычая (или природного явления). Мифы этого типа широко распространены у всех древних народов. Они буквально пронизывают весь Ветхий завет, объясняя происхождение обрядов и названий местностей. Между тем введение человеческого жертвоприношения не требовало объяснения, поскольку автор книги Судии многократно сообщает, что сыны Израиля оставили своего Бога и, подобно другим народам страны Ханаан, служили Ваалам и Астартам, а это служение подразумевало и практику человеческих жертвоприношений.

Вслед за падением царя Авимелеха правили судии, которых называли «малыми». Не совершили они ничего, достойного упоминания. Так, о судии Фоле сообщается лишь то, что он был из колена Иссахара, жил на горе Ефраим и правил 23 года. Судия Иаир прославился лишь тем, что имел 30 сыновей, которые ездили на 30 молодых ослах. Обстоятельно рассказано лишь об Иеффае из Гилеада, хотя его слава была особого рода. Как и его предшественники, он не понял буквы и духа Закона и мало чем отличался от соседей Израиля, служивших Ваалам и Астартам.

Был Иеффай изгнан из своего родного города. Сколотив в пустыне Тоб шайку из таких же изгоев, он нападал на селения аммонитян и этим кормился. Когда аммонитяне стали нападать и теснить гилеадцев, они вспомнили об Иеффае и пригласили его возглавить поход воинства на аммонитян. Обиженный на сограждан и на весь свет, Иеффай захотел возвратиться в Гилеад с почетом и потребовал в качестве награды за свою помощь городу назначения его главой. Гилеадцы приняли это условие, но

потребовали, чтобы Иеффай одержал над аммонитянами решительную победу.

Войне всегда предшествовали переговоры. Иеффай отправил к царю аммонитян послов, которым было поручено заявить протест против нападения на земли Гилеада.

— Не ваша это земля и не Гилеада, а наша, — ответил царь аммонитян послам. — Наша испокон веков. Израиль занял ее незаконно во время исхода из Египта.

— Не ваша это земля! — ответили послы Иеффая царю аммонитян. — Ведь, подойдя к землям твоих предков, наши предки обратились с просьбой пройти через них. Разрешение не было дано. Более того, против Израиля было выставлено войско аммонитян. В разгоревшейся битве одержали верх наши предки и наш Бог Яхве. Твой же Бог Кемош не вмешался в защиту твоих предков, и, следовательно, он одобрил и победу Яхве, и потерю той части Заиорданья, что между притоками Иордана Арноном и Иоабом.

Доказав, как ему казалось, свою правоту, двинулся Иеффай против аммонитян. И сошел на Иеффая Дух Божий. Но ему этого было мало. Желая во что бы то ни стало разгромить аммонитян и добиться назначения главой Гилеада, Иеффай вступил в переговоры с Богом, обещав принести ему в жертву того, кого он увидит выходящим первым из дома.

Победа была одержана. Иеффай разгромил двадцать городов аммонитян. Смирились они перед сынами Израиля и стали их данниками. Из дома первой вышла единственная дочь Иеффая, приветствуя его песней и игрой на арфе.

Увидев дочь, Иеффай разорвал свою одежду и сказал:

— Сразила ты меня, как мечом, ибо я дал обещание Богу и должен его выполнить.

Не сказал Иеффай дочери, что Бог не тянул его за язык, что Бог непричастен к тому, что из дому вышла дочь, а не агнец или собака, что виной несчастья, которое должно произойти, было непомерное честолюбие.

Дочь не догадывалась о вине отца своего. Она видела в нем победителя и спасителя Израиля. Поэтому она сказала:

— Сделай со мною то, что ты обещал Богу{199}. Ибо он тобою отомстил врагам твоим аммонитянам!

— Иди! — сказал Иеффай дочери.

Это было время, когда девушки в горах в течение двух месяцев водят хороводы и славят Бога. Вернувшись домой, девушка была принесена в жертву вопреки тому, что Бог категорически запретил человеческие жертвоприношения. Этот же варварский обряд, по обычаям моавитян и аммонитян,

совершали вслед за Иефаем другие судии. Девушки же Израиля четыре дня в году оплакивали дочь Иеффая из Гилеада.

Самсон

История жизни и смерти Самсона (Шимшона) имеет много неясностей. Сообщение о том, что Самсон судил Израиль в течение двадцати лет, в силу своей лапидарности и несвязности с повествованием выглядит как поздняя вставка с целью найти богатырю, память о котором сохранилась в народе, место среди израильских вождей — судий.

В облике Самсона и в его подвигах немало черт, присущих героям народов Эгеиды, прежде всего Гераклу: простодушие, необузданность, любвеобильность. Так же, как Геракл, Самсон — победитель льва. Из-за женщины оба они попадают в рабство. Сила Самсона, приписываемая Яхве, — поздняя, привнесенная черта. В Самсоне нет ничего ни от судии, ни от героя типичных израильских мифов, ни тем более от назарея, который должен быть воздержанным, не пить вина, не прикасаться к трупам, не растрачивать сил на женщин, особенно чужеземок.

Сорок лет стонал Израиль под властью филистимлян и, видя их силу, даже не помышлял об избавлении. И пожелал Яхве поднять дух своего народа, и отправил вестника из земли племени Дан в Цору{200}, поручив ему встретиться с женой человека по имени Маноах, которая была бесплодна. Встретившись с нею, вестник сказал:

— Вот ты бесплодна и не рожаешь, но скоро родишь сына. Остерегайся же вина и сикеры, не пей ничего хмельного и не вкушай ничего нечистого — ведь сын твой будет назареем Божьим. Пусть не ест он ничего, что производит виноградная лоза, не пьет ни вина, ни сикеры, не дотрагивается до нечистого, и да не коснутся ножницы его головы. И будет ему дано спасти Израиль от власти филистимлян.

Сказав это, вестник удалился. И действительно, вскоре родился у Маноаха сын, которого назвали Самсоном.

Когда Самсон был уже юношей и попал в город Тимну, увидел он там красавицу-филистимлянку и последовал за нею до дома ее отца. А потом вернулся к родителям и объявил им свое желание. Не догадывались отец и мать Самсона, что это не каприз сына, а Дух Яхве в нем ищет возможности отомстить филистимлянам.

— Зачем тебе филистимлянка, сын мой? Разве мало невест в нашем народе? — спросили родители.

Но так как Самсон стоял на своем, отправились родители вместе с ним в Тимну. Когда дорога перерезала окружавший город виноградник, послышался грозный рык. Вошел в Самсона Дух Яхве, и он пошел навстречу льву, и разорвал страшного хищника голыми руками, словно бы это был новорожденный козленок.

В Тимне Самсон говорил с девушкой, которая ему нравилась.

Через некоторое время он вновь оказался у нее, чтобы договориться о свадьбе. При этом он сделал крюк, чтобы взглянуть на труп льва, дело рук своих, и, к своему удивлению, увидел, что над его пастью вьется пчелиный рой. Он достал мед и, продолжая свой путь, ел его и оставил родителям, не сказав им, что мед из трупа убитого им льва.

Затем отправился его отец к женщине, которую просватал Самсон. И состоялся, по обычаям того времени, свадебный пир. Самсон вызывал у филистимлян страх, поэтому они послали тридцать юношей, чтобы были они гостями на его свадьбе. Самсон обратился к ним:

— Я хочу загадать вам загадку. Если в течение свадьбы, что будет длиться семь дней, разгадаете ее, то получите тридцать льняных одежд и столько же плащей. Не разгадаете, отдадите мне все это.

— Мы согласны! — ответили филистимляне хором.

Тогда он сказал:

— Из жрущего вышла жратва, из сильного — сладость.

Шли дни, но свадебные гости не могли решить загадки. На четвертый день они обратились к жене Самсона:

— Уговори своего мужа, чтобы он разгадал свою загадку, иначе сожжем тебя вместе с отчим домом. Ведь не затем, чтобы обобрать, звали нас на свадьбу.

Тогда бросилась женщина с плачем на шею Самсона и сказала ему:

— Ты меня совсем не любишь и заставляешь страдать. Почему ты задал загадку моим одноплеменникам, а я ее не знаю?

— Почему я должен разгадывать загадку тебе, когда не разгадал ее отцу и матери! — возразил Самсон.

Она плакала семь дней подряд, все время свадебного пира. На седьмой день Самсон сжалился над нею и разгадал ей загадку. Она передала решение сынам народа своего, и филистимляне ответили еще до заката Солнца, что жратвой и сладостью стал убитый лев.

— Не отгадали бы вы моей загадки, — с досадой молвил Самсон, — если бы не пахали на моей телке.

После этого снизошел на Самсона Дух Яхве, и отправился он в Аскалон, и убил там тридцать мужей филистимских. Он снял все, что было на них, и отдал разгадавшим его загадку. Затем он во гневе вернулся в дом отца своего.

Через некоторое время, во дни жатвы, Самсон взял козленка и отправился к жене. Дорогу ему преградил отец.

— Я хочу к моей жене в спальню! — сказал он ему.

— А мне казалось, — ответил свекор, — что ты возненавидел

ее. Поэтому я отдал твою жену одному из брачных гостей. Но разве моя младшая дочь не красивее ее? Ты можешь зайти к ней.

Закричал Самсон в ярости:

— Прав теперь я буду! Прав, если сделаю зарубку в памяти филистимлян!

И выбежал он из города, поймал триста лисиц, связал их попарно хвостами, сунул посредине по горящему факелу и погнал на пашни филистимлян. Сгорели и только что сложенные копны, и несжатая нива, и масличные сады. Филистимляне бегали между стогами, вопрошая: «Кто это сделал?»

И ответили те, кто был на свадьбе:

— Самсон, зять тимнитца, отнявшего у него жену.

Тогда ворвались филистимляне в город и сожгли дом того, по чьей вине был сожжен их урожай.

Самсон же сказал:

— Хотя вы так сделали, я не успокоюсь до тех пор, пока вам не отомщу.

С этими словами он бросился на филистимлян и перебил им голени, а затем удалился, избрав себе жилищем ущелье Этам в землях Иуды, племени, платившего филистимлянам дань. Филистимляне, вооружившись, двинулись за ним и дошли до Лехи. Испугались старейшины и явились к воинам, чтобы узнать, чем они провинились.

— Вы пустили к себе Самсона, причинившего нам зло. Выдайте его, и мы уйдем.

И направились три тысячи воинов из племени Иуды в ущелье под горой Этам, и обратились они к Самсону:

— Зачем ты здесь? Разве не знаешь, что над нами властвуют филистимляне, а ты причинил им зло?

— Что они сделали мне, то и я им! — отозвался Самсон.

— Вот мы и пришли, чтобы тебя связать и выдать им.

— Вяжите! — сказал Самсон, протягивая руки. — Но поклянитесь, что не убьете меня.

И связали его воины Иуды двумя новыми веревками, и отвели к филистимлянам в Леху. Увидев Самсона, филистимляне побежали к нему навстречу. И тут снова сошел на Самсона Дух Яхве, и веревки на его руках разорвались, словно они были из перегнившего льна. И стал шарить Самсон взглядом, ища, чем бы их поразить. И не увидев ничего, кроме свежей ослиной челюсти, он схватил ее и побил ею тысячу человек. И запел он, радуясь своей победе. С тех пор и поется:

Челюстью осла
Толпу, две толпы{201},

Челюстью осла
Побил тысячу человек!

Челюсть же Самсон бросил, как только это пропел. С тех пор то место называется Рамат-Лехи (Гора-Челюсть).

Потом напала на Самсона жажда великая, и воззвал он к Господу:

— Вот, ты спас меня, раба твоего, а теперь я погибну от жажды и попаду в руки филистимлян.

Услышал Яхве эти слова, разверз землю, и хлынула вода. Напился Самсон ключевой водицы и ожил. Источник этот сохранился в Лехи до сего дня и называется «Источник воззвавшего».

После этого дня судил Самсон Израиль двадцать лет. Как-то он направился в Газу. Увидев сидящую у своего дома блудницу, он вошел к ней. Тогда-то и увидели Самсона филистимляне, и вспомнили, скольких он истребил. Решили они устроить засаду, чтобы на рассвете убить недруга, когда он будет покидать город. Догадавшись, что его ждет, не стал Самсон дожидаться рассвета, вышел, когда еще было темно. Уходя из Газы, он выломал ее ворота вместе с косяком, взвалил их себе на спину и отнес на вершину горы, что восточнее Хеврона. Увидели те, кто были в засаде, что в городе нет ворот, и завыли, как волки пустыни, ибо для города утратить ворота все равно что для воина — щит.

Самсон же зашагал налегке в долину Сорек. Там он встретил красавицу-филистимлянку Делилу{202}, которую полюбил с первого взгляда. Узнали об этом правители филистимлян и возрадовались, уверенные, что теперь они покончат с могучим противником. Явившись к Делиле, обещали они много серебра, если она узнает, как одолеть Самсона, чтобы связать и усмирить его.

Ласкаясь к Самсону, спросила его Делила, чем связать его, чтобы одолеть, и возможно ли это.

— Возможно! — ответил Самсон между поцелуями. — Надо обвязать меня семью веревками свежими, еще не высохшими.

Услыхали эти слова филистимляне, прятавшиеся в соседней комнате. Как только раздался богатырский храп, передали они коварной женщине сыромятные ремни. Обмотала ими Делила Самсона семь раз, когда же он проснулся, то разорвал путы с такой легкостью, словно бы это была пакля, пережженная огнем.

И еще много раз, укоряя Самсона в неискренности и обмане, пыталась Делила выведать тайну силы его, пока он, насытившись ее ласками, не открыл ей свое сердце.

— Бритва не касалась моей головы, потому что я — назарей Божий от чрева моей матери. До тех пор, пока ножницы не коснутся моей головы, не уйдет от меня сила, данная мне Господом.

И поняла Делила, что на этот раз Самсон не обманул ее. И с радостью призвала она филистимлян. И явились они с серебром, которое обещали. Она уже усыпила его ласками на коленях своих и призвала цирюльника, который остриг семь кос с головы его. После этого она крикнула:

— Филистимляне против тебя, Самсон!

Самсон рванулся, но не смог справиться с навалившимися на него врагами, ибо вместе с волосами отступила от него сила.

Выхватили филистимляне ножи и, выколов Самсону глаза, привели его в Газу, которую он опозорил, заковали они его двумя медными цепями и отвели в дом стражи, чтобы он там вместе с другими узниками крутил каменный жернов. Так он жил несколько месяцев, и волосы его стали отрастать.

Приближался праздник великого бога филистимлян Дагона{203}. Было решено отметить его торжественным жертвоприношением. Народу собралось видимо-невидимо, и все ликовали, славя Дагона. Тогда они вспомнили, что Дагон отдал им в руки того, кто опустошил их поля и убил многих из них. Они приказали привести Самсона. Был он весь белый от муки, только оковы поблескивали на его руках и ногах. Стали филистимляне плевать в Самсона и кидать в него, что попадется. Они осыпали его ругательствами и позорили Бога, который не захотел его спасти. Так как не всем в толпе было видно, как издеваются над Самсоном, многие залезли на плоскую кровлю храма и смотрели оттуда.

Самсон сносил позор и боль молча. Когда же враги насытились его унижениями, он подозвал к себе мальчика-поводыря и сказал ему вполголоса:

— Подведи меня к двум столбам, на которых кровля, чтобы я мог к ним прислониться.

Мальчик исполнил его просьбу. И взмолился Самсон Яхве:

— О, Господи, вспомни обо мне и сделай так, чтобы я смог отомстить филистимлянам за оба моих глаза.

После этого уперся Самсон обеими руками в два опорных столба.

Храм закачался. Те, что наблюдали за Самсоном с крыши, — а их было три тысячи мужей и жен, — попадали на землю.

И тогда Самсон воскликнул:

— Умри, моя душа, вместе с филистимлянами!

Он еще раз толкнул колонны, и храм обрушился, погребая

под своими развалинами всех, кто был внутри и на кровле. И было убитых при его смерти больше, нежели он умертвил за всю жизнь. После этого пришли одноплеменники Самсона и вся семья, извлекли труп Самсона и похоронили в склепе его отца Маноаха.

Пророк и цари

Книги Самуила являются продолжением книги Судии. В них обобщаются легенды и факты, неизвестные книге Судии, но они унаследовали выдвинутые своей предшественницей внешние и внутренние проблемы — сопротивление филистимлянам и укрепление религии Яхве как средства сплочения израильских племен. Главными персонажами книг Самуила, выполняющими первую задачу, были цари Саул и Давид. Исполнителем второй задачи стал пророк Самуил, духовный руководитель израильтян. Отношения между этими тремя героями образуют сюжет книг Самуила, стягивающий другие конфликты человеческой трагедии эпохи формирования государства. О книгах Самуила как высокохудожественном произведении можно судить хотя бы по тому, что их автор, за две тысячи лет до Шекспира заставляет действовать героя и после смерти в виде тени. При этом тень Самуила, вызванная Саулом из Шеола (еврейского аида — преисподней), появившаяся, чтобы лишить Саула надежды на успех, одновременно предрекает победу его молодому сопернику. Победа Давида (захват Иерусалима и перенесение ковчега на гору Сион) — это посмертная победа Самуила.

Такова главная идея книг Самуила, последовательно раскрывающаяся в цепи связанных друг с другом эпизодов, каждый из которых привносит в борьбу за утверждение монархии и торжество Яхве новые грани. При этом фигура пророка Самуила, в отличие от его предшественника Моисея, отличается многоплановостью. Самуил помогает получить корону обоим кандидатам в монархи, но сам не является апологетом монархии как политической формы. Предупреждая народ о бедствиях, которые принесут ему цари, Самуил, кажется, рассчитывает на то, что народ предпочтет монархии теократию и предоставит ему самому военные и административные функции.

В первых, опущенных нами главах первой книги Самуила речь идет о рождении Самуила у бесплодной женщины Анны, выпросившей себе сына у Бога, обещая его отдать ему в служение. Сразу же после рождения Самуил был отнесен в храм города Силома, где был верховным жрецом слепой от рождения Илий. В храме Бог объявляет мальчику, что он — его избранник. В битвах с филистимлянами Израиль терпит поражение. Филистимлянам удается захватить ковчег, но обрушившаяся на них кара заставляет возвратить его израильтянам. Однако народ, связывая неудачи с отсутствием царской власти, просит Саула назначить царя. Пророк, зная о пороках, присущих единоличному правлению, колеблется. Но Бог убеждает его уступить народу, и дело стоит лишь за выбором избранника.

О юноше, искавшем ослиц и отыскавшем царскую власть

Поет петух живым. А я, пророк,
Иду к теням, бросая все, что мило.
Мой нелюдимый иудейский бог,
Зачем меня назвали Самуилом?

Образ Саула — юноши с крепким телом, но застенчивого, покорного своему отцу, ровного в обращении даже с рабом — контрастирует с образом Саула — грозного царя. И это убедительно показывает читателям еще один порок монархии: сам носитель царской власти становится ее жертвой, превращается в тирана, каким бы он ни был простым и добродушным человеком в частной жизни до рокового принятия власти.

Жил в эти времена вениаминитянин Кис, сын Авиела, человек зажиточный. Однажды раб Киса, отправленный на луг, где паслись ослицы Киса, их там не нашел. И призвал к себе Кис сына своего, и сказал ему:

— Возьми с собою раба и поищи ослиц.

Сына Киса звали Саулом. Был он молод и красив. Не было во всем Израиле юноши, который мог бы соперничать с ним ростом и шириною плеч. Отправился Саул на поиски отцовских ослиц вместе с рабом. Перешли они горы Ефраима, прошли всю страну Салиса и всю страну Вениамина, но ослиц не отыскали. Когда же они были в местности Цуф, сказал Саул рабу, который был при нем:

— Послушай! Давай вернемся. Может быть, отец перестал и думать об ослицах, а беспокоится о нас.

Раб же возразил Саулу:

— Здесь имеется город, в котором обитает божий человек. Все, что ни скажет он, сбывается. Пойдем к нему. Возможно, он знает, где искать ослиц, куда идти.

— Испытаем этого человека, — согласился Саул. — Но в наших торбах давно кончился хлеб, и нет подарка, чтобы принести этому божьему человеку.

— У меня есть четверть серебряного сикля, — ответил раб. — Отдадим его провидцу.

И пошли они в город, где был божий человек. Поднимаясь на холм, где раскинулся город, они встретили девиц, спускавшихся за водой, и спросили их:

— Есть ли здесь провидец?

— Есть, — ответили девицы. — Только поторопитесь. Ведь он пришел в город лишь сегодня, поскольку народ приносит жертвы на высотах. Вы застанете этого человека, если поспешите.

В городских воротах путники увидели мужа в возрасте и спросили:

— Скажи, пожалуйста, где здесь остановился провидец?

— Провидец — это я! — представился незнакомец. — Идемте со мною на высоту, а потом возвратимся в город отобедать. Об ослицах отца и господина, что пропали три дня назад, не беспокойтесь.

Саул, переглянувшись с рабом, подумал: «Откуда ему известно об ослицах?»

— Что же ты стоишь? — проговорил провидец.

— Видишь ли, — замялся Саул. — Я происхожу из самого маленького племени, к тому же из семьи пахаря, да и сам я пахарь. Видишь мои руки?

Он протянул провидцу ладони в мозолях.

Но провидец не хотел ничего слышать. Он взял за руку Саула и повел его. Раб же пошел за ними.

И вот они в хоромах. За длинным столом сидят тридцать человек{204}. Два почетных места свободны.

— Это ваши места! — сказал провидец, обращаясь к Саулу и его рабу.

Когда же они сели, провидец дал знак повару, чтобы он принес баранью ногу.

— Это припасено вам, гости из колена Вениаминова, — сказал провидец. — Окажите честь нашему городу.

И еще раз переглянулся Саул с рабом, ничего не понимая в происходящем.

Не знал Саул, что за день до его прихода Яхве сообщил Самуилу:

— Завтра я пришлю к тебе человека из земли Вениаминовой, и помажешь ты его царем над народом моим. И спасет он мой народ от филистимлян, ибо вопль народа достиг моих ушей.

Не мог знать Саул и того, что еще до его обращения к провидцу с вопросом Яхве указал на него Самуилу, сказав, что это и есть тот человек, о котором он говорил.

Дождавшись конца трапезы, провидец пригласил Саула на кровлю и сказал ему:

— Имя мое Самуил. Я судья в этой стране. Несколько дней назад ко мне явились старейшины Израиля с просьбой назначить им царя. Бог распорядился, чтобы я послушал голос народа. А сегодня он послал меня встретить человека, который должен быть царем и спасти наш народ от филистимлян. Этот человек — ты.

Наутро пошел Самуил проводить Саула и, когда они подходили к городским воротам, повелел ему пропустить вперед раба своего и остановиться. И вылил он на голову юноши елей из сосуда, говоря:

— Этим помазал тебя Господь на царство над всем Израилем.

Саул растерялся, не зная, куда девать свои руки и что сказать. Но словно не замечая его замешательства, Самуил продолжал:

— Когда достигнешь границы земли Вениаминовой, у гробницы Рахили ты встретишь двух человек, и они тебе скажут об ослицах отца твоего. А когда дойдешь до дубравы Тавара, встретят тебя трое идущих к Богу в Бетэл. Три козленка будут на

плечах у одного из них, три хлеба — в руках у другого, мех с вином за спиной — у третьего. И два хлеба дадут они тебе. А когда ты, продолжая путь, придешь на холм Божий, где стоит стража филистимская, перед городскими воротами встретишь толпу пророков с тимпанами и гуслями. И услышишь ты, как они пророчествуют, и сойдет на тебя Дух Божий, и начнешь ты пророчествовать вместе с ними, и станешь иным человеком. И когда сбудутся эти три знамения, ты поймешь, что с тобою Бог. И поспеши тогда в Гилгал, чтобы прибыть туда раньше меня, и жди меня там семь дней, пока не приду я к тебе и не скажу, что должен делать ты дальше.

Так и случилось, как сказал Самуил. У могилы Рахили путников встретили двое. Это были люди, посланные Кисом объявить, что ослицы нашлись и отец ждет не дождется сына. И тех троих, что шли в Бетэл, увидели они у рощи Фаворской и получили от них два хлеба. А когда, приближаясь к Божьей горе, Саул увидел идущих навстречу босых пророков с гуслями и тимпанами, исполнение предсказаний Самуила произвело на него такое впечатление, что он запел, чего раньше за ним не замечалось, и, сбросив сандалии, присоединился к ним, и стал приплясывать, выкрикивая бессвязные слова.

Прохожие, узнав в плясуне сына Киса, очень удивлялись и спрашивали у раба:

— Что это с ним? Уже и Саул среди пророков?

— Ничего особенного, — ответил раб, — Мы с ним искали ослиц, и провидец, которого встретили, что-то пролил ему на голову. С тех пор он сам не свой.

Придя в себя, Саул оставил пророков и зашагал домой. Дома же он не рассказал ни отцу, ни кому другому, что помазан в цари.

Некоторое время спустя пришло ко всем старейшинам распоряжение от Самуила явиться всему народу в Массифу. Туда и пришли все двенадцать колен.

И сказал Самуил сынам Израилевым:

— Вот вы отвергли Бога вашего, который вывел вас из Египта и избавил вас от недругов ваших. Вы сказали ему: «Царя поставь над нами». Теперь предстаньте перед Господом по коленам вашим и племенам.

И одно за другим подходили колена Израилевы к Самуилу, пока не указал он на колено Вениаминово. И проходили мимо Самуила племена, входившие в это колено, а он пристально всматривался, пытаясь отыскать Саула.

— Кого ты ищешь, отче? — спросил кто-то из проходящих.

— Самого высокого из вас, Саула, — ответил Самуил.

— Да он в обозе! — объяснили Самуилу люди Вениамина.

— Приведите его! — приказал старец.

Когда подвели Саула, он и впрямь был выше всех остальных на голову.

— Вот ваш царь! — объявил Самуил. — Царь, избранный Господом и мною помазанный от его имени. Нет во всем народе ему подобного.

— Да живет царь! — раздались крики.

Но были и такие, которые пожимали плечами, говоря:

— Откуда взялся такой царь на нашу голову? Ему ли спасать нас?

Показав народу царя, Самуил объявил права царствующего, записанные им до того в книгу, и отпустил народ по домам своим.

Первая победа

Глава обрисовывает первую акцию только что созданной монархии — победу над вторгшимися кочевниками-аммонитянами, достигнутую с помощью гражданского ополчения. Царь, обладающий правом созыва этого ополчения, сам еще продолжает трудиться на поле, однако, сохраняя за собой орало (плуг), владеет и мечом. Образ израильского воина-пахаря удивительно совпадает с рассказом римских анналистов о Цинциннате, которого застает весть о назначении диктатором во время пахоты. Имеется еще одно удивительное совпадение между этим библейским рассказом и более поздним сообщением о ранних временах Рима: такой же монополией на изготовление оружия из железа, как филистимляне, в Лации обладал другой «народ моря» — этруски.

Тем временем явился в Израиль аммонитянин Нахас с войском своим и осадил Иабес, в горах Гилеада, за Иорданом. Увидели израильтяне осаждающих их город и, поняв, что с ними не совладать, предложили Нахасу мир и дань на том условии, что отведет войско от стен.

— Будет вам мир, — ответил Нахас, — если я выколю правый глаз каждому из вас, чтобы было бесчестие всему Израилю.

Выпросили старейшины семь дней на размышление, а сами отправили послов в Гиву к Саулу.

Узнав, что он пашет в поле, отправились послы за город, где увидели пахаря, подпоясанного мечом, но идущего за волами.

— Саул! Саул! — воззвали послы.

— Вот я! — ответил Саул, и, остановив волов, вышел навстречу послам, и расспросил их о деле.

По мере того, как послы говорили, лицо Саула мрачнело. Не дослушав до конца, он сорвал с пояса меч и, подбежав к своим волам, стал их кромсать. Решили послы, что царь обезумел, и поспешили удалиться, чтобы не попасть под меч, но Саул остановил их и, передав каждому кусочек мяса, разослал по всем коленам Израиля.

Показывая мясо, объясняли послы, что так же, как с волами, поступят со всеми, кто тотчас не явится в Гиву.

И зашумели поля и холмы Израиля. Бросив пахоту и все иные дела, шли в Гиву пахари и пастухи с дубинами и кольями. Некоторые были вооружены старинными медными мечами, какими еще сражались воины Иакова. Железного же оружия было мало, ибо филистимляне, владевшие железом, сговорились не делать израильтянам ни меча, ни копья, а только сошники, заступы, топоры, серпы и вилы, когда же они тупились, израильтянам приходилось обращаться к филистимлянам для их заточки.

Разделив пришедших на три отряда, Саул ночью выступил в поход. На рассвете услышали аммонитяне, осаждавшие Иабес, гул тысяч ног и звон оружия и увидели три воинства, приближающиеся с трех сторон. И бросились недруги врассыпную, так что через несколько мгновений под городом никого не осталось.

Саул же вошел в брошенный стан и разделил захваченную добычу между своими людьми. В тот же день гонцы разнесли весть о победе Саула над аммонитянами, а вместе с этим и его решение расправиться со всеми, кто не выполнил приказ и не явился в Гиву с оружием.

Бог отвергает Саула

В этой главе описывается история лишения Саула покровительства Бога и его пророка Самуила. Повод для этого современному читателю должен показаться неубедительным. Саул счел нужным сохранить жизнь поверженному царю аммонитян и оставить для жертвоприношений животных побежденных. Но Самуил вместе с Богом требуют беспрекословного выполнения предписанного. У Саула нет покорности. Он проявляет самостоятельность суждений, и судьба его решена.

После победы над аммонитянами и другими народами укрепилась власть Саула. Он создал сильное войско. Если усматривал в стране человека крепкого и мужественного, брал его к себе на службу. И стал побеждать Саул воинственных соседей: моавитян, аммонитян, эдомитов, и они больше не смели вторгаться в пределы Израиля. И в семье Саула были мир и благодать. Имел он одну жену и, кроме сына Ионафана, еще двух сыновей и двух дочерей.

Увидев, что власть Саула укрепилась, Самуил пришел к нему, чтобы передать волю Бога.

— Бог, — начал он, — вспомнил, что аммонитяне препятствовали израильтянам на их пути из Египта в страну обетованную. Иди и истреби весь этот народ, предай смерти мужей и жен, отроков и грудных детей, волов и овец, верблюдов и

ослов.

Не стал Саул спорить с Самуилом, говорившим от имени Бога, а построил и пересчитал своих воинов. Было их двести тысяч сынов Израиля и десять тысяч сынов Иды. С этими людьми он двинулся в степь и истребил всех аммонитян от мала до велика, но ни в чем не повинных животных уничтожать не стал, решив, что они будут так же хорошо служить новым господам, как служили старым. Также и взятому в плен царю аммонитян Агату он сохранил жизнь.

В то время, как Саул всходил на гору Кармил, чтобы воздвигнуть свой победный трофей, явился Самуил. Дождавшись возвращения царя, он его спросил:

— Что означают звуки, которые доносятся с низины?

— Это блеяние овец, мычание волов, крики верблюдов, — ответил Саул. — Несчастных животных давно не поили, и они подают голос.

— Но ведь тебе было сказано истребить стада аммонитян! — вспылил Самуил.

— Народ решил сохранить им жизнь! — дерзко объявил Саул и через мгновение добавил: — Надо же приносить жертвы Богу.

— Покорность Богу угоднее всех жертв, — возразил Самуил. — А непокорность хуже ворожбы, хуже служения идолам и божкам. За это Господь снимает с тебя власть, какую даровал.

— Грешен я! — молвил Саул, испугавшись собственной дерзости. — Но ведь я исполнял волю народа, пожелавшего сохранить лучших животных для жертвоприношения Богу.

Не желая больше слушать объяснений и оправданий, Самуил повернулся, чтобы следовать своей дорогой. Но Саул схватил его за край одежды, чтобы удержать. Царь был так силен, что в его руке остался лоскут жреческого одеяния.

Самуил рассвирепел.

— Не касайся меня! — закричал он. — Бог отторг от тебя твое царство.

— Да, я согрешил! — проговорил Саул тихо. — Но не позорь меня перед старейшинами народа моего. Пойди вместе со мною, чтобы я поклонился Богу нашему.

Уступил Самуил. И народ не узнал о том, что было сказано Самуилом в сердцах. Но при виде царя аммонитян Агата в оковах гнев вернулся к Самуилу. Он потребовал меч и собственноручно зарубил пленника.

И разошлись после этого Саул и Самуил каждый в свой город. И не захотел Самуил больше видеть Саула, ибо Бог раскаивался, что воцарил его над Израилем. И до дня смерти своей не встречался он с Саулом.

Выбор Яхве

И отрок играет безумцу царю
И ночь беспощадную рушит,
И громко победную кличет зарю
И призраки ужаса душит.
И царь благосклонно ему говорит:
«Огонь в тебе, юноша, дивный горит,
И я за такое лекарство
Отдам тебе дочку и царство».
А царская дочка глядит на певца,
Ей песен не нужно, не нужно венца.

А. Ахматова

Глава явственно распадается на две части. В первой Самуил добивается у Яхве прекращения поддержки Саула и отправляется в Вифлеем, чтобы передать волю Яхве. Во второй части сообщается о приближении юного вифлеемца Давида ко двору царя Саула.

Отринув Саула, стал искать Яхве, кого сделать царем над избранным народом. Найдя этого человека, он призвал к себе Самуила.

— Иди в Вифлеем{205}, к Иессею, — сказал он ему, — и помажь на царство его сына, которого я усмотрел.

Самуил послушно наполнил рог елеем и направился в город, который был ему назван. Узнав, где дом Иессея, он явился к нему и пригласил его и сыновей на жертвоприношение. Когда семья пришла, Самуил растерялся. Как найти среди сыновей того, кого усмотрел Бог? Сначала он решил, что Бог выбрал старшего сына Иессея Элиаба, ибо он был статен и красив. Но когда, подняв рог, он приказал первенцу Иессея подойти к себе, слух его уловил обращенные к нему слова Бога:

— Надо смотреть не так, как люди, в лицо, надо смотреть в сердце.

Отпустив Элиаба, Самуил приказал подходить к себе другим отрокам. Бог не давал никаких знаков, какой из них его

избранник. Совсем растерявшись, пророк спросил Иессея:

— Все ли сыновья твои здесь?

— Есть еще Давид{206}, — отозвался Иессей. — Но он совсем мал и пасет овец.

— Приведи-ка его! — распорядился Самуил.

Младший сын явился босым, в потрепанном плаще, с кифарой в руках. Но приятно было его лицо, обрамленное белокурыми волосами, и красивы глаза.

— Это он, — сказал Яхве Самуилу. — Встань и помажь его.

— Подойди ко мне! — приказал Самуил Давиду.

И пролил Самуил на Давида священный елей из рога. Давид же взял свою кифару и запел, подыгрывая себе на струнах, запел так хорошо, что не оставалось сомнений, что Дух Божий сошел именно на него.

Тем временем от Саула отступил Дух Божий и вошел в него от Господа злой дух{207}, принося ему муки. Это заметили царские слуги и сказали Саулу:

— В тебя вселился злой дух. Не повелишь ли ты нам отыскать человека, играющего на кифаре, чтобы музыкой приносил он тебе облегчение.

— Найдите мне такого человека, — распорядился царь.

Тогда один из слуг сказал:

— Есть в Вифлееме у Иессея сын, играющий на кифаре, юноша доблестный и воинственный, разумный в обращении, прекрасной внешности.

И отправил Саул к Давиду гонцов с повелением:

— Пошли мне сына твоего, который при стаде.

И взял Иессей осла, навьючил на него мешок с зерном, мех с вином, привязал козленка и послал вместе с Давидом, сыном своим, к Саулу.

Получив дары и убедившись, что Давид таков, каким его описал слуга, царь послал сказать Иессею:

— Давид остается служить при мне. Назначу я его своим оруженосцем.

С тех пор, как только на Саула нападал злой дух, он призывал Давида, который брал в руки кифару и извлекал из струн звуки. Тогда Саулу становилось легче и отраднее, ибо отступал от него злой дух{208}.

Давид и Голиаф

Молчит кифара за спиной,
В руке поет праща.
Не путать музыку с войной

Давид нам завещал.
Но если новый Голиаф
Провозгласит шалом,
Обиды давние поправ,
Пропой ему псалом.

Рассказ о Давиде принадлежит иной легендарной традиции, чем сообщение о нем в предшествующей главе, где Давид выступает как музыкант. Во всяком случае, царь Саул, спрашивающий имя победителя Голиафа, не узнал в нем своего телохранителя и гусляра.

Глава интересна редкой для Библии сценой единоборства и описанием полного вооружения профессионального эгейского воина, сражающегося с легковооруженным израильским пастухом. Примечательно, что Яхве здесь не руководит Давидом, но Давид побеждает с именем Яхве.

Собрались филистимские воители и, двинувшись в Иудею, расположились станом между Сокохом и Азикой в Эфес-Дамиме{209}. Саул со своими воинами занял склон поросшего лесом холма. Так они стояли друг против друга на склонах холмов, разделенные долиной, пока от филистимлян не отделился могучий ратоборец по имени Голиаф. Один вид его внушил израильтянам ужас. Ведь был он ростом в шесть локтей и одну пядь, закован с ног до головы в медь. Голову его прикрывал бронзовый шлем. Туловище покрыто чешуйчатым панцирем весом в пять тысяч сиклей меди. Ноги защищены бронзовыми поножами{210}. С плеч у него свисал кидон{211}. Древко его копья напоминало веретено, наконечник же был из железа весом в шестьсот сиклей. Его щит держал оруженосец.

Спустившись в долину, откуда голос его был слышен, он обратился к израильтянам:

— Зачем вы явились сюда, рабы Саула? Разве вы ослепли и не видите, что перед вами не какой-нибудь израильтянин, а филистимлянин?! Попробуйте мою силу! Пусть кто-нибудь спустится ко мне. Если я одолею его, вы будете не Сауловыми, а нашими рабами. Если же он одолеет меня, мы будем служить ему.

Страх в стане Израиля был столь велик, что никто не отозвался на призыв филистимского ратоборца. А выходил он утром и вечером сорок дней подряд.

В войске Саула было трое братьев Давида. Сам же он в это время вернулся от Саула к отцу своему и пас овец и баранов в пустыне. Услышав, что воинство Саула отправилось на войну с филистимлянами, он оставил стадо сторожу и явился в израильский стан, чтобы отнести братьям сушеных зерен и десять хлебов, а тысяченачальнику Авениру — десять кругов сыра и осведомиться у него о братьях своих.

Придя в стан и отдав Авениру сыры, юноша втесался в ряды воинов, рассуждавших о позоре, который навлек филистимский ратоборец на весь Израиль. Один из старцев, обращаясь к юным воинам, вопрошал их:

— Мужи вы или не мужи? Видите, как возгордился этот человек, а вы стоите с опущенными руками, как бабы! И даже выгоды собственной не блюдете! Только сегодня Саул обещал озолотить того, кто избавит Израиль от позора, выдать за храбреца свою дочь и ввести его и всю его семью в число тех, кто свободен от податей и находится на царском кормлении{212}.

Явившись к середине речи, Давид не понял, что надо сделать, чтобы получить эти невиданные блага. Только он заикнулся, чтобы об этом порасспросить, как его увидал старший брат Элиаб и заткнул ему ладонью рот. Вместо благодарности за заботу услышал Давид от брата хулу:

— Зачем ты сюда явился, мальчишка? Знаю я твое завистливое сердце! Отправляйся к своим баранам{213}!

Поняв, что Элиаб, не решаясь совершить подвиг, который может возвысить его самого и всю семью, не хочет, чтобы прославился он, Давид, юноша отправился прямо к Саулу, чтобы предложить ему свои услуги.

— А знаешь ли ты, с кем должен сражаться? — спросил Саул, выслушав юношу. — Ведь филистимлянин — ратоборец с малых лет, а ты — пастушок!

— Это верно, — кивнул Давид. — Я пасу мелкий скот отца моего. Но и мне приходилось сталкиваться с более сильным, чем я. Не раз на стадо нападали львы и медведи. И я не убегал! Не прятался, а выходил им навстречу и вырывал из их пасти ягненка! Я готов сразиться и с этим чужеземцем, и с каждым другим, кто поносит воинство живого Бога.

Эта речь, которую менее всего можно было бы ожидать от юноши, почти мальчика, настолько удивила Саула, что он сказал:

— Что ж! Иди! Да будет с тобою Бог!

Давид повернулся, чтобы идти, но царь его остановил:

— Сначала вооружись!

Оруженосцы Саула опоясали Давида мечом и хотели одеть на него доспехи, но он, скинув меч, сказал:

— Не привык я к такому оружию. Буду сражаться своим.

Он показал им пастушью пращу в виде палки с углублением для камня{214}.

С этими словами Давид отправился к ручью, где долго отбирал обтесанные водой голыши, взвешивая каждый на ладони. Набив ими торбу, ту самую, в которой принес сыры, он стал спускаться в долину.

Судя по тому, как развеселился филистимлянин, появление Давида не осталось незамеченным.

— Это ты! — сказал Голиаф, давясь от хохота. — Взгляните на него! Он принял меня за собаку и идет с палкой! Но я не кусаюсь! Я убиваю{215}.

Эти слова не испугали Давида. Он спустился еще ниже и остановился шагах в двадцати от Голиафа.

— Ага, струсил! — захохотал филистимлянин, поднимаясь вверх. — Подойди-ка ближе! Я разорву тебя на части и выброшу потроха на корм птицам и зверям.

Тогда-то Давид произнес речь, которую много лет спустя передавали все ее слышавшие своим сыновьям и внукам, а те — своим сыновьям и внукам:

— Вот ты идешь против меня с мечом, копьем и щитом, а я выступаю с именем Бога воинства израильского, которое ты, собака, поносил. Вот сейчас предаст тебя Бог в мои руки, чтобы я отсек твою голову и отдал ее и трупы других филистимлян птицам небесным и зверям земным. И все, кто будут свидетелями этого, поймут, что спасение не в мече и копье, а в Боге.

Сказав это, Давид неторопливо снял с плеч торбу, достал оттуда камень, вложил его в пращу и, занеся за спину, швырнул что было сил. Камень врезался в место, не защищенное медью, в лоб. Гремя доспехами, упал Голиаф на землю вниз лицом.

Подойдя к павшему, Давид вынул из его ножен меч и отсек им голову, которая покатилась вниз по склону горы. Видя это, филистимляне бросились врассыпную. Израильтяне же гнали их до ворот городов. И заполнилось все пространство от Эфес-Дамима до Экрона их трупами.

Тем временем Давид сдирал с Голиафа доспехи, а отыскав его голову, снял и шлем. Взяв все это в одну руку, а голову Голиафа за волосы в другую, он отправился в стан.

— Как зовут этого молодца? — спросил Саул военачальника Авенира.

— Это пастушок Давид! — ответил он.

— Да! Я Давид, сын твоего раба Иессея из Вифлеема, — подтвердил юноша, помахивая головой Голиафа.

Свидетелем подвига Давида был сын Саула Ионафан, возлюбивший его, как свою собственную душу. И снял Ионафан с себя одеяние и все свое вооружение от меча и лука до защитного опоясания и отдал Давиду. Саул же поставил Давида над войском. И было это приятно не только всему народу, но и царским слугам. Во время возвращения победившего воинства выходили из городов Израиля женщины, чтобы встретить Саула пением и плясками. И возглашали они: «Саул поразил тысячи, а

Давид — десятки тысяч!»

Очень досадно было это слышать Саулу, и он сказал в сердцах: «За мною числят тысячи, за ним — десятки тысяч! Недалеко до того, что ему отдадут и царскую власть».

И стал Давид внушать Саулу подозрение.

Аэндорская волшебница

«Он здесь!» — раздался вопль над Аэндором.
Колдуньи руку сжав, воскликнул: «Где?»
И вдруг сумел оцепеневшим взором
Нащупать тень в кромешной темноте.

И слышит голос, напрягая слух:
«Я спал. Зачем ты мой тревожишь дух?
И чем, когда ты проклят небесами,
Когда Господь уста свои замкнул,
Тебе мертвец поможет? Ведь зубами
Одними не вещают. Вот, взгляни,
Во мраке ночи светятся они».
Исчезла тень. И в ужасе руками
Лицо закрыла баба: «Ты пропал, Саул!»

Р. Рильке

Эпизод с волшебницей из Аэндора введен для того, чтобы еще раз свести Саула с Самуилом, на этот раз — как человека и тень.

В то время умер Самуил. И оплакали его все дети Израиля. И похоронили его в городе его Рамафе.

И тогда же филистимляне собрали свои воинства, чтобы

сражаться с Израилем, и расположились станом в Шунеме{216}. Узнав об этом, Саул собрал воинов на холмах Гилбоа.

При виде множества недругов дрогнуло сердце Саула. Обратился он за советом к Богу. Но не ответил ему Бог ни через вещие сны, ни через знамения, ни через пророков. Захотел обратиться он к гадателям, да незадолго до того изгнал из своей страны всех гадателей и волшебников{217}. И приказал он слугам своим:

— Отыщите мне женщину, владеющую духом прорицания. Пойду осведомлюсь у нее о будущем своем.

Ответили слуги Саулу:

— Есть женщина, владеющая даром прорицания. Скрывается она в Аэндоре{218}.

Тогда переоделся Саул, чтобы его не узнали ни филистимляне, через чей стан лежал путь в Аэндор, ни женщина, к которой он шел, и отправился вместе с двумя слугами, незаметно покинув свой шатер.

Явились они в Аэндор ночью. Дверь жилища волшебницы была закрыта. Саул постучал и, когда его впустили, сказал:

— Открой мне, умоляю тебя, духом прорицания грядущее и вызови того, чье имя я назову.

— Но ведь тебе известно, что Саул истребил в своей земле всех прорицателей и волшебников. Ты хочешь устроить мне ловушку?

— Клянусь Богом, что тебя не постигнет кара! — воскликнул Саул.

— Кого же вызвать тебе? — смягчилась женщина.

— Самуила! — произнес Саул.

Обратившись к своему колдовству, женщина увидела Самуила, выходящего из земли, и по его грозному облику поняла, что вопрошает ее царь.

— Зачем ты обманул меня? — обратилась она к вопрошающему. — Ты же Саул!

— Не бойся! — успокоил Саул женщину. — Как выглядит тот, которого ты видишь?

— Он старец, одетый в эфод.

И пал Саул на землю, поняв, что появилась тень Самуила.

— Зачем потревожил ты мой покой? — послышался грозный голос.

— Тяжко мне! — ответил Саул. — Филистимляне пришли с войском, а Бог оставил меня и больше не отвечает мне ни в знамениях, ни сновидениями. Я вызвал тебя, чтобы ты дал совет, что мне делать.

— Напрасно ты вопрошаешь меня, — ответила тень. — Бог

оставил тебя и стал враждебен тебе. Он ведь говорил тебе через меня, что отнимет твое царство у тебя и передаст его Давиду. Ныне близится им определенное. Вскоре он предаст тебя и Израиль в руки филистимлян. Завтра же будешь ты и твои сыновья там, где пребываю я.

Услышав это, потерял Саул сознание. Не было в нем сил. Ведь он, к тому же еще не ел весь тот день и всю ночь.

Тогда к Саулу подошла волшебница и, пробудив его, сказала:

— Пойдем! Я дам тебе хлеба, чтобы ты набрался сил и мог идти.

— Не надо! — ответил Саул.

Тут и слуги стали просить его поесть. Он встал и поел вместе со слугами все то, что поставила ему женщина. И они ушли, когда было еще темно.

Гибель Саула

И разгорелось сражение в долине Иезреела. Не выдержали израильтяне натиска филистимских колесниц, всадников и тяжеловооруженной пехоты. Обратились они в бегство к холмам Гиблоа. Филистимляне преследовали их по пятам, и Саул был поражен несколькими стрелами.

Видя, что он не может идти, царь сказал своему оруженосцу:

— Обнажи меч. Заколи меня им, чтобы я не попал в руки недругов, чтобы они не издевались надо мною.

Оруженосец вынул меч, но не мог поднять его на господина своего. Укрепил Саул меч между камнями и упал на него. Тогда и оруженосец упал на меч и умер рядом с Саулом. Так погиб Саул. Погибли его сыновья вместе со своими ратниками в тот же день.

На другой день рассеялись филистимляне по полю боя, чтобы овладеть одеждой и оружием павших. Так, на холмах Гиблоа были найдены тела Саула и его сыновей.

Филистимляне отрубили Саулу голову, сняли с него доспехи и отправили гонцов возвестить всем богам и людям земли филистимской о гибели Саула. Корону же Саула и золотые украшения филистимляне не нашли. Доспехи Саула были переданы в капище Аштарот{219}, а тело его пригвождено к стене Бет-Шана{220}.

Услышали люди Иабеш-Гилеада о надругательстве над телом Саула. И отправились оттуда храбрецы, и ночью сняли тела Саула и его сыновей со стены, перенесли их в Йабиш и там сожгли. Кости, взятые из пепелища, были погребены под тамариском в Йабише.

Давид и Соломон

Давиду как царю Израиля посвящены 20 глав второй книги Самуила. Однако в них сообщения об административной и военной деятельности Давида отступают на задний план по сравнению с описанием личной трагедии царя и его близких.

Давид, подобно фиванскому царю Эдипу, — страдающий отец. Но если Эдип — безвинный страдалец, жертва рока, сделавшего его убийцей отца и супругом своей матери, то Давид — сам виновник собственных несчастий. Он допустил подлость по отношению к своему воину Урии. В то время, когда тот сражался, выполняя царский приказ, царь отнял у него жену, а затем подставил его под вражеские стрелы и копья. Кровь и слезы Урии отлились отцовскими слезами Давида. Вместо рока — его иудаизм не знает — возмездием руководит Яхве. Устами пророка он ставит Давида в известность, что ему придется ответить за свое преступление, но не объясняет как. Мстителем за Урию выступает собственный сын Давида Абшалом. Он свергает Давида, заставляет его пережить позор изгнания, надругательство над своими женами, страх. При этом Давид слепо любит изгнавшего и опозорившего его Абшалома. Гибель сына оказывается самым страшным наказанием для отца.

Нам известны имена великих греческих трагиков, придавших древнему мифу о царе Эдипе актуальность современной человеческой трагедии. Безымянные авторы, воссоздавшие трагедию Давида, имели дело с реальным историческим лицом, а не мифологическим персонажем. Они не уступали Софоклу и Еврипиду в мастерстве развития действия, в обрисовке психологии героев, хотя были историками, а не драматургами.

Первая книга Царей охватывает историю Израиля от смерти Давида и воцарения его сына Соломона до смерти царя Ахаба. Соломон, равно как и его отец Давид, — исторический персонаж, но в рассказах о нем первой книги Царей множество полулегендарных и легендарных данных. И тем не менее все, что нам известно о Соломоне, может быть извлечено преимущественно из этой книги. Финикийские летописи, содержавшие сведения о Соломоне, утрачены. Кажется, последним с ними был знаком еврейский историк Иосиф Флавий, писавший во второй половине I в. труды на еврейском и греческом языках. Вот что пишет Иосиф в полемическом трактате, направленном против Апиона: «Есть у тирян с давних времен тщательно сохраняемые официальные летописи, в которых записаны достоверные дела, происходившие у них и совершенные против других. В этих летописях говорится, что Иерусалимский храм был сооружен царем Соломоном за сто сорок три года и восемь месяцев до основания Карфагена тирянами, и в них же мы находим довольно точное описание устройства нашего храма. Ибо тирский царь Хирам был другом нашего царя Соломона, на которого он перенес дружбу, связывавшую его с его отцом. Соперничая с Соломоном в блестящем украшении храма, он ему прислал в дар сто двадцать талантов золота и лучший лес, срубленный, по его приказанию, на горах Ливана, для кровли здания. Взамен этого Соломон, кроме многих других даров, уступил ему в Галилее область, называемую Хавулоном. Больше всего их соединяла в дружбе любовь к мудрости: они пересылали друг другу для решения задачи, и Соломон, превосходивший его во всем мудростью, и в отношении задач оказался сильнее. Еще по сие время у тирян сохраняются многие из писем, которыми они обменивались».

Из этого отрывка, уцелевшего в числе немногих из некогда богатой литературы финикийского города Тира, устанавливается время жизни Соломона и характер его отношений с соседним финикийским государством, создавшим могущественную колониальную империю. Трудно сказать, пользовались ли авторы первой книги Царей финикийскими источниками. Но в их распоряжении были письменные памятники времени Соломона. Это синхронное изложение истории Израиля и Иудеи времени Соломона, продолженное после его смерти и доведенное до времени царя Хискии, отдельные отрывки из храмового архива с

описанием храма и его сокровищ, записи рассказов о мудрости Соломона и пророческие источники его времени.

Превращение Соломона в полулегендарную фигуру, в одного из самых могущественных царей X в. до н. э., бесспорно, связано со временем и обстоятельствами составления книг Царей. Современные исследователи полагают, что эти книги были написаны во второй половине VII в. до н. э. и отредактированы в годы «вавилонского пленения» (первая половина VI в. до н. э.). Из пропасти, в которую погрузился Израиль, время Соломона виделось золотым веком, а сам он — воплощением справедливости и мудрости. Критическая нотка в описании Соломона связана лишь с тем, что он, возвысив Яхве, поклонялся и другим богам. Это, по мнению израильских историков, явилось причиной того, что расцвет Израиля кончился с жизнью Соломона.

Однако трудно сомневаться в том, что «миф» о Соломоне был уже заложен в хроникальной литературе времени Соломона. Соломон, как любой восточный деспот, был заинтересован в том, чтобы предстать перед потомством в наиболее благоприятном облике строителя, мудреца, опытного политика и великого воителя. В то же время в повествовании о Соломоне наряду с апологетической бочкой меда присутствует и обличительная ложка дегтя, очевидно, восходящая к не дошедшей до нас пророческой традиции. Соломон обвиняется в непоследовательности своей религиозной политики. Прославивший Яхве, как никто другой из царей Израиля, сооружением ему великолепного храма, Соломон в то же время допускал почитание других богов, поскольку это были боги его многочисленных жен и наложниц. Из текста книги явствует, что и сам он им поклонялся. И это, очевидно, было проявлением государственной мудрости Соломона, ибо он перестал был царем одного Израиля. Почитая богов вошедших в его царство народов, Соломон стремился укрепить свое государство. Но это не помогло. Слишком велики были противоречия между народами державы Соломона, в том числе и самими израильскими племенами.

Вступление на царство

Библейский автор из-за отсутствия источников излагает историю становления иудейского царства в общих чертах: после победы над филистимлянами Давид действительно сначала становится правителем Иудеи и лишь позднее ему удается объединить Израиль и Иудею в единое царство.

Было тридцать лет Давиду, когда стал он царем над иудеями. И Хеврон стал столицею царства его. Через семь же лет и шесть месяцев пришли к Давиду в Хеврон все колена Израилевы и сказали ему:

— Ты водил наш народ в походы и назад приводил его с победами еще в те времена, когда Саул был над нами царем. Будь же нашим царем, пастырем народа Израилева.

И позвали они Давида царем над Израилем, потому что Яхве видел Давида вождем и пастырем народа его.

Давид в Иерусалиме

Захват Иерусалима, города племени иевуситов, Давидом — одно из главных событий его царствования. Но в книге Самуила сообщается о нем крайне скудно. На это обратил внимание автор первой книги Хроник и дополнил рассказ о взятии Иерусалима некоторыми подробностями. Он сообщает, что перед тем, как брать город, Давид обратился к своим воинам и обещал им, что тот, кто одержит победу над неприятелем,

будет военачальником. Военачальником стал Иоав, сын Саруи.

Став царем Израиля и Иудеи, Давид решил овладеть прекрасно укрепленным городом иевуситов Иерусалимом{221}. Узнав о намерениях Давида, иевуситы сказали: «Ты к нам не войдешь, ибо наш город неприступен — даже слепые и хромые отразят тебя», — как бы говоря, что никогда не войти Давиду в их город{222}.

Но Давид взял крепость Сион{223}, твердыню Иерусалима. И отдал он в тот день приказ, чтобы, поражая иевуситов, овладели они водостоком{224} и истребляли слепых и хромых, ненавистных душе его. Оттого и стали говорить: «Слепой и хромой не войдет в этот дом».

И поселился Давид на Сионе, назвав его градом Давидовым. И укрепил он его валом. И мощь его все время росла, ибо Яхве, Бог воинств, был с ним заодно.

И прислал Хирам, царь Тира, к Давиду послов с кедровыми стволами, плотниками и каменщиками{225}. И построили они дворец. И увидев, что утвердил его Бог царем над Израилем и что высоко вознесено царство его, взял Давид себе еще новых жен и наложниц в Иерусалиме, от которых у него было много сыновей и дочерей{226}.

Перенос ковчега

Одержав победу над филистимлянами, решил Давид перенести в Иерусалим ковчег. Он направился вместе со своими людьми к гражданам Иудеи. Они сохраняли ковчег Яхве, восседающего на керубах.

И поставили ковчег Яхве на новую повозку, и вывезли из дома Авинадава, находившегося на высоте в Гибее. Управляли волами и повозкой Озза и Ахийо, сыновья Авинадава, Один из них шел впереди ковчега, другой — за ним.

Давид же и весь дом Израиля двигались перед ковчегом, приплясывая, громко распевая песни, размахивая кипарисовыми ветвями. Звучали кифары, арфы, тимпаны, бубны, кимвалы. Когда шествие достигло гумна Нахона, волы едва не опрокинули повозку. Озза простер руки к ковчегу, чтобы его удержать. Тогда воспылал гнев Яхве на Оззу. Удар настиг его на месте. И он умер у ковчега. С тех пор это место называют «Поражение Оззы».

И устрашился в тот день Давид Яхве, и усомнился он в том, что ковчег может быть доставлен в Иерусалим. Он оставил его в доме Овед-Едома из Гафы.

Только через три месяца, когда стало известно, что Яхве

благословил хозяина дома, в котором находился ковчег, Давид с великой радостью перенес ковчег Яхве из дома Овед-Едома в град Давидов.

Каждые шесть шагов на пути ковчега к Иерусалиму в жертву приносили вола и откормленного тельца. Давид, как и прежде, со всей своей свитой плясал перед Яхве, одетый в льняной эфод. Так Давид и весь дом Израиля несли ковчег, радостно крича и дуя в трубы.

Все это наблюдала через окно Михал, дочь Саула. При виде прыгающего и скачущего Давида она почувствовала в сердце своем презрение к мужу.

Потом принесли ковчег и поставили его на свое место в скинии, которую приготовил для него Давид. И принес Давид перед Яхве всесожжения и мирные жертвы, благословил свой народ и раздал каждому, как мужчинам, так и женщинам, по караваю хлеба, по одной доле мяса и одному пирогу.

Когда же Давид возвратился в свой дом, то Михал, дочь Саула, вышла ему навстречу и сказала:

— О как же удивительно вел себя царь Израиля! Он выступал перед девками слуг, как какой-нибудь плясун-простолюдин.

— Яхве, — ответил Давид, — предпочел меня твоему отцу и всему твоему дому, назначив меня вождем над Израилем, народом Господним, перед Яхве я веселился. И я унижу себя еще больше, как до меня никто другой.

Еще одна жена Давида

Искусно построенное повествование рисует непривлекательный облик Давида. Мало того, что царь не выполняет обязанности военачальника, он совращает жену того, кто выполняет воинский долг. Недаром в книге Хроник история с Вирсавией полностью опущена.

Начался новый год{227}, время, когда цари идут на войну. Но Давид, оставаясь в Иерусалиме, отправил свое войско во главе с Иоабом разорять аммонитян и осаждать Раббу.

Было это вечером. Покинув ложе, Давид прогуливался по крыше дворца, и увидел он сверху омывающуюся женщину необыкновенной красоты. И послал Давид узнать, кто она. И ему донесли: «Это Вирсавия (Бат-Шеба), дочь Елиама, жена Урии{228}, хеттеянина».

Тогда Давид приказал ее привести. Вирсавия явилась, и он взял ее к себе на ложе и затем отпустил домой. Через некоторое время она известила царя о своей беременности.

Узнав, что Урия находится вместе с войском в стране аммонитян, Давид послал за ним. Когда Урию привели, Давид

спросил о здоровье военачальника своего Иоаба и успехе войны.

Когда Урия ответил, Давид сказал ему:

— Иди домой и смой с себя пыль.

Урия удалился, за ним пошли слуги с подарками от Давида.

Но Урия, как сообщили слуги, домой не пошел и провел всю ночь у ворот дворца.

И вновь послал Давид за Урией.

— Скажи, — спросил он его, — почему ты не пошел в свой дом? Ты же с дороги?

— Как же я могу идти домой, есть, пить, спать с моей женой, когда Израиль и Иуда на поле в шатрах{229}. Клянусь твоей жизнью и жизнью души твоей, такого я себе не позволю.

Тогда Давид сказал Урии:

— Оставайся здесь еще один день. Завтра я тебя отпущу.

И пригласил Давид Урию за свой стол, напоил и накормил его. Но вечером Урия все-таки не пошел к себе домой.

Утром же написал Давид письмо Иоабу и, запечатав его, отправил с Урией. В письме значилось: «Поставь этого человека там, где идет самый жаркий бой, и оставь его одного, чтобы он был ранен и погиб».

Иоаб сделал так, как ему было предписано. Он поставил Урию в том месте, где против осаждающих город находились самые храбрые противники. Осажденные совершили вылазку, и Урия погиб с честью воинов Давида.

После этого Иоаб отправил царю горца с донесением о сражении. «Если, — сказал он ему, — царь, узнав о гибели воинов, разгневается и будет говорить: «Зачем вы так близко подступили к стенам города? Разве вы не знали, что со стен стреляют?! Не женщина ли бросила на Авимелеха обломок жернова?», объяви: «Погиб также и раб твой Урия, хеттеянин».

Так и было, как предрек Иоаб. Услышав о гибели Урии, Давид сказал:

— Передай Иоабу, чтобы не принимал случившегося близко к сердцу. Ведь меч настигает то одного, то другого. Пусть он усилит осаду и разорит город.

Услышав о смерти супруга, Вирсавия его оплакала. Когда же время плача прошло, Давид приказал ввести ее во дворец. Она стала его женой и родила ему сына. Но совершенное Давидом пришлось Яхве не по душе.

Старость Давида

Давно меня не греет Абисаг,
Судьба моя у Бога на весах.

Не знаю я, куда себя мне деть —
Сесть к очагу и на огонь глядеть?
Иль камень поискать средь ломких трав,
Которым был повержен Голиаф?
Иль пальцами опухшими струну
Нащупать, что звенела в старину?
Клясть сыновей, которыми забыт?
Рыдать от унижений и обид?
Совет мне, Боже, дай. Я — царь Давид.

Царь Давид состарился. Хотя его окутывали одеждами, он не мог согреться. Тогда к нему обратились слуги: «Надо поискать для господина и царя юную девушку, чтобы она обслуживала его и ухаживала за ним. Когда она ляжет рядом, будет тепло господину и царю нашему».

Давид одобрил это предложение. Стали искать девушку во всех областях Израиля и остановились на Абисаг из Сунема. Она была красивой, и ухаживала за царем, и прислуживала ему.

Между тем Адония, сын Давида от Агифь, видя, что отец слабеет, возгордился и уже не скрывал, что хочет занять престол, Он завел себе колесницы и всадников, окружил себя свитой из пятидесяти юношей-скороходов, которые не оставляли его одного. Давид же словно всего этого не замечал. Ни разу он не спросил Адонию: «Зачем ты так делаешь?»

Адония, следующий за Абшаломом сын, был красив от природы. Ему помогали Иоаб, сын Саруи, и Авихафар, священник. Но другие священники и пророк Натан не были заодно с Адонией.

Вскоре Адония у камня заклания, что у источника Рогедя, заколол овец, волов и тучный скот, пригласил на пир всех братьев своих, царских сыновей, и всех мужей Иуды, служивших у Давида. А пророка Натана, Банею, отборных ратников и Соломона, брата своего, не пригласил.

Тогда сказал Натан Вирсавии, матери Соломона: «Слышала ли ты, что воцарился Адония, сын Агифь, а господину нашему это

неведомо. Поэтому я тебе советую: спасай жизнь свою и сына своего Соломона. Иди прямо к царю Давиду и скажи ему: «Разве ты не клялся, господин и царь, своей рабе, что после тебя будет царствовать Соломон, что он займет твой трон? Зачем же воцарился Адония?» Пока ты будешь разговаривать с царем, я подойду, чтобы подтвердить твои слова».

И сделала Вирсавия так, как ей посоветовал Натан. Он же явился и подтвердил ее слова.

И сказал царь Давид:

— Позовите ко мне священника Садока и Банею, сына Иода. Ты, Натан, пойдешь с ними. Посадите Соломона, сына моего, на мула моего собственного и отвезите к Тихону. Помажьте его там на царство, затрубите в трубу и возгласите: «Да живет царь Соломон!» Потом пусть он явится сюда, и сядет на мой трон, и царствует вместо меня. Его я назначил князем над Израилем и Иудой!

Сделали верные слуги Давида, как он повелел. Садок взял из скинии рог с елеем и помазал Соломона. И затрубил в трубу, и возгласил весь народ: «Да живет царь Соломон!» Молодого царя окружили Садок, Натан, Банея и вместе с ними кретиты и плетиты{230}. Люди дули во флейты и ликовали так шумно, что под их ногами треснула земля.

Шум услышал Адония и все те, что пировали вместе с ним, и застыли с пищей — кто в руках, кто во рту. Иоаб спросил: «Что за волнение в городе?» В это время к пирующим приблизился сын священника Авиафара. «Подходи! Подходи! — крикнул ему Адония. — Ты, наверное, знаешь, что стряслось в Иерусалиме?»

— Знаю! — ответил он, — Это Давид провозгласил царем Соломона. Соломон уже занял трон, царские слуги его поздравляют, провозглашая: «Да украсит Бог твой имя Соломона более твоего имени, Давид! И да возвеличится его престол более твоего!» Давид же, находясь на ложе, поклонился сыну своему и сказал: «Благословен Господь, Бог Израиля, давший сидящего на престоле, пока видят глаза мои».

Слова эти вызвали всеобщее смятение. Гости Адонии разбежались кто куда. Сам же он ухватился за рога жертвенника{231}. Было об этом донесено Соломону вместе с просьбой Адонии сохранить ему жизнь. И Соломон сказал:

— Если будет вести себя достойно, то и волос его не упадет на землю, если же обнаружится в нем лукавство — умрет.

И послал Соломон слуг, чтобы те отняли руки Адонии от жертвенника. Он явился к Соломону и поклонился ему. Соломон сказал ему:

— Иди к себе домой.

Напутствие Давида

Напутствием Давида заканчивается повествование о нем. Его царствование относится к тому времени, когда в Палестине и соседних с нею странах изменяется политическая ситуация. Пришла к концу XXI династия в Египте. «Народами моря» были разгромлены хетты. Ассирийцы и вавилоняне, пытавшиеся овладеть побережьем Средиземного моря, были обращены вспять. Что касается непосредственных соседей Израиля арамейцев, моавитян, эдомитян, филистимлян, то это были еще не окрепшие государственные образования, которые, находясь во враждебных отношениях друг с другом, не могли помешать объединению Израиля и Иудеи под властью одного правителя. Давид сумел воспользоваться благоприятной ситуацией, поскольку обладал военным опытом и дипломатическим талантом, обретенными в годы странствий и службы противникам Саула. Захват им Иерусалима с его исключительно выгодным стратегическим положением дал возможность его преемнику сохранить созданное Давидом государство и расширить его владения.

Приблизился к Давиду день его смерти. Вызвал он Соломона и произнес последнее напутствие:

— Я отхожу путями всех живущих. Ты же будь сильным и держись как муж. Выполняй все, что Яхве, твой Бог, тебе прикажет, иди его путями и придерживайся его повелений и установлений, которые записаны в законе Моисея. Тогда у тебя будет удача во всем.

И наставив наследника, как жить и каким законам следовать, когда не станет его, Давид поручил сыну то, чего не успел завершить на земле: свести счеты с теми из врагов своих, кто не понес еще наказания, и вознаградить за верность тех, кто не получил еще воздаяния за оказанные ему услуги.

— Ты же знаешь, — сказал он, — как поступил со мной Иоаб, сын Саруи, умертвивший двух вождей войска израильского, проливший кровь бранную в дни мира, обагривший пояс на чреслах своих и обувь на ногах. Поступи же с ним согласно мудрости твоей, чтобы не отпустить его седин мирно в преисподнюю.

Сыновьям же Барсилая из Галаада окажи царскую милость. Пусть кормятся они за твоим столом, ибо пришли они ко мне, когда бежал я от брата твоего Абшалома.

И еще Семея-вениамитянина передаю я в руки твои. Он злословил меня тяжким злословием, когда я шел в Манахаим, но когда он вышел навстречу мне у Иордана, поклялся я ему Господом, что не умертвлю его мечом. Ты же не оставь его безнаказанным. Как человек мудрый, ты найдешь способ низвести седины его в крови в преисподнюю.

С этими словами Давид умер и был похоронен в той части Иерусалима, которая называется Градом Давида. Над Израилем Давид царствовал сорок лет — в Хевроне 7 лет, в Иерусалиме 33 года.

Убийство брата

Борьба Соломона за царскую власть и уничтожение политических противников представлена жрецами в благоприятном для царя свете, как исполнение отцовской воли: брата он карает за желание вступить в брак с наложницей отца, военачальника — за поддержку незаконных посягательств Адонии.

Соломон восседал на троне своего отца Давида и все более укреплял свою власть. Тогда отправился Адония, сын Агифь, к Вирсавии, матери Соломона. Она встретила его словами:

— С миром ли приход твой?

— Да! — ответил он. — У меня к тебе пожелание.

— Говори! — ответила она.

— Ты знаешь, — сказал Адония, — что я должен был быть царем, и весь Израиль ожидал, что я им стану. Случилось по-другому. Царская власть досталась моему брату, и это определено Господом. Теперь же у меня к тебе просьба. Не отворачивайся от меня.

— Продолжай! — произнесла Вирсавия благосклонно.

— Поговори с царем Соломоном — он тебе не откажет, — чтобы он дал мне в жены Абисаг из Сунема.

— Хорошо! — проговорила Вирсавия. — Я выполню твою просьбу.

Она отправилась к царю. Увидя мать, Соломон встал с трона и склонился перед нею. Потом Соломон вернулся на трон и приказал принести трон для матери. Устроившись справа от сына, она обратилась к нему:

— Могу ли я высказать небольшое пожелание? Не откажи мне в этом.

— Говори, мать моя. Ибо я не откажу тебе, — сказал царь.

— Пусть будет дана Абисаг брату твоему Адонии в жены.

— Почему ты просишь, чтобы Абисаг досталась Адонии? — возмутился Соломон. — Проси ему и царства, так как он мой старший брат! Проси и за тех, кто его поддерживает! Клянусь Господом, эта просьба будет стоить Адонии жизни. Сегодня же он будет умерщвлен.

Убить Адонию Соломон поручил Банее, сыну Иода.

Не стал царь карать священника Авиафара за поддержку Адонии, сказав ему:

— Иди на поле твое. Не умерщвлю я тебя, хотя и достоин ты смерти, ибо ты носил ковчег Господа перед отцом моим и разделял с отцом моим все, что пришлось претерпеть ему.

И услышал об этом Иоаб, сын Саруи, и испугался он, потому что поддерживал он Адонию, и бежал он в скинию Господа, и ухватился за рога жертвенника.

Донесли Соломону, что Иоаб у жертвенника, и послал Соломон Банею умертвить его.

И пришел Банея в скинию, и сказал Иоабу:

— Выходи.

Отказался выйти Иоаб, сказав:

— Нет! Я хочу умереть здесь.

Передал Банея Соломону слова Иоаба. Но не остановило царя то, что у жертвенника прольется кровь. Помнил он предсмертную волю отца своего и без колебания ответил Банее:

— Сделай так, как просил Иоаб: умертви его и похорони. Этим снимешь ты с дома отца моего невинную кровь, что пролил Иоаб. И да обратится кровь военачальников отца моего, в дни мира убитых им, навеки на голову Иоаба и потомства его.

И вернулся Банея в скинию, и поразил Иоаба. И был похоронен Иоаб в доме своем, а военачальником вместо него Соломон поставил Банею. Садок же был назначен первосвященником вместо Авиафара.

И вспомнил Соломон о Семее, и, призвав его, сказал:

— Построй себе дом в Иерусалиме и живи, не покидая его, ибо умрешь в тот день, когда выйдешь и перейдешь потом Кедрон.

Покорился Семея воле царя и долгое время жил в Иерусалиме. Но три года спустя бежали в Геф два раба его. Оседлал Семея осла своего и отправился на поиск рабов. Разыскал он их и привел домой.

Сразу же узнал об этом Соломон и, призвав Семея, сказал:

— Разве не предупреждал я тебя, что умрешь в тот день, когда покинешь место, которое я определил для проживания твоего? Пусть же теперь обратит Господь злобу твою тебе на голову. Ведь знает сердце твое зло, какое сделал ты отцу моему.

И повелел царь Банею, сыну Иода, поразить Семею.

Сон в Гибеоне

После того, как Соломон убил брата своего и других недругов, он счел свою власть достаточно прочной, чтобы породниться с самим фараоном. И взял он в жены дочь фараона{232}, и ввел ее в Град Давидов еще до завершения сооружения дворца, до постройки дома Господня и стены вокруг Иерусалима.

И отправился Соломон в Гибеон, чтобы принести там жертву, ибо главный жертвенник был тогда там{233}. Тысячу всесожжении принес на нем Соломон.

В Гибеоне Соломон увидел во сне Бога{234}, который

обратился к нему:

— Пожелай, что я могу тебе дать.

И ответил Соломон:

— Ты оказал рабу своему, моему отцу Давиду, большую милость, ибо он был верным тебе, справедливым и здравомыслящим. Ты оказал милость и мне, ибо я сижу на троне его. Поставил ты меня, раба своего, царем, но я еще молод и не имею опыта. И стоит твой раб среди народа, избранного тобой, среди множества неисчислимого. Дал бы ты рабу своему чуткое сердце, чтобы мог он править народом твоим и отличать доброе от злого.

Богу очень понравилось пожелание, с которым обратился к нему Соломон, и он ответил:

— За то, что ты не пожелал себе долголетия, не просил богатства, не захотел, чтобы я выдал тебе души врагов твоих, а возалкал мудрости, я выполню твою просьбу. Смотри, я даю тебе мудрое и разумное сердце, какого не было до тебя ни у кого и не будет ни у кого после тебя. Но я даю тебе и то, чего ты не просил: богатство и славу на всю твою жизнь, так что никто из царей не сравнится с тобою. Если же будешь идти моими путями и следовать моим установлениям, то дам тебе и долгую жизнь.

Тут Соломон проснулся.

Суд Соломона

История о мудром судье и матери, готовой лишиться ребенка, сохранив ему жизнь, распространена в мировом фольклоре. Исследователи установили 22 параллели библейской истории о суде Соломона.

После этого Соломон вернулся в Иерусалим и там, стоя пред ковчегом, принес всесожжение Богу, а затем Дал пир придворным и слугам.

Тогда пришли к царю на суд две блудницы и стали перед ним.

Одна из женщин сказала:

— О господин мой! Я и эта женщина занимаем одни покои, и я родила при ней младенца мужского пола. На третий день после того родила и она. Были мы с нею вместе. Ночью она придавила своего сына во сне и, проснувшись, взяла моего сына, а своего, мертвого, положила у моей груди. И встала я утром, чтобы покормить сына моего, и вижу, что он мертвый. А когда я всмотрелась в него, то вижу, что это не мой сын.

— Неправда! Неправда! — заголосила другая женщина. — Твой сын мертвый, а мой живой.

И начали они, набрасываясь друг на друга, кричать и

призывать в свидетели Бога, так что Соломону стало невмоготу.

Он встал с трона и, обращаясь к стражу, сказал:

— Пусть принесут мой меч.

Блеск меча отрезвил женщин, и они сразу замолкли.

— Разруби этого младенца пополам, — приказал Соломон. — И отдай одну половину одной женщине, другую — другой.

Тогда одна из женщин, упав на колени, обратилась к царю:

— Не надо рубить. Отдай ей ребенка живого.

Другая же исступленно вопила:

— Руби! Руби! Пусть будет ни тебе, ни мне.

И приказал Соломон:

— Отдайте ребенка той, которая не хочет смерти ребенка. Она его мать.

И понял Соломон, что сон в Гибеоне был вещим, что даровал ему Господь чуткое сердце. И поняли это все в Израиле, отныне питая перед мудростью царя благоговейный ужас.

Плоды мудрости

И расцвели Израиль и Иудея под солнцем мудрости царя Соломона. Помня, сколько неприятностей и бедствий приносило Давиду тщеславие старейшин двенадцати колен, тянувших одеяло Израиля каждый к себе, разделил Соломон подвластные ему земли на двенадцать областей, не совпадавших с землею колен. Во главе этих областей он поставил двенадцать правителей, в которых не сомневался. Но, чтобы укрепить эту верность и связать правителей со своим домом, он выдал за некоторых из них своих дочерей и, кроме того, назначил над правителями начальника из числа наиболее приближенных людей.

Союзниками царя Соломона были египетский фараон и царь финикийского города Гира Хирам. Фараон дал Соломону в жены одну из своих дочерей, а в приданое — город Гезер, ранее принадлежавший филистимлянам.

С Хирамом Соломон заключил торговый договор, сделавший отношения двух государств необычайно прочными. Финикиец должен был поставить огромное количество кедрового и кипарисного леса для царских построек.

Храм Соломона

Обладая лесом и вместе с тем властью над подневольным населением страны Ханаан, Соломон взялся за работы, о которых его отец Давид мог лишь мечтать. Считая свою мудрость и

богатство милостью Бога, Соломон решил поделиться со своим благодетелем, выделив часть средств на строительство дворца, а часть — на постройку великолепного храма. Местом для последнего была избрана гора Офел, вершину которой пришлось сравнять.

Началось строительство храма на четвертом году царствования Соломона и длилось, ни мало ни много, тринадцать лет. Вся страна от Дана до Вирсавии превратилась в строительную площадку и мастерскую. В горах Ефраима и Хеврона вырубали камень и вытесывали из него прямоугольные блоки и плиты. Железные молоты били по камням день и ночь, оглушая людей, разгоняя диких животных и птиц. Но в самом Иерусалиме было тихо. Блоки и плиты доставлялись на Офел в готовом виде, и только выбитая на дороге глубокая колея оставалась на память горожанам и их потомкам. На побережье слышалось уханье топоров и визг пил, превращавших стволы в гладкие столбы, доски — в дверные и оконные рамы. Деревянные заготовки также доставлялись в город в готовом виде, и аромат кедра вытеснял запахи харчевен, разбитых прямо под горой Офел, чтобы кормить строителей.

В потаенном месте под охраной воинов потомки Тувалкаина корпели над золотом, присланным тестем Соломона из Мицраима{235}, где золота было столько же, сколько речного песка. В каменных формах отливались золотые цепи и цепочки. Из тончайших золотых нитей на серебряных пластинах выкладывались распускающиеся цветы, настолько похожие на живые, что не только людям казалось, что они источают ароматы роз, лилий, шафрана, но даже пчелы, обманутые сходством, слетались, чтобы брать с них взятки.

Тут же неподалеку колдовали гранильщики драгоценных камней. Горный хрусталь, малахит, корунд, аметист, были известны и ранее. Среди неведомых камней более всего удивлял солнечный камень, привезенный мореходами Тира с далеких берегов Холодного моря, которое выбрасывало его на песок. Называли его, как и все, что привозилось с Запада, таршишем.

После того, как были заготовлены все части храма и его внутреннее оборудование, быстро воздвигли фундамент и начали собирать храм, собрав же, стали наряжать, как Божью невесту, чистить его медную кровлю, устанавливать мебель и светильники, развешивать пурпурные, шитые золотом завесы.

Так была кончена вся работа, которую производил царь Соломон для дома Божьего.

Царица Савская

Была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов Востока, выше египетской мудрости. Был он мудрее всех людей, и имя его стало прославлено у всех соседних народов. Три тысячи притчей изрек он, тысячу пять песен сложил. И многие из царей земных приходили к Соломону, чтобы насладить свой слух его мудростью.

Также и царица Савы{236}, услышав о славе Соломона, пришла, чтобы проверить Соломона с помощью загадок. Она двинулась в Иерусалим с огромной свитой и дарами, с верблюдами, навьюченными благовониями, великим множеством золота и драгоценных камней. И беседовала с царем обо всем, что вздумалось ее душе.

Соломон же дал на все ее вопросы ответы. И не было ничего, что не знал бы царь. И познала царица мудрость Соломона до самых глубин, увидела дом, построенный им, и жизнь в этом доме: пищу на его столе, распорядок дня придворных его, содержание его слуг и их одеяние, виночерпиев, равно как и всесожжения, которые он совершал в храме. Удивление царицы не знало границ. И сказала она царю:

— Много я слышала о земле твоей, о делах твоих и мудрости твоей и не верила тому, что говорили. Теперь же вижу, что мудрости и достоинств у тебя много больше, чем их разнесла молва. Блаженны приближенные твои и слуги, стоящие все время перед твоими очами и открытые для твоей мудрости. Благословен Яхве, Бог твой, благоволящий к тебе, водрузивший тебя на престол Израиля. О как же он должен любить Израиль, если поставил тебя над ним царем!

И подарила она царю сто двадцать талантов{237} золота, великое множество благовоний и драгоценных камней.

Также и корабль Хирама доставил золото и невероятное количество сандалового дерева и драгоценных камней из страны Офир. Царь сделал из этого дерева помост для храма и для своею дворца, кифары и арфы для певцов. Никогда еще не приходило столько этого дерева в страну и не видано было до сего дня.

Соломон дал царице Савы сверх того, чем он обычно одарял являвшихся к нему царей, все, что она хотела и просила. И возвратилась она со всей свитой в свою страну довольная и счастливая.

Мифы поздней Иудеи

Мифы не всегда порождаются ранними эпохами исторического существования. Они роятся над каждым народом на всем его историческом пути, принимая самые невероятные, причудливые очертания. Часть поздних мифов была включена в библейский канон, другая же осталась за его пределами в виде апокрифов. Поздние мифы отражают перипетии эпохи, наступившей после крушения колоссальной державы Александра Македонского.

Первоначально Иудея попала в орбиту птолемеевского Египта и вращалась в ней на протяжении столетия с лишним (301–198 гг. до н. э.). Иерусалим попал в зависимость от юной Александрии, платя ее царям дань, посылая на службу воинов-наемников. Александрийская еврейская община стала центром еврейской диаспоры (рассеяния). Греческий язык наряду с арамейским становится разговорным языком евреев, многие из которых принимают греческие имена, усваивают греческий быт и культуру. Именно тогда осуществляется перевод Священного писания на греческий язык. Этот перевод сохранился до наших дней под названием Септуагинта (Перевод семидесяти).

После одержанной в 198 г. до н. э. победы царя Антиоха III над Птолемеями, Иерусалим переходит под власть другой госпожи — Антиохии. И если сам переход был безболезненным, господство Селевкидов оказалось одной из самых трагических страниц истории Иудеи. Терпя одно поражение за другим в схватках с Римом, Селевкиды возложили бремя своих неудач на подданных. Подати становятся невыносимыми. Время египетского владычества показалось благословенным. Иерусалим оказывает Александрии явную и тайную поддержку.

Это приводит к оккупации Иерусалима войсками Антиоха IV, к водружению в храме статуи Зевса, к запрету исполнения еврейских религиозных обрядов. Эллинизованное население Иерусалима и Иудеи частично поддерживало сирийскую оккупацию, частично с нею смирилось. Однако она вызвала сопротивление ревнителей старой веры и культуры хасидов во главе с верховным жрецом Маттафием. Сыновья его, возглавившие вооруженную борьбу, получили имя маккавеев («молотобойцев»), поскольку наносили по оккупантам сокрушительные удары. Иудея была объята пламенем гражданской религиозной войны, в которой хасиды взяли верх. Селевкидам пришлось отступить, восстановив независимость храма, разрешив исполнение еврейских религиозных обрядов. В условиях новых военных неудач Антиохии в войнах с Римом, усиления распада огромной державы Селевкидов и политического хаоса движение евреев за религиозную независимость переросло в борьбу за политический суверенитет, завершившись в 140 г. до н. э. созданием государства Хасмонеев, просуществовавшего менее ста лет, до захвата и разграбления Иерусалима римским полководцем Гнеем Помпеем в 63 г. до н. э.

Таковы главные исторические вехи, позволяющие понять некоторые тенденции религиозно-мифологической литературы поздней Иудеи — ее обращенность в прошлое для отыскивания образцов гражданственности в сходных исторических ситуациях, пророчества о будущем, исступленная вера в наступление суда Божьего и воздаяние каждому по заслугам, надежда на появление избавителя — мессии, сына человеческого. Таков же круг идей, которыми питались и религиозные сектанты различных толков, в том числе и те, которые стали называть себя христианами.

Руфь

Не знаю я, невестка и свекровь,
Что вас спаяло — смерть

или любовь?
Иль сделали особенно близки
Вас нищенская пища — колоски?
Но как же человечен ваш пример:
Различие презреть племен и вер!

В новелле «Руфь» развертывается трагедия семьи, потерявшей кормильца. Ее героини — две женщины, Ноэми и Руфь, израильтянка и моавитянка, свекровь и сноха. С потерей близкого им человека формально их ничто не связывает, но они едины. С ними вместе одерживает победу женская солидарность и человечность. Над чем? Над религиозным запретом на брак людей разной веры, над племенными предрассудками, над идеей избранного народа, над вековой материнской ревностью, над самой природой.

Можно часто слышать удивленные голоса: «Как такая вещь попала в канон?» Но это удивление опиралось и в известной мере продолжает опираться на миф XIX в. о «редакторах» Библии, которые мыслились учеными сухарями, догматиками, своего рода цензорами, строго следившими за тем, чтобы, не дай Яхве, в священное писание не попало что-либо неподобающее. Вопреки этому расхожему мнению, составители канона были людьми, не лишенными чувства прекрасного и к тому же понимавшими, что для упрочения веры мало назиданий, что необходимо воздействовать не только на разум, но и на чувства.

В истории текста «Руфи» выделяют два слоя: первый — время царя Соломона, когда сложилась легенда о Руфи, и второй — V–IV вв. до н. э., когда легенда была превращена в новеллу.

На чужбине

В дни, когда правили судии{238}, на земле был голод, и отправился один человек из Вифлеема, что в Иудее, к моавитянам, чтобы жить на их полях. Было тому человеку имя Элимилек{239}, имя жены его Ноэми{240}, имена сыновей его Махлон{241} и Хилеон{242}.

И пришли они на поля моавитян, и там поселились. Вскоре Элимилек умер, и осталась Ноэми жить с двумя сыновьями, взявшими себе в жены моавитянок. Имя одной было Орфа, другой — Руфь{243}. Жили они вместе десять лет, после чего сыновья Ноэми умерли. Не имея никого близких, Ноэми решила вернуться на родину, в Вифлеем. Она сказала снохам:

— Вернитесь каждая в свой дом, и пусть Бог будет к вам милостив.

Но они подняли крик и плач.

И снова сказала им Ноэми:

— Возвратитесь, дочери мои! Зачем вам следовать за мной?

Ведь нет в моем чреве сынов, которые были бы вам мужьями. А если бы они и были, можете ли вы ждать, пока они вырастут?

И снова подняли Орфа и Руфь плач, но все же первая возвратилась домой, а вторая отказалась наотрез покидать Ноэми.

— Не оставлю я тебя, — сказала Руфь. — Куда ты пойдешь, туда и я пойду, где ты будешь жить, там и я буду жить, ибо твой народ — мой народ, твой Бог — мой Бог. Где ты умрешь, там и я умру и буду похоронена. Одна смерть разлучит меня с тобою.

Видя решимость Руфи, Ноэми больше не отговаривала ее остаться и взяла с собою.

Руфь и Бооз

Так они пришли в Вифлеем. Видя старуху, многие не узнали ее. Некоторые спрашивали: «Не Ноэми ли это?»

— Была Ноэми! — ответила старуха. — Но забудьте мое имя. Называйте меня Марою{244}, ибо великое горе послал мне Бог. Я пошла с мужем и сыновьями, с достатком, а вернулась без ничего.

А было тогда время жатвы ячменя. И обе были голодны.

— Давай я пойду на поля собирать колоски, — предложила Руфь.

— Иди, дочь моя, — ответила Ноэми.

И отправилась Руфь на поля, и шла вслед за жнецами, собирая колоски. К полудню же она вышла на поле некоего Бооза{245}.

Бооз увидел ее и спросил у управляющего, поставленного над жнецами:

— Чья эта молодая женщина?

— Это моавитянка, пришедшая с Ноэми, — ответил тот.

Тогда подошла сама Руфь и сказала Боозу:

— Я хожу подбираю колоски на полях.

И сказал тогда Бооз Руфи:

— Не ходи на другие поля. Будь на этом поле. Я прикажу слугам не трогать тебя. Если захочешь пить, вон там кувшины для жнецов. Иди и пей.

И упала тогда Руфь на лицо свое, поклонилась до земли и спросила:

— Чем же я снискала в глазах твоих милость? Ведь я чужеземка.

— Мне стало известно, — ответил Бооз, — что ты сделала для Ноэми после смерти ее сына, твоего мужа. Ведь ты оставила отца своего и мать свою, родину свою и пришла в край, которого

прежде не знала. Так пусть тебе будет награда от Бога Израиля.

— Да буду я в милости у тебя, господин мой, — сказала Руфь. — Ты меня утешил, хотя я не стою ни одной из рабынь твоих.

После этого она подбирала колоски до темноты, вымолотила собранное, поела сама и отнесла Ноэми.

Поев, спросила ее Ноэми, где она сегодня работала. И рассказала Руфь Ноэми про человека, имя которому Бооз, про то, какую милость он ей оказал.

— Этот человек из родни моего покойного мужа, — объяснила Ноэми. — Хорошо, что ты будешь работать у него, а не ходить по полям.

И работала Руфь у Бооза, подбирая колоски, пока не кончилась жатва ячменя и жатва пшеницы. А жила она у свекрови своей: Однажды Ноэми обратилась к Руфи:

— Дочь моя! Я узнала, что Бооз, родственник наш, в эту ночь веет со служанками ячмень на гумне. Так что ты умойся, натрись благовониями, принарядись и отправляйся на гумно, но не показывайся этому человеку, пока он не кончит есть и пить. Когда же он ляжет спать, найди это место и устройся у ног его. И пусть будет то, что ему угодно.

Бооз, отужинав, устроился на ночлег у стога. Руфь, же тихонько прошла и легла у его ног. В полночь проснулся он и видит, что у ног его женщина.

— Кто ты? — спросил он.

— Я — Руфь, твоя домашняя рабыня{246}, — сказала она. — Возьми домашнюю рабыню под крыло свое, ибо я чужестранка.

— Благословенна ты от Бога, дочь моя{247}, — проговорил Бооз. — То, что ты сделала, лучше твоих прежних добрых дел. Ведь ты не пошла за молодыми людьми, ни бедными, ни богатыми. Не бойся, я сделаю все, что ты скажешь, ибо у всех ворот города моего знают тебя как честную женщину. Я поступлю с тобой как родственник, хотя есть родственники ближе меня. Спи спокойно до утра.

И спала она до утра, и встала прежде, чем один мог познать другого. Бооз же ей сказал:

— Подай верхнюю одежду, что на тебе, и подержи ее.

И держала она ее, он же отмерил шесть мер ячменя, помог ей взвалить куль на спину, а сам отправился в город.

Пришла Руфь к свекрови своей и сказала, опуская куль на пол:

— Это шесть мер ячменя, которые он дал мне, сказав: «Не ходи к свекрови своей с пустыми руками».

— Останься, дочь моя, пока не станет все известно, — сказала

Ноэми. — Ибо этот человек не успокоится, пока сегодня же не кончит все дела.

Свадьба

Так и было. Бооз пришел к воротам и сел возле них. Показался родственник, тот самый, на которого ночью намекал Бооз. Он крикнул ему.

— Подойди ближе и сядь.

Тот так и сделал. Тогда Бооз дал знак стоявшим поодаль десяти старейшинам. Они также подошли и сели.

— Так вот, — сказал Бооз родственнику своему. — Поле, которое принадлежало брату нашему Элимилеку, продала Ноэми, возратившаяся с полей моавитян. Сообщаю тебе при свидетелях: выкупи это поле, если хочешь, а если не хочешь, прямо скажи, потому что по родству к Ноэми после тебя я.

— Я готов выкупить, — сказал родственник.

— Но если ты выкупишь, — продолжал Бооз, — то у тебя будут обязанности по отношению к моавитянке Руфь, жене умершего. Готов ли ты восстановить имя умершего на поле его?

— Нет, — ответил родственник. — Не могу я взять ее к себе. Прими ты на себя обязанности родства.

А прежде в Израиле при выкупе или обмене было так: для подтверждения сделки одна из сторон снимала башмак и передавала другой стороне.

Родственник снял с себя башмак и, передавая его Боозу, сказал:

— Купи!

Бооз встал и, обращаясь к старейшинам и собравшемуся народу, сказал:

— Вы свидетели, что я покупаю у Ноэми все, что принадлежит Элимилеку, а также все, чем владели Хилеон и Махлон. Также и Руфь, жену Махлона, беру я себе в жены, чтобы оставить имя умершего на поле его и чтобы не испарилось имя умершего между братьями его и у ворот его местности. Вы теперь этому свидетели.

Народ же, бывший у ворот, и старейшины сказали:

— Мы свидетели. Да сделает Господь жену, входящую в дом твой, как Рахиль, как Лию, которые обе устроили дом Израиля. Богатей же, и да славится имя твое в Вифлееме! Да будет твой дом, как дом Фареса, которого родила Фамарь Иуде, от семени, которое пойдет от этой молодой женщины.

И взял Бооз Руфь в свой дом, и сделалась она его женой, и он

вошел к ней. Господь дал ей беременность, и родила она сына.

И женщины говорили Ноэми:

— Благословен Господь, что он не оставил теперь тебя без родственников. Да будет славно это имя у Израиля. И будет он тебе отрадой и кормильцем твоим в старости, ибо его родила сноха, которая любит тебя, которая для тебя лучше семерых сыновей. — И взяла Ноэми это дитя, и носила его на руках своих, была она ему нянькой. И нарекли соседки младенца именем Овид[248].

Книга Ионы

Иона, иль вернее Дионис,
Соперник иудейский Аполлона,
Дельфина оседлай и возвратись
К себе домой, в языческое лоно.
Стань гибкой виноградною лозой,
Пройди на корабле Столбы Мелькарта,
И обернись трагической слезой
У зрителей классического театра.

Вместе с псевдопророком Ионой читатель попадает в странный мир добрых людей. Это корабельщики, выбрасывающие виновника своих бед за борт со словами сожаления, а затем обращающиеся в истинную веру. Это ниневийцы во главе со своим царем, облачающиеся в траур и приносящие покаяние. Это Иона, проявляющий непослушание Господу. Да и Яхве, проповедующий идею всепрощения, не похож на знакомого нам бога-воителя, непримиримого к своим врагам.

Странная книга — так иногда называют книгу Ионы вместе с некоторыми другими книгами Ветхого завета. Сам ее сюжет не имеет ничего родственного в библейской литературе. Близкую ему параллель мы обнаруживаем в греческом мифе об этрусках (тирсенах), захвативших бога Диониса. Совпадение имен владельцев корабля (тирсены и таршиш), близость имен героев (Дионис и Иона), а также сказочный сюжет, связанный с крупными морскими животными (рыба, проглотившая, а затем выплюнувшая Иону, и дельфины мифа о Дионисе), — все это говорит о знакомстве автора книги Ионы с греческим мифом, изложенным в одном из гомеровских гимнов, или с его устным вариантом филистимского происхождения.

Исследователи обратили внимание на карикатурные черты в облике Ионы. Трудно сказать, с чем они связаны — с аллегорическим характером произведения или с противоречиями среди отдельных групп пророков? Во всяком случае, книга не противоречит идее всемогущества Яхве, что гарантировало ей включение в канон.

Точное время написания книги Ионы не может быть установлено. Полемика

против иудейской обособленности среди народов как будто делает невозможной ее создание в период до вавилонского пленения. Ниневия, столица могущественной Ассирии, павшая в 612 г. до н. э., к тому времени была уже давно исчезнувшим городом. В тексте книги попадается много следов арамейского языка, вошедшего в употребление у евреев после возвращения из Вавилона. Встречается выражение «Бог небес», часто употребляемое в книгах Хроник. Это позволяет отнести написание книги Ионы к V–II вв. до н. э.

В море

И обратил Бог к Ионе, сыну Амафа, слово свое:

— Встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедуй там, ибо я узнал о его злодеяниях.

Встал Иона, но направил свои стопы в Таршиш, подальше от лица Божьего. Он прибыл в Иоппу, отыскал там таршишский корабль, отдал плату за проезд и отплыл.

Бог же, обнаружив непослушание Ионы, воздвиг на море бурю великую. Видя близкую гибель, устрашились мореходы. Каждый стал взывать к своему Богу, а когда это не помогло, они начали сбрасывать за борт кладь, чтобы облегчить судно. Иона же боялся обращаться к тому, от кого бежал. Он спустился вниз и заснул.

И явился к нему кормчий, чтобы сказать:

— Зачем ты спишь? Лучше бы помолился своему Богу, может быть, он вспомнил бы о тебе и о нас и мы бы остались живы.

Иона не тронулся с места, корабельщики же стали метать жребий, чтобы узнать, из-за кого их постигла беда. И пал жребий на Иону. Тогда они спустились за ним и подняли на палубу, заливаемую волнами.

— Скажи, — обратились они к нему, — из-за чего с нами эта напасть? Кто ты и откуда? Где твоя страна, из какого ты народа?

— Израильтянин я, — признался Иона. — Я чту Бога, сотворившего небо и землю.

Ужаснулись корабельщики, когда Иона поведал им, что бежал от такого великого Бога. В таких случаях они, не раздумывая, бросали человека за борт, но страх перед таким Богом заставил их спросить у несчастного грешника:

— Что нам с тобою сделать, чтобы море утихомирилось?

— Бросьте меня за борт, — ответил Иона, — и море утихнет. Я точно знаю, что эта буря из-за меня.

Но корабельщики все же не послушали Иону, а стали грести изо всех сил, надеясь пристать к берегу. Но море продолжало бушевать. Видя, что все их усилия напрасны, корабельщики обратились к Господу Ионы:

— Молим тебя! Да не погибнем мы за душу этого человека, да не вменишь ты нам в вину кровь невинного, ибо все в твоей

воле и в твоих руках.

Сказав это, они схватили Иону и швырнули его в бушующие волны. Едва Иона коснулся воды, как ярость моря стихла так же внезапно, как началась. И напал на корабельщиков великий страх, и принесли они Богу жертвы, и дали ему обеты.

Иона в чреве рыбы

Недолго Иона барахтался в воде, ибо по воле Бога на поверхность моря поднялась огромная рыба и взяла тонущего в чрево свое. И был Иона в чреве чудовища три дня и три ночи, вознося в скорби своей жаркие молитвы о спасении.

— Ты слышишь ли меня, о Боже? Ибо из чрева я молю, из преисподней. Ты вверг меня в пучину, в самое сердце моря, и потоки окружили меня. Все воды твои и волны твои надо мною. Отринут я от очей твоих и не знаю, увижу ли твой храм. Проникли воды в мою душу, бездна обняла меня, обвита голова моя травою морскою. Спустился я до основания гор, земля своими запорами замкнула меня. Но ты, Боже, можешь извлечь душу мою из преисподней. Ибо я вспомнил о тебе, я верю, что мольба моя дошла до тебя, до святого храма твоего. Ибо я не из тех, кто почитает суетных и ложных богов, кто недостоин милосердия твоего. И обещаю я принести тебе жертву, а то, что обещал, выполню. Ведь у Бога моего спасение мое.

Слушая это, Бог приказал рыбе изрыгнуть Иону на берег.

В Ниневии

Не успел Иона опомниться, как услышал обращенное к нему слово Божье:

— Встань, шествуй в Ниневию, город великий, проповедуй там то, что я тебе прикажу.

Встал Иона и отправился в Ниневию. Была же Ниневия у Господа городом великим. Для того чтобы ее обойти, понадобилось бы три дня. И стал Иона ходить по городу. Не останавливаясь ни на миг, он взывал:

— Знайте, что стоять вашему городу осталось сорок дней, после чего он будет разрушен.

Не усомнились ниневийцы в пророчестве Ионы. Они объявили пост, оделись в рубища от мала до велика. И царь их, услышав о вещании Ионы, покинул трон, снял царское одеяние, облачился в рубище и сел на пепле. И повелел царь Ниневии

сказать от своего имени и от имени своих вельмож:

— Пусть люди не едят и не пьют. Пусть и скот не ходит на пастбище. Пусть люди облекутся в рубище и что есть сил вопят к Богу. Пусть они откажутся от нечестия, от насилия рук своих. Кто знает, ведь Бог может оказать нам милость свою, утолить свой гнев! И мы тогда не погибнем.

Бог все это видел и слышал. Пожалел он о том, что обещал навлечь на Ниневию беды, и не навлек их.

И стало обидно Ионе. Досада овладела им, и взмолился он Богу:

— Вот, говорил я еще тогда, когда был на своей земле, намереваясь бежать в Таршиш, что ты в благости своей, долготерпении, милосердии отменишь свою кару. Теперь же я вижу, что был прав. Поэтому возьми мою душу, ибо мне лучше умереть, чем жить.

Выслушав эти слова, Бог спросил:

— Почему это тебя так огорчило?

Иона же молча покинул Ниневию, устроил себе шалаш и сел, чтобы видеть, что станет с Ниневией.

Тогда вырастил Бог клещевину, и она поднялась над Ионою так, что его голова была закрыта тенью. Очень обрадовался Иона растению и забыл о своем огорчении. Но на следующий день Бог наслал на клещевину червя, и она засохла. Стало печь Солнце голову Ионы, так что он изнемог и снова стал просить себе смерти.

И снова спросил Бог Иону:

— Неужели ты так сильно огорчился из-за растения сего?

— Да! — ответил Иона. — Смертельная это горечь.

— Так вот, — продолжал Бог, — ты пожалел растение, над которым не трудился, которое не взращивал, какое выросло в одни сутки и в то же время, в те же сутки пропало. Как же мне не пожалеть Ниневии, города великого, в коем более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и притом много скота{249}?

Эсфирь

Книга «Эсфирь» посвящена драматическим событиям времен пребывания депортированного народа в Персии и связана с царствованием персидского царя Ахашвероша, которого часто отождествляют с Ксерксом (486–465 гг. до н. э.). Главные ее персонажи, наряду с царем: израильтянка Эсфирь, ставшая персидской царицей, ее родственник Мардохей, страж дворцовых ворот, и злой визирь Хаман, замысливший уничтожить ненавистный ему народ.

Несмотря на то, что эта новелла диаспоры привязана к определенному времени, ее историческая основа вызывает серьезные сомнения. Влияние царицы, тем более чужестранки, на решение государственных вопросов, как это рисуется в новелле, трудно представить. Израильтянин вполне мог находиться на царской службе и охранять

ворота, но соперничество служителя такого ранга с могущественным визирем — явный вымысел.

Не оставляет сомнений, что новелла об Эсфири сконструирована для объяснения праздника пурим, впервые упомянутого во второй книге Маккавеев в связи с победой иудейских повстанцев над царем Сирии. Нет никакой уверенности в том, что этот праздник возник в персидскую эпоху. Он мог существовать в более раннее, вавилонское время. В греческом добавлении к книге «Эсфирь» в Септуагинте сообщается, что некий Досифей (иудей с греческим именем) доставил перевод книги Эсфирь в Египет для царя Птолемея. Под этим Птолемеем могли мыслиться Птолемей IX (правивший в 114–113 гг. до н. э.) и Птолемей XI (78–77 гг. до н. э.). Эти даты позволяют отнести время написания книги приблизительно к концу II в. до н. э.

Это было время ожесточенной конфронтации между Иудеей и эллинистическим миром в лице царя, правившего осколком некогда могущественной державы Селевкидов (в свою очередь осколка державы Александра Македонского). Этот осколок, который можно условно назвать Сирией, был тюрьмою народов, обладавших древней государственностью и культурой, — финикийцев, иудеев, армян, сирийцев, халдеев и многих десятков других. Каждый из этих народов облагался данью и другими повинностями, должен был принимать на постой воинов. При этом не имелось каких-либо правовых гарантий ни в объеме повинностей, ни в осуществлении представляемой тому или иному городу и народу автономии. Так, царь Антиох IV, нарушив существовавшие договоренности, приказал внести в храм Яхве в Иерусалиме статую Зевса и запретил исполнение собственных религиозных обрядов. Это и было поводом для восстания, охватившего в 165 г. до н. э. всю Иудею.

Написание книги «Эсфирь» приблизительно в это время в полной мере согласуется с описываемой в ней ситуацией. Речь шла о геноциде прошлых времен, которого удалось избежать с помощью Яхве. Это был прецедент, и мало кого интересовало, в какую эпоху он происходил, была ли Эсфирь супругой вавилонского или персидского царя. Важно было этим примером вдохновить современников, которым также угрожало поголовное истребление.

Было это в дни Ахашвероша{250}, царя персидского, царствовавшего над ста двадцатью семью областями от Индии до Эфиопии. В престольном городе Сузах дал он пир для всех правителей области и для служащих при нем, для войска персидского и войска индийского. Сто восемьдесят дней показывали гостям великие царские богатства. Потом в саду перед дворцом был дан малый пир для обитателей Суз. К мраморным столбам на серебряных кольцах были подвешены драгоценные ткани, дающие тень. На золотых и серебряных ложах возлежали гости и пили из драгоценных сосудов каждый сколько хотел, ибо никто их не принуждал. Царица же призвала на пир женщин царского дома.

На седьмой день пира развеселилось сердце Ахашвероша от вина, и приказал он привести царицу, чтобы показать красоту ее пирующим. Но царица отказалась прийти. И разгневался царь, и спросил сам себя: «Что будет, если и другие жены во всем царстве от Индии до Эфиопии откажутся повиноваться мужьям своим?» И отправил он письма во все сто двадцать семь областей, письма, написанные письменами к каждому народу на его языке, повелев, чтобы всякий муж был господин в доме своем и воля его была законом. После этого царь отверг супругу свою и приказал снять

корону с головы ее, а чтобы женский дом при дворце не пустовал, приказал привести со всех областей царства молодых девиц, прекрасных на вид, чтобы выбрать из них жену вместо отвергнутой царицы.

Среди девиц, приведенных во дворец, была сирота Эсфирь, воспитываемая дядей своим Мардохеем, одним из иудеев, находившихся в вавилонском пленении. Остановил на ней свой взгляд Ахашверош, оставил ее в царском доме под надзором стража жен. Приказал он дать ей в услужение семь девиц и выделил ей мирровое масло и бальзам для умащения. Мардохей приказал Эсфири не говорить, из какого она рода и племени, и царь не знал, что она еврейка.

Была Эсфирь хороша собою, и полюбил ее царь более других своих жен, и возложил на ее голову венец, и сделал царицею. Мардохея же он взял в свой дом и посадил его у ворот. Так узнал Мардохей, что двое из евнухов, оберегающих царский порог, задумали наложить руки на царя. Дело это стало известно через Эсфирь и исследовано, после чего заговорщики были казнены и сделана обо всем этом дневная запись в царской книге.

Вскоре после того среди вельмож возвысился Хаман{251}, сын Амадафа. Поставил Ахашверош его сиденье выше всех в царском доме, и все, кроме Мардохея, падали перед Хаманом ниц.

Говорили Мардохею служащие при царе, знавшие, что он из иудеев:

— Зачем ты это делаешь? Поклонись Хаману! От тебя не убудет!

Но Мардохей, гордившийся тем, что он дядя царицы, не кланялся Хаману и не падал перед ним ниц.

Узнав, что Мардохей — иудей, Хаман возненавидел его и вместе с ним всех иудеев. И сказал Хаман царю:

— Среди областей царства твоего есть один народ, и законы его отличны от законов всех народов, и законов твоих они не выполняют. Если ты прикажешь их истребить, то я отвешу в твою казну десять тысяч талантов серебра.

И снял Ахашверош с руки своей перстень, и отдал его Хаману в знак того, что дает ему иудеев на истребление.

И призваны были царские писцы, и написали они сатрапам и начальникам, поставленным над каждой областью, письменами ее и каждому народу на языке его от имени царя Ахашвероша истребить всех иудеев, от мала до велика, детей и женщин, в один день. Написанное было скреплено царским перстнем.

Узнав об этом, разодрал Мардохей одежды свои, надел рубище, посыпал пеплом голову. И явился он в таком виде ко дворцу, где его увидели служанки Эсфири. Взволновалась Эсфирь

и послала дяде одежды, чтобы он оделся. Но он не принял их. Тогда послала Эсфирь приставленного к ней евнуха узнать, какое у Мардохея горе. И рассказал Мардохей, что случилось, и от евнуха узнала об этом Эсфирь. Повелела она передать Мардохею, чтобы иудеи постились, не ели и не пили три дня и три ночи и что она будет также поститься, как весь ее народ.

На третий день, одевшись по-царски, явилась Эсфирь к престолу, на котором восседал Ахашверош. Увидев ее, простер он к ней свой золотой скипетр, и коснулась она его конца.

— Если у тебя есть какая-либо просьба, Эсфирь-царица, — обратился он к ней, — выскажи ее, и я ее выполню, хотя бы ты просила полцарства.

— Прошу тебя, господин мой! — отвечала Эсфирь. — Явись завтра вместе с Хаманом на пир, который я приготовлю.

Вызвав Хамана, царь передал ему приглашение царицы. Решив, что возвысился в ее глазах, он был весь день в радости и благодушии. Ему не испортил настроение и Мардохей, которого он узрел у царских ворот, не склонившегося ниц. «Ничего, — подумал он, — недолго тебе осталось не склонять передо мной головы!»

Явившись домой, он привел к себе друзей и жену свою. Рассказал им о великой почести:

— Царица пригласила меня на пир вместе с господином моим Ахашверошем, и больше никого не пригласила. Теперь я точно знаю, что расправлюсь с ненавистным Мардохеем.

Радовались вместе с Хаманом его друзья, а жена сказала:

— Приготовь дерево высотою в пятьдесят локтей и утром скажи царю, чтобы повесили на нем недруга твоего. И потом тебе будет весело пировать.

И понравилось это слово Хаману, и он приказал приготовить дерево.

Ночью не явился к царю сон, и он приказал слугам принести книгу дневных записей и читать, пока не заснет. Так слуги прочли запись о заговоре двух евнухов, раскрытом благодаря доносу Мардохея.

— Читайте дальше, — приказал царь. — Какую награду получил этот Мардохей за спасение моей жизни?

И ответили слуги:

— Об этом ничего не записано.

После этого к царю пришел сон, а наутро, когда он проснулся, ему сказали, что пришел Хаман перед очи его. Не успел Хаман открыть рот, чтобы сказать о Мардохее, как Ахашверош спросил его:

— Скажи, Хаман, верный мой слуга, как лучше наградить

человека, достойного моей милости?

Лицо Хамана расплылось в улыбке. Он решил, что речь идет о нем.

— Если ты хочешь оказать этому человеку милость, — ответил он, — дай ему одеяние с твоего плеча, выведи его на коне на городскую площадь и пусть глашатаи провозгласят его твоим другом.

Понравились эти слова Ахашверошу, и он сказал Хаману:

— Возьми мое одеяние и коня. Дай их Мардохею, сидящему у ворот моего дома, и пусть глашатаи провозгласят его моим другом, ибо он спас мне жизнь, а я не успел его наградить.

Потемнело лицо Хамана, но он не показал вида, что распоряжение царя ему неприятно. Поклонившись Ахашверошу, он выполнил все, что было приказано, после чего поспешил домой, забыв о том, что приглашен на пир. Об этом напомнили ему царские евнухи, сказав, чтобы он поторопился, если не хочет, чтобы на него обрушился царский гнев.

И сидели они за столом, и пили вино из золотых чаш. Лицо же Эсфирь было печально, и царь, супруг ее, это заметил:

— Ты пригласила меня и слугу моего на пир, и мы пришли, почему же лицо твое печально? Может быть, у тебя есть еще одна просьба? Я выполню ее, если бы ты попросила даже полцарства.

— Как мне радоваться, — сказала Эсфирь, наклонив голову, — если народ мой обречен на истребление, убиение и погибель.

— Кто же отважился поступить так с народом возлюбленной мною Эсфири?

И пал Хаман на колени перед царем, и вспомнил Ахашверош, кто подвиг его на кару против народа Эсфири. И приказал он связать Хамана, и, когда же узнал от евнуха, что во дворе дома Хамана стоит дерево, приготовленное для казни Мардохея, приказал повесить Хамана на нем. И сказал:

— Пусть обратится его злой замысел на его же голову!

И повесили Хамана во дворе его дома. Приказ же о казни иудеев был отменен, а дни, в которые они должны были погибнуть по жребию, брошенному Хаманом, стали отмечаться как праздник пурим{252}.

Книга Даниила

Великая книга! И мыслей ее круговерть
Меня как пылинку вскинула и закружила…

Неужто и нашей державы недавняя смерть
За тысячи лет предречена Даниилом?
Неужто кому-то весь путь наш проделать дано,
Ответить за то, в чем были мы виноваты?
Влить в те же меха свое молодое вино
И ожидать, как и нам, неизбежной расплаты?

Книга Даниила относится к числу поздних в Ветхом завете. Это одна из немногих библейских книг, имеющих точную дату (между 167 и 164 гг. до н. э.). В еврейском тексте Ветхого завета она отнесена к писаниям и помещена после книг Эзры; в Септуагинте, напротив, находится среди книг главных пророков, непосредственно после книги Иезекииля. Книга написана на двух языках: начата на древнееврейском, продолжена на арамейском и закончена на еврейском.

Главный герой повествования — еврей Даниил, депортированный в Вавилон и оказавшийся там с тремя другими юношами при дворе Навуходоносора, правителя Нововавилонского царства. У автора книги нет точных данных ни о Нововавилонском царстве, ни о державе индийцев и персов, возникшей на его развалинах. Само имя Даниил («Бог судит» или «Бог мой судья») встречается как в еврейском, так и в других семитских языках. Известен древний Даниилу, мудрец и судья, с которым связаны мифы Угарита. К ветхозаветному Даниилу он не имеет отношения. В книге Иезекиила упоминаются два неизраильских персонажа с этим именем.

В ходе раскопок в районе Мертвого моря было найдено несколько фрагментов книги Даниила на арамейском языке, датируемых III–I вв. до н. э. Имеет отношение к Даниилу и найденный там же отрывок молитвы вавилонского царя Набонида, в котором упомянут «муж иудейский из изгнанных в Вавилон».

Сон Навуходоносора

На третий год правления Иакима, царя иудейского, пришел Навуходоносор{253}, царь Вавилона, под Иерусалим и осадил его. И не устояли иудеи перед могуществом вавилонянина, и отдались ему в руки. И отправил он иудеев в Сенаар, в землю богов своих, и перенес из храма Яхве священные сосуды в свои храмы. Затем он приказал юношей иудейских, у которых не было телесных недостатков, обучать службе при дворе и дать им знание литературы и языка халдеев. И были между ними Даниил, Анания, Мисаел и Азария. Дали им халдейские имена.

Должны были они есть каждый день яства с царского стола и пить вино, которое он пил{254}. Верный Яхве, не хотел Даниил есть нечистую пищу{255}. Поэтому он попросил, чтобы ему и его товарищам давали одни овощи и воду.

Царедворец, ведавший кормлением юношей, услышав эту просьбу, сказал:

— Не могу я пойти против царя. Увидит он, что вы похудели, и снимет с меня голову.

— Корми нас так десять дней, — ответствовал Даниил. — И если мы похудеем, то поступай с нами, как тебе угодно.

Через десять дней Даниил и его друзья не стали худее тех, кто ели мясо. И им перестали давать мясо и вино. Они ели и пили ту пищу, какую хотели.

Тем временем воцарился на севере Месопотамии царь персов Кир{256}, взявший под власть свою многие народы. Видел Навуходоносор силу его, и стало ему неспокойно на сердце. Днем он размышлял, как избежать столкновения с Киром, а по ночам к нему стали являться пугающие сновидения. Однако, просыпаясь в поту, он не помнил, что ему снилось. Тогда он велел привести мудрецов и гадателей, чтобы они истолковали его сон. Но они не могли этого сделать и сказали:

— О, царь! Нет на земле человека, который знал бы то, что снилось другому.

Рассвирепел Навуходоносор и приказал казнить всех мудрецов и гадателей. Тогда вышел вперед Даниил и попросил у царя три дня срока. Все эти три дня молился Даниил. Вспомнил Яхве, что Даниил не возгордился, не стал есть царскую пищу, а ел то, что положено по Закону. И открыл Яхве Даниилу сон Навуходоносора, и истолковал его.

— О, царь, — сказал Даниил, явившись к Навуходоносору. — Перед тем, как уснуть, ты размышлял о том, что станет с царством твоим. Когда же сон смежил твои глаза, тебе предстал истукан страшного вида с головой из чистого золота, с руками из серебра, с медным чревом, с ногами же частью глиняными, частью железными. Потом ты увидел, как от горы отвалился камень, сваливший истукана и смешавший золото, серебро, медь, железо и глину в одну кучу. Стала она легкой, как мякина на гумне после того, как по колосьям пройдут быки. Ветер разнес ее, развеял без следа. Камень же, разбивший истукана, стал расти, как тесто на дрожжах, сделался величиною с гору и наполнил всю землю.

— Да! Да! — перебил царь Даниила. — Я видел именно этот сон. В чем же его значение?

— А в том, — продолжал Даниил, — что золотая голова — твое царство, ибо ты глава над людьми, царь над царями. Но не вечно царство твое. Бог поставит ниже тебя серебряное царство, за серебряным медное, за медным железное. Будет оно с силою этого металла крушить и раздроблять все. Но не вечным будет и

оно, ибо ты видел, что железо было соединено с глиной. Настанет день, и Бог устроит на земле свое царство. И будет оно крепким и вечным, как камень. Вот как объяснил мне твой сон Бог наш Яхве.

И упал Навуходоносор ниц перед Даниилом, и сказал ему:

— Воистину твой Яхве — Бог богов, как я царь царей, ибо он открыл тайну, не доступную никому.

И дал Навуходоносор Даниилу великие дары, и поставил над мудрецами вавилонскими.

Пир Валтасара

Драматическая история крушения Нововавилонского царства превращена в новеллу, объясняющую падение Вавилона преступлением против Яхве. Пророк Даниил, верный Яхве, противостоит идолопоклоннику Валтасару. Посредницей между этими персонажами-антиподами выступает царица, напомнившая сыну о благодеяниях отца иудейскому пророку. Загадочные слова на стене (ме́не, те́кел, упа́рсин, пе́рес) — арамейские слова, встречающиеся как монетные легенды. Мене — мина, равна 60 весовым единицам, текел — сикль, равный одной единице, перес — парсин, равный полмине или тридцати текелям, в целом же это выраженная числами длительность Нововавилонского царства. Интерпретация, предлагаемая библейским автором, исходит из того, что два первых слова — это глаголы «исчислен», «разделен» и третье слово «перес» означает «персы».

После смерти Навуходоносора власть в Вавилоне принял сын его Валтасар. По этому случаю он устроил великое пиршество для вельмож своих и пировал много дней, надеясь на крепость стен вавилонских и не думая о том, что к городу подошли мидяне и персы.

В один из дней приказал Валтасар принести золотые сосуды, взятые Навуходоносором из храма в Иерусалиме. И пили из них царь, и жены его, и наложницы его, пили и славили своих идолов, изваянных из золота и серебра, меди и железа, дерева и камня. И вдруг на стене появились персты руки человеческой и начали выводить письмена.

Изменился Валтасар в лице. Смешались мысли его. Задрожал он всем телом, и колени его стали биться одно о другое. Немного опомнившись, призвал он гадателей и мудрецов, приказав, чтобы они прочли написанное черным по белому. Но ни один из мудрецов и гадателей не понимал написанного, И снова Валтасар изменился в лице, а вельможи его смутились.

Вошла тогда в дом пиршества царица, мать Валтасара, и, узнав, что вызвало бледность лица сына и дрожание членов, сказала:

— Есть в твоем царстве муж, в котором обитает Божий Дух. Имя ему Даниил. Отец твой испробовал его мудрость и назначил старшим над гадателями.

Так был приведен Даниил в дом пиршества, и ему было приказано прочесть надпись на стене и объяснить, что она значит.

— Ты, Валтасар, — начал Даниил издалека, — не понял уроков, преподанных нашим Господом отцу твоему Навуходоносору. Ты не смирил своего сердца и осквернил золотые сосуды Яхве перед лицом богов своих золотых, серебряных, медных, железных, деревянных и каменных. За это послал Яхве кисть руки и начертал надпись.

— Что же означает эта надпись? — нетерпеливо перебил Валтасар. — Ответь, и получишь дары великие и почести небывалые.

И ответил Даниил царю так:

— Оставь дары свои у себя! Почести воздай другому. Написанное же прочту и объясню, но перед этим выслушай меня, царь и господин. Бог высочайший даровал отцу твоему царство, мощь, честь и славу. Все народы, люди и языки испытывали страх и трепет перед властью, какой он его наделил. Убивал он, кого хотел, но мог и оставить жизнь, кого хотел — возвышал, кого хотел — унижал. И оттого переполнилось гордыней сердце его, стал он дерзким и надменным. И потому лишен он был чести и власти, отлучен от людей, сердце его уподобилось звериному{257}. И должен он был жить среди онагров, жрать траву, как вол. Тело его орошалось росою небесною, пока не осознал он того, что над царством человеческим имеется власть Бога Всевышнего и царем становится лишь тот, кто Богу угоден. Ты же, Валтасар, не смирил сердца своего, хотя знал все это, а, напротив, восстал против Владыки Небес, приказал доставить сосуды из дома его и пил из них вместе со всеми вино, к тому же восхваляя серебряных, золотых, бронзовых, железных, деревянных и каменных богов, у которых нет ни зрения, ни слуха, ни чувств никаких, ни понимания. Бога же, в руках которого дыхание твое и все пути твои, ты не славил. Поэтому и была ниспослана эта кисть руки и надпись эта начертана. И вот что начертано: ме́не, те́кел, упа́рсин (пе́рес). И вот что это значит: мене — бог сосчитал дни царствия твоего и положил ему конец, текел — ты взвешен на весах и найден легковесным, Перес — поделено царство твое между мидянами и персами.

В ту же самую ночь Валтасар, царь халдеев, был убит{258}.

Во рву среди львов

Я в львиный ров и в крепость погружен,

И опускаюсь ниже, ниже, ниже.
Под этих звуков ливень дрожжевой
Сильнее льва, мощнее Пятикнижья.

О. Мандельштам

Дарий-мидянин{259} принял царство, будучи шестидесяти двух лет. Угодно ему было поставить над народами сто двадцать правителей, а над ними трех князей, одним из которых стал Даниил, при этом он превосходил остальных правителей и князей, поскольку в нем был высокий дух, и поэтому царь помышлял поставить его над всем царством{260}.

Тогда стали князья и правители искать предлога, чтобы обвинить Даниила в неповиновении царю. И так как не смогли найти в его действиях как правителя ничего дурного, явились к царю Дарию и сказали:

— Царь Дарий! Живи вечно! Мы, князья и правители, совместно со старейшинами держали совет и решили, что надобно запретить в течение тридцати дней обращаться с молитвою или мольбою к какому-либо богу или человеку, кроме тебя. Того же, кто посмеет нарушить этот приказ, надлежит бросить в ров со львами. Итак, царь, утверди наше решение и подпиши приказ.

Дарий, не догадываясь ни о чем, подписал. Во всем царстве персидском от Индии до Эфиопии были закрыты храмы. Жрецы не произносили молитв, не дымились жертвы на алтарях. Даниил же, не покидая своего дома, молился Яхве, и лицо его перед открытым окном было обращено к Иерусалиму, к месту, где некогда высился храм, воздвигнутый Соломоном{261}.

Увидев это, вельможи явились к Дарию и сказали:

— Есть человек, нарушивший твой приказ. Трижды в день, не выходя из дому, он досаждает Богу своими молитвами.

— Кто же он? — спросил Дарий.

— Даниил. Из пленных иудеев.

— Хорошо. Я подумаю, — сказал царь, желая оттянуть время.

Но вельможи обступили его.

— Нет, царь, — говорили они. — По нашему обычаю, любое твое распоряжение должно выполняться немедленно и неукоснительно.

Пришлось Дарию уступить, и стражи отвели Даниила ко львам, ревущим во рву от голода.

Всю ночь Дарий не спал, думая о Данииле, а как только рассвело, поспешил ко рву. Наклонившись над ним, он спросил с

жалостью в голосе:

— Слуга мой! Удалось ли спасти тебя Богу, какому ты молился?

— Живи века! — прогудело из рва, заглушая рык львов. — Бог заградил хищникам пасти, ибо я перед ним чист, как и перед тобой.

И приказал Дарий поднять Даниила из ямы, а его недругов повелел туда бросить, и львы их растерзали. После этого царь призвал к себе писцов, и они запечатлели его слова, обращенные ко всем племенам и народам державы:

— Да умножится ваше благополучие! Повелеваю, чтобы во всякой области моего царства трепетали и благоговели перед Богом Данииловым, так как он есть Бог живой и вездесущий, царствование же его нерушимо и владычество вечно. Он избавляет, спасает, творит чудеса, дает знамения на земле и на небесах. Это он избавил Даниила от львов.

И Даниил обладал могуществом в царствование Дария и в царствование Кира Персидского{262}.

Авестийская мифология

Так сказал Ахурамазда

Душа и тело как одно зерно
В тебе живут от самого рожденья.
Она бела. Оно — черным-черно.
Дай свету или мраку предпочтенье.
Реши, слугой ли быть добра иль зла,
И по какой из двух идти дороге.
В конце же, рассмотрев твои дела
Тебя получат дэвы или боги.

Мифы древних иранцев, потомками которых являются не только обитатели современного Ирана, но также Афганистана, южной части Средней Азии и Северного Кавказа, сохранились в одном из величайших памятников мировой литературы — «Авесте», складывавшейся так же, как и Библия, на протяжении целого тысячелетия, «Авеста» является священной книгой некогда широко распространенного религиозного течения — зороастризма, ныне почти полностью вытесненного с территорий его первоначального распространения исламом и христианством. Основателем зороастризма является пророк Заратуштра (Зороастр) — реальное историческое лицо, как все другие основатели мировых религий. Но точное время жизни его неизвестно (около VI в. до н. э.), а биографические данные сомнительны. Бесспорно лишь то, что Заратуштра происходил из знатного рода Спитамов, проповедовал у себя на родине, был изгнан (нет пророка в своем отечестве!) и убит одним из своих многочисленных недругов.

«Авеста» излагала учение Заратуштры. Согласно ему весь мир строго разделен на две сферы: добра и зла, света и тьмы, порядка и хаоса, — пребывающие в вековой борьбе. Миру добра служат благие боги, миру зла — злые боги и духи. Человек, обладающий душой и телом, принадлежит этим мирам и втянут в их борьбу, обладая возможностью свободного, сознательного выбора своего места в ней. Смысл зороастризма в том, чтобы облегчить этот выбор между добром и злом, направить каждого к добру, отвратить зло с помощью молитв и заклинаний.

Зороастризм, более чем какая-либо другая древневосточная религия, приблизился к единобожию в той его классической форме, которую выработал яхвизм. Приверженцы Заратуштры верили в существование высшего божества, «творца скота, воды и растений» Ахурамазды («Владыки Всеведающего»), рядом с которым находились его помощники Арту Вахишта и Воху Ману, воплощающие благие материальные силы — огонь и скот. Они же мыслились как абстрактные понятия из духовной сферы — слово и дело. Ахурамазда, Арту Вахишта и Воху Мана составляли троицу небесных богов, которым соответствовали духи, олицетворявшив определенные субстанции — металлы, землю, воду, растительность. Эта же троица в свою очередь мыслилась как социальные и

моральные категории: прочная власть, преданность, здоровье, жизненная сила.

Олицетворением и хранителем договора и согласия в авестийской мифологии являлся бог Митра. Митру чтили как защитника согласия между людьми, врага всяческих распрей и раздоров, выпрямителя границ, охранителя общественной стабильности. Отождествленный позднее с Солнцем, он стал также богом, дарующим жизнь и дающим сыновей. Помощниками Митры считались «потомок Воды» Апат Напат (божество, родственное италийскому Нептуну), а также Бага, имя которого, употреблявшееся как синоним Ахурамазды и Митры, дало происхождение нашему слову «Бог».

Ахурамазде как верховному божеству и предводителю сил добра в авестийской мифологии противостоит Ангро-Майнью («Злая мысль»), в котором видели главу сил зла. Ангро-Майнью (Ариман) мыслился членом троицы зла, куда входили, кроме него, Друджа («Злое слово») и Айшма («Злое дело»). Ему же был подчинен сонм злых духов — дэвов.

Присяга приверженца зороастризма, дошедшая до нас в позднем тексте, гласила: «Проклинаю дэвов… Доброму, исполненному блага Ахурамазде я приписываю все хорошее, и все лучшее — ему, носителю Арты, сияющему, наделенному благодатью. Его творение — скот, и Арта, и свет, чьими лучами наполнена обитель праведников. Я выбираю для себя святую, добрую Арамаити. Пусть она будет моею. Отрекаюсь от хищения и захвата скота, от причинения ущерба и разорения тех, кто чтит Ахурамазду. Отрекаюсь от сообщества с мерзкими, вредоносными, неартовскими, злокозненными дэвами, самыми лживыми, самыми зловонными, самыми вредными для всех существ… Именно так учил Ахурамазда Заратуштру на всех беседах, на всех встречах, на которых Азурамазда и Заратуштра говорили между собой».

Из этого символа веры проясняется место Заратуштры, во многом аналогичное месту библейских пророков: он общается с верховным божеством. Он посредник между ними и верующими. Но на этом кончается сходство и начинаются различия. Зороастризм не выделяет человека как венец творения. Материальная сторона не противопоставляется духовной. Ведь «скот» одновременно мыслится как божественное слово, родственное арте («правде»). Тот, кто заботится о скоте, привержен божественному слову. Зороастризм снимает противоречие между миром вещей и миром души.

Как уже говорилось, «Авеста» создавалась на протяжении целого тысячелетия. К счастью, ее древнейшая часть — «Гаты» — не были отредактированы в духе поздних религиозных взглядов, как это случилось с библейскими псалмами. «Гаты» сильно отличаются по форме и содержанию от других частей «Авесты». Они долгое время хранились в памяти и были записаны уже после падения державы персидских царей Ахеменидов.

О «Гатах» как произведениях VII в. до н. э., возникших не на Иранском плоскогорье, а на территории Средней Азии, говорит облик воссоздаваемого на их основании общества. Авторы «Гат» ничего не знают о городской жизни, имевшей на Иранском плоскогорье тысячелетнюю историю.

Заратуштра, а он, скорее всего, автор проповедей в стихотворной форме, обращается к пастухам и земледельцам. Но городская жизнь была достаточно развита и в Средней Азии, где глубокую древность имел, например, город Мараканда (Самарканд). Где же в Средней Азии была среда, породившая Заратуштру? Отвечая на этот вопрос, среднеазиатский иранист В. И. Абаев сравнил поучения Заратуштры с образом жизни и религией кочевников-скифов, народа иранского происхождения. Это сравнение позволило сделать вывод: Заратуштра — выходец из племенной периферии, окружавшей долины рек Амударьи и Сырдарьи. Таким образом, его врагами в Средней Азии оказалось городское ремесленное и торговое население. Но и в землях Ирана в период существования Мидийской и затем Персидской держав учение Заратуштры не могло встретить полной поддержки. Это ясно хотя бы из того, что во времена Ахеменидов производилось захоронение трупов, что считалось зороастрийцами величайшим грехом — осквернением земли. В то же время персидские цари объявляли себя противниками дэвов. Таким образом, во времена Ахеменидов ортодоксальный зороастризм не был господствующей религией. Он существовал в

ослабленной, компромиссной форме, и лишь с падением Персидской державы Ахеменидов произошло возрождение зороастризма в его первоначальной форме, чему способствовала запись «Гат».

Заратуштра был реформатором ранее существовавшей религии, какими являлись за пределами Ирана Моисей, Будда, Христос. До Заратуштры иранские племена, называвшие себя ариями, имели свою «языческую мифологию». Остатки ее сохранились в первой книге «Авесты» — «Вендидад» («Кодекс, данный против дэвов»), а также в преданиях народов иранского происхождения — таджиков, афганцев и др.

В первой главе «Вендидада», представляющей поэтическое изложение мифической географии, в качестве четырнадцатой из стран, созданных Ахурамаздой, названа Варна четырехугольная, где родился Траэтоана, одолевший дракона Ажи-Дахака. История схватки героя с драконом Заратуштру не интересовала, но она сохранилась в народной памяти и соответственно в поздних иранских текстах III–VII вв. и в поэме Фирдоуси «Шахнаме» (X в.), воспевающей справедливых вождей и народных богатырей, воплощающей житейскую мудрость.

Рассмотрение поздней стадии иранской религии не входит в нашу задачу, поскольку книга посвящена мифам древнего мира.

Мифическая география

В отличие от реальной географии, опирающейся на знание частей света, рек, гор, морей, мифическая география является перечислением легенд по географическому принципу. Авестийская мифическая география добавляет к этому свой принцип строгого деления мира на сферы добра и зла. Ахурамазда создает шестнадцать прекрасных стран, а его противник Ангро-Майнью добавляет в бочку меда ложку дегтя, наделяя прекрасную страну ужасными пороками. Само описание этих пороков интересно, поскольку оно характеризует зороастризм в его наиболее ранней форме. За шестнадцатью странами мифической географии стоят реальные страны, выявить которые не всегда удается. Это явное свидетельство глубокой древности текста.

Сказал Ахурамазда Заратуштре из рода Спитамов:

— Это я, я, о Заратуштра из рода Спитамов, преобразовал безрадостное место в мирный край и в нем шестнадцать прекрасных стран. В качестве первой из лучших местностей и стран создал я, Ахурамазда, Ариан Ваджа у прекрасной реки Даития. Но там же сотворил злокозненный Ангро-Майнью в качестве бича страны рыжеватых змей и вместе с ними зиму, взявшую себе десять месяцев и оставившую лету лишь два месяца. Десять зимних месяцев холодны для воды, для земли, для растений. На исходе зимы были вредоносные паводки{263}.

Вторая страна, созданная Ахурамаздой, — Гава{264}, где проживают согды. В противовес добру дал Ангро-Майнью этой стране бич — вредоносных мух, зло жалящих и губящих скот.

Третья страна Моура{265}, могучая, преданная Арте. В противовес создан бич страны — греховные похоти.

В качестве четвертой, лучшей из областей и стран, я, Ахурамазда, создал Бахди{266}, прекрасную с вознесенными знаменами, в противовес создан бич страны — муравьи, пожирающие хлеб.

В качестве пятой, лучшей из областей и стран, я, Ахурамазда,

создал Нисайю{267}, что между Моуру и Бахди, бич страны — греховное неверие.

В качестве шестой, лучшей из областей и стран, я, Ахурамазда, создал Харайву{268}, разделяющую воды, бич страны — москиты.

В качестве седьмой, лучшей из областей и стран, я, Ахурамазда, создал Вайкрту{269} — обитель Ежа, бич страны — злая колдунья Хиантаити, соблазнившая Керсаспу.

В качестве восьмой, лучшей из областей и стран, я, Ахурамазда, создал Урву{270}, богатую лугами, бич страны — злые властители.

В качестве девятой, лучшей из областей и стран, я, Ахурамазда, создал землю, где проживают вэркане{271}, бич страны — противоестественный грех, которому нет искупления.

В качестве десятой, лучшей из областей и стран, я, Ахурамазда, создал прекрасную Харахваити{272}, бич страны — захоронение трупов в земле.

В качестве одиннадцатой, лучшей из областей и стран, я, Ахурамазда, создал благодатный Хэтумант{273}, бич страны — злые колдуны.

В качестве двенадцатой, лучшей из областей и стран, я, Ахурамазда, создал Рагу{274}, трехплеменную, бич страны — злостное, безграничное неверие.

В качестве тринадцатой, лучшей из областей и стран, я, Ахурамазда, создал Чахру, сильную, преданную Арте, бич страны — вываривание трупов, которому нет искупления.

В качестве четырнадцатой, лучшей из областей и стран, я, Ахурамазда, создал Варну{275} четырехугольную, где родился Траэтоана, убивший дракона Дахака, бич страны — чужеземные пришельцы.

В качестве пятнадцатой, лучшей из областей и стран, я, Ахурамазда, создал Семь Хинду{276}, бич страны — болезни и засухи.

В качестве шестнадцатой, лучшей из областей и стран, я, Ахурамазда, создал страну у истоков реки Рангха, где проживают безголовые, бич страны — ниспосланные дэвами морозы и таожийский владыка страны{277}.

Существуют и другие прекрасные, бесценные, обширные местности и страны.

Йима — царь золотого века

Представление о золотом веке присуще едва ли не всем развитым мифологиям. Мы уже познакомились с их воплощением в шумерской и библейской мифологиях — Тильмуном и Эдемом. В авестийской мифологии золотой век — царствование

первочеловека Йиму, назначенного Ахурамаздой охранителем и смотрителем мира и получившего от верховного владыки золотую стрелу и золотую плеть. Сходная легенда народа иранского происхождения скифов говорит о четырех дарах — секире, чаше, плуге и ярме, что рисует более развитое общество, которому известны не только охота и скотоводство, но и земледелие. Расширение земли, трижды осуществленное Йимой, также подчеркивает интенсивный тип хозяйствования, присущий скотоводам.

В легенде о расширении земли через каждые триста лет проявляется мифологический принцип троичности. Золотой век Йимы существовал три срока. Затем Йиму побеждает трехголовый дракон Ажи-Дахака, его же в свою очередь одолевает герой третьего поколения Траэтаона. Такие же циклы известны в хеттской, вавилонской, индийской и греческой мифологиях.

Обращает на себя внимание рассказ о спасении семян жизни золотого века в четырехугольном сооружении. Это ковчег не только по форме, но и по назначению. Ведь его задача — спасти жизнь от разлившихся вод. Но сооружен он как первый защищенный и благоустроенный город, наподобие небесного Иерусалима Библии.

Спросил Заратуштра Ахурамазду: «О, Ахурамазда, дух святейший, творец телесного мира, почитаемый Артой. Скажи мне, был ли я первый, с кем ты вел беседу, или были до меня те, кого ты впервые обучил своей вере?»

И ответил Ахурамазда: «С Йимой прекрасным, богатым стадами, с ним, первым из людей, беседовал я до тебя, и объявил ему свою веру, и призвал его изучать и охранять мои наставления, но он мне ответил: «Я не создан и не учен тому, чтобы изучать и охранять твою веру». Тогда я, Ахурамазда, ему сказал: «Если ты не готов изучать и охранять мою веру, то взращивай и увеличивай мой мир. Будь его защитником, охранителем и смотрителем». Он же ответил: «Я к этому готов, но пусть не будет под моей властью ни холода, ни зноя, ни жаркого ветра, ни холодного, пусть не иссякает пища, пусть не умирают ни растения, ни люди! Пусть не будет ни старости, ни смерти! Пусть и у отца, и у сына будет облик пятнадцатилетнего!»

И дал ему я, Ахурамазда, два орудия власти: золотую стрелу и украшенную золотом плеть. Так он царствовал. После его царствования прошло триста зим. За это время земля, какою он владел, — наполнилась мелким и крупным скотом, людьми, собаками, птицами и прекрасными пламенеющими огнями. Мужчины и женщины стали самыми лучшими и прекраснейшими, животные самыми высокими, растения самыми благоухающими. У жителей той страны не было ни телесных уродств, ни безумия, ни проказы, ни иных болезней, которые наслал на людей Ангро-Майнью.

Но стало тесно на земле и для скота, и для людей. Я, Ахурамазда, сам сказал об этом Йиме, и он направился на юг, стал рыть землю золотой стрелой, стегал ее плетью и приговаривал: «Дорогая святая земля. Подвинься и расступись, чтобы служить лоном для мелкого и крупного скота, а также для людей».

И раздвинул Йима землю. На треть больше она стала, чем была. И разместились на ней крупный и мелкий скот, а также люди, кто как хотел.

После этого прошло еще триста зим, и снова переполнилась земля. И вновь Йима таким же образом увеличил землю на две трети. И прошло девятьсот лет царствования Йимы, и снова переполнилась земля. И раздвинул ее Йима, увеличив на три трети.

Затем, как предупредил Ахурамазда Йиму, наступила зима с суровыми морозами, а обильная вода после таяния затопила пастбища. Чтобы охранить от мороза и наводнения живые существа, Йима, по предписанию Ахурамазды, построил ограду длиною в лошадиный бег по всем четырем сторонам. Туда он снес семена, мелкий и крупный скот, людей и собак, и птиц, и огней красных, пылающих… Туда он провел воду, построил там улицы и жилища.

Хвала труду земледельца

Труд земледельца в понимании одного из авторов «Авесты» — не наказание за грехи, а занятие, угодное богам. Здесь снимается надуманное противоречие между богатством и бедностью. Богатый — это тот, кто угоден богу (по-авестийски «бага»), а угоден он ему своим трудом на земле. Бедный — это тот, кто не хочет трудиться, он — убогий. Он принужден стоять у чужого порога и глотать слюни. К нищему у авестийского бога никакого сочувствия, никакого милосердия. Ты не возделывал землю, и подыхай!

Такое отношение к богатству, созданному трудом, характерно для всех народов, которые христианство называло языческими. В латинском языке слово «богатый» («дивес») также семантически связано со словом «бог».

И спросил Заратуштра:

— О, истинный творец телесного мира! Какое место на земле является наилучшим?

И сказал Ахурамазда:

— Поистине там, где праведник воздвигает дом, наделенный огнем и молоком, женой, детьми и добрыми стадами. В доме, изобилующем скотом, обилие праведности, обилие корма, обилие собак, обилие жен и обилие детей, обилие огня и обилие всякого жизненного добра… Поистине и там, о Заратуштра из рода Спитамов, где производят больше хлеба, трав, растений и съедобных плодов, где орошают почву или осушают почву слишком влажную, где выращивают мелкий и крупный скот, где они дают больше всего надоя. Тот, кто обрабатывает эту землю, о Заратуштра из рода Спитамов, левой рукой и правой, правой и левой, кто дает земле прибыль. Поистине это подобно тому, как любящий муж дарует жене своей, покоящейся на мягком ложе, сына.

Так вещает человеку сама земля:

— О, ты, человек, возделывающий меня левой и правой рукою, правой и левой. Буду я давать тебе пропитание и обильный урожай.

Тому же, кто не возделывает эту землю левой рукой и правой рукой, правой и левой, тому земля говорит:

— Ты, ленивец, вечно будешь стоять у чужого порога среди попрошаек. И вечно мимо тебя в дом пронесут яства. Кто сеет хлеб, тот сеет праведность. Когда хлеб молотят на гумне, дэвов прошибает пот. Когда готовят мельницу для помола зерна, дэвы теряют терпение. Когда муку высыпают на стол, дэвы стонут, когда тесто готовят для выпечки, дэвы ревут от ужаса.

Жалоба Души Быка

Молит вас Душа Быка: «Для кого вы меня создали? Кто меня сотворил? Гнев, насилие, грубость, грабеж связали меня. У меня нет иного пастуха, кроме вас. Дайте мне хорошие пастбища».

И спросил Творец Быка Арту: «Какой у тебя предусмотрен гений-покровитель для Быка, чтобы скотовладельцы давали бы ему вместе с пастбищем усердие и заботу, подходящую Быку? Кого вы назначили ему хозяином, чтобы он отвращал от него гнев вместе со злодеями?»

Отвечала Арта: «Нет хозяина, чтобы пасти Быка. Никто не назначен ему покровительствовать. Пусть обращается он к самому Ахурамазде. Ему ведомо прошлое дэвов и людей, а также и все их помыслы. Пусть он и решает!»

И обратились Душа Быка вместе с Душою Коровы-Матери к Ахурамазде: «С простертыми руками молим мы тебя вдвоем, моя Душа и Душа Коровы-Матери, приказать, чтобы не было ущерба честному человеку, скотоводу, среди злодеев, что его окружают».

Ахурамазда тогда ответил так: «Как вам только что объявлено Артой, в установленном мною порядке нет у Быка особых прав, нет у него ни небесного хозяина, ни покровителя. Бык не был создан не только в единстве с человеком, не только на одном уровне с ним, но и для пастуха, человека пастбищ. Вот что я, Ахурамазда, определил в своем постановлении вместе с Артой. На земле есть лишь один, который слышит мои наставления. Это Заратуштра из рода Спитамов. Это он хочет, чтобы были слышны хвалебные песни Ахурамазде и Арте. Он обладает сладостью слова».

И тогда возопила Душа Быка: «Как ты можешь говорить, что я должна довольствоваться бессильным человеком, чье слово пыль, я, жаждущая сильного хозяина?! Явится ли когда-нибудь тот, кто

поможет ему?»

О, Ахурамазда, дай скоту силу и величие Арты! Пусть Воху Мана одарит покоем и величием! Разве я не ведаю, что Ахурамазда превосходит всех!

Гимн Митре

Митру, владеющего бескрайними пастбищами,
Мы чтим молоком, содержащим Хому[278].
Митру праведного, красноречивого,
Тысячеухого, прекрасно сложенного,
Десятитысячеокого, высокого,
Далеко видящего, могучего,
Не смыкающего очей, бодрствующего.
Митре молятся правители земель,
Идущие на битву
Против кровожадных вражеских воинств,
Против их сомкнутого строя,
Наступающие между рядами сражающихся стран.
Ему молятся воины,
Сидящие на конских крупах,
Просящие силы для своих коней
И здоровья для своего тела.
Чтобы заметить издалека врагов,
Отбить недругов…
Он первый из небожителей
Поднимается над вершиною Хары[279],
Предшествуя бессмертному, быстроконному Солнцу,
Первый овладевает
Прекрасными золотыми высями
И оттуда, могучий,
Окидывает взором жилища ариев,
Где доблестные вожди
В боевые ряды
Выстраивают множества,
Где высокие горы,
Обильные лугами и водами,
Скот питают досыта,
Где глубокие озера
Водной гладью раскинулись,
Где судоходные, широкие реки
Устремляются бурными потоками
К Ишката и Парута,
К Моуру и Харойва,

К Гава и Хваризаму.
Если солжет Митре
Глава ли дома,
Глава ли общины,
Или глава области,
Или глава страны,
То он воспрянет,
Разгневанный, оскорбленный,
И разрушит он жилище,
Общину, область, страну.
Митре солгавший, на коне не ускачет…
Копье, брошенное врагом Митры,
Вернется обратно…
Опустошаются мрачные логовища,
Дома становятся необитаемыми
У солгавших Митре, у приверженцев
Друджи,
У убивающих тех, кто предан Арте…
Стрелы их, орлиными перьями опушенные,
Пущенные из прекрасного лука.
Не достигают цели,
Ибо разгневан, яростен,
Непримирим Митра,
Владеющий широкими пастбищами…
Митра прогоняет врагов,
Рашну{280} их отпугивает,
Сроша{281}, праведный, со всех
Сторон их сгоняет
Навстречу небожителям,
А они предают вражеский строй смерти,
Когда разгневанным, яростным,
Непримиримым бывает
Митра, обладающий широкими пастбищами…
Он шествует после заката Солнца,
Широкий, как земля.
Касается обоих концов этой обширной,
Выпуклой, бескрайней земли,
Обозревая все, что есть между землей и небесами.
В руке он держит
Булаву о ста шишках,
Ста острых гранях,
Которая устремляется и разит воинов.
Булава эта отлита из желтого металла,
Из крепкого, золотого.

Это — самое мощное из оружия,
Самое победоносное из оружия.
По правую руку его идет
Добрый, праведный Сроша,
По левую руку — высокий,
Сильный Рашну.
Всюду вокруг него
Идут воды и растения,
Идут духи праведных.
Четыре жеребца ведут ту колесницу,
Все одинаковой белой масти,
Питающиеся небесным кормом и бессмертные.
Передние копыта их
Кованы золотом, задние — серебром,
Все прикреплены к одному дышлу!
Все ходят под одним ярмом.

От «Вед» к «Панчатанатре»

Боги «Вед» и «Махабхараты»

Индия — полуостров, не уступающий по территории всем странам Переднего Востока вместе взятым, отличается исключительным природным разнообразием. Высочайшие в мире снежные горы, царство вечной Химаваты («Зимы»). Могучие реки Инд и Ганг, братья Тигра, Евфрата и Нила, сыгравшие сходную с ними роль в создании земледельческих культур. Безжизненные пустыни, подобные пустыням Аравии и Ливии (Африки). Тропические леса с невероятным обилием диких животных, птиц, змей, насекомых. И такая же необъятная пестрота мифов! Оглушающие звуки! Яркие краски! Немыслимое богатство фантазии!

В зеркале мифов Индии отразились не только кричащие контрасты природы, но также и ее сложная этническая история. Исконное темнокожее население встретилось в конце II тыс. с белокожими пришельцами ариями, теми самыми, с мифологией которых мы только что ознакомились. В рассказах индийцев о своих богах немало уже известных нам мифологических черт, но не меньше в них странного, непонятного, диковинного. Это обусловлено не только своеобразием природной среды, в которой оказались арии, но и многовековым взаимодействием их религиозно-мифологических представлений с мифами и верованиями местного населения.

Понимание индийских мифов затруднено тем, что мы имеем дело не с одной, а несколькими мифологиями, сохраняющими связь и преемственность и в то же время отличающимися друг от друга. Если отвлечься от некоторых вариантов, это ведийская, индуистская, буддийская мифология. Каждая из них обладает собственными священными текстами.

Основным источником для изучения ведийской мифологии и вообще самым древним памятником индийской словесности являются «Веды». Это сборники (самхиты) заклинаний, молитв и гимнов духам и богам, исполнявшихся во время жертвоприношений и других религиозных обрядов, начавших складываться на рубеже II–I тыс. до н. э., когда арии, покинув места своего первоначального обитания в Пенджабе, передвинулись в долину Ганга. Здесь появились первые государства ариев, что потребовало создания государственного культа и жречества. В жреческих школах с X по VI в. до н. э., видимо, составились и оформились сборники, еще долго продолжавшие храниться в памяти.

Наиболее архаический материал вошел в сборник «Ригведа». Само это название означает «Веда гимнов». В гимнах, естественно, не может быть связного рассказа о духах и богах, но у безымянных певцов, создававших эти гимны, равно как и у певцов, их исполнявших, такие представления имелись. На основании гимнов «Ригведы» и других подобных сборников вед современные ученые воссоздают то, что мы называем мифами.

«Веды» раскрывают обширный и пестрый мир богов самых разных уровней, высших и низших. Многочисленны были боги, олицетворявшие силы природы, от которых всецело зависел человек.

Владыкой вод, небесных, земных, подземных, а также их олицетворением в «Ведах» выступал бог Варуна. Поскольку воды мыслились как первооснова жизни, его называли вседержителем и творцом, создавшим мир и удерживающим его, заполняющим воздушное пространство, освещающим небо и землю, дающим движение Солнцу.

Первоначально Варуна был главным богом индоариев, но затем он был оттеснен богом-воителем и грозовиком Индрой, который принимает на себя многие первоначальные функции Варуны, становится богом, обеспечивающим существование космоса. После оттеснения Варуны Индрой за ним оставалась роль хранителя космического порядка и человеческих законов, вершителя правосудия.

Имелась группа богов, представляющих различные проявления Солнца. Главный из них — Су́рья. Солнце — его глаз, но и сам он — око богов. Это благостный бог, рассеивающий мрак, дарующий богатство и здоровье. Пуша́н («Расцветающий», «Пухнущий») — солнечный бог, воплощающий плодоносящую

силу Солнца, и, соответственно, он передвигается по небу на колеснице, запряженной козлами, плодовитыми животными, в то время как колесницу Сурьи влекут не животные, а лучи. Савита́р — также солнечный бог. Он пробуждает вселенную ото сна, дает ей свет, благословляет ее. К солнечным божествам относили и Ви́шну, одного из главных космических богов, воплощающих знакомый нам по авестийской мифологии принцип троичности. Вишну делает три шага, покрывая ими всю вселенную, при этом третий шаг, приходящийся на высшее небо, скрыт от взгляда смертных.

Как и другие индоевропейские народы, индийцы почитали зарю в виде юной девы, выезжающей на ночное небо на сверкающей колеснице. Индийская Аврора носила имя У́шас и находилась в родстве с небом и Сурьей. Оставаясь девой, она в то же время считалась матерью небесных близнецов Ашвинов, подобных греческим Диоскурам.

Атмосферными явлениями, помимо Индры, ведали мару́ты, божества бури, ветра, грома и молнии, стремительные юноши, вооруженные золотыми топорами, копьями, стрелами, ножами. Они носятся по небу, принося ветер, грозу, бурю, ломая скалы и деревья, давая жизнь и сея смерть.

Всем богам как общности противостоят группы духов и демонов, видимо, таких же богов, но занимающих более низкое положение — а́суры, да́сы, ракша́сы, гандхарвы́, пиша́чи и др. Коллективизм богов и духов отражает первоначальную общность имущества и спаянность родовых коллективов — основной ячейки первобытного общества времени создания мифов о духах. Обращает на себя внимание, что женские божества у скотоводов-ариев занимают второстепенное положение. Это характеризует господство патриархальных отношений.

«Веды» содержат имена более трех десятков богов. Но в одной из «Вед» говорится о 3399 богах. Множественность богов — черта, присущая мифологиям и других индоевропейских народов: вспомним тысячу богов хеттов. Эти тысячи богов могли быть покровителями отдельных родов и племен или божествами отдельных этапов жизни человека, культовыми предметами (жертвенный стол, жертвенная солома), оружием, элементами природы (реки, горы, большие деревья, лекарственные травы).

Образы этих богов не столь определенны, как в греческой мифологии, где они имеют человеческий облик. Создается впечатление, что мир богов только что вышел из хаоса. Он еще текуч и неопределенен. Они то люди, то животные, то абстрактные понятия типа Вач («Речь»), Адити («Несвязанность»), Тапас («Космический жир»). Иногда, подобно недоноску Аруне, они имеют сформировавшиеся голову и туловище, но у них отсутствуют ноги. У бога Савитара видны одни золотые руки, поднятые в благословении, не связанные с туловищем и тем ярче выражающие его сущность. У бога-творца Тваштара — одна рука, но с топором, орудием созидания.

С некоей радостью узнавания мы встречаем среди индийских богов наших недавних персонажей: Митру, Апам-Напата, царя золотого века Йиму с несколько видоизмененным именем Яма, напиток хому (в форме сомы), И это нас не удивляет, ибо нам известно, что создателями обоих мифологий был один народ — арии. Но нас не сможет оставить равнодушным то, что среди ведийского пантеона мы обнаруживаем точные соответствия богам народов древней и новой языческой Европы: Дьяус-Питар — Юпитер, Параджанья (бог грозы) — литовский Перкунас, славянский Перун, Ушас — латышская Усиньш, Маруты — латинский Марс и, наконец, дэва (бог) — латинское деус. И мы уже начинаем вслушиваться в звучание ранее чуждых нам имен индийских богов и священных понятий: Агни (конечно, огонь), Ваю, Вата (вей, ветер), Веды — ведать, ведун, ведьма. Да, «Веды» — это знание, в смысле «знание — это сила», но сила конкретная, обращенная к загадочному для древнего человека миру сверхъестественных сил, помогающая их умилостивить, а порой и заставить выполнить чуждую им волю.

На протяжении веков менялись языки народов Индии и их представления о богах. «Веды», сохранявшие значение священных текстов, становились малопонятными. Потребовались комментарии к «Ведам», и они были созданы внутри тех же самых школ, в которых складывался ведийский канон. Это были поучения жрецам — «Брахманы». В них скрупулезно разъясняются детали

жертвоприношений, а также даются толкования мифов, носящие умозрительный характер. Но в то же время в текст «Брахманов» вкраплены мифы, легенды и сказания как параллельные ведическим, так и им неизвестные, иногда более древние. К числу последних относится легенда о потопе, близкая мифам Месопотамии, и легенда о любви Пуруравасы и Урваши. Вторая группа текстов — «Араньяки» («Лесные книги»), связанные с символикой жертвенного акта.

Философскую направленность «Брахманов» продолжает третья группа ведической литературы — «Упанишады». Это трактаты, написанные частично стихами, частично прозой. Их целью было обучение правильному исполнению древних обрядов и постижению скрытого их смысла. Так, если в ранних мифах создание различных частей мира рисуется как результат рассечения на части человека, приносимого в жертву, то в одной из «Упанишад» этот же человек истолковывается как Мировой разум, изначальная мысль и, более того, сознательная деятельность богов и людей представлена как его проявление. Комментируя «Веды», авторы «Упанишад» относятся к ним с некоторой долей иронии, как к памятнику дикарской поры, не дающему истинного знания. Так, говорится: «Те, кто выполняют «Веды», считая себя людьми знающими и учеными, на самом деле бредут, подобно слепцам, ведомым слепым поводырем, и не могут достигнуть цели». Таким образом, «Упанишады» противостоят «Ведам» как знание — незнанию, как мысль — призрачному миру религии. В «Упанишадах» разработаны учения о единстве живой и неживой природы, о круговороте рождений, ставшие основой индийской философии.

Легенды и героические сказания, передаваемые из поколения в поколение, стали основой индийских героических поэм, подобных знакомому нам эпосу о Гильгамеше. Одна из них — «Махабхарата» рассматривалась самими индийцами как продолжение «Вед», считалась пятой «Ведой», предназначенной, в отличие от четырех первых, для простонародья. «Махабхарата» посвящена борьбе двух родов, Пандавов и Кауравов, за господство в царстве, расположенном в верхнем течении Ганга, со столицей Хастинапуром. Симпатия эпического поэта на стороне Пандавов, сыновей богов Индры, Вайю, Ашвинов, являющихся законными наследниками знаменитого рода Бхаратов. Кауравы завистливы и коварны, готовы на любое преступление. Несмотря на малочисленность Пандавов, им удается избежать расставленных их противниками ловушек, найти выход из, казалось бы, безвыходного положения. Дело доходит до грандиозного сражения на поле Куру, где Пандавы со своими сторонниками одерживают победу над войском Кауравов, однако погибают и сторонники Пандавов. В живых остаются лишь пятеро Пандавов. Вместе со своей общей супругой они уходят в Гималаи, чтобы стать отшельниками. Приключения героев разбавляются вставными эпизодами, отступлениями, составляющими, собственно говоря, суть грандиозной по объему и масштабу действий поэмы, которую называют «энциклопедией древнеиндийской жизни».

«Махабхарата» отражает какие-то исторические события, межплеменные войны героического века (конец II тыс. до н. э.). Но нельзя сказать, были ли названные в поэме герои историческими лицами. Это особенность эпических поэм всех народов. Действительность преображена фантазией до неузнаваемости. В образах «Махабхараты» выражены представления о доблестях героев первобытнообщинного строя, но в то же время их деятельность характеризует порядки, существовавшие в развитых государствах. Это смешение эпох неудивительно. Поздние отрывки наслаивались на первоначальный древний костяк, обраставший чуждым ему «мясом». Этим «мясом» были предания, бытовавшие не в военной среде, в которой зародилась поэма, а в жреческой, брахманской. С былинами, прославлявшими кшатриев, произошло примерно то же самое, что с победными песнями Мариам и Деборы, включенными в Ветхозаветный канон. Они стали прославлять богов и жрецов. Да и сама запись поэмы была, видимо, осуществлена жрецами.

В отличие от «Махабхараты» другая крупная поэма древних индийцев «Рамаяна» производит более целостное впечатление. Ее окончательная редакция, как полагают, осуществлена сказителем, близким придворным кругам, пытавшимся приблизить поэму к литературным канонам своего времени (III–

IV вв.), Появляются лирические описания природы и некоторая психологическая мотивация поведения героев. Несмотря на архаичность сюжетной основы, уходящей в еще более древние времена, чем сюжет «Махабхараты», само изложение ближе к сказке, чем к строгому мифу.

Наряду с героями и демоническими существами в «Махабхарате» и «Рамаяне» действуют боги. На первое место выдвигаются три бога; Брахма — бог-созидатель, Вишну — бог-хранитель, Шива — бог-разрушитель.

В «Ведах» Брахма не упоминается, но некоторые его функции выполняет бог Праджапати, творец всего сущего, В «Махабхарате» Брахма имеет эпитеты Творец, Установитель, Распределитель, Наставник мира. Имя Праджапати также становится его эпитетом. В иконографии он изображался как бородатый муж с четырьмя телами, четырьмя лицами красноватого оттенка и восемью руками, в которых четыре веды, жезл, жбан со священной водою Ганга, жертвенная ложка, иногда также жемчужное ожерелье, лук и цветок лотоса. Место его обитания — величайшие горы Меру. Передвигается он обычно на лебеде. Как и некоторые другие боги, Брахма обладает даром перевоплощения. Приняв облик рыбы, он спасает прародителя человечества Ману от потопа.

Вишну известен уже «Ведам», где он выполняет ту же функцию охранителя вселенной, которую измеряет тремя своими шагами. Но в «Ведах» он второразрядное божество, в «Махабхарате» же — величайший бог, отодвигающий Индру на задний план. Это выражается и в одном из его эпитетов — Атиндра («Более великий, чем Индра»). Вишну мыслился живущим в особой части неба, омываемой небесным Гангом. Он либо стоит в полном вооружении, либо возлежит на свернувшемся в кольцо змее Шешу. В его четырех руках сверкающий диск, обладающий свойством возвращения, раковина, булава, лотос или лук. Вишну обладает многочисленными обликами. Передвигается он на птице Гаруде.

Шива мыслится обладателем мировой энергии, которая все приводит в движение, уничтожает и возрождает. В «Ведах» его предшественником выступает Рудра, в эпосе превращающийся в эпитет Шивы. Шива изображался с четырьмя или пятью лицами. Он — великий воитель, вооруженный мечом, луком, щитом, грозный противник демонов, и в то же время — отшельник, уединившийся на Хималаях и проводящий там века в одиночестве или со своей женой, обладающей множеством обликов и имен.

Древнеиндийская литература в «Ведах», «Махабхарате» и «Рамаяне» содержит не только легенды и религиозные наставления. Она одновременно знакомит с жизнью и духовным развитием народов Индии.

О том, что было в начале

Как и у других народов Древнего Востока, в Индии мифы о происхождении мира составляют самый ранний слой. На протяжении столетий в разных частях огромного полуострова пульсировала и билась человеческая мысль в поисках ответа на вопросы: откуда все это окружающее нас великолепие, откуда мы сами? И другие народы задумывались над этими вопросами, но по разнообразию и богатству их мифологических решений Индия не имеет соперников.

В индийских мифах о происхождении мира явственно выделяются две группы сказаний: собственно сотворение мира и защита новорожденного мира от чудовищ, готовых его поглотить и ввергнуть в изначальный хаос. На этом втором этапе богов-творцов сменяют боги-драконоборцы, уже знакомые нам под другими именами из иных мифологий.

* * *

В начале не было ни сущего, ни не сущего. Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним. Не было ни смерти,

ни бессмертия. Не было дня и ночи. Но было нечто, что дышало, не колебля воздуха. И не было ничего, кроме него. Мир был сокрыт мраком. Все было неразличимой пучиной, пустотой, порожденной силой жара. Первым пришло желание, семя мысли. Потом появились боги. Но создали ли они мир? Откуда это творение появилось? Не создало ли оно себя само? Надзирающий над миром в высшем мире может об этом знать, а может и не знать{282}.

* * *

Воды возникли ранее всех иных творений. Они породили огонь. Огнем же в них рождено Золотое яйцо. Неведомо, сколько лет оно плавало в безбрежном и бездонном океане. Из Золотого зародыша в яйце возник Прародитель Брахма. Он расколол яйцо. Верхняя часть скорлупы стала небом, нижняя — землей, а между ними Брахма поместил воздушное пространство. На земле, плавающей среди вод, он определил страны света, положил начало времени. Так была создана вселенная{283}.

Оглядев все вокруг, Брахма увидел, что он один. И стало ему страшно. Поэтому он силой мысли породил из своих глаз, своих уст, правого и левого уха, из ноздрей шестерых сыновей. От них пошли боги, демоны, люди, птицы и змеи, исполины и чудовища, жрецы и коровы и многие другие существа, населяющие все три мира.

Передав власть богам и демонам, Брахма отправился отдыхать в тени, под ветвями шелковичного дерева{284}. Отдых Брахмы, его «день», будет длиться миллиарды лет, пока не придет «ночь Брахмы» и созданный им мир вновь не станет огромной массой воды, которой придется ждать своего часа, рождения нового мирового яйца и появления нового творца Брахмы.

* * *

Сначала не было ничего живого, кроме первочеловека, тысячеголового, тысячеглазого, тысяченогого гиганта Пуруши. Лежал он, прикрыв землю своим огромным телом, и еще возвышался над нею на десять пальцев. Ведь Пуруша — это вселенная, которая была и которая будет. Таковы его величина и величие. Подступили к Пуруше боги, привязали, как животное при жертвоприношении, облили маслом и разделили на части{285}. Его рот стал брахманом{286}, руки сделались

кшатрием[287], бедра — вайшьей[288], из ступней ног возник шудра[289]. Луна родилась из его души, из глаз — солнце, из уст — Индра и Агни, из дыхания родился ветер, из пупа[290] — воздушное пространство, из головы — небо, из ног — почва, из уха — стороны света. Так из первочеловека возникли миры.

Солнце — творец жизни

В акте сотворения лежащей в основе растений жизненной силы участвуют два бога — Солнце и Сома («Месяц»). Однако их роль является нарочито неясной. Солнце — и отец, и одновременно женское начало, оплодотворяемое своим собственным жаром и превращенным в изначальный пар дождем.

Земля одно время была бесплодной пустыней. Возвышались над нею голые, не покрытые деревьями и травами горы. Поэтому живые создания сильно страдали от голода. Тогда Солнечный бог, словно родной отец, проникся к ним состраданием. Двинувшись северным путем[291], собрал он своими всепроникающими лучами наделенную животворным жаром влагу, вернулся южным путем и, таким образом совершив круг, вошел внутрь земли, обернулся полем-лоном, а в нем Сома, согнав весь носившийся паром жар в поднебесье, породил растения. Наделенные шестью вкусовыми качествами — сладким, кислым, соленым, острым, горьким, вяжущим, — эти растения пригодны для жертвы и составляют пищу всех живых существ на земле. Воистину пища всех наделенных жизнью существ сотворена из Солнца, а поскольку оно и есть отец всех существ, моли его о помощи, называя одним из ста восьми святых его имен[292].

Хранители мира

После воцарения Ямы в нижнем царстве Брахма разделил мир между владыками четырех стран света.

Индре достался Восток, благодатный край, первым открывающийся свету. Восток охраняется белым слоном Айраватой, главным из четырех мировых слонов, которые мягко держат землю. Восточной страной Индра управляет вместе с семью небесными мудрецами. Ему служат боги адитьи, апсары[293], гандхарвы[294]. В его власти планеты и звезды, ветры и облака, а также святые отшельники и доблестные цари, населяющие поля Блаженных.

Яме достался Юг, страна, охраняемая двумя чудовищными псами Шарбарами, ведущими свою родословную от быстроногой Сарамы. Никто не ускользнет от их четырех глаз, обращенных к четырем странам света. Впрочем, сам Яма не ощущает ужаса,

охватывающего каждого, кто проникает в его бескрайние владения. Ведь он обитает в золотом дворце, стены которого непроницаемы для воплей грешников. Слух Ямы услаждают хоры гандхарвов и апсар. Царство Ямы опирается на голову слона Махаладмы.

Варуна владеет Западом. Владыка вод живет в великолепном белом дворце на дне Океана, в окружении сказочных садов. На деревьях вместо листьев и плодов кораллы и драгоценные камни. Ни одному собирателю жемчуга не спуститься в такую глубину, не увидеть проплывающих по саду ярких рыб с выпученными от удивления глазами, не встретиться с асурами{295}, спускающимися в царство Варуны, как смертные уходят в царство Ямы или в царство Индры.

Во власти Варуны четыре океана, реки, ручьи и источники. Слон Варуны Вамана стережет Запад.

Севером владеет Кубера, любимец Брахмы. Он сделал его стражем скрытых в земле сокровищ и подарил ему колесницу Пушпаку, летающую по воздуху. У Куберы живот, как шар, две руки, три ноги, восемь зубов и один глаз. Второй глаз Кубера утратил за позорящее бога любопытство, ибо он наблюдал за Умой, когда она оставалась наедине с Шивой. Ума прокляла соглядатая, но Шива после восьми столетий покаяния Куберы простил его, ибо не хотел быть в ссоре с соседом. Ведь владения Шивы также были на севере в горах владыки Зимы Хималая.

Кубера жил во дворце, подобно белому облаку. Его окружали якши, о внешности которых никто толком не знал: их представляли то сильными прекрасными юношами, то коротконогими карликами с отвислыми животами. Также мало знали и о других слугах Куберы — киннарах. Одни рассказывали о них, как о людях с конскими головами, другие, как о птицах с головами людей. Кубера славился гостеприимством. Его часто посещали боги, гандхарвы и апсары.

Таковы владыки четырех частей света, назначенные Брахмой, чтобы охранять мир.

Амрита — напиток бессмертия

Есть на земле несравненная гора Меру{296}, отражающая всеми своими вершинами, горящими золотом, блеск Солнца. Неизмеримая, она недосягаема для грешных людей даже в мыслях. Бродят по ней страшные звери, цветут на ней дивные растения. На ее деревьях гнездятся птицы, оглашая воздух восхитительным пением.

Бесчисленное множество лет назад с неба на Меру сошли

боги и, усевшись, стали судить-рядить о жизни, о старческих недугах и смерти, которой не избежать даже небожителям. Поскольку вокруг все было так прекрасно, стало богам страшно, что может наступить миг, когда они лишатся этой красоты. Загрустили боги.

Видя это, Всевышний{297} сказал Брахме:

— Пусть боги и толпы небогов{298} собьют великий Океан. Когда будут сбивать, возникнет амрита и вместе с нею появятся разные лекарственные растения и драгоценные камни.

Брахма же обратился к богам:

— Спахтайте Океан, о боги, и вы получите амриту.

Услышав это, боги дружно подступили к одной из вершин Меру, имя которой Мандара. Решили они пододвинуть ее к Океану, растворившему в своих соленых водах амриту, но не было у них для этого сил. Мандара возвышалась над землей на одиннадцать тысяч йоджан{299} вверх и на столько же уходила вниз. Тогда боги призвали небогов, пообещав им по-братски разделить с ними амриту. Боги и небоги нажали на Мандару вместе. Но и это не помогло, так крепко держал Мандару тысячеголовый дракон Шеша, тот самый, на котором покоятся все семь материков.

— Шеша! Отпусти Мандару! — раздался с неба громоподобный голос Брахмы.

Шеша послушно опустил одну из своих голов. Мандара закачалась и могла бы упасть, если бы боги и демоны не подхватили ее, поставив на плечи. И двинулась на их плечах гора вместе со всеми своими обитателями к Океану.

Подойдя к нему, боги почтительно спросили:

— Выдержат ли твои воды, если мы их будем сбивать для получения амриты?

— Выдержат! — ответил Владыка вод. — Только вам придется уступить мне мою долю.

Тогда боги и небоги обратились к царю черепах, поддерживающему на своем панцире мир:

— Найдется ли у тебя место для Мандары?

— Найдется! — ответил бог-черепаха, подставляя свою спину.

Тогда Индра установил Мандару на панцире и укрепил ее. Другие боги тем временем обмотали Мандару змеем Васуки{300}, как веревкой. За один конец бога змей взялись боги, за другой — небоги, и пахтанье началось.

Со свистом и грохотом завертелась, закружилась Мандара. С вершины ее полетели деревья с гнездившимися на них птицами и населявшими горные леса зверями. Цветы сами во время вращения, сплетаясь в венки и гирлянды, украшали богов. На

небогов же обрушивались пепел и камни. Пламя, вырывавшееся из пасти Васуки, обжигало их и лишало силы.

Многие сотни лет вращалась Мандара, пока воды Океана побелели и стали походить на молоко, а затем, смешавшись с превосходнейшими земными соками, превратились в сливки, но амрита не появлялась. Тогда боги обратились к Брахме, подателю даров:

— Мы устали, о Брахма, амриты же все нет!

Брахма приказал Вишну помочь богам, и он придал им силу. И снова они стали вращать Мандару, пока из вод не показался Месяц{301}, ясный, как самый близкий друг. Он испускал тысячи лучей и сиял прохладным светом. Вслед за тем появилась богиня Шри{302} в белом одеянии, за нею хмельная Сура, а потом Белый конь{303}, за конем дивный драгоценный камень, который украсил грудь Вишну, затем лекарь богов во плоти с белым сосудом в руках, источавшим божественный аромат. Небоги сразу поняли, что в сосуде амрита, и подняли вопль. Каждый кричал: «Это мое!»

Вишну, обладавший даром перевоплощения{304}, принял облик девы небесной красоты и втесался в толпу жаждущих. При виде красавицы небоги потеряли рассудок и отдали ей сосуд с амритой, чтобы она распределила напиток по справедливости. Дева передала амриту богам, и те стали пить. Небогов, опомнившихся от любовных чар, охватило смятение. Одному из них удалось принять облик бога и пригубить сосуд с амритой. Заметили это Месяц и Солнце с высоты и возвестили всепреподобному Вишну о хитрости небога. Метнул разъяренный Вишну свой не дающий промаха диск, и скатилась огромная голова, подобная вершине горы, с туловища. С той поры, обретя от глотка амриты бессмертие, находится эта голова небога во вражде с Месяцем и Солнцем. Она преследует то одного, то другого, нагнав, впивается в их края и проглатывает. Но Месяц и Солнце тотчас выскальзывают из перерубленного горла. Поэтому лунные и солнечные затмения бывают недолгими. Иногда же голова обрастает длинным светящимся хвостом и становится кометой, внушающей смертным ужас.

Затем Вишну, покинув образ девы несравненной красоты, издал грозный клич и привел демонов в трепет. На берегу Океана между богами и небогами разгорелась из-за амриты ужаснейшая из битв. Тысячами посыпались стрелы и дротики, воздух рассекали мечи. Разрубленные диском, искалеченные мечами и дубинами небоги падали на землю. Их тела, обагренные кровью, образовывали горы. Боевые кличи и вопли достигали неба. Убедившись в превосходстве богов, уцелевшие небоги ушли под землю и в глубины соленых вод.

Добившись бессмертия и одержав победу над своими противниками, боги водрузили высокочтимую Мандару на ее собственное место, после чего, оглашая радостными криками воздух и небо, разошлись своими путями. Индра же передал сосуд с амритой под надежную охрану.

День и ночь

Миф о создании дня и ночи принадлежит к числу широко распространенных у разных народов календарных мифов. Установление последовательности дня и ночи, а также сезонов года приписывается богам. В отличие от библейского мифа, где день появляется после вечной ночи, как части изначального хаоса, в индийском мифе изначально существует день, а ночь является вторичным явлением.

Сначала земля всегда была открыта лучам Солнца, и длился бесконечный день. Первыми на земле появились дети Света, Яма и Ями{305}, близнецы, родившиеся в один день и миг. Брат и сестра стали мужем и женой. Свет увидело их потомство, расселившееся по земле. Но пришло Яме время умереть, и он умер. Первый из живших стал первым умершим, а Ями сделалась первой вдовой. Земля услышала первый плач, и не было этому плачу конца.

Боги, всполошившись, спустились на землю и стали уговаривать Ями, чтобы она успокоилась. Но прародительница все твердила сквозь слезы: «Но ведь он умер сегодня, только сегодня».

И это была правда. Ибо день рождения и день скорби, день плача продолжался, и все время ослепительно сияло Солнце.

Тогда Боги создали ночь, чтобы даровать Ями забвение, да и самим отдохнуть от ее плача, доходившего до небес. С тех пор день сменяется ночью, а ночь — днем.

Гибель и воссоздание жизни

Ману («Человек») — первопредок, первый человек. В «Ведах» Ману — сын солнечного божества и брат Ямы. В эпосе насчитывается 14 Ману, семь бывших и семь будущих, от которых ведет начало человечество в каждый из мировых периодов.

Изложенное в этом рассказе предание о потопе близко к передневосточному и греческому мифам о потопе: бог предупреждает первочеловека о предстоящих бедствиях, советует ему захватить семена. Северная гора в этих мифах является местом спасения, что, возможно, связано с представлениями о ней как об обиталище богов.

Ману силой и величием духа превзошел всех подвижников. Десять тысяч лет он умерщвлял свою плоть, стоя у берега реки на одной ноге с поднятыми вверх руками. Однажды он услышал тоненький голосок:

— О, праведник! Спаси меня. Я маленькая рыбка.

Опустил Ману руки и вытащил из реки рыбку, отливающую лунным блеском.

— Что ты от меня хочешь? — спросил Ману, наклонившись.

— Я боюсь сильных рыб, — ответила рыбка. — Ибо они пожирают нас, мелюзгу. Таков извечный закон.

Ману опустил рыбку в глиняный кувшин и проявил о ней заботу.

Через много лет стал кувшин тесен рыбке, и она взмолилась:

— О, владыка! Перенеси меня в более удобное место.

Ману выплеснул рыбу из кувшина в большой пруд. Прошло много лет, и рыба не смогла повернуться и в пруду. Ману перенес ее в Ганг, но и эта великая река стала ей тесна.

Ману бросил рыбу в Океан. Она не уплыла, а, открыв огромную пасть, улыбаясь, сказала ему:

— Ты сделал все, чтобы спасти меня. Теперь настало время мне спасти тебя. Так знай же, что близится потоп, очищающий миры. Ты должен сбить крепкую лодку и пристроить к ее носу веревку. Надо погрузить на дно лодки семена и ждать моего появления. Ты узнаешь меня по рогу на голове.

Когда появилась рыба, Ману перебросил на ее рог веревочную петлю, сел в лодку, и рыба стремительно ее понесла. Волны, похожие на танцовщиц, пустились в пляс. Лодку бросало из стороны в сторону, и вот уже берег слился с тучами, так что землю нельзя было отличить от неба.

Многие годы рыба терпеливо тянула за собой лодку и, наконец, притащила ее к Северной горе. Там она сказала Ману:

— Ты спасен. Теперь привяжи лодку к дереву и жди, когда начнет спадать вода.

Ману последовал этому совету и спасся, в то время как все живое на земле погибло.

Уплывая, рыба сказала:

— Знай, что я Брахма, владыка всех живущих. Обернувшись рыбой, я спас тебя и семена вещей, движущихся и неподвижных.

Будучи человеком благочестивым, Ману замешал на воде топленое масло, кислое молоко, сметану и творог и принес эту смесь в жертву богам. Спустя год из жертвы вышла девушка, которую он и взял в жены. От нее и пошел род человеческий, который называют родом Ману.

Миф о будущих бедствиях

В мифе, вложенном в уста мудреца Маркандея, раскрывается концепция смены космических циклов, установленных Брахмой. Космос ухудшается таким же образом, как это описано Гесиодом в «Теогонии», хотя космические циклы не названы золотым, серебряным, медным, железным веками. Золотому веку соответствует Критаюга{306},

серебряному — Третаюга, медному — Двапараюга, железному — Калиюга, завершающаяся космической катастрофой и одновременно крахом всех общественных установлений, подобно описанному в египетском «Речении Ипувера»: «Брахманы занимаются тем, что положено шудрам, а шудры наживают богатства или следуют дхарме кшатрия».

Единственный спасшийся от гибели мудрец оказывается близ мирового древа, на котором пребывает Вишну в облике прекрасного младенца. Втянутый в его чрево, мудрец, к величайшему своему удивлению, видит, что в чреве бога-младенца имеется точная копия того мира, свидетелем гибели которого в водах потопа он был. На этой оптимистической ноте завершается пессимистическое повествование о будущем.

Как-то один из героев «Махабхараты», которого называли царем справедливости, обратился к славному Маркандею:

— Ты, о великий подвижник, видевший конец не одной тысячи юг, выслушай мою просьбу и расскажи нам о том времени, когда не останется ничего — ни Солнца, ни огня, ни воздуха, ни Луны, ни небес, ни земли, когда этот мир будет являть собою сплошной Океан, когда исчезнет с лица земли все движущееся и неподвижное, когда погибнут сонмы богов и небогов и ты в одиночестве будешь поклоняться высочайшему Брахме, покоющемуся в вечном своем обиталище лотосе.

— Слушай, — молвил Маркандея. — Жизнь вселенной, как и жизнь смертного, делится на юги. Лучшая из юг Критаюга длится четыре тысячи лет. Столько же столетий занимает ее становление и столько же угасание. Третаюга продолжается три тысячи лет. Столько же сотен лет приходится на ее становление и столько на угасание. Продолжительность Двапараюги — две тысячи лет. Ее становление и закат длятся по двести лет. Калиюга длится тысячу лет. На ее становление и закат приходится по сто лет. По окончании Калиюги вновь начинается Критаюга.

Общая продолжительность человеческой жизни уменьшится, иссякнут духовная мощь и ум людей. Дхарма перестанет быть законом. Люди начнут ею торговать, словно мясом. Никто не будет в состоянии властвовать над своими чувствами. Жадность овладеет неучами. Алчность, злоба и глупость соединят людей в клубок, словно змей. Смешаются между собой в брачных узах брахманы, кшатрии и вайшьи и, подобно шудрам, не будут знать истины и покаяния. Лишившись ясности разума, ненасытные правители всеми способами будут присваивать чужое. Левая рука будет красть у правой. Станет правилом отбирать состояние у бедняков, даже у многосемейных и вдов. Люди, слывущие учеными, утратят истину. У стариков будет разум ребенка, у детей — стариковский ум.

Люди будут мотыгами вскапывать берега реки, сеять там зерно, но урожаи будут ничтожными. Люди станут впрягать в ярмо коров, а для перевозок использовать годовалых телят. Безо всякой нужды будут губить они деревья и целые рощи, и тогда

придет конец всему живому и сущему на свете. Земля покроется солончаками. Появятся ворующие зерно и те, кто похищает одежды, крадет еду, уносит посуду. Не будет земля пустующая отличаться от земли обитаемой. Люди станут питаться мясом диких животных, птиц, рыб и собак, всякими насекомыми, лесными плодами, кореньями, сделают себе одежды из длинных листьев, рогожи и шкур, будут выкапывать злаки с помощью деревянных копалок. Исчезнут коровы. Чтобы иметь молоко, будут разводить коз. Селения покроются сторожевыми башнями, на перекрестках улиц, где приносились жертвы богам, появятся шакалы.

Те, кто обитал за пределами городов и селений, будут жить в их центре. Умножится число просящих милостыню. Нищие будут благодетельствовать друг другу.

Девушек не будут ни сватать, ни выдавать замуж: они сами будут искать себе мужей. Когда мужья заснут, жены их будут уходить к другим мужчинам, а мужья, когда жены спят, к другим женщинам. Девы семи-восьми лет будут беременными, мальчики в десять-двенадцать лет станут отцами.

Затем, о великий царь, начнется многолетняя засуха. Наступит конец жизни. Земные существа, изголодавшиеся и немощные, погибнут одно за другим. Семь пылающих солнц выпьют всю воду морей и рек. Все обратится в пепел, о бык среди Бхаратов. На мир, иссушенный солнцами, вихрем обрушится конечное пламя. Проникая в саму преисподнюю, оно вселит величайший ужас в богов и демонов, а затем пожрет всю вселенную вместе со всем, что ее населяет.

Небо заполнится тучами. Одни из них покажутся величественными городами, другие — стадами слонов, третьи — морскими чудовищами. Сгущаясь, прорезаемые гирляндами молний, с оглушающим грохотом они заволокут свод небес и низвергнут на землю лавину вод, ужасную и безжалостную, затопят всю землю с ее горами, лесами и копями, загасят священный огонь.

Двенадцать лет будет продолжаться бедствие. Затем тучи внезапно рассеются. Владыка всех живущих, обитающий в лотосе, глотнет страшный вихрь и погрузится в сон. Я видел все это сам, блуждая по миру, лишенному небес, нигде не находя себе приюта. Но вот я узрел среди безбрежного Океана огромный, мощный баньян. На широких ветвях этого древа раскинулось ложе, устланное дивными покрывалами. На нем покоилось дитя с лицом прекрасным, как полная Луна, и огромными, как лепестки распустившегося лотоса, глазами. Дитя обратилось ко мне. Речь его ласкала мой слух. «Я знаю, о Маркандея, что ты устал и

хочешь отдохнуть. Оставайся здесь. Войди в мое тело, высочайший из отшельников, и пребывай там».

Внезапно дитя открыло уста, и я против своей воли оказался втянутым в его уста и, пройдя через горло и пищевод, очутился в чреве, где увидел всю землю, покрытую городами и пересеченную реками, которые впадают в Океан. Над землей и Океаном я увидел небосвод с сияющими на нем одновременно Солнцем и Луной.

Перемещаясь в чреве, я увидел великое множество гор, среди них, о, тигр среди мужей, Мандару и золотую Меру. На горах и под ними я узрел всех тварей, какие водятся на земле, — львов, тигров, вепрей, змей. На небе я узрел весь сонм богов во главе с Индрой, а также гандхарвов, апсар, якшей и святых мудрецов. Одним словом, все, что видел на свете живого и неживого, весь этот мир предстал мне, пока я скитался по чреву прекрасного ребенка с глазами, как лепестки лотоса.

Я странствовал внутри его тела более ста лет, не видя из него выхода. Когда же я обратился за покровительством к высочайшему богу, то быстрее ветра вырвался из уст бога, давшего мне приют. И снова я оказался близ того же мощного баньяна, и вновь я увидел сверкающего, лучезарного младенца, одетого во все желтое.

Бегство и возвращение огня

Когда Агни появился на свет, без отца и матери, сам от себя, блистательные боги склонили перед ним головы в мольбе:

— Ты, заполняющий пространство, ведающий все тайны и все пути, укрепляющий небо и землю, возноси за нас жертвы своим священным пламенем.

Мольба эта не на шутку напугала Агни, сообразившего, что вместе с пламенем, возносимым за богов, он иссякнет и утратит жизнь. Убежал Агни от богов и скрылся в вечных водах, великодушно давших ему приют.

На земле с уходом Агни воцарился мрак. Этим не преминули воспользоваться демоны, провозгласившие себя владыками ночи.

По всему миру искали беглеца жаждущие света боги во главе с Варуной, но, наверное, никогда бы его не отыскали, если бы не рыба, страдавшая даже под водой от невероятной жары. Высунулась она и, впервые заговорив, показала богам местонахождение Агни. Проклял с тех пор Агни предательницу и все ее бесчисленное потомство. С тех пор рыбы утратили речь и молча корчатся на сковородах или кипят в котлах, сжигаемые многоликий Агни.

Узнав, где прячется Агни, Варуна обратился к нему от имени всех богов и от себя лично:

— Вернись! Без тебя мы не можем возносить жертв.

— Я вернусь, — обещал Агни, — если вы дадите мне бессмертие.

— Ты никогда не умрешь! — обещали ему боги от имени Брахмы.

И вернулся Агни в оставленный им мир, и с той поры безотлучно пылает, сияет, освещает, наблюдает за всем на свете, правит законом, переносясь с места на место, поражает тьму, хранит мир. Он дружествен к людям, особенно к тем, в чьих сердцах от его божественных искр разгорается пламя вдохновения. Ибо Агни — недруг мрака и покровитель знания. Да святится древний и вечно юный многоликий Агни!

Подвиги Индры

Могуч разумом и силен руками Тваштар{307}. Не раз и не два к нему обращались за подмогой другие боги, уверенные, что им он никогда не откажет. Ведь выковал Тваштар для Индры, любимого сына матери своей Адити, золотую колесницу и ваджру{308}, которой он без промаха разил недругов. И создал же он для него чудесную лунообразную чашу для божественной сомы{309}, которая заменила Индре материнское молоко.

Супруга Тваштара была демоницей из рода асуров. Завидуя Индре, облагодетельствованному Тваштаром, она породила сына-чудовище, дракона о трех головах Вишварапу{310}. Одними устами он декламировал «Веды», другими тянул вино, третьими насыщался. Вишварапа сочувствовал матери, замышляя против богов измену. Всевидящий Индра, узнав об этом, отсек три головы Вишварапы.

Проведав о гибели сына, Тваштар пришел в ярость и поклялся, что отомстит богам. Он создал из сомы и огня страшное чудовище Вритру{311}. Был Вритра змееобразен, без рук и ног, без плеч, с пастью, изрыгающей огонь. Свернувшись как-то на горах в девяносто девять колец{312}, преградил этот дикий и хитрый зверь путь всем ручьям и рекам, которые сбегали к морю, как коровы к мычащему теленку. Их воды потекли в его чрево. Так он стал раздуваться, грозя поглотить все живое, всю вселенную, всех богов.

В ужасе устремились боги к Индре и, представ перед ним, изрекли хором:

— О, Индра! Поведи нас на Вритру!

Вняв этой мольбе, Индра, как разъяренный бык, ринулся на

дракона, а боги с готовностью последовали за ним.

Но могуч был Вритра. Приоткрыл он свою чудовищную пасть и со свистом выдохнул из нее огонь. Смело́ богов, как кучу опавших листьев ураганом. Один лишь Индра сумел удержаться на ногах. Видя это, Вритра втянул в себя воздух огромной грудью, и Индру, как перышко, понесло во чрево чудовища. От невероятного напряжения Вритру тотчас же погрузился в сон. Воспользовался этим Шива и наслал на Вритру неудержимую зевоту, и Индру со страшной силой выбросило наружу. Не теряя ни мгновения, Индра нанес дракону удар ваджрою по затылку. Вритра, издав громоподобный рев, опрокинулся.

Не зная, что нанесенная им чудовищу рана смертельна, что дракону никогда не подняться, Индра, как испуганный орел, улетел на край земли и укрылся в стебле лотоса. Прошло немало времени, пока он решился выбраться наружу и отправил слуг на разведку. Увидели посланцы Индры издалека, что дракон недвижим, и от радости пустились в пляс.

Ближе подойти они не смогли, так как воды, плененные в чреве дракона, вырвались наружу и, сметая все на своем пути, потекли к Океану. И стал Индра править миром как царь. Как обод спицы колеса, он охватил всё.

Добравшись до чудовища, Индра рассек его пополам, сделав верхнюю часть небом. Чрево и потроха он раздал тем глупцам, главная забота которых повкуснее поесть. Их называют чревоугодниками.

Птица Гаруда

Мифы о птицах, обладающих невероятной силой, распространены во многих мифологиях. Нам уже известны мифы об орле, поднявшем на своих крыльях аккадского героя Адапу, о птице Анзуд. Общая черта, присущая многим мифам о птицах, — их вражда со змеями. Змеи в индуистской мифологии — родственники Гаруды. Отношение к змеям у рассказчиков мифов двойственное. Не случайно лишь часть змей откликнулась на призыв своей матери совершить неправое дело. Змеи почитались индийцами как мудрецы и маги, способные менять облик с той же быстротой, с какой они меняют кожу. Многие красавицы, ставшие женами царей и мудрецов, были по своей природе змеями в человеческом облике.

Гаруда («Пожиратель») неизвестен «Ведам». Но, возможно, его образ восходит к упомянутому в «Ригведе» орлу Индры, участвовавшему в похищении сомы. Место сомы заняла амрита, место Индры — Вишну. Гаруда считался ездовой птицей этого бога и имел, скорее всего, туземное происхождение. На печати из Хараппы имеется изображение птицы, возможно, прообраза Гаруды.

Взял мудрый певец Кашьяпу в жены двух прекраснокрылых сестер Кадру и Винату, надеясь, что в его доме будет мир. Но он просчитался. Сестры завидовали друг другу и враждовали. От этой домашней вражды проистекло для мира немало бед.

Однажды Винаta снесла два больших круглых яйца и, чтобы

они не высохли и не протухли, положила их в воду. Кадра же снесла тысячу мелких яиц и также положила их в воду. Из яиц Кадры через пятьсот лет вылупились змеи, тысяча змей, блиставших жемчужным нарядом, шипящих и скользких отродий, вооруженных острыми зубами и ядовитыми жалами.

Яйца же Винаты лежали, как неживые. Проявив свойственное женщине нетерпение, она разбила одно из яиц и к ужасу своему увидела, что первенец, которому она заранее дала имя Аруна{313}, недоношен. У него было прекрасное лицо, широкая грудь и сильные руки, но тонкие кривые ноги. Высунувшись из скорлупы, Аруна вскрикнул в ужасе:

— Что ты наделала, мать! Быть тебе теперь рабыней своей сестры.

Несчастная, услышав это, залилась слезами.

— Не плачь! — утешил ее недоносок. — Еще не все пропало! Только не повтори ошибки. Дай второму яйцу созреть еще полтысячи лет.

Набравшись терпения, стала Винаta ждать, когда вылупится второй птенец, на которого возлагала все надежды. Кадра же, занятая своими копошащимися детьми, не обращала на сестру внимания.

Но однажды мимо сестер промелькнул в сторону Океана божественный конь, тот самый, что вышел из пены, когда боги взбивали амриту. Повернув головы, сестры восхищенно смотрели ему вслед.

— Скажи, сестра, — промолвила коварная Кадра, — какого цвета этот четвероногий красавец?

— Ты еще спрашиваешь! — отозвалась Винаta. — Белый, как молоко.

— Белый, — согласилась Кадра. — Но не весь. У него развивается пышный черный хвост.

— Нет, — возразила Винаta. — Хвост у него того же цвета, как он сам.

— Нет, черный! — сказала Кадра.

— Нет, белый! — сказала Винаta.

— Давай поспорим! — проговорила Кадра. — Пойдем утром к Океану и проверим, кто прав, а кто ошибся. Та, кто ошибется, будет рабыней у той, кто окажется правой.

— Я согласна, — сказала Винаta, разумеется, не потому, что намеревалась сделать сестру своей рабыней. Ей просто хотелось доказать свою правоту.

Оставшись наедине с детьми, Кадра обратилась к сыновьям и дочерям с такими словами:

— Дети мои! От вас зависит, будет ли ваша мать рабыней или

останется свободной. Если вы хотите помочь вашей матери, вплетитесь в белый хвост скакуна, когда он на заре пронесется мимо вас к Океану.

Отказались змеи превращать белое в черное. Возмутилась Кадра и обрушила на них слова проклятия:

— Да погибнете вы все, непослушные! Пусть вас спалит огонь!

Но среди тысячи всегда отыщется несколько десятков трусливых и криводушных, готовых потакать злу и обману.

Как только на Востоке поднялся краешек Сурьи, сестры пустились в полет, чтобы разрешить свой спор. Вот перед ними открылся извечный Океан, омывающий сушу. Полный безумного неистовства, он плясал, вскидывая белые руки волн. Над ними, едва их не касаясь, носились черноклювые птицы. Но вот показался и конь. Был он белым, как молоко, но развевавшийся хвост испещряли черные полосы от змей, последовавших коварному призыву Кадры.

— Хвост черный! — ликующе прокаркала Кадра. — Теперь ты, сестра, — моя рабыня. Теперь моя воля для тебя закон.

Горька и унизительна рабская доля. Век за веком прислуживала Винаата Кадре и ее копошащемуся и шипящему отродью, умело скрывая в глазах блеск ненависти, а надежду в сердце. «Если сбылось одно предсказание моего первенца, — думала она, — сбудется другое, и у меня родится сын-освободитель». При этой мысли быстрее текла по жилам кровь, сильнее билось сердце, и она его успокаивала: «Терпение! Терпение!»

Но вот и пришло предназначенное время и свершилось предсказанное. Яйцо в сосуде с водой дрогнуло от удара изнутри и раскололось от удара клювом. На свет появился мощный птенец и с криком, в котором слышалось: «Гаруда! Гаруда!», — взмыл ввысь. Он рос с каждым взмахом крыльев и вскоре заполнил своим сверкающим телом полнеба. Боги, не знавшие имени птицы, приняли ее за Агни и восславили как олицетворение Солнца.

— Гаруда! Гаруда! — шептала Винату одними губами, следя за тем, как птенец набирает силу. — Сын мой, освободитель.

Гаруда начал с того, что поднял на крыльях своего брата Аруну и высадил на жемчужную колесницу бога Солнца Сурьи, и он стал ее возничим. С тех пор Аруна, не опускаясь на землю, объезжает на конях дневное небо, скрываясь ночью в Океане. Но виден он лишь на заре, когда занимается денница.

От крыльев Гаруды исходил такой жар{314}, что все змеи попрятались в норы, звери же, чтобы спастись, забрались в

пещеры или залезли по шею в воду.

Полагая, что жар исходит от Агни, они обратились к нему:

О, пламенный Агни, всевидящим взглядом
Следящий за жертвенным каждым обрядом.
Ты в каждом живом существе обитаешь,
Зачем же ты нас, словно жертву, сжигаешь?
От сильного жара теряем дыханье.
Не вынести нам твоего полыханья.

И с неба послышался голос дружественного всему живому Агни:

Не я ваших бед и несчастий виновник,
Исходит то пламя от крыльев огромных.
Богам не подвластны той птицы причуды.
А имя ее, чтоб вы знали, Гаруда.

И обратились все твари к Гаруде с молитвой:

О, царь благородный пернатого царства.
Живи, и над миром подсолнечным властвуй,
И правду вещай нам с небесного трона.
Подумай, зачем тебе мир опаленный?
Умерь свои силы, великий Гаруда.
Яви превращенья великое чудо.

К этой мольбе присоединился и голос Винаты:

— О, сын мой крылатый! Десять веков я ожидала тебя не для того, чтобы видеть, как ты безрассудно губишь все живое. Знай же, что в мире существует добро и зло. Так будь же бескорыстным защитником добра и сделайся беспощадным врагом зла.

Услышав материнские слова, Гаруда стал в десять раз меньше и во столько же раз умерил свою мощь. Так он впервые показал, что способен на любое превращение. Под ликование всего живого, обретшего дыхание, он облетел мир, направляясь туда, где в тягостном рабстве влачила века его мать Винаta.

Коварная Кадра, узнав, что у сестры родился могучий сын, решила этим воспользоваться.

— Сестра, — обратилась она к Винате, властно сверкая глазами, — Перенеси меня на остров, что в Океане. Пусть он будет моим владеньем. Сын же твой пусть доставит туда же моих

детей.

Винаta послушно взяла Кадру на спину и полетела знакомой дорогой к Океану. Гаруда, слышавший приказание тетки, взвалил на крылья всех своих шипящих двоюродных братцев, однако, вспомнив слова матери о беспощадности ко злу, он решил разом избавить мир от ядовитого семени.

Все выше и выше поднимался к Солнцу могучий Гаруда. Змеи поначалу трепыхались на его крыльях, но, чем ближе становилось Солнце, тем они становились более вялыми и вскоре впали в полное бесчувствие.

Оглянулась Кадра и, увидев Гаруду поднимающимся к Солнцу, поняла его намерения. И решила она спасти потомство, хотя и проклятое ею, но все же близкое материнскому сердцу. Она обратилась к Индре с мольбой:

Хвала тебе, Индра, тучегонитель,
Миров созидатель и разрушитель.
Ты миг, ты минута, ты день бесконечный,
Ты светоч, ты чудо, ты лучший из вечных.
Для чад моих бедных, палимых жестоко,
Спасителем сделайся, водным потоком.

И покрыл тогда Индра все небо громадами синих туч. И вступили они между собою в брань, грохоча, стали изливать воду, так что казалось, будто разверзлось небо. И была спасена земля и вместе с нею ползучее отродье Кадры. Так Кадра и ее сыновья благополучно переместились на остров в Океане, который с тех пор стал называться островом Змей.

Перед тем, как покинуть остров, Гаруда спросил у матери, почему он должен был перевозить змей. Мать со вздохом рассказала ему, как она попала в рабство к сестре, и объяснила, что согласно законам богов сын рабыни также раб. Тогда обратился Гаруда к змеям: «Как мне избавить мать и себя от рабства?» Подумав, змеи сказали: «Добудь нам амриту. И мы избавим твою мать и тебя от неволи».

Прощаясь с сыном, Винаta его благословила:

Успеха тебе, ненаглядный Гаруда!
Пусть крылья твои охраняет Марута,
Пусть Солнце и Агни хранят твое тело,
А месяц следит за спиной твоей белой!

Выслушав эти слова, Гаруда расправил крылья и взлетел.

Всполошились боги, услышав шум гигантских крыльев. Но лишь Вишну понял, как велика грозящая опасность. Узнав от мудреца, что Гаруда собирается похитить амриту, Вишну призвал богов к бою. И боги немедля встали в строй. Огнем пылали их светлые лица. Каждый потрясал своим оружием. В руках Вишну была булава, Агни на красном коне ощетинился огненными копьями. Рядом с ним стал тысячеглазый неистовый Ваю. Сколько развеял он царств! Каких героев обратил в прах! По соседству с Ваю пристроились неразлучные Ашвины на белых конях. Волосы их пламенели медью. На белых шеях красовались гирлянды цветов.

Внезапно поднялся вихрь. Столбы пыли взметнулись до Сурьи, и стало темно. Не смогли боги увидеть Гаруду, но ощутили могучие удары. Клюв и когти долбили и пробивали доспехи, терзали и рвали тела. Строй был смят в одно мгновение. Разбросанные кто куда, боги пытались поразить невидимого врага тучей копий и стрел, но они не причиняли гигантской птице вреда, вызывая лишь еще большую ее ярость. Тогда Вишну призвал на помощь реки. Агни же обратил против Гаруды пламя. Гаруда, поглотив воду тысячи рек, залил ею пламя. Поняв, что помощи ждать неоткуда, бессмертные пустились наутек.

Гаруда не стал их догонять. Он знал, что невозможно убить выпивших амриту. Но где же спрятан напиток бессмертия?

Взор привлекло колесо, закрывающее отверстие в скале. Сияющее лучами, оно вращалось, и каждая спица его была заточена с обеих сторон. Ни человеку, ни зверю через него не проскочить, но малая пташка сумеет пролететь, если не допустит ошибки. Гаруда превратился в птичку и, точно выбрав момент, проскользнул между бешено вращающимися спицами. Тотчас из мрака пещеры выступили драконы с огненными немигающими глазами, с языками, подобными молниям, — стражи амриты. Приняв первоначальный облик, Гаруда засыпал чудовищам глаза пылью и растерзал их в клочья.

Схватив амриту, Гаруда разрушил колесо и понесся, затмевая блеск Солнца. В ликовании он не заметил, что за ним гонится Индра. Он понял это, лишь ощутив удар его громовой стрелы. Смеясь, он крикнул:

— Ты мне не страшен! Я бросаю перо, которого тебе не достать.

Увидел это перо Индра и сказал, восхищенный:

— О прекрасноперый! Я желаю вечной дружбы с тобой.

— Согласен! — крикнул Гаруда. — Знай же, если захочу, то смогу поднять на одном этом пере все: землю, Океан и тебя вместе с ними.

Так, примирившись, они полетели рядом. Внизу, окруженный жемчужной короной прибоя, показался Змеиный остров. Опустившись, они разделились. Гаруда отправился к змеям, Индра спрятался за деревом.

При виде Гаруды змеи сползлись со всех уголков острова на поляну.

— Вот вам амрита! — обратился Гаруда к своим недругам. — Я ставлю ее на траву.

— Теперь ты и твоя мать свободны! — важно ответил старший из сыновей Кадры.

Пока Гаруда направился к Винате, змеи поползли к реке, чтобы перед вкушением амриты совершить омовение. Вернувшись, они не нашли амриты. Ее забрал и унес в свое царство Индра. Но запах напитка бессмертия наполнил всю поляну. Пахла ею и трава, на которой стоял сосуд. Стали змеи лизать эту траву, и у многих из них раздвоились языки.

— Лижите! Лижите! — крикнул им Гаруда с высоты. — Я еще к вам вернусь!

Небесный град

После возвращения амриты больше никто не посягал на могущество богов, и они поселились на небесах в тысячевратном городе Амаравати, охраняемом божественным слоном, огромным, как облако. На этом слоне, родившемся во время пахтанья Океана, прародителе всех слонов, населивших землю, Индра объезжает город в годы мира, когда нет надобности в его боевой колеснице.

Сто дворцов в небесном городе. Самый великолепный из них, украшенный лотосами, сооружен самим Индрой. В нем он восседает на золотом троне под белым балдахином. Рядом с ним его божественная супруга Шачи. Поодаль в непринужденных позах расположились другие боги, мудрецы, но также и герои, с достоинством смотревшие в лицо смерти. Все они вдыхают аромат вечно цветущей Париджаты, дерева, поднесенного Индрой супруге как свадебный дар. На лицах богов блаженство. Светел их взор, услаждаемый плавно кружащимися в пляске апсарами и сладкоголосыми гандхарвами. Не ведомы богам ни болезни, ни страх.

Никто не угрожает им. Пути в Амаравати пролегают через непроходимые горы, покрытые снегом и льдами до самой вершины Меру, а далее по звездной дороге. Не пройти этими путями-дорогами нечестивцам. Могут воспользоваться ими лишь те, кто служат добру и выполняют заветы богов. Только им дано

вечное блаженство в Амаравати.

Рождение Будхи

В блистательной свите Индры пребывал и бог Луны Сома. Брахма доверил ему планеты, звезды, жрецов и жертвоприношения. Возгордившись сверх меры, похитил Сома у семиустого Брихаспати{315} его прекрасную спутницу звезду Тару{316}. Напрасно уговаривали Сому мудрецы, а вместе с ними и сам Брахма вернуть то, что по праву принадлежало другому. Похититель и не собирался отпускать полюбившуюся ему красавицу, полагаясь на поддержку, обещанную ему пресветлым Шукрой{317}, наставником и жрецом асуров.

И началась распря из-за Тары между богами и асурами, едва не уничтожившая вселенную. Богов возглавил медно-красный небесный вепрь Рудра{318}, владыка зверей, вышедший из чела Брахмы. Строй асуров повел Шукра. Земля содрогнулась от ударов ног и копыт, от оглушающих боевых кличей и в ужасе обратилась к Брахме, моля его положить конец бессмысленному побоищу.

Приняв просьбу земли к сердцу, грозно взглянул Брахма на Рудру и Шукру и повелел им примириться. Нехотя покинули они каждый со своим воинством поле боя. Прекрасная Тара вернулась на ложе своего небесного супруга, в его жаркие объятия. В назначенное время родила она младенца такой необыкновенной красоты, что Сома и Брихаспати одновременно провозгласили его своим отпрыском и наследником. Не было иного пути для разрешения спора об отцовстве, как обратиться к Таре. Но она словно бы набрала в рот воды, то ли подавленная стыдом, то ли из желания сохранить благоволение обоих богов. Тогда правдолюбивый младенец Будха, которому также хотелось знать, кто его родитель, пришел в ярость и дерзко пригрозил матери:

— Отвечай, а то будешь мною проклята.

Услышав эту угрозу от сына, едва появившегося на свет, Тара потеряла дар речи. К требованию младенца присоединился и Брахма.

— Сома, — ответила Тара, покрывшись краской стыда. — Всевозбуждающий, всезнающий Сома твой отец, о сын мой.

Так Сома победил в споре с законным родителем Брихаспати. Обретя сына, он дал ему имя Будха{319} («Мудрый»), ибо не каждый новорожденный обладает осмысленной речью. Став взрослым, Будха прославил Сому, став основателем Лунной династии.

Пуруравас и прекрасная лебедь

В этом сюжете соединены миф о добывании священного огня с рассказом о судьбе второго царя Лунной династии, соединившегося в браке с прекрасной небесной нимфой, соблазнявшей своей красотой богов и мудрецов. От Пуруравса нимфа имела шестерых сыновей, ставших царями.

Возмужав, взял Будха в жены маслянорукую Илу, ставшую матерью стад. Родила она ему смертного сына Пуруравса. Пуруравас страстно полюбил белорукую, белолицую апсару Урваши, такую прекрасную, что перед ее красотой не мог устоять ни один смертный, ни один бог.

Урваши, имевшая много именитых возлюбленных, долго не пускала на свое ложе простого смертного. Разрешив ему себя любить, она поставила два условия: что он будет охранять двух ее любимых барашков и что никогда не появится перед ней обнаженным. Пуруравас принял эти условия без колебаний, будучи уверен, что выполнит их без труда. Он решил появляться после заката и уходить до рассвета и никогда не зажигать в спальне огня. Что касается барашков, то за их судьбу он не опасался, так как давно пас материнские стада.

Исчезновение Урваши было замечено демонами гандхарвами, пребывающими на верхнем небе и поэтому видящими все, что в воздухе, на земле и под землей, на воде и под водой, на свету и во мраке. Дикая ревность овладела их душами, когда они узрели на ложе Урваши чужака, и к тому же смертного. И у них созрел коварный замысел. Они опустились на землю, тихо отвязали барашков и отпустили их. Животные с блеянием двинулись к двери. Решив, что барашкам удалось отвязаться самим, Пуруравас сбросил покрывало и спустился на пол, чтобы вернуть животных. И в это мгновение наблюдавшие за спальней Урваши гандхарвы сверкнули молнией. Урваши увидела возлюбленного обнаженным и немедленно покинула землю.

Жизнь без Урваши для юноши потеряла смысл, и он бросился на поиски возлюбленной. Однажды ночью он набрел на озеро. По его глади скользили среди лотосов прекрасные лебеди. Это были апсары, принявшие облик ослепительных белых птиц. Вдруг юноше почудилось, что один из лебедей — Урваши, и он бросился за ним в воду. Урваши, в то время носившая в чреве сына от Пуруравасы, не могла уступить его вожделениям. Но она обещала ему встретиться через год, когда у нее родится сын.

Через год, явившись на озеро, увидел Пуруравас на глади вод Урваши и плывущего с нею рядом лебеденка. Но и на этот раз отказалась прекрасная лебедь последовать за юношей, однако обнадежила его, обещав вернуться к нему, если он станет

гандхарвой. За все время существования мира пока еще ни одному смертному не удавалось стать бессмертным. Но для истинной любви не существует преград. Пуруравас явился к гандхарвам и попросил принять его в их братство. Сжалившись над несчастным, они решили ему помочь. Вынесли гандхарвы жаровню со священным огнем и сказали:

— Принесешь жертву и станешь нашим родичем!

Было это в лесу. Поставил юноша жаровню на землю и стал искать жертвенные дары. Но, как только он сделал первый шаг, подул ветер, и погасло священное пламя. Метался Пуруравас по лесу в поисках огня, пока ему не пришло в голову добыть огонь самому. Он бросился к высокому стволу смоковницы, отрезал от него две ветки и изготовил из них две дощечки, гладко их обстругав. Потерев дощечки друг о друга, юноша возжег жаровню, стал гандхарвой и соединился с возлюбленной.

Корова желаний

Вишвамитра («Друг всех») — один из семи мудрецов, известных уже «Ригведе». Его борьба за корову желаний с брахманом Васиштхи отражает соперничество между брахманами и кшатриями. Сочувствие рассказчика на стороне первых.

Великий воитель Вишвамитра отдавал время, свободное от походов, охоте. Однажды, преследуя со своими воинами оленя, он забрел в хижину мудреца-брахмана Васиштхи. Оказал тот томимым жаждой путникам гостеприимство: дал воды напиться, налил воду для ног, а потом крикнул:

— Сурабхи!

На зов явилась, как собака, корова. У нее были гладкие бока и бедра, глаза, как у лягушки, чудесная шея, пушистый хвост.

— Красавица! — сказал Вишвамитра из вежливости, полагая, что хозяин хочет похвастаться своей коровой.

Но, к общему удивлению, Васиштхи попросил проголодавшихся гостей заказать к трапезе любимые ими блюда. И корова дала все, что они желали: молоко, масло, овощи и фрукты. Насытившись, гости захотели сменить одежду, порвавшуюся во время странствий по лесу. Тотчас появилась одежда.

Насытившись и нарядившись, захотел неблагодарный Вишвамитра иметь чудо-корову при себе и обратился к брахману:

— Отдай мне твою Сурабхи за миллион коров.

Васиштхи сделал протестующий жест.

— А также за царство, которое я должен получить от отца, — добавил воитель.

— Я должен огорчить тебя, кшатрий, — отвечал брахман. —

Сурабхи не меняется и не продается. Она, сладкопахнущая, дана мне, чтобы питать богов, гостей и предков.

— Если ты не отдашь мне эту корову, я уведу ее силой! — властно проговорил Вишвамитра, не привыкший к отказам.

— Сила — твое право, — покорно ответил брахман. — Мое право — молитва.

Пока шел этот диалог, корова удалилась в свою хижину. Выполняя угрозу, Вишвамитра вооружился кнутом и бросился на Сурабхи. Вскоре послышались хлещущие звуки и жалобное мычание. Слышал все это брахман, но даже не пошевелился. Лицо его, как всегда, было величественным, невозмутимым.

— Разве ты не слышишь, как меня мучает сила Вишвамитры? — заговорила корова человеческим голосом. — Почему ты меня не защитишь?

— Сила брахмана — терпение! — отозвался Васиштхи.

Кажется, именно терпения не хватило кшатрию, чтобы заставить корову уступить своей силе. Отбросив бич, он подбежал к теленку, чтобы его увести и заставить последовать за ним родительницу. Сурабхи преобразилась. Она вскинула голову и с налившимися кровью глазами выбежала наружу. Напрасно воины Вишвамитру метали в нее стрелы и кололи копьями. Сурабхи пылала гневом, ее могучее тело источало жар, как Солнце в зените. Из ее уст вырывался сноп раскаленных углей, наподобие метеоритов в ночном небе.

Но этого было мало. В ярости она произвела из своего хвоста, струй молока, потоков мочи, пены рта тысячи вооруженных варваров — скифов, дравитов, бактрийцев, гуннов. Собравшись в отряды, они на глазах Вишвамитры рассеяли его воинство, но никого не лишили жизни.

После этого Вишвамитра разочаровался во всем, чем он раньше жил, к чему стремился. Он не захотел наследовать своему отцу, стал подвижником. Наполнив три мира жаром своего покаяния, он добился истинного могущества и сравнился властью и славой с Васиштхи.

Пании — похитители коров

Миф о похищении лучей-коров — один из солнечных мифов, на что указывает и место похищения — страна Заката, и результат похищения — погружение мира во мрак, и появление Ушас («Зари») сразу же после освобождения коров из пещеры. Индийский миф о похищении коров близок по мотивам греческому мифу о Геракле, который захватывает на западе стадо тельцов и приводит их в Микены. Здесь может идти речь не о заимствовании греками индийского мифа, а об общем для индоевропейских народов сюжете. Одна из русских поговорок «Куда Макар телят не гонял» свидетельство того, что и у славян имелся миф о герое, связанном с похищением или уводом коров на край света.

Далеко на западе, на самом краю света, куда каждый день закатывается солнечный камень, текла река Раса. На ее берегах обитали необычайно хитрые и не менее свирепые демоны пании, которым едва не удалось погрузить весь мир во мглу. Они похитили солнечные лучи, принявшие облик коров, и спрятали их во мраке пещеры. Когда воцарилась вечная ночь, Индра понял, что это проделки паниев, и послал на них божественную собаку Сараму. Помчалась Сарама вприпрыжку, добежала до реки Расы, одним махом перенеслась через нее и уткнулась влажным черным носом в скалу, откуда доносилось едва слышное мычание.

Увидев это, пании вышли из своих укрытий.

— Что тебе здесь надо, Сарама? — спросили они, делая вид, что удивлены ее появлением. — Что заставило тебя проделать столь далекий и опасный путь?

— Я ищу похищенных коров, — ответило бесхитростное животное. — Меня отправил сам Индра.

— Индра? — повторили пании, притворно пожимая плечами. — Кто он такой? Как он выглядит? Почему бы ему не явиться самому? У нас огромное стадо, а пастухов не хватает.

— Когда явится Индра, не быть вам живыми! — рявкнула Сарама. — Отдайте коров добром. Все равно они вам не достанутся.

— Не предрекай, не зная! — сказали пании поучающе. — Наши коровы надежно припрятаны, а тому, кто захочет их отнять, полезно знать, что руки наши сильны. Тебе бы лучше остаться с нами! Будешь нашей сестрой. Мы отдадим часть коров тебе. Ты поведешь их на водопой.

При слове «водопой» у Сарамы невольно высунулся язык. Торопясь выполнить приказ своего хозяина, она не успела напиться.

— Не надо мне коров! — протянула Сарама. — Но я бы отведала их молока.

При этих словах глаза паниев загорелись радостным блеском. Они понимали, что слуга, согласившийся принять от врагов господина что-либо в дар, не будет ему верен. Так и случилось. Как только Сарама жадно вылакала поставленное перед нею молоко, она, забыв о коровах, перепрыгнула через Расу и побежала обратно по своему же следу.

Индра, увидев Сараму, строго взглянул на нее:

— Ты одна? А где коровы?

— Я их не нашла, — бесстыдно солгала Сарама.

Догадавшись по опущенным глазам и трусливому вилянию хвоста, что животное лжет, Индра ударил его ногой, словно бы

эта была обычная собака, а не божественная, и она изрыгнула молоко.

И пришлось Сараме вновь мчаться уже знакомой ей дорогой к паниям, Индра же следовал за ней на колеснице, восседая рядом с волшебниками из рода Ангирса. За рекою Расой волшебники направились к скале, близ которой их ожидала Сарама. Волшебники раскололи скалу и вывели наружу жалобно мычащих коров. И тотчас рассеялась мгла. На восточной стороне неба показалась ослепительная колесница с восседавшей на ней Ушас.

Увидев свет зари, поняли пании, что коровы освобождены. Демон же пещеры, тюремщик коров, поднял грозный вой, но был сражен копьем Индры. Пании были рассеяны по свету, а их несметные пещерные сокровища достались ангирасам, помогавшим Индре.

Бог Шива

Однажды поспорили Брахма и Вишну, кто из них родился первым{320}. Чтобы открыть истину, взметнулся перед ними Шива в виде огненного столпа{321} безупречной прямизны. Сверкал он посреди надетых на него огненных венков, и нельзя было понять, где его середина, где начало, а где конец.

Сказал Брахма Вишну:

— Давай я пойду вверх, а ты иди вниз. Тот, кто отыщет край, будет считаться перворожденным.

Брахма стал белоснежным гусем, быстрым, как мысль, стремительным, словно ветер. Летел он вверх тысячу лет, но верхнего края огненного столпа не достиг.

Вишну превратился в огромного кабана и тысячу лет рыл клыками землю, но до нижнего края столпа не докопался. Возвратившись в то место, откуда ушли, они признали Шиву величайшим из богов.

С тех пор Шиве поклоняются во всех трех мирах, с тех пор он вместе с женой своей Дэви{322}, удивляя мир силой, пляшет на теле повергнутого им небога Апасмары. При виде этого танца никто не может удержаться от любви. Рассказывают, что Шива с его помощью совратил 10 000 отшельников, которые удалились в леса и пещеры, чтобы не видеть женщин. Правда, сначала пустынники пытались противиться Шиве и чувству, которое он воплощает. Они развели жертвенный, огонь, сотворили из него свирепого тигра и напустили на Шиву. Но он задушил зверя и, содрав с него ногтем мизинца шкуру, стал носить ее как накидку. Сотворили тогда аскеты гигантскую антилопу и змею, которых наслали против Шивы. Но бог надел змею на шею как ожерелье, а

антилопу навечно зажал в руке. Тогда против него вышло чудовище в виде карлика с дубиной в руке. Шива придавил карлика ступней к земле, сломал ему позвоночник и стал исполнять на его спине танец. Подавленные его мощью и красотой, смирились пустынники, поняв, что Шиве никто не может противостоять.

И, конечно же, ни одна женщина, даже самая добродетельная, не в состоянии устоять против чар бога любви и плодородия. Рассказывали, что у первопредка людей Дакши была дочь Сати, которую он любил больше жизни. Была она чиста и добродетельна, поэтому, приглашая богов, чтобы выбрать ей супруга, а себе зятя, не пригласил Дакша Шиву, ибо знал о его непристойном поведении. Но Сати втайне почитала Шиву и мечтала соединиться с ним. Во время смотрин должна была Сати передать обручальный венок тому, кого она хотела иметь супругом. Но вместо этого бросила Сати венок вверх, и он попал на огненный столп безупречной прямизны, в котором все узнали Шиву. Пришлось Дакше отдать Шиве дочь, но примириться с этим он так и не смог.

Однажды во дворце Брахмы, где Шиве устраивали торжественный прием, Дакша при появлении зятя не встал, но проклял его и сказал, что не будет приносить ему жертвы. Нет, это была не пустая угроза. Устраивая через некоторое время у себя в доме великое жертвоприношение коня, Дакша пригласил всех богов, кроме Шивы. Заколов коня, стали раздавать богам куски окровавленного мяса. Видя это, возмутилась Сати, потребовав, чтобы мужу оставили его долю. Когда же этого не сделали, бросилась в огонь. Шива же сотворил из себя грозное чудовище, которому приказал уничтожить жертвоприношение Дакши. Приняв вид сотен и тысяч небогов, набросилось чудовище на жертвенные дары в доме Дакши и разметало их. Мало того, досталось и самим богам, принявшим участие в священнодействии. У Дакши же была отрублена и брошена в огонь голова. Потом, успокоившись, Шива решил оживить убитых чудовищем богов. Но голову Дакши он отыскать не смог и насадил на туловище тестя голову козла.

После смерти Сати Шива погрузился в глубокую скорбь. Он удалился в неприступные горы, в царство вечной Зимы, не желая ничего и никого видеть{323}. Черноволосый, в звериной шкуре на голом теле, с черным луком и стрелами, бродил он одиноко по заснеженным горам. Только снежные барсы и мохнатые яки натыкались порой на его следы. Ложась на брюхо, они лизали их, как соль, как частицу своего владыки.

Но ненасытная женская любовь все же отыскала Шиву в

горах. Во второй жизни Сати стала Умой, дочерью горного князя Химаванты. Полагая, что сумеет покорить сердце Шивы суровым покаянием, Ума отправилась в горную глушь. Сбросив там человеческую одежду, она облекла свое нежное тело в древесную кору. Сто лет она питалась опавшими листьями, забыв вкус людской пищи. Трижды в день она мылась в ледяной воде горных рек, и богам не раз удавалось взглянуть на прелести той, которую называли невестой Шивы. Но сам он, погруженный в созерцание, ничего не знал о ее существовании.

А между тем на земле появился злокозненный демон Тарака, да такой могучий, что с ним не совладали все боги. Один лишь Шива мог породить сына, который был сильнее Тараки. И решили боги пробудить Шиву к жизни. Они отправили к нему своего посланца Каму, бога вожделения и любовной страсти, умевшего принимать различные образы и их изменять. Взял Кама с собою свою подругу Рати («Страсть») и помощницу Васанту («Весну»). Едва они коснулись своими нежными ступнями гор, как потекли ледники, переполняя горные реки, растаяли снега на горных склонах, запестрели цветы. Птичий гомон наполнил долины. Все ожило. Один Шива не сдвинулся с места. Он угрюмо сидел, погруженный в свои мысли.

Страшась гнева Шивы, Кама долго не решался выполнять поручение богов. Наконец, уступая их мольбам, он прибыл в место уединения Шивы и застал его сидящим между деревьями, в окружении сладостно жужжащих пчел. Проникнув в мозг Шивы через уши, Кама изгнал образ Сати. Осознав это, Шива вздрогнул и стал силой памяти оживлять исчезнувший образ. Поняв, что ему кто-то препятствует, он, потрясая головой, ударяя ею о стволы деревьев, изгнал Каму. И вновь черты лица Шивы успокоились, его три глаза закрылись, губы сложились в блаженную улыбку. К нему вернулась его Сати в виде прекрасной тени.

Не успокоился Кама. С помощью Васанты он создал из благоуханных цветов стрелу и, натянув тетиву из сцепившихся пчелок, направил ее Шиве в сердце. От боли приоткрыл Шива третий глаз, и из него посыпались искры, мгновенно превратившие Каму в горсточку пепла. С тех пор Кама зовется Анангом («Бестелесным»).

Очнувшись, увидел Шива Уму, омывающуюся в горном потоке, в пене, среди камней. Поняв, что это подобие Сати, он отправил к ее отцу сватами семерых мудрецов.

— Химават! — обратились они к нему. — Не отдашь ли ты в жены Шиве свою дочь?

— Отдам! — ликующе воскликнул отец, и его голос стал слышен в горах, заглушив грохот горных рек. «Да-а-м», —

ответило эхо, наполнив радостью сердца Шивы и Умы.

Вернувшись в родительский дом, Ума сбросила с себя кору, облачилась в женское одеяние, умастилась благовониями, запах которых она забыла за век жизни в горах, и опустилась на мягкое ложе. Ночь перед свадьбою показалась девушке длиннее, чем тысяча лет. Наконец, послышался рев быка и топот ног. Шива спускался с гор на спине могучего быка Нандина{324} в сопровождении небожителей, кружившихся в бешеной пляске. Они радовались тому, что Кама вернул великого бога к жизни.

После исполнения свадебного обряда, которым руководил сам Брахма, Шива усадил Уму рядом с собой на спину могучего быка и помчался, словно на крыльях, на гору Мандару предоставившую влюбленным луга, опушки и гроты для брачных утех. И, как каждая женщина, стала мечтать Ума о первенце, но его странным образом не было. Чтобы утешить себя, Ума слепила из пахучих масел, душистой пудры, пота, покрывавшего ее тело, и кала куклу в виде человека с головой слона. Но вскоре она ей надоела, и Ума бросила ее в Ганг. На лету кукла выросла, и Шива принял ее за сына, рожденного Умой. Дал он ему жизнь и сделал богом успеха, покровителем слонов, поэтов и купцов, главой карликов и духов, составивших свиту Владыки. Имя ему Ганеша. Это он впоследствии записал на пальмовых листьях «Махабхарату», продиктованную мудрецом. Для этого ему пришлось использовать в качестве палочки для письма свой бивень. Стали изображать Ганешу с одним бивнем.

Был Шива грозным воителем, непримиримым врагом небогов. Опаснее других считался демон Тарака, ибо победить его мог лишь сын Шивы. Уничтожил Тараку шестилетний сын Шивы от его третьей жены Парвати. Он спалил его, как сухой стебель травы, превратил в пепел, а затем, с согласия Брахмы, соорудил Трипуру — три города, которые можно было уничтожить только одной стрелой. Один из этих городов, железный, находился на земле, а два других, золотой и серебряный, на небе. В городах этих поселились могучие демоны, объявившие войну богам. Поражая богов на небе и на земле, они сами были неуязвимы, поскольку у всех богов, вместе взятых, не было сил, чтобы выпустить стрелу, которая могла бы пронзить три города сразу. У одного Шивы также не хватало для этого сил. Но, когда боги отдали ему свою силу, он наложил на лук губительную стрелу и выпустил ее. Стал кроваво-красным небосвод, словно бы в огромном тигле смешалось расплавленное золото с пурпуром. Сверкание стрелы слилось с сиянием Солнца. Стрела пронзила три крепости одну за другой, словно стога соломы.

Радовались боги победе над демонами и, взявшись за руки,

плясали вместе с Шивой и его свитой.

Праведник в преисподней

Жил когда-то в Видеге добрый царь Випашит. Но смерть не делает различия между добрыми и злыми. Пришло Випашиту время умереть, и в царскую опочивальню явился посланец бога смерти Ямы. Было темным его лицо, одеяние же — кроваво-красным. В руках он держал молот и вервь. Молча извлек демон душу Випашита, ничем не отличающуюся по виду от уже неподвижного тела, но живую и мыслящую, связал ее по рукам и ногам и, выведя из дворца, повлек на Юг.

Двенадцать дней длился путь, на котором путникам не встречались ни селения, ни города, ни пашни, ни луга с пасущимися коровами. Беспощадно жгло Солнце. Бесконечным был Океан со свинцово-застывшими водами. Оглядываясь, видела душа царя зеленеющие горы и сверкающую золотом кровлю дворца. Не выдержать бы ему этого пути, если бы там, где осталась его родина, сыновья не приносили в жертву еду и питье. И он это ощущал каждый раз, когда проходила усталость и прибывали силы.

К вечеру двенадцатого дня стояли демон смерти и пленник перед воротами крепости. Ворота отворились, и путники вошли внутрь.

Дождавшись, когда закроются ворота, демон развязал Випашита и впервые с ним заговорил:

— Ты должен будешь пройти со мной семь кругов преисподней.

— Почему? — спросил царь. — Разве столь велики были мои прегрешения в земной жизни? Разве я не старался следовать путями правды и долга?

— Безупречным было твое поведение, и жизнь твоя достойна подражания, — сказал демон. — Но однажды ты согрешил, и за это в наказание тебе суждено узреть муки преисподней, их не испытав. Таков приговор Ямы, вершащего суд над живыми и мертвыми.

Они вступили в темный проход. Должен был ликовать Випашит, услышав, что его жизнь признана безупречной, но вместо этого он мучительно оживлял в памяти все пережитое. «В чем же мое прегрешение? — думал он. — Ведь последнего из моего народа я охранял с не меньшим усердием, чем первого. Никогда не покушался на имущество моих подданных, удовлетворяясь лишь шестой частью их дохода. Я щедрой рукой приносил дары богам и их служителям — брахманам.

Почтительно я склонялся перед добром и преследовал в меру своих сил зло».

Не найдя ответа в памяти, Випашит обратился к своему суровому спутнику:

— Скажи, посланец Ямы, в чем я провинился? За что моя душа должна терзаться муками прегрешивших?

— Однажды, — сказал демон, не поворачивая головы, — ты восседал на судейском кресле, решая спор между подданными. К тебе явилась твоя жена, чтобы прижаться к твоему плечу. Но ты счел свое судейство важнее ее порыва, ты не ответил на ее призыв, ты отнял у нее час блаженства. За это ты не признан безупречным.

Випашит низко наклонил голову.

— Я вспоминаю. Это было. И я достоин назначенной мне кары. Яма — справедливый судья.

Узкий проход вывел в пещеру. Ее бугристая почва была изрыта рвами, наполненными пылающими углями. В них то по щиколотки, то по колени опускались грешники, издававшие глухие стоны. Пахло обгоревшим мясом.

— Пещера стонов! — пояснил Випашиту его спутник. — Многие из тех, кого ты видишь, были непочтительны с родителями и учителями, растоптали мудрость и нравственность. Теперь они пересекают пещеру во всех направлениях, обжигая согрешившие ноги об угли. И это продлится до тех пор, пока в зверином облике они не возвратятся на землю.

С сочувствием взглянул Випашит на несчастных и вслед за своим провожатым шагнул в следующую пещеру. Ее пол был покрыт раскаленными медными плитами. Служители Ямы тащили по ним людей, скованных по Рукам и ногам, и те дико вопили.

— Пещера воплей! — сказал Випашиту его провожатый. — Три тысячи пятьсот миль их будут тащить по расплавленному металлу, пока они не возвратятся к своим потомкам в облике зверей.

— Ужасно! — застонал Випашит. — Я вижу, что их тела в страшных укусах, словно бы их бросили в ров с волками или львами.

— Это клеветники, готовые сожрать своего ближнего и похитить его честь. — Видишь, у некоторых уши проткнуты пылающими ветками. Эти подслушивали речи друзей и доносили.

— Они не ведали, что творят! — сказал Випашит. — Мне их жалко!

Третья пещера была погружена в кромешный мрак. Телохранитель Випашита зажег факел, осветивший ледяную гору

и ползущих по ней обнаженных грешников. Судя по их телам, скорее напоминавшим обтянутые кожей скелеты, их мучил нестерпимый голод. Когда один настигал другого, он впивался в его тело зубами.

— Пещера мрака! — пояснил служитель Ямы.

Большую часть четвертой пещеры занимал огромный медленно вращавшийся гончарный круг. К нему были привязаны грешники. Стоявшие у края служители Ямы вырывали из их тел раскаленными клещами куски мяса.

— Пещера раздора, — сказал спутник Випашита. — Эти не терпели мира и сеяли семена вражды.

Далее Випашиту пришлось спуститься по проходу, напоминающему глубокий колодец. Рядом с ним пролетали окровавленные тела грешников, которых служители Ямы сбрасывали вниз, в пропасть.

Пропасть вела в пространство, издали напоминавшее обычный лес. Но когда Випашит к нему приблизился, то он увидел, что на деревьях гроздьями были повешены грешники. Вместо листьев на ветвях были острые мечи. Ветер, свистя, срывал их, и они терзали повешенных. Иногда грешники падали, и их внизу подхватывали гиены или дикие собаки, чтобы разорвать на части. Тут же летали ястребы, выклевывавшие им глаза, и вороны, пожиравшие их языки.

Страшнее всего был седьмой круг преисподней. В огромном котле, наполненном кипящим маслом и раскаленными железными стружками, сидели или свешивались над котлом в цепях тысячи грешников, а стая воронов жадно клевала их сварившееся мясо и размягченные кости.

В ужасе отшатнулся Випашит и почти бегом поторопился к выходу. И вдруг стоны и крики наполнили все пространство семи кругов преисподней:

— Не уходи! Не уходи, добрый человек! Исходящее от тебя божественное дыхание целительно, как бальзам.

Удивился Випашит и спросил еле поспевавшего за ним демона, что это значит.

— Истинная доброта, царь, — единственный источник избавления от страданий! — отвечал демон Ты же ветер доброты. Каждое доброе дело на земле приносит милость сюда, в царство страданий. Бросишь горсточку риса бедствующей птичке, и здесь становятся меньшими муки голода. Но твои добрые дела и слова все равно что звезды на небе. Твой же взгляд заставляет страдальцев забыть о своих муках. Твоя близость врачует их раны.

— Тогда я здесь останусь! — воскликнул царь. — Ибо ничто так не возвышает сердце, как помощь и милосердие.

— Идем! — сказал посланец Ямы. — Твои муки кончились. Тебя ждет небесное блаженство. Пусть эти грешники получат то, что они заслужили.

— Дай же мне искупить и мой грех, — возразил Випашит. — Ведь я был суров с детьми и старцами, слаб с мужами, бессердечен с женщинами. Я должен остаться здесь до конца дней моих, даже если смогу высушить лишь одну слезу, излечить одну рану, удержать один вопль.

— Идем, царь! — повторил демон. — Твое наказание осуществилось. Приближаются Яма, владыка преисподней, и Индра, господин небес, чтобы проводить тебя к полям Блаженных.

И предстали они оба перед Випашитом.

Преклонился перед ними праведник и сказал:

— Разрешите мне, владыки мира, остаться там, где страдают.

— Они заслужили свою кару, так же как ты заслужил свою небесную награду, — сказал Индра.

— Разве я это заслужил? — спросил Випашит.

— Да, — ответил Яма. — Милосердие глубоко, как море. Он возвышеннее, чем гора Химават. Его плоды многочисленнее тех, которые бросают в широкое лоно Ганга. Ими будут питаться боги и люди до окончания времен.

— Если мои заслуги столь велики, возьми их, владыка мертвых и живых, себе. Раздели их среди беднейших из бедных, среди грешников.

— Да будет так! — сказал Яма.

Скрипя, отворились врата преисподней, и грешники вырвались на свободу, ликуя и славя милость Випашита. И тотчас же пролился кровавый дождь и появилась облачная колесница.

— Садись, Випашит! — сказал Индра. — Твое милосердие заслуживает наивысшей награды!

И Випашит продолжал свой путь в бесконечную голубизну.

Пандавы и Кауравы

Пандавы и Кауравы,
Героики древней оплот,
Бессмертной добились вы славы,
Но призрак распри кровавой
За вами по миру бредет.

Вы страстно желали победы,

Не ведая сами зачем.
Ведь ждут победителей беды.
Прошли по вашему следу
Два брата, Ромул и Рем.

Зять с тестем, Цезарь с Помпеем,
Втянули в бессмысленный спор
Патрициев всех и плебеев.
Сюжеты из той эпопеи
У нас на слуху до сих пор.

Переходя от мифологических текстов с типичным для них содержанием (происхождение мира и богов, их соперничество, битвы с драконами и сказочными народами) к основному сюжету, читатель «Махабхараты» переносится на землю, населенную реальными народами, сталкивается с героями, движимыми вполне земными заботами (стремление к власти, жажда славы, корысть, женитьба). Создается впечатление, что перед ним дефилируют уже не мифические персонажи, а реальные цари, их советники, жены и сыновья, их слуги. Между тем читатель по-прежнему остается в мире мифов, но мифов иного уровня, обращенных к народу и его судьбам на определенном витке истории, который принято называть героическим веком. И хотя в силу неравномерности исторического развития героический век у одного народа может относиться к III тыс. до н. э., у другого — ко II тыс. до н. э., а у третьего даже к I тыс. н. э., типологически представители разных героических мифологий являются современниками и родственниками.

Однако обстановка, в которой действуют персонажи героического века Индии, обладает своей неповторимой спецификой, и, выявляя ее, мы в состоянии использовать индийский героический эпос как источник, содержащий сведения по политической и военной истории, религиозной идеологии, быту народов северной Индии, для которых санскрит, ныне мертвый язык, был когда-то языком живого общения и словесности.

Особенностью древнеиндийского эпоса является высокий удельный вес в нем нравоучения, дидактики. Мудрецы присутствуют на всем протяжении сценического действия как его свидетели, наблюдатели и участники, подобно хору в классических греческих трагедиях. Они дают ему этическую и религиозно-философскую оценку, а в наиболее патетических моментах вмешиваются, пытаясь указать героям на их заблуждения и опасность тех или иных решений и поступков.

«Махабхарата», по замыслу ее создателей, должна была не столько держать слушателей в напряжении развитием сюжета, трагичностью происходящего, сколько возвышать душу, воспитывать, внушать вечные истины. «Махабхарата» явилась грандиозной школой для многих человеческих поколений, и все ее герои, как бы ни отличались они друг от друга по социальному положению и характеру, какая бы им ни выпала жизненная роль, всегда служили добру или злу, одни твердо и последовательно, другие в силу тех или иных обстоятельств и особенностей характера совершая колебания между добром и злом.

Нам приходится подчеркнуть религиозно-нравоучительную линию индийского героического эпоса (во многом сближающую его с библейскими легендами), поскольку при любом пересказе «Махабхараты» более всего страдает именно она, а на переднем плане оказывается голый сюжет.

И еще одна необходимая оговорка. Прежде чем выплеснуться на пальмовые листья, на пергамент или другой писчий материал, легенды «Махабхараты» накапливались в памяти едва ли не двадцати поколений сказителей, обогащаясь новыми фактами и сюжетами. Если первые из сказителей были внуками или правнуками ариев, вторгшихся в долину Ганга из места своего первоначального обитания в Пенджабе (Пятиречье), то последние были современниками вступивших в Индию воинов Александра Македонского, а порой и полчищ гуннов. И еще одна необходимая оговорка, которую надо иметь в виду при сопоставлении эпоса с историей: рассказывая о героическом прошлом, сказители неизбежно идеализировали его, представляли более богатым и славным. В их воображении дворцы древних правителей Индии соперничали в роскоши с небесными дворцами богов, мелкие стычки чудесным образом преображались в грандиозные сражения, сотни воинов становились тысячами и мириадами. Таковы традиции эпоса, отражающего историческую реальность в кривом, гиперболически искаженном зеркале фантазии.

Бхима Волчебрюхий

Один из эпитетов Бхимы (полное имя Бхимасена), Волчебрюхий (Врикодара), подчеркивает его прожорливость. Само же имя Бхима означает «Ужасный». Бхима наделен необычайной силой. Еще в младенчестве он упал с колен матери на скалу и разбил ее своим тельцем на тысячу осколков. У Бхимы нет ни лука со стрелами, ни колесницы. Подобно греческому Гераклу, с которым у него много общего, он сражается голыми руками или с помощью дубины. Так же как Геракл, он очищает землю от чудовищ. Ни в чем он не знает удержа, легко впадает в ярость и тогда истребляет всех подряд, как это случилось со змеями, которые спасли ему жизнь.

Велика была ненависть Кауравов к своим двоюродным братьям Пандавам, стоявшим на их пути к царскому трону. Во главе всех интриг стоял старший из Кауравов Дурьодхана, любимец Дхтритарашатры, своего безвольного, слепого от рождения отца, занявшего трон Хастинапуры{325}.

Опаснее других братьев-соперников казался Дурьодхане могучий Бхима, и он решил его устранить. Был у Дурьодханы дядя по матери{326} Шакуни, готовый ему помочь в любом деле, и преступлении. Шакуни, зная, что Бхима отличается невероятной прожорливостью, давшей ему прозвище Волчебрюхий, решил использовать эту слабость.

Однажды Бхима и его братья отправились с Кауравами на царскую охоту. После охоты они стали играть на лугу у реки и сильно проголодались. Четырем Пандавам была предложена обильная пища, а Бхиме — со страшным ядом калакутой. Бхима немедленно проглотил все, что перед ним поставили, и свалился как мертвый. Его братья просто заснули. Они не видели, как злоумышленники связали Бхиме руки и ноги, а затем швырнули в реку.

В реке водилось много ядовитых змей. Увидев плывущее, словно бревно, тело с надувшимся животом, змеи начали его кусать и жалить. Змеиный яд убил отраву, и Бхима ожил. Поняв, что у него связаны руки и ноги, он пришел в ярость, а в ярости

Бхима был непобедим. Разорвав канаты, словно бы это были прогнившие нитки, он набросился на змей и стал их уничтожать, словно они были в чем-либо виноваты.

За избиением змей, оставаясь в безопасности, наблюдал их царь. Зрелище это позабавило царя-змея, и он приказал своему посланцу затащить храбреца в свой дворец на речном дне.

— Ты очень сильный человек, — похвалил змеиный царь Бхиму. — Мои подданные, вопреки моей воле, нападают на все живое, падающее в реку. Хорошо, что ты их проучил. В награду я дам тебе нечто, сделающее тебя самым сильным человеком в мире. — Он повел Бхиму в зал, где рядами стояли большие сосуды.

— Эти кувшины, — объяснил царь Бхиме, — наполнены специально изготовленным зельем. В каждом мощь в тысячу слоновьих сил.

Во время битвы со змеями Бхима невероятно устал и проголодался. Он подошел к кувшинам и стал их осушать один за другим. Выпив все кувшины, Бхима свалился в богатырском сне. Пробудился он лишь через восемь дней, ощущая в себе невероятную силу. Поблагодарив царя змей, Бхима быстро зашагал в Хастинапуру.

Братья, не знавшие, что с Бхимой, встретили его появление с ликованием. Дурьодхана же, проведав о спасении Бхимы, был вне себя от злобы и ярости. Каким образом Бхиме удалось спастись? Кто ему помог? Не находя ответа на эти вопросы, он решил погубить всех братьев Пандавов.

Путь гнева

Никогда еще внутренний двор дворца Хастинапуры не вмещал стольких гостей. Они шли со всех концов царства, привлеченные вестью, что состоится состязание именитых лучников, царевичей Пандавов и Кауравов. Были заполнены все четыре ряда скамей. Хромой старец, явившийся позднее других, тщетно обходил ряды в поисках свободного места.

Внезапно прозвучал удар гонга, и из-за багрового полога, скрывавшего вход, вышла толпа царевичей, пятеро Пандавов и сто Кауравов в роскошных одеяниях, украшенных золотом и драгоценными камнями. Впереди всех шагал широкоплечий муж с высоким лбом мудреца. Это был Дрона («Ковш»), выросший от семени мудрейшего из мудрых в деревянном ковше и от ковша получивший свое имя. Приглашенный во дворец царем, он обучал царевичей всему, что знал и умел. Благодаря Дроне они стали лучшими лучниками во всем царстве.

Оглянувшись, Дрона окинул орлиным взглядом своих питомцев. При виде шедшего первым взгляд могучего воина потеплел. Арджуна{327} был его любимцем. Дрона обещал, что не будет в целом мире равного ему держателя лука, и выполнил свое слово. Ведь все в Хастинапуре знали о недавнем случае в лесу, когда Арджуну облаял какой-то пес, не иначе ракшас{328}, принявший обличье собаки. Арджуна выпустил в пасть трясущегося от злобы пса семь стрел одну за другой. Однако удивительнее всего было то, что пес от этого не подох, а побежал в город со стрелами в пасти, словно бы для того, чтобы все могли убедиться в необыкновенной меткости победителя. Об этом и других чудесах искусства Арджуны рассказывали по всей Индии, и большинство зрителей было привлечено на состязание именно ими.

Гости шумно приветствовали Арджуну и его наставника. Хромой старец, так и не отыскавший себе места, хлопал в ладоши неистовее других. Но выкрикивал он нечто несообразное:

— Слава царевичу Арджуне! Но пусть его победит сильнейший!

Этот странный выкрик стал понятен, когда из ряда зрителей выступил юноша и, подойдя к Дроне, сказал:

— Я готов состязаться с Арджуной.

Люди, вскочив с мест, окружили незнакомца. Он был в небогатом плаще, топорщившемся от одетого под ним панциря. Длинные черные волосы спускались волнами на могучие плечи. Но они не могли скрыть золотых серег в ушах, сверкавших как два маленьких солнца.

— Посмотрите на этого наглеца! — послышались возмущенные голоса. — Он посмел бросить вызов самому Арджуне.

— Сядь на место! — сказал Дрона юноше. — Ты, я вижу, простолюдин, а здесь царевичи и кшатрии.

— Но я искуснее Арджуны, — с достоинством возразил юнец. — И готов это доказать.

— Откуда ты взялся? — возопил оскорбленный наставник лучников. — Кто ты такой?

Юноша отвесил Дроне низкий поклон.

— Я — Карна{329}.

— Ну и что из того! — не успокаивался Дрона. — Как бы тебя ни звали, ты не можешь быть искуснее того, о ком я сказал, что не будет в мире стрелка лучше, чем он.

— Прости меня, могучий воин, — юноша поклонился еще раз. — Я не хотел тебя оскорбить. Но ведь я не был твоим учеником, и ты не можешь сравнивать меня с Арджуной.

Победителя покажут не слова, а лук со стрелами.

— Да, но ты не царевич, — вмешался в разговор Арджуна. — По нашим законам с царевичем может состязаться ему равный.

Юноша опустил голову. Против этого довода ему нечего было возразить. Назвавшийся Карной резко повернулся и зашагал к выходу.

— Остановись! — послышался громовой голос Дурьодханы, ненавистника Пандавов. — Да, ты не царевич, но я тебя сделаю царем. Слуги, передайте этому юноше корону. Теперь ты, Карна, — царь Анги{330}.

Наступило замешательство. Такого исхода спора решительно никто не ожидал. Между тем слуги надели на голову растерявшегося юноши золотую корону, но и она не смогла затмить блеска золотых серег.

Первым молчание нарушил Дурьодхана, обратившийся к Дроне:

— Скажи, знающий законы, может ли теперь Карна состязаться с Арджуной?

— Теперь может, — отозвался Дрона.

Арджуна, пожав плечами, вышел на линию, образованную вкопанными в землю белыми камнями. Карна стал с ним рядом, выставив вперед правую ногу. Слуги почтительно подали одинаковые луки и колчаны со стрелами. Стало так тихо, что можно было услыхать трепетание крыльев бабочек, порхавших над зеленью луга. И в это время, ковыляя, к Карне кинулся старец. Прижимая голову юноши к бороде, он проговорил:

— Мой сын! Теперь ты царь, и я горжусь тобою.

Белое лицо Карны склонилось от стыда, как увядающий лотос. Он догадался, что сыном назвал его возничий Адхиратха, супруг воспитавшей его в сельской глуши приемной матери Радхи. С ее слов Карна знал, что Адхиратха выловил его, бывшего младенцем, в реке и принес приемной матери. Уже тогда на нем был неснимаемый панцирь и золотые серьги в ушах. Эти знаки благородного происхождения росли вместе с мальчиком, делая его неуязвимым. Но они не помогли ему открыть тайну своего происхождения и найти родителей. А теперь все знают, что он, Карна, сын простого возничего{331}.

Швырнув лук на землю, Карна бросился бежать. В открытом поле, утомившись, он остановился и увидел столб пыли, услышал шум шагов.

— Куда же ты бежишь, повелитель Анги! — еще издали кричал Дурьодхана.

И только тогда Карна поднял руку и нащупал на голове золотую корону, о которой забыл.

Приблизившись, Дурьодхана спросил:

— А верно ли, что ты в стрельбе из лука искуснее Арджуны?

— Да, это так, — ответил Карна.

У Дурьодхана глаза загорелись мрачным блеском.

— Тогда ты должен мне помочь убить Арджуну и его братьев. И я стану царем Хастинапура. Поклянись, что будешь моим другом и союзником!

Карна поднял голову. Сурья стоял в зените, меча на землю свои прямые, как правда, не дающие промаха золотые стрелы.

— Клянусь! — сказал юноша, протягивая руку.

И не признался Сурья, что он отец Карны, не удержал его от вражды с братьями Пандавами, от дхармы гнева.

Смоляной дом

Пылает дом, как факел смоляной,
А беглецы стоят у переправы.
В лес первобытный, словно в мир иной,
В который раз идете вы, Пандавы?
Не взявши, кроме дружбы, ничего.
Врагам оставив царство и столицу.
Встает восход, как короб лучевой,
Где вам дано для новых битв родиться.

Убедившись в том, что Бхима сильнее всех людей, а Арджуне нет равных в стрельбе из лука, Дурьодхана решил, что необходимо любым путем истребить Пандавов. Явившись к царю, он ему сказал:

— Отец! Объяви меня своим наследником. Ведь я твой первенец, плоть от плоти твоей.

Помолчав несколько мгновений, царь повернул к сыну лицо. Взгляд его был неподвижен.

— Нет, сын мой. Не могу я выполнить твою просьбу. Наследником трона по закону должен быть старший сын моего покойного брата. К тому же он пришелся по душе народу. Никто

не может пойти против воли народа.

Дурьодхана яростно сверкнул глазами, но сумел не выдать своего раздражения в голосе.

— Пусть будет так. Но тогда, отец, выполни другую мою смиренную мольбу.

— Какую?

— Удали из Хастинапуры Пандавов, хотя бы на год, чтобы я за это время мог добиться народного благоволения.

— Куда ты предлагаешь их послать?

— В Варанавату, в самый прекрасный город в мире.

Кивком головы царь дал сыну знать, что аудиенция окончена. Узнав у придворных о Варанавате, царь призвал к себе Пандавов и объявил им свою волю:

— Вам придется ненадолго покинуть столицу, чтобы отдохнуть от дел и забот в красивом месте.

Братья переглянулись, догадавшись, что Дурьодхана на этот раз сделал царя орудием своих козней, а дядя не догадывается о намерении своего негодяя сына.

— И возьмите с собою мать, — добавил царь. — Кунте должна понравиться Варанавата.

Пока братья собирали все необходимое в дорогу, Дурьодхана готовился к осуществлению коварного замысла. Вызвав своего слугу Пунчану, он ему сказал:

— Немедленно отправляйся в Варанавату. Сооруди под городом в живописном месте летний дом для отдыха моих братьев Пандавов. Пусть он будет из красной смолы и всего другого, что хорошо горит. Но сделай так, чтобы смолы не было видно и чтобы не ощущался ее запах.

Пунчана понимающе кивал головой. Он сразу догадался, что Дурьодхана хочет разом избавиться от Пандавов, чтобы занять отцовский трон.

Так словно по мановению ока на берегу реки близ Варанаваты появился большой дом с четырьмя богато обставленными залами. Его стены были из тростника и конопли, скрепленной смолой, обильно смешанной с топленым маслом, чтобы скрыть запах смолы.

Узнав о том, что смоляной дом построен, Дурьодхана приказал запрячь в колесницы быстрых, как ветер, коней. На них взошли Пандавы вместе со своей матерью, чтобы отправиться на отдых. Кауравы вышли их провожать.

— Да сопутствует вам, о потомки Панду, успех, — говорили они, и их умильные лица светились показной братской заботой.

Разумеется, и в Хастинапуре, и в Варанавате, куда прибыли Пандавы, нашлись кшатрии, а также брахманы, лишенные страха,

которые, высказывая беспокойство о судьбе юношей и их матери, стали отговаривать их от поселения во вновь отстроенном доме. Но старший из Пандавов Юдхиштхира, которого называли царем справедливости, обратился к своим доброжелателям со словом, полным достоинства и благородства:

— Наш долг исполнить волю царя, высокочтимого нашего отца и наставника. Вы же, наши друзья, обойдя нас слева и справа и обрадовав нас своими благословениями, возвращайтесь домой. Мы позовем вас, когда в этом будет нужда.

Горожане, обойдя Пандавов справа и слева, почтив их благословениями, разошлись. Но Видура, родственник и царский советник{332}, задержавшись, так сказал Юдхиштхире:

— Останется в живых тот, кто остерегается. Не будь слепцом, не ведающим своего пути, не различающим стран света.

После этого Пандавы вошли в дом, носивший название «Счастливый». Там их ожидали яства и напитки, прекрасные ложа и мягкие сиденья, а также слуги, угождающие гостям во всем. Прожив в доме десять дней, Юдхиштхира подозвал Бхиму и сказал ему:

— Мне кажется, что дарованное нам счастье пахнет топленым маслом и смолою. Очевидно, стены дома построены из конопли, камыша, бамбука и смешаны со смолою и топленым маслом. Нас хотят сжечь.

— Давай немедленно уйдем отсюда! — воскликнул Бхима.

— Не торопись, брат, — сказал Юдхиштхира, наделенный мудростью. — Нам необходимо здесь остаться, не подавая виду, что мы подозреваем что-либо неладное, и втайне готовиться к бегству. Если Пунчана отгадает наши намерения, он немедленно предаст дом огню и мы не успеем из него выбраться. Если же нам удастся выйти, нас убьют расставленные всюду соглядатаи. С этой ночи мы начнем рыть подземный ход, и об этом не должен догадаться никто из слуг, никто в городе.

Днем братья охотились и веселились, а ночью по очереди рыли туннель. Когда приблизилось время возвращения в столицу, Видура тайно прислал к Пандавам своего друга, опытного землекопа. Тот объявил им, что Пунчана подложит огонь к дверям дома в четырнадцатую ночь темной половины месяца. Затем землекоп предложил Пандавам свои услуги и продолжил рытье хода. В центральной части дома на уровне пола было выведено отверстие, прикрытое невидимой для постороннего глаза дверью.

С этого времени Пандавы, продолжая днем охотиться и веселиться, ночью спали с оружием в руках. За день до четырнадцатой ночи в дом явились нищие за подаянием. Среди

них была женщина с пятью сыновьями. Напившись хмельного, мать с сыновьями свалились. Их никто не заметил. В полночь Пандавы сами подожгли дом и скрылись. В пламени сгорел подлый Пунчана, злодей, собиравшийся сжечь безвинных и доверчивых Пандавов. С тех пор говорится: «Не поджигай чужого дома, сам сгоришь».

Утром на пожарище явились жители Варанаваты. Залив угли водою, они увидели обгоревшие трупы нищенки с ее пятью сыновьями. Так все уверились, что Пандавы вместе с их матерью сгорели. Оказав им погребальные почести, они уведомили царя, что пятеро Пандавов и их мать сгорели. На улицах и в домах Хастинапуры были потушены светильники. Не слышалось ни звука. Столица погрузилась в траур. Но во дворце втайне за пиршественным столом Кауравы отмечали свой успех. Теперь трон Хастинапура переходил к ним.

В дремучем лесу

В «Махабхарате» сообщается о двух пребываниях Пандавов в джунглях: первом, тайном, после их мнимого уничтожения и втором после проигранной игры в кости, когда Пандавы находились в изгнании. В описании обоих лесных периодов в жизни героев имеются те же эпизоды. Так, полностью повторяется рассказ о битве Бхимы с ракшасом, носящим одно и то же имя, и о том, как сестра ракшаса влюбилась в Волчебрюхого.

Когда Пандавы вместе с матерью вышли на берег реки, была ночь, освещаемая лишь заревом пылающего смоляного дома. Немного пройдя, беглецы увидели лодку с лодочником. Поприветствовав Пандавов, он объявил, что Видура приказал перевезти их на противоположный берег.

На том берегу простирался дремучий лес. Из-за матери, а также из-за усталости, вызванной бессонной ночью, беглецы не могли двигаться быстро. Тогда Бхима посадил на плечи мать, взял в охапку в каждую руку двоих братьев и двинулся, сгибая и ломая деревья, топча попадавшиеся на пути кусты. От быстроты движения у Пандавов кружились головы, и они едва не потеряли сознание.

Они вступили в места, изобилующие птицами и зверями. Но там было мало пищи и воды. Тогда Бхима, спустив мать и братьев на землю, сказал им:

— Отдохните здесь, а я поищу воды. Слышите сладостный крик журавлиный? А где журавли, там и вода.

Так Бхима по крику журавлей нашел озеро. Напившись и искупавшись, он принес воду в своем верхнем платье. Мать и братья тем временем заснули на голой земле, Бхима стал

охранять их сон.

Неподалеку от того места, где остановились Пандавы, обитал на дереве свирепый ракшас, безобразный и страшный. Он обнаружил спящих по сладкому человеческому запаху и, зевая огромным ртом, так сказал своей сестре:

— У меня текут слюни. Мой язык в вожделении облизывает рот. Восемь моих зубов обнажены. Вскоре я их всажу в нежное человеческое мясо и напьюсь вдоволь свежей крови. Иди же, сестра, узнай, кто там спит. Убей всех этих людей и принеси их тела мне.

Выполняя приказ брата, ракшаска отправилась к спящим Пандавам. Ее взгляд упал на охраняющего мать и братьев Бхиму, и она влюбилась в него, по своей красоте не имеющего равных на земле. Она подумала: «Этот темный и могучерукий, с плечами льва и шеей, подобной раковине, был бы мне подходящим супругом. Поэтому я не исполню приказа брата. Ибо любовь к супругу сильнее привязанности к брату».

Так ракшаска приняла прекраснейший женский облик и подошла к Бхиме, стыдливая, словно лиана:

— Меня послал брат, жаждущий вашего мяса. Но, увидев тебя, подобного бессмертным, я возжелала тебя. Полюби же меня, любящую, чья душа и тело ранены Камою, богом любви. Мы будем жить с тобою на неприступных горах. Будь же моим супругом, о безупречный.

— О чем ты говоришь? Разве муж, подобный мне, ушел бы, влюбленный, оставив мать и спящих братьев?!

Между тем людоед, видя, что сестра долго не возвращается, спустился с дерева и направился к Пандавам. Ракшаска ужаснулась:

— Сюда идет мой страшный брат. Скорее, о укротитель врагов, разбуди свою мать и братьев. Я захвачу всех вас и унесу по воздуху.

— Не бойся, прекраснобедрая, — сказал Бхима, вкладывая в голос сладость охватившей его любви. — Взгляни на мои красиво округлые руки, подобные хоботу слона, на бедра, подобные бревнам, на мою несокрушимую грудь. Ты сегодня увидишь мою силу, подобную мощи Индры. Не презирай меня за то, что я человек.

— Я не презираю тебя, о тигр среди мужей, — ответила красавица. — Но я видела, как ракшасы поступают с людьми.

Между тем людоед приблизился и увидел сестру в человеческом облике с лицом, похожим на полную Луну, с головой, увенчанной гирляндой цветов, с прекрасными глазами и локонами. Сразу поняв, в чем дело, он обратился к предательнице

с такой речью:

— Горе тебе, нечестивая! Ты позоришь славный род ракшасов. Домогаясь мужчины, ты причинила мне величайшую обиду. И я истреблю тебя вместе с этими человечишками.

С этими словами он кинулся на сестру, но его остановил грозный крик Бхимы:

— Стой! Остановись!

Медленно подступая к людоеду, Бхима сказал:

— Не подобает тебе убивать женщину. Подойди, сразись со мною. Сестра же твоя невиновна. Она не позорит своего рода, ибо повиновалась воле бога любви, пребывающего в каждой твари. Препятствуя ей, ты наносишь богу любви величайшую обиду. Сегодня я отправлю тебя в обиталище Ямы и освобожу от ужаса лес, который ты осквернял, поедая людей.

Слыша это, людоед в ярости протянул к Бхиме свою страшную лапу, но укротитель врагов быстрым движением схватил ее и поволок ракшаса с такой силой, как лев зайца или еще какую жалкую тварь. Он оттащил его далеко от места, где сладко дремали мать и братья, чтобы им не помешал шум боя. А шум поднялся огромный. Бросаясь друг на друга, Бхима и ракшас ломали огромные деревья и рвали лианы, словно гнилые нити. Так что несмотря на дальность расстояния братья услышали рев, грохот и проснулись.

Арджуна предложил Бхиме помощь. Но тот не принял ее. Пылая гневом, он схватил ракшаса и обрушил его тело на землю. Людоед испустил ужасающий рев. После этого Бхима поднял врага и переломил его на своем колене.

Почтив победителя, Арджуна вновь обратился к Волчебрюхому:

— Уйдем отсюда скорее, чтобы этот шум и рев не выдали нас Кауравам.

Братья отправились в путь вместе с матерью. С ними была и красавица, сестра убитого людоеда.

Сваямвара{333}

Немало других опасных встреч и приключений пришлось пережить Пандавам, скитавшимся по дремучим лесам, пока к ним не дошла весть, что царь северных племен Драупада собирает удальцов, чтобы из них его дочь могла выбрать одного себе в женихи и мужья.

Пандавы уже были в том возрасте, когда принято вступать в законный брак. Поэтому они вышли из леса и оказались на дороге в толпе торопливо идущих брахманов.

Один из брахманов обратился к юношам с вопросом:

— Кто вы и откуда идете?

— Мы единоутробные братья, — ответил Юдхиштхира за всех. — Идем же мы куда глаза глядят.

— Тогда идите ко двору Драупады. Там состоится большая сваямвара, где будет роздано много добра. У царя есть дочь Драупади. Мы идем взглянуть на нее и насладиться зрелищем небесной красоты.

— Мы пойдем вместе с вами, — сказал Юдхиштхира.

Так они вместе с брахманами достигли столицы Драупады, где поселились в доме горшечника. Там они стали вести образ жизни брахманов, собирая милостыню.

Вскоре наступило время сваямвары. Все жители города покинули свои дома, заполнив огромный луг к северо-востоку от города. На краю луга находился помост, видимый со всех сторон. Его окружили цари и царевичи. На возвышение один за другим поднимались скоморохи и плясуны, могучие атлеты, сказители. Все они веселили и поучали бесчисленную толпу. Наконец, на возвышение вступил сын Драупады с луком и стрелами в руках.

— Смотрите! — крикнул он. — Смотрите на этот лук и стрелы. Кто из вас, обладая высоким происхождением, прекрасной внешностью и силой, сумеет пропустить через отверстие мишени пять стрел, тому моя сестра Кришна{334} будет супругой.

Затем поднялся сам Драупада и на память назвал происхождение и заслуги явившихся на сваямвару царей, могучих героев, благородных быков — кшатриев. Все дивились памяти царя, удержавшей столько имен. Когда же толпа заволновалась, обнаруживая нетерпение, царь обратился к своей дочери с такими словами:

— Эти и многие другие владыки различных народов, славные на земле кшатрии, собрались, милая, ради тебя. Они будут стрелять в эту высокую цель. Того, кто ее поразит, ты сегодня же, прелестная, должна будешь избрать супругом.

И стали подниматься на помост юные мужи, высокомерно гордясь своим оружием и силой. По красоте, по достоинствам, по гордости они напоминали матерых слонов в брачную пору. Бросая друг на друга ревнивые взгляды, они то и дело восклицали: «Кришна — моя!» С неба же на них смотрели невидимые боги, также привлеченные невиданным зрелищем. По очереди цари подходили к луку, пытаясь его натянуть. Некоторые были отброшены луком и лежали на земле недвижимые. Другие отделались ушибами, разбитыми браслетами, сломанными серьгами. Никому не удалось натянуть тугой тетивы{335}.

«Неужели прекрасная принцесса не найдет себе мужа? Неужели она останется старой девой?» — спрашивали друг друга люди в толпе. Все глаза обратились к царю. Поднявшись, Драупада объявил во всеуслышание:

— Цари и царевичи не смогли выполнить моего условия. Не хочет ли испытать свои силы кто-либо из народа? Победителю достанется моя дочь.

Из толпы вышел Арджуна в одежде брахмана. Среди кшатриев, окруживших помост, раздался ропот. Юноша на вид казался сильным. Но какой надо обладать дерзостью, чтобы браться за дело, которое не смогли выполнить цари и царевичи! Неохотно расступились кшатрии, пропуская Арджуну к помосту.

Он же, словно дразня царей, не сразу взялся за лук. Он сначала замер перед ним, как утес. Затем стал совершать вокруг лука круг слева направо{336}. В момент обхода он внезапно схватил лук, наложил на него стрелу и пустил ее в мишень. Стрела пролетела через отверстие и упала по ту сторону мишени. За товаркою последовали еще четыре стрелы. И в это же мгновение на голову победителя боги пролили ливень цветов. Люди срывали с себя одежды и размахивали ими, как флагами. Загремели сотни инструментов и барабаны.

Но вот все замерло и стихло. Кришна в белом покрывале и с гирляндой цветов в руках двинулась навстречу Арджуне.

В это время раздался шум. Соперники Арджуны, пылая гневом, кричали:

— Нельзя нарушать «Веды». У брахмана нет права на такой брак, при котором дева может сама выбрать себе супруга. Если она не желает выбрать никого из нас, бросим ее в огонь.

Слов показалось мало. Многие бросились с оружием на Драупаду и избранника Кришны. Но Бхима, вырвав из земли дерево и мгновенно очистив его от ветвей и листьев, преградил царям дорогу. И тут всем стало ясно, что защитник счастливца не кто иной, как Бхима Волчебрюхий. Ведь никому другому не удалось бы вырвать дерево из земли, как тростинку. Значит, счастливчик — брат Бхимы Арджуна, и где-то в толпе должны быть еще два брата. И, несмотря на это, нашлись такие, которые попытались помешать увести царевну. Их возглавил Карна, но Бхима отбил нападение.

Так Кришна увенчала своего избранника. Драупада, узнав, кто жених его дочери, был счастлив сверх меры. Он пригласил всех Пандавов и их мать во дворец.

Наконец они смогли отдохнуть после долгих скитаний. Но их отдых показался Драупаде чрезмерно долгим. Представ перед Пандавами, царь сказал:

— Пусть же могучерукий Арджуна возьмет сегодня же руку моей дочери, чтобы в благоприятный день было устроено празднество.

К удивлению царя, вперед выступил Юдхиштхира:

— Но ты забыл обо мне, владыка народов, — сказал он. — Мне тоже надо жениться.

— Тогда возьми ее руку ты. Я не против, — отозвался царь.

— Ты меня не понял, царь, — сказал Юдхиштхира, почтительно склонившись. — Кришна будет супругою не одному Арджуне, но всем нам. Так было заранее решено нашей матерью. Таков и наш уговор.

Царский совет

Сцена царского совета представляет интерес своей оценкой царской власти. В совете принимают участие не только царевичи, но и другие придворные. Решающее слово в военных вопросах принадлежит главнокомандующему. Окончательное решение после того, как высказаны все мнения, принадлежит царю. Оно не может быть никем оспорено.

Безусловно, эта глава «Махабхараты» характеризует состояние царской власти времени записи поэмы, а не эпохи, к которой относится ее действие, когда царь выбирался народом и был главнокомандующим.

Лазутчики Дурьодханы сообщили ему, что Пандавы не только живы, но и породнились с Драупадой, могущественным из царей. Во дворце Хастинапуры сразу же был совет, на который явились не только Кауравы, но и их союзники.

В глубоком молчании было выслушано сообщение о том, что Пандавы, выйдя из леса, в котором скрывались несколько лет, сумели взять верх над всеми, кто хотел стать мужем царской дочери Кришны и стали ее мужьями. Теперь в их распоряжении все богатства Драупады и его войско.

— Надо немедленно напасть на Пандавов, — предложил храбрый Карна, как только Дурьодхана кончил говорить. — Ведь они, собирая мед любви, не готовы к схватке.

— Я с этим согласен, — сказал Дурьодхана.

— А я нет, — возразил Бхишма{337}, сидевший по правую руку от слепого царя. — Никто из вас не сможет меня заподозрить ни в трусости, ни в незнании военного дела. Никому еще не удавалось одолеть меня в честном бою. Но я считаю, что Пандавов нельзя победить. К тому же я счастлив, что живы они и их благородная мать. Прекрасно, что Пунчана не исполнил своего злобного намерения и наказан за него смертью.

— Я согласен с Бхишмой, — сказал Дрона. — Пусть к Драупаде отправится какой-нибудь правдоречивый гонец и объявит Пандавам, что ты, о царь, и Дурьодхана счастливы, узнав,

что они живы, и поздравит их с женитьбой. Пусть восторжествует справедливость.

— Да! Да! — подхватил Видура. — Пусть восторжествует справедливость. Но для этого Пандавов надо пригласить в Хастинапуру и разделить царство между ними и Кауравами.

— О чем ты говоришь! — выкрикнул Дурьодхана, не дав Видуре закончить мысль.

— Видура прав, — сказал до этого молчавший слепой царь. — Я давно считал, что только раздел царства восстановит мир. Могучие Пандавы, воины, сражающиеся на колесницах, согласно закону являются и моими сыновьями. Царство, доставшееся мне после смерти брата, принадлежит как моим сыновьям, так и Пандавам. Ступай же, Видура, и приведи их вместе с матерью и супругой Кришной, одаренной божественной красой. Пандавы получили дочь Драупады по воле судьбы, по воле судьбы сгинул Пунчана. Я счастлив по воле судьбы.

Посольство

Глава интересна тщательно разработанным ритуалом сношений между полноправными царями. Видура, зная отношение Кауравов к Пандавам, ибо он спас последних от уготованной им гибели, в качестве посла обязан выразить радость по случаю спасения всех царедворцев и подкрепить ее вещественно — драгоценными дарами. Царю Драупаду принадлежит окончательное решение отпустить или не отпустить зятьев, ибо ничего не может делаться в царстве без согласия восточного владыки, который держит в своих руках все нити правления и распоряжается судьбой каждого из своих подданных.

В то утро Драупада, сидя на золотом троне, принимал посла Хастинапуры. По обе стороны стояли сыновья и советники царя в парадных одеяниях и среди них царские зятья Пандавы.

Почтительно сложив ладони и приложив их ко лбу, Видура осведомился о здоровье царя.

— Я здравствую! — сказал царь, отвечая на приветствие. — А как твое здоровье, благородный посол? Не трудна ли была для тебя дорога?

— Я здоров, — отвечал Видура. — Дороги в твоем царстве прекрасны и хорошо охраняемы.

После этого обмена приветствиями Видура подошел к Пандавам и обнял каждого из них в порядке старшинства.

— Как ваше здоровье, о сыновья Панду? — обратился он к ним.

— Мы здоровы! — ответили Пандавы все разом.

— Счастливы ли вы? — еще раз спросил посол.

— Да, мы счастливы! — ответили Пандавы.

После этого Видура дал знак посольским слугам, и те тотчас

же поставили перед ним сундук из благовонного дерева. Видура изволил поднять крышку. Зал наполнился блеском драгоценных камней. Доставая свадебные дары, посол объяснил, что они переданы Кауравами для Пандавов, для их благородной матери, да продлятся ее годы, для супруги Кришны, да будет нетленна ее красота, для братьев, сыновей Драупады, да будут могучи их руки и меток глаз.

После этой церемонии, которой, казалось, не будет конца, ибо многочисленны были дары, посол обратился к Драупаде:

— Слушай, о царь, вместе со своими советниками и сыновьями мою речь. Владыка Хастинапуры вместе со своими сыновьями, советниками и друзьями многократно интересовался твоим здоровьем. И он весьма доволен родством с тобою, о владыка людей. О твоем здоровье спрашивал также великомудрый Бхишма вместе со всеми Кауравами. Также и Дрона, могучий стрелок из лука, передал, что он обнимает тебя и желает здоровья. Разреши же, о царь, Пандавам отправиться в Хастинапур. Ведь Кауравы очень торопятся увидеть сыновей Панду. И думаю, не ошибусь, если скажу, что и Пандавы, эти быки среди мужей, рады увидеть свой город. Также и жены всех Кауравов жаждут узреть царевну Кришну. Поэтому вели Пандавам вместе с их супругой отправиться без промедления. В этом цель моего посольства, о царь. Когда ты отпустишь благородных Пандавов, я отправлю в Хастинапур скороходов. Затем Пандавы вместе со своей матерью и Кришной возвратятся к себе.

Вызов

Вновь построенный дворец Юдхиштхиры во всем был подобен дворцу богов на небесах, разве только он не двигался, колеблемый ветром. Впрочем, в этом не было нужды, ибо к нему, прочно стоящему на семи опорах, стремился весь мир. Купцы с товарами надеялись найти покупателей, цари с дарами шли в надежде заключить союз, ученики направлялись за мудростью, нищие за подаянием, а кто приходил просто полюбоваться на небесную красоту.

Никому здесь не было отказа. Ибо старший из Пандавов мог насытить десять тысяч брахманов рисом, сваренным на молоке и сдобренным топленым маслом, одарить их неношеными одеждами, дать каждому из них по тысяче коров. Поэтому, входя во дворец, брахманы восклицали: «Счастлив этот день!»

Царя, царственных гостей, бесчисленных мудрецов, восседающих вместе с Пандавами, увеселяли силачи, плясуны, сказители и певцы, девы, искусные в плясках и музыке. Все они распевали дивными голосами, услаждая слух Пандавов и гостей. Мужи, строгие в обете и вере, прислуживали Юдхиштхире, подобно тому как на небе боги прислуживают Брахме.

Однажды дворец посетил Дурьодхана вместе со своим дядей Шакуни. Подойдя к хрустальному кругу в центре дворца, Дурьодхана принял его за пруд и стал раздеваться для омовения. Слуги ему указали на ошибку. В другом месте дворца он набрел на пруд с кристально чистой водой. Приняв его за хрусталь, он сделал шаг и провалился по горло в воду. Юдхиштхира приказал дать ему новую одежду. Но слуги не могли удержаться от смеха. Этого злопамятный Дурьодхана не мог простить Пандавам, решив, что они над ним издевались.

Возвращаясь домой, он все время тяжко вздыхал.

— Чем ты взволнован, царь? — спросил Шакуни.

— Ты еще спрашиваешь! — воскликнул Дурьодхана. — Кто может спокойно вынести зрелище преуспевания недругов? Я сгораю от стыда! Пандавы владеют всей землей. Они процветают, как лотосы в воде! Мужчине лучше умереть, чем это видеть!

— Не огорчайся, царь, — сказал Шакуни. — Разве у тебя нет помощников! Ведь твои братья — могучие воины. Нет равных им в битве на колесницах. На твоей стороне Дрона, меткий стрелок из лука Карна, я вместе с моими братьями, а также могучий Бхуришраваса. Объединившись с такими союзниками, ты покоришь весь мир.

— Это так, — согласился Дурьодхана. — Но как сделать,

чтобы я и те, кто со мною, ничем не рисковали? Что ты на это скажешь, мой мудрый дядя?

— У меня есть план… — отозвался хитрец. — Старший сын Кунти — большой охотник игры в кости, но секретами ее не владеет. Мне же нет равного в этой игре не только на земле, но и во всех трех мирах. Поэтому вызови Юдхиштхиру на игру в кости, а играть вместо тебя буду я. Тогда без всякого риска царство Пандавов, все их богатство окажется у тебя, о бык среди людей!

— Твой план превосходен! — воскликнул Дурьодхана. — Мы немедленно отправляемся к Юдхиштхире, где отдадим тебе в руки наше счастье.

О намерениях Дурьодханы вступить в игру узнал Видура. Он обратился к Юдхиштхире со следующими словами:

— Игра в кости — корень несчастий, особенно если в них участвуют такие люди, как Шакуни, постигший тайну игральных костей и обладающий большой ловкостью рук.

— Это так, — согласился царь. — Но ведь все находится под властью судьбы. Я не хочу играть с Шакуни, но если он бросит мне вызов, я никогда не откажусь, чтобы не уронить своего достоинства.

В тот же вечер в столицу прибыли Кауравы и были отведены в предназначенные им дома. Исполнив ежедневные обряды и умастив свое тело дивным сандалом, насытившись вкусной пищей, они вошли в свои покои и под сладостные звуки женского пения погрузились в сон.

Приятно проведя ночь, они вошли в прекрасный дворец, где уже собралось много людей. По жадному блеску их глаз и трясущимся рукам было видно, что они из той худшей и несчастной из человеческих пород, имя которой — игроки.

У Шакуни руки не тряслись. Твердым был и его взгляд. Обращаясь к Юдхиштхире, он сказал:

— Зал собраний полон, о царь! Эти люди ожидают мгновенья, чтобы сыграть. Так пусть же будут брошены кости!

— Я сам люблю эту игру, — сказал старший из Пандавов. — Но игра должна быть честной.

— На это наши глаза. Ведь каждый сможет наблюдать игру, каждый знает ее правила. Так сыграем в кости, о царь. Не бойся! Делай ставку!

Игра

— Вот моя ставка! — сказал старший из Пандавов. — Бесценный жемчуг, добытый при пахтанье Океана. А что ставишь ты, брат мой?

— И у меня есть драгоценные камни, — сказал Дурьодхана. — Вот моя ставка.

Тогда Шакуни, знаток игры, взял кости и бросил их.

— Выиграл, — сказал он.

— Не гордись, — сказал Юдхиштхира. — Я повышаю ставку. Сто сосудов по тысяче золотых монет, золото и серебро в слитках. Вся моя сокровищница.

По столу застучали кости.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Вот колесница, покрытая тигровой шкурой, с отличными колесами. Ее грохот напоминает раскаты грома и шум Океана. Восемь запряженных в нее коней одной масти. Их копыта не касаются земли{338}.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Вот моя ставка, — проговорил Юдхиштхира, — тысяча возбужденных слонов с бивнями, подобными дышлам плуга. Вместе с восьмью тысячами слоновьих самок, вместе с золотыми подпругами, золотыми гирляндами{339}.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Сто тысяч юных рабынь, искушенных в пляске и пении, с золотыми ожерельями вокруг шеи, в одеяниях, умащенных сандалом.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

— Остановись, царь! — вмешался в игру Видура. — Послушай, что я тебе скажу, хотя услышанное может и не пригодиться, как умирающему лекарство. Уже давно в твоем доме живет шакал{340}, которому суждено стать причиной гибели рода Бхаратов. Это Дурьодхана. Разве ты не видишь, что игра, которую он ведет плутовскими руками Шакуни, — обман?

— Вот твой язык выдал тебя, Видура, — молвил Дурьодхана. — Не вмешивайся в чужие дела.

— Ты много проиграл, — сказал Шакуни. — Есть ли у тебя, о Юдхиштхира, что-нибудь не проигранное.

— Да, у меня есть неисчислимое количество скота и коней, молочных коров, козлов и овец{341}. Вот моя ставка!

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

Изменившись в лице, Юдхиштхира сказал:

— У меня есть город, страна и земля вместе с их достоянием, исключая то, что принадлежит брахманам, и сами люди, кроме брахманов{342}. Вот моя ставка.

И снова застучали кости. Снова Шакуни, прибегнув к обману, возгласил:

— Я выиграл.

— У меня есть братья, я же старший из них. Побежденные в

игре, мы будем исполнять все, что угодно господам.

— Я выиграл, — сказал Шакуни.

Юдхиштхира сидел, потрясенный проигрышем. Шакуни же сидел, потирая руки, ловкостью которых он взял то, что Кауравам никогда бы не добыть в честном бою.

— Не горюй, о Юдхиштхира. У тебя есть еще одна ставка, и ты можешь отыграться. Поставь Кришну, царевну Панчалы.

— Да, я ставлю ее, — сказал Юдхиштхира. — Не маленькую и не высокую, не слишком темную и не румяную, с глазами, подобными лепесткам осеннего лотоса{343}, с талией тонкой, как алтарь{344}, длинноволосую, с не слишком густым пушком на теле, увы, я ставлю на кон.

Едва были произнесены эти слова, как послышались голоса старцев: «Позор! Позор!» И собрание заволновалось. Среди царей поднялся ропот. У Бхишмы и Дроны на лбах выступил пот. Видура схватился руками за голову. Дурьодхана, до этого сдерживавший себя, подскочил к играющим. У Карны хлынули из глаз слезы. Тогда и послышался возглас Шакуни:

— Я выиграл.

Пока Шакуни собирал и прятал кости, Дурьодхана, издевательски улыбаясь, обратился к Видуре:

— Ступай приведи сюда Драупади высокочтимую супругу Пандавов. Пусть она немедленно явится с метлой и подметет пол. Пусть она займет место среди рабынь.

— Глупец! — воскликнул Видура. — Ты сам не видишь, что висишь над пропастью. Будучи мелюзгой, ты приводишь в ярость тигров. У тебя на голове клубок ядовитых змей. Драупади не может быть рабыней, ибо она была поставлена на кон после того, как Юдхиштхира уже не принадлежал сам себе. Умерь свою жадность. Знай, что даже сосуды из тыквы могут идти на дно, а камни плавать.

Пока Видура все это говорил, Дурьодхана дал знак своему гонцу, и тот отправился в покои супруги Пандавов. Отыскав ее, гонец сказал:

— Твой супруг проиграл тебя в кости. Теперь ты принадлежишь Дурьодхане и должна ему прислуживать, как рабыня:

— Не лги, несчастный! — воскликнула Драупади. — Не станет царевич играть на свою супругу. Разве у него не было других ставок?

— Не было, — ответил посыльный. — Ведь он сначала проиграл все свои богатства, все свое царство, своих братьев и самого себя. Ты, о высокочтимая, была его последней ставкой.

Услышав это, Драупади бросилась туда, где находились

женщины слепого царя. Посыльный, погнавшись за ней, настиг ее и поволок за волосы в зал собраний.

С растрепанными волосами, в наполовину спустившемся одеянии оказалась Драупади перед мужами в зале собраний. Сжигаемая гневом, она произнесла слабым голосом:

— Да падет позор на всех вас! Неужто погиб нравственный закон потомков Бхараты? Где обычаи кшатриев? Вы все наблюдаете беззаконие и молчите!

Мудрецы сидели опустив головы. Видя, что и супруги Драупади молчат, посыльный вновь схватил несчастную за волосы и потащил по полу. Кауравы же кричали: «Рабыня! Рабыня!»

— Твой вопрос сложен, — обратился к Драупади Бхишма. — Конечно же, не имеющий богатств не может ставить ставку в игре. Но верно также и то, что жены должны всегда подчиняться мужьям. Не исключено, что твоему супругу не следовало вступать в игру, но он вступил в нее добровольно.

— Постой, — крикнул Бхима. — Ведь Драупади и наша жена. Не имел Юдхиштхира права играть на нее.

— Замолчи, Бхима! — воскликнул Арджуна. — Не нарушай закона сам. Никто не смеет оспаривать воли старшего брата.

— Я не понимаю, о чем идет речь, — сказал какой-то мудрец. — Женщине определен богами только один супруг. Если же у нее их несколько, она должна рассматриваться как нечестная женщина. Вполне законно, что ее привели к нам одетой или голой, все равно.

И пока шел этот спор знатоков закона, стояла Драупади в зале собраний без верхнего одеяния, дрожа, как лист смоковницы, протягивая руки к своим мужьям. Видя, что спор затянулся, Дурьодхана дал знак, чтобы с его новой рабыни совлекли сари. Один из Кауравов схватил за конец сари и потянул к себе. Дурьодхана дико захохотал. Многие закрыли лица ладонями, чтобы не видеть позора. И вдруг хохот оборвался. Сколько ни тянул негодяй сари, ему не было конца. Материя закрыла весь пол зала, уже скрыла с глаз того, кто тянул.

И в это время послышался громовой голос Бхимы:

— Запомни этот день, Дурьодхана! Клянусь перед всем собранием, что я убью тебя вот этими руками. Убью я того, кто коснулся рукою волос нашей супруги.

Пандавы и их мать покинули зал. Они уходили в дремучие леса. Драупади последовала за ними.

В Хималаях

Близился тринадцатый год изгнания Пандавов. Братья все время были вместе, и не осталось для них незамеченным, что Юдхиштхира все чаще и чаще погружается в раздумье. С его светлого лба не исчезала глубокая складка. Однажды Юдхиштхира поделился своими заботами.

— Кончается двенадцатый год нашего изгнания, и тебе, Арджуна, придется отправиться в Хималаи.

— Зачем? — удивился Арджуна. — Здесь нам хорошо. И к чему разлучаться?

— Шива, обитающий в царстве вечной зимы, должен дать нам оружие.

— А чем плохо наше? — спросил Бхима. — Да и без оружия я могу сразиться с кем угодно!

— Путь к царству лежит через поле боя, — сказал Юдхиштхира.

— Лучше остаться здесь, чем рисковать жизнью, — вставила Драупади. — У наших братьев Кауравов сильная и многочисленная армия. Мы же одни.

— Поэтому нам и необходимо оружие Шивы, — твердо сказал старший из Пандавов. — Арджуна должен немедленно покинуть нас и вернуться с оружием.

На следующее утро Арджуна, простившись с братьями и нежной Драупади, двинулся в путь. Много опасностей, много приключений было у него на этом пути. Но вот все позади. Показались высочайшие снежные горы, при одном виде которых захватывает дух. Царство вечной зимы, обитель злых духов, готовых свернуть шею любому, кто посягнет на их владычество.

Послышался шум продирающегося через чащу зверя. Арджуна снял с плеча лук и, наложив на дугу стрелу, остановился, готовый к любым неожиданностям. На него двинулся дикий бык. Стрела не дала промаха, и зверь рухнул на землю. Подойдя ближе, он, к своему удивлению, заметил в туше две вошедшие по самое оперение стрелы.

Подняв голову, Арджуна увидел выходящего из леса горца и рядом с ним молодую женщину. В руках у мужчины был лук такой величины, что оружие самого Арджуны казалось рядом с ним игрушкой.

— Это моя добыча! — сказал незнакомец, попирая ногой тушу.

— Почему ты так думаешь? — удивился Арджуна. — Ведь я выстрелил первым.

— Нет, это я выстрелил первым! — настаивал горец.

— Но кто ты? Как ты здесь оказался? — спросил Арджуна.

— Я — Кирата{345}, охотник. Это мои горы, мой лес, и бык

тоже мой.

— Что ни говори, — проговорил Арджуна раздраженно, — но добыча принадлежит выстрелившему первым. Бык мой!

— Но владеть им буду я! — сказал горец.

— Тогда померяемся силой! — грозно произнес Арджуна. — Защищайся! Я буду сражаться с тобою и докажу, что я сильнее. — Жена Кираты отошла, и мужчины взялись за луки. Они были прекрасными лучниками, но ни один не смог поразить другого стрелой. Тогда взбешенный Арджуна отбросил лук и подступил к своему противнику с голыми руками. Оба были сильными людьми, и не один не смог одолеть другого. Перед тем как снова броситься на Кирату, Арджуна взглянул на него.

— Что ты за человек? — спросил Арджуна, и внезапно между глаз на лбу Кираты вспыхнул луч света, ослепив и одновременно озарив догадкой{346}.

— Ты Шива! — воскликнул сын Панды, падая к ногам мнимого Кираты.

— Да, я Шива! — признался великий бог. — Как ты не понял этого сразу? Ведь кто другой, кроме меня, мог бы соперничать с тобой в искусстве стрельбы?

Вручая Арджуне лук, Шива сказал:

— Вот Аджагава, которая делает непобедимым! Прими, могучерукий, это оружие и облегчи им землю{347}.

Арджуна хотел поблагодарить благого бога, но черты Шивы стали растворяться в воздухе. На глазах Арджуны исчезла и спутница Шивы. Арджуна так и не сумел как следует разглядеть ту, которая имела много имен, называясь то Дэви, то Парвати, то Ума.

Поднявшись с колен, Арджуна понесся вниз с такой быстротой, что его не мог бы догнать самый быстроногий из ракшасов. Впрочем, мысль гнаться за ним не могла бы теперь прийти никому в голову. Ведь в руках Арджуны Аджагава, лук самого Шивы.

Озеро смерти

Соединившись, братья решили вернуться в царство Вираты. Ведь тринадцатый год их изгнания был на исходе, а лук Шивы давал надежду на победу в битве с Кауравами, которой вряд ли удастся избежать.

Было самое жаркое время года. Солнце пекло невыносимо. Взятые с собою запасы воды иссякли, и надо было искать источник или реку. Юдхиштхира приказал младшему из братьев Сахадеву забраться на дерево, чтобы взглянуть, нет ли

поблизости реки.

— Я вижу озеро! — послышалось с верхушки дерева. — Разреши, брат, я разведаю к нему путь.

— Спускайся и иди! — приказал старший из Пандавов.

Юность быстра на подъем, на спуск, на движение. Зная направление, в котором находилось озеро, юноша вскоре его нашел и, как ему было сказано, тщательно осмотрел берега. Не заметив не только людей, но даже животных на водопое, Сахадева спустился в воду. Сверху она казалась голубой, а вблизи имела черный отлив.

И в это время он услышал человеческий голос с хрипотцой, как у простуженного:

— Не пей, пока не ответишь на мои вопросы.

Голос исходил из пустоты. Оглянувшись, он увидел аиста, стоявшего у берега на одной ноге. Решив, что ему померещилось, Сахадева зачерпнул глиняной кружкой воды и, выйдя на сушу, с наслаждением ее выпил. И в то же мгновение упал бездыханным.

Долгое отсутствие Сахадевы начало волновать братьев, и они решили пойти на розыски, оставив Юдхиштхиру с Драупади. Они вышли к другому месту озера, чем Сахадева, и, прежде чем разделиться для обхода озера, решили утолить жажду. И они услышали предупреждение не пить до ответа на вопросы, и также ему не вняли и упали мертвыми.

Затем на поиски мужей отправилась Драупади. Ей удалось выйти на берег в таком месте, где она сразу увидела тех, кого искала, как ей сначала показалось, спящими. Подойдя ближе и пытаясь их разбудить, она с ужасом поняла, что они мертвы, и закричала. Услышав голос, Юдхиштхира, как договорились, пошел на него. Драупади же, взяв кружку Сахадевы, зачерпнула воды, чтобы напиться. Ее также предупредили, чтобы она этого не делала, но в горе Драупади не обратила внимание на сказанное и напилась.

Юдхиштхира увидел трупы братьев и Драупади, лежащими на некотором расстоянии друг от друга. Странно было то, что на телах не было ран. Юдхиштхира поднял с земли глиняную кружку, и в то же время услышал:

— Ты не должен пить, пока не ответишь на мои вопросы.

Юдхиштхире стало ясно, что говорил аист. Он уже вышел из воды и шагал навстречу старшему из Пандавов.

В других обстоятельствах говорящая птица могла бы повергнуть Юдхиштхиру в изумление, и он сам утратил бы речь. Но неожиданная смерть братьев и Драупади так его потрясла, что он как ни в чем не бывало пошел навстречу аисту и вступил с ним в беседу:

— Видимо, ты наказал моих братьев и мою супругу, почтеннейший! В чем была их вина?

Аист сказал, вытягивая длинную шею:

— Я им разрешил пить воду только после ответа на мои вопросы. Они же не захотели меня слушать, и вот они умерли, утолив жажду водою смерти.

— Очень жаль, что меня не было с ними, — сказал Юдхиштхира сокрушенно. — Они молоды и нетерпеливы. Что касается меня, то я вступил бы в беседу с тобою, лишенному в этой глуши достойного тебя общения, и лишь потом напился.

Птица издала горловой звук. Видимо, ее что-то возмутило в этих словах.

— Прости меня, — сказал старший из Пандавов. — Но я не хотел тебя обидеть, предположив, что могу удовлетворить твое любопытство.

— Отвечай! — разгневанно прокричала птица.

Вопросы аиста показались Юдхиштхире несложными, и он ответил на них с той же легкостью, с какой щелкал орехи.

Когда был дан ответ на последний вопрос, аист растворился в воздухе, и на его месте появился Яма собственной персоной.

— Ты и впрямь мудрец, — похвалил бог смерти Юдхиштхиру. — Я уже слышал об этом от тех, кого ты безвременно отправил в мое царство. Но лучше убедиться, чем пользоваться слухами. Храни же свою жизнь и шагай путями дхармы к победе.

Яма взмахнул рукой, и братья зашевелились, потягиваясь, словно после сладкого сна. Драупади же бросилась к супругу и проговорила:

— Я уснула, тебя не дождавшись!

Юдхиштхира повернулся, чтобы поблагодарить Яму, но он исчез.

Индра и Карна

Видя, как Юдхиштхиру терзает страх перед Карной, Индра ему сказал:

— Не бойся! Я избавлю тебя от страха!

И стал Индра наблюдать за могучим противником Пандавов. Увидев Карну, одаривающего брахманов, он принял облик брахмана.

— Добро пожаловать! — приветствовал Карна гостя. — Что тебе подарить? Женщин с золотыми ожерельями на лебединых шеях или деревни с тучными стадами?

— Мне не нужно ни женщин, ни деревень, — ответил

Индра. — Одари этим других. А для меня, безупречный, срежь серьги, знак своего происхождения, и панцирь, в котором ты родился и вместе с которым рос.

— Нет! — решительно произнес Карна. — Бери землю, женщин, коров и жертвенной пищи на много лет, но только не серьги и панцирь. Да будет тебе известно, что они вышли из амриты и потому неуязвимы для людей.

Не принял странный брахман этого щедрого дара и снова требовал себе панцирь и серьги. Тогда Карна понял, кто перед ним, и проговорил с улыбкой:

— Узнаю я тебя, владыка богов, ибо кто другой мог бы настаивать, получая отказ. Скажи мне, зачем тебе эти вещи, дорогие мне с детства, если ты сам можешь одарить ими любого?

Индра молчал, но в глазах его светилась непреклонная воля.

— Я согласен, — продолжал Карна. — Бери эти вещи, если тебе этого хочется, но взамен исполни мое желание.

Индра понял, что своей настойчивостью он выдал себя. И это было ему неприятно.

— Не иначе бог Солнца, твой отец, предупредил тебя, что я явлюсь, — сказал он. — Иначе ты уступил бы мне. Но я готов на мену. Выбирай из всего моего, что хочешь, кроме Виждры{348}.

— Тогда подари мне копье Амогху.

Владыка земли, подумав, ответил:

— Пусть будет так. Возьми мое копье, которое губит врагов сотнями, а потом само возвращается ко мне. Но оно сможет поразить лишь одного из твоих недругов, могучего и грозного, чей клич вызывает ужас. А потом вернется ко мне.

— Мне и нужно поразить одного грозного врага, чей клич подобен грому! — воскликнул Карна.

— Пусть он будет сражен! — вставил Индра.

— Но как я передам тебе серьги и панцирь? Как я отделю их от тела, не обезобразив его ранами?

— Не беспокойся! — успокоил Индра своего собеседника. — Тело твое останется таким же прекрасным.

После этого Карна принял из рук Индры сверкающее копье, и, отложив его, взял свой меч, и просунул его острие в пространство, где панцирь смыкался с телом, и сделал надрез. Все, кто за ним наблюдал, закричали в ужасе. Но Карна, как ему было обещано, не ощутил боли. Меч входил все глубже и глубже, пока его конец не вышел с противоположной стороны панциря. Затем Карна срезал серьги.

Индра, уходил с еще влажным от крови панцирем и серьгами. Теперь он знал, что возлюбленные им Пандавы победят.

У Кришны

Главный герой этого сюжета бог Кришна считался воплощением бога Вишну (наряду с Рамой). Современные ученые допускают, что за образом Кришны («Черный») стояло реальное историческое лицо, правитель одного из неарийских племен, на что, возможно, указывает имя.

Согласно мифам Кришна был первоначально пастухом. При звуке его свирели все пастушки, бросая своих мужей и домашние дела, стремглав бежали к Кришне и вступали с ним в брак. Первым подвигом Кришны было убийство демона Кансы, воплощения лесного пожара. Затем он защищает город Матхуру от демонов, мстящих за Кансу. Соорудив за одну ночь город Двараку, он переводит туда всех жителей Матхуры.

Кришна — родственник Арджуны (он женат на его сестре) и, видимо, поэтому сочувствует Пандавам. Но это сочувствие скрыто за позой беспристрастности. Давая сделать Дурьодхане выбор первому, он обрекает его и Кауравов на погибель.

Все было готово для битвы, но у Арджуны еще не было полной уверенности в победе, и он сказал братьям:

— Схожу-ка я к Кришне и попрошу его нам помочь. Если он будет на нашей стороне, нам нечего опасаться.

— Прекрасная мысль! — воскликнул Юдхиштхира. — Иди немедленно.

Вот и Дварака, столица подвластного Кришне племени ядавов, созданная по его приказу за одну ночь. Дворец новоявленного Вишну выделялся величиной, и Арджуна сразу направился к нему. Ворота были на запоре. Страж спросил посетителя о цели его прибытия и удалился. Вскоре он возвратился и сказал:

— Кришна спит. Можешь войти и дожидаться его пробуждения.

Слуга, сопровождавший Арджуну, ввел его в богато украшенные покои. Первым, кого увидел Арджуна, был Дурьодхана, сидевший в головах постели, там, где находился трон, блиставший драгоценными камнями. Арджуна понял, что хорошая мысль, подобно прекрасной женщине, никогда не улыбается одному избраннику.

Кришна раскинулся на ложе из сандалового дерева. Одеяло было из чистого золота. Арджуна и Дурьодхана ожидали молча, не глядя друг на друга.

Прошло немало времени, пока Кришна пошевелился и открыл глаза. Взгляд его, естественно, упал на Арджуну, сидевшего в ногах. Но, услышав голос Дурьодханы, бог обернулся.

— Я прибыл первым, — начал царь. — И должен пользоваться преимуществом. Я пришел просить о помощи в войне.

— Да, ты пришел первым, — согласился Кришна. — Но я первым увидел Арджуну. Однако я буду справедлив к обоим. Одному из вас я могу дать свою армию, другому — служить сам

как колесничий, без оружия в руках. Дурьодхана! Ты пришел первым, поэтому выбор за тобой.

— Я выбираю армию! — проговорил Дурьодхана, не думая.

Ведь он знал, что армия Кришны, набранная из племени ядавов, лучшая в Индии.

— Поздравляю тебя с этим выбором! — сказал Кришна, улыбаясь одними губами. Но глаза его как-то странно блеснули.

Не подумал Дурьодхана о том, что самая сильная армия ничего не стоит, если ее кумир и предводитель на стороне противника. Не знал он о том, что там, где Кришна, там победа.

Перед битвой

На заре огромное поле Куру, на которое раз в месяц спускаются боги и мудрецы для принесения жертв, было занято двумя выстроившимися друг против друга армиями.

И готовы уже были к сражению братья Пандавы, поднялись они уже на свои сверкающие колесницы и подготовили к бою свое могучее оружие, как вдруг самого неустрашимого из них, Арджуну, охватил ужас, нет, не перед возможной гибелью в сражении. Увидев перед собой Дрону, своих двоюродных братьев и других родственников, он упал на дно колесницы, выронил свой чудесный лук и обратился к своему колесничему:

— О, Кришна! Зачем нам эта война? Мы будем сражаться со своим народом, можем убить близких нам людей…

— Это не так, — возразил Кришна. — Ваши двоюродные братья свернули с пути дхармы. Они захватили ваше царство, и вы должны с ними сражаться.

— Но зачем нам это царство, если погибнет столько людей? Я ухожу.

— Как? Ты покинешь поле боя?

— Да! Я не хочу быть убийцей родственников.

— Арджуна! Я от тебя этого не ожидал. Вспомни, что ты идешь в бой за правду и справедливость. Даже если на другой стороне твои близкие, ты должен сражаться и выполнять свой долг.

И много еще мыслей высказал в эти мгновения Кришна о праве и долге, о жизни и смерти, все, что можно прочитать в священной книге индуизма «Бхагавате».

И устыдился Арджуна своей слабости, поднял он свое оружие и был готов к выполнению долга воина.

Бхишма

Сильны были Кауравы и числом, и мощью воинов, находившихся в их рядах. И удачно для них началось великое сражение. Бхишма, грозный, непобедимый Бхишма, который, будучи советником слепого царя, всячески пытался предотвратить войну между Пандавами и Кауравами, убеждал передать Пандавам часть царства, не колебался, когда дело дошло до битвы. Подобно слону, ворвавшемуся в тростниковые заросли, крушил он все на своем пути, и гибло войско Пандавов, как сухая трава, сжигаемая пламенем. В страхе бежали от непобедимого Бхишмы воины, пока мрак ночи не принес долгожданной передышки.

Собрались братья Пандавы поздней ночью на совет. Они знали, что сочувствие Бхишмы на их стороне, но было им известно и то, что Бхишма связал себя клятвой с неправедным делом Дурьодханы и от клятвы никогда не отступит. Доблесть же и мудрость Бхишмы были таковы, что под его водительством армия Кауравов непобедима.

Собрались братья Пандавы на совет с друзьями, но так ничего и не решили. И тогда поздно ночью воззвал Юдхиштхира к Кришне и, поделившись с ним своими тревогами, поведал, что обещал ему некогда Бхишма не отказать в совете — ведь приходится он братьям двоюродным дедом и воспитывал их, оставшихся сиротами.

— Пусть же, — воскликнул он, — даст Бхишма совет, как победить его!

Одобрил Кришна решение Юдхиштхира и согласился сопровождать Пандавов. Немедленно под покровом ночи отправились братья вместе с Кришной в стан Кауравов и, разбудив Бхишму, почтительно склонились перед ним.

С искренней радостью встретил старец внуков.

— Что могу сделать я для вашего блага? — спросил он.

И обратился к нему Юдхиштхира:

— Нам известно, что никто больше тебя не помогал нам обрести отцовское царство. Теперь мы пытаемся вернуть его силой оружия. Но возникло препятствие (стоящее на пути к победе). Это твоя неуязвимость. Ведь не берут тебя ни стрелы, ни копья, и, кажется, что нет в тебе слабого места. Но тебе самому оно должно быть известно. Помоги же нам советом, научи, как победить тебя, непобедимого.

— Твоя правда, — молвил Бхишма. — Передо мною бессильны даже боги во главе с Индрой. Им и при помощи небогов не справиться со мною, покуда в руках моих лук. Но стоит оказаться рядом женщине, молящей о поддержке, я утрачиваю свою грозную силу. Есть в твоем войске могучий воин

Шикхандин. В битве нет ему равных. Но известно мне, что был рожден он девочкой. Так пусть же Арджуна двинется на меня, выставив щитом Шикхандина. Хоть и сменил он свой пол, не смогу я поднять против него руки, и Арджуна изрешетит меня стрелами.

Все было так, как предрек Бхишма. Арджуна, защищаясь Шикхандином, обрушил на старца тучу стрел. Не отставали и другие Пандавы, разившие воителя дротиками, секирами, булавами. Но, и ослабевший от ран, стремительно несся он на колеснице, и, как молния, сверкали разящие стрелы, словно вихрь, крушила секира, пока не метнул в него острые стрелы Шикхандин. И потерял Бхишма лук, что делал его непобедимым. Схватил он другой лук, а затем и третий, но легко сокрушали теперь его оружие меткие стрелы Арджуны. И вот уже не осталось на Бхишме живого места, стрелы и дротики торчали на нем, как иглы дикобраза.

И когда упал Бхишма, то оказался не на земле, а на ложе, сплетенном из стрел. Но дух его не отлетел, ибо боги даровали Бхишме право самому определять день своей кончины, а он решил дождаться окончания битвы на поле Куру, чтобы преподать победителям Пандавам наставления в религии, законе и праве.

Дрона

После гибели непобедимого Бхишмы войско Кауравов возглавил Дрона. Не было дня, чтобы жертвой его ярости не стали тысячи воинов Пандавов, и никто не знал, как остановить Дрону. Тогда Кришна сказал Юдхиштхире:

— Ни один из вас не сможет одолеть Дрону, но надо его убить.

— Как же это сделать?

— Есть один путь, и я его знаю. Надо сказать Дроне, что погиб его сын.

— О чем ты говоришь?! — возмутился старший из Пандавов. — Ведь Ашваттхаман жив!

— Это верно, — согласился Кришна. — Но только услышав о гибели сына, Дрона выронит лук, и тогда его осилит любой из твоих воинов.

— Но ложь не по мне! — воскликнул Юдхиштхира. — Я отказываюсь участвовать в обмане нашего наставника, а ныне противника.

И стали думать другие Пандавы, как обмануть Дрону, не оскорбляя обманом старшего брата. Бхима нашел решение. В войске Кауравов сражался слон, носивший то же имя, что сын

Дроны. Чтобы пробиться к слону, надо было убить множество людей и животных. Палица Бхимы крушила головы направо и налево. Но вот и голова Ашваттхамана с огромными ушами и длинным хоботом. Вот его противник этого дня. Удар — и слон с проломленным черепом падает на землю.

— Ашваттхаман мертв! Ашваттхаман! — этот вопль, вырвавшийся из глотки Волчебрюхого, огласил все поле Куру.

Услышав его, Дрона опустил свой лук и спросил колесничего:

— Верно ли, что я потерял единственного своего сына?

— Да, — подтвердил колесничий. — Именно об этом вопит Бхима.

— Но если умер мой сын, зачем мне жить?! — воскликнул Дрона. — Ведь я слишком стар, чтобы родить другого.

— Но Бхима мог обмануть, — молвил колесничий. — Нужно спросить никогда не лгущего Юдхиштхиру.

Устремил Дрона свою колесницу к тому месту, где сражался старший из Пандавов, и крикнул ему, заглушая грохот сражения:

— Правда ли, что мертв Ашваттхаман?

— Да, он умер, — ответил Юдхиштхира, опуская глаза.

Это была первая и последняя ложь того, кого называли Путем истины.

Сломленный страшной вестью, опустил свой лук Дрона, и тотчас же обезглавил его брат Драупади.

Дрогнули ряды Кауравов при известии о гибели Дроны. Но недолго продолжалось их замешательство. Ведь предводителем войска стал могучий Карна. И возобновилось сражение, и вновь гибли герои с той и другой стороны, пока не было решено отдать судьбу великой битвы единоборству Карны и Арджуны, старых соперников в искусстве стрельбы из лука.

Поединок

И вот они ринулись настречу друг другу на колесницах, влекомых белыми конями, при оглушительных звуках раковин и рогов. Вот они сошлись, как два гималайских слона, соперничающих из-за слонихи, как туча с тучей, как гора с горой, если бы такое можно было вообразить. Оба воинства отошли в сторону, чтобы наблюдать величайший из поединков, которые знала земля.

От туч и облаков мгновенно очистилось небо. Теперь они не мешали богам и небогам быть свидетелями необычной схватки. Их взоры были устремлены вниз. Небоги, пуская слюни, вопили от нетерпения:

— Карна! Рази Арджуну!

Боги кричали:

— Вперед, Арджуна! Не уступай!

Сперва Карна поразил Арджуну десятью великими стрелами. Арджуна выпустил столько же стрел и ранил Карну в бок. Оба, не чувствуя боли, продолжали сражаться, стремясь поразить друг друга в самые уязвимые места.

Видя, что брат в первые мгновения боя не добился победы, преисполнился гнева Бхима. Закусив губу, приплясывая на месте от нетерпения, крикнул он Арджуне:

— Как случилось, что Карна первым поразил тебя десятью стрелами? Или ты тотчас же предашь его смерти, или я сам убью его этой палицей.

— Немного терпения, брат, — отозвался Арджуна, не оборачиваясь. — Сейчас я кликну грозное волшебное оружие. Оно даст мне победу, если, конечно, будет на это воля богов.

Гандива, знавшая свое имя, явилась на клич. Но и у Карны была смертоносная, огненная, ярко полыхающая, гладко отполированная, змееголовая, полная жгучего яда стрела по имени Болахана. Сын Солнца давно уже берег ее на случай встречи с Арджуной, лелеял ее в золоченом футляре, как любимое дитя, и воздавал ей почести, как божеству.

Едва Карна наложил свое детище на тетиву, как один из царей крикнул ему:

— Не достигнуть этой стреле шеи Арджуны. Отыщи лучше другую.

Глаза Карны налились кровью от гнева, и ответил он, изготавливаясь к выстрелу:

— Знай, что Карна никогда не прицеливается дважды!

Заметив, что Карна отпускает тетиву, могучий Кришна, стоявший на колеснице Арджуны как возничий, уперся обеими ногами в ее днище. И увязла глубоко в землю колесница. Поэтому стрела угодила не в шею Арджуны, а в украшавшую голову диадему.

И пала превосходнейшая из диадем на землю, словно Солнце с горы заката. Но Арджуна немедленно повязал голову куском белой ткани и воссиял, словно гора Восхода. И, натянув лук до самого уха, пустил он в Карну яростную, как ядовитая змея, стрелу. Пробив нарядный доспех Карны, она испила его крови и с красным оперением ушла в землю.

И долго еще поражали они друг друга стрелами. Но вдруг колесница Карны глубоко увязла в земле.

— Погоди, Арджуна! — крикнул он своему противнику. — Видишь, что случилось с моей колесницей. Дай мне вытащить колеса! Помни заповеди дхармы! Повремени!

Арджуна, возвышаясь на колеснице, отвечал с гневом:

— Не вовремя ты вспомнил о дхарме! Почему ты забыл о ней тогда, когда в зал собрания втащили Драупади в одном единственном одеянии, когда ты вместе со всеми насмехался над нею?!

И опустил голову Карна, готовясь умереть. Но не смог поднять лука Арджуна, не смог натянуть тетиву. И тогда сорвалась, не ожидая приказа, стрела, свирепая, кровожадная, нетерпеливая. Она сама выбрала место, не защищенное панцирем. Упал Карна, обливаясь кровью.

Но и распростертый на земле, Карна был прекрасен, как закатное Солнце в венце своих лучей. Тот, кто был велик душой, кто готов был отдать другому все свое достояние и даже жизнь, ушел на небеса, унося вместе с собою последнюю надежду Кауравов на победу.

При виде тела Карны прервали бег ручьи и реки, омраченное Солнце склонилось к закату, и планета конца света, детище Ямы, заняла в зените предназначенное ей место. От ее нестерпимого жара задымились стороны света, раскололся небосвод, возопила земля, взволновались океаны, заколебались горы.

Арджуна, все существо которого было пронизано ликованием победы, ничего этого не замечал. Он мчался по разрытому колесами полю боя на своей колеснице, громкозвучной, как скопище туч, сверкающей, как Солнце горных высот, как месяц небесный, как горный хрусталь. Он поднес к воспаленным губам белую, обтянутую золотой сеткой раковину. То же сделали и его братья Пандавы. Раздался оглушающий звук раковин. Услышали его Кауравы и в ужасе покинули поле боя.

Смерть Дурьодханы

Весть о гибели Карны потрясла Дурьодхану. Он упал на землю и мог быть принят за мертвого. В его воспаленной памяти проносились сцены недавней битвы. Одна неудача за другой. Гибель Бхишмы, Дроны, Карны. Это были самые близкие друзья и лучшие воины. Их некому заменить.

Внезапно голова, руки и ноги Дурьодханы содрогнулись и затряслись мелкой дрожью. Это была лихорадка. Ведь он был тяжело ранен. «Война проиграна, — подумал он. — Но ведь она не была бесполезной. Сколько тысяч недругов я отправил в царство Ямы!»

Эта мысль придала Дурьодхане силы. Поднявшись, он вырвал несколько впившихся в тело стрел и побрел подальше от места битвы. «Нет, это не бегство, — успокаивал он себя. — Дурьодхана

никогда не был трусом. Я ухожу, чтобы вернуть силы и снова вступить в бой».

Впереди резко закричали утки. «Там, должно быть, озеро, — догадался Дурьодхана. — Боги послали мне его, желая вернуть меня в бой».

Увидев блеск воды, он прибавил шагу, и вот он уже на берегу. Соскользнув в воду, он побрел, увязая в песке. Вода была ледяной, но Дурьодхана не ощущал холода, так пылало его тело, так велика была жажда возвращения к жизни и к битве.

Дойдя до места, где вода доходила до горла, Дурьодхана замер. Одна из уток, приняв острие шлема за тростник, опустилась на голову царя.

И пришли на озеро охотники. Один из них натянул лук, чтобы сразить утку, сидевшую на возвышении, и увидел, что возвышение — это голова Дурьодханы. Охотник отошел, чтобы не спугнуть добычу, и поспешил к Пандавам, поняв, что давняя его мечта о богатстве близка к осуществлению.

Так Пандавы оказались у озера и сразу увидели голову Дурьодханы.

— Что же ты, храбрец, — воскликнул Арджуна, — доведя свое войско до гибели, скрылся в воде, как змея? Выходи!

Но Дурьодхана даже не пошевелился.

— Вас много, а я один, — проговорил царь.

— Мы не нападем на тебя скопом, — сказал Юдхиштхира. — Выбирай, с кем хочешь сразиться. Если победишь, то я тебе обещаю, что вступишь на царство, а если будешь побежден, возродишься на небе. То и другое почетно.

— Пусть будет так, — сказал Дурьодхана. — Я буду биться с одним из вас, не конным, а пешим. Оружие мое — палица.

— Что ж, выходи! Но знай, даже если тебе придет на помощь сам Индра, живым из битвы не выйдешь.

И поднялся Дурьодхана из воды, как огнедышащая гора, такая в нем кипела ярость. Палица в его руке сверкнула, словно ее взметнул сам Яма. Израненный, но не сломленный, он вышел на берег и крикнул:

— Кто первый?

— Я, — ответил Бхима, выступая вперед. — Вспомни, Дурьодхана, что я обещал тебе много лет назад в твоем дворце, когда ты оскорблял Драупади. Теперь это исполнится.

В воздух взлетели палицы, и началась такая великая схватка, что в движение пришел весь мир. Из пустыни подули песчаные вихри, на воды с расколовшегося неба упали молнии. Как в припадке затряслась земля.

От первого могучего удара Дурьодханы Бхима упал на

колени. Ликуя, нанес Дурьодхана своему врагу еще один удар в висок. Лицо Волчебрюхого залилось кровью, но и вслепую он нанес ответный удар. Дурьодхана рухнул, как гора, поднимая столбы пыли, но сразу же встал.

— Я вижу, — проговорил Юдхиштхира, — что в честном бою Бхиме не справиться с Дурьодханой. Тут нужна хитрость.

И стал Бхима кружить по полю, отскакивая то вправо, то влево. Ведь он был моложе, чем Дурьодхана, и менее изранен. Улучив момент, он кинул в своего противника палицу, но царь отскочил в сторону и в свою очередь нанес Бхиме удар по голове. Но удар не свалил героя. Подобрав свою палицу, он возобновил бой. Избегая нового удара, царь подпрыгнул, и удар пришелся ниже живота. Раскололись бедра. Дурьодхана упал на землю. Духи смерти, многорукие, многоголовые, уже приближались к нему.

Издав торжествующий рев, Бхима вступил на тело врага и стал совершать на нем победную пляску.

— Прочь, Бхима! — закричал Юдхиштхира. — Это царь и твой брат. Он пал в честном поединке, утратив царство, братьев, соратников. Позорно оскорблять поверженного.

Когда пристыженный Бхима отступил, как побитая собака, Юдхиштхира склонился над умирающим.

— Не гневайся на нас, царь, — сказал старший из Пандавов проникновенно. — Не по своей воле вступили мы с тобой в сражение. Нас направляла судьба. Ее удары испытал ты за то, что презрел пути дхармы.

Дурьодхана, кажется, уже не расслышал этих слов. Его могучее тело корчилось в предсмертных судорогах.

Со смертью Дурьодханы кончилась война. Слепой царь, отец Дурьодханы, потерял сто своих сыновей. Но и Пандавы потеряли всех своих милых сыновей. Царство им досталось такой дорогой ценой.

На поле Куру, усеянном трупами людей, лошадей и слонов, бесновались ракшасы. Такого пира им еще никогда не устраивала земля. Пьяные от крови, костного мозга и мяса, они плясали на падали, и им подпевала сама земля, облегченная от тяжелого груза. Она заранее радовалась пышноцветию, которое поднимется будущей весной на месте этого страшного побоища, на поле Куру. Радовались этому и боги, которым вместе с мудрецами придется не раз собираться на этом поле.

Последнее странствие

Братья Пандавы вступили в опустевший дворец, где прошли

их детство и юность, где все им было знакомо до боли. Ликовать бы им, но все напоминало о двоюродных братьях, о благородном Дроне, о несравненном Бхишме. Корона, которую возлагали на голову Юдхиштхиры под пение «Вед», казалось, была не из золота, а из свинца. И не было видно в глазах нового царя ни радости, ни удовлетворения.

Через некоторое время Кунти объявила сыновьям, что уходит в лес. Напрасно они спрашивали, почему она, сопровождавшая их в дни самых страшных лишений и бедствий, оставляла теперь, когда они добились цели. Вместе с матерью ушел и дядя, слепой царь. Они стали мужем и женой. Сыновья помогли им устроиться в чаще. Они жили счастливо несколько лет, но в один из дней были внезапно охвачены пламенем и сгорели как два связанных друг с другом снопа соломы.

Прошло еще несколько лет, и однажды Юдхиштхира объявил братьям:

— Я решил оставить царство и уйти. Это неизбежно.

— Куда же ты уйдешь? — спросил Бхима.

— В Хималаи.

— Разреши мне пойти с тобою, — первым сказал он.

— И мне тоже! И мне тоже! И мне! — послышалось еще три голоса.

— Но почему вы должны идти со мною? — проговорил старший из Пандавов после паузы. — Я потерял интерес к жизни и хочу провести ее остаток в молитвах.

— И мы тоже! — воскликнули братья в один голос.

— А на кого мы оставим царство? Ведь народ не может жить без царской заботы!

— На нашего внука Паракшиту, — сказал Арджуна.

Юдхиштхира не смог удержаться от смеха:

— Но ведь он еще ребенок!

— И поэтому не потерял интереса к жизни! — вставил Арджуна.

— И у него нет врагов и соперников, — добавил Бхима.

И вот настал день прощания с этим миром. Юдхиштхира первый подошел к Драупади, чтобы ее обнять, но она отстранилась.

— Я хочу идти с вами! — сказала она твердо.

— Это невозможно! — проговорил старший из Пандавов.

— Почему? — спросила Драупади.

— Путь долог и полон опасностей. Тебе его не вынести.

— Но если он годится вам, почему не мне?

Братья окружили Драупади. Каждый и все вместе пытались ее убедить, но верная подруга и слышать не хотела о расставании.

Пандавам пришлось уступить.

На заре, когда дворец и город были еще погружены в сон, путники накинули на плечи шерстяные плащи, надели заплечные мешки с провизией, взяли в руки дорожные посохи и покинули дворец. В последний раз стучали деревянные подошвы по священным камням Хастинапура. В последний раз их взгляд касался мест, где прошли детство и юность, где им пришлось пережить столько радостных и горьких мгновений.

За городской стеной к ним пристала невесть откуда взявшаяся собачонка.

— Это ваша собака? — спросил Юдхиштхира близнецов, зная, что они с малых лет любили возиться с четвероногими и птицами.

— Нет! Мы ее видим впервые! — сказали Никул и Сахадева.

— Прогоните ее! — сказал Бхима. — Нам ее еще недостает. Она будет лаять на животных и ракшасов, не давая нам покоя.

— Пусть идет! — проговорил Юдхиштхира. — Собака сама выбрала свой путь.

И так они шли гуськом: впереди Юдхиштхира, за ним остальные Пандавы и Драупади. Последней же, виляя хвостом, шла собака. Это было удивительное животное. Вопреки опасениям Бхимы, она никого не беспокоила. Кажется, она была вообще лишена голоса. И никто не видел, чем она питается. С людьми она не ела.

Пару месяцев дорога шла полями и лесами, но потом начался подъем. Тропинка сменилась осыпью камней. Ледяной ветер дул в лицо. Покрытые снегом и льдом вершины слепили глаза. В один из дней собака впервые подала голос. Нет, она не лаяла, а выла, так что брал мороз по коже.

— Что она хочет? — проворчал Бхима. — Если ей не нравится, пусть возвращается. Ведь мы ее не держим.

Собака немедленно прекратила выть, словно из страха, что ее прогонят и она останется одна в Хималаях.

Юдхиштхира же сказал:

— Собака дает нам знак.

Через несколько дней собака залаяла, и так сильно, что братья оглянулись. Они увидели Драупади, лежащую на камнях в некотором отдалении от них. Спустившись к ней, Пандавы окружили ту, которая была им женою и другом. Они сидели, долго не двигаясь, будто окаменев. Прикрыв тело любимой камнями, они снова двинулись в путь.

И снова собака завыла, а потом залаяла. На камнях лежали рядом Никул и Сахадева. Выйдя на свет из материнского чрева в одни миг, они в другой миг, не разлучаясь, ушли. Потом упал и

не поднялся Арджуна. За ним Бхима. Старший из братьев шел к своей цели, ощущая за своей спиной дыхание собаки, последнего живого существа в мире ледяного безмолвия.

Внезапно впереди выросла огромная фигура Индры.

— Боги приветствуют тебя, Юдхиштхира, — промолвил Индра торжественно. — Следуй за мною на небо!

— Я пойду за тобой, если ты разрешишь идти ей, — сказал последний из Пандавов.

Индра несколько мгновений молчал, словно бы онемев от этих дерзких слов, но затем проговорил:

— Это невозможно! Собаке нет на небе места.

— Тогда я останусь здесь. Я не могу оставить своего верного друга.

— Как! — загрохотал Индра. — Ты отказываешься идти на небо из-за собаки?

— Да! — спокойно ответил Юдхиштхира. — Эта собака проделала весь этот тяжкий путь. Она была свидетельницей смерти моих братьев и Драупади. Я видел на ее шерсти замерзшие слезы. Извини меня, Индра. Я останусь вместе с нею.

С этими словами Юдхиштхира повернулся, чтобы взять собачонку на руки. Но вместо нее стоял бог Дхарма.

— Иди, Юдхиштхира, своим путем справедливости, — сказал Дхарма. — Ты выдержал испытание. Тебя ждет небо.

Рамаяна

Обратился как-то Вальмики, красноречивейший из смертных, к божественному мудрецу Нараде с просьбой назвать безупречного мужа.

— Нет спора, это Рама, сын царя Дашаратхи. Восславь его в песнопениях так, чтобы жизнь и подвиги величайшего из героев стали известны всем живущим ныне и тем, кто будет жить потом.

И удалился певец, не ведая, как найти слова, достойные жить в веках. Бродя по лесу со своими учениками, Вальмики заметил двух куликов, предававшихся любви и в пылу ее не увидевших приближающегося охотника. Тот выпустил стрелу, и самец упал, обливаясь кровью. Отчаянный крик его подруги пробудил в душе поэта гневные слова, оказавшиеся строками стихов. Так родилась «Рамаяна», написанная шлоками, трагедия любви Рамы и Ситы, величайшая из поэм о вечной борьбе добра и зла.

Равана и Рама

В стародавние времена в дремучих лесах обитал отшельник.

Десять тысяч лет он молился Брахме и подвергал свою плоть испытаниям. Видя это, творец мира призвал его к себе и сказал:

— Выскажи желание, и я его исполню, каково бы оно ни было.

— Дай мне могущество среди богов и ракшасов, — отозвался отшельник.

Зная его добродетель, Брахма подумал, что могущество не принесет никому зла, да и слово свое он нарушить не мог.

Но даже добродетельному мужу трудно выдержать испытание могуществом. С тех пор все три мира не знали покоя. Пожелал новый владыка сделать своей резиденцией остров Ланку — одну из трех вершин горы Меру, оторванную ветром и унесенную в океан. Владел этим островом страж богатств и хранитель севера Кубера. Изгнав Куберу, Равана основал на Ланке царство ракшасов и принудил богов как поденщиков прислуживать ему. Агни стал его поваром, Варуна — водоносом, Ваю — заметальщиком. Лишь Шиву возмутитель трех миров не одолел. Когда он попытался расшатать гору Кайласа, на которой пребывал Шива, тот прижал гору к земле могучей стопой и защемил Раване руку. Издал Равана рев, потрясший три мира, и будто бы с тех пор получил свое имя (Равана-Ревун). Но Равану Шива отпустил и даже одарил его мечом и заклятой стрелой Пашупату, которой было под силу испепелить целое войско. И никто не мог положить предела наглости и злодеяниям Раваны, ибо он был неуязвим для богов и демонов, его мог одолеть лишь смертный.

Как-то до богов донеслась из среднего мира мольба:

— О боги! Вы мне дали власть над Айодхьей, столицей благословенной Кошалы, но нет у меня наследника, которому я бы ее передал.

Поняли боги, что к ним взывает благочестивый Дашаратха, благодаря деяниям и мудрости которого Айодхья не уступала столице Индры. Тогда-то бессмертным пришла мысль, что для борьбы с Раваной надо принять облик сына Дашаратхи. И поручено было это сделать Вишну.

Было у царя Кошалы три жены: старшая — Каушалья, вторая и самая любимая — Кайкейя и младшая — Сумитра. К ним-то и явился Вишну с божественным яством. И в тот же день Каушалья родила царю Раму, Кайкейя — Бхарату, Сумитра — близнецов Лакшмана и Шатругхну. Под руководством отца братья обучились всему, что должны знать кшатрии. С помощью же брахманов они усовершенствовались в знании «Вед», превзойдя учителей набожностью и мудростью. Мудрее и опытнее остальных братьев был Рама. Ему было достаточно мгновения, чтобы понять суть

человека. Он был ровен и приветлив со всеми, умел обуздывать гнев и не терял достоинства даже с дурными людьми.

Однажды во дворец явился прославленный праведник Вишвамитра. Рассказал он царю о бесчинствах ракшасов и попросил отпустить с ним Раму, чтобы защитить лесную обитель. Опасаясь гнева отшельника, царь выполнил его просьбу. Вместе с Рамой отправился Лакшмана, неразлучный с ним с детства.

Едва братья вступили в лес, как увидели сломанные деревья, разоренные гнезда, услышали стоны обитателей чащи. Здесь буйствовала ракшаска Тарака, злобная и мощная, как тысяча взбесившихся слонов. Многие витязи пытались сразиться с ней, но она ломала их копья и мечи, словно соломинки. Вступив в единоборство с Таракой, Рама одержал победу, а вскоре одолел и ракшаса Маричу, умеющего изменять облик, и изгнал его из леса праведников.

В страхе разбежались остальные ракшасы, и лесной обители больше никто не угрожал. Братья могли вернуться в Айодхью, но праведник уговорил их отправиться вместе с ним в Митхилу, правитель которой Джанака собирался совершить великое жертвоприношение.

Лук Шивы

С великой радостью принял Джанака Вишвамитру и прибывших с ним юных витязей. Показав свой дворец, он пригласил их за празднично накрытый стол. И тогда сказал царю Вишвамитра:

— Достоин удивления твой дом, Джанака, но ты не показал Раме божественный лук, доставшийся тебе от предков.

И хлопнул царь в ладоши, приказав выполнить просьбу праведника, и рассказал братьям удивительную историю лука:

— Однажды Дакша, тесть Шивы, устроил на небесах великое жертвоприношение, пригласив на него и земных царей. На небе оказался и мой предок Девората. Но приглашение не было послано Шиве. Оскорбленный Шива явился на пир с огромным луком, грозя перестрелять всех собравшихся. Не без труда небожители смягчили гнев Шивы, и он, оглядев гостей, передал оружие на хранение Деворате.

Послышался скрип колес, дополненный тяжелым дыханием. Пять сотен мужей с трудом вкатили огромную телегу.

— Вот святыня нашего рода, — произнес царь, показывая на окованный медью сундук. — Многие раджи пытались натянуть на лук тетиву, но отступали ни с чем. Человеку и поднять лук Шивы не под силу.

— О Рама! — воскликнул Вишвамитра. — Мнится мне, что пора тебе взглянуть на оружие Шивы.

Рама вскочил на телегу и откинул крышку сундука. Зал наполнился запахом сандала и цветов, какими был увенчан лук Шивы.

— Хотите, — проговорил царевич, обращаясь к царю и праведнику, — я подниму лук и соединю его концы тетивой?

— Хотим! — в один голос отозвались Джанака и Вишвамитра.

Рама вскинул лук над головой и, играючи, согнул его. Раздался звук, подобный раскатам грома. Пятьсот мужей, вкативших телегу, повалились на пол. С удивлением глядел царь на обломки гигантского лука.

— Я забыл объяснить, — молвил он, отдышавшись, — что заставляло раджей браться за непосильный подвиг. Однажды, когда я вспахивал поле, чтобы возвести алтарь, из-под лемеха поднялась очаровательная девочка. Я ее удочерил и дал имя Сита (Борозда). После того как она стала прекраснейшей из дев, я объявил: Сита достанется тому, кто согнет лук Шивы. Отныне она твоя, о Рама.

В Доме Гнева

Айодхья переполнилась ликованием, как драгоценный сосуд медом, и, вылившись, оно распространилось по всему царству. Дома и хижины украсились цветами, люди, умастив тела сандалом, стекались к царскому дворцу, чтобы присутствовать на венчании Рамы на царство. Дашаратха решил передать первенцу корону при жизни.

И во всей Кошале нашлось только два глаза, со злобой смотревших на всенародную радость. Принадлежали они прислужнице Кайкейи, злой горбунье. Явившись к госпоже, она сказала, что царство передается Раме, а брат его Бхарата обойден.

— Какое счастье! — воскликнула царица. — Ведь я горжусь Рамой не меньше, чем собственным сыном. Рама и Бхарата будут править, советуясь друг с другом. Вот тебе за добрую весть мое ожерелье!

Но капля за каплей вливала горбунья в душу царской любимицы яд зависти и тревоги за судьбу сына. И, наконец, Кайкейя сама спросила совета, как сделать, чтобы царство досталось Бхарате.

— Удались в Дом Гнева, — сказала коварная советчица. — Предайся притворной печали. Супруг, найдя ложе пустым, бросится тебя искать. И тогда выскажи две просьбы: пусть отправит Раму на четырнадцать лет в изгнанье в непроходимые

леса и назначит царем Бхарату.

— Но он откажется их выполнить, — отозвалась царица.

— О нет, — прошипела горбунья. — Помнишь, когда ты вынесла раненого Дашаратху из боя, он обещал тебе два дара. Ты их не взяла, сказав, что жизнь с ним — лучший из даров. Теперь же напомни об обещании, и, поверь, царь не откажется от своих слов.

Так и случилось. Отыскал царь свою любимицу в Доме Гнева на голой земле, в затрапезной одежде, без драгоценных украшений. Ласково прикоснувшись к ее прекрасному телу, он молвил:

— Встань, объясни причину своего горя.

— Помнишь, — сказала царица, — ты обещал мне выполнить две моих просьбы.

— Помню, дорогая, ты же знаешь, что я не бросаю слов на ветер.

— Тогда пусть воцарится не Рама, а Бхарата, Рама же пусть уйдет в изгнание на четырнадцать лет и носит одеяние из бересты, как положено отшельнику.

Услышав эти слова, царь поначалу потерял дар речи, когда же смог заговорить, сделал все, чтобы Кайкейя поняла, какой вред она принесет государству и всему Солнечному роду, какую обиду причинит Раме, какой позор навлечет на себя. Но женщина была непреклонна. Упал царь к ее ногам, умоляя пощадить его старость. И это не помогло. Наутро за Рамой был послан царский возничий Сумантра, и Рама прибыл, встреченный ликующим народом, не ведая о ждущей его беде.

В изгнании

Сложив ладони, Сумантра пожелал царевичу благ и обратился к нему, уже одетому в бересту, с почтительными словами:

— Взойди на колесницу, о доброславный, домчу я тебя до цели.

Вслед за Рамой на колесницу поднялась Сита. Напрасно умолял Рама дивнобедрую не покидать Айодхьи и дожидаться его возвращения. «Я не должна и не желаю расставаться с тобой», — каждый раз отвечала Сита, иногда добавляя: «Я умру в разлуке с тобой». Она пыталась надеть грубую одежду отшельницы, но Дашаратха повелел принести для невестки лучшие наряды и драгоценные украшения. На колесницу сел и Лакшмана.

На дно ее слуги сложили луки, мечи, кольчуги и другое оружие. Дернул Сумантра поводья, и колесница понеслась.

Высыпавшие на улицу люди умоляли замедлить бег колесницы, чтобы насладиться видом Рамы. Из дворца вышел царь. Руки его дрожали, лицо было бледнее Луны, когда ее заглатывает демон Раху. Выбежала мать Рамы Каушальяи и со стоном, заглушаемым ударами о землю копыт, побежала за колесницей.

Оглянулся Рама и едва не ослеп от зрелища горя родителей.

— Гони, Сумантра, коней! — вырвался из груди его вопль.

И колесница помчалась, как яростный вихрь, как голубь, настигаемый ястребом.

Бхарата

Бхарата в это время гостил в далеком царстве у своего дяди. И приснилось ему, что на землю упала Луна и тотчас погасла. Отец предстал ему нечесаным, бледным, покрытый венками цветов на колеснице, влекомой ослами. Проснувшись, стал он искать прибывших накануне послов, чтобы узнать о доме. Но послы его избегали, если же он их настигал, отводили глаза. Ибо кто из людей, имеющих сердце, хочет быть вестником горя.

И поспешил Бхарата в столицу. Вступив в ворота, не узнал он своего города, в котором вырос. Улицы были пустынны и поросли травой. Из домов слышались стоны и плач.

— Где отец?! — закричал Бхарата, врываясь во дворец. Но ему отвечало лишь эхо.

Из покоев вышла мать, вся в траурных одеяниях, и, склонившись перед ним, проговорила:

— Разреши мне тебя приветствовать, сын, со вступлением на царство. Отец, умирая, назвал твое имя.

— А Рама? Где любимый мой брат?

— Рама в изгнании. Ведь не могла же я допустить, чтобы царская власть была передана ему, а не тебе.

Бхарата отшатнулся. Перед ним была виновница бед, обрушившихся на семью и царство. Кинувшись к покоям Каушальи, он обнял ее колени в мольбе простить зло, причиненное его матерью.

— Обещаю, — произнес он, вставая, — Я найду Раму и верну его тебе и народу.

На следующее же утро, сопровождаемый воинством и старейшинами, Бхарата отправился на поиски брата. То замечая следы изгнанников, то следуя зову сердца, он отыскал в чаще хижину, крытую листьями. Обнимая Раму, умолял его Бхарата вернуться в Айодхью и занять трон, оставленный умершим отцом.

Узнав о кончине отца, Рама потерял сознание. Когда же Оно к

нему вернулось, он наотрез отказался возвратиться: ведь отец перед смертью не изменил своего решения.

Убедившись, что брат непреклонен, Бхарата сказал:

— Тогда я возьму твои украшенные золотом сандалии и водружу их на трон, чтобы править твоим именем. Сам же в берестяном одеянии буду ждать тебя за воротами столицы. Если ты не вернешься, я умру.

Весть об отказе Рамы вернуться достигла столицы. И сразу жители ушли в леса, чтобы, став отшельниками, молиться за Раму. Бхарата вошел в пустую столицу, приют кошек и сов, ненавистников света. Айодхья стала, как поток, обмелевший от нестерпимого зноя, как обгоревший после жертвоприношения алтарь в покинутом всеми храме, как корова с печальными глазами, разлученная с быком, как перерезанная вражьей рукой тетива.

Золотой олень

Рама с Ситой и Лакшманой продолжали жить в лесу. Однажды к ним забрела в поисках дичи самая безобразная из ракшасок, сестра Раваны. Она не могла оторвать взгляда от его мягких кудрей, от удлиненных глаз, сиявших из-под густых ресниц подобно лотосам. Вспыхнуло сердце уродины страстью, и она бесстыдно предложила себя Раме в жены, обещая оставить Ситу служанкой.

Братья расхохотались, и тогда с воплем «Я ее съем!» бросилась ракшаска на Ситу. Глазами испуганной лани глядела царевна в пылающие яростью гляделки страшилища. Защищая жену, Рама схватил ракшаску, а Лакшмана, выхватив меч, отсек ей уши и нос.

Обливаясь кровью, добралась изуродованная ракшаска до Ланки и предстала перед братом. Призывая к мести, она искусно описывала красоту Ситы и с ликованием наблюдала, как разгораются глаза Раваны.

Отпустив сестру, призвал Равана свирепого и могучего ракшаса Маричу, давно уже наводившего ужас на отшельников.

— Отправляйся вместе со мной к хижине Рамы, — приказал он ему. — Ты примешь облик золотого оленя. Братья пожелают тебя поймать, и в хижину вступлю я.

Марича вздрогнул. Однажды он уже чуть не погиб от руки Рамы и с той поры избегал встречи с ним.

— Живым от Рамы я не уйду, — проговорил Марича. — Но и тебе не сносить твоих десяти голов, если похитишь. Ситу.

Но воспылавшего страстью Равану это предостережение не

остановило.

Первые лучи Солнца, пробившиеся сквозь листья кровли, разбудили Ситу, и она вышла на луг нарвать цветов. Перед ней в нескольких шагах пробежал олень. Золотая его шкура была покрыта серебряными крапинками. На кончиках ветвистых рогов сверкали алмазы. Копыта оленя блестели изумрудом. Громким криком разбудила Сита братьев. И они при виде оленя остыли в изумлении. Первым обрел речь Лакшмана.

— Прекрасно это животное, но видано ли, чтобы олень разгуливал по лесу в золоте и драгоценных камнях. Не призрак ли это, принятый Маричей грозою лесов?

— О Рама! — воскликнула Сита. — Поймай мне этого оленя. В нашей суровой жизни он будет утехой.

Рама взглянул на Ситу с любовью и не огорчил ее отказом. Лакшмане же, когда супруга удалилась, сказал:

— Кем бы ни был этот зверь, нынче он расстанется со своей шкурой. Ты же смотри за Ситой и не оставляй ее одну.

И началась погоня. Олень то бежал, прячась за деревьями, то взмывал в воздух. Все дальше и дальше уходил Рама от хижины. Наконец, ему удалось пустить вдогонку оленю стрелу. Взревел смертельно раненный ракшас. Рассыпались чары. И уже не олень, а Марича распростерся под пальмой. Умирая, он успел крикнуть голосом Рамы: «О Сита! О Лакшмана!» И в испуге, что жена и брат поддадутся обману, бросился Рама к хижине. Но было поздно. Встревоженная криком, Сита упросила Лакшману бежать на подмогу мужу. Братья встретились и поняли, что обмануты.

Погоня

Не найдя Ситы, метался Рама вокруг опустевшей хижины в полном отчаянии. Он то упрекал брата, то взывал о помощи к обитателям леса. Но деревья, птицы, животные молчали — они страшились гнева могущественного похитителя Ситы. Но вдруг Лакшмана заметил, что пришедшие на водопой олени побежали к югу и сразу же вернулись. Когда это повторилось трижды, понял Лакшмана, что животные указывают ему и брату путь. Двинувшись на юг, братья вскоре заметили обломки золотой колесницы и разбитые доспехи, усыпанные изумрудами. Рядом лежал смертельно раненный царь коршунов Джатайя. Это он пытался защитить Ситу и сразил клювом крылатых коней, уносивших колесницу.

— Ситу похитил владыка ракшасов и умчал на юг, — промолвил с трудом Джатайя. — Но не отчаивайся, Рама. Ты найдешь Ситу и, убив Равану, соединишься с ней.

Это были его последние слова. Братья предали огню тело друга и великого воителя.

Долго шли братья по лесу, расчищая себе дорогу мечами. Съедаемый тоской, Рама едва не обезумел. Но брат увещеваниями возвращал ему силу духа.

Когда они приблизились к прекрасному озеру Пампа, из пещеры с вершины горы их заметил живший там в изгнании царь обезьян Сугрива. Призвал он своего мудрого советника Ханумана и поручил ему узнать, кто эти пришельцы. Обезьяна по матери, Хануман унаследовал от отца, бога ветра Ваю, способность менять облик и летать по воздуху. И приняв облик подвижника, спустился Хануман в долину и, узнав историю братьев, пригласил их подняться на вершину горы к Сугриве.

Радушно встретил Сугрива гостей и, узнав, кто они, предложил:

— Помогите мне вернуть царство, отнятое коварным братом, а я окажу вам помощь в поисках Ситы.

Поход

Время дождей, затянувшихся на все лето, совпало для Сугривы со счастливой порой. С помощью Рамы и Лакшмана он вновь водворился на престоле и не только вернул свою любимую жену Руму, но и взял после гибели брата в жены и его жену, прекрасную Тару. Наслаждаясь властью и любовью, он как будто забыл об обещании помочь Раме.

И отправился Рама к Сугриве напомнить о данном обещании:

— Близится осень, земля просыхает для битв, — гневно сказал он ему. — А где твоя помощь, царь?

Пробудилась у Сугривы совесть. Разослал он гонцов во все пределы обезьяньего царства. И наутро стекаются обезьяны под стены столицы. Являются и медведи, также отозвавшиеся на призыв обезьяньего царя. Сугрива сообщает, что созвал их просить о помощи Раме против коварного Раваны и призывает в поход на поиски Ситы.

С громогласным ревом двинулись за царской колесницей ряды обезьян и медведей. Впрочем, воины Сугривы не долго держали строй. Обезьянье войско вскоре поредело. Но обезьяны не струсили, не разбежались — им было невмоготу двигаться по земле и большая часть их передвигалась вдоль дороги прыжками от дерева к дереву. Медведи же шли, топая лапами и поднимая столбы пыли, служившие обезьянам ориентиром.

Достигнув пещеры Рамы, Сугрива разделил воинство на четыре корпуса по числу сторон света. Каждый корпус избрал

одно направление. Во главе того, что пошел на юг, стояли наследник Сугривы и мудрый его советник Хануман.

Уже через месяц, не найдя следов Ситы, начали возвращаться корпуса с севера, запада и востока. Лишь южный корпус продолжал путь. До самого берега океана дошли воины, но не отыскали и здесь прекрасной Ситы. Верные принятому на себя долгу и боясь гнева Сугривы, они решили: лучше умереть у вод океана, чем возвращаться без Ситы назад. К счастью, встретившийся им брат царя коршунов, узнав, что они друзья Джатайи, сообщил, что Равана унес Ситу в свою столицу на остров Ланку.

И тогда Хануман, превратившись в исполина, оттолкнулся для прыжка от горы Махендры и, вытянув руки и балансируя хвостом, полетел в гигантском прыжке над океаном.

Рассказ Ханумана

Шли месяцы. Южное войско возвратилось в обезьянью столицу. И дошла до Рамы весть о прыжке Ханумана, но самого его все не было. Многие были уверены, что Хануман погиб. Что может сделать один, даже самый могущественный герой в стане врага, да еще такого, как Равана?! Но надежда не оставляла Раму, помнившего предсказание царя ястребов. И Хануман вернулся. Целую ночь длился рассказ о его приключениях.

— Я летел над волнами, — начал Хануман, — и моя огромная тень скользила по ним. Мой дальний родич Океан был ко мне благосклонен. Повелел он горе Майнаке подняться из пучины, но я, едва коснувшись ее, продолжал полет. Вскоре я узрел остров, весь в зелени и цвету, обнесенный золотой стеной. Опустившись на вершину горы, я стал дожидаться ночи, чтобы, сократившись в размерах, проникнуть в обрамленный золотом дворец Раваны. Конечно же, я решил, что Сита в гареме.

Рама застонал.

— Нет! Нет! — заверещал Хануман. — Не волнуйся, друг мой. Осмотрев всех красавиц, чем бы они ни были заняты, я не нашел твоей супруги.

Рама застонал еще громче.

— Не было ее ни в трапезной, ни в спальне Раваны. Я отыскал ее в священной роще, подобной небесному саду Индры. У алтаря, среди звероподобных стражников, выделялась красотой большеглазая юная женщина, схожая с ланью. Ее прекрасное тело было покрыто рванью. По бледному исхудавшему лицу катились слезы. На ее шее я узрел ожерелье, подобное тому, какое ты мне описал, но потемневшее от долгого ношения. Превратившись в

букашку, я укрылся в коре дерева ашоки. В это время в рощу вошел Равана. Отослав ракшасок, он стал уговаривать Ситу стать царицей Ланки. Он соблазнял ее властью и сокровищами. Она же, выслушав, ответила слабым голосом: «Прочь иди, пес. Я принадлежу Раме. И тебя настигнет его гнев».

Равана, пригрозив Сите смертью, удалился во гневе. Она же приблизилась к дереву, где я сидел, чтобы повеситься на своих косах. И тут я ее окликнул и протянул твой именной перстень. Она прижала его к груди. Я рассказал о несметной рати обезьян и медведей, идущей к ней на выручку, и предложил унести ее на спине. «На твоей спине?» — засмеялась она. Это было и впрямь смешно. Ведь я разговаривал с ней в облике букашки. И я тотчас принял облик мужа. Но царевна все равно отказалась на меня сесть, ибо боялась потерять сознание и упасть с высоты в бушующие волны, и достала из одежды вот это, — Хануман протянул Раме драгоценный камень. Принимая его, Рама дружески обнял Ханумана, да так крепко, что тот едва не задохнулся.

Схватка

Высадилось на Ланке несметное обезьянье войско во главе с Рамой. Выехал ему навстречу Равана на колеснице впереди воинства ракшасов. Боги на небесах затаили дыхание. Индра призвал своего возничего, повелев ему отвезти Раме колесницу, чтобы бой был на равных.

И закипела битва. Равана пустил в Раму тучу стрел, на лету превратившихся в ядовитых змей. Рама выхватил свой лук, и его стрелы, обернувшись в орлов, пожрали змей Раваны. И взялся тогда Равана за свое роковое копье, неподвластное самой смерти. Пущенное могучей рукой, полыхая огнем, неслось оно с поднебесья. Но метнул в него Рама копье Индры, протянутое ему возницей. И рассыпалось грозное оружие Раваны, заполнив искрами полнеба, сам же Равана был ранен тремя стрелами Рамы и потерял сознание.

От гибели царя ракшасов спас его возница, выведя колесницу из боя. Очнувшись, Равана разгорелся гневом. Он, как и Рама, не смерти страшился, а бесчестия и позора. Битва возобновилась с еще большей яростью. Равана устремил на Раму булавы и дубины, секиры и молоты, когда же оружие иссякло, стал срывать вершины у гор и метать их в колесницу Индры.

И тогда возничий напомнил Раме, что Равану может сразить лишь оружие, сотворенное Брахмой. И появилась гигантская стрела, не уступавшая величиной предвечной Мере. Ее

наконечник, окутанный дымом, вобрал в себя жар конца мирозданья. И задержать его не могли ни гранит, ни железо. Как игла мастерицы, что проходит сквозь лен, могла она пронизать всю землю.

Вслух повторив заклинанье из «Вед», приложил Рама стрелу на дугу лука, заправил конец ее в тетиву и натянул лук могучим усильем. И она понеслась неотвратимая, грудь Раване пробила и обратно в колчан сама возвратилась. Дух испуская, упал Равана на землю. Тотчас послышался рокот божественных барабанов, и ветер, ниспосланный небом, осыпал победителя ливнем цветов. Их аромат заглушил все запахи Ланки цветущей. Рассеялось зло. Во всех трех мирах, от Раваны освобожденных, спокойствие воцарилось.

И сразу же Освободитель вселенной Ханумана за Ситой послал.

Сидела Сита в саду Раваны, окруженная стражей из злых духов. Лицо ее было печально. Не ждала она от будущего ничего хорошего. Но вдруг зашевелилась листва, и Сита увидела на дереве Ханумана.

— Рама победил! Ты свободна! — воскликнул царь обезьян.

Радость Ситы была столь велика, что она потеряла дар речи.

И поднял Хануман луч, чтобы расправиться с Ракшасами.

— Не трогай их, — послышался слабый голос Ситы. — Они подневольные и невиновные в причиненных мне муках.

И вот предстала Сита перед Рамой, сияя красотой. Взор ее источал любовь.

— Я отомстил, — молвил царевич. — Твой оскорбитель наказан. В твоей верности я не сомневаюсь. Но ты, осквернённая взглядом нечистым, ко мне вернуться не можешь. Удались от меня, дочь Джанаки!

— Воля твоя! — ответила Сита, склонившись. — Разлука с тобою смерти подобна. И потому, я прошу, сложи для меня погребальный костер.

И вот уже сложены в пирамиду сухие стволы. Огненные языки в небо взметнулись. Исчезла в пламени Сита. Но вдруг возник из огня муж величавый в багряных одеждах, золотом шитых. Поднял ладони Агни над вихрем черных кудрей, и все увидели Ситу. Пламя ее не коснулось. И трижды возглас раздался, грому подобный:

— Безгрешна! Безгрешна! Безгрешна!

Мифы о Будде

Мощный удар по религии «Вед», «Брахманов», «Махабхараты» и «Рамаяны» нанесло новое религиозно-философское учение, связанное с именем реального

религиозного деятеля, жившего в Северной Индии скорее всего в IV в. до н. э. Это был Гаутама из племени Шакья, принявший имя Будда («Просветленный»). Буддизм создал свою собственную мифологию, в центре которой был героизированный образ учителя мудрости, основателя религии. В рассказах о Будде и его первых учениках излагаются открытые Буддой «благородные истины», усвоение которых освобождало человека от страданий и делало его существование осмысленным. Отвергая сотворение мира богом-творцом, буддисты не отрицали существования богов «Вед» и их способности влиять на человеческие судьбы, но заставляли их жить по правилам буддийской морали и даже восторгаться личностью и учением Будды. Восприняв у брахманизма идею перерождений и превращений богов, буддисты создали «Джатаки», особый вид произведений о прежних рождениях и страданиях Будды. Большая часть их сюжетов почерпнута из индийского народного творчества, но им придан характер буддийских нравоучений.

Ни одна из мировых религий, вопреки тому, что рассказывают о ней ее приверженцы, не приходит с неба вместе с божьими сыновьями, не развивается в безвоздушном пространстве. Она имеет земные корни. Она обращается к людям, тысячелетиями исповедовавшим другую веру. Чтобы укорениться в чужой вере, новым религиям приходится вступать в компромисс со старыми, пользоваться их идейным наследием и опытом.

Сам образ Будды, обросший мифами, как днище идущего сквозь века корабля ракушками, сформировался под непосредственным воздействием брахманской мудрости. В нем аскетизм и глубочайшее религиозное сосредоточение Ману и Маркандеи. Вступая с брахманизмом в полемику, буддизм использует его догматы. Не отрицая богов и их власти над природой, Будда разрешил им поклоняться, как своим слугам и подчиненным. Примерно то же случилось с дохристианскими богами, превращенными в святых, ангелов или злых духов.

В то же время Будда лишил богов главного — влияния на достижения буддийского религиозного и морального идеала, нирваны. Достигший нирваны — выше богов. Сохраняя богов, Будда ведет против них каждым своим поступком идейную борьбу. Несмотря на это, он сам становится богом и центром культа. Такова чисто человеческая трагедия всех преобразователей религий. Такова страшная месть поверженных ими идолов, принимающих отшумевших мятежников в свои неподвижные ряды.

Шакьямуни{349}

Ни одного текста, в котором бы жизнь Гаутамы излагалась полностью, не было до I в. н. э., когда появилась книга «Жизнь Будды Ашвагхоши». Рассказы о жизни царевича, отличающиеся в деталях, не дают оснований считать основателя буддизма вымышленным лицом.

Родиной Гаутамы считалась роща Лумбини близ столицы Шакьев. Родителями его, если верить легендам, был царь Шуддходана и Майядева, которой до рождения сына приснилось, что в ее тело вошел белый слон. Бегство Гаутамы из дворца произошло после рождения его сына Рахулы.

Описанная жизнь Гаутамы считалась в буддийской литературе последней земной жизнью Будды, которой предшествовали многочисленные жизни в разных обликах.

У подножья седых Хималаев раскинулась земля народа кошалов. Правило ею дваждырожденное племя Шакья, считавшее себя внуками Солнца. У царя Шакья родился первенец, которого назвали славным среди мудрецов именем Гаутама. На седьмой день после рождения сына умерла его мать.

Отец решил посвятить жизнь сыну. Он приказал отгородить

дом высокой стеной, чтобы ничто не могло смутить юную душу. В ворота пропускали только красивых, хорошо одетых, здоровых людей. Прожив двадцать девять безоблачных лет, став мужем и отцом, Гаутама ни разу не выходил за ворота и с наивностью ребенка полагал, что всем живется так же беззаботно, как ему.

Он бы и дальше пребывал в этом счастливом неведении, если бы под тяжестью времени от стены не отвалилось несколько камней. Прогуливаясь по саду в сопровождении верного и молчаливого слуги, Гаутама обнаружил отверстие и выглянул через него. Его взору предстала каменистая дорога и одиноко бредущий по ней человек.

— Кто это? — спросил Гаутама у своего спутника.

— Старец, — отвечал слуга.

— Почему он согнулся?

— От долгих лет, — ответил слуга.

— Значит, и я буду таким… — задумчиво промолвил юноша.

Его прекрасный, светлый лоб впервые прорезала морщина.

Слуга промолчал, вспомнив, что ему было приказано не говорить ни о чем, что могло бы огорчить царевича.

С этого дня словно какая-то сила тянула Гаутаму к месту, откуда открывался неведомый ему мир.

Как-то ему предстало странное зрелище. Впереди шел человек с факелом. За ним двигались люди с носилками, на которых недвижимо лежал бледный человек. Сзади виднелись женщины с распущенными волосами, с плечами, посыпанными пеплом. Из их уст вырывались какие-то звуки. Это был плач.

— Что делают эти люди? — спросил Гаутама слугу.

— Они несут мертвого, — отвечал слуга.

— И меня так понесут? — спросил Гаутама.

Слуга молча отступил, вспомнив о приказе царя. Никто не заметил первой горькой складки у рта царевича.

Вечером того же дня, отослав слугу, Гаутама сам подошел к стене. Он увидел странного человека, звенящего колокольчиком.

— Подойди сюда! — крикнул Гаутама.

Незнакомец сделал несколько шагов и остановился. И тогда царевич увидел, что лицо человека сморщено, как кожура спеченного на огне яблока, а грудь под лохмотьями в язвах и струпьях.

— Кто ты? — спросил Гаутама.

— Разве ты не видишь, я — прокаженный.

— И ты зовешь людей на помощь?

Из уст прокаженного послышался звук, напоминающий бульканье кипящей воды. И это был смех!

— Нет! Я звоню, чтобы разбегались. Много лет я не слышал

человеческого голоса.

Гаутама был пронзен состраданием. Из глаз его хлынули неведомые ему слезы. В них расплылись очертания стены, отгораживавшей его от людей. Мир, полный страхов и горестей, звал к себе. И царевич шел, повинуясь этому зову.

С тех пор во многих городах и селениях северной Индии видели удивительного странника. Судя по остаткам дорогой одежды и обуви, он был из дваждырожденных. Но его не привлекали дома, откуда доносились пение, музыка и смех. Он появлялся там, где слышались плач и стоны. Став добровольным помощником лекаря, он поил больных, обмывал зловонные раны. Он стоял у шалаша чандала, питающегося отбросами из разбитой посуды, и на юношеском лице не было видно отвращения.

Однажды Гаутама, прося подаяние, пришел в главный город страны магадхов. Царь увидел его с террасы дворца и удивился благородному облику нищего.

— Взгляните! — обратился царь к приближенным. — Юноша у ворот держится прямо. Чело его прекрасно. Нет, не низкого он рода. Слуги! Приведите его ко мне.

Пока слуги сообразили, чего от них хотят, пока они выбежали к воротам, незнакомец скрылся. Царь обещал наградить каждого, кто укажет место обитания юноши царственного вида в одежде нищего.

Прошло немало времени, пока одному из царских пастухов удалось удовлетворить любопытство владыки.

Склонясь перед троном, пастух сказал:

— О, великий царь! Юноша, которого ты ищешь, — отшельник. Он живет в горах, в жалкой хижине.

Царь приказал запрячь коней и отправился в горы. Когда дорога кончилась, он сошел с колесницы и двинулся к обиталищу отшельника пешком.

Переступив порог хижины, царь приветствовал юношу и обратился к нему со следующей речью:

— Я увидел тебя, когда ты был у ворот моего дворца. Твоя красота достойна лучшей доли. Переходи в мои покои. Но сначала скажи, откуда ты родом.

— Я из славного племени Шакья, рожден в царском доме и покинул его, чтобы узнать, как живется людям, чтобы помочь им в их бедах. Нет лучшей доли, чем та, что я выбрал.

И ушел царь, поняв, что отшельнику не нужна его помощь, что тверд он в своем решении.

Дерево пробуждения

Гаутама же вновь пустился в странствия, чтобы познать людские горести. И когда его душа переполнилась ими через край, он отыскал в горах дерево Бодхи{350}, сел под ним и решил не вставать, прежде чем достигнет совершенства. Прохожий со стороны мог подумать: «Этот человек стережет зарытый под деревом клад». Но мудрец оберегал свою мысль, как еще не окрепшую молодую веточку на мировом древе жизни.

Семь лет росла мысль, охраняемая неусыпным стражем, пока не стала Истиной. Мудрец прошептал ее пересохшими губами: «Человек — это сосуд страданий. Страдание от желаний. Путь к спасению — в искоренении желаний».

А потом он впал в глубокий сон. И явился к нему враг истины Мара{351}. В руках его была лютня. Вещал он, сладкоголосый, и дергал за струны. Искушая мудреца, он призывал к чувству самосохранения.

— Как ты исхудал! Как ты бледен! Близка твоя смерть, несчастный! Зачем умирать? Жить лучше! Живи, как живут брахманы, совершая жертвы. Много заслуг накопишь. Что пользы в борьбе с собою? Путь борьбы с собою тернист, мучителен, полон лишений.

Искусителю так ответил Гаутама Блаженный:

— Отпрыск бездумных, беспечных! Грешник, зачем ты ко мне явился? С тем, кто к ложным благам стремится, иди и беседуй! Зачем к устремленному к цели, к мудрому ты обратился? Богатство, почести, слава, успех, нажитый обманом, для меня ничего не стоят. Над жизнью этой дрожать? Да пусть она сгинет! Лучше в бою умереть, чем жить побежденным. Погрязшие в суетности брахманы и шраманы{352} истины не увидят. Плоть свою иссушая, я укрепляю память. Из царства в царство блуждая, буду людей учить я выполнять мои наставленья.

Печаль охватила Мару. Он отступил, как ворона, которая камни обходит и стучит по ним клювом. Вдруг этот камень желтый, по виду на жир похожий, окажется мягким? Но натыкаясь на твердость, с карканьем улетает.

Так удалился Мара, но вскоре вернулся. Дочерей он привел прекрасных. Пели они и плясали. Отец же дергал за струны.

— Отрекись! — призывал волшебник. — Красота эта будет твоею. Наслаждаться ты ею будешь во дворце таком же прекрасном.

— Нет! — отрезал мудрец. — Не соблазнить меня красотою. Отступить ты меня не заставишь. Во время странствий я видел фокусника с размалеванной деревянной куклой. Она дергалась так забавно, поднимая ножки и ручки. Но развязались нити, и она распалась на части. Красота же истины не распадется.

Печаль охватила Мару. Он выронил лютню и зашипел, как кобра, когда ей на хвост наступают. Потом он сводил с неба молнии, грохотал громами, обрушивал скалы, но не мог сокрушить бодхисатву. Ибо мудрец, стремящийся к просветлению, крепче каменной горы.

Гаутама поднялся и твердым шагом спустился в парк Ришипитана близ Варанаси. Было это на тридцать пятом году его жизни, когда достиг он бодхи. В парке его ожидали пятеро живущих в уединеньи. Были среди них Субхути и Шарипутра{353}. Первыми они обратились к Гаутаме, его называя Буддой («Просветленным»). На самом же деле он стал Просветленным уже тогда, когда впервые пронзен был жалостью к людям.

Прошло много лет, и Просветленный, восьмидесятилетний старец, пришел с учениками к дереву Бодхи. Один из учеников, самый любимый, пал на колени, чтобы поклониться месту, где родилась надежда. Просветленный поднял его и, взяв с земли горсть листьев, спросил: «Скажи, юноша, есть ли еще листья, кроме этих?» «Осенние листья падают повсюду, — ответил ученик. — Их не счесть». «Вот так и я, — Просветленный молвил, — дал вам лишь горсть истин, но, кроме них, есть бесчисленное множество других, которым нет счета».

Будда и брахман

Как и в предшествующей сутре{354}, собеседником Будды выступает брахман, но уже не молодой, а пожилой человек. Ставится очень существенный вопрос о значении труда в жизни буддийских монашеских общин. Буддийские монахи жили на подаяние. Обвинения в паразитизме, видимо, были частым явлением. Сутра призвана показать, что проповедь буддийских истин является таким же общественно полезным трудом, как занятие сельским хозяйством.

Как-то, блуждая по земле мегадхов, Блаженный остановился в одной из брахманских деревень. Была пора сева. Уже запрягли быков в плуги. Дымился котел. Работникам раздавали пищу. Блаженный подошел к месту раздачи и подставил свою кружку. Видя это, брахман сказал:

— Прежде чем есть, я пашу и сею. И ты, странник, сначала вспаши свое поле и посей свои зерна, а потом насыщайся.

— Так я и делаю, — ответил Будда.

— Но я что-то не вижу у тебя упряжки, плуга, быков, кнута, всего того, без чего не может быть вспашки и посева.

Будда ответил гатхой:

Вера — зерно мое, воздержание — дождь,
Мудрость ярмом и плугом мне служат,

Стыд служит дышлом, упряжью — мысль,
Память — мой кнут и лемех.

Мужество — тягловые быки,
Прямую тянут они борозду
Туда, где ожидает нас отдых,
Туда, где не знают печалей.

Вот как пашется эта пашня,
Рождающая нирвану.
Вспашешь, как это делаю я,
Навек избавишься от страданий.

Слыша эти мудрые слова, брахман наложил большую бронзовую чашу дополна дымящейся, сваренной на молоке рисовой каши и обратился к Будде:

— Отведай каши, почтенный Гаутама. Воистину ты — пахарь.

Будда ответил гатхой:

Не беру я платы за пение гатх.
Для видящих истину плата — нарушенье закона,
Отвергают Будды вознагражденья обычай.
Жив покуда закон, будет этот обычай жить.

— Кому же мне дать эту молочную кашу? — спросил брахман.

— В целом мире, — ответил Будда, — я не знаю никого, кто бы мог ее переварить. Поэтому вылей эту сваренную на молоке рисовую кашу туда, где не растет трава, или вылей ее в воду, где не водится живых существ.

Брахман вылил кашу в воду, где не было живых существ, и она зашипела, засвистела, задымилась и испустила клубы пара. Пораженный этим, объятый дрожью восторга, брахман приблизился к Блаженному и припал к его ногам.

— Поразительно! — воскликнул он. — Какими разнообразными способами ты разъяснил мне свое вероучение. И вот я иду к тебе как к прибежищу и принимаю посвящение от самого Гаутамы.

Будда и царь Махапинтала

В отличие от сутр, связанных с практикой обучения молодых монахов приемам вовлечения иноверцев в истинную веру, существовал специальный жанр произведений,

обращенных к мирянам, — джатаки. Они строятся как рассказ самого Будды о своих прошлых рождениях. Это назидательные повествования, притчи, легенды.

В этой джатаке Будда выступает в роли благородного царевича, сменяющего на троне ненавистного народу тирана.

Давным-давно в славном городе Варанаси правил злой и несправедливый царь Махапинтала. Не было для него большего удовольствия, чем причинять боль. Был он груб, суров и жесток и никогда не испытывал жалости к людям. Он был неумолим и беспощаден не только к своим женам, сыновьям и дочерям, но и к придворным, брахманам, знатнейшим кшатриям. Он был невыносим, словно песок в глазах, словно камень в пище, словно колючка в пятке.

В то время Будда возродился в образе сына этого царя. Когда же после долгого царствования ненавистный народу правитель умер, жители Варанаси ликовали так, словно одержали победу над давним недругом. На место сожжения праха навезли тысячу возов дров, полагая, что сильный огонь унесет подальше от города ненавистную душу. С радостью был помазан на царство сын Махапинталы. По этому случаю каждый дом был украшен стягами и знаменами. Барабаны бухали весь день с такой силой, словно этими звуками стремились изгнать из города недобрую память о Махапинтале.

Каково же было удивление Будды, восседавшего на золотом троне, когда он услышал всхлипывание. Повернув голову, Будда увидел старого привратника, то и дело вытиравшего с лица слезы.

— Что с тобою? — спросил Будда. — Весь народ празднует избавленье, а ты льешь слезы. Может быть, ты скорбишь о смерти того, кого в Варанаси называли Красноглазым?

— О нет! — воскликнул привратник. — Не о смерти Махапинталы я скорблю. Ведь каждый раз, выходя из дворца, твой отец бил по моей голове своим тяжелым кулаком, кажется, считая ее колоколом. Возвращаясь во дворец, он ударял столько же раз, возвещая о своем возвращении. Это стало у него привычкой. Вот я и думаю, что, оказавшись у ворот нижнего мира, он также будет бить привратника Яму и тот, рассердившись, отошлет его назад.

— Не бойся! — сказал Будда. — Царь сожжен на костре из тысячи возов, потом место сожжения было залито водой из тысячи кувшинов и окружено бороздой. К тому же существа, перешедшие в другой мир, никогда не возвращаются в то же тело. Не бойся!

Джатака об одиноком слоне

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, в Гималаях родился слоненок. Выйдя из утробы матери, он был белым, как слиток серебра, глаза его сверкали, как драгоценные камни, рот пламенел как красная ткань, а хобот светился как серебряная цепь с искрами красного золота. Ноги его были гладкие и блестящие, словно покрытые лаком.

Когда слоненок вырос, не утратив красоты, он обрел мощь. Все восемьдесят тысяч гималайских слонов сошлись и сделали его вожаком. Но недолго он правил слонами. Увидя в стаде грех, он удалился и стал жить в лесу один, никогда не выходя оттуда, чтобы вытоптать посевы земледельцев.

Слава об одиноком белом слоне распространилась по всем Гималаям, но мало кому удавалось его видеть. Однажды один из жителей Варнаваси, — да сотрется из памяти его имя, — заблудился в чаще. Долго он метался, наталкиваясь на деревья, запутываясь в лианах, но, поняв, что выхода нет, сел на землю и заревел.

И вот он слышит шум продирающегося сквозь чащу большого зверя. Будда — а это он возродился в облике слона — решил помочь несчастному. Но человек, не поняв намерений животного, обратился в бегство. Тогда Будда остановился. Остановился и человек. Так повторилось несколько раз, пока человек догадался, что ему не хотят зла, и подпустил слона на близкое расстояние.

— Почему ты плачешь? — спросил слон, повернув к человеку огромное ухо.

— Почтенный! — произнес человек, склонившись до самой земли. — Я заблудился в твоем лесу и не знаю, как найти дорогу в город. К тому же я сильно ослабел от голода.

Слон привел человека к себе, накормил его досыта сладкими плодами и, обхватив его поясницу хоботом, посадил на спину. Он шел медленно, выбирая дорогу таким образом, чтобы человек не ушибся и на него не упала с дерева змея.

Стражники еще с башни над воротами увидели приближающегося к городу слона и созвали трубами весь город. Горожане высыпали изо всех ворот навстречу слону. Они никогда не видели слона, к тому же такого могучего. Человека же, которого доставил слон, считали давно погибшим. Но, кажется, никто ему не обрадовался, кроме ростовщика, которому он задолжал.

Подойдя к слону, ростовщик потрогал клык и сказал, обращаясь к спасенному:

— Этот клык настоящее сокровище!

Слон покачивал головой, словно соглашаясь с этой оценкой, а затем, повернувшись, с царственным достоинством удалился.

Человек же, не заходя в свою хижину, отправился на рыночную площадь в ряд резчиков по кости. Обращаясь к мастерам, он спросил:

— Скажите, дорого ли стоят бивни живого слона?

— Клыки живого слона стоят вдвое дороже клыков мертвого слона, — ответил старший мастер и назвал цену.

Вскоре после этого спасенный вернулся в лес и нашел там убежище одинокого слона.

— Ты снова заблудился? — воскликнул Будда удивленно.

— Нет, — ответил человек. — Я пришел к тебе за помощью.

— И чем я могу тебе помочь? — спросил слон с готовностью в голосе.

— Видишь ли, я бедный человек и мне не на что жить. У тебя же два клыка, и ты можешь обойтись одним. Дай мне клык, я его продам и буду кормиться.

— Что ж, — сказал слон. — Сходи за пилой.

— Я ее захватил, — сказал человек, сбрасывая со спины мешок, который зазвенел.

Слон подогнул ноги, чтобы человеку было удобно работать, и тот отпилил один клык, а потом, подумав, и другой.

— Ты не думай, — сказал слон, поднимаясь, — что клыки мне не дороги. Знай: с их помощью можно достигнуть спасения и просветления.

Но человек, кажется, не понял смысла сказанного. Он засунул бивни в мешок и, взвалив его на спину, зашагал к городу.

В городе он продал клыки по обещанной ему цене, рассчитался с ростовщиком и некоторое время жил в роскоши. Когда же золото кончилось, он вновь пошел в лес и, отыскав слона, сказал ему:

— Почтенный! Я продал твои клыки. Но деньги пришлось отдать за долги. И снова мне нечего есть. Дай мне остатки твоих клыков.

— Возьми! — сказал слон, опускаясь на землю.

Человек достал пилу и, срезав остатки клыков, отправился восвояси.

Через некоторое время он пришел еще раз и потребовал корни клыков.

Слон молча лег на землю. Неблагодарный забрался по хоботу слона, как по серебряной цепи, на голову слона, напоминавшую снежную вершину, и стал пяткой отбивать корни клыков. Потекла кровь. Видимо, слону было больно. Но он не пошевелился, не застонал. Отбив корни клыков, негодяй ушел. Но недалеко. Земля, выдерживавшая тяжесть гор, дрогнула под его ногами. Донесся отвратительный запах человеческих нечистот. Из

трещины вырвалось пламя в форме хобота и, схватив предателя, швырнуло в преисподню.

Будда тогда произнес гатху:

Глаза неблагодарного повсюду так и рыскают.
Людская жадность низкая.

Мифы Древнего Китая

Драконы, боги, древние цари

Со словом «Китай» в не слишком отягощенной культурными ценностями памяти связаны такие понятия, как Великая Китайская стена, рис, чай, шелк. К этому списку сооружений, изобретений, нововведений можно добавить бумагу, компас, тушь. Понятие «миф» в обыденном сознании с Китаем не ассоциируется. При слове «миф» в воображении возникают знакомые нам с детства образы Геракла, Орфея, Персея, Тесея, Ариадны, Кассандры. И это естественно, поскольку «миф» — греческое слово и художественное сознание европейцев основано на греческих мифах. Однако китайцы обладают не менее богатым мифологическим наследием, чем греки. Оно нам просто менее известно, поскольку Китай находился за Китайской стеной.

С китайскими мифами европейцы впервые познакомились в XVIII в., а до того сам Китай был мифом. Именно тогда ряду европейских философов казалось, что историю цивилизации должно начинать с Китая. Это мнение опиралось на представление о том, что Китай — родина самых древних и мудрых философов. Между тем, как это ясно теперь, китайские философы не древнее греческих и много моложе мудрецов Египта.

До философии в Китае было поэтическое осмысление мира и прошлого человечества в форме мифов. Эти мифы не рассказывались, а пелись, сопровождаемые ударами, гудениями, рокотом музыкальных инструментов. Их героями были первопредки и цари-мудрецы, создатели человеческой культуры. Между зарождением этих песен, хранившихся в народной памяти, и их фиксацией с помощью изобретенной во второй половине II тыс. до н. э. письменности прошли многие столетия. И несколько столетий понадобилось еще для того, чтобы записанные песни были систематизированы и осмыслены китайскими мудрецами как документы исторического прошлого, как рассказы об истинных событиях и лицах определенной территории и времени.

Сами песни, на основании которых философами создавалась фиктивная история, частично сохранились в сборниках «Шицзин» («Книга песен») и «Шуцзин» («Книга истории»). Китайский историк Сыма Цянь (146–86 гг. до н. э.) так сказал об отборе этих песен: «В древности песен (ши) было более трех тысяч. Конфуций отбросил негодные и взял то, что соответствует правилам и должному». Поскольку дошедших до нас песен 305, ясно, что негодными признано девять десятых поэтического наследия древних китайцев. Что касается принципов отбора, то они определялись задачами воспитания народа в духе конфуцианства с его идеализацией старины, почитанием предков, верностью нормам складывающегося государства. Таким образом, китайские песни донесли до нас упорядоченную, препарированную мифологию, соответствующую господствующему во времена Конфуция (VI–V вв. до н. э.) мировоззрению.

Отношения между народной поэзией, как источником мифов, и философией, как их осмыслением, не были идиллическими ни в Китае, ни во всех иных древних цивилизациях. Философы, выработавшие более или менее цельное представление об окружающем мире, относились к народной мудрости с определенным пренебрежением. Они видели в песнях наивные рассказы, стоящие на пути познания истинных законов, по которым развиваются природа и человечество. В этом не было беды, если бы философы только вступали в полемику с народной поэзией. Нет, сами пользуясь мифами как источниками, они до неузнаваемости их разрушали. Например, если в мифе рассказывалось о чудовище с четырьмя лицами, то в пересказе философа четыре лица превращались в четырех сановников, отправленных императором в четыре страны по четырем сторонам света. Такой рационалистический подход к мифам известен и в средиземноморской древности, где он связей с именем философа Эвгемера, который доказывал, что богами были провозглашены когда-то жившие цари и другие чем-либо отличившиеся люди.

Упорядочение китайской мифологии, осуществленное философами,

усложнило понимание ее развития. Можно лишь догадываться, что в глубокой древности китайцы, как и другие народы, почитали животных — змей, ласточек, медведей, слонов, считая их покровителями отдельных родов и племен. Со временем одна из таких покровительниц, змея, приняла в воображении рассказчиков мифов облик чудовищного змея — дракона, которому было приписано господство над метеорологическими явлениями и небесными телами, водной стихией и особое покровительство царям. Таким же образом почитаемые китайцами реальные птицы превратились в фантастическую птицу Фэнхуан, ставшую символом царицы. Облик дракона был придан также богиням и богам, которым приписали создание мира и сотворение человечества.

Китайцы, обитавшие на равнинах, часто заливаемых выходящими из берегов великими реками, почитали спасительные горы. Одна из них, Куньлунь, мыслилась расположенной в центре мира в виде опорного столпа для неба. Считалось, что на вершине этой горы находилась резиденция верховного бога и небесного императора Шан-ди. Одновременно существовало представление о другой вертикальной оси — мировом древе, ставшем обиталищем десяти солнц.

Само небо мыслилось высшим существом, руководящим всем, что происходит на земле. При этом в мифологическом сознании произошла подмена Верховного небесного владыки и Неба мифическими Государями Неба. В их число входил верховный владыка центра Хуан-ди и его помощник бог земли Хоу-ту, покровительствующий храму Солнца и властвующий над созвездиями и планетами Большой Медведицы, Сатурном, Юпитером, Меркурием, Венерой. Каждому из мифических владык соответствовало определенное материальное начало — время года, цвет, животное, часть тела, оружие. Все это говорит о формировании сложной мифологической системы, включающей различные природные и пространственные элементы.

Главные герои китайской мифологии — прародители, представленные в виде реальных правителей и царей, создателей культурных благ: огня, земледелия, медицины, календаря, музыки, письменности. Приписывание одного и того же изобретения разным героям объясняется тем, что имеющиеся в нашем распоряжении мифы объединили различные мифологические традиции. Китайские культурные герои выступают одновременно как открыватели мира, путешественники, проникающие в самые отдаленные уголки земли. При этом под отдаленными странами запада, куда проникают стрелок И и другие прародители, часто подразумевается страна мертвых.

Первый человек Пань-гу

Миф о Пань-гу впервые зафиксирован в памятнике южных племен Китая III в.

Было время, когда земля и небо еще не отделились друг от друга и, слитые вместе, составляли нечто, отдаленно напоминающее по виду куриное яйцо. Здесь и зародился, как цыпленок в желтке, первый человек Пань-гу. Прошло восемнадцать тысяч лет, прежде чем он пробудился. Вокруг был непроницаемый липкий мрак, и сердце человека онемело от страха. Но вот его руки нащупали какой-то предмет. Это был невесть откуда взявшийся топор. Пань-гу размахнулся что было сил и ударил перед собой.

Раздался оглушительный грохот, словно бы от того, что надвое раскололась гора. Неподвижный мир, в котором находился Пань-гу, пришел в движение. Все легкое и чистое всплыло вверх, а тяжелое и грязное опустилось на дно. Так

возникли небо и земля.

«Долго ли они останутся разделенными? Сможет ли держаться небо без опоры?» — эти тревожные мысли вспыхнули в мозгу первого человека, и он тотчас же уперся головою в небо, а ногами в землю.

Так он стоял не шелохнувшись. С каждым днем небо поднималось выше на один чжан{355}, и Пань-гу тоже вытягивался на один чжан. 18 тысяч лет находился первый человек между небом и землей, пока расстояние между ними не установилось в 90 тысяч ли{356}.

После этого небо перестало подниматься, и Пань-гу понял, что мир завершен. Он радостно вздохнул. Со вздохом родились ветер и дождь. Он открыл глаза — и начался день. Ему бы жить и жить, радуясь прочности и красоте новорожденного мира. Но жизнь его была в росте. Прекратив расти, он должен был умереть. {357}

Тело Пань-гу стало светом и жизнью. Левый глаз засиял Солнцем, правый — заблестел Луной. Четыре конечности и пять внутренних частей тела стали четырьмя сторонами света и пятью священными горами, кровь — реками и ручьями, жилы и вены — дорогами, покрывшими землю, плоть — почвой, а волосы на голове и усы — растительностью на ней, зубы и кости — золотом и каменьями, костный мозг — жемчугом и нефритом, предсмертный пот, выступивший на теле Пань-гу, стал дождем и росой.

Нюйва-прародительница

Образ Нюйвы («Женщина», «Мать Ва») восстанавливается по разрозненным и разновременным данным. В изначальном своем виде это богиня Земли, отсюда ее облик полуженщины-полузмеи. Также полагают, что Нюйва почиталась как прародительница племен, имевших в качестве тотема змею.

С функциями богини земли связаны изображения Нюйвы совместно с другим змееподобным существом Фуси на крышках каменных гробов. Нюйва также отождествлялась с богиней плодородия, соединяющей юношей и девушек в браке. В начале первого весеннего месяца в ее честь приносились жертвы, устраивались песнопения, пляски и стрельба из лука. Существуют некоторые намеки на то, что Нюйва считалась не только прародительницей людей, но и матерью богов. Так, один древний комментатор пишет: «Нюйва — древняя богиня и императрица с человечьей головой и змеиным туловищем. В один день она претерпевала семьдесят превращений. Ее внутренности превратились в этих богов».

Земля уже отделилась от неба. Ввысь поднялись священные горы. К морям текли реки, полные рыб. Леса и степи были переполнены дикими животными. Над лугами парили непуганые птицы. Но не было еще людей, и поэтому мир оставался незавершенным.

Знала это прародительница Нюйва, богиня с туловищем,

змеи, но с человеческим белым лицом, словно покрытым пудрой. Она сползла с обрыва к пруду, взяла в горсть желтой глины и, глядя на колебавшееся в воде изображение верхней части своего тела, вылепила небольшую фигурку. Не успела она поставить ее на ножки, как фигурка ожила, закричала «уа-уа» и весело запрыгала.

Нюйва тоже радовалась тому, что ей удалось создать Жэня («Человека»). Продолжая свой труд, она вылепила еще несколько сотен человечков обоего пола. Они, приплясывая, разбежались кто куда. Нюйва понимала, что у нее не хватит ни сил, ни времени, если она будет таким же образом лепить всех людей, могущих населить землю. Поэтому, сорвав свисавшую с обрыва лиану, она опустила ее в топь и, когда лиана покрылась глиной, стряхнула ее на землю. Всюду, где падали кусочки глины, возникли кричащие и прыгающие человечки. Впоследствии богатые и знатные говорили, будто они вылеплены руками Нюйвы в отличие от бедных и худородных, которых ее руки не касались.

После того Нюйва задумалась, как продолжить род человеческий: ведь ее создания не были вечными и умирали, достигнув определенного возраста. Она соединила мужчин и женщин, и от них происходили новые человечки без ее помощи.

Жила Нюйва некоторое время не зная забот. Но землю охватили великие бедствия. В некоторых местах обрушился небосвод, и там образовались огромные черные дыры. Через них просочился жар, и на земле запылали леса. Образовались провалы, через которые хлынули подземные воды. Враждебные друг другу Вода и Огонь объединились, чтобы уничтожить людей.

Видя, как страдают ее создания, Нюйва принялась за работу, чтобы починить прохудившийся небосвод. Она собрала множество разноцветных камней, расправила их на огне и заделала образовавшейся массой небесные дыры. Чтобы укрепить небо, Нюйва убила гигантскую черепаху, отрубила у нее четыре ноги и поставила их на четырех частях земли в качестве подпорок, державших небосвод. Впрочем, небосвод не вернулся в свое прежнее состояние. Он несколько покосился, что можно видеть по движению Солнца, Луны и звезд. Кроме того, к юго-востоку от Поднебесья образовалась огромная впадина, заполнившаяся водою всех морей и рек. Ее назвали Океаном.

Фуси

Имя Фуси истолковывают как «Устроивший засаду на жертвенных животных», но под ним понимается бог, покровительствующий охоте и рыболовству. Он также считался божеством Востока, правящим под покровительством стихии и растительности. Конфуцианские философы превратили Фуси в царя, правившего, в

переводе на наше летосчисление, с 2852 по 2737 г. до н. э.

В той далекой стране, которую едва можно достичь даже в мыслях, жила девушка по имени Хуасюй. Однажды она отправилась на болотистую низину, заросшую бамбуком, и увидела след огромной ноги с растопыренными пальцами. Желая измерить, насколько лапа гиганта больше ее ножки, она вступила на след и тотчас почувствовала, как что-то в нее вошло. Через некоторое время она родила какое-то существо, не ребенка и не зверенка, а получеловека-полузмею. Назвала она его Фуси.

В то время земля и небо были уже разделены, но еще соединялись множеством лестниц, сплетенных из лиан. По ним можно было подниматься и спускаться туда и сюда, узнавая, что делается на небе, в Верхней столице, и передавать об этом тем, кто живет внизу. Разумеется, не каждый мог отважиться на такое путешествие, и не только из страха перед небесным властителем. Лестницы были необычайной длины и раскачивались при малейшем дуновении ветерка. Один неосторожный шаг — и летишь вниз.

Вот по такой лестнице, опускавшейся в сад в самом центре земли, сходил и поднимался бесстрашный Фуси. Утомившись, он отдыхал в тени деревьев, цветущих и лето и зиму благоуханными цветами, в окружении птиц удивительной красоты, певших волшебными голосами. От них Фуси научился петь, подбирая мелодию на созданных им пятидесятиструнных гуслях. Впрочем, он не мог сравниться в пении с птицами, ибо не обладал божественным слухом. Однажды в волшебный сад из окружавшей его пустыни забрела дева, и он передал гусли, чтобы гостья сыграла и спела. Пальцы девушки порхали над струнами с такой быстротой, какая была недоступна самому Фуси, песня же была такой печальной, что V него из глаз хлынули слезы. Поэтому Фуси вежливо попросил деву вернуть ему инструмент. Но она, увлеченная собственным пением, продолжала петь, и слезы у Фуси продолжали литься потоком. Он протянул руку и вырвал свои гусли. Они разломались на две части. Девушка продолжала петь на своей половине гуслей из двадцати пяти струн, но песня уже не брала за душу. Поэтому Фуси оставил девушке ее половинку гуслей, и она ушла с ними в пустыню, а Фуси занялся другим делом, более подходящим его наклонностям. С тех пор гусли в Поднебесной империи имеют самое большее двадцать пять струн.

Увидев в Верхней столице огонь и зная, как страдают без него люди, он решил одарить их пламенем. Наблюдая за птицами, бившими по деревьям клювами, чтобы достать из коры

насекомых, он поднял с земли сухой сучок и стал им сверлить кору. Показался дымок. Фуси начал на него дуть, подкладывая более мелкие веточки и листья. Так появился рукотворный огонь, и люди могли им пользоваться, когда это им было нужно, не ожидая, что с неба упадет молния или с гор покатится раскаленная лава.

Люди, благодарные Фуси, стали приветствовать его кострами, а он, радуясь этому, изобрел для них сети, с помощью которых они могли ловить рыбу. Реки тогда кишели рыбой, и рыбная пища стала для человека большим подспорьем.

Состарился Фуси. У него была белая борода до земли, и во всей Поднебесной не было человека мудрее его.

Из своего сада Фуси управлял не только людьми, но и природой. Он зорко следил за тем, чтобы времена года сменялись в точно назначенное им время. Для этого ему нужны были циркуль и другие измерительные инструменты, и он их также изобрел.

У Фуси была дочь неописуемой красоты. На ее белом лице глаза блестели как капельки лака, брови вобрали в себя всю красоту рек и гор, а голос звучал как у иволги. Отдал Фуси дочери свою половинку гуслей, и она услаждала его игрой и пением. Однажды, переплывая реку, девушка попала в водоворот и утонула. Стала она феей реки. Иногда, когда ей становится скучно жить на дне среди других духов и рыб, она поднимается из воды и поет так прекрасно, что смертные, услышав это пенье, очертя голову бросаются в реку и тонут.

Владычествующий над просом

Миф отражает начало земледелия в Китае. Владычествующий над просом (Хоу-цзи) считался божественным прародителем племени Чжоу, сделавшего земледелие главной отраслью хозяйства. Мать Владычествующего над просом Цзян Юань была, по преданию, из рода Ютай. Народные предания наградили ее магической силой покровительницы детей.

В изложенной версии мифа не сообщается, откуда младенец взял семена для посевов. В более поздних версиях он получил зерно из Верхнего мира. Это подчеркивало божественное происхождение земледелия.

Из племени Чжоу происходила девушка Цзянь Юань, мечтавшая о материнстве. Приносила она жертвы, чтобы родить. Но это не помогало. Тогда она вступила в след Верховного Предка без его согласия и зачала. Прогремел гром. Забрезжило утро. И родила Цзянь Юань сына, крошечного, как росток. Не принял его Верховный Предок, и юной матери пришлось положить ребенка на узкую тропу.

Шли буйволы на водопой и услышали пронзительный крик.

Видят они, лежит младенец, и такой прекрасный, какого свет еще не видывал. И подошла одна из буйволиц, и поднесла ему вымя. Когда сосал он, то не плакал, и так кормили его они по очереди все лето.

Осенью стадо должно было покинуть эти места. Младенец остался на берегу. Не могли взять буйволы его с собой — у них не было рук. Оставшись один, младенец стал кричать еще громче, чем прежде, потому что пока не мог добывать пищу сам. На крик прибежали волки. Беззащитный человеческий детеныш был для них желанной добычей. Волки уже подходили к нему, как вдруг с неба спустились две большие птицы на длинных ногах. Они подхватили младенца и унесли из-под носа разъяренных зверей.

И стал чудесный младенец жить в большом гнезде. Птицы приносили ему с лугов зернышки трав, и вскоре он привык к этой пище.

Однажды птицы полетели за кормом, а когда вернулись, обнаружили, что гнездо пусто. Кружась над лесом, они увидели малыша то поднимающимся на ноги, то ползущим, и поняли птицы, что человеческий детеныш уже не нуждается в их помощи. Помахав ему на прощанье белыми крыльями, они полетели на юг, где зимовала их стая.

Малыш тем временем приполз на луг, где нашли его буйволицы и накормили молоком. Был он еще совсем мал, но наделен разумом мудреца. Подобрав себе по силам палку с сучком, он стал царапать ею влажную землю. В образовавшиеся борозды он сыпал зерна, какими кормили его птицы.

Прошло несколько месяцев. На луг в поисках пищи забрели люди и остановились в изумлении. По краям, словно зеленые стяги, тянутся к небу бобы. Крупные тыквы желтеют поодаль. Ровным строем густеют золотые колосья пшеницы. Зеленеет конопля. Но особенно пышно раскинулось просо. Колосок к колоску. Зерно к зерну. Черное просо — с двойным зерном. Красное просо — с густым колоском. Белое просо радует глаз человека. Знали люди и раньше эти вкусные плоды и злаки. Но тогда тонули они в травах, от которых не было проку. Не могли понять люди, почему побежденными оказались сорняки, покрывающие землю. Вдруг раздвинулись колосья проса, и перед ними появился чудесный младенец.

— Хоу-цзи! Хоу-цзи! — возликовали люди.

Назвав младенца Владычествующим над просом, люди стали ему поклоняться и служить, а он научил их пахать, сеять, очищать зерно от плевел, хранить его.

Безупречный Шунь

Образ Шуня на протяжении многих веков его разработки китайскими поэтами и философами испытал сильные изменения. Первоначально это герой — охотник на слонов, которых ему удалось приручить. Впоследствии слон становится младшим братом Шуня. Борьба между охотником и слоном превращается в соперничество двух братьев, в котором победу одерживает Шунь. Сюда же прибавляется сюжет о матери младшего брата, ненавидевшей пасынка. Вмешательство в разработку мифа философов-конфуцианцев привело к тому, что Шунь превращается в добродетельного сына и идеального правителя, наследника Яо.

В племени Шан{358} в стародавние времена жил-был слепой старец Гу-Соу со своей женой. Не имели они детей и от этого страдали. Как-то ночью Гу-Соу приснился феникс{359} с зернышком риса в петушином клюве. Феникс, владевший речью, дал старцу проглотить зернышко и, объяснив ему, что от него пойдет в роду Гу-Соу потомство, взмахнул крылами и скрылся.

Вскоре в доме родился сын, на сыновей смертных непохожий. В каждом глазу у него было по два зрачка. Поэтому его назвали Шунем («Зорким»). Недолго после этого прожила родительница. Отец Шуня взял в жены злую женщину. Она родила мальчика, которому дали имя Сян («Слон»){360}. Характером он был в мать, злобный и вредоносный. Тогда уже люди Шан выкорчевывали деревья и обрабатывали поля. Не мог Сян пройти мимо участка с колосящимся просом, чтобы его не вытоптать. Следы разрушителя всегда вели в дом Гу-Соу. Не раз приходили люди с жалобой на его младшего сына, но старец не принимал никаких мер, мать же поощряла его проступки, считая их безобидными шалостями. Но Шуню терпением и убеждением удалось приручить своего дикого братца. Вместо того чтобы вытаптывать поля, он, всем на диво, начал помогать выкорчевывать пни. Часто можно было наблюдать такую картину: Шунь восседает на Сяне, влекущем плуг или борону.

Уже в нежном возрасте Шунь отличался сыновней почтительностью и редким трудолюбием. Правитель страны, а им тогда был мудрый Яо{361}, слышал о мальчике, а затем о юноше одни похвалы. Поэтому он пригласил его к себе. Впервые Шунь увидел фениксов, бродивших по двору вместе с курами и петухом. Более всего Шуня поразило дерево, росшее прямо на ступеньках царского дома. На ветвях с начала месяца росли стручки. Опадая, они показывали время.

Яо восседал за трапезой вместе с дочерьми и сыновьями. Шунь обратил внимание на то, что царь, царевичи и царевны ели не из золотой, не из серебряной — из глиняной посуды. Одеты царские дети были просто, но на Яо было одеяние божественного красного цвета.

— Присаживайся, юноша! — сказал Яо, пронизывая Шуня взглядом.

Когда Шунь сел, ему пододвинули миску с дымящимся рисом и палочками.

— Я слышал о тебе хорошее, — продолжал царь. — Поэтому даю тебе в жены двух своих дочерей.

Шунь взглянул в направлении, куда обратился царский перст, и едва не ослеп. От лиц девушек исходил блеск божественной красоты.

— Приданым не обижу, — царь показал на большой деревянный сундук в углу горницы. — Тебе самому я дарю цитру и лук, ибо надеющемуся управлять надо быть сильным не только в войне, но и в музыке.

Так в то утро Шунь покинул царский дом с двумя женами, с луком в одной руке, цитрой — в другой. Сундук же везли на волах. Поселился Шунь отдельно от царя и от своих родителей. Но родительский дом был недалеко.

Видя счастье Шуня, зная о всеобщей любви к нему, мачеха люто возненавидела пасынка. Ей удалось настроить против него отца, человека недалекого и безвольного. Он смотрел супруге в рот и исполнял все ее желания и капризы. Но это не мешало Шуню относиться к отцу и его супруге с неизменной почтительностью, навещая их в положенные для этого дни. Он не забывал и о дарах. Жены Шуня ухаживали за свекровью и были с нею ласковы. Это лишь разжигало ее ненависть.

Орудием в руках мачехи стал злобный Сян. Его свела с ума небесная красота жен Шуня, и он решил убить брата, чтобы овладеть женами его. Мачеха поддержала Сяна в его коварных намерениях, Гу-Соу никогда ей не перечил. Так эта семейка была единодушной в стремлении погубить Шуня.

Гу-Соу как-то пригласил сына починить прохудившуюся кровлю амбара. Перед тем как отправиться к отцу, юноша заглянул к женам, чтобы они знали, куда он идет. Услышав о приглашении отца, красавицы переглянулись.

— Не ходи! — сказали они в один голос. — Тебя замыслили сжечь.

— Но могу ли я отказать тому, кто меня родил?! — возразил Шунь.

Тогда жены отправились к сундуку, где хранилось приданое, достали одеяние с вышитым пестрым шелком фениксом.

— Переоденься, повелитель, — сказали они Шуню. — И можешь идти.

Отец, мать и брат встретили Шуня ласково, лишь пожурили его за расточительность: ведь для грязной работы не годится нарядная одежда. Они сами принесли лестницу и установили ее так, что Шуню оставалось лишь подняться на крышу. Когда он

срывал прогнившие доски, злодеи незаметно забрали лестницу, подвалили к стенам заранее припасенный хворост и бросили в него факел. Увидев высоко вздымающиеся языки пламени, Шунь заметался в поисках лестницы. Не найдя ее, он понял, что его хотят погубить. Видя смятение юноши, родичи хохотали:

— Тебе не спастись. Разве улетишь на небо.

Шунь, кажется, это понимал и сам. Во всяком случае, он поднял руки к небу и стал взывать о помощи. Внезапно тело его покрылось разноцветными перьями, руки превратились в крылья, уста — в петушиный клюв. Став фениксом, из зернышка которого родился, Шунь взлетел в небо. Но вскоре он опустился неподалеку от пылающего амбара без своего одеяния, но в человеческом облике.

Не дожидаясь, когда Шунь удалится, злодеи стали шушукаться, как крысы в подполье.

— Не надо было его пускать в одежде, на которой вышита птица! — скороговоркой произнесла мачеха.

— Да! Да! — прогудел Сян. — Он нас обманул. Теперь мы попросим его почистить колодец и проследим, чтобы на нем была рабочая одежда.

Гу-Соу кивал одобрительно головой, когда же Сян замолк, вызвался сам пойти к Шуню, чтобы заманить его и погубить.

Стуча палкой, он в тот же день отправился к сыну. Извинившись за случившееся и заверив, что подобное не повторится, старец попросил сына почистить колодец, ибо в доме нет мужа, кто мог бы это сделать: ведь под Сяном оборвется любая веревка.

— Будь спокоен, отец! — произнес Шунь с почтением. — Я выполню твою волю.

Утром жены достали из сундука одеяние с вышитым на нем драконом и посоветовали супругу надеть его как исподнее, а рабочую одежду поверх него.

Выполнив это, Шунь простился с женами и отправился в родительский дом. Видя, что на Шуне рабочая одежда, злодеи мигом сбегали за канатом и, прикрепив его, опустили в колодец, так что Шуню оставалось лишь взять лопату и спуститься. Но не успел он добраться до воды, как сверху обрушились камни. Шунь, однако, успел скинуть рабочую одежду и превратиться в дракона, точно такого, какой был вышит на его одеянии. Дракон бросился в воду и поплыл по подземному морю к другому колодцу.

Между тем родичи продолжали сверху заваливать колодец камнями и глиной. Засыпав его до уровня земли, все, кроме Сяна, отошли, он же стал втаптывать землю всей своей тяжестью, так что вскоре уже нельзя было различить и места, где был колодец.

После этого все, оживленно беседуя, двинулись к дому Шуня.

— Можете взять землю, скот и дом, — бубнил Сян. — Мне нужны лишь цитра, лук и жены, ибо…

— Но без одеяния и украшений, — вставила мать Сяна. — Тебе их не носить, да и твоим женам богатство теперь ни к чему. Они станут рабынями, и я сама прослежу, чтобы они не ленились.

Войдя в дом, злодеи объявили о том, что Шунь погиб, а они вступают во владение всем его имуществом. Мачеха кинулась к сундуку и, раскрыв его, стала выбрасывать содержимое на пол. Отец, стуча палкой по половицам, ходил по горницам и ощупывал вещи. Сян же сорвал со стены цитру, сел на постель Шуня и, ударив по струнам, приказал женам раздеться и плясать. Слуха же у Сяна не было. О таких людях, как он, говорят, что им наступил на ухо слон. Не успели женщины скинуть свои одежды, как в дом вступил Шунь.

— Дорогие гости! Я вас не ждал в доме! — сказал он окаменевшим от ужаса злодеям. — А вы, жены, подайте моим родителям и брату угощение.

Родичи не захотели садиться за стол и, пятясь, как раки, покинули дом. Но, возбужденные богатствами Шуня и красотою его жен, злодеи вскоре опомнились и стали вновь размышлять, как наверняка погубить сына и брата.

— Я думаю, — сказала мачеха первой, — что у Шуня под рабочей одеждой было вышитое одеяние. Когда я разбирала сундук, я видела, что таких одеяний множество. Поэтому Шуня надо отравить.

— Да! Да! Отравить! — радостно подхватил Сян. — Как мы сразу не догадались? Тогда бы нам не пришлось засыпать колодец и рыть новый. У нас бы остался амбар. Я сам отправлюсь к Шуню и, извинившись перед ним, приглашу его на пир.

Придя домой, мачеха занялась приготовлением яда, заставив мужа толочь в ступе какие-то куски и крупинки. Наутро Сян отправился к Шуню, чтобы пригласить его в гости.

Едва Сян покинул дом Шуня, как он обратился к женам:

— Что же теперь мне надеть? — спросил он. — Я уверен, что они не думают мириться со мною, а намерены меня погубить.

— Иди в чем хочешь! — ответили жены. — Пей и насыщайся! Только намажься вот этим.

Они вручили супругу деревянную коробочку с каким-то зельем. Шунь разделся и стал втирать зелье в руки, ноги, лицо, грудь и живот. Спину же ему натерли жены. После этого Шунь облачился в чистое белое одеяние, расчесал волосы и, насвистывая, отправился к родичам.

Его ожидал стол, накрытый яствами, и радостные лица.

Усадив Шуня на почетное место, злодеи стали потчевать гостя. Шунь ел и пил за обе щеки. Хозяева ему не уступали, так что вскоре стали расхваливать свое вино заплетающимися языками, а у Шуня, как говорят, не было ни в одном двухзрачковом глазу. Наевшись и напившись, он вежливо поблагодарил хозяев, уже валявшихся в бесчувствии на полу, и как ни в чем не бывало отправился домой.

За всеми приключениями шурина наблюдали сыновья Яо, передавая о виденном Яо. Правитель решил, что Шунь может быть его наследником. Но, будучи человеком осторожным, все же решил сам устроить зятю испытание. Он предложил ему отправиться в глухомань, населенную зверями и призраками, и, пройдя через нее, вернуться к утру.

Когда стемнело, Шунь бесстрашно направился в Лес ужасов, который еще никому не удавалось перейти. Во мгле сверкали зрачки Шуня, и звери в ужасе бежали, змеи, шипя, отползали в сторону, духи прятались под землю. К утру Шунь вернулся во дворец живым и невредимым.

— Сын мой! — обратился Яо к зятю. — Я убедился, что ты достоин быть наследником. Но ты еще не подготовлен к высоким обязанностям. Поэтому назначаю тебя младшим чиновником. Ты должен будешь подняться к трону по лестнице власти, с которой срывалось множество моих слуг.

И стал Шунь чиновником. Эта деятельность вскоре принесла ему прозвище Безупречный, ибо он не допускал никаких промахов. Своими четырьмя зрачками он легко различал обман и недобросовестность. Он видел людей насквозь. Поэтому, не дождавшись, пока Шунь поднимется до верха лестницы власти, Яо передал ему бразды правления. Первым делом Шунь отправился на колеснице, запряженной драконами, в родную деревню. Мачеха уже умерла. С отцом Шунь примирился. Старец к тому времени понял, какого благодетельного сына он имел. Раскаялся и Сян. Видя искренность его раскаяния, Шунь назначил Сяна князем в области, где было много слонов.

Став Сыном Неба, Шунь прежде всего занялся преобразованиями музыки, и не только потому, что ее любил. Будучи чиновником, Шунь убедился, что ни один вор и мздоимец не любит музыки, если не считать мелодии, издаваемой золотом и серебром. Музыка, как считал Шунь, может лучше исправить нравы, чем самые суровые законы. К пятнадцатиструнным гуслям Шунь добавил еще десять струн. Он сочинил мелодию «девяти призывов» для флейты и губного органчика. Стоило зазвучать этим призывам, как в Поднебесной наступало веселье и с неба прилетали к Шуню фениксы, под покровительством которых он

находился. Музыка была любимым занятием Сына Неба до конца его лет. Люди запомнили его песню о благодетельном южном ветре:

С юга дует южный ветер,
Он поможет избавить народ от забот,
Вовремя южный ветер дует,
Людям богатство он принесет.

Шунь умер, осматривая южные земли в пустоши Цанху. Печальная весть облетела всю Поднебесную империю. Вдовы Шуня, разделявшие в горести удивительной жизни этого смертного, тотчас поспешили к месту кончины. Глаза их были застланы слезами, и они не видели ничего вокруг. Горькие слезы падали на стволы бамбука, проедая их. С тех пор на юге появился бамбук, который называют бамбуком духов реки Сян.

Останки Шуня положили в глиняный саркофаг. Когда его опустили в могилу, с неба послышалось «девять призывов», но не радость они вызвали, а слезы. Люди не видели, как к пустоши Цанху полетела стая фениксов. Они роняли на землю разноцветные перья, и там, где падало перо, будущей весной вырос великолепный цветок. Каждой весной в местности Цанху люди видели огромного слона. Он тащил борону, вспахивая пустошь. Другие слоны наблюдали за его работой, одобрительно помахивая хоботами. С тех пор в Поднебесной слоны не вытаптывали посевов и не ломали домов.

Опустевший трон Поднебесной занял Юй, тот, который усмирил потоп.

Божественный земледелец

На земле было уже много людей, но пищи им не хватало, так как они кормились одной лишь охотой и рыболовством. Тогда Нюйдэн родила удивительного сына. Было у него змеиное тело, бычья голова и нос тигра. Дали младенцу имя Янь-ди («Властелин Солнца»), ибо после его рождения на земле стало больше тепла и света. Появилось и больше воды. Сразу забили девять сообщающихся между сосою ключей. Зачерпнешь в одном — вода колеблется во всех.

Увидел Янь-ди, что люди бедствуют, и сбросил с неба множество зерен. Не зная, как из одного зерна произвести много, люди их съели. Пришлось Янь-ди спуститься на землю, вспахать ее и посеять зерна. Так появились полезные злаки. Так началось

земледелие. Помня о заслугах Янь-ди, его стали называть Шэнь-нуном («Божественным земледельцем»).

Умел он также отличать целебные травы от бесполезных и ядовитых. Была у Шэнь-нуна красная плеть, меняющая цвет при прикосновении к яду. Выходил он на луг и хлестал ею травы. Так он выделял целебные растения и уже по их вкусу устанавливал, от какой они помогают болезни. Плеть задевала также и ядовитые растения, так что не раз, занимаясь испытанием, Шэнь-нун отравлялся, но его сильное тело превозмогало яд. Но однажды Шэнь-нун набрел на ползучее растение с маленькими желтыми цветами. Оно оплетало стены и изгороди. Шэнь-нун попробовал его и умер — настолько силен был яд. С тех пор люди остерегаются этого растения.

Так умер этот Божественный земледелец, пожертвовавший своей жизнью ради блага человечества.

Хуан-ди

Хуан-ди — один из китайских культурных героев-предков, к которому возводили свое происхождение 14 аристократических родов. Конфуцианская традиция превратила его в императора, наследника Шэнь-нуна, и указала даты его жизни, соответствующие 2698–2598 гг. до н. э.

В многочисленных рассказах Хуан-ди фигурирует не только как благодетель человечества, но и как высший правитель в царстве духов, и это соответствует хтонической природе Хуан-ди. Описание владений Хуан-ди содержит много черт райского сада, засаженного деревьями. Среди них находится и древо бессмертия, однако мотив бессмертия в китайском мифе о сказочном саде остается неразвитым. В китайском саду нет тех, кто может воспользоваться плодами дерева. Сам Хуан-ди остается смертным.

Янь-ди сменил Хуан-ди («Желтый владыка»). Он продолжил благодеяния Божественного земледельца и научил людей ремеслам. Хуан-ди показал, как делать топоры и зернотерки, отливать колокола и треножники, бурить колодцы, мастерить телеги и лодки. Был он высокого роста, имел четыре лица, так что мог одновременно наблюдать за четырьмя странами света.

На Куньлуне был у Хуан-ди великолепный дворец, окруженный пятью стенами и двенадцатью башнями. Росли во дворце удивительные растения, жили удивительные птицы и животные. Были там огромный рисовый колос, жемчужное и нефритовое деревья, гнездились там фениксы и птицы луань с головами, обвитыми змеями и прикрытыми щитами. Там же росло древо бессмертия. Каждый вкусивший его плоды становился подобным богам. У обитателей дворца Хуан-ди не было заботы о пище, ибо там жило Ши-жоу — удивительное животное, лишенное костей и конечностей, огромный кусок мяса, правда, с парой маленьких глаз. Стоило отрезать от Ши-жоу

кусок, как место отреза зарастало и животное приобретало прежнюю форму.

Хуан-ди все время путешествовал по Куньлуню, расчищал горные склоны, прокладывал дороги. Он окружил себя людьми, обладавшими талантом, и оказывал им покровительство. Среди его сподвижников был четырехглазый Цанцзе. Наблюдая за следами, оставляемыми на земле птицами и зверями, он проник в их тайный смысл и изобрел иероглифы.

Любимой женой Хуан-ди была Лэй-цзу («Богиня грома»), родившая ему двух сыновей. Вообще же от всех жен было у Хуан-ди двадцать пять сыновей, четырнадцать из них стали основателями родов. В конце правления Хуан-ди на земле появился чудесный и добрый зверь единорог. Ступая, он не сломает травинки, не раздавит букашки, не тронет ни одну живую тварь. Стало ясно, что этим Небо ознаменовало конец кроткого и счастливого правления Желтого владыки. Вскоре после того Хуан-ди исчез. Видели его взлетающим на драконе и, желая удержать, стреляли в чудовище из лука, но промахнулись. Удалось отыскать одеяние Хуан-ди, он оставил его за ненадобностью. Это одеяние торжественно захоронили на горе Цяошань в провинции Шэньси.

Хуан-ди и железнолобые

Чи-ю — мифический персонаж, в котором видели то героя-мятежника, то бога войны, то вооруженного полузверя-получеловека с головой барса, туловищем человека, с копытами вместо ног. Чи-ю приписывали изобретение различных видов оружия. Одни исследователи видят в Чи-ю воплощение сказочного племени великанов, другие — жителей монгольского плато, ведших войну с китайскими племенами Юга.

В Китае до XX в. была распространена игра, называвшаяся чи-ю. Ее участники надевали звериные маски и бодали друг друга.

Как-то в горах, на юге Поднебесной, появился разбойник Чи-ю. Туловище у него было человеческим, ноги как у быка, голова медная, лоб железный. Если Хоу-цзы научил людей пахоте и обращению с плугом, то Чи-ю выковал смертоносное оружие и вооружил своих братьев, а их было восемьдесят один, и они ничем не уступали ему в силе и свирепости. Нападая на мирных земледельцев, они убивали их, сжигали хижины, вытаптывали поля и уводили скот.

Тогда в защиту земледельцев поднялся повелитель Поднебесной — Хуан-ди. Он дал им оружие, научил им владеть и повел на Чи-ю и его братьев. В открытом бою разбойники были разбиты. Однако Чи-ю удалось бежать, и он вновь стал заниматься разбоем.

Вновь собрал Хуан-ди ополчение и двинулся против негодяев.

Понимая, что в честном бою будет опять разбит, коварный Чи-ю принялся за колдовство. Земля покрылась туманом, так что не было видно, куда идти, а разбойникам это было и надо. Хуан-ди приказал зажечь факелы, но и это не помогло. Тогда он приказал воинам остановиться и ждать, пока рассеется туман. А он еще больше усиливался, ибо Чи-ю продолжал колдовать.

Находился в войске человек со спиной, согнутой, как лук, и с бородой, посеребренной, словно инеем. Это был ученый, у которого Хуан-ди, сам не обделенный мудростью, не стеснялся спрашивать совета.

— Что мне делать? — спросил Хуан-ди.

— Дай мне подумать! — ответил мудрец.

Он думал три дня и еще три дня что-то мастерил, что — в тумане не было видно.

Придя к императору, он дал ему маленького железного человечка, укрепленного с помощью иглы на колесике.

— Что это? — спросил Хуан-ди.

— Железо притягивает железо! — ответил ученый.

Сколько ни крутил Хуан-ди колесико, человечек все равно показывал своей крошечной ручкой туда, где находился Чи-ю и его железнолобые братья.

Прошло несколько дней, и близ стана железнолобых появился Хуан-ди с войском. Удивился Чи-ю, не понимая, как его сумели найти. Сделав туман еще гуще, он бежал вместе со своими братьями в горы. Но как бы он ни хитрил, куда бы ни прятался, всюду за его спиною слышался топот и звон оружия преследователей.

Разбойники были схвачены и обезглавлены. С тех пор земледельцы не знали тревог. А железный человечек показывал путь караванам.

Герои Поднебесной империи

Подвиги стрелка И

Миф о стрелке И — один из наиболее популярных в китайской мифологии. И — культурный герой, считавшийся как изобретателем лука и стрел, так и спасителем с помощью этого оружия от множества бедствий, в том числе космического характера. Сама форма лука в виде дуги-радуги превратила героя в охотника за нарушившими космический порядок Солнцами. В этой своей ипостаси И может быть сопоставлен с греческим героем-охотником Орионом, также связанным с солнечным мифом.

Чудовища, с которыми успешно борется И, частично связаны с природными явлениями (Дафэн — «Великий ветер», Баше — «Длинный змей», олицетворяющий водную стихию). Как очиститель земли от чудовищ И близок к греческому герою Гераклу. Так же как Геракл, И посещает страну Запада и царство мертвых.

Посещение И страны Запада мотивировано поиском зелья бессмертия. Здесь обнаруживается сходство с мифом о Гильгамеше. Сама страна Запада в китайских мифах — это не просто царство смерти, но место обитания удивительных животных, произрастания удивительных растений. Хозяйка этой страны, обладающая зельем бессмертия, предстает в облике владычицы зверей. Хотя И эти звери не интересуют, посещение им владычицы зверей могло быть первоначально связано именно с его функциями охотника, а поиск бессмертия служить более поздним добавлением к основному сюжету.

Убийство И персиковой дубиной раскрывает еще одну черту многопланового образа охотника. Согласно поверьям китайцев, только таким оружием можно было поразить насмерть, нечистую силу. Таким образом, сверхъестественные способности И в стрельбе из лука получают объяснение: охотник был связан с этой нечистью, Цзунбу, в которого превратился после смерти. И, согласно определению знатока китайских мифов Юань Кэ, был владыкой всех злых духов Поднебесной, следившим за тем, чтобы злые силы не могли вредить людям.

Рассказывают, будто в стране сладких источников растет огромное дерево. На его могучих ветвях, покачиваясь, дремлет Солнце. Поутру, набравшись сил, оно взбирается на колесницу и гонит огненных коней по небесной колее. Было время, когда на этом дереве помещалось десять Солнц, шаловливых сыновей своей матери Сихэ{362}. Они сменяли друг друга на ее колеснице, и, так как братья были близнецами, люди думали, что им с неба всегда улыбается одно Солнце.

За многие тысячи и тысячи лет этот строгий порядок братьям-Солнцам изрядно надоел. И как-то все вместе они взлетели на вершину дерева и стали шептаться, чтобы не услышала мать.

— К чему нам эта колесница? Почему мы выходим в небо по одному? Зачем нам эта колея? Разве на небе негде развернуться и показать удаль?

Резвясь, как малые дети, Солнца разлетелись по небу. Напрасно мать кричала им вслед:

— Дети мои, вернитесь! Вы можете погубить мир.

Небо сияло в десять Солнц. В мире наступила засуха, какой

еще никогда не бывало. Леса, покрывавшие тогда большую часть земли, вспыхнули, как сухой тростник от кремневой искры. Звери, преследуемые огнем и удушливым дымом, бежали из чащ и дебрей и искали спасения в реках. Но и реки вскипали от солнечного неистовства. Рыба всплывала брюхом вверх. Птицы, опалив крылья, падали сверху обуглившимися комочками. Толпы почерневших от нестерпимого зноя людей собирались на равнинах. Ударяя в каменные гонги, дуя в трубы, они поднимали шум, надеясь испугать небесные светила. Но Солнца, заигравшись, не слышали ничего или, может быть, по своей наивности думали, что люди, глядя на их проказы, радуются.

Видя страдания людей и земных тварей, послал Великий Владыка Ди-цзюнь{363} на землю своего сына И. Был он искусным стрелком, потому что левая его рука была короче правой. Вручил Ди-цзюнь сыну красный лук и десять белых стрел с твердыми и острыми наконечниками.

Когда И явился на землю, многих людей уже не стало, уцелевшие укрылись в глубоких пещерах. Услышав шум шагов, они высунули головы и стали приветствовать стрелка.

Снял стрелок И из-за спины лук, наложил на него первую стрелу и натянул тетиву до отказа. Стрела со свистом улетела в небо, и люди увидели, как одно из Солнц лопнуло, как багровый бычий пузырь. Вновь и вновь натягивал И свой лук, и стрелы летели в Солнца, которые, дрожа, хотели спрятаться друг за друга, но стрелы И настигали их, и они разрывались с треском, как огненные шары.

Люди радовались и подбадривали меткого стрелка криками. Только мудрый правитель Яо, тот, у которого седая борода до земли и в каждом глазу три зрачка, понял, что, если не остановить стрелка, вошедшего в раж, он перебьет все Солнца и земля погрузится во мрак. Яо неслышно подошел к И и вытащил у него из колчана одну стрелу.

На небе, обезумев, металось последнее Солнце. От страха у него побелело лицо. Хотел убить и его стрелок И, да не нашел стрелы. Спасаясь от стрелка, бросилось Солнце в объятья своей матери Ночи. И с тех пор оно больше не смеет сходить с предназначенной ему колеи и долго задерживаться на небе.

С прекращением засухи не кончились бедствия людей. Во время лесных пожаров поля заполнили чудовища. К ним присоединились драконы, вынужденные покинуть закипевшие воды. Все они нападали на смертных, и не было с ними сладу. И, усмирив Солнца на небе, решил избавить землю от чудовищ и драконов.

В центре страны свирепствовал красный бык-людоед Яюй с

человечьим лицом и лошадиными ногами, издававший звуки, напоминающие плач ребенка. Одно появление или звук его голоса заставляли людей бежать без оглядки. Поразил И Яюя одной стрелой.

На юге страны, в пустоши Чоу хуа, водилось чудовище Цзочи со звериной головой, человеческим телом и громоподобным голосом. Из пасти его торчал огромный клык, вызывавший ужас у всех, кто с ним встречался. Стрелок И без страха подошел к Цзочи на выстрел стрелы. Цзочи поднял копье, чтобы поразить героя. Стрела И угодила в древко копья и его расщепила. Видя такую необыкновенную меткость, чудовище кинуло копье и взялось за щит, чтобы прикрыться. Но И поразил Цзочи стрелою через щит.

После этого И направился на север Поднебесной империи, к реке Сюншуй, где досаждал людям Цзюин, зверь о семи головах, изрыгавший из каждой пасти пламя и воду. Поразил И семью стрелами каждую из голов Цзюина и швырнул их в реку.

Во время странствий И по странам Севера на его глазах со страшным грохотом обрушилась гора Силушань. Зоркий взгляд стрелка обнаружил среди обломков удивительно твердый нефритовый перстень. И примерил его к большому пальцу правой руки, и, так как он вошел, как влитой, понял И, что перстень дарован ему с небес, чтобы было удобнее натягивать тетиву.

Вскоре перстень пригодился. У Озера зеленого холма на стрелка обрушился ураган, да такой, что он едва удержался на ногах. Стрелок увидел поднимавшуюся над зарослями огромную птицу Дафэн{364} с пестрым опереньем, как у павлина. Ветер возникал от взмаха ее крыльев. Птица летела так быстро, что стрела не могла ее догнать, а если бы догнала, то запуталась бы в густых перьях. Поэтому И сплел из зеленого шелка крепкую нить и привязал ее к стреле. Когда птица пролетала у него над головой, И пустил стрелу и угодил ею прямо в грудь. Нить не дала птице улететь. Стрелок стащил ее вниз и разрубил мечом. Люди очень благодарили И, потому что ураган от крыльев Птицы разрушал их хижины и иногда уносил детей.

Узнав о подвиге И, его призвали к себе рыбаки с озера Дунтинху, страдавшие от удава-людоеда Баше. Поднимаясь со дна, чудовище опрокидывало лодки и проглатывало тех, кто в них был. Дали И лодку, и он отправился на розыски змея. Наконец, он увидел высовывающуюся из воды зеленую голову. Она приближалась, вызывая огромные волны. Выпустил И несколько стрел одну за другой, и, хотя они попали в цель, удав продолжал плыть как ни в чем не бывало. Пришлось И спрыгнуть в воду и вступить с Баше в бой, нанося удары мечом. Наконец, зеленая голова опустилась, а из чрева удава хлынула вонючая жидкость.

Рыбаки, наблюдавшие за схваткой с берега, радостно приветствовали победителя.

Последним из чудовищ, наносящих людям вред, был гигантский кабан Фэнси, обитавший в Тутовом лесу. Чудовище было величиною с быка, а свирепостью превосходило тигра. Нашел И кабана по огромным зарубкам, оставляемым его клыками на деревьях. Стрелы угодили зверю в ляжку, не дав возможности убежать. После этого И взвалил кабана на плечо и еще живого пронес по всей округе. Когда народ убедился, что избавлен от зверя, портившего посевы и нападавшего на скот, он убил его, разрубил на мелкие куски и принес в жертву Владыке Небес.

Но небесный отец не захотел даже видеть И. Пылая на него гневом, он изгнал стрелка и его жену Чан-э из сонма богов. И если стрелок смирился с этим и готов был навсегда остаться на земле, которую освободил от семи бед, то самолюбивая и строптивая женщина, считая мужа виновником всех несчастий, постоянно досаждала ему слезами и попреками. Пришлось И отправиться на гору Куньлунь, где обитала повелительница Запада Сиванму. Она, насылавшая на людей болезни и смерти, обладала также зельем бессмертия. Труден был путь к Сиванму. Ее гору окружала пучина смерти, всасывавшая в себя все, что к ней прикасалось. Преодолевший пучину попадал в кольцо огнедышащих гор, выбрасывавших кипящую лаву. Преодолев эти препятствия, И оказался у ворот, охраняемых чудовищным драконом по имени Закрывающий рассвет. Не пришлось И сразиться со стражем ворот, ибо Си-ванму, увидев пришельца, о подвигах которого слышала, приказала его впустить. Рассказал И богине о своих бедах, и она дала знак своей служанке, трехногой священной птице, принести тыкву-горлинку, наполненную зельем бессмертия. Передавая ее И, богиня объяснила, что содержимого сосуда может хватить на двоих — тогда они станут бессмертными на земле, если же выпьет один, то перенесется на небо и станет богом.

Вернувшись домой, И поставил сосуд на стол и, объяснив жене, что они выпьют зелье бессмертия во время ближайшего праздника, лег отдыхать. Когда же И проснулся, то увидел сосуд опорожненным. Чан-э выпила содержимое и улетела на Луну. На Луне предательница превратилась в огромную жабу (ее можно видеть во время полнолуния), но И уже ничем не отличался от людей. Будучи смертным, как все, он стал раздражительным. Не раз от его гнева страдали слуги, не совершившие какого-либо проступка.

Впрочем, к одному из слуг, Фэнмэну, И относился так, словно

бы тот был ему сыном. Он решил оставить ему все, чем обладал, а обладал он одним лишь искусством стрельбы из лука. Начав обучать Фэнмэна, И объявил ему:

— Сначала ты должен научиться не моргать. Научишься, возвращайся ко мне.

Отправившись домой, Фэнмэн целыми днями лежал у ткацкого станка жены. Педали крутились, а он смотрел на них, стараясь не моргать. Вскоре он этому научился и попросил жену неожиданно подносить к лицу острую иглу или шило. Когда его глаза привыкли и к этому, он прибежал к господину и попросил дать ему лук со стрелами.

— Еще рано! — проговорил И улыбаясь. — Хороший стрелок должен видеть совсем маленькую вещь, как большую, а вовсе не различимую глазом, как заметную. Когда будешь это уметь, приходи!

Фэнмэн вырвал из хвоста быка тончайший волосок и кое-как привязал к нему пойманную блоху. После этого он прикрепил волос к потолку и, лежа на постели, устремил на него взгляд. Много дней он провел так без питья и еды. Жена, решив, что он рехнулся, пошла за знахарем.

— Первого, кто сюда вступит, я убью! — крикнул Фэнмэн, не поворачивая головы.

Жена, остановившись, залилась слезами: ведь муж смотрел в пустоту.

Еще через день он радостно закричал:

— Смотри, теперь она стала как пуговица!

— И можно тебе принеси питье и еду? — спросила жена.

— Еще рано! — ответил Фэнмен. — Я сам тебе скажу, когда смогу различить глаза и рот.

И вновь заплакала жена. Ибо какие могут быть у пуговицы рот и глаза?

Прошло еще три дня, и Фэнмэн закричал:

— Теперь она как колесо, а рот больше моего. Давай мне мою еду и питье.

Напился и наелся Фэнмэн и тотчас же побежал к господину, чтобы сообщить ему о своих успехах.

— Теперь я буду учить тебя стрелять! — радостно воскликнул И.

Они отправились в поле, где И обучал Фэнмэна до тех пор, пока по всей Поднебесной не стали говорить о господине и его слуге как лучших стрелках, ставя их имена рядом.

Радоваться бы Фэнмэну и благодарить учителя, но он был завистлив от природы и считал себя уже первым, поскольку И был стар, а он молод. И стала зависть разгораться в душе Фэнмэна,

как пламя в высохших кустах. Он стал думать, как погубить учителя.

Завел себе Фэнмэн колчан больший, чем у И, и наполнил его стрелами. Возвращаясь домой вместе с И, Фэнмэн внезапно пустил стрелу в пустое небо. Схватив лук, И послал стрелу вдогонку. Раздался треск. Стрелы столкнулись в воздухе. То же произошло со второй, третьей, четвертой стрелами…

Но вскоре стрелы у И иссякли, а у Фэнмэна их осталось более дюжины. Не успел И пошевелиться, как Фэнмэн отбежал в сторону и натянул лук. Стрела со свистом улетела с тетивы и угодила И прямо в рот. Стрелок И пошатнулся и упал.

Полагая, что И мертв, Фэнмэн приблизился к нему, чтобы в этом убедиться. Но как только он оказался рядом, И поднялся как ни в чем не бывало.

Пот выступил на лбу предателя. Руки его затряслись, и он уронил лук на землю.

— Рано ты решил меня убить! — проговорил И, выплевывая наконечник стрелы. — Я не успел тебя обучить, как ловить ртом и перекусывать стрелы.

Упав на колени, Фэнмэн обхватил ноги господина.

— Прости меня! — лепетал он. — Мною овладел злой дух зависти…

Но оттолкнул И Фэнмэна, поднял его лук и, переломив, сказал:

— Предатель никогда не будет хорошим стрелком!

Между тем И продолжал грубо обращаться со своими слугами. Фэнмэн, оставшийся жить в его доме, решил этим воспользоваться. Он подговорил слуг И поднять мятеж против хозяина. Они принесли из леса большую дубину из персикового дерева, подстерегли И во время охоты, нанесли ему удар дубиной и тотчас бросили его тело в подготовленный для дичи кипящий котел.

Так погиб герой, избавивший Поднебесную от множества бед. После смерти его стали почитать как божество Цзунбу.

Гунь и Юй — победители потопа

Гунь и Юй принадлежали к числу культурных героев, борцов с катастрофическими явлениями природы. С Гунем связан мотив богоборчества, объединяющий его с Прометеем. Прометей похищает для человечества огонь, Гунь крадет небесную землю, превращающуюся в камень. Местом наказания Прометея был Кавказ, где над ним шумели крылья орла, терзающего печень, место казни Гуня — гора Крыло. Разрабатывая миф о Гуне, великий китайский поэт Цюй Юань вводит присутствующий у Эсхила мотив уговора героя смириться перед силой. Это сходство, разумеется, случайное совпадение. Но оно, возможно, вызывалось сходными процессами в общественной идеологии, породившими скепсис по отношению к богам.

Очевидно, Гунь и Юй были первоначально двумя самостоятельными персонажами

в разных частях Китая, одинаково связанными с потопом. Объединяя двух героев, их сделали отцом и сыном, разграничив между ними функции. При этом считается, что образ богоборца Гуня моложе, чем образ Юя, предстающего только культурным героем.

Как-то на землю обрушился потоп. Бушующие потоки разлились по земле, заливая все ее пространство, кроме Пяти гор. Свист ветра и рев волн заглушали вопли людей, которым не удалось спастись. Никто из богов не подумал о несчастных.

Тогда на небо поднялся божественный герой Гунь. Он обратился к Повелителю Неба с такими словами:

— Смотри! — он показал ему на людей, настигаемых волнами. — Они гибнут из-за твоих вод, а ты не слышишь их стонов. Разреши мне построить плотину и преградить путь потопу.

— Строй, если хочешь! — ответил Повелитель Неба, ухмыляясь.

Он насмехался над героем, так как знал, что мягкая земля, из которой Гунь может соорудить плотину, не выдержит натиска. Для этого пригодна лишь небесная земля, которая, соединившись с водой, вздувается и превращается в камень.

Спустился Гунь к людям и стал рыть землю, воздвигая на пути вод плотину. Воды подмывали плотину, а упорный Гунь рыл и рыл, пока не понял, что его труды напрасны.

Тогда Гунь снова поднялся на небо, но не стал больше просить Повелителя Неба о помощи. Когда тот спал, он нарыл мешок небесной земли и унес его на плечах.

Проснувшись, Повелитель Неба взглянул свысока на землю и замер. Вода, заливавшая горы, стала отступать, и люди на склонах гор и холмов принялись бросать зерна в грязь, чтобы вырастить хлеб, начали строить хижины и дома. И понял Повелитель Неба, что Гунь обманул его и ради людей похитил небесную землю. Разгневался Повелитель Неба и отправил Гуня на Северную гору, где снег сыпется, как перья. Там он наслал на него смерть.

Из тела умершего поднялся Юй, сын Гуня, такой же добрый и смелый, как отец. Неутомимый Юй обошел всю землю, вызволенную от потопа Гунем. По суше он ездил на четырехколесной повозке, запряженной конями, по грязным местам ходил в мокроступах, на неприступные горы взбирался в обуви с шипами. Всюду он рубил лес и кустарники, рыл канавы, отводя воду, сооружал плотины и запруды, прорывал русла рек и давал им проход через земли Четырех варваров и девяти областей.

Юй сам нес торбу и лопату. Умывал его сильный дождь, причесывал буйный ветер. Помощниками Юя были желтый

дракон и огромная черепаха. Дракон полз впереди, намечая хвостом направление каналов. Черепаха двигалась сзади, неся на своей широкой спине волшебную глину.

Как-то во время странствий Юя мимо него пробежала, дразня девятью пушистыми хвостами, белая лисица. Вспомнил тогда Юй предание о том, что каждый, увидевший такое редкое животное, будет счастлив, обретет хорошую жену и станет правителем. Поэтому Юй вспомнил, что ему уже тридцать лет и он еще не женат. А так как он был человеком, дорожившим временем и не любившим откладывать дела, он не стал искать невесты по всей Поднебесной, а тут же, на горе Тушань, где ему предстала лисица, он встретил девушку и объявил ей, что хочет взять ее в жены. Едва дождавшись ее согласия, Юй удалился, ибо нельзя было давать водам Юга разливаться.

Девушка также полюбила Юя с первого взгляда, и, хотя она не успела рассказать суженому о своей любви и выслушать его объяснения, терпеливо ждала героя, и даже послала на гору служанку, чтобы та возвестила о возвращении Юя.

Юй действительно вернулся на гору Тушань, так как мимо этой горы пролегала дорога с Севера на Юг и с Юга на Север. Выслушав от служанки сообщенные госпожой слова любви, герой встретился с невестой, и она стала его женой. Брачная церемония, однако, не состоялась, так как Юй торопился на Север, где вновь разлились воды.

Видя, как занят супруг, жена попросила взять ее с собой. У Юя было немало сомнений на этот счет, но времени для объяснений не оставалось, и он кивнул головой.

Так он странствовал с женой. Она с трудом за ним поспевала. Однажды они пришли к высокой, круто поднимавшейся вверх горе. Из нее, звеня по камням, вытекал тоненький ручеек. Юй тотчас решил, что следует пробить через гору широкий проход для потока. Поэтому он попросил жену удалиться, объяснив, что ему предстоит тяжелая работа, о завершении которой он известит барабаном.

Работа была и впрямь тяжелой. Человеку, даже такому сильному, как Юй, с ней не справиться. Поэтому Юй превратился в огромного черного медведя и, рыча, стал пробивать гору. Отвалившийся сверху камень упал на барабан. Женщина, наскоро собрав пищу, поспешила к мужу. Он же не услышал звука и продолжал яростно вгрызаться в гору, раскидывая камни.

Выйдя из-за поворота тропинки, женщина увидела медведя и, разумеется, не догадавшись, что это Юй, помчалась стремглав. Он, оставив работу и совершенно забыв о том, что принял облик медведя, бросился за ней вдогонку. Слыша рев и топот, женщина

припустилась что было сил. Когда силы иссякли, она упала и превратилась в камень, сохранивший форму женщины.

Увидев это, Юй очень рассердилна на самого себя. Он хотел оставить наследника, но времени, чтобы отыскать другую жену, не имел. Из глотки Юя раздался такой оглушительный рев, что камень раскололся и выскочил мальчик, которого нарекли Ци («Осколок»). Так, несмотря на несчастье, у Юя появился наследник.

Заняться бы Юю воспитанием сироты. Но, даже когда мальчик плакал, отец не подходил к нему. У Юя всегда находились дела. Надо было еще обойти мир. На Юге Юй попал в страну, где люди ходили нагишом. Не желая нарушать местных обычаев, Юй снял с себя одежду и ничем не отличался от туземцев. Покинув же страну, он тотчас оделся.

Юй побывал во многих странах, но не везде ему удавалось следовать местным обычаям. Так, в стране безголовых он остался с головой, чем вызвал немалое удивление туземцев, ходивших за пришельцем толпами. В земле чернозубых он попытался найти такой стойкий лак, который не пачкал бы пищу. Но его постигла неудача, и за ним также ходило множество людей, упрашивая улыбнуться. Посетил Юй также страну великанов, огромных и злобных существ. Одного из них он победил, втащил на гору и там казнил. Великан был такого роста, что на колеснице Юя едва уместилась одна кость казненного.

Однажды Юй заблудился и, вместо того чтобы идти на Юг, отправился на Север{365}. Там он набрел на плоскую равнину без единого деревца. Не слышалось ни щебетания птиц, ни голосов зверей. Вся местность, насколько хватало глаз, была изрезана реками и впадавшими в них речками и ручьями. На берегах сидели, лежали или прогуливались люди. Сколько ни вглядывался Юй, ему не удалось увидеть каких-либо хижин или домов. Земля не была засеяна. Не пасся скот. Оказалось, что в пахоте и пастьбе не было необходимости. Людям служила пищей вода: она была сытной, сладкой, ароматной и вдобавок хмельной. Выпив, люди входили в раж, начинали петь и плясать, а утомившись, засыпали, чтобы, проснувшись, нежиться, есть и плясать.

Юй мог бы остаться в этой удивительнейшей из стран жить, не зная забот. Но жизнь без преодоления преград, без труда казалась ему бессмысленной и скучной, да и на родине, в Поднебесной империи, у него еще осталось много невыполненных дел.

Мэн Цзян

В древнейших китайских письменных памятниках Мэн Цзян не имеет никакого отношения ни к Великой Китайской стене, ни к императору, с которым связывают ее строительство. Она — любящая жена, оплакивающая своего мужа и кончающая с собой, чтобы не достаться императору. «Песня» Мэн Цзян была обычным погребальным плачем, не связанным с каким-то особым горем. С Великой Китайской стеной Мэн Цзян связывает лишь в записях VII–X вв., когда создается цикл посвященных ей произведений. Со временем Мэн Цзян превращается в героиню китайского народного творчества и в ее образе начинает звучать протест против произвола императора.

Давным-давно жили муж и жена по фамилии Цзян. Посадили они тыквенное семечко, и из него поднялась тыква-горлянка, перекинувшая свою ботву через изгородь к соседям по фамилии Мэн, и именно у соседей завязалась большая тыква. Когда ее сняли и разрезали, увидели сидящую на корточках девочку. Ее назвали Мэн Цзян. Из девочки выросла очаровательная девушка. Лицо ее напоминало персик, голос был прекрасен, как пение иволги.

В то время правил император Цинь Шихуан. Во всей Поднебесной не было клочка земли, которым бы он не владел, города, который не платил бы ему дань. И даже пастухи, бродившие со своими стадами по пустыне, склонились перед его величием и прислали подарки. Из всех правителей, которых называли Сыновьями Неба, Шихуан был самым могущественным. На западе он приказал построить дворец Уфан, на востоке — осушить бескрайние болота, на севере возвести стену, длиннее которой не знал мир.

Особенно много людей брали на постройку стены, и многие там умирали. Требовалась им замена. Жил тогда благородный юноша Си-лян. Когда за ним пришли стражники, чтобы угнать на стройку, он сбежал, перепрыгнул через садовую ограду и спрятался за искусственным холмиком из камня. Увидел он, как по дорожке к пруду идет девушка небесной красоты. На цветок у ее ног села бабочка, девушка захотела ее поймать. Она вытащила платочек, чтобы накрыть бабочку, но ветер унес его в пруд, а бабочка улетела. Девушка пошла к пруду.

— Что я вижу! Что я вижу! — закричала она вдруг. Это она заметила отражение юноши в воде.

Не знал Си-лян, как поступить: бежать — стражники схватят, оставаться с незнакомой девушкой — неловко. Наконец, он решился. Вышел вперед и поклонился красавице:

— Спаси меня! Умоляю, спаси!

Девушка засмущалась, не зная, что ответить. В это время подбежала служанка, которой было поручено наблюдать за прогулкой Мэн Цзян.

— Кто ты такой?! — закричала служанка. — Откуда взялся?

— Я прячусь от стражников, вот и забежал сюда.

Мэн Цзян приглянулся незнакомец. Был он и статен, и пригож лицом.

— Пойдем к отцу, — сказала она.

Отцу тоже понравился юноша.

Расспросив о его родных и проверив знания, старый Мэн сделал юношу своим зятем и приказал в тот же день провести свадебную церемонию.

Но не успел Си-лян поблагодарить будущего тестя, как в дом ворвались стражники. Они увели юношу, и печаль охватила семью. Мэн Цзян уединилась в спальне и запела грустную песню: «Холодный ветер ворвался в мой дом, в лед превратилась чаша с вином, подушка с циновкой холодны, как снег. И в мире живу я, словно во сне».

С того дня тосковала Мэн Цзян, не пила, не ела, не спала, все ночи напролет думала о Си-ляне. А время шло, и наступил первый день десятого месяца, когда принято женам относить мужьям теплую одежду. Мэн Цзян собрала узелок с теплой одеждой, простилась с родителями и ушла.

Идет Мэн Цзян по размытой дождями дороге и поет свою песню: «Без тебя я, как лютня, у которой лопнули струны, как воздушный змей на оборвавшейся нити, как колесо без спиц, как кувшин без дна».

Безбрежная белизна сливается с небом. Голодные коршуны парят в вышине, высматривают добычу. В занесенных снегом оврагах воют волки.

— Как мне холодно! Как мне тяжко! Но супруг мой на севере, где ветер свирепей, чем зверь! Без теплой одежды как он теперь?

Ведет любовь Мэн Цзян через леса и горы. Отступают перед ней пропасти, мелеют реки. Не трогают ее звери. Птицы указывают ей путь.

Вот и стена. И нет ей конца и края. Под стеной, как тени, бродят люди с лопатами и кирками. Свистит бич стражника.

— Моего мужа зовут Си-Лян, — сказала Мэн Цзян стражнику. — Я принесла ему теплую одежду.

Расхохотался стражник и показал на груду белых костей под стеной.

Упала Мэн Цзян на землю и зарыдала. В то же мгновение налетел ветер. Черный туман окутал стену, и она обрушилась от плача и, слез.

Слово о мифе и миф в слове

В нашем сознании, выработанном многовековой историей человечества, существуют достаточно определенные представления о народах великих и малых. Великими, в отличие от малых, мы называем те народы, которые занимают огромные пространства, обладают большой численностью и имеют давнее прошлое. Но в той сфере бессознательного, интуитивного творчества, которую мы называем мифом, нет великих и малых. Все народы сидят за «круглым столом» истории, не имея друг перед другом никакого предпочтения. Явно малый народ или даже отдельный город может на пиршестве фантазии и ума быть представлен великими и бессмертными творениями, а другой, создавший огромную и могущественную державу, способен лишь на восприятие и переработку чуждых ему образов и идей. Мы в этом убедились, достигнув крайних пределов нашего странствия по векам и странам.

Своеобразны представления каждого из восточных народов о мировом порядке, о добре и зле, о смысле человеческого существования, так же как различна природа, служившая не только фоном, но и источником мифотворчества, как различны языки, обычаи и нравы. Вавилонскую мифологию не спутаешь с индийской, так же как индийскую — с китайской или шумерскую — с египетской. И все же, охватывая единым взглядом этот пестрый фантастический мир, мы не без удивления обнаруживаем сходство вопросов, на которые разные народы пытались дать ответы мифами. Как возник мировой порядок? Как появился человек? В чем причина таких бедствий, как наводнения и засухи? Как появились болезни? Почему люди смертны? Почему они изъясняются на разных языках, не понимая друг друга? Как началось земледелие и другие отрасли хозяйства?

Ответы на эти вопросы были наивными, основанными на темных суевериях и вере во всемогущество сверхъестественных сил. Но сами попытки дать ответ были дерзким проникновением в тайны природы. Мифы в своем первоначальном виде — создания детства рода человеческого, своего рода игра его юного воображения и ума. Мы не можем относиться серьезно к тому, что человек тысячи лет назад думал об окружающем мире и самом себе. Но сам он так не считал и, напротив, рассматривал то, что мы обозначаем греческим словом «миф», как величайшее откровение. Мифы передавались от старших к младшим как учебники жизни, которые надо было знать наизусть. Их исполняли в священных рощах, впоследствии в храмах как

религиозное действо, сопровождая этим каждое значительное событие в жизни общины и окружающей ее природы. Это была не просто игра, не просто зрелище, а побуждение к действию. Если природа запамятовала, что пора увеличить поголовье зверей, дать дождь или, напротив, унять его, увеличить урожай, то люди напоминали ей об этом священной игрой. Таким образом, миф давал слабому, бессильному перед природой человеку иллюзию власти над ней, пробуждая уверенность в возможности не только проникать в загадочный мир, но и оказывать на него влияние.

Общие закономерности возникновения мифов и их функциональных нагрузок были причиной существования в разных мифологиях одних и тех же типов мифов. Рассматривая мифы народов Древнего Востока, мы выделили в каждой мифологии космогонические мифы, отражающие взгляды на мировой порядок. Независимо друг от друга разные народы Востока рассматривали первоначальное состояние мира как бесформенный хаос, из которого путем тех или иных актов или манипуляций выделялись небеса и земля, небесные и подземные воды, создавались различные стихии, закрепленные за теми или иными богами. В отличие от этой, наиболее распространенной космологической концепции существовала и иная, антропоцентрическая, согласно которой в начале всего был человек, только не обычный, великан, из чьего тела создаются путем расчленения все части вселенной (индийская мифология).

Земля виделась плоскостью (диском), окруженной водами Мирового океана, с занимающей на ней центральное положение священной горой, соединяющей три мира. Гора мыслилась обиталищем в верхней части богов и духов, в прилегающей к земле — людей и животных. Параллельным вариантом священной горы было мировое древо. На древе, так же как на горе, помещались боги или светила, у его подножия находились люди и животные.

Мифы о возникновении человека были частью космогонических мифов. Первочеловек мыслился либо побочным продуктом сотворения мира, либо его венцом, однако всецело зависящим от богов. Способы создания человека различны — от лепки из глины руками богов (шумерская мифология) до сотворения силой слова (египетская и библейская мифологии).

Осознание уже первобытными людьми роли Солнца, его тепла и света для природы и рода человеческого обеспечило выдающееся место в мифах Востока солнечным богам. В Солнце видели творца всех существ, в том числе человека. Символом Солнца стало изобретенное в древнейшую эпоху колесо, а с появлением колесниц солнечные боги были посажены на

колесницу, совершавшую путь по дневному небу, чтобы с наступлением мрака опускаться в океан. Животными, влекущими солнечную колесницу, считались кони, что обеспечивало им особое место в ритуалах и мифах.

Представления о Солнце как творце всех существ были конкретизированы в мифах о его сыновьях и дочерях, мысливших близнецами (Осирис и Исида, Ям и Ями), которые вступают в брак. Солнечные близнецы мужского пола, сопровождавшие на конях колесницу родителя, считались благодетелями рода человеческого (древнеиндийские Ашвины). Их сестры почитались как богини Зари.

Месяц в мифах Древнего Востока выступал в паре с Солнцем — как левый и правый глаз, как супруг и супруга, брат и сестра. При этом с Солнцем связывалось все доброе и светлое, с месяцем — все злое, колдовское. В облике бога-Месяца выделялись рога, что позволяло отождествлять его с быком.

Наряду с двумя «великими светильниками», Солнцем и Луной, на Древнем Востоке были мифологизированы и «малые светочи» — звезды, с которыми были поставлены в связь изменения времен года, стихийные бедствия, эпидемии, войны, судьбы народов. Мифы о планетах и звездах — *астральные мифы* — обстоятельнее всего разрабатывались в Месопотамии, ставшей родиной астрологии, дисциплины о влиянии небесных тел на жизнь земли и ее обитателей. Каждая из планет была отдана тому или иному богу или богине. В соответствии со значением земледелия особым почитанием в Месопотамии пользовалась утренняя звезда — планета Иштар («Венера»), с которой связывались плодородие и любовь. От семитского обозначения Венеры во многих древних и современных языках происходят слова «звезда» и «созвездие» и соответственно «астрология», «астрономия». Ночное небо, усеянное звездами, виделось степью, населенной дикими и домашними животными, птицами, драконами, вступающими друг с другом в схватку, грозящими людям и насылающими на них бедствия. Расположения звездных фигур толковались как символические сцены, на звездном небе вычитывалось все, что должно произойти на земле. Астральные мифы Востока составляли основу астрологических предсказаний — гороскопов, распространившихся по всему миру.

С астральными мифами были тесно связаны *календарные мифы*, исходящие из регулярной смены времен года, дня и ночи, умирания и возрождения природы и объясняющие возникновения этих естественных явлений и связанных с ними аномалий волей богов. Героями календарных мифов были умирающие и воскресающие боги, культ которых имел особое значение в

земледельческих цивилизациях Древнего Востока. Умирающие и воскресающие боги считались творцами земледелия. Их смертью (или удалением) объяснялось наступление мертвого сезона в природе. Часто гибель умирающих и воскресающих богов связывалась с временной победой их противника, воплощающего смерть, зиму или иной деструктивный элемент природы.

Главной фигурой в календарных мифах была богиня, считавшаяся матерью, сестрой, возлюбленной юного, уходящего из жизни бога. Возвращение его к жизни — это подвиг ее любви, периодически повторяющейся с тех пор, как существует мир.

Богиня-мать обладала в представлениях творцов мифов властью не только над плодородием земли, но и над животным миром, считалась владычицей зверей. От нее зависела удачная охота, которая, как это видно по мифу о библейском Исаве, сохраняла значение даже в таких странах, как Палестина, не говоря уже о покрытой тропическими лесами Индии и юге Китая. Охотник становится героем мифов, борцом с хищниками и чудовищами, мешающими нормальной жизни и сельскохозяйственной деятельности человечества. Его чудесное оружие, лук или палица, обеспечивает стабильность существования населенного мира и становится атрибутами героического века.

Центральное место в мифах всех народов Востока занимают отношения между богами и человечеством. Здесь находят выражение как космологические представления, так и мысли о назначении человека. Боги и люди созданы в разное время, разным способом и из разного материала: боги — из первоначальной стихии (океана, хаоса) в то время, когда создавалось небо, земля и великие стихии. Они были частью этого вечного материала, но возникли в ходе противоборства с ним. Для того чтобы получить бессмертие, богам пришлось одолеть этот материал в бою, как полагали древние вавилоняне, или извлечь из него суть, перемешивая на протяжении бесчисленного множества лет, как считали индийцы. Но в любом случае боги пользуются плодами своей победы или своего труда, на которые человек не может претендовать. Материал, из которого руками или словом богов создан человек, не вечен. В этом согласны мифы всех народов, хотя некоторые из мифов все же оставляют человеку надежду, что вечность может быть обеспечена добронравным поведением и милостью богов, которые могут принять достойного человека в свой сонм; при этом делается оговорка, что в жилах такого человека должна течь божественная кровь, один из его родителей должен быть богом или богиней.

Из этих представлений о различии между богами и людьми исходят мифы, объясняющие судьбу заключенного в человеке божественного дыхания — души. Она, по представлениям большинства мифов, не уходит в глину, из которой создано человечество, а концентрируется где-то в нижних структурах космоса, где должна пребывать вечно, но безо всякой надежды возвращения в верхний мир. Эта безнадежность раскрывается как в повествованиях о спуске богов и богинь в подземное царство, для возвращения из которого требовались особые невыполнимые для человека условия, так и в рассказах о порядке в этом царстве. Складываются образы страдающих и временно умирающих богинь и богов Инанны, Осириса, Думлузи-Таммуза и др., возвращение которых в верхний мир мифологимески олицетворял земледельческий процесс — захоронение зерна в земле и появление молодого ростка.

В ряде восточных мифологий нижний мир характеризуется как место, где человеческие души получают воздаяние, адекватное их поведению в верхнем мире. Решение их судеб отдается богам и богиням смерти, выступающим в качестве владык и судей подземного царства. Наиболее разработана идея загробного воздаяния в египетской мифологии в виде формальной процедуры суда над душою и соответствующих ей погребальных обрядов, помогающих душам пройти через это испытание. Исполнителями воли богов и богинь смерти мыслился целый сонм демонов смерти с разветвленной иерархией и распределением обязанностей стражников и провожатых душ, охранников ворот подземной тюрьмы, перевозчиков и палачей. Достаточно наглядные картины загробного мира в восточных мифологиях воспроизводят привычный живущим ландшафт с подземными реками и морями и социальные градации, существующие в верхнем мире.

Страх перед умершими родичами и различные формы культа предков присущи как самым примитивным религиям, так и развитым религиям Древнего Востока. Из культа предков вырастают такие мифологические циклы, как рассказы о патриархах в Ветхом завете. Но при всем влиянии этих обожествленных предков на людей они все же мыслились обитающими в ином мире. Однако на Востоке была выдвинута также идея перевоплощения душ, согласно которой умершие возрождаются в животных, растениях, новых поколениях людей (индуистская, буддийская мифологии). При таком понимании судьбы душ границы жизни и смерти размываются, поскольку души, удостоенные лучшей доли, проводятся через подземный мир, чтобы обрести новую жизнь.

В мифах находили отражение и такие общественные процессы, как разделение труда, возникновение сословий и каст. Персонажами мифов становятся земледелец и скотовод-кочевник, в равной мере зависящие от сил природы, но по-разному воспринимающие их благодеяния. Библейским мифологическим персонажам Каину и Авелю предшествовали представители тех же профессий в вавилонской мифологии, но поскольку покровительницей природы в Вавилоне было женское божество, то отношения между ним и его почитателями принимают характер не симпатии, а брака. Возникающее в ходе новой для человеческого общества хозяйственной деятельности изобилие было источником ожесточенных конфликтов как между земледельческим оседлым населением и кочевыми скотоводческими племенами, так и внутри каждого коллектива. Первоначальное первобытное равенство, обусловленное неразвитостью производства и незначительными потребностями, осмысливалось как прекрасное, безвозвратно утраченное прошлое. Шумерский Тильмун, авестийское царство Йимы, царство китайских мудрецов, израильский Эдем — все это явления, порожденные сходными социальными процессами. В прошлом было все, чего так не хватает человеку в настоящем — здоровье, изобилие, отсутствие изнурительного труда, умеренный климат, братские отношения между людьми.

В ту пору, когда золото и серебро приняли функции эквивалента ценностей, возникла в древневосточной мифологии концепция золотого века с последующим его ухудшением. Прекрасное время предков стало ассоциироваться с золотым веком или поколением золотых людей. Этот миф оказал влияние на греческую мифологию и через нее — на представления европейцев о естественном состоянии человечества.

Наряду с мифами о начальном времени существования человечества на Древнем Востоке сложились мифы о конечном его времени, о крайней поре, которые мы назвали *мифами о будущем*. Будущее встает как время природных катастроф, которым предшествует деградация человечества в форме нарушения законов социальной жизни, согласно которым власть принадлежит лучшим людям, а худшие подчиняются лучшим. Конец мира — это «общество наоборот», когда господа служат рабам, когда дети командуют отцами, когда жены нарушают закон единобрачия. Естественно, мифы о будущем могли быть достоянием только развитой мифологии, которой соответствует общество с развитой стратификацией и социальными противоречиями. В мифах о будущем отразился страх господствующей прослойки перед социальными переменами. Нет

ничего более парадоксального, чем использование одного из древних мифов о будущем египетского речения Ипувера как источника реальной социальной катастрофы.

Очень распространенными на Древнем Востоке были *этиологические (причинные) мифы*, призванные объяснить происхождение социальных и религиозных установлений, животных и растений, названий местностей и пр. Этиологические мифы оперируют категорией причинности, на которую опирается наука. Но понимание причинных связей в мифах очень примитивно. Постоянно путается причина со следствием. За причину принимается нечто внешнее и случайное. Но сама попытка задавать вопросы была истоком научного познания. К этиологическим мифам относятся широко распространенные на Древнем Востоке рассказы о получении огня, изобретении сельскохозяйственных орудий и ремесел, земледельческих навыках. Их разновидностью являются мифы о смерти, складывающиеся в целую систему представлений о богах и богинях смерти, о суде мертвых, о пути покойников в подземный мир.

Мифы о героях, являясь самостоятельной частью мифов Востока, тесно связаны со всеми другими категориями мифов. Герои — это предки, разделившие судьбу смертного человечества, но в силу своих подвигов приближенные к богам. Им приписывается происхождение от связи бога (или богини) со смертной (или смертным). Герои общаются с богами и даже соперничают с ними. Часто герои обретают бессмертие и вступают в сонм богов. В мифах о героях Востока (Гильгамеше, стрелке И, Пандавах и Кауравах) нашли отражение реальные события в жизни человечества: переселения народов, войны, успехи в познании природы и открытии мира. Но менее всего их можно рассматривать как достоверный рассказ о реальных персонажах: царях, полководцах, ученых. Это касается и священной истории, героем которой является такое историческое лицо, как Гаутама Будда. Историческое потонуло в легендарном, и, чтобы его отделить, надо обладать возможностями мифологических героев.

Мифы Востока распространились на все области человеческой деятельности и человеческого сознания. Мифом было провозглашено и само слово, силой которого будто бы творили боги. Сам миф соединил в себе знание со словесной формой, служащей для его передачи. Слово стало вечностью мифа до того, как было изобретено письмо и появилась возможность запечатлеть его на глине, камне, папирусе. Древний Восток, создавший древнейшие виды письма, стал родиной

литературы, закрепившей в народной памяти мифы и легенды в совершенной художественной форме. Письменность стимулировала мифотворчество. Мифы множились и разрастались, обогащаемые мифообменом между народами. Все шире и шире в священную сферу мифов проникали светские, сказочные мотивы. Постепенно, несмотря на консервативную силу религии, рассасывался архаический пласт мифов, питаемый человеческими жертвоприношениями. Создаются мифы, объясняющие их отмену (например, о жертвоприношении Исаака). Архаические мифы преображаются, причесываются, переосмысливаются в духе новых общественных интересов и задач. Происходит то, что принято называть актуализацией мифов.

С использованием древневосточной литературы мифов как исходного материала при освещении истории прошлого связано появление специфического жанра мифов, которые могут быть названы *генеалогическими мифами*. В процессе мифообмена выявляется, что многие боги со сходными или разными именами, но с одними и теми же функциями существуют на разных территориях, у разных народов. Необходимо было выявить степень их мнимого родства. Такая сложная работа не могла осуществляться сказителями и их не интересовала. Ею занялись писцы царских канцелярий, а также лица свободных профессий, интеллектуалы Древнего Востока. В результате священные книги пополнились обширными генеалогическими списками родоначальников и царей, иногда с указанием фантастических лет их жизни.

Выделение мифов Востока как особого раздела сокровищницы древних мифов является условным. Народы, которые занимали территорию, относящуюся к Азиатскому континенту, участвовали в миграциях, которые забрасывали их далеко на Запад. Самый яркий пример — это этруски, оказавшиеся в конце II тыс. в Центральном Средиземноморье, но обладавшие типично восточным образом жизни и восточной мифологией. Существуют и обратные примеры: появление в стране Ханаан также в конце II тыс. западного народа, филистимлян, давшего этой стране имя Палестина. Но не только миграции, но и колонизация в западном и восточном направлении приводили к тому, что многие восточные боги и герои начали новую жизнь на Западе, а некоторые западные мифологические сюжеты были восприняты восточными людьми. Этруски и филистимляне были небольшими народами, хотя и оказавшими значительное влияние на развитие культуры своего региона. Это же можно сказать о греках и финикийцах, наиболее

активно участвовавших в колонизационных процессах на Западе и Востоке. Но были и большие народы, жившие на Востоке, говорившие на языках, родственных европейским, — иранцы, индийцы, хетты. Восточными или западными были их мифы о богах и героях?

Более ста лет назад немецкий ученый Отто Группе выпустил книгу «Греческие культы и мифы в их отношении к восточным религиям». На 700 страницах большого формата он изложил все, что в то время можно было извлечь из литературных источников и уже известных тогда вавилонских и древнегреческих надписей о влиянии Востока на греческую религию и мифологию. Группе среди прочего ссылался на греческих авторов, считавших, что значительная часть имен греческих богов и героев имела восточное происхождение. Конец XIX в. — это эпоха мощной экспансии европейских держав на Восток.

Естественно, что книга немецкого ученого, доказывавшего наличие у Востока и Запада в древности культурной общности, была встречена с недоверием. Но через сто лет в распоряжении науки оказались мифы народов древнего Переднего Востока, те самые, которые изложены в нашей книге, и произошла подлинная встреча Востока с Западом. Не меньшее значение имели открытия на островах Эгейского моря, лежавших между Востоком и Западом и являвшихся своего рода контактной территорией. Здесь были обнаружены дворцы и храмы того же типа, что и на Востоке. Здесь почитали и восточных и западных богов. Так стало ясно, что уже в глубокой древности народы кочевали с Востока на Запад и с Запада на Восток.

Однако восточные мифы были зафиксированы в памятниках письменности в III–II тыс. до н. э., а на Западе первые записи мифов сохранились лишь с VII–VI вв. до н. э. Обитатели Европы имели письменность по крайней мере с начала II тыс. до н. э., но до нас дошли лишь административные и хозяйственные тексты.

Древние греки, желая назвать кого-либо сказочно богатым человеком, употребляли имя восточного царя Креза, владевшего золотыми месторождениями. Теперь мы все стали Крезами, поскольку обладаем словесными россыпями, сокровищами восточных мифов и преданий. И это богатство сохранено преимущественно с помощью самого бросового, не имеющего цены материала — глины, которая дала человеческой культуре больше, чем золото, серебро и все драгоценные камни, вместе взятые. Вот эти сокровища. Они перед вами. Берите их, пользуйтесь, обогащайтесь, вводите в свой обиход.

Источники и литература

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Антес Р. Мифология в Древнем Египте // Мифология древнего мира. — М., 1977.

Коростовцев М. А. Религия Древнего Египта. — М., 1976.

Лившиц И. Г. Сказки и повести Древнего Египта. — М., 1979.

Липинская Я., **Марциняк М**. Мифология Древнего Египта. — М., 1983.

Матье М. Э. Древнеегипетские мифы. — М., 1956.

Павлова О. И. Амон Фиванский: Ранняя история культа (V–XVII династии). — М., 1981.

Перепелкин И. А. Древний Египет // История Древнего Востока. — М., 1988. — Ч. II.

Померанцева Н. А. Эстетические основы искусства Древнего Египта. — М., 1985.

Рубинштейн Р. И. Египетская мифология // Мифы народов мира. — М., 1987. — Т. I.

МИФОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ДВУРЕЧЬЯ

Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. — М., 1979.

Афанасьева В. К. Литература Шумера и Вавилонии / Переводы //

Поэзия и проза Древнего Востока. — М., 1973.

Афанасьева В. К. Предание, этиологический миф в шумерской литературе // Жизнь мифа в античности. — М., 1988…

Белицкий М. Забытый мир шумеров. — М., 1980.

Бибби Дж. В поисках Дильмуна. — М., 1984.

Дьяконов И. М. Литература Вавилонии // Поэзия и проза Древнего Востока. — М., 1973.

Дьяконов И. М. Вавилонская идеология и культура // История Древнего Востока. — М, 1983. — Т. I.

Канева И. Т. Шумерский героический эпос // ВДИ. — 1963. — № 3.

Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии. — М., 1983.

Крамер С. Н. История начинается в Шумере. — М., 1985.

Липин Л., **Белов А**. Глиняные книги. — Л., 1956.

Оппенхейм А. Л. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. — М., 1980.

Редер Д. Г. Мифы и легенды Древнего Двуречья. — М., 1965.

Тюменев А. И. О предназначении людей в мифах Древнего Двуречья // ВДИ. — 1948. — № 4.

Эпос о Гильгамеше / Перевод с аккадского **И. М. Дьяконова**. — М. 1961.

Я открою тебе сокровенное слово / Сост. **В. К. Афанасьева**, **И. М. Дьяконов**. — М., 1981.

ХЕТТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. — М., 1982.

Гютербок Г. Г. Хеттская мифология // Мифология древнего мира. — М., 1977.

Довгяло Г. И. Становление идеологии раннеклассового общества. — Минск, 1980.

Иванов В. В. Хеттская мифология // Мифы народов мира. — М., 1988. — Т. 2.

Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии / Пер. с древнемалоазиатских языков **В. В. Иванова**. — М., 1977.

Маккуин Дж. Хетты и их современники в Малой Азии. — М., 1983.

УГАРИТСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Гордон К. Ханаанейская мифология // Мифология Древнего мира. — М., 1987.

Из угаритской повести Керете / Пер. **И. Н. Винникова** // Хрестоматия по истории Древнего Востока. — М., 1963.

Шифман И. Ш. Западносемитская мифология // Мифы народов мира. — М., 1980. — Т. 1.

Шифман И. Ш. Угаритское общество. — М., 1982.

Шифман И. Ш. Культура древнего Угарита. — М., 1985.

БИБЛЕЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Вейнберг И. П. Царская биография на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. // ВДИ — 1990. — № 4.

Гече Б. Библейские истории — М., 1990.

Косидовский З. Библейские сказания. — М., 1990.

Пять книг Торы. — Иерусалим 1975.

Ранович А. Б. Очерки по истории древнееврейской религии. — М. 1937.

Священные книги Ветхого завета / Пер. с еврейского. — Вена, 1897 — Т. 1–2.

Тексты Кумрана / Пер. с древнееврейского и арамейского И. Д. Амусина. — М., 1971.

Флавий Иосиф. О древности иудейского народа. Против Апиона. — СПб., 1898.

Флавий Иосиф. Иудейские древности. — СПб., 1900.

Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. — М., 1985.

Шифман И. Ш. Ветхий завет и его мир. — М., 1987.

АВЕСТИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. — М., 1987.

Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. — М., 1974.

Брагинский И. С. Древнеиранская литература // История всемирной литературы. — М., 1983. — Т. 1.

Брагинский И. С., **Лелеков Л. А**. Иранская мифология // Мифы народов мира. — М., 1987. — Т. 1.

Дандамаев М. А., **Луконин В. Г**. Культура и экономика Древнего Ирана. — М., 1980.

Дрезден М. Мифология древнего Ирана // Мифология древнего мира. — М., 1977.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. — М., 1986.

Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. — М., 1961.

Литература Древнего Востока. Иран, Индия, Китай (Тексты). — М., 1984.

Маковельский А. О. Авеста. — Баку, 1960.

Фрай Р. Н. Наследие Ирана. — М., 1972.

ДРЕВНЕИНДИЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация: философия, наука, религия. — М., 1980.

Гринцер П. А. Махабхарата и Рамаяна. — М., 1970.

Гринцер П. А. Древнеиндийская литература // Поэзия и проза Древнего Востока. — М., 1973.

Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос. — М., 1971.

Да услышат меня земля и небо. Из ведийской поэзии / Сост. и пер. с индийского **Т. Я. Елизаренкова**. — М., 1984.

Джатаки / Пер. **Б. А. Захарьиха**. — М., 1979.

Махабхарата. — М., 1950–1990. — Т. I–VIII.

Панчатантра / Пер. **А. Я. Сыркина**. — М., 1959.

Повести, сказки, притчи Древней Индии. — М., 1964.

Ригведа / Сост. **Т. Я. Елизаренкова**. — М., 1989. — Мандалы I–IV.

Темкин Э. Н., Эрман В. Г. Мифы Древней Индии. — М., 1985.

Упанишады / Пер. **А. Сыркина**. — М., 1967.

Эрман В. Г., Темкин Э. Н. Три великих эпических сказания Древней Индии. — М., 1978.

ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Алексеев В. М. Китайская классическая проза. — М., 1958.

Бодде Д. Мифы Древнего Китая // Мифология древнего мира. — М., 1977.

Васильев К. В. Планы сражающихся царств. Исследования и переводы. — М., 1968.

Георгиевский С. М. Мифические воззрения и мифы китайцев. — СПб., 1892.

Го Можо. Философы Древнего Китая. — М., 1961.

Каталог гор и морей. Щань хай цзин / Пер. **Э. Яншиной**. — М., 1977.

Каталог правителя области Шан. Шан цзюнь шу / Пер. **Л. С. Переломова**. — М., 1968.

Конрад Н. И. Древнекитайская литература // История всемирной литературы. — М., 1983. — Т. I.

Рифтин Б. Л. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. — М., 1980. — Т. I.

Сыма Цянь. Исторические записки. — М., 1972–1987. — Т. 1–5.

Федоренко Н. Т. Шицзин и его место в китайской литературе. — М., 1958.

Шицзин. Книга песен и гимнов. — М., 1987.

Эпические сказания народов Южного Китая. — М.; Л., 1956.

Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. — М., 1987.

Яншина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. — М., 1984.

comments

Комментарии

1

Хепри — одно из имен солнечного божества Атума, введенное здесь потому, что усиливает аллитерацию: слово «Хепри» произведено от египетского глагола «существовать».

2

Нун — олицетворение первозданных вод праокеана, окружавшего землю. В Гелиополе из вод Нуна возникло Солнце — Атум. В Гермополе Нун и его супруга Наунет составляли первую пару богов в образах лягушки и змеи. В Мемфисе Нун был отождествлен с Пта, а в Фивах — с Амоном.

З

Шу — бог воздуха, точнее, персонификация пространства между небом и землей, ибо имя его означает «пустота». По другой версии мифа, Атум выдохнул Шу через нос. Шу изображался в виде человека с распростертыми крыльями, держащего в руках символы жизни.

4

Тефнут — богиня влаги. Ее земным воплощением считалась львица. Тефнут была так тесно связана с Шу, что часто их воспринимали как пару богов в облике львов.

5

Под Оком в египетских текстах фигурируют различные божества: Шу, Тефнут, Хатхор-Сохмет, Бастет, Маат. Здесь, видимо, речь идет о Хатхор-Сохмет.

6

Под великолепным Оком подразумевается змея-урей — символ защиты бога.

7

Пта (Птах) — бог Мемфиса, культ которого приобрел общеегипетский характер и был распространен также в Нубии, на Синае, в Палестине. Он изображался в одеянии, плотно стягивающем все тело, кроме кистей рук, с посохом. Греки отождествляли Пта, как покровителя ремесел, с Гефестом.

8

Ка — первоначально олицетворение жизненной силы богов и царей, воплощение их могущества. Часто богам приписывалось несколько Ка. Впоследствии обладание Ка приписывалось и людям, так что оно понималось не только как жизненная сила, но и как двойник человека, нераздельно существующий вместе с ним как при жизни, так и после смерти.

9

Хемсут — женская параллель Ка.

10

Совсем по-иному рисуется образ Пта в гимне эпохи Нового царства: «У тебя нет отца, который вскормил тебя после рождения, у тебя нет матери, которая тебя родила. Ты сам себе Хнум (т. е. творец)… Ты вступил в страну, как правитель… Ты прогнал мрак и небытие лучами своих очей, этих барок, плывущих по небу… Твои оба глаза преобразуют день и ночь, твой правый глаз — Солнце, твой левый глаз — Луна, твои отображения — вечные звезды».

11

От эпохи Нового царства дошли обращенные к Тоту молитвы писцов. У древних египтян существовала и особая богиня искусства письма — Сешат, которая в ряде мифов фигурирует как его жена.

12

Богиня истины Маат, хотя и реже, чем Сешат, мыслилась супругой Тота.

13

Имеется в виду сам фараон, переменивший первоначальное имя Аменхотеп («Амон доволен») на Эхнатон («Полезный Атону»).

Имеется в виду Ка.

15

Львица считалась земным воплощением Тефнут и других богинь, с нею отождествлявшихся: Хатор, Сохмет.

16

Уход Тефнут совпадал с наступлением засухи.

17

Систр — музыкальный инструмент. Изображения его часто носили как амулет, охраняющий от злых духов.

18

Сет — в египетской мифологии бог чужих стран, пустыни. Его священными животными считались свинья, вызывавшая у египтян отвращение, а также осел. По другим представлениям, Сет — великий бог-воитель, помощник Ра в его борьбе с чудовищным змеем Апопом.

19

Нефтида («Владычица дома») — супруга Сета, по другим данным — Осириса. Функции ее достаточно неопределенны.

20

Божественные установления («сущности»), записанные Энки, известны шумерам под именем «ме». Один из шумерских поэтов перечислил сто «ме». Из шумерских слов, их обозначающих, пока понятны лишь шестьдесят: верховная власть, власть богов, корона, скипетр, царская власть, истина, нисхождение в подземное царство, потоп, оружие, ужас, раздор, мир, победа и др. Мысль о том, что любому явлению в жизни или вещи соответствует идея (или слово), находящаяся во власти богов, впоследствии была развита греческим философом Платоном.

Обладание «ме», согласно верованиям шумеров, означало пользование всей полнотой власти. Боги вели между собою борьбу за обладание божественным знанием.

21

Полагают, что библейский рассказ о сотворении женщины из ребра первого человека обязан этой детали мифа шумеров.

Таким образом, Инанна плывет сначала по небесному Евфрату, а затем попадает на земной Евфрат, в свой родной город.

23

Апсу (шумер. Абзу) — мировой океан подземных пресных вод, воплощение первозданной стихии, первопричина жизни. Соответствует греческому Хаосу.

Мумму — советник Апсу, обладающий лучами его сияния.

25

Тиамат (аккад. море) — олицетворение первозданной стихии женского пола.

26

Лахму и *Лахаму* — в аккадской мифологии дети Апсу и Тиамат, в шумерской — демоны водной стихии.

27

В аккадской мифологии «владыка низа», соответствующий шумерскому Энки.

28

Дамкина — супруга бога Эйа. В шумерской мифологии ей соответствует Дамгальнуна. В вавилонских текстах она — мать Мардука, отождествляемая с Нинсикилой.

29

Имеется в виду храм Нинмах, возможно, в виде зиккурата.

30

В мифах Урука солнечный бог Уту является основателем первой династии Урука, и поэтому он предок Энмеркара и Лугальбанды.

Стихотворные тексты и проза даются в переводе российского шумеролога В. К. Афанасьевой.

32

Особая пища для богов существует во многих мифологиях — персидская хома, индийская сома, греческая амброзия.

33

Красная краска сурьма считалась достоянием богов огня и дня. В римской церемонии триумфа триумфатору, принимавшему облик бога дня Юпитера, окрашивали щеки сурьмой. Примечательно, что орел считался священной птицей Зевса-Юпитера.

34

Согласно толкованию В. К. Афанасьевой, Шугур — ритуальный венок или повязка, делавшаяся не только из веток, но также из колосьев и драгоценного металла.

35

Рыба играла в мифах шумеров и аккадян, а затем вавилонян роль космического существа и воплощения бога вод. Вавилонский жрец Берос, пересказавший в III в. до н. э. на греческом языке мифы Месопотамии, сообщает о рыбе с человеческой головой по имени Оаннес. В имени рыбы звучит имя богини Инанны. Будто бы она, выплыв на сушу, сообщила людям все знания, обучила их письму, а затем возвратилась в родную стихию. Видимо, в мифе о Лугальбанде идет речь о той же божественной рыбе.

36

Окончание мифа не сохранилось, но ясно, что Лугальбанда выполнил условия Инанны и добыл победу Уруку.

37

Адапа — в мифах аккадян один из семи мудрецов, сын бога Эйа, правитель города Эреду.

38

Во многих мифологиях Древнего Востока четыре ветра связывались с четырьмя сторонами света и мыслились в облике крылатых созданий. Южный ветер считался неблагоприятным, поскольку неблагоприятной считалась южная сторона — благие боги находились на севере. На юге помещалось в некоторых мифологиях царство мертвых. Нападение Южного ветра на Адапу может пониматься как попытка унести его в царство мертвых.

39

Согласно «Царскому списку» XXI в. до н. э., перечисляющему правителей, обладающий «царственностью» Этана — двенадцатый из царей Киша, правивших после потопа.

40

Нисаба — в шумеро-аккадской мифологии богиня урожая, дочь Ана. Она изображалась с распущенными волосами, в короне, украшенной колосьями. Из ее плеч вырастали колосья. В руке ее был плод финика — символ неистощимого плодородия.

41

Нинсун — по одной версии, мать, по другой — супруга Гильгамеша.

42

В рассказах о возлюбленных Иштар она не только богиня плодородия, но также богиня охоты, войны, покровительница культуры. Отсюда — пойманный ею лев, приручённый конь, животное войны, связь с садовником, превращённым затем в паука.

43

Гильгамеш считался противником львов и часто изображался на глиняных статуэтках сражающимся со львами. Этот зрительный образ был воспринят греками и воплощен в образе Геракла, считавшегося победителем чудовищного льва и изображавшегося в львиной шкуре.

44

Горы, через которые прошел Гильгамеш, по представлениям шумеров и аккадян, находились на краю света, поддерживая небесный купол. Через отверстие в этих горах бог солнца спускался после завершения дня в царство ночи, чтобы на следующее утро пройти через такие же горы с другой стороны земли.

45

В представлениях о саде подземного мира могли отразиться впечатления от посещения подземных пещер.

46

Образ лодочника — проводника душ, впервые возникший в мифах Двуречья, был воспринят этрусками, греками, римлянами, в мифах которых он носит имя Харун (Харон).

47

Канес — вариант названия города Леса, древней столицы хеттов на реке Хуланна. По имени этого города хетты называли свой язык несийским.

48

Черное море, куда впадала Хулланна.

49

Тамармара — город на севере Малой Азии, религиозный центр хеттов.

50

Осел у многих народов Древнего Востока был священным животным. Видимо, он привел юношей на родину, и поэтому его ожидал почет.

51

Речь идет о новом законе, отменившем древнюю практику кровнородственных браков.

52

Хабантали — богиня хаттов, культ которой был воспринят хеттами. Функции ее неясны.

53

Камрусепа — хаттская богиня, имя которой толкуют как «Дух пчелиного роя».

54

Страх и Ужас — первоначально хаттские, а затем хеттские божества, мифологически связанные с богом Грозы. Видимо, под влиянием хеттов в «Илиаде» появляются Страх и Ужас, запрягающие колесницу.

55

Табарна — легендарный правитель у хаттов, имя которого у хеттов превратилось в царский титул. В клинописной табличке с текстом мифа о падении Луны имеется изображение льва — символа бога Грозы и одновременно царя.

56

Престол (трон) фигурирует в мифах хеттов как одна из важнейших богинь пантеона.

Уркис — хурритский город Северной Месопотамии.

58

Улликумме — дословно «Разрушитель Куммии», священного города бога Грозы.

Тасмису — брат и помощник бога Грозы.

Упеллури — великан, несущий на себе небо, землю и море.

61

Кункунуцци — какая-то порода камня, возможно базальт.

62

Хебат — главная богиня хурритов, супруга бога Грозы.

63

Здесь обрыв в тексте. Общее его содержание ясно из последующего рассказа.

Гонцы или вестники мифов Угарита соответствуют ангелам Библии, также несущим людям повеления бога и выполняющим иные его поручения. В ряде мест угаритских мифов вестники названы богами, но они принадлежали к низшим богам. Значение имен Гипар и Угар неясно.

65

Цифра «семь», была священной на всем древнем Ближнем Востоке.

66

Указание о времени гибели Балу в пору созревания и сбора плодов говорит о его принадлежности к богам растительности, гибнущим вместе с нею.

67

Жир считался излюбленной пищей богов. Шкура, возможно, мех для жира.

68

Мамету известна в аккадской мифологии как богиня подземного царства, супруга бога смерти Нергала или бога чумы Эрру. Здесь под «Львом Мамету» имеется в виду один из этих богов, имя которого предпочитают не называть. Видимо, он стоял у трона Мамету и пожирал души мертвых.

69

Каптару (Кафтор) — древневосточное обозначение острова Крита.

Таково подлинное окончание текста мифа. Это свидетельствует о том, что царь и жрецы удостоверяли подлинность священного текста.

71

«Запах дичи» исходил, поскольку Анату — богиня охоты, «запах меда», очевидно, потому, что благовония растворялись в меду.

72

Недостаточно ясно, кем были смертные, которых истребляет Анату. Существует мнение, что Анату, действуя по приказу Илу, истребляет провинившееся человечество. Полет отдельных от туловища голов и рук может быть объяснен распространенным в Египте и Ассирии обычаем отрезать у мертвых головы, руки или другие части человеческого тела для подсчета уничтоженных врагов.

73

В предшествующем сюжете Латану убивает не Анату, а Балу. Такого рода противоречия обычны в мифах разных народов.

74

Луг Шамку (совр. Хуле), по-видимому, прибрежный луг озера в верховьях Иордана. Из текста неясно, охотился ли Балу на быков или их пас.

Из описания принятия Балу облика Быка и рождения у Анату теленка ясно, что он был таким же быком, как Илу, но прозвище Бык закрепилось за верховным богом. Несомненно влияние сцены любви этого мифа на греческий миф о похищении Зевсом в образе быка Европы.

76

Понятия «рапаитский», «рапаиты» — предмет давних споров ученых. Одни полагают, что «рапаиты» — это боги или полубоги, участвующие в магических обрядах плодородия, другие считают их привилегированными мертвецами в царстве мертвых или среди богов, третьи — воинами-аристократами.

77

Ворота играли у древних народов религиозную роль. Площадь перед воротами служила местом народных сборищ, где царь, восседая на троне, вершил суд. В то же время она служила местом обмолота зерна, что являлось пережитком общинной собственности и общего ведения хозяйства.

78

Дерево, под которым сидел царь, — священное дерево. Культ деревьев известен также у древних евреев. В Библии упоминаются дуб плача, вещий дуб, пальма, под которой сидела пророчица Дебора, священное гранатовое дерево у Гибеа.

79

Защита вдов и сирот, как слабых и беззащитных, считалась священной обязанностью царя. Вавилонский царь Хаммурапи заявляет во введении к своим законам, что его обязанность — «уничтожать преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого».

80

Йариху — угаритский бог Луны, выступающий противником Балу и Анату. От рабыни Йариху рождаются чудовища с бычьими рогами, в борьбе с которыми, по одному из мифов, гибнет Балу. В городе Йариху Абулуму обитает убийца юного Акхита Йатпану.

81

На этом обрывается повесть об Акхите. Сестра его Пагату отправляется мстить убийцам брата. Из дальнейших отрывков следует, что Йатпану собирается отравить Пагату. Видимо, это ему не удается. Последние строки, взятые из поэмы о рапаитах, дошедшей в отрывках, дают понять, что Анату удается оживить Акхита и от него у нее рождается сын.

82

Поэт, кажется, не обладает элементарными познаниями в арифметике. Во всяком случае, сумма всех этих дробей не составляет единицу.

83

Далее повествуется, как Карату получает в жены красавицу Хураю, которая родит ему восемь сыновей и столько же дочерей. Но Карату не выполняет обета, данного богине Асирату во время похода, и богиня карает его смертельной болезнью.

С появлением христианства возникли священные книги его приверженцев, принявших в своей основе и книги Библии. С этого времени новые книги стали называться Новым заветом, а древние священные книги иудеев получили название Ветхого завета. В дальнейшем изложении мы будем понимать под Библией только Ветхий завет.

85

В Пятикнижие входят следующие книги: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие. Фольклорный материал в наиболее полном виде содержат книги Бытие и Исход.

86

Элохим (Эл) — божество, присутствующее во многих семитских мифологиях. Эл происходит от основы wl — «быть сильным». Эл-Элохим — любимый и высший бог пантеона Ханаана.

87

Выражение «небеса и землю» здесь употребляется в значении «мир», т. е. все пространство от неба до земли. Этот прием обозначения целого указанием крайних его частей называется меризмом и наряду с библейской широко используется также и в угаритской литературе.

88

Слову «бездна» соответствует еврейское «техом». Лингвистически оно восходит к арабскому «тихамат» — «хаос» и аккадскому «Тиамат» — имени богини первоначального хаоса-океана, существовавшего до сотворения мира богами. В других частях Ветхого завета «техом» является синонимом «моря».

89

Слову «дух» в еврейском тексте соответствует слово, означающее «дуновение», «ветер». Таким образом, это не абстрактное, а конкретное понятие, отвечающее древнейшему представлению о первоначальном состоянии мира.

90

Выражение «И был вечер, и было утро: день первый» указывает на присущий древним евреям способ исчисления дня (суток) от вечера, а не от утра или полудня, как у других древних народов.

91

Еврейское слово «твердь» имеет тот же корень, что и глагол «расплющивать», (молотом). Образ тверди мог сложиться в то время, когда уже существовало кузнечное ремесло и в других религиях выделились боги-кузнецы: в угаритской — Пригожий-и-Мудрый, в греческой — Гефест. Образ еврейского бога-кузнеца размыт монотеистическими представлениями — Каин (дословно «кузнец») представлен родоначальником земледелия.

92

В Библии названы десятки деревьев: кедр, дуб, акация, кипарис, тамариск, миндаль, тополь, пальма, оливковое дерево, смоковница и др. С деревьями связаны многочисленные религиозные и мифологические представления: «древо жизни», «древо познания добра и зла», «дуб плача», «дуб истины». Многие населенные пункты в Палестине получили названия по деревьям.

93

Отделение дня от ночи с помощью небесных светил задолго до Яхве осуществил вавилонский бог Мардук: «Наннара (Луну) он светить заставил, ночь ему вверил, он поставил его украшением ночи, чтобы дни обозначать». И у других народов изменение фаз Луны и положения Солнца использовалось для измерения времени. Само слово «месяц» в ряде языков явилось основой для понятия «мера».

94

Слово «адам», обозначающее на древнееврейском языке «человек, человечество», родственно словам «адама» (почва) и «адом» (красный), что дало основание мифу о создании человека из «красной земли» — глины.

95

Седьмой день как день отдыха богов после сотворения ими мира присутствует также в аккадской космогонической поэме «Когда вверху». Это отражает особое место семерки как священного числа в представлениях древних народов, живших по лунному календарю.

Так же в шумерском мифе о сотворении человека бог Энки, задумавший создать служителей для богов, призвал богиню-мать «смешать глину очага, что над бездной». В другом шумерском мифе та же богиня, именуемая «госпожой всех богов», помогает вылепить пробную партию людей — семерых мужчин и семерых женщин. В мифе, пересказанном по-гречески в III в. до н. э. вавилонским жрецом Беросом, говорится, что люди и животные, способные дышать, были сделаны из глины, замешанной на крови богов. Мотив сотворения обитателей земли из глины не чужд и египетской мифологии. Так, бог-гончар Хнум (впоследствии отождествленный с солнечным богом Ра) творит людей на гончарном круге, а его помощник Хекет вдувает в их ноздри дыхание жизни.

97

Слово «Эдем» (древнеевр. «эйден»), видимо, происходит от аккадского «эдин» — «равнина, степь, пустыня», что соответствует местоположению библейского сада. В то же время близкое по звучанию слово «эден» (роскошь, блаженство, наслаждение) вызывало у древнего читателя еврейского оригинала ассоциацию с богатством растительности и влаги божьего оазиса в мире, страдающем от палящего Солнца и недостатка воды.

В других произведениях древневосточной религиозно-мифологической литературы нет никаких следов древа познания, поэтому интерпретация этого образа вызывает сложности. Вкушение от древа познания может быть воспринято в философском плане как универсальное знание человека об окружающем мире и самом себе. Но в научной литературе указывают и на более узкое значение: знание сексуальных отношений и их связи с продолжением рода. В подтверждение этому приводят роль в тексте наготы (осознание ее послужило непосредственной причиной изгнания первой человеческой пары из Эдема), а также то, что глагол «познать» в Ветхом завете — синоним вступления в половую связь. Однако страх бога, что люди станут равными богам, говорит в пользу расширительного понимания «древа познания добра и зла».

99

Это первый в Ветхом завете стихотворный отрывок, вкрапленный в прозаический текст. Он, как и другие поэтические отрывки, взят из собраний героических и иных песен, находившихся в распоряжении повествователя.

100

Последние две строки стихотворного отрывка — игра слов, основанная на том, что еврейские слова «иш» (муж) и «ишша» (жена) однокоренные.

101

Происхождение жены от ребра мужа и их прилепление (евр. «габок») друг к другу выражают библейскую концепцию брака — женщина создана как подобие и дополнение мужчины. Это подтверждается также еврейским термином вступление в брак: «фегабок» — дословно «становиться одним телом».

102

Внезапное появление змея получает логичное объяснение из шумеро-вавилонского мифа, где змей в виде огромного чудовища существовал до богов и послужил им материалом при сотворении неба и земли. Впоследствии христианские толкователи этого места превратили змея в сатану, видимо, на том основании, что он выступает как противоречащий богу (само слово «сатана» в переводе означает «противоречащий»).

103

Выражение «как боги» — след многобожия, заимствование из источника, которым пользовался библейский автор.

104

Проклятая богом змея является широко распространенным мотивом в сказках многих народов мира.

105

Представление о том, что в божьем саду рожали без мук, восходит к шумерскому мифу о сказочной стране Тильмуне: «Нинсикила, как по маслу, как по маслу, как по лучшему превосходному маслу, родила богиню Нинкурру».

106

Сходная мысль о возвращении человечества в материал, из которого оно было создано, проходит в эпосе о Гильгамеше в рассказе о потопе: «И человечество в глину вернулось».

107

Имя Ева (в еврейском оригинале — Хавва) связано методом народной этимологии с еврейским словом «хай» — «жить». Однако с позиций современной лингвистики эта этимология не выдерживает критики. Среди попыток интерпретации этого слова можно указать на сопоставление с еврейским словом «хавват» в значении «поселение из шатров». Связывают это имя и с позднеарамейским «хавва» (арабское «хавна»), имеющим значение «змея», полагая, что сказание о Еве выросло на основе более древних преданий о змееподобной богине.

Применение к Еве определения «мать живущих» могло быть связано с ее пониманием как богини-матери, повсеместно почитаемой на Переднем Востоке и в эгейском мире, или, более конкретно, с аккадской богиней-матерью Мами, имеющей титул «мать всех богов».

108

«Один из нас» — еще одно свидетельство того, что в источнике, к которому восходит миф, речь шла не о единственном боге, а о богах.

109

Керубы — в данном контексте «стражи». В других местах Ветхого завета керубы — полубожественные существа, наделенные крыльями, львиным туловищем и человеческим лицом.

110

Каин, чье имя произошло от еврейского слова со значением «кузнец» — родоначальник странствующего рода кузнецов-кенитов, часто упоминаемого в других частях Библии. Поскольку введение нового металла — железа было нарушением вековых бытовых и религиозных традиций, те, кто занимались его обработкой, считались людьми, связанными с демоническими силами. Поэтому первое человекоубийство на земле приписано носителю этого имени, хотя в самом рассказе Каин фигурирует как земледелец. Впрочем, не исключено, что миф отражает ритуальное убийство, связанное с оплодотворением почвы.

111

Имя Авель, видимо, имеет значение «сын». Оно было широко распространено в древней Италии в форме Авл. По нашему мнению, это результат влияния этрусков, выходцев с Востока.

112

В образе земли, отверзшей уста, чтобы принять кровь, пролитую на нее, исследователи усматривают след почитания богини-матери.

113

Печать, истолкованная как клеймо преступника (по аналогии с обычаями времени оформления мифа), в более глубокой древности могла быть татуировкой, знаком бродячего племени, посвятившего себя ремеслу. Если же принять толкование мифа как отражение ритуального убийства, можно рассматривать эту печать в качестве знака, накладывавшегося на исполнителя ритуала и подчеркивавшего его священную функцию.

114

Еврейское слово «нод» имеет значение «странствие», так что в названии страны отражается скитание, на которое был обречен Каин за убийство брата. Размещение же страны Нод к востоку от Эдема, возможно, объяснялось тем, что на востоке находились горы, богатые металлом.

115

Изобретение и усовершенствование музыкальных инструментов и в других древневосточных мифологиях отнесено к начальным временам существования человечества, а их создатели фигурируют как культурные герои.

116

Распределение между тремя сыновьями Лэмеха (в дополнение к земледельческой деятельности его предка Каина) остальных древнейших занятий человечества (включая и пастушество, ранее закрепленное за Авелем) наводит исследователей на мысль, что эта глава соединила две различные версии, в одной из которых человеческий род производился не от Адама, а от Каина.

117

Эта народная песня, как во многих других случаях в Пятикнижии, более древняя, чем опирающееся на нее прозаическое повествование.

118

Дерево гофэр — кипарис (от шумерийского «гипару» — «слово»), имеется также в вавилонском и ассирийском языках. Отсюда же греческое «кипариссос».

119

Ковчег — старое русское слово со значением «ящик», «ларец». В шумерском и аккадо-вавилонских мифах вместо ковчега фигурирует корабль.

120

Представление о «чистых» и «нечистых» животных — свидетельство существования религиозных запретов на поедание некоторых животных и на принесение их в жертву богам. Такими табуированными животными у евреев и других семитских народов были свинья, верблюд, заяц, тушканчик, ворона и пр.

121

Арарат — название гористой местности, известной уже аккадянам как Урарту (название гор и страны). В вавилонском тексте местом высадки любимца бога Эа названа гора Ницир (в переводе, видимо, Гора спасения). Ее отождествляют с горой Пир Омар Гудрун, имеющей высоту 300 м. Вавилонский жрец III в. до н. э. Берос сообщает, что корабль Зиусудры остановился в курдских горах.

122

Также в вавилонском мифе Утнапишти открывает окно, и свет падает на его лицо.

123

Использование птиц для проверки земли представлено также в месопотамских версиях мифа о потопе. В вавилонской версии из корабля выпускаются голубь, ласточка и ворон. В ветхозаветном тексте черный ворон и белый голубь противостоят как «чистая» и «нечистая» птицы: «нечистая» не могла быть выпущена последней, поскольку предвиделась добрая весть.

124

Главное место в мифе о потопе — установление союза, завета (берит) между Богом и Ноем. Этот союз, впоследствии возобновлявшийся, дал само понятие «Ветхий завет» — союз между Богом и избранным народом.

125

Странное обращение к радуге, возможно, ассоциативно связано с красочным эпизодом шумеро-вавилонского мифа о потопе. Богиня-мать клятвенным жестом поднимает над головой украшавшую ее шею дугу ожерелья из лазурита, дар бога Неба, и произносит:

О боги! На шее у меня лазуритовый камень.
Как я его воистину не забуду,
Так эти дни воистину помню,
Во веки веков я их не забуду!

126

Современное обозначение группы народов, говорящих на семитических языках, не совпадает с ветхозаветными потомками Сима, ибо за основу разделения народов на три группы взято не столько языковое родство, сколько союзнические отношения.

127

Хам — легендарный предок народов, обитавших как в Палестине, так и к югу от нее.

128

Иафет — родоначальник северных и островных народов. Возможно, появление этого имени обусловлено влиянием греческих преданий о Иапете, отце Атланта и Прометея.

129

Текст, начинающийся рассказом о трех сыновьях Ноя, переходит в опущенную нами «Таблицу народов», в которой семьдесят народов земли представлены как ветви трех генеалогических стволов, восходящих к единому корню — прародителю Ною.

130

Возделывание винограда — одно из древнейших занятий населения Переднего Востока. Вино удостоверено археологической находкой сосуда середины III тыс. до н. э. В Палестине вино наряду с хлебом и оливковым маслом было основным средством питания.

131

Имя Аврам (Абрам) известно египетским текстам середины II тыс. до н. э. в форме Абирам. В ту же эпоху существовала крепость Абирама. Имя Нахор соответствует городу Нахуру, упомянутому в документах государства Мари VIII в. до н. э. в каппадокийских табличках того же столетия и в ассирийских надписях XIV в. до н. э. Имя Харан соответствует городу Харрану, известному и из документов Мари. Появление в Библии имен, совпадающих с названиями местностей, засвидетельствованных в столь раннее время, — показатель древности рассказов о патриархах.

132

Теребинт — дерево Палестины, достигающее высоты до 15 м и возраста в несколько сотен и даже тысяч лет. Упомянутый теребинт Морэ, видимо, одно из деревьев, почитавшихся первоначальными обитателями, страны Ханаан. Высказывалось мнение, что слово «морэ» («учение») может служить указанием на то, что в этом месте существовал оракул. В греческом и вслед за ним латинском переводе Библии переводчик, не поняв значение слова «теребинт», воспринял его как греческое «аулон» — «лощина», «ущелье».

133

Бетэл (дословно «дом Эла») — ныне арабская деревушка Бейтин к северу от Иерусалима, Раскопки У. Олбрайта (сезоны 1934, 1954, 1957 и 1960 гг.) выявили поселение, существовавшие с IV тыс. до н. э., с храмом конца III тыс. до н. э., в котором вскрыты следы жертвоприношений и цилиндры с изображениями ханаанских божеств Астарты и Ваала.

134

Первое в Ветхом завете упоминание кочевых животных. При этом верблюды, отнесенные ко времени Авраама, на самом деле появились в Ханаане только в XII в. до н. э.

135

Мамрай — местность в 10 км от Хеврона, где находилась священная роща, почитавшаяся доизраильским населением страны Ханаан.

136

Исследованиями Дж. Фрэзера установлено, что странный обряд с рассеченными животными характерен для многих народов на ранних стадиях их развития, прохождение между разрубленными половинами животных скрепляло даваемую клятву.

137

Обычай усыновления детей рабыни в случае бесплодия законной жены засвидетельствован в древневосточном законодательстве и правовых документах II тыс. до н. э. При этом законы вавилонского царя Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) предусматривают привилегированное положение рабыни, родившей детей своему господину, но в то же время дают законной супруге право требовать почтительности от рабыни.

138

Измаил («Эл (бог) услышал») — мифический родоначальник северных арабских племен.

139

У древних обитателей Палестины и окружавших ее пустынных территорий с ослом не связывались негативные ассоциации.

140

Бог, явившийся Аврааму, назвал себя Эл Шалдай, а не Яхве или Элохим. Эл (Ил) был богом хананеев.

141

Исаак (евр.) — «Бог да возрадуется».

142

Двенадцать на Востоке считалось священным числом, угодным богам. Деление года на 12 знаков зодиака, равно как и народа на 12 колен (городов), было принято также и в Эгеиде.

143

Упоминание холма или горы как места жертвоприношений указывает на влияние религии ханаанеев, почитавших горы своей страны. Из библейской традиции известно, что это влияние достаточно долго сохранялось у израильско-иудейского населения Палестины: религиозная реформа Иосии (621 г. до н. э.) содержала специально оговоренный запрет совершать воскурения на высотах «воинству небесному».

Исав (Эйсав) — «Косматый».

145

Иаков — одно из древнейших семитских имен, засвидетельствованное впервые в надписи вавилонского царя Хаммурапи в форме «Иакибула». Один из захваченных египетским фараоном городов страны Ханаан назывался Иаков-эль.

146

Странная для нашего понимания история состязания жен и рабынь Иакова в рождении ему двенадцати сыновей — ключ ко всему повествованию. Имена этих сыновей произведены от реальных племен времени создания Библии. Одни из них, якобы происходившие от законных жен, обладали большей территорией и пользовались большим влиянием. Более слабые племена считались происшедшими от рабынь.

147

Божки, похищенные Рахилью, именуются в библейском тексте «терафим». Одна из клинописных надписей Нузи сообщает о наследовании сыном отцовских божков. По законам Хаммурапи, зять, обладавший таким божком, пользовался правом наследства наряду с сыновьями. Все это объясняет мотивы действий Рахили.

Израиль (евр.) — «Он сражался с Элом и победил».

149

Бен-Они (евр.) — «Сын несчастья», было переделано отцом так, что стало означать «Сын счастья» — Вениамин. Имя это в форме Бану-Йамину встречается в текстах Мари в начале II тыс. до н. э.

150

Иосиф — мифический прародитель группы племен, обитавших в западной и центральной частях Палестины. На эту же племенную территорию указывает место захоронения Иосифа в Сихеме.

151

Куттонот — нижняя льняная одежда, обычно носимая жрецами. Отсюда произошло греческое слово «хитон».

152

Вера в вещие сны была в древности всеобщей как на Востоке, так и на Западе. Возник особый жанр литературы сновидений — сонники. В снах аккадского варианта поэмы о Гильгамеше вслед за рассказом о сне следует истолкование сна. Это характерно и для снов, упоминаемых в Библии. Первые сны Иосифа не снабжены толкованиями, поскольку смысл их прозрачен.

153

Дотан — поселение близ Самарии, ныне Тель-Дотан. Впервые Дотан упомянут в перечне городов Ханаана времени походов фараона Тутмоса III (XVI в. до н. э.). Американские раскопки (с 1953 г.) показали, что это поселение существовало с ранней эпохи бронзы до эллинистического времени.

Египетское имя Иосифа значит «Говорит Бог, и да живет он!».

Асенат — «Принадлежащая богине Нейт».

156

Он — Гелиополь.

157

Манаше — мифический прародитель одного из колен Израиля.

158

Эфраим — мифический прародитель одного из колен Израилевых.

159

На самом деле Иаков и его сыновья были пастухами овец, но Иосиф предупредил братьев, что пастухи овец для египтян мерзость. Поэтому братья назвали себя скотоводами. Также и в греческом мире имелось технологическое различие между пастухами, пасшими скот (быков и коров) и овец.

Эта деталь указывает на то, что окончательная редакция рассказа об Иосифе принадлежит сравнительно позднему времени. Лошади появились в Египте после нашествия гиксосов и, во всяком случае в древности, не использовались для сельскохозяйственных работ.

161

Выражение «до сих пор» в этом, как и во многих других местах Библии, — свидетельство существования временного промежутка между действием и его описанием.

162

Аарон — в Ветхом завете первый из священников Яхве. Жречество не могло представить себе, что во время зарождения яхвизма рядом с Моисеем, способным защитить единоплеменника и убить насильника, не было человека в льняном эфоде, владеющего даром слова. Так рядом с Моисеем появляется его старший брат Аарон, прародитель израильского жречества. Полагают, что Аарон был первосвященником Эла, а не Яхве.

163

Мариам — пророчица, с которой связан гимн Яхве (см. ниже). Родственные отношения Аарона, Моисея и Мариам — жреческая конструкция.

164

Легенда о младенце в корзине (ящике), погружаемой в реку (или море), его чудесном спасении и последующем воспитании богами (или царями) широко распространена во многих мифологиях. У вавилонян это предание о царе Саргоне из Акки, у хеттов — рассказ о сыновьях царицы Канес, у греков — миф об основателе Микен Персее.

165

На самом деле имя Моисей (Моше) происходит от египетского глагола «мши» со значением «рождать» и является составной частью ряда египетских имен типа Тутмосес («Рожденный Тотом»).

166

Поскольку на еврейском языке «Я есть» звучит как «Ехое», в этом звукосочетании исследователи усматривают созвучие с «Яхве» и интерпретируют данное место как первый в общении со своими избранниками намек Бога на его имя.

167

Сохранились жезлы, подобные тем, которые описаны в книге Исход. Они из слоновой кости и украшены изображениями мифических животных.

168

Казни египетские, изображенные как следствие решения Яхве наказать египтян за отказ фараона отпустить евреев из Египта, — реальные бедствия, от которых страдало население долины Нила. Библейский автор сконцентрировал их в коротком промежутке времени, чтобы показать могущество Бога.

169

Вставленная в повествование о Моисее песня Мариам, включающая опущенные нами строки о совершенном Яхве чуде, явно послужила автору книги Исход источником для изложенного выше эпизода о переходе израильтянами Красного моря и чудесном уничтожении преследователей. Древность песни Мариам доказывается не только архаичностью языка, выявляемой при сопоставлении ее лексики с лексикой других частей книги Исход, но и большей тематической близостью с мифами Угарита, где море (Ямму) выступает противником Балу и где победа последнего описывается в выражениях, сходных с теми, какие присутствуют в песне Мариам.

170

Амаликитяне — кочевое племя, в конце II тыс. до н. э. проживавшее на Синайском полуострове. Поскольку амаликитяне постоянно нападали на страну Ханаан, они считались врагами Яхве и врагами Израиля.

Сыны Энака (евр. «Исполин») — сказочный народ великанов.

172

Сравнение сыновей Израиля с саранчой дополняет их характеристику как обитателей пустыни, и притом народа чрезвычайно многочисленного.

173

Скиния — передвижной шатер, использующийся для священнодействия.

174

Арад — крепость безымянного царя хананеев, которому удалось нанести поражение израильтянам. Раскопки Арада (современный Телль-Арад) в 1962–1963 гг. выявили поселение раннебронзового века (3000–2700 гг. до н. э.), занимающее площадь в один гектар. Население, как это видно по остаткам пшеницы в руинах зданий, занималось земледелием. После разрушения города до XI в. до н. э. руины Арада были не заселены. В XI в. до н. э. здесь появляется неукрепленное поселение, видимо, кенитов.

175

Представление о змее, приносящем исцеление, присуще не только израильтянам и доизраильскому населению Ханаана. Археологически выявлено, что змей, обвивающий жезл, входил в атрибутику ассирийского бога медицины Нингишзида. Также и в греческой мифологии бог-целитель Асклепий имел жезл со змеем. Змеи играли значительную роль в его культе в Эпидавре. Рассказ о медном змие, введенный в книгу Чисел, имел целью объяснить происхождение почитания змея. Поклонение медному змею, запрещенное лишь в VII в. до н. э. царем Езекией, не исчезло полностью. Медное изображение змея имелось в храме Иерусалима и в условиях торжества единобожия требовало оправдания.

176

Страна Моав, получившая название по народу Моав (моавитяне), находилась к востоку от Иордана и Мертвого моря. Судя по надписи царя Моава Меши, моавитяне мало отличались от израильтян по языку. Поэтому в книгах Бытие и Второзаконие они и мыслились как родичи Израиля. Но моавитяне почитали не Яхве, а Ваала и Кемоша. Рассказ о Валааме и его ослице отражает религиозную рознь между двумя соседними народами. Царь Моава призывает на помощь колдуна из Месопотамии, чтобы уничтожить противников, но Яхве спасает свой народ, воспользовавшись, как орудием, ослицей — она задерживает Валаама. Впоследствии Яхве вкладывает в уста Валаама вместо проклятий благословения.

177

Впоследствии восстающие звезда и скипетр были осмыслены христианами как пророчество будущего царства Иисуса.

178

Оракул Валаама явно заимствован из какого-то произведения израильской народной поэзии или создан ему в подражание.

179

Нево — гора, с которой Моисей, согласно поздней библейской традиции, увидел всю страну обетованную. Очевидно, речь идет о горе Джебель-аль-Небо, в 2 км от города Нево. Ее высота 1808 м над уровнем моря.

180

Иерихон находился в низовьях Иордана, в цветущем субтропическом оазисе, в 9,5 км от Мертвого моря. Самые ранние археологические материалы докерамического неолита показывают, что Иерихон как крепость существовал с VIII–VI тыс. до н. э.

181

Дома, являющиеся частью городской стены, обнаружены археологами во время раскопок многих городов Ближнего Востока эпохи поздней бронзы (конец II тыс. до н. э.).

182

Автор, примыкающий к Второзаконию книги Иисус Навин, исходит из того, что читатель знает о ковчеге, и его задача — рассказать о связанных с ним чудесах в стране Ханаан.

183

Описание перехода через Иордан отражает общие многим народам древности представления о рубеже между «нашим» и «чужим», «священным» и «несвященным» пространствами.

184

Гилгал (евр. «круг») — видимо, назван по расположению двенадцати памятных камней в виде круга. Такого рода круги из камней, как свидетельствует археология, не являются израильской спецификой. На протяжении всего дальнейшего времени, охватывающего книгу Иисуса Навина, в Гилгале находился стан Израиля со скинией и ковчегом.

185

Возможно, сюжет обхода города связан с церемонией обхода двенадцати камней, расположенных в форме круга.

186

Эта клятва была нарушена во времена иудейского царя Ахаба, когда некий Хиел (Ахиил) был наказан гибелью сыновей за нарушение запрета жить в Иерихоне.

187

Сисера — как установлено современными исследованиями, имя иллирийского происхождения. Это позволяет думать, что его носитель — филистимлянин, служивший хананею Иабину. Упоминание железных колесниц Сисеры — довод в пользу этого предположения. У филистимлян была монополия на использование железа в военных целях.

188

Пальма Деборы — видимо, священное дерево, под которым пророчица совершала гадание подобно тому, как в греческой Додоне гадали под священным дубом. Возможно, что подобно тому, как в Додоне жрицы оракула назывались «голубками», жрицы оракула на горе Ефраим именовались «пчелами» (Дебора — евр. «Пчела»).

189

Барак («Молния»). Такое же прозвище (или имя) было у карфагенского полководца Гамилькара (Гамилькар Барка).

190

Табор — гора не территории племени Иссахар. Согласно Второзаконию туда «народ приходил, чтобы молиться и приносить жертвы».

191

Танаах и Мегиддо — города в северной части страны Ханаан, в Галилее. Слова «у вод Мегиддо» указывают на важное стратегическое положение Мегиддо в долине Иезреела, между горами Ливана и морем. В книге Иисус Навин нет сведений о завоевании Мегиддо Израилем. Видимо, он вместе с Танаахом был главным центром антиизраильской коалиции.

192

Кишон — речка, пересекающая долину южнее горы Табор. Ее переполнение превратило долину в болото и сделало невозможным использование боевых колесниц.

193

Под пустыми и легкомысленными людьми, пошедшими за Авимелехом, следует понимать людей без роду и племени — апиру (хабиру), которые также известны египетским источникам эпохи царствования Эхнатона.

Таким образом, выборы царя осуществлялись у священного дерева.

195

Гора Гаризим — одна из двух гор, между которыми находился Сихем. Другая гора — Эбал, ее отождествляют с горою Цаомон.

196

Рассказанная Иофамом притча носит антимонархический характер. Она указывает на опасности, грозящие городу, готовому принять власть единоличного правителя.

Эл-Бериф (евр.) — «Бог завета».

198

Так исполнилось предсказание Иофама, данное в рассказанной им притче. Сихем, принявший царскую власть, был сожжен огнем, так же как плодоносные деревья, согласившиеся подчиниться терновнику.

Этот патриотический мотив присутствует также в греческом мифе о жертвоприношении дочери Агамемнона Ифигении.

200

Цора, Эштаол, Тимна, Этам, Рамат-Лехи, Хеврон, долина Сорек — населенные пункты и местности, фигурирующие в повествовании о Самсоне, принадлежали к территории, примыкающей к владениям филистимлян и относящейся к сфере их влияния.

201

Игра слов: осел и толпа в еврейском языке обозначались близкими по звучанию словами.

Делила (евр.) — «Срамница».

203

Начиная с 2500 г. до н. э. Дагон почитался по всей Месопотамии. Его храм в Мари был украшен бронзовыми фигурами. Удостоверено его почитание в Бет-Шеане во времена Саула и Давида (XI–X вв. до н. э.) и в Ашдоде во времена Маккавеев (III в. до н. э.). На семитских языках Дагон означает «рыба». На монетах Арвада и Ашкелона он изображался с рыбьим хвостом.

204

Тридцать гостей в собрании, встретившем будущего царя, отражают тридцатичастное деление, свойственное государственным образованиям Древнего Востока. Вспомним хеттский миф о рождении царицей Канеса тридцати отпрысков. В Ветхом завете рассказывается о некоем Иаире, судье из Галаада: «У него было тридцать сыновей, ездивших на тридцати молодых ослах, и тридцать городов было у них». Вергилий в «Энеиде» описывает, как Энею, выходцу из Малой Азии, высадившемуся в Италии, дано было знамение — белая свинья, принесшая тридцать поросят, как бы предвещавших тридцать будущих городов. Видимо, число 30 считалось угодным богам, поскольку и месяц состоял из 30 дней.

205

Вифлеем — город в 13 км к югу от Иерусалима, впоследствии прославленный как место рождения Иисуса Христа.

206

Имя Давид (соответствует аккадскому Давидим) означает «Начальник», «Вождь», «Возлюбленный», «Брат отца».

207

Охватившая царя меланхолия, в соответствии с суевериями того времени, объяснялась вселением в Саула злого духа. То, что это дух вселен самим Яхве, — попытка соединения яхвизма с народными верованиями.

208

Апокрифический псалом Давида из Кумрана включает пояснение, что Саулу приносила облегчение не только музыка, но слова песни.

209

Сокох и Азика, судя по надписи на черепке из Лахиши, находились в 10 км к западу от Вифлеема, города Давида. Эфес-Дамим отождествляют с упомянутой в другом месте Долиной теребинта, идентифицируя ее с современной Вади ес-Сант.

210

Это уникальное в Библии упоминание поножей, части доспехов эгейского воина, о которых известно из «Илиады».

211

Кидон — оружие, ранее ошибочно переводившееся как «копье» или «дротик». Судя по тексту из Кумрана, это вид меча.

212

Еврейское слово «хопши» («свободен») соответствует аккадскому «хупшу», обозначающему категорию лиц, свободных от налогов и находящихся на кормлении у царя. Это учтено в нашем изложении.

213

Отношения Давида с его братьями следуют фольклорной схеме, представленной в рассказе об Иосифе и его братьях. Младший брат, вопреки его бесправному положению по закону, оказывается счастливчиком (сравните с Иванушкой-дурачком).

Несмотря на явную тенденцию подтвердить описанием вооружения Давида последующие слова «спасение не в копье и в мече, а в Боге», контраст между вооружением Давида и Голиафа отражает историческую реальность. Израильтяне не обладали гоплитским вооружением и не имели возможности его производить благодаря монополии филистимлян на железо.

215

Обмен речами, позорящими противника, — обычная практика и гомеровских поединков.

Шунем (современный Солем) находился в долине Иезреела.

217

Истребление волшебников и гадателей Саулом соответствует духу иудаизма и законодательным актам, запрещавшим некромантию.

218

Аэндор (ныне Эндур) был расположен в 12 км от Шунема.

219

Аштарот (множественное число от Аштерет) — богиня войны у хананеев и филистимлян.

220

Бет-Шан находился в долине Иордана. Он упомянут в надписи египетского фараона Рамзеса III (XII в. до н. э.). Филистимляне могли находиться в Бет-Шане как наемники египтян.

221

Твердыня иевуситов Иевус фигурирует в библейских текстах как Иерушалаим. Видимо, его древние жители производили название города от имени бога Шалема. Город упомянут в египетских текстах проклятия в начале II тыс. до н. э., а затем в XIV в. до н. э. в письмах из Амарны. Иевуситы — доизраильское население Иерусалима и его округи, имеющееся в списке племен Ханаана в книге Бытие.

222

На странное упоминание в связи с защитой осажденного города «слепого и хромого» проливает свет хеттский магический колдовской обряд. Перед воинами проводят слепого и глухого, а жрец говорит так: «Смотрите! Вот слепой и глухой. Кто бы ни сделал зла царю и царице, пусть им овладеют эти заклятья. Пусть заклятья его оглушат! Пусть они ослепят его, как слепого! Пусть оглушат его, как глухого!» (перевод Вяч. Вс. Иванова). Стоит заменить слова «зло царю и царице» на слова «зло городу», и перед нами встает сцена с несчастными калеками, выведенными защитниками осажденного Иерусалима на его стену, чтобы с помощью магических средств ослепить воинов Давида и сковать их движения.

Автору книг Самуила был неизвестен этот обряд, равно как и связанный с ним фольклорный образ, и, чтобы пояснить смысл этого, ставшего в его время непонятным текста, он придает ему переносное значение. По тому же пути шли и современные комментаторы, пока не стал известен хеттский магический обряд.

Приведенный хеттский текст по времени близок к дате взятия Давидом Иерусалима, а сами «сыновья страны Хатти» под именем «сыновья Хетта» известны Библии как обитатели региона Иерусалима. Именно здесь, к югу от Иерусалима, в Хевроне находились пещера и поле, купленные Авраамом у «сыновей Хетта» для устройства семейного склепа.

223

Сион — название холма в Иерусалиме, где находилась крепость Давида («Град Давидов»). Значение слова «Сион» не выяснено.

224

Под водостоком, очевидно, имеется в виду канал, который вел через подземное водохранилище на вершину скалы. Это место оставалось неясным, пока в 1867 г. не обнаружили ход, ведущий в глубь земли к резервуару с водой. Видимо, через этот ход и удалось Иоабу со своими воинами проникнуть в неприступный город.

225

Сообщение о контактах Давида с царем Тира Хирамом и его помощи в строительной деятельности должно быть отнесено не ко времени захвата Иерусалима, а к концу царствования Давида. Ведь Хирам воцарился в Тире не ранее 969 г. до н. э. Здесь, таким образом, явное нарушение хронологического принципа изложения, которому автор книги Самуила в целом следует.

В сообщении о перевозе в Иерусалим царского гарема можно видеть косвенное осуждение Давида, напоминание о предостережении Самуила о том, что царь возьмет у подданных их дочерей и «возопите вы тогда из-за царя вашего, но не услышит вас Яхве».

227

Это сообщение свидетельствует о том, что до вавилонского пленения новый год начинался не осенью, а весной. Выбор весны для начала военных операций был связан с благоприятными погодными условиями, а также с тем, что в это время мужское население было свободно от сельскохозяйственных работ. Также и у римлян первый весенний месяц совпадал с началом войн и поэтому носил имя бога войны Марса.

228

Урия — не хеттское, а израильское имя, означающее «свет мой Яхве». Такой выбор имени — еще один укор Давиду, нарушившему предписание Яхве: «Не пожелай жены ближнего своего». Кумранские свитки сообщают, что Урия был оруженосцем Иоаба.

229

Во время священной войны запрещались сексуальные отношения, поскольку они считались нечистыми, могли неблагоприятно сказаться на исходе войны. Но сам Давид первым нарушает этот религиозный запрет.

230

Кретиты и плетиты — наемники на службе царей Израиля. Возможно, за этими словами скрываются племенные обозначения критян и филистимлян.

231

Алтари, имеющие на каждом углу выступ, напоминающий рог, характерны для Палестины и археологически засвидетельствованы в целом ряде ее древних городов.

232

Женитьба Соломона на дочери фараона не может рассматриваться как свидетельстве могущества Израиля, поскольку в Египте в 1070–945 гг. до н. э. произошло ослабление центральной власти. Имя тестя Соломона, не названное в главе, не может быть установлено из египетских источников.

233

Гибеон в годы правления Давида и Соломона до сооружения храма Яхве был значительным религиозным центром, однако сообщение о тысяче всесожжении в Гибеоне является преувеличением.

234

Сон Соломона должен рассматриваться в свете широко распространенной на Востоке практики священной инкубации в храмах с целью получения божественных советов. Сюда же относится и лечение сном в святилище Асклепия в греческом храмовом центре Эпидавре после принесения жертвы Богу. Параллелью сну Соломона в Гибеоне является сон Иакова в Бетэле.

235

Мицраим — Египет.

236

Сава, Себа или *Шеба* — это страна, находящаяся на юге Аравии, получившая название по одному из четырех народов юга полуострова. Кроме Библии сабеи известны по надписи ассирийского царя Тиглатпарасара, описывавшей поход Синахериба 711 г. до н. э., а также по надписи Синахериба от 685 г. до н. э. Древнейшее в греческой литературе сообщение о сабеях содержится в «Истории растений» Теофраста, позднее — в трудах Страбона, Плиния Старшего, Птолемея. Важнейшим источником истории сабеев являются их же надписи, к сожалению, плохо датируемые.

Сообщение Библии о посещении царицей Савы Иерусалима не подкрепляется какими-либо внебиблейскими источниками. В рассказе нет ничего, что бы характеризовало государство сабеев, кроме управления его царями и богатства. Разумеется, контакты между Иерусалимом эпохи Соломона и Савой существовали, но раскрыть их характер библейские авторы не могли, а может, могли, но не хотели, поскольку преследовали не историческую, а апологетическую задачу.

Талант — крупная весовая единица.

Эти слова заставляют предположить, что первоначально новелла «Руфь» входила в книгу Судий. И это отвечает хронологии, поскольку второй из царей Давид считался внуком Руфи и Руфь должна была жить при судиях. Перенесение книги Руфь в другое место канона, очевидно, связано с тем, что она не вписывалась в жанр исторических книг, а также контрастировала с содержанием книги Судии, переполненной войнами и насилием.

239

Элимилек («Мой бог-царь») — как и другие имена новеллы, имеет символическое значение. Потомок Элимилека Давид стал царем.

Ноэми (евр.) — «Привлекательность».

241

Махлон (евр.) — «Болезнь», «Тошнота».

Хилеон (евр.) — «Чахотка».

Полагают, что имя Руфь произведено от основы со значением «Друг», «Товарищ».

244

Новое имя, которое Ноэми дала себе, означает «Горечь», «Горе». Оно контрастирует с прежним ее именем «Привлекательность».

245

Происхождение имени Бооз неясно. Некоторые исследователи трактуют его как «В нем суровость».

Термин оригинала указывает на различие между положением просто рабыни и домашней рабыни, рожденной в доме. Такое же различие существовало в терминах римского рабства — servus (раб) и verna (раб, рожденный в доме). Будучи чужестранкой, Руфь не могла быть домашней рабыней. Поэтому она просит об этой милости.

247

Называя Руфь дочерью, Бооз не только указывает на различие в возрасте, но и обещает ей, чужестранке, свое отеческое покровительство.

248

Согласно библейской традиции Овид был дедом будущего царя Давида.

Знакомство с текстом книги Ионы может создать впечатление, что ее автор — человек невежественный или, во всяком случае, наивный, не знающий о том, какие бедствия принесла Ниневия Израилю и другим народам Переднего Востока. Однако в книге пророка Иеремии имеется указание на то, что автор книги Ионы знал об Ассирии, Ниневии и об отношении к ним современников. В книге Иеремии мы находим следующую мысль, вложенную в уста Яхве: «Иногда я скажу о каком-нибудь народе и царстве, чтобы удалить, сокрушить, погубить его. Но если этот народ раскается в своих злодеяниях, за которые я назначил ему кару, то мне жаль совершить назначенное бедствие». Таким образом, создается впечатление, что автор книги Ионы сочинил всю эту историю, чтобы доказать правоту Иеремии. Его не остановило и то, что никакой милости Ниневии не было оказано и она была разрушена, что встретило ликование библейских пророков.

250

Еще Г. Гротефенд, первый европейский ученый, дешифровавший персидскую клинописную надпись, обратил внимание на сходство между библейским именем Ахашверош и персидским именем царя, которого греки называли Ксерксом, — Кшаярша. В пользу этой идентификации говорит также то, что царство Ахашвероша простиралось от Эфиопии до Индии.

Хаман — судя по имени, персидский демон зимы, изгнание которой у многих народов знаменовало наступление весны и начало нового года. Имя злого персидского визиря проливает свет и на весь сюжет: Эсфирь и Мардохей — боги Иштар и Мардук. Преследование демоном зимы народа богини Иштар, дочери Мардука, первоначально не имело никакого отношения к судьбам евреев, пребывавших в вавилонском плену. Книга Эсфирь — фантастическое переосмысление весеннего праздника освобождения от пут зимы, который был воспринят как освобождение от страха смерти. Этому объяснению в полной мере соответствует время праздника весны (пурим) у евреев и его характер — пляски, ряженые, виселица с повешенным чучелом зимы и пр.

252

Название праздника пурим истолковывается от еврейского «пур» — «жребий». Гадание является частью праздника проводов зимы у разных народов (сравните с гаданием на масленицу). Во время раскопок Суз была обнаружена квадратная призма, на каждой стороне которой было написано число. Ее можно рассматривать как жребий.

253

Навуходоносор — царь Нового Вавилона (605–562 гг. до н. э.), осаждал Вавилон дважды, в 597 и 587 гг. до н. э. Указание третьего года правления царя Иудеи Иакима (606 г. до н. э.) как даты падения Иерусалима — ошибка. Во второй книге Царей правильно указывается, что Навуходоносор одержал победу над Иехонией, сыном Иакима.

Из изложения становится ясно, что юношей кормили до того, как вино и питье предлагалось царю. Таким образом, на них проверяли, нет ли отравы.

255

Имеется в виду мясо животных, запрещенных Законом или разрешенных, но содержащих кровь.

256

Кир II Великий — царь Персии (558–530 гг. до н. э.). В 550 г. до н. э. он захватил Мидию и прибавил к своей титулатуре титул индийских царей, впоследствии завоевал Парфию, Лидию, греческие полисы Малой Азии, области Средней Азии. Вавилония была им захвачена в 539 г. до н. э.

257

К Навуходоносору отнесены биографические факты его сына Набонида. По неизвестным причинам Навуходоносор в 650 г. до н. э. покинул Вавилон и на протяжении десяти лет скитался в Аравийской пустыне. В это время власть находилась практически в руках его сына Набонида (а не Валтасара!). Эта ошибка стала источником легенды о безумии Навуходоносора.

258

Вавилонское жречество в 539 г. до н. э. призвало на царство персидского царя Кира, а законного правителя Набонида отправило в изгнание.

259

Дарий I пришел к власти в 522 г. до н. э., но был он не мидянином, а персом.

260

Имеются в виду административно-податные округа — сатрапии, созданные Дарием. Греческий историк Геродот называет 20 сатрапий. В Бехистунской надписи царя Дария фигурируют 23 сатрапии. Число народов и племен, подчиненных персидскому царю, согласно Геродоту, — семьдесят пять.

261

Молитва трижды в день, когда лицо молящегося обращено к Иерусалиму, характерна для поздней Иудеи.

262

Речь идет об основателе Персидской державы Кире, отпустившем иудеев из Вавилона на родину и приказавшем восстановить Иерусалим как привилегированный храмовый центр. Возвращение иудеев из вавилонского плена и восстановление храма в Иерусалиме датируют 539–515 гг. до н. э. Из плена вернулись далеко не все депортированные иудеи. Оставшиеся составили значительную часть иудейской диаспоры. Ошибка в отношении Кира, занимавшего столь значимое место в иудейской истории, подтверждает позднее написание книги Даниила.

Судя по описанию первой страны, созданной Ахурамаздой, это арктическая область. Также и в древних индийских мифологических текстах «Ведах» родиной ариев назван Крайний Север. Трудно сказать, стоят ли за этим мифом какие-то воспоминания о месте первоначального поселения, или это миф, подобный греческому мифу о стране гипербореев.

264

Гава («Страна коров»; от корня «гава» в нашем языке слово «говядина») — вторая страна Ахурамазды, идентифицируется по ее обитателям — согдам, это область между древними Оксом и Яксартом, известная персам как Сугуда, грекам — как Согдиана. Под вредоносными мухами имеются в виду слепни.

265

Моура (древнеперс. — Маргуш, древнегреч. — Маргиана) — территория одного из древнейших городов Средней Азии Мерва, на территории Туркмении. Ныне пустынная область, в древности Маргиана изумляла пришельцев своим плодородием. По сведениям Страбона, ее виноградные лозы у основания с трудом могли охватить два человека, а виноградные грозди имели в длину два локтя.

266

Бахди — область, известная древним грекам как Бактрия, в целом соответствует современному Афганистану. Помимо зерновых культур, поражаемых вредителями, Бактрия славилась виноградом и оливковыми деревьями. В Бахди родился Заратуштра.

267

Имя Ниса носят многие местности и города Ирана. Среди них прославленная греческими авторами Нисейская равнина, где выращивались лучшие кони. В Бехистунской надписи Дария I упомянута Нисейя в Мидии. Но авестийская Нисайя помещена между реками Моуру и Бахди (Мервом и Балхом), протекающими в Афганистане.

268

Харайва — восточная часть Ирана, известная на античном западе как Ария (Аркана) — шестнадцатая сатрапия персидских царей.

269

Точная локализация страны Вайкрта неясна. Возможно, это долина Кабула.

Урва — локализация не выяснена.

Вэркане — народ, живший на юге моря, получившего по их имени в греческом произношении название Гирканского (совр. Каспийское море).

Харахваити — Арахосия, восточная часть Арианы.

Хэтумант — долина реки Хильменда.

27 4

Рага — восточная Мидия, к югу от Каспийских ворот. Античные авторы указывают, что Рага была заселена племенами мардов, парфян, уксиев, коссеев и др. О каких трех племенах Раги идет речь — неясно.

Локализация Чахры и Варны неясна.

Семь Хинду — Пенджаб.

277

Начав перечисление созданных Ахурамаздой стран с севера, автор завершает описание мира северной же страной, расположенной в верховьях реки, в местности, поражаемой морозами. Все реки европейской равнины, текущие с севера на юг, имели названия, образованные от иранской основы «дан» — Данаприй (Днепр), Данастрий (Днестр), Данаис (Дон). Это свидетельство того, что названия этим рекам дали иранские племена (скифы, сарматы). Только одна река, притом самая великая река, — Волга имела в древности особое название. Геродот называл ее Оарос, римские авторы — Ра. В названии реки Рангха присутствует основа «ра», что позволяет отождествить Рангху с Волгой.

Хома (хаума) — напиток богов, служащий для поднятия их божественного духа. Это явно какое-то растение с наркотическим действием. Но какое? Мнения ученых в этом вопросе разделились между грибом-мухомором, ревенем, эфедрой, коноплей, беленой, Местом произрастания хомы считалось подножие мировой горы, где она будто бы росла на берегу озера или посредине его на островке. Хома выжималась или растиралась в ступе, смешиваемая с молоком. Вкусивший хому обретал силу, страсть, способность к обороне и мудрость. Иранская хома соответствует индийскому напитку бессмертия — соме.

Хара («Высокая») — священная гора авестийских гимнов, вокруг которой вращаются звезды, Луна и Солнце. Согласно преданию, Хара росла в течение 800 лет, поднимаясь каждые двести лет до звезд, Луны, Солнца и, наконец, до бесконечного света. Хара — место обитания богини плодородия, а также бога хомы, избравшего, по указанию Ахурамазды, одну из ее вершин.

Рашну — в иранской мифологии дух праведности, сын Ахурамазды, постоянный спутник Митры.

281

Сроша — дух религиозного послушания и порядка, посланец Ахурамазды. Его мыслили в образе петуха, священной птицы.

282

Это самое раннее описание создания мира, даваемое в «Ведах», является в то же время наиболее отвлеченным. Не упоминается ни один бог или иной мифологический персонаж. Автор этого гимна отказывается от каких-либо твердых суждений. Таким образом, общераспространенное мнение о том, что абстракции чужды первобытному мышлению, опровергается этим текстом.

283

Представление о мировом яйце, из которого возникла вселенная, присуще многим мифологиям. Вспомним египетский миф о происхождении мира из яйца, снесенного «великим Гоготуном». Отсюда роль яйца в обрядах погребения этрусков (на погребальных фресках покойный изображался с яйцом в руке), а также место яйца в праздниках плодородия у восточных славян.

284

Шелковичное дерево, под которым отдыхал Брахма, — это присутствующее во всех космогонических мифах мировое древо, занимавшее в мире центральное положение. В китайском мифе это также шелковица.

285

Это место из гимна «Ригведы» показывает, что данный вариант сотворения мира из тела космического гиганта — не что иное, как описание человеческого жертвоприношения первочеловека, из которого возникли все составные элементы мира. При принесении в жертву Пуруши расчленяется на части, из которых возникают элементы космической и одновременно общественной организации.

Брахманы — жрецы.

Кшатрии, или *раджаньи* — воины.

Вайшьи — земледельцы, скотоводы, торговцы.

289

Шудры — низшее сословие в индийском обществе, занимавшееся неквалифицированным трудом.

Пуп играл особое место и в других мифологиях, рассматриваясь как мировая ось или центральная мировая гора. Пуп Пуруши — это пуп земли. Но ни одна из мифологий не знает возникновения из этого центра неба.

291

Это указание на видимый глазу оборот Солнца от юга к северу и от севера к югу, в ходе которого создаются времена года.

Далее в тексте «Махабхараты», где содержится изложение мифа, называются сто восемь имен, выражающих проявление солнечного бога-творца — Сурья, Тваштар, Пушан, Савитар, Индра, Пламя чрева, Яма и т. д.

293

Апсары («движущиеся в водах») — низшие божества, соответствующие греческим нимфам, славянским русалкам. Согласно некоторым мифам апсары выкристаллизовываются вместе с другими сокровищами при пахтании Океана.

294

Гандхарвы — юные гении небесных пространств, воплощающие гармонию мира в ее неповторимом разнообразии. Они могли менять по собственному желанию облик и спускаться на землю, обольщая смертных дев, так же как апсары соблазняли смертных мужей.

Асуры — небоги, демоны смерти.

Меру — мировая мифологическая гора, на которой согласно верованиям древних индийцев находилось небо Индры и города небожителей.

297

В тексте «Махабхараты», по которому дается пересказ, стоит имя Нараяна, неизвестное ведийским гимнам. Это — мировой дух, осмысленный как одно из имен Вишну.

Небоги — точный перевод индийского «асуры».

Йоджана — мера длины, около 16 км.

300

Васуки — мифический царь змей, населяющий подземное царство.

301

Месяц — древнеинд. Мас. От этой же основы «мас» образован глагол «мерять», ибо месяц служил мерой времени.

302

Шри («прекрасная») — эпитет богини красоты и счастья Лакшми.

Имеется в виду конь Индры, вышедший из глубины Океана.

304

Дар перевоплощения — Майя. Ею обладали и боги, и их противники небоги.

305

Яма и *Ями* — перволюди, подобно уже знакомым нам по «Авесте» Йиме и Йимаке. В ведийских текстах Яма — «первый, кто умер» и открывший путь смерти для других. В развитие этого первоначального мифа о первой паре, подобной Осирису и Исиде, Яма, как и Осирис, становится владыкой нижнего мира, находящегося за рекой Вайтарани, где-то на юге. Деление космоса на север и юг как место обитания богов, ведающих жизнью, и резиденцию бога смерти сохранялось и в других мифологиях. Так, на модели этрусской гадательной печени из Пьяченцы участки богов находились на севере, на юге — владения богов смерти. Следуя ориентации север — юг (жизнь и смерть), в Индии умерших клали головой на юг. Оппозиция север — юг (жизнь и смерть) нашла естественное продолжение в оппозиции день — ночь. Таким образом, миф о перволюдях — мужчине и женщине — стал частью космогонического мифа, так же как это имеет место в первой главе книги Бытие, где первый человек также сразу создается мужчиной и женщиной.

Критаюга — «Благой век».

307

Твашта́р — бог-творец, впервые наделенный в «Ригведе» эпитетами «прекраснорукий», «искуснорукий», мысливший ремесленником с топором и ножом в руках. В других «Ведах» облик ремесленника отходит на задний план: он представляется старцем с чашей сомы в руках, «господином форм», «творцом форм». Помимо названного в изложении, ему приписывали сотворение Агни, создание Брихаспати — «господина молитвы», основы всех существ, а также золотых рук солнечного бога Савитара.

Ваджра — громовое оружие, символ власти Индры над небесными стихиями.

Сома — то же, что авестийская хома (см. выше).

Вишварапа — «Принимающий все образы».

311

Вритра («Затор», «Преграда») — демон перворожденной стихии, противник Индры. Рассказ о схватке Индры с Вритрой содержится в «Ригведе».

312

Девяносто девять колец Вритры мыслятся в индийских мифологических текстах то как девяносто девять детей, то как девяносто девять крепостей, разрушенных Индрой.

313

Аруна — в ведийских и индуистских мифах бог рассвета, параллельный богине зари Ушас.

Жар, исходивший от Гаруды, и то, что боги приняли его за Агни, характеризует связь птицы с солнечными божествами (вспомним нашу жар-птицу).

315

Брихаспати — в ведийской и индуистской мифологиях воплощение молитв и жертвоприношений, представляемое в виде существа, заполняющего космическое пространство.

Тара («Звезда») — как часть космического пространства, Тара мыслилась супругой Брихаспати.

317

Шукра («Светлый») известен в индийских мифах также под именами Ушанас и Кавья. Согласно другой версии мифа Шукра, чтобы сделать асуров непобедимыми, висел тысячелетие над жертвенным костром, вдыхая его дым.

318

Рудра — в ведийской мифологии бог грозы и оплодотворяющего дождя, ярости и смерти.

Будха — воплощение планеты Меркурий.

320

Здесь миф повествует о том, как к паре богов Брахме и Вишну присоединился третий — Шива («Благой», «Приносящий счастье») и они составили божественную триаду, в которой Брахма — творец мира, Вишну — его хранитель. Шива — разрушитель. На самом деле Шива — поздний бог в индийском пантеоне, но истоки его культа уходят в глубочайшую древность, когда он почитался под именем Рудры. Шива считался то милостивым, то карающим.

321

Огненный столп — воплощение мировой сексуальной энергии, без которой нет жизни.

322

Дэви («Богиня») — первоначально богиня-мать. Она известна под именами Парвати, Ума («Светлая»), Гаури («Белая»), Джаганмата («Мать мира»), Аннапурна («Богатая пропитанием»), но так же как Дурга («Грозная»), Кали («Черная»), Бхайрави («Ужасная»). Раздвоение Дэви на добрых и грозных богинь соответствует двоякому образу Шивы.

323

Один из индийских мифов мотивирует удаление Шивы от мира не охватившей бога скорбью, а наказанием за совершенное преступление — отсечение одной из голов Брахмы.

Нандин («Счастливый») — ездовое животное Шивы, его привратник и слуга.

325

Хастинапура — столица государства Куру в 56 км к северо-востоку от современного Дели. Название города мифы связывают с именем его легендарного основателя Хастина, но слово «хастин» на древнеиндийском означает также «слон».

326

У древних индийцев была очень разветвленная система родства. Так, они выделяли дядю по отцу «питрвиа», дядю по матери «матурбратра». Последний считался более близким родственником.

327

Арджуна («Серебро», «Светлый») — третий среди братьев Пандавов, воплощенное благородство и мужество. Возможно, соперничество Арджуны («Серебра») с Карной, сыном бога Солнца («Золотым»), отражает мотив борьбы Серебра с Солнцем (Золотом). В мифе хурритов также сообщается о схватке Серебра с Солнцем.

328

Ракшас («Тот, кто охраняет») — демон, соперник богов и враг людей.

329

Карна — сын бога Солнца Сурьи и Кунти, матери Пандавов, подкидыш, догадывающийся о своем божественном происхождении по золотым серьгам и растущему вместе с ним непробиваемому панцирю. Благородству его происхождения соответствуют и внешний облик юноши, и его поведение. Но осмеиваемый при желании доказать свою силу и ловкость, Карна втягивается в конфликт на стороне Кауравов в их борьбе со своими братьями — Пандавами. Мотивы подкинутого ребенка, неуязвимость, ранняя смерть роднят Карну с такими мифическими персонажами, как Ахилл, Ромул и др.

Анги — Бенгалия.

Впрочем, возничий не был человеком низкого социального положения. Древнеиндийские мифы допускают занятие места возничего богами. Но Карна, выросший в доме Адхиратхи, знал, что он смертный.

332

Видура был братом Панды, земного отца Пандавов, и Дхтритарашатры, слепого царя, и, таким образом, приходился Пандавам и Кауравам дядей по отцовской линии. Но, будучи противником распрей, он тайно поддерживал Пандавов.

333

Сваямвара — один из архаических видов брака, при котором невеста сама выбирает себе супруга из числа приглашенных отцом соискателей. Ко времени записи «Махабхараты» эта форма брака не существовала, и поэтому она не упоминается в законодательных памятниках.

Кришна («Темная», «Смуглая»). Это же имя носил бог, выступающий в «Махабхарате» в качестве возницы Арджуны.

335

В Индии тетива лука делалась из ремня, вырезанного из коровьей шкуры.

336

Описывается особый ритуал смирения лука. Обход совершается в направлении видимого глазу движения Солнца.

337

Бхишма («Грозный») — двоюродный дед Пандавов и Кауравов. Он принадлежит к старшему поколению героев, ибо, согласно мифам, воспитал слепого царя и его брата, к тому времени уже покойного отца Пандавов.

338

Описывается не обыкновенная, а мифологизированная царская колесница. В обычную боевую колесницу запрягались два, максимум четыре коня. В ней находились колесничий, правивший конями, и воин. Боевые колесницы давали ариям преимущество над местным населением в военном отношении.

339

Слоны, крайне редко упоминаемые в «Ригведе», в период создания «Махабхараты» (ареалом которой была долина Ганга) хорошо известны как боевые и рабочие животные. Из описания слонов как богатства Пандавов явствует, что это, прежде всего, боевые слоны. Под «возбужденными слонами» имеются в виду слоны-самцы, в период течки отличающиеся наибольшей свирепостью.

340

Шакал в индийской мифологии, равно как и во многих других, символизирует жадность и коварство.

341

Скот в шкале ценностей по традиции занимает более высокое место, чем земля. Молочные коровы выделяются и в «Махабхарате» как особый вид скота, поскольку продолжали считаться источником благополучия и богатства, а также служили меновой стоимостью.

Исключение земель брахманов и их самих из ставки в игре показывает, что юрисдикция царя не распространялась на храмовые земли.

343

В Индии росли два вида лотоса, белый и голубой. Последний цвел осенью. Таким образом, у Драупади были голубые глаза.

Алтарь имел в центре узкую часть, и поэтому с ним можно было сравнить женскую талию.

345

Кирата — личное имя, произведенное от названия диких, воинственных племен киратов, как полагают, монголоидов, обитавших в предгорьях Гималаев.

346

Согласно мифу, третий глаз Шивы возник в то время, когда жена его Парвати прикрыла ему глаза ладонью.

347

В другом месте «Махабхараты» земля пожаловалась богам, что ее обременяет непомерный груз живых существ, и Вишну обещал ей, что эта ноша значительно облегчится после битвы, которая произойдет между Пандавами и Кауравами.

Виждра — волшебный диск Индры, имевший свойство, поразив цель, возвращаться обратно.

Шакьямуни — мудрец из племени Шакья.

Бодхи («Пробуждение»). Это и конкретное дерево определенного вида, под которым доступно познание истины, но также и сам процесс пробуждения, характеризуемый семью качествами буддийского мудреца: раздумчивость, постижение дхармы, мужественность, восторженность, спокойствие, сосредоточенность, невозмутимость.

351

Мара («Убивающий», «Уничтожающий») — в буддийской мифологии воплощение зла, искуситель, владыка злых духов, представляющих отрицательные человеческие чувства и качества: желание, ненависть, сомнение, жадность, коварство и пр. Наряду с Брахмой, Мара — великий властелин мира. В древней эпической песне «О решимости» Гаутама видит Мару и как искусителя с лютней в руке, и как военачальника на боевом слоне во главе целого воинства злых духов.

Шраманы — странники, отшельники.

Эти ученики, видимо, реальные исторические лица, апостолы буддизма. Субхути сам станет буддой под именем Шашикету.

354

Сутра — тип прозаического рассказа с включенными в него стихотворными отрывками.

Чжан — китайская мера длины, около 3 м.

Ли — китайская мера длины, около 576 м.

Сохранились сообщения о том, что душа Пань-гу захоронена в Наньхае, а в Гуйлуне имелся храм Пань-гу, где ему приносились жертвы.

358

Племя Шан обитало на берегах великой реки Хуанхэ, где был теплый и влажный климат.

359

Под птицей фениксом имеется в виду китайская птица Фэнхуан, впервые упомянутая в гадательных надписях Инь в XV в. до н. э. Первоначально она считалась божеством ветра. В позднем описании (I в.) у Фэнхуан клюв петуха, зоб ласточки, шея змеи, хвост рыбы, спина черепахи. На бронзовых сосудах с рельефами XIII–XI вв. до н. э. Фэнхуан изображалась с пышным хвостом, огромными глазами и гребнем в виде трезубца. Фэнхуан принадлежала к типу царских животных, подобных керубу семитской мифологии. Она считалась символом императора, но чаще императрицы. Фэнхуан являлась в снах, предвещая рождение Сына Неба.

360

Сян («Слон») — герой, почитавшийся шанцами в облике слона. Шанцы приручили слонов и использовали их как в работах, так и в сражениях. Впервые иероглиф «слон» встречается в шан-иньских гадательных костях.

361

Яо — легендарный мудрец и правитель, правление которого виделось золотым веком древности. Считалось, что отцом Яо был дракон, налетевший на его мать в виде вихря. У Яо были восьмицветные брови и три зрачка в каждом глазу (символ прозорливости). Образ жизни во дворце Яо был простым. Сам царь летом носил пеньковую одежду, зимой — оленью шкуру, ел из глиняной посуды.

362

Сихэ («Ночь») — жена Ди-цзюня, мать и возница Солнц, обитавшая, согласно мифам, за Юго-восточным морем. В одном источнике сообщается: «Среди сладких источников есть страна Сихэ, где живет женщина Сихэ. Там Солнца омываются в сладком источнике».

363

Ди-цзюнь — в мифологии древних китайцев верховный владыка. Он обитал на небе, время от времени спускаясь на землю к своим друзьям пятицветным птицам, которым было поручено наблюдение за его алтарем. Говорили о тех женах Ди-цзюня. Первая из них, Сихэ, родила ему десять сыновей-Солнц, вторая, Чанси, имела десять дочерей-Лун, третья, Эхуан, была прародительницей трехтелых существ. Многочисленным потомкам Ди-цзюня приписывалось изобретение массы полезных для человечества вещей и основание разных стран.

Дафэн — дословно «Большой ветер».

365

В описании северной земли, несмотря на фантастические черты «страны блаженных», чувствуется знакомство китайцев с природой тундры.

notes

Примечания

1

Здесь и далее эпиграфы без подписи написаны автором.